БЕН-ЦИОН ДИНУР

Мир, которого не стало

Воспоминания и впечатления (1884—1914)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания выдающегося израильского историка и общественного деятеля Б.-Ц.Динура, впервые опубликованные на иврите в 1958 г., охватывают период с начала 1880-х гг. до первой половины 1910-х гг. Основываясь на личных записях этого времени, автор воссоздает подробную картину еврейской религиозно-общинной, культурной и общественно-политической жизни в Российской империи и Германии. Уникальный исторический материал, представленный в воспоминаниях Динура, позволяет русскому читателю по-новому взглянуть на жизнь различных слоев российского общества на рубеже веков.

- Бен-Цион Динур
  - Мир, которого не стало
  - Книга первая
    - Глава 1. Первые воспоминания
    - Глава 2. Дом и семья
    - Глава 3. Меламеды и учителя
    - Глава 4. В доме дяди Кальмана
    - Глава 5. Друзья и развлечения
    - Глава 6. Первые скитания
    - Глава 7. Скитания и учеба
    - Глава 8. Два года в тельшайской йешиве
    - Глава 9. Йешива «Кнессет Ицхак» и общество «Черное бюро»
    - Глава 10. На распутье
    - Глава 11. Вильно: Зеев Явец и библиотека Страшуна
    - Глава 12. Вильно: «Дом Израилев»
    - Глава 13. Вильно: завершение изучения Талмуда и диплом раввина
    - Глава 14. Пять месяцев в мире хасидов
  - Книга вторая
    - Глава 15. Рубеж
    - Глава 16. Десять месяцев учебы: история и сионистское движение
    - Глава 17. Сионистская деятельность в Одессе
    - Глава 18. Летом в преддверии революции
    - Глава 19. Три месяца революции и погромов
    - Глава 20. Первые месяцы моей деятельности в партии сионистов-социалистов
    - Глава 21. В окружном комитете партии

сионистов-социалистов в Киеве
- Глава 22. Мой уход из Сионистской социалистической рабочей партии и Агада Элиэзера Шейна
- Глава 23. Экзамены и вокруг экзаменов
- Глава 24. Первые шаги на пути к себе
- Глава 25. «Время для Торы» – период сомнений и раздумий. Отъезд в Берлин
- Глава 26. В Берлине. Под покровительством Ойгена Тойблера
- Глава 27. В Бернском университете
- Глава 28. В студенческом кругу: друзья и товарищи

- notes
  - Примечания
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - Комментарии
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21

- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109

- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153

- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197

- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241

- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285

- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329

- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373

- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417

- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461

- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505

- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549

- 550
- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587
- 588
- 589
- 590
- 591
- 592
- 593

- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602
- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620
- 621
- 622
- 623
- 624
- 625
- 626
- 627
- 628
- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637

- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646
- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661
- 662
- 663
- 664
- 665
- 666
- 667
- 668
- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681

- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690
- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698
- 699
- 700
- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714
- 715
- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725

- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761
- 762
- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769

- 770
- 771
- 772
- 773
- 774

Бен-Цион Динур
Мир, которого не стало. Воспоминания и впечатления (1884–1914)

Мир, которого не стало

* * *

Последние годы я ощущаю душевную потребность запечатлеть на бумаге воспоминания и образы своей жизни. В сущности, это даже не потребность, а своего рода внутренняя необходимость. Неотчетливое душевное волнение не дает мне покоя; перед моим внутренним взором непрерывно проходят фигуры прошлого: образы и явления, места и ситуации, дома и семьи, люди, города, местечки и целые миры. Объединяет их то, что они уже почти все погрузились в пучину забвения. И они встают передо мной, требуя, чтобы я их запечатлел: «Мы хранились в твоих воспоминаниях, но уже почти забылись; нас уже нет, мы скрыты от будущих поколений – неужели ты отречешься и не воскресишь нас из глубин своей памяти? Неужели ты сотрешь наши имена с лица земли и не оставишь памяти о нас?» У меня нет возможности избавиться от этой душевной борьбы, она похищает мой покой то монотонной назойливостью, то острыми приступами…

В одну из бессонных ночей, когда эти миры снова потребовали своего воскрешения, я дал зарок, что каждую свободную минуту буду вспоминать и сохранять всплывающие образы, записывая их в книгу, – чтобы освободить их и самому избавиться от душевного стеснения. Это избавление требует также упоминания множества имен, которые в интересах цельности повествования стоило бы пропустить. Но я и в этом несвободен: кто знает, может быть, воспоминание о каком-то имени в душе моей – это то последнее, что от него осталось в этом мире… и воспоминания очень различны. Среди них – ранние, до того, как мне исполнилось пять с половиной лет, до лета 1889 года; это – граница моих первых воспоминаний. Рамки места и времени не были с ними органично связаны. Эти «рамки» возникли раньше, а отдельные события и явления встраивались в них уже потом, не образуя друг с другом сколько-нибудь непрерывной связи. Однако начиная с лета 5649 (1889) года, с того дня, как я начал посещать хедер[{1}], временная граница стала ясной и отчетливой. И, по-видимому, я могу рассказать связную историю своей жизни на протяжении всех этих лет, без лакун… И если здесь я записал лишь несколько отдельных историй – то не потому, что я запомнил только их, а потому, что не хочу – да мне и неинтересно – рассказывать все, что я помню. Сначала я хотел

описать ход моей жизни до отъезда из России (сиван 5681 (1921) года). Однако начав вспоминать годы Первой мировой войны и революции (1914–1921), я понял, что описание этих лет обязывает меня расширить повествование и упомянуть также о делах, непосредственно меня не касавшихся. Поэтому я решил, что будет правильно описать эти годы в отдельной книге («В дни войны и революции»), которая появится после этой.

И еще один момент. Кроме воспоминаний я использовал также письменные источники. С детства я привык вести дневник и хранить письма, полученные мною, а также копии отправленных писем. И многие из этих записей у меня сохранились. Время от времени, когда я буду использовать их, я буду помещать текст в кавычки, отмечая таким образом наличие письменного «источника».

В какой-то момент у меня даже была идея использовать эти письменные источники для того, чтобы составить хронику шестидесяти лет моей жизни: реконструировать подробную историю жизни человека, которому выпала судьба жить в эпоху перемен и который запечатлевал ход событий изо дня в день. Эта идея меня очаровала, но ее реализация потребовала бы чрезмерных усилий и времени, больших, нежели я мог себе позволить. И поэтому я использую простую форму мемуарного изложения: многое я раньше рассказывал устно и только потом записывал. С данной точки зрения этот текст в какой-то степени представляет собой устное повествование, записанное на бумаге.

Считаю своим приятным долгом в предварение книги поблагодарить госпожу Далью Дан, которая записала часть текста, надиктованную мной, и с большой точностью и старательностью переписала всю книгу.

Бен-Цион Динур

Иерусалим, Кирьят-Моше, февраль 1958 г.

Книга первая
В КРУГУ СЕМЬИ, В ШАТРАХ ТОРЫ

Глава 1. Первые воспоминания

Наш дом – с голубыми ставнями. Я стою у ворот, больших деревянных ворот. Они закрыты на длинный деревянный засов. В воротах – маленькая калитка, она сломана, болтается на петле и скрипит. Я поднимаю голову и вижу ставни – голубые ставни нашего дома. Не знаю, почему у меня вдруг становится так радостно на душе. Как будто бы я никогда раньше не замечал, что наши ставни голубого цвета. Стены дома – ярко-оранжевые. Наверное, наш дом только что покрасили заново? Вот крыша – она тоже темно-голубая. Я удивлен и долго разглядываю цвета, в которые покрашен дом. Это мое первое воспоминание.

Я шагаю по деревянной мостовой. Она ведет от дома к воротам. Я не знаю, почему я не тороплюсь, а шагаю еле-еле, это для меня неестественно, меня что-то обременяет, мне это тяжело, и поэтому я шагаю медленно-медленно, и это все тянется и тянется.

Я вспоминаю как будто сквозь туман – и вот я уже не на улице, а в синагоге. Дедушка Авраам стоит возле *арон кодеша*[{2}], нового, великолепного, как будто сделанного из сверкающего золота. Дед сутулый, с круглым лицом и белой бородой. Я стою возле него на скамейке и смотрю внутрь *арон кодеша,* заглядывая в дверцу. Между дверцей и стенкой я вижу маленькую полочку, на которой стоит маленькая бутылка, синяя-пресиняя. Это второе воспоминание.

Вот – наш большой двор. Он полон народу от края до края. Слева от ворот стоит деревянный дом, служащий гостиницей. Его крыша покрывает не только само здание, но тянется до склада, образуя коридор. Крыша опирается на три толстых деревянных столба, покрытых множеством трещин.

Я не слежу за толпой. Я стараюсь заглянуть в трещины столбов, а там – темнота и пыль. Никто не обращает на меня внимания, никто за мной не надзирает, и я бегаю от столба к столбу. А толпа все растет. Это день похорон деда, воскресенье, 19 хешвана 5648 (1887) года. Это мое третье воспоминание.

Передо мной встает образ этого дома. Дома моего прадеда, деда отца, ребе Авраама Мадиевского. В его доме жил дядя Кальман и его семья. За домом – ступеньки, по ним надо подняться и по деревянному коридору пройти в дом. После чего идти направо, по второму коридору, представляющему собой часть дома. Из коридора снова свернуть направо – в основную часть дома. В ней четыре комнаты. Первая комната – большая – это столовая дяди Кальмана, тети Тамары и их дочки Шейны-

Рохл. Дядя Кальман – старший сын прадеда, дядя отца. После смерти деда он выполнял функции казенного раввина{3} нашего города. Но на самом деле был лишь заместителем казенного раввина. Казенным раввином был его младший брат, р. Муся (р. Элиэзер-Моше) Мадиевский, который был одновременно духовным{4} и казенным раввином, как и дед.

Слева – спальня дяди и тети. Дальше – еще одна комната, дедушкина. После его смерти там никто не жил, и она служила комнатой для гостей. Стены в этой комнате были покрыты яркими обоями. Вдоль стен – книжные шкафы, а между ними – большие часы с тяжелыми гирями в специальном шкафчике – «часовом шкафчике», который был закрыт и открывался только если надо было «подтянуть» гири. Я помню, что этот шкафчик закрыли из-за меня: я любил залезать в него и играть с гирями и как-то раз чуть не сбросил его со стены. На стене висели две картины – портрет Моше Монтефиоре{5} и портрет деда с медалью на груди. Занавески в комнате были кружевные, нежно-апельсинового цвета.

Дальше находилась спальня бабушки и дедушки. Вход туда был строго запрещен. В библиотеку тоже было запрещено входить, но не так строго.

Во второй части дома – три комнаты: большая кухня с деревянным полом и две маленькие комнаты без пола. Каждую неделю перед субботой их мажут цветной глиной. В этих маленьких комнатах мы и живем. Возле входа в кухню всегда стоят ряды кувшинов, полных простокваши и сметаны. Я прославился тем, что каждый раз, входя в кухню, задевал один из кувшинов и разбивал его. Может быть, потому, что меня всегда предупреждали этого не делать, и я старался быть осторожным?

Результатом этой предосторожности всегда был разбитый кувшин… И его надо было скрыть от бабушки Бейлы. В старости она ослепла, была педантична и гневлива. Но от нее всегда можно было спрятаться. Напротив наших окон стоял высокий дощатый забор. Каждая доска сверху имела вид треугольника. Между нашим домом и забором росло два дерева. Как только в «малом доме» слышался бабушкин голос, я выпрыгивал из окна и распластывался под деревом. Это место было самым любимым у меня и у всех детей – многочисленных правнуков прадедушки.

После смерти деда отношения между жителями «большого дома» и нами не были абсолютно гладкими. Дядя Кальман, чье лицо было гневным и серьезным, а взгляд наводил страх, был в сущности добрым человеком. Тетя Тамара, из семьи кременчугских Хазановых, тоже была доброй и тонкой натурой и страдала от придирчивости дяди. В один прекрасный день она

исчезла. Как сквозь туман я вспоминаю: она будто бы выпрыгнула из окна и вернулась через два-три года. Рассказывали, что она заболела душевной болезнью, лежала в больнице и вернулась, когда выздоровела.

Дочь дяди и тети, напротив, была очень злая, и проявлялось это в том, что она щипалась. Перед входом в дом, в деревянном коридоре, стояла бочка с водой, и одним из самых больших моих удовольствий было залезть на стул, нагнуться над краем бочки, наклонить голову, уставиться в воду, смотреть на свое отражение и строить разные гримасы. Но это удовольствие дорого мне стоило: Шейна-Рохл следила за мной, и когда видела, что я погрузился в эту игру, внезапно щипала меня, стараясь изо всех сил, чтобы щипок оставил след.

Как уже было сказано, отношения между двумя частями дома не были гармоничными. Это было связано с историей семьи моего отца.

Его отец, р. Цви-Яаков Динабург, уроженец Нежина, умер 28 лет от роду, в 5622 (1862) году. Семья была знаменита своими учеными и раввинами. Его дед, р. Хаим-Йехуда Лейб, был раввином в городе Ромны Полтавской губернии, а после его смерти этот пост унаследовал его сын Шнеур-Залман. Долгие годы он был раввином, а умер в городе Гадяче Полтавской губернии. Его могила была рядом с могилой р. Шнеура-Залмана из Ляд{6}.

В доме моего дяди, брата отца, р. Лейба, я видел «родословное дерево» нашей семьи, доходящее до XVII века, и в нем были обозначены 12 поколений. Дед был человеком небывалых достоинств, но, по-видимому, обладал нелегким характером. О нем рассказывали, что он был вспыльчив. У него была большая и очень хорошая библиотека. После него осталось много рукописей, среди которых я нашел сочинение по математике и рукопись под названием «То, что я нашел в книгах о том человеке и обо всем, что к нему относится», в которой он собрал все, что писали в раввинистической литературе о жизни Иисуса. Его работы полны примечаний – он вносил постоянно изменения в редакции своих сочинений. Он советовался с ребе Менахемом-Мендлом из Любавичей{7} (которого еще называли «Цемах Цедек»{8}) и с его сыном, ребе Борухом-Шоломом{9} из Лужан. С последним он активно переписывался и был, по-видимому, очень дружен.

В годы Первой мировой войны мой дядя передал все письма (среди них и письма Элиэзера-Цви Цвейфеля{10}) в архив Еврейского историко-этнографического общества{11} в Петербурге. Как уже было сказано, мой дед умер в 5622 (1862)

году. Он был раввином в городе Хороле{12}. После него осталось четверо сирот: трое сыновей (мой отец, благословенна его память, был средним) и старшая дочь. Кроме того, он оставил, по-видимому, неплохое состояние: большой дом и большую библиотеку. Детей разделили между родственниками, там они и воспитывались. Отец мой воспитывался в доме своего деда с материнской стороны, ребе Авраама Мадиевского. Дедушкины книги поделила между собой младшая родня Авраама Мадиевского – р. Шнеур-Залман Гельфанд, раввин из города Зенькова Полтавской губернии, и р. Пинхас Островский из Ромен, хасид, ученый и просветитель, который не хотел становиться раввином. Каждый раз, когда я навещал родственников и видел там книги, в которых узнавал почерк моего прадеда, меня посещало странное чувство, что эти книги на самом деле принадлежат мне… Не раз я пытался заявлять об этом и просить, чтобы мне вернули хотя бы несколько книг. Книг были тысячи, а у нас в доме и у брата моего отца было только несколько сотен дедовских книг.

Прадед, ребе Авраам, оставил, согласно преданиям, завещание, по которому дом и двор, в котором он жил, должны были по частям перейти под наше управление в качестве компенсации за имущество отца моего отца, которое перешло к нему. Но это завещание не было опубликовано. Мама утверждала, что дядя Кальман и другие утаили его под предлогом, что оно не было подписано, несмотря на то, что дед, ребе Авраам, открыто выразил свою волю перед мамой, папой и всей семьей. Он сказал: «Их часть дома да не будет урезана». Это не нашло своего выражения: папа запрещал нам говорить об этой истории. Но отношения на этом фоне долгое время оставались напряженными.

Мой родной город-*Хорал,* и жизнь прадеда была связана с этими местами: отец его зятя, р. Моше из Гадяча, были родстве с семьей р. Шнеура-Залмана из Ляд. Я слышал, что он также был компаньоном по коммерческим делам р. Бера (Шнеерсона){13}, Среднего *адмора*{14}. Отец его был из Жлобина, находившегося по соседству с Бобруйском, но в дни бегства от наполеоновской армии семья переехала в Полтавскую губернию. Перед тем как получить пост раввина в *Хорале,* ребе Авраам Мадиевский был раввином в Полтаве. Все были удивлены тем, что он оставил большой город (Полтава была губернским городом) ради поста раввина в небольшом областном городишке. Я уверен, что этот поступок был связан с общественной деятельностью моего прадеда.

Ребе Авраам был хасидом любавичского ребе Мендла («Цемах Цедека»), а потом его сына Махараша (ребе Шмуэля){15}, но при

этом был просветителем и выделялся своими лингвистическими познаниями. Он прекрасно знал русский и немецкий, в его доме постоянно выписывали газеты и журналы на иврите «ха-Магид»{16}, «ха-Мелиц»{17} и «ха-Цфира»{18}. В 40-е и в начале 50-х годов он служил «ученым евреем»{19} при генерал-губернаторе Кокошкине{20} в Харькове и имел большое влияние на власти. В те дни, утверждала молва, в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях 19 кислева{21} было почти официальным праздником; под влиянием ребе Авраама Мадиевского все еврейские магазины в этот день были закрыты. В 1861 г. он стал членом раввинского совета. Его личный секретарь, ребе Исраэль-Исер Ланде{22} из Полтавы, был хасидом. Этот секретарь оставил веру отцов, после чего передал множество бумаг деда властям. Говорили, что по его вине ребе Авраам вынужден был оставить Полтаву и «удалиться от власти». Рассказывали также, что этот Исраэль-Исер Ланде даже после отступничества строго соблюдал 19 кислева как праздник… Потом он вообще вернулся к вере отцов, свои книги завещал Национальной библиотеке, а его дочь выполнила волю отца. От имени «еврейской веры» Ланде выступал против политического сионизма и поддерживал тесные связи с организацией «ха-Лишка ха-Шхора» в Ковне, основанной Яаковом Липшицем. В нашем доме хранилось несколько интересных юношеских сочинений Исраэля-Исера Ланде.

Город *Хорал* был маленьким городом. Согласно переписи 1897 года, в нем было 8000 жителей, четверть из них – евреи. Но в дедушкины времена евреев было меньше. Я помню, как число евреев в нашем городе возросло из-за увеличения сельскохозяйственного экспорта, так как сюда переехали люди, которые координировали экспорт сельскохозяйственной продукции в регионе – зерна, яиц и кур. Было много евреев, которым давали прозвища по названию продукции, которую они импортировали: «куриный», «яичный» и т. п. Немало было евреев, державших питейные дома. Когда мой дед поселился в *Хорале,* в городе жило около 200–250 семей. Прадед ребе Авраам был, по-видимому, сам довольно состоятельным человеком, так как содержал дома *даяна*{23} для вынесения галахических решений{24}. Сыновья его были людьми зажиточными, а зятья – либо раввинами, либо предпринимателями, купцами и управляющими.

Мой дядя, ребе Пинхас Островский из *Рамен* (он и его жена были убиты во время погрома 1905 года), был управляющим знаменитого князя Мещерского{25}. Мой дядя, р. Йосеф-Хаим Мадиевский, был купцом и казенным раввином в городе Гадяче Полтавской губернии. Младший сын р. Элиэзер-Моше

Мадиевский унаследовал место своего отца, он был раввином в *Хорале,* а также казенным раввином, богатым купцом, набожным, властным и просвещенным человеком.

Хорал был типичным украинским уездным центром. В центре города были магазины, большинство из которых принадлежали евреям. Большинство еврейских домов также стояло вблизи центра города. В городе жили украинцы и русские. И мы, после того как вынуждены были покинуть дом деда, переехали из центра в один из домов на окраине.

Город *Хорал* стоит на двух реках. Одна называется *Хорал* и протекает в трех километрах от города. Вторая – Голубиха, относительно широкая, и через нее перекинут большой деревянный мост. Воду для питья жители города обычно черпали из источника (по-украински «крыница»). Я рассказываю об этом, так как две речки и источник часто были проблемой в составлении бракоразводных документов. Как известно, в разводном письме надо написать: «город, который находится на такой-то реке», и указать название водоема, который снабжает жителей города водой. Хасидские раввины избегали давать разводное письмо в *Хорале,* чтобы оно не было признано негодным, так как река *Хорал* была очень далеко от города. Однако один раз, когда через город провозили государственного преступника по этапу на каторгу в Сибирь, а за ним приехала его жена и попросила развода, раввин и судья (мой дядя Элиэзер-Моше и ребе Шмуэль Гурарье) решили, что в этом случае они должны дать разводное письмо, и я участвовал в раввинском суде, который должен был вынести постановление о разводном письме и его форме. То был единственный случай в моей жизни, когда я использовал свои полномочия раввина, имеющего право выносить галахические постановления. Это было летом 5662 (1902) года.

Община *Хорала* была, как уже говорилось, небольшой и относительно молодой. Я думаю, она образовалась в начале XIX века, не раньше. Но в хорольском округе и области были более старые общины. Каждое лето отец вместе с резником{26}, ребе Моше Каштаном, ездил по области собирать деньги из кружек Меира-чудотворца{27} колеля{28} Хабада{29}, а также деньги на содержание раввина{30}. Отец, который знал о том, что я с детства интересовался историей, в мельчайших подробностях рассказывал мне о кладбище в местечке Драбова, о древних надгробьях времен Хмельницкого и более ранних эпох. В этом местечке, рассказывал отец, община существует уже 250, а то и 300 лет. Каждый раз, что он туда попадал, он был удручен видом древних надгробий и сожалел, что они разрушены или

разрушаются.

Наша община не выделялась ни учеными, ни просветителями. Как я уже упоминал, город был центром сельскохозяйственного импорта. Большинство еврейского населения до 80-х годов было перемешано с христианским. Нередким явлением была перемена веры.

Я помню, недалеко от нашего города была деревня Вишняки и возле местной церкви были могилы двух известных евреев, которые в старости переменили веру; один из них был зять раввина ребе Озера из Миргорода, известного в свое время раввина и хасида, который умер на месяц раньше моего деда ребе Авраама. Говорили, что он крестился, когда был глубоким стариком, за 70 лет.

Кроме нашей разветвленной семьи, к которой принадлежали семьи Мадиевских, Островских, Баткиных, Динабургов и Голдиновых, в городе насчитывалось еще несколько важных семейств. Об этих людях рассказывали много забавных историй. Я помню историю о старой женщине, которая, прежде чем покинуть этот мир, захотела исповедаться в грехах. Для этого она пригласила домой раввина и всех глав общины и объявила, что хочет признаться в дурных поступках перед лицом общества и общины. И сделала так: при всех собравшихся обратилась к своей подруге, уважаемой женщине, матери одного из наиболее видных семейств, и сказала ей: «Ты помнишь, когда мы были молодыми, мы проходили через Вишняки, и там был тот священник, который умел соблазнять души в христианскую веру? Он был очень красив и пригласил нас переночевать в его доме. Ты помнишь? Я не согласилась, а вот ты – согласилась!» Нечто подобное она сказала и одному уважаемому горожанину: «Ребе Элиэзер, ты помнишь, как когда-то, много лет назад, у тебя жил коммивояжер, а потом он заболел и умер. А потом пришли его наследники и сказали, что у него большой капитал, помнишь? Ты клялся, что у него не было наличных денег и что ты их не трогал; и тебя оставили в покое! Помнишь? А потом ты построил себе особняк!» Так она ходила, перечисляла грехи городских жителей, рассказывала об их «прежней жизни» и раскрывала их «преступления»…

Городской раввин обладал большим авторитетом. Тем не менее имелась довольно большая прослойка людей, чьи взгляды были неудобными для неограниченной власти городского раввина, тем более, что он был казенным раввином и богатым торговцем. Однако сравнительно долгое время оппозиционеры не имели никакого влияния.

Все горожане принадлежали к хабадской ветви хасидизма. 19 кислева и 10 кислева{31} отмечались праздники, вполне

способные посоперничать с Пуримом{32} и Симхат Торой{33}. Противников хасидизма в городе почти не было. Как исключение, во времена моего детства был один меламед{34}, ребе Лейб Хадвин, которого называли «желтый меламед»; он был миснагедом{35} и осмеливался подтрунивать над хасидами и праздником 19 кислева. Как-то раз он был за это жестоко наказан – так, что история даже дошла до суда.

Дело было так: в начале 1890-х, по-моему, в 5652 (1891) году, 19 кислева, будучи в приподнятом настроении, меламед околачивался среди хасидов, отпускал шуточки в адрес ребе и потешался над праздником, который празднуют в честь освобождения Старого ребе. Воспитанники хасидской школы поймали его, сорвали с него одежду меламеда, спустили ему штаны и так отлупили его селедками, что он заболел. Меламед подал на них в суд и требовал компенсации. Суд обязал виновных выплатить ему 175 рублей – этой суммы ему хватило на то, чтобы выдать замуж трех дочерей, как раз достигших брачного возраста. С тех пор городские хасиды старались не пускать миснагдим на празднование 19 кислева. Про этот суд даже писали газеты (по-моему, газета «Восход»{36}). С тех пор ребе Лейба-меламеда – Лейба Хадвина – называли не «желтый меламед», а «битый меламед».

Не помню, чтобы во времена моего детства в нашей общине было изобилие религиозных и культурных общественных организаций. Была одна синагога, а потом построили новую синагогу; еще была «богадельня»: приют для бродяг и нищих – дом, состоящий из трех маленьких комнатушек. Он стоял во дворе возле старой синагоги, которая когда-то, как мне рассказывали, принадлежала моему деду, а потом родственники продали ее общине. В том же дворе была «бойня для птицы».

Глава 2. Дом и семья

Я был вторым по счету сыном в семье. Со старшим братом у нас была разница в возрасте полтора года, с младшим – два года и два месяца.

Отец, как я уже рассказывал, воспитывался в доме деда. Он рос сиротой, его мать вышла замуж за другого человека. По натуре отец был молчалив, раздражителен и скрытен. Человеком он был обидчивым, но безобидным. Он старался казаться простодушным, свою подлинную сущность скрывая даже от самых близких.

Вот некоторые характерные для него черты. Обычно вечером сразу после ужина он ложился отдохнуть и спал примерно с восьми до десяти или с семи до девяти. Потом, когда мы уже все спали, он вставал, зажигал маленькую керосинку и садился за книги часов на шесть, до трех часов ночи, а иногда до пяти, а потом ложился спать еще на два часа. Как правило, он спал час или два после полудня, два часа после ужина и два часа ранним утром.

Книги, которые он изучал, были всегда одни и те же. Прежде всего: «Мидраш Раба»{37} и «Ялкут Шимони»{38}. Затем хасидские книги: «Толдот Яаков Йосеф»{39} и книги Старого ребе – «Тания»{40} и «Ликутей Тора»{41}. Из книг Среднего ребе: «Биурей Зохар»{42} и «Кунтрес ха-хитпаалут»{43} с разъяснениями ребе Гилеля{44} из Парича{45}, которую он знал наизусть, вдоль и поперек. Каждый день он учил мишнайот без комментариев и лишь иногда изучал «Тиферет Исраэль»{46}. Он учил также и Талмуд{47}. У него был маленький Талмуд, в котором были только комментарии Раши{48}. Ночью ОН ПОСТОЯННО читал книгу «Зохар»{49}.

Он стремился ни о ком не говорить плохо. Более того, он упоминал о других людях лишь хорошее. Он испытывал неловкость, говоря в единственном числе про человека, с которым он на Вы. Поэтому он почти всегда использовал форму множественного числа, особенно если говорил про знатока Талмуда («они сказали»).

Помнится, как-то раз он пришел домой и сказал матери: мне сегодня было неловко оттого, что ты берешь молоко у неевреев. Мать удивилась и спросила:

– Откуда об этом узнали?

– Я рассказал.

– Почему ты решил рассказать об этом при всех? – поразилась мать.

– Просто в бейт-мидраше{50} стали срамить Давида-учителя за то, что он берет молоко у *гаев*. Я встал и сказал: «Что вы от него хотите? Мы тоже у них молоко берем!»

Мама не отличалась излишней приверженностью к хасидизму. К тому же она скептически относилась к образу жизни отца, который «ложится спать, когда все встают, и просыпается, когда все давно спят». И многие другие жизненные принципы отца она считала неправильными.

Отец был гораздо более сведущ в Торе, нежели мне казалось. Он почти никогда не проверял мои знания, но после того как я сдал экзамен на раввина, он счел своим долгом задать мне несколько вопросов: похвалы моих экзаменаторов показались ему преувеличенными. И должен сказать, что его экзамен дался мне гораздо тяжелее, чем все экзамены, которые я когда-либо сдавал до этого. Однако он велел мне, чтобы я никому не рассказывал про то испытание, которому он меня подверг.

Мать была родом из Кременчуга. Ее отец, ребе Зеев-Вольф Эскинбайн, был известен в Кременчуге как ребе Велвл из Парича. Он преподавал Гемару{51} старшим детям, сыновьям уважаемых и богатых людей, и был близким другом ребе Зеева Членова (отца д-ра Йехиэля Членова{52}), который тоже был хасидом Хабада. Они жили в одном дворе.

В том дворе в 70-е годы жила целая когорта русских революционеров. Не знаю, как так вышло, но мать в юные годы прониклась духом молодых революционеров и потом рассказывала нам множество историй об этой компании, о причинах их ареста и об их самоотверженности. Мать была очень умной женщиной, замечательно умела рассказывать, и ее рассказы поражали наше детское воображение. Мы считали ее самой умной женщиной в городе. В дни революции 1905 года говорили, что если бы Наоми была чуть помоложе, она бы сама пошла на баррикады, и если революция будет продолжаться, то не исключено, что она туда и в самом деле пойдет.

Мать обладала бунтарской натурой и не признавала свойственного отцу жертвенного отношения к несправедливости; она испытывала сложные чувства к родственникам отца, которые были богатыми и знатными, и считала, что их моральный облик не без изъяна.

Это напряжение, носившее характер более скрытый, нежели открытый, сильно влияло на нашу жизнь и на атмосферу в доме. Родственники считали своим долгом опекать детей, стремясь, чтобы каждый из нас стал незаурядной личностью. Особенно доставалось мне. Они говорили, что такова-де воля прадеда, ребе Авраама Мадиевского. Рассказывали, что примерно за неделю-две

до его смерти у одного из его внуков была свадьба. Ребе велел позвать на свадьбу всю семью. Пришли сыновья и дочери, женихи и невесты, внуки и внучки, правнучки и правнуки. Их было больше, чем сыновей Израиля, пришедших в Египет. За праздничным столом прадед посадил меня к себе на колени, и я сидел на его коленях в течение всей трапезы. Родные даже начали ревновать. Тогда прадед поднялся посреди большого свадебного шатра, где собрались все члены семьи и жители города, постучал по столу и сказал: «Я специально держу Бен-Циана на коленях; я убежден, что он станет гордостью нашей семьи, попомните мое слово; вы несете ответственность за него, и я возлагаю на вас обязанность всегда заботиться о нем».

Я рассказываю об этом, потому что это завещание создало мне в жизни много сложностей.

Сложность первая и самая серьезная: все родственники не просто считали себя вправе следить за мной, а даже как бы чувствовали себя обязанными. Каждый считал своим долгом давать мне советы, высказывать мнение о моем воспитании, читать мораль и попросту руководить мной. Этим занимались все мои родичи без исключения: и молодые, и старые… Я пытался протестовать. Но когда кто-нибудь из «воспитателей» обнаруживал во мне признаки неповиновения, он лишь удивлялся и говорил: «Что за писк и визг? Я лишь исполняю волю прадеда, ребе Авраама!»

Эта семейная опека больнее всего задевала мою мать. Она обижалась на каждый совет, на каждое вмешательство, даже в тех случаях, когда эти советы бывали довольно разумными, а вмешательство служило для моего же блага. Но чаще всего ее обида была обоснованной.

Наше материальное положение было не на высоте, если сравнивать с финансовым состоянием всего семейства. Вся семья становилась богаче, а наш дом беднел день ото дня. Мой дядя был единственным человеком в городе, у которого был дом в два этажа. Это был самый высокий и красивый дом во всем городе; при нем имелся большой двор и сад. Правда, верхний этаж здания не был отделан изнутри и служил мне местом для игры с дядиными детьми. Возле дома был большой двор, а во дворе сад. У дяди была самая большая в городе платяная лавка. Другие мои родственники тоже были состоятельными людьми: один был совладельцем маслобойни, другой работал в банке, третий – на большой мельнице, у четвертого было свое предприятие. Короче, были зажиточными людьми и жили небедно, что являло собой полную противоположность нашему образу жизни.

Отец долгое время работал агентом у своего старшего брата,

который жил в Москве и занимался поставками промышленных товаров из Москвы на Украину. Но отец имел обыкновение продавать лавочникам товары в кредит, а мало кто из них возвращал кредиты. У нас дома хранились немые свидетели торговых «успехов» отца: неоплаченные векселя на имя крупнейших городских торговцев. Отец, который из принципа не желал идти к судье-гою, хранил коллекцию из этих векселей; если ему улыбалась удача, то должник «закрывал» долг, выплачивая ему 20–30 процентов своего долга, чтобы отец мог частично погасить долг своему брату. У него еще была лавка, в которой торговала обычно мама. После выселения евреев из Москвы в 1891 году{53} мой дядя был вынужден покинуть Москву, и этот источник дохода прекратил свое существование. Лавка принадлежала христианину, и тот отдал ее в аренду другому еврею, который заплатил большую цену. В лавке был широкий ассортимент, и, чтобы сделать предприятие более надежным, отец разделил ее на две части, но доход, который приносили совокупно обе части, был меньше, чем доход от одной лавки. Так мы постепенно нищали. В конце концов отец занялся продажей книг и лотерейных билетов; доход от всех этих предприятий был очень невелик.

Нас было восемь детей, целая орава, и в доме обычно царили радость и веселье. Большим утешением для отца было то, что он почти не платил за наше обучение. Наше имя сослужило нам добрую службу, учителя предлагали нам учиться бесплатно или почти бесплатно, потому что где бы мы с братом ни учились, туда сразу приходили самые лучшие ученики из состоятельных городских слоев.

Два случая врезались в мою память напоминанием о тех трудных днях. Первое воспоминание: это был тот день, когда отец разделил большую лавку на две маленьких, мне тогда было семь лет. Я пришел из хедера и увидел, что матери очень грустно. Я решил пожалеть ее и сказал:

«Чем хуже нам сейчас, тем лучше будет на том свете». Мать ответила шепотом, как бы говоря сама с собой: «Это все выдумали богачи, чтобы бедняки не подняли бунт».

Второй случай был во время праздника Шавуот{54}. Я вспоминаю: мы в гостях у нашего дяди-раввина; я вижу, как мать выходит из комнаты со слезами на глазах. Как я потом узнал, нам тогда нужны были деньги взаймы, десять рублей, и мама дала тете Маше, дядиной жене, в залог свое жемчужное ожерелье. Перед праздником Шавуот та вернула матери ожерелье, хотя мать еще не успела заплатить долг. Но это жемчужное ожерелье было не мамино. «Мои жемчужины, – сказала мама, – были большие и

красивые», – а жена дяди вернула ей крохотную нитку жемчуга с мелкими жемчужинами. Когда же в Шавуот мы собрались в гостях у дяди, мама не удержалась и сказала ей: «Я не возьму это ожерелье, оно не мое». Дядина жена рассердилась и заявила: «Ты на меня наговариваешь и этим обижаешь меня!» В итоге мамино жемчужное ожерелье осталось у тети Маши, и к тому же отец потребовал, чтобы мать вернула ей еще и это крошечное ожерелье с мелким жемчугом: «Оно принадлежит кому-то другому, оно не твое…»

Наша пища была очень скудна, но мать отличалась изобретательностью: ей удавалось экономно вести хозяйство и готовить нам каждый раз новые деликатесы на завтрак из того, что было под рукой. Но больше всего нас восхищало ее умение сочетать постоянство и стабильность нашего меню с непрерывным его разнообразием, которое усиливало и без того недурной аппетит. Мать говорила, что здоровье детей зависит в большей мере не от собственно еды, а от того, насколько еда желанна. И потому она следила за нашим аппетитом. В будние дни, и у**ж** тем более в субботы и в праздники, она творила нам субботнюю трапезу, на свой манер. Особенно важны для нас были вечер субботы после праздничной трапезы и субботние часы перед *хавдалой*{55} – после предвечерней молитвы и перед появлением звезд. Субботними вечерами, после того как убирали стол после праздничной трапезы, мы все собирались возле матери, садились вокруг, и она рассказывала сказки. Отец тоже сидел рядом, глядел в книгу – чаще всего это были «Ялкут Шимони» или «Мидраш Раба» на недельную главу{56} – и тоже слушал. Мамины сказки и притчи глубоко запечатлелись в наших душах на всю жизнь. На исходе субботы, когда наступали сумерки и мы глядели вверх, пытаясь различить загоревшиеся на небе три звезды, мать обыкновенно сидела возле окна, молясь вполголоса, и каждое слово выходило из ее уст нежно и печально: «Бог мой, Бог Авраама, Ицхака и Яакова…» Мать просила отца читать застольную молитву вслух, слово в слово, чтобы учить детей этой молитве. Но отец противился и говорил, что для того, чтобы все было как положено, каждый должен читать благословение самостоятельно… И мать жаловалась, что отец, видимо, не следит за воспитанием детей, а заботится только о собственной праведности, но скрывает ее от окружающих, даже от собственных детей.

Глава 3. Меламеды и учителя

Первым моим меламедом был старый ребе Эли Богорад. Этот меламед был еще учителем отца, и у него были превосходные педагогические способности. Он никогда не делал замечания ученикам и завоевывал их любовь своим необычайным дружелюбием. Каждому из нас он обещал подарить что-то удивительное: «дойного козлика», «летние санки» и другие, не менее странные вещи. Нас было в хедере двенадцать детей. Он учил нас по такой системе: трое на трое, двое на двое и один на один. После того как он давал ребенку какое-нибудь задание, требующее размышлений, он посылал его во двор играть. Дом ребе стоял на пригорке, покрытом травой, а поодаль высилось раскидистое дерево. Нам разрешалось тихо играть, не поднимая шума, лежать на траве и сидеть под деревом. Ребе выходил к нам время от времени – посмотреть, все ли идет как следует. Часы учебы в хедере были самыми приятными часами. И эти часы, проведенные на пригорке, стали для меня первыми часами раздумий наедине с самим собой. Но одна вещь заставила меня задуматься всерьез.

Память услужливо воскрешает и воссоздает передо мной образы моих друзей детства, различные их хитрости и забавы. Среди прочих забав была и такая: закрыть правый глаз и глядеть левым, а потом – закрыть левый глаз и глядеть правым. Я же, когда закрывал правый глаз, все прекрасно видел левым глазом; когда же я закрывал левый глаз, то правым не видел ничего. Дети говорили мне: «Ты косой, ты ничего не видишь, а когда ты смотришь – у тебя глаза повернуты не в ту сторону!» Это обстоятельство заставило меня задать себе вопрос: «Значит, глаза не всегда одинаковы? И не все люди одинаковы?» В тот день я впервые задумался о человеке, о его облике и судьбе. Придя домой, я обрушился на родных с вопросами, возникшими в итоге этих непростых размышлений. Мама сказала: «Это хорошо, что ты косишь и не видишь правым глазом». *Я* спросил: «Что в этом хорошего?» Мама ответила: «Благодаря этому мы тебя нашли». И рассказала мне очень интересную историю, которая произвела на меня большое впечатление. «Когда тебе было полтора года, мы поехали в Кременчуг на свадьбу тети Рейзл (маминой младшей сестры), начался пожар и в возникшей суматохе тебя украли. Только через два дня тебя нашли – под Кременчугом, в деревне около поселка Крюкова, с другой стороны Днепра, у одной крестьянки». Я спросил: «А откуда вы узнали, что я – это я? Вдруг меня подменили?!» Мама с папой засмеялись и сказали: «Мы тебя

сразу узнали, как только увидели самую главную примету-твой правый глаз». Папа замолчал и улыбнулся и только в конце разговора обернулся ко мне и сказал: «Сынок, я благословляю тебя, чтобы ты всегда желал быть самим собой. Человек может измениться сам гораздо сильнее, чем под влиянием других людей».

У меламеда ребе Эли я учился читать и писать и начал учить Пятикнижие{57}. У него я учился целый год, лето 5649 (1889) года и зиму 5650 (1890) года.

А на следующий год мой дядя раввин провел широкую реформу образования в своем городе. Он объединил большинство хедеров, устроил общую кассу для всех меламедов и создал специальный комитет. Этот комитет разместился в одном из самых красивых домов города, с большим садом, и туда пригласили новых меламедов и учителей. Ввели новую систему обучения и стали заниматься по учебнику Шнайдера, который назывался «Школа»{58}. Это была самая важная часть реформы. Мы теперь называли учителей не «ребе Шимон», а «господин ребе Шимон», «господин ребе Моше», «господин ребе Нахум». Еще учили грамматику и русский язык. А еще там были линейки: учеников уже не пороли плеткой, а били линейкой по пальцам… В Лаг ба-Омер{59} устраивали праздничный вечер и организовывали длительные прогулки в город и к источнику. В этом хедере у меня впервые проснулся интерес к хроникам поколений, и я приобрел в городе некоторую известность, которая, помимо всего прочего, причинила мне немалые неприятности.

Объединенные хедеры просуществовали в новом здании только полтора года, еще один год они располагались в доме поменьше. Новая система образования вызвала интерес еврейских газет, выходивших на идише и на русском языке; кроме того, реформа упоминалась также в одной из статей третьей книги сборника «Ган прахим»{60} («Сад цветов»), там про нее писал один из учителей-меламедов тех самых объединенных хедеров, ребе Моше-Давид Аснер. Когда по прошествии многих лет я читал эту статью, мне показалось, что ребе Моше-Давид Аснер, бывший одной из центральных фигур реформы, все же не сумел в полной мере оценить ее осмысленность и смелость.

Ребе Маше-Давида Аснера я запомнил особенно хорошо. Я учил с ним Тору и ранних пророков{61}. Он никогда не повышал на нас голос, разговаривал спокойно, задавал вопросы по каждой главе, вопросы на понимание слов и на понимание смысла прочитанного. Он требовал, чтобы мы писали ответы на вопросы, и в наших ответах мы должны были вкратце излагать содержание

главы.

Из всей учебы мне больше всего нравилось изучение Танаха{62}, что только добавляло мне популярности в городе. Как я уже говорил, мои родственники видели свою задачу в том, чтобы меня опекать, и все они считали своим почетным долгом испытывать мои знания; мои ответы становились всем известны, отчасти потому, что у меня действительно была хорошая память и я быстро схватывал материал, а отчасти из-за того, что благодаря постоянным вопросам у меня быстро развивалось умение формулировать ответ, улучшалось внимание, и я начинал более усердно заниматься. Я помню, что когда я только начинал изучать Пятикнижие, кто-то – не то дядя, не то кто-то из кузенов – спросил меня, сколько раз упоминается Эфрон{63} в первой части главы «Хаей Сара»{64}. Я ответил: четыре раза. Взяли книгу и нашли семь упоминаний. Я сказал: слово «Эфрон» упоминается только четыре раза, а три оставшиеся раза написано: «Эфрону» или «Эфрона». И действительно, так оно и было. Но, надо сказать, сейчас я уже не уверен в том, что когда я отвечал на этот вопрос, я действительно знал на него ответ, а не просто угадал…

Во время учебы у меня появлялись очень непростые вопросы по поводу хроники поколений. Как-то я даже накинулся на дядю с вопросами про сыновей Йоктана: в десятой главе «Брейшит»{65} упоминается Шва – один из тринадцати сыновей Йоктана. Однако в той же главе, чуть выше, упоминаются Шва и Дедан, и они там – сыновья Раамы, сына Куша, одного из сыновей Хама, а в 25-й главе «Брейшит» Шва и Дедан – сыны Йоктана, одного из сыновей Авраама, которых родила ему К тура… После всех этих вопросов мне дали прозвище «Йоктан». Прозвал меня так один торговец, хасид Хабада, житель Кенигсберга – ребе Аба Персон. Он был другом нашей семьи, особенно дружил с дядей, и почти каждый год во время своих визитов в Россию приезжал его навестить (он, кажется, занимался экспортом селедки, что-то в этом роде). Я тоже дружил с ним, и еще много лет он присылал мне письма и праздничные открытки; письма он озаглавливал: «Моему маленькому другу».

Испытания моих знаний, когда каждый считал себя вправе меня оценивать, рождали во мне протест, и нередко я отвечал довольно нахально. Так, я помню, что как-то раз нас пришла навестить бабушка Хана, папина мама, и обратилась ко мне с вопросом:

– Говорят, что у тебя хорошая память… а ты сможешь прочесть мне наизусть всю молитву «За грехи»{66}?

Дело было в первой декаде месяца. Я ответил ей:

– Я еще ребенок, у меня нет грехов. Вот у вас, стариков,

говорят, полно грехов – это вам нужно помнить грехи наизусть. А у меня еще есть время.

В другой раз в бейт-мидраше, между дневной и вечерней молитвой, ко мне обратился один из самых «видных» евреев города, ребе Моше Штейнхардт, очень зажиточный, неторопливый, но решительный господин, носивший роскошную длинную бороду. Он ущипнул меня за щеку и спросил:

– Какую главу читают на этой неделе?

– «Ваеце»{67}(«И вышел…»).

– «Ваеце» – это мужской род или женский?

– «Ваеце» – это глагол.

– Ага! Ты уже знаешь грамматику! И куда же вышел Яаков?

– В Харан.

– Кто там у него был?

– Дядя Лаван.

– А кем приходилась Рахель Яакову?

– Двоюродной сестрой.

– Так же, как Юдифь (Даша), твоя двоюродная сестра, – тебе?

– Да.

Тут он еще раз потрепал меня за щеку и спросил:

– А скажи мне, пожалуйста, вежливым ли является поведение Яакова? Вот он набрасывается на Рахель прямо на улице и целует ее! Ты бы повел так себя с Дашей?

Все вокруг начинают смеяться. Я отвечаю:

– Согласно комментарию Раши, Яакову было 64 года, как ребе Моше, а ребе Моше *мэг шойн киши*[1].

Я честно отвечал на вопрос, и у меня не было дурных намерений, и я даже не подозревал, что в идише это выражение имеет специфический смысл… Я уверял их, что имел в виду: «еврею в летах уже разрешено прикасаться к женщине», но никто не поверил, что мой ответ был наивен, и все решили, что он был дерзким. Так или иначе, это принесло определенную пользу: мне начали остерегаться задавать чересчур «умные» вопросы.

За свои успешные ответы я получал «зарплату», которую мне давали родственники: отчасти потому, что чувствовали, что все эти вопросы и публичное испытание моих знаний доставляют мне неприятные переживания, и поэтому хотели их как-то мне возместить; а отчасти это был знак уважения с их стороны, поскольку эти испытания были публичными. Половину «доходов» я передавал маме, а на вторую половину покупал себе книги.

Из моих меламедов я помню еще нескольких. С одним из них, ребе Авраамом из Орши, я учил трактат «Псахим»{68}. Я помню, как мы учили сугию рабби Ханины Сган ха-коханим{69} (Псахим 14:21), в которой разбирались темы ритуальной нечистоты:

«основная нечистота», «вторичная нечистота», «нечистота *шрацим* (мертвых гадов)», «нечистота питья» и «нечистота мертвого», которая и есть «главный источник нечистоты», и все в таком духе. Эта тема не интересовала меня совершенно, но тем не менее во мне проснулся интерес к имени Ханины Сган ха-коханим. К тому моменту, а мне было восемь лет, я уже читал «Апокрифы», читал «Иосиппон»{70} и даже «Иудейскую войну»{71} в переводе Шульмана{72}. Эти книги произвели на меня неизгладимое впечатление. Рабби Ханина Сган ха-коханим казался мне одним из тех, кто стоял во главе легионов, сражавшихся с римлянами. Во время урока я брал начальные буквы строк, складывал их цифровые значения и вычислял таким образом, сколько солдат было в легионах рабби Ханины Сган ха-коханим (я считал, что численное значение каждой буквы – это количество солдат в одном легионе); а последние буквы строк обозначали количество солдат в римских легионах. Нужно было посчитать буквы, потом сложить, вычесть и посмотреть, из каких букв получится большее число, потому что тот, у которого число больше, – победитель… Но при этом нельзя было также забывать и о том, что я нахожусь на уроке и мы осваиваем новую тему. Учитель, по-видимому, обратил внимание на то, что я занят чем-то посторонним, и вдруг спросил меня: «Ну, и каков общий итог?» Я ответил ему: 832. Кажется, это был трактат «Псахим», 16-я страница. Ученики буквально взорвались радостным смехом, а учитель огрел меня пощечиной, одной из очень немногих пощечин, полученных мною в хедере.

Вторым учителем по Гемаре, значительно более строгим, был меламед Шауль Левертов. Я учил с ним трактат «Хулин»{73}, мне тогда было восемь с половиной лет. В то время к нему как раз приехал сын из йешивы{74}, по имени Файвл, и учитель отдал нас ему, чтобы мы с ним изучали Танах. Файвл учил нас книге Иова. Мы не любили ребе Шауля, который привык наказывать учеников и порол их, когда они чего-то не знали и даже когда они что-то знали. Чувствовалось, что он получает большое удовольствие от самого процесса наказания. Ему было очень досадно от того, что он никак не мог уличить меня в незнании и выпороть. Не знаю, была ли такая ситуация невозможна в принципе, но на практике у него руки были коротки до меня добраться; он изливал всю свою злобу на моего брата и порол его за нас двоих. Однако Файвла мы полюбили за то, что он доступно и понятно объяснял нам Иова и очень красиво, нараспев, читал главы Танаха. Позже до меня дошел слух, что Файвл покинул дом своего отца, стал выкрестом, и теперь он – тот самый известный миссионер Пауль Левертов{75}, который перевел на иврит «Исповедь» Блаженного Августина{76}.

В одну из зим нас учил ребе Шмуэль-Гронем (Остерман, кажется), убежденный хасид, один из крупнейших знатоков хасидизма Хабада, человек молчаливый и решительный. Он часто гостил у нас дома. Помню, как-то раз мы ушли из дома, а он пришел и увидел, что дверь закрыта (дело было зимой). Тогда ребе Шмуэль-Гронем взломал ставни, открыл окно и залез внутрь дома… Он говорил: «Мое право – приходить, когда угодно. Я не мог зайти через дверь – пришлось через окно».

С первого взгляда он казался хладнокровным и флегматичным. *Я* встретил его через восемь лет, в Любавичах, он там был одним из столпов хасидизма. Темперамент его ничуть не изменился, но в Любавичах его рассказы про хасидизм мне понравились гораздо больше, чем то, как он преподавал Талмуд в доме моего отца.

Из учителей Талмуда сильнее всего на меня повлиял Хаим Шленский. Мне тогда было уже девять лет. Он преподавал нам трактат «Шаббат»{77}. Мы учили весь трактат, комментарии Раши и комментарии к Талмуду. Он объяснял материал подробно и доходчиво. Будучи близоруким, он вплотную приближал лицо к Гемаре и буквально водил носом по строчкам. Но его объяснения были самыми точными, и он заставлял учеников (не исключено, что это было как-то связано с дефектом зрения) возвращаться к уроку, читать его перед всем классом, а потом объяснять. По сути, на уроках Шленского я не столько учил трактат «Шаббат», сколько объяснял его своим соученикам в присутствии учителя. Мои познания в этом трактате были действительно превосходны. Меня проверяли «на иглу»: в одну из страниц втыкали иглу и я говорил, о чем написано в том месте, куда воткнулась игла, через десять и даже через двадцать страниц, и о чем повествуют все страницы, сквозь которые прошла игла.

Преподавать я начал в очень раннем возрасте. Еще в «объединенных хедерах», когда мне было семь лет, кто-то из богатых евреев попросил моего отца, чтобы я дружил с его сыном и каждый день учил с ним уроки. Я согласился и попросил, чтобы в конце года мне купили велосипед. Мне действительно купили велосипед, но трехколесный. Я плакал и не хотел брать его. Тогда взамен велосипеда мне купили ткань на костюм, но она была оранжевого цвета и мне не понравилась. Увы, я был вынужден взять ее и уже тогда познал, как горько быть учителем, которого не ценят.

Моя «известность» доставляла большое беспокойство моим родителям. Тому было несколько причин. Мама, которая сама находилась в оппозиции к семье, ощущала мою «популярность» как тактический маневр, призванный увеличить влияние семьи на

меня. И действительно, меня пытались поселить у дяди не раз и не два! Один раз я даже переехал на два месяца в дом ребе Элиэзера-Моше Мадиевского, который заявил, что хочет женить меня на своей дочери Юдифи (Даше); однажды меня даже заставили во время обеда «публично» ее поцеловать, и я сделал это, горько рыдая, под громкий смех всех членов семьи. Второй раз меня взяли в дом моего дяди, ребе Яакова Кальмана, казенного раввина, но мать считала, что когда ребенка публично хвалят, это его портит; не только из-за того, что можно сглазить, а просто потому, что это влияет на характер.

Как-то раз к нам в гости пришел дед, мамин отец, ребе Зеев-Вольф Эскинбайн; мама попросила, чтобы он тоже поспрашивал меня. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами во всех подробностях: мать стоит у двери столовой, дед сидит подле меня, я сижу на высоком стуле, дед дает мне читать недельную главу с комментарием Раши, потом главу из Танаха, потом страницу из Гемары. И каждый раз задает вопросы… Тогда я впервые почувствовал, что такое настоящий экзамен. Не просто трудные вопросы, а самый что ни на есть экзамен, как ни посмотри… После экзамена дед позвал мать и сказал: «Он неплохой мальчик, у него светлая голова, но я боюсь, что ты права – избыток похвал испортит его, он склонен переоценивать себя, и когда он станет старше, эта склонность может еще усилиться. Так что будьте поосторожней».

В испытании моих знаний участвовали не только дяди и тети, а любые приходившие к нам родственники, даже сватья. Мой дядя, ребе Йосеф-Хаим Мадиевский, казенный раввин в Гадяче, каждый раз, когда приезжал в наш город, приходил к нам в гости (это был единственный дядя, который приходил в наш дом) провести с нами время и поговорить с детьми. Из всех детей у меня с ним были самые теплые отношения, и даже подарки, которые он мне привозил (как правило, деньги), были всегда самые лучшие… Другой дядя, ребе Пинхас Островский из Рамен, обычно сам звал меня к себе. Он был высок и осанист. У него росли густые брови и широкая черная борода. Задавая вопрос, он глядел на меня взором, горящим яростью. Помнится, когда мы учили трактат «Шаббат» у ребе Шимона, один из учеников сказал что-то не то, и ребе посмотрел на него так, что у него в глазах засверкали молнии. Я тогда сказал сам себе: «У ребе Шимона взгляд в точности как у дяди Пини, который тоже может испепелить человека, лишь взглянув на него». Поэтому-то я в детстве всегда старался увильнуть от беседы с ним и от его вопросов, даже несмотря на то, что он выделялся среди всех моих дядьев умом, эрудицией и остроумием. У меня было ощущение,

что он проверяет мои знания и задает вопросы не потому, что ему интересен ответ, а потому, что он не хочет выбиваться из общесемейной традиции и поэтому исполняет завет моего прадеда. Однако, когда я у него пару раз гостил подолгу, у нас с ним были очень длинные и интересные беседы.

В детстве мои знания испытывали и сватья моих дядьев: ребе Моше-Нахум Иерусалимский{78} из Каменки (к концу жизни он стал раввином в польском городе Кельце), ребе Давид-Гирш Хен{79} из Чернигова, ребе Хаим Чериковер из Полтавы (сват моего дяди Пинхаса Островского) и многие, многие другие… Все они сходились в одном: во мне видны яркие задатки законченного «лентяя», но все же у меня есть шанс в будущем стать крупным знатоком Торы… Единственная польза от всех этих испытаний заключалась в том, что мои «учителя» очень тщательно следили за моей учебой. Один из них, сидя у нас в гостях за самоваром, на исходе субботы, как-то раз сказал: «Конечно, Бен-Цион умный мальчик, но, кроме того, с ним и занимались гораздо больше, чем с остальными. Вот он и почувствовал себя в центре внимания».

Глава 4. В доме дяди Кальмана

Как я уже сказал, семья стремилась дать мне особенное воспитание, предоставляя мне более благоприятные условия для учебы. Для этого как-то раз, когда мне было всего семь лет, во время Песаха{80}, мой дядя, ребе Элиэзер-Моше, и его зять, Давид-Йона Иерусалимский, сын ребе Моше-Нахума, взяли меня в свой дом и сказали, что с этого дня я буду жить у них и учиться вместе с сыном моего дяди, который был старше меня на три года.

Отец был как будто не против: дядина квартира была больше нашей, где было лишь две-три маленькие комнатенки. В доме ребе было десять комнат, просторных и светлых: столовая, две комнаты для гостей – большая и малая, библиотека, рабочий кабинет дяди, спальня и две детских комнаты – для мальчиков и для девочек; была даже специальная большая комната для прислуги.

Меня в этом доме привлекали многочисленные шкафы с книгами и занятия с дядей: дядя обучал меня таким книгам, которых я не учил раньше и о которых до того даже ничего не слышал. Прежде всего – предисловие Рамбама{81} к комментариям на мишнайот. У дяди было определенное историческое чутье, к тому же он знал русский и немного немецкий. Он мне как-то рассказал, что на него оказали влияние книги Эрнеста Ренана{82}, которые он читал в русском переводе. Он следил также за тем, чтобы я в дополнение к учебе в хедере учил каждый день отрывок из мишнайот, и еще – два отрывка из «Тиферет Исраэль» Исраэля Лифшица{83}. Он говорил мне: 10 лет – это возраст Мишны{84}; когда тебе исполнится 10 лет, ты должен будешь стать знатоком Мишны. Я спросил его: «А 15 лет – возраст Талмуда?» Он ответил: «Да, когда тебе будет 15 лет, ты должен будешь закончить весь Талмуд». И еще одна вещь привлекала меня в этом доме. В дядиной комнате валялось множество печатей с разными надписями – и печать с именем Элиэзера-Моше, сына ребе Авраама Мадиевского, печать, где только одно имя, без имени отца (ребе де-Хорол); печати с титулом и без титула и печати, где есть только имя и титул; печати с надписями на иврите и по-русски и печати с надписями только по-русски и только на иврите… И я из чисто спортивного интереса делал так: брал лист бумаги и ставил на него печати, одну за другой; это имело несколько смешной вид, но у меня не было намерения веселиться. Заходить в эту комнату было запрещено. Дядины сыновья удивлялись тому, что я нарушаю запрет, и пожаловались дяде. Листок попал в руки дяде, и он

обратил внимание на комическую сторону ситуации, а может, его просто удивила моя наглость. Во всяком случае мне досталась увесистая пощечина за нарушение запрета. Я никогда не любил пощечины и поэтому немедленно покинул дом. Назавтра дядя пришел ко мне в класс (это было во время «объединенных хедеров») и сказал мне: «Что было, то было». Он чуть ли не просил прощенья и говорил: «Ты должен вернуться ко мне». Я ответил ему на глазах у всего класса: «Я не вернусь». Моя наглость настолько рассердила его, что он дал мне еще одну пощечину. Помню, каким счастливым я вернулся домой и как мы с братом стали плясать от радости, что мне удалось вернуться из «плена» в доме дяди. Мне было тяжело в дядином доме, особенно трудно было находиться рядом с тетей, которую мы прозвали «тетя Буся» в память того случая с жемчужными бусами; она была мне очень и очень неприятна.

Но на этом дело не закончилось. Через полгода, когда мы уехали из центра и перебрались на окраину города, мать с отцом решили, что я должен переселиться в дом дяди Кальмана. Атмосфера в этом доме была весьма благоприятна. Там было пять комнат, а кроме дяди и тети не было больше ни одного человека. Иногда там гостила старшая внучка, которая была старше меня на год или два, – мне она нравилась. Кстати говоря, она была красива, вежлива и умна, разговаривать с ней было интересно и приятно. Дядя и тетя относились ко мне очень хорошо. В доме было много книг, которые стояли в двух огромных шкафах, особенно там было много книг по истории: «Шевет Йехуда» («Скипетр Йехуды»)[{85}], «Седер ха-дорот» («Хроника поколений»)[{86}], «Цемах Давид» («Росток Давида»)[{87}], «Шеерис Исроэль»[{88}] и так далее. Кроме того, там лежали подшивки старых газет «ха-Мелиц», «ха-Кармель»[{89}] и прочих изданий; эти газеты интересовали меня сильнее всего. К тому же там были календари. Еще мой прадед, ребе Авраам, скреплял подшивки этих календарей. Потом они достались его сыну, ребе Кальману, и он тоже каждый год добавлял в подшивку новый календарь. Там были календари примерно за 70 последних лет, и они отлично сохранились. Дед обычно записывал в календарь события, имеющие семейное или общее значение. Так, в одном и том же календаре было записано, что в один из дней у его дочери Ханы родился сын, которого назвали Исраэль-Шнеур-Залман-Ицхак (это был мой отец), там же я нашел такую запись: «у моего внука Шнеура-Залмана родился сын, и его назвали Бен-Цион». Мое внимание привлекали записи в календаре про самые разные события: от окончания Крымской войны и до событий русско-турецкой войны. Про наводнение (разлив Днепра) в Кременчуге

там было написано, что в один из дней шел очень сильный дождь. Помнится, в одном из календарей, кажется, за 5637 (1877/78) год, было записано, что в какой-то из дней месяца сивана шел снег. Были записи про погромы 80-х годов{90}, про важные события, происходившие в жизни деда, про поездки в Петербург, в Москву, в Харьков и т. д. Это была живая хроника, и мне нравилось ее изучать. Дядя Кальман злился на меня и говорил: ну что ты снова учишь календари?! Думаешь, если выучишь наизусть все календари, то станешь большим ученым?!

Там же я осуществил свое первое историческое «исследование». Внимательно изучая книги, я пришел к выводу, что можно с их помощью воссоздать хронику поколений от Адама до наших дней. Я купил тетрадь и на первом листе написал большими печатными буквами: Адам. Потом я записал имена десяти поколений, следующих после него. И снова написал печатными буквами: Ной. Потом я продолжил хронику поколений до Авраама. Потом я дополнил хронику, согласно книге Рут{91}, до царя Давида. Имя Боаза{92} я снова написал большими буквами. Потом я записал имена всех иудейских царей до Ахазии{93}, а от Ахазии – еще десять поколений до Йехояхина{94}. Отыскал в третьей главе «Первой Книги хроник»{95} и добавил родословную Йехояхина и дописал еще десять поколений от Асира, сына Йехояхина, до семи сыновей Элиоэйная со странными именами. Я очень радовался тому, что число было «круглым»: от Адама до сыновей Элиоэйная было ровно шестьдесят поколений! Но при внимательном изучении «Книги хроник» всплыло одно серьезное затруднение. Выяснилось, что Зерубавель{96} – не сын Шеалтиэля, а вовсе даже сын Педайи{97}. Но почему в книге нигде не упоминается имя отца Педайи? Я обратился с этим вопросом к дяде Кальману. Он тут же углубился в книги и, просмотрев их, был полон разочарования. Но на следующее утро лицо его светилось радостью: нашел! И Радак{98}, и авторы «Мецудот»{99} отмечают, что «сыновья сыновей – они как сыновья», так что тут нет противоречия! «Но, – спросил я, – почему ни разу не упоминается имя его отца?» С этим вопросом я пошел к дяде Элиэзеру-Моше.

Тот не затруднился с ответом: видимо, Педайя умер в молодости, и Зерубавель рос и воспитывался в доме деда и был назван в его честь…

Все эти обсуждения побудили меня продолжить «исследование». *Я* пользовался библиотекой дяди Кальмана, в которой было, как я уже говорил, множество исторических книг, расставленных по порядку поколений: ребе и ученик, ребе и ученик. Я решил действовать в том же порядке. Каково же было

мое удивление, когда в «Сефер юхасин»{100} я нашел список экзилархов, и среди них – имя Акува{101}; я сразу решил, что это как раз один из семи сыновей Элиоэйная, потомок Асира, сына царя Йехояхина, – и написал его имя крупными печатными буквами. От него снова насчитал сорок экзилархов и вождей; поколение за поколением – до гаона р. Йехудая{102}, деда гаона р. Хая{103}. И тут все стало понятно: от Йехудая до Рамбама – десять поколений, от Рамбама до р. Йосефа Каро{104} – десять поколений, от р. Йосефа Каро и Ари{105} (р. Ицхак Лурия) до Старого *адмора* – десять поколений и от Старого *адмора* до наших дней – пять поколений; я записал их имена на последнюю страницу тетради. Средний *адмор,* ребе Дов-Бер Шнеерсон, его зять и ученик Цемах Цедека, р. Мендл из Любавичей, затем дед, р. Цви-Яаков Динабург, потом отец… И в самом конце я написал свое имя крупными буквами: Бенцион ха-Леви Динабург – сто тридцать пять поколений от сотворения мира и до сегодняшнего дня (11 нисана{106} 5653 (1893) года, вторник – третий день недели: тот день творения, когда Бог дважды увидел, что «это хорошо»). На отдельном листе я начертил «генеалогическое древо», на котором заняла свое место вся наша родня со стороны отца: семьи Динабургов, Мадиевских, Островских, Гельфандов, Голдиновых и Баткиных; а со стороны матери: семьи Эскинбайнов, Рафкиных, Шиферсонов и Каценельсонов. Мое «древо» было устроено так же, как древо, виденное мною в книгах р. Моше-Нахума Иерусалимского «Минхат Моше» («Приношение Моше») и «Лшад ха-шемен» («Елей»). В «генеалогическое древо» я включил дядь и теть, которые, по моему мнению, были этого «достойны», а другие имена не включил.

Дядя и тетя вставали довольно поздно, и, чтобы моей «работе» никто не мешал, я старался вставать как можно раньше; я садился в гостиной на диване у окна, там была полная тишина, и чтение в эти часы доставляло мне большое удовольствие. Как-то раз, утром, когда мое «сочинение» было уже готово, в комнату неожиданно вошел дядя и увидел, как я что-то пишу в тетради. «Доброе утро, с каких это пор ты начал так рано вставать, пока все еще спят? Тебе не хватает времени в течение дня, и ты решил вставать до рассвета и трудиться! Покажи-ка мне, что ты пишешь?!» Его тяжелое дыхание стремительно коснулось меня, он взял тетрадь, заглянул туда, удивился тому, что в ней написано, и забрал ее с собой. Потом он передал ее р. Элиэзеру-Моше. Тот позвал меня к себе: «Так, значит, вот зачем ты сидел долгими ночами! Ты доказал великую вещь! Доказал, что наш род действительно идет от первого человека! Если б не ты, мы бы об этом даже не догадывались!!! И стоило ради этого столько

трудиться?! Запомни правило – если человек что-то пишет, то он должен сказать этим нечто новое, то, чего еще никто не знает. А то, что ты написал, это все пустяки. Он, видите ли, доказал, что мы все – потомки Адама! Чепуха это все! Жалко на это времени!» Я с ним не спорил и смирился со своей участью, особенно после того, как он доказал, что моя «цепочка поколений» является обрывочной и неточной…

Как я уже говорил, я был единственным ребенком в доме у дяди, и довольно часто мне становилось скучно. Самым большим удовольствием для меня в ту зиму было сидеть возле дровяной печки, глядеть, как пылают поленья и как схватывается пламя, следить за удивительными цветами пламени. Особенно мне нравилось смотреть на голубой огонь, внутри которого пламя становилось белесым и почти прозрачным. Чтобы найти «голубой огонь», мне приходилось ворочать поленья кочергой, и от этого пламя вспыхивало еще сильнее. Как-то раз, когда я ворошил дрова, от раскаленного чурбачка отскочил пылающий уголек и попал мне в правую щеку… Два месяца я болел. Когда я вернулся в хедер, дети заметили – на моей правой щеке вырезан знак, похожий на крест. Дети спросили меня: «Как на тебе оказался крест, кто его нацарапал тебе на щеке?» Я стал рассказывать: «Как-то раз я шел из хедера домой, дорога шла мимо церкви, началась страшная буря, ветер подхватил меня и понес все выше и выше, к золотому куполу церкви; порывом вихря меня бросило на самую макушку купола, и я поранился о крест щекой; больно не было, я даже ничего не почувствовал, но когда я как-то раз посмотрел на огонь – меня поразило огнем, и на щеке проявился крест». Эта фантастическая история породила ужас в сердцах учеников. Дети сказали мне: это плохой знак, тебе следует молиться, чтобы с тобой не случилось того, что случилось с Файвлом, сыном меламеда Шауля, который стал выкрестом. Я сразу пожалел о том, что придумал эту историю, но сделанного не воротишь.

Мои друзья были значительно старше меня и часто влияли на меня не лучшим образом. По вине одного из них я и покинул дядин дом.

Прадед р. Авраам любил собирать не только календари и старые газеты, но также и древние монеты. У него были монеты времен царя Ивана Васильевича (Ивана Грозного), Петра Великого и много разных других монет. Еще была большая коробка, в которой лежали иностранные монеты почти всех стран. На исходе субботы дядя и тетя очень любили выкладывать монеты на стол и учить меня по ним истории: показывать, как выглядели русские цари. Я рассказал об этом одному из моих

друзей, которого звали Мотл, ему было 14 лет. Мне тогда только-только исполнилось 9. Он сказал мне, что у него тоже есть монеты, и предложил мне попросить у тети разрешения поменяться с ним монетами. Я уже рассказывал, что эта моя тетя была добросердечной и слабохарактерной; она даже довольно долго была душевнобольной. Я пришел к ней и, держа в руке несколько монет моего друга, изложил ей его просьбу. Она стала меня ругать, но тем не менее взяла монетки и сказала, что она должна проверить, есть ли у нее такие. Потом она дала мне несколько других монеток – и так началась торговля. Тетя умоляла меня, чтобы я никому не говорил об этом, и особенно дяде. Я дал ей торжественное обещание на *цицит* и поклялся страшной клятвой. Тем временем несколько монет деда оказались на рынке, и это стало известно. Дядя начал проверять коллекцию и обнаружил, что, действительно, нескольких монет не хватает, а вместо них имеются другие, менее ценные. Началось расследование, как исчезли монеты из коробки и откуда взялись монеты, которых не было раньше. Это было для меня очень тяжелое испытание, так как меня обвинили в том, что я взял монеты себе. Тетя сказала, что она знает, что я невиновен.

– Что??!! Он невиновен?? Только три человека могли их взять: или я, или ты, или он. Он не брал, и я не брал, значит, ты взяла!

– Я не брала.

– А если так, почему ты просишь сжалиться над ним?

Я заплакал и сказал:

– Тетя права.

– Она дала их тебе?

– Нет.

– Но монеты не умеют сами ходить!

И все-таки я выдержал испытание и ничего ему не рассказал. С тех пор тетя звала меня «мой праведник», и ее чувство благодарности и любви ко мне не имело границ.

Спустя какое-то время тетя рассказала об этом моему отцу и сказала ему, что я спас ей жизнь, потому что она бы, конечно же, слегла от дядиного гнева. Вот что я сказал дяде: «Ты не веришь, что их взял не я, что я невиновен, хотя я клялся, что я их не брал, поэтому я не хочу оставаться здесь более ни минуты», – и ушел из его дома. Потом дядя приходил к нам и даже присылал тетю, чтобы она уговорила меня вернуться к ним, но я стоял на своем. Мой отец – единственный, кто знал всю правду, – проникся ко мне с тех пор уважением и как-то даже сказал мне: «Не используй во зло хороший поступок, который тебе довелось совершить, – не впадай в грех гордыни; ты не должен мечтать о том, что станешь

большим праведником. Не стоит специально заботиться о том, чтобы стать праведником, это происходит само собой…»

Дяде в своей жизни довелось много поездить: он бывал на Волге, в Крыму, на Кавказе и в Персии. Я очень любил слушать его рассказы. У меня создавалось впечатление, что фантазии в его рассказах было больше, чем реальности, но мне было интересно слушать само повествование. Когда он начинал свой рассказ с фразы «это была истинная правда», я сразу понимал, сейчас он будет рассказывать захватывающие небылицы.

У нас с дядей были очень хорошие дружеские отношения. Спустя несколько лет он сильно заболел; врач установил, что у него болезнь печени, и эта болезнь причиняет ему тяжелые и длительные боли, и нужно найти способ отвлечь его от этих болей. Мне тогда было уже шестнадцать лет, я как раз вернулся домой и пошел навестить его. Тетя попросила моего совета. Я сказал ей: «У дяди богатая фантазия, но он никогда не читал романы, поэтому возьми интересный роман на идише, длинный роман в нескольких томах, захватывающий роман с напряженным действием, и читай ему вслух, не торопясь: это поможет». Я искал, нашел и принес ей роман «Дер штумер бетлер»{107} («Немой попрошайка») в семи томах. Она читала ему, и в день своей смерти, когда он почувствовал, что умирает, он сказал жене: «Тамара, читай быстрей, я хочу знать, чем там кончится!» Когда мне об этом рассказали – а я тогда уже был в Вильно (мне рассказал об этом двоюродный брат, приехавший меня навестить, и еще сказал, что даже врач оценил мой совет), – я почувствовал: как свежа была душа этого старого человека! Я много раз вспоминал этот случай, говоря о силе воображения.

Из воспоминаний того года – 5653-го – в моем сердце остался день Ту би-Шват{108}, который пришелся на среду, 20 января 1893 года. В тот день я первый раз пришел в окружной суд. Большое новое здание суда, роскошное и красивое, располагалось напротив дома дяди Кальмана. В этот день перед судом предстал мой старший дядя р. Элиэзер-Моше. Его привлекли к суду за то, что он дал шойхетам уезда право осуществлять от своего имени религиозные обряды: заключать браки, делать обрезание и тому подобные действия, которые в качестве казенного раввина он должен был выполнять сам, а не передавать полномочия кому-то другому. Дядя защищал себя сам; он говорил, что не может находиться одновременно сразу в нескольких местах и поэтому назначает своих представителей, потому что «посланец человека – как сам он». Сам же он несет ответственность за записи в метриках, которые ведет только он… Дядина семья была взбудоражена. После суда, на котором дядя полностью снял с

себя всю вину, в доме дяди состоялась праздничная вечеринка, все пели и плясали, и дядя тоже плясал… со мной! Это было после того, как дядя произнес хасидскую проповедь на злобу дня и я ее повторил. Это была первая в моей жизни хасидская проповедь.

Глава 5. Друзья и развлечения

У нас с моим старшим братом было немало друзей – из самых разных городских сословий. Прежде всего, товарищи по хедеру, среди которых были наши самые верные друзья. Тот же Мотл, по милости которого я оказался замешан в «деле о старинных монетах», зимой всегда провожал нас до дома: мы учились до позднего вечера и возвращались домой, держа в руках зажженные фонари. Мотл был на голову выше нас всех, у него был самый большой фонарь и огромные сапоги; он шел впереди уверенным шагом. Слыша его громкий голос, мы успокаивались и чувствовали себя в безопасности, за это мы были ему благодарны. Еще у нас были «садовые» друзья: вместе с ними мы залезали в городские сады и обирали там вишни, груши, яблоки и персики – в зависимости от того, на какие фрукты был сезон. Особенно полюбился нам городской сад Синчуха – это был самый большой фруктовый сад в городе, в середине сада стоял колодец с вкусной и сладкой водой, вокруг – тенистая роща, а в ней – чудесная беседка; но сад сторожили собаки – нужно было заманивать их в другой конец сада и «запутывать следы». Мотл очень хорошо умел это делать. А были «субботние» друзья: мы собирались по субботам в доме одного из товарищей, и его родители угощали нас яблочным или хлебным квасом (а иногда даже квасом из принесенных нами фруктов), рассказывали истории и читали вслух интересные книги. Начало этой замечательной традиции положил учитель по фамилии Донской (а звали его, кажется, Моше), преподававший сыновьям знатных богачей. Он был пожилой человек (еще в 60-е годы он писал статьи в файновский еженедельник «ха-Кармель»), эрудированный, образованный, вежливый, обходительный и с приятными манерами. Говаривали – и не без оснований, – что он был склонен «прикладываться к бутылке»: временами он запирался у себя в комнате и целыми днями «глушил горькую»; затем протрезвлялся, появлялся на людях, а потом все повторялось опять. Донской был одним из немногих в городе, кто близко общался с моим отцом. В дни запоев он иногда звал его и изливал душу. Донской публично называл отца ученым и скрытым праведником. Он откровенно восхищался им и, как мне кажется, во многом благодаря этому к нам тоже относился с симпатией. Обычно Донской звал на «Субботу благословения»{109} всех своих учеников и еще нескольких умных ребят. Он читал им «художественную прозу»: отрывки из «Сада развлечений» Аарона Розенфельда{110}, «Сборник рассказов» Йехуды Розенберга{111} и книги Кальмана

Шульмана: «Суламифь», «Харэль», «Древние обычаи».

Эти сборища проводились летом в саду дома, где он жил, или в его комнате. Он угощал учеников яблочным квасом и фруктами – и сам приносил угощенье. Родом он был не из нашего города, и мы не знали, есть ли у него семья. Жил он один. К ученикам относился очень приветливо, и это помогало взаимному сближению хороших детей из разных городских слоев.

Еще один круг друзей был у нас «между дневной и вечерней молитвой». В нашем городе было две синагоги. Старая синагога – туда ходил отец; и новая – в ней молился мой дядя-раввин. В старой синагоге была «молитвенная комната» для будних дней, служащая для дневной и вечерней молитвы. Там приходилось стоять в тесноте, было неудобно. Поэтому мы, дети, по будням ходили на молитву в новую синагогу, здание которой было просторнее. Случалось, что взрослые читали «Эйн Яаков»{112} или учили мишнайот и у нас, малышей, была возможность заниматься своими делами. «Между дневной и вечерней молитвой» у нас было несколько хороших друзей; самый лучший – Кальман Рахлин. Он был старше меня на четыре года, но любил сидеть вместе со мной между молитвами и слушал мои рассказы про Эрец-Исраэль. У меня была особая «связь» с Эрец-Исраэль! Отец вместе с шойхетом р. Моше каждый год между 17 тамуза{113} и 9 ава{114} посещал все местечки нашей округи, собирая содержимое копилок р. Меира Баал ха-Неса («Чудотворца»), и посылал деньги габаям Эрец-Исраэль, отвечавшим за сбор пожертвований колеля Хабада. В нашем доме были отчеты из «Колеля», письма, книги и множество брошюр с описанием Эрец-Исраэль. В одной такой брошюре, под названием «Просите мира Иерусалиму» рассказывалось о жизни в Эрец-Исраэль, о прожиточном минимуме, ну и давались советы по организации питания. Начитавшись брошюр и писем из Иерусалима, которые я нашел у дяди в ворохе старых газет, я составил меню для трехразового питания и увлеченно описывал друзьям рецепты «салатов» из оливок, апельсинов, винограда, капусты… и соленых огурцов. Когда я наконец оказался в Эрец-Исраэль, я много раз угощал своих знакомых «салатами» из моих детских фантазий; но, надо сказать, они не выказывали такого восторга, как мой друг детства Кальман Рахлин.

Был у нас и узкий круг настоящих друзей, с которыми мы были связаны крепкими узами. Среди них были сыновья шойхета р. Моше Каштана: Шалом был двумя годами старше меня, а Дудик (Давид) – на год младше; сыновья р. Лейба Краса, служки нового бейт-мидраша: Эли был старше года на два с небольшим, а Гиршель – на четыре-пять лет и поэтому стеснялся открыто

общаться с нами, но на самом деле был нам очень хорошим другом. Мы общались и с другими детьми, которые были постарше. Им было важно чувствовать себя нашими помощниками, защитниками и «советчиками», но на самом деле они просто очень любили проводить с нами время. А были дети помладше, которые были готовы нам служить. Среди наших старших друзей были сыновья моего дяди-раввина; старший сын шойхета, Шауль, который учился в йешиве в Бобруйске и приезжал домой лишь изредка – он стал потом врачом и активистом Бунда{115}; Виноградов – наш дальний родственник из Остаповки, сын богатых родителей, – он учился в реальном училище, но на каникулы приезжал в наш городок навестить бабушку – «тетю Соню», сестру р. Авраама, – и проводил время в нашей компании. Среди «мелких» выделялся Яни (Яаков) Чернобыльский, славный парень, шустрый и с огоньком; он тоже ездил учиться в йешиву, пробовал свои силы в литературе (публиковал рассказы на русском языке) и в живописи, одно время был активистом сионистской социалистической партии (ССРП){116}.

В городе строились казармы для двух батальонов армии. Строительная площадка расположилась прямо напротив нашей квартиры. Уже подготовлен был фундамент для двух крупных строений и собраны обожженные красные кирпичи для строительства. Мы собирались всей ватагой, делились на два «батальона» и воевали друг с другом. Наши друзья были офицерами, остальные дети – солдатами. Мы все находились под влиянием Первой и Второй книг Маккавеев – Гиршель Крае читал их нам каждую субботу в три часа пополудни на ступенях новой синагоги; после «победы» еврейского «батальона» решено было основать государство и сложить «свод государственных законов». Составить «свод законов» должны были трое: мой брат, я и Виноградов. Мой брат – у него был самый красивый почерк – записывал, я сочинял, а Виноградов формулировал. В один прекрасный день, в субботу после полудня, мы собрались у нас дома и пошли к высокому дубу, росшему за домом возле забора. Дети сели на землю, а мы с братом и с Виноградовым залезли на дерево и прочитали друзьям наши «законы». Они начинались с «Шма Исраэль!» и заканчивались словами: «Каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: «Крепись!» Покорствуя сказанному, поднялись все и провозгласили: «Крепись и укрепимся!» – а затем, опомнившись, стали веселиться и долго подшучивали над «тремя патриархами», забравшимися на дерево, и над нашими «законами».

Другой наш «план» получил более широкий отклик и имел

успех. Весной 5653 (1893) года мы решили создать «каникулярную» школу. Рядом с домом дядюшки Кальмана, напротив здания окружного суда, стоял большой барак, где летом продавали газировку, квас и фрукты. Весной барак стоял пустой и открытый. Я предложил друзьям сделать этот барак постоянным местом наших встреч. Там Гиршель Крае будет прочитывать нам избранные места из «Апокрифов», «Иудейских войн» и из других книг; там Шалом Каштан будет читать нам интересные книги, взятые у отца; там мы будем играть и разговаривать – там у нас будет «собственный» дом (в те времена понятие «клуб» нам было еще незнакомо). Идея была поддержана, и «малыши», к которым примкнули мы с братом, стали обустраивать «дом». Самым энергичным и деятельным организатором был Эли Крае, Яни Чернобыльский занялся художественным оформлением, а мы с Шаломом осуществляли наш план – обустраивали «библиотеку». Все ученики приносили книги: Танах, Талмуд и книги для чтения. Каждый из нас должен был «преподавать» – повторять с учениками материал, который мы учили в хедере в течение зимы: с одним надо было повторять Тору, с другим – ранних пророков, с третьим – поздних пророков{117}, с четвертым – Писания{118}. Так же разделялись Мишна и Талмуд, чистописание, грамматика и даже арифметика. Преподаванием чистописания занимался мой брат, арифметикой – Виноградов, Талмудом – Шалом Каштан, Танахом – я и мой брат. Хотя мы никогда не обсуждали, кто главный, но по сути «руководителем» был я. Я приходил первым, уходил последним и следил за порядком. Мало-помалу наша каникулярная школа приобрела известность. Комната была всегда до отказа наполнена детьми, между ними царил дух дружелюбия и взаимной поддержки. Каждый ученик брал книгу и повторял пройденный материал. «Учитель» подсаживался к нему, и они обсуждали прочитанное. Если он видел, что ученик недостаточно усвоил тему, то они заново разбирали весь материал. В определенные часы Гиршель, Шалом и я читали книги друзьям. Матери благословляли нас за «хорошее образование», которое получали дети на наших уроках и за «тишину в доме»; родители были довольны тем, что ученики увлечены занятиями, что было для них не слишком привычно. Говорили, что в «хедере» Бен-Циона во время каникул дети учились лучше, чем в остальное, «учебное» время. Но мне кажется, что благодаря Гиршелю Красу и Шалому Каштану и особенно книгам, которые они приносили, я получал больше знаний, чем все остальные ученики. Гиршель приносил «Иудейские войны» в переводе Шульмана, «Основы земли», «Историю мудрецов Израиля» и «Историю мира» Кальмана Шульмана. А Шалом Каштан приносил «Израильские

походы» Давида Гордона[119] (перевод «Путешествия Биньямина Второго»[120]), «Календарь торговцев» Ш.-Я. Абрамовича[121], «Тахкемони» Йехуды Альхаризи[122], напечатанный шрифтом Раши[123], и «Историю столпов Хабада»[124] Родкинзона. Мы торопились скорее прийти в нашу школу и задерживались там допоздна, глотали книги, которые открывали для нас мир и расширяли наши знания. Особенно сильно повлиял на меня Шалом. Я помню, как он с жаром объяснял мне, как важны книжные предисловия и послесловия, и доказывал, что предисловие Рамбама к Мишне не было написано на иврите, а его перевел аль-Харизи. В доказательство своих слов он принес мне «Тахкемони» и прочитал вместе со мной предисловие Рамбама к «Мишне Тора»[125]. И мне показалось, что я понял книгу лучше, чем полтора года назад, когда я читал ее с дядей. Как я говорил, наша каникулярная школа оказалась удачной затеей, и родные твердили, что в преподавании я добьюсь больших успехов, чем в строительстве фабрик…

Примерно в это же время у нас с Дудиком возникла идея построить «фабрику по обжигу кирпичей», и это чуть не закончилось трагедией. В те дни, как я уже рассказывал, в нашем городе строились казармы для воинских частей. Стройка шла напротив нашего дома, и я проводил долгие часы, крутясь вокруг и наблюдая, как готовят яму для фундамента, перевозят материалы, месят глину для кирпичей, как ее потом заливают в формы, раскладывают кирпичи для просушки, а затем выкладывают рядами. После всех этих операций приезжают тележки, на них накладывают кирпичи и отправляют на обжиг. Через некоторое время тележки возвращаются с уже обожженными красными кирпичами, и их укладывают ряд к ряду. По соседству с нами стоял дом одного из членов семьи Родзянко (их родственник был председателем третьей и четвертой Государственной Думы[126] – русского парламента)[127], и старик Родзянко, «старый помещик», как его называли соседи, вместе со мной наблюдал за строительством. Маме казалось, что Родзянко смотрел не на стройплощадку, а сквозь нее, следя за каждым моим шагом. Одна из соседок тоже обратила внимание на то, что всякий раз, когда я выбегал поиграть возле стройки, выходил Родзянко, садился на стул и не спускал с меня глаз.

Кто знает? Может, он «колдун»? Кто там знает, что на уме у этого старого *гая,* еще сглазит, не дай Бог. Мама стала сама за ним наблюдать, а затем решила зайти к Родзянко и спросить его, почему он постоянно следит за мной. Родзянко принял ее очень любезно, принес стул, предложил сесть. На ее вопрос («Почему, господин, вы смотрите на ребенка и не спускаете с него глаз?») он

ответил: «Мне интересно смотреть на него, потому что он играет долгие часы один; он – чуткий ребенок, ему не скучно играть в одиночку на строительной площадке, а еще он разговаривает сам с собой, беседует с камнями, всегда занят и строит планы! Я еще никогда не видел ребенка, который бы так хорошо умел играть сам с собой». Его ответ не только не успокоил маму, а напротив, напугал ее. Мне строго-настрого запретили играть там, посчитав, что мне угрожает большая опасность. Тогда я перенес свои игры и «наблюдения» в дом шойхета р. Моше и подключил к игре Дудика. Возле дома шойхета тоже была стройка – строилась гимназия для девочек. Меня поразило, как много времени проходит между изготовлением кирпичей и их обжигом. Почему нельзя сделать так, чтобы кирпичи обжигали на месте, сразу после изготовления? Я решил, что «изобрел» хороший и удобный способ переносить кирпичи в печь прямо из форм. Дудик и его сестренка тоже увлеклись моим изобретением. Мы решили устроить фабрику по обжигу кирпичей на крыше дома шойхета. Однако крыша была из соломы, и это таило в себе определенную опасность. Но мы приготовили тряпки – тушить огонь, если, не дай Бог, он вырвется из сделанной нами печи. Мы разложили формы, принесли глину, приготовили кирпичи – и прикрепили тонкую балку к форме так, чтобы выходящий кирпич падал прямо в печь. Почти все было уже готово, и вдруг… на крыше появилась жена шойхета – низкорослая, близорукая, бледная и энергичная, с добрыми печальными глазами и тонким писклявым голосом.

– Что это вы здесь делаете? Не могли другого места себе найти для игры, кроме как на крыше?

Путь с крыши был только один – лестница… Жена шойхета подошла к печи, а я ринулся к выходу, к лестнице; но не успел я спуститься, как раздался ее крик: «Ой-ве-вой! Этот бесенок чуть не поджег наш дом! Диверсант! Фабрикант кирпичей!» Она быстро спустилась с лестницы – и побежала за мной по улице, крича: «Фабрикант чуть меня не спалил!» После этого случая друзья дали мне прозвище «фабрикант обожженных кирпичей», наградив меня им в дополнение к остальным моим прозвищам, таким как «продавец старинных монет», «учитель в бараке» и «подрабинок на дереве».

Глава 6. Первые скитания (лето 5654 (1894) – зима 5655 (1895) года)

Когда мне исполнилось десять с половиной лет, семья решила, что мне пора ехать учиться в йешиву. В городе уже не было подходящих учителей для меня и моего брата, и было решено, что мы поедем в Кременчуг – там много йешив. Крупный город, недалеко от нашего городка, к тому же мама в нем родилась и у нее там родные: брат и дядья. Проблема же была вот в чем: кто повезет нас в Кременчуг? Всей семье было очевидно, что лучше всего будет, если нас повезет дядя Кальман. Его жена, тетя Тамара, сама из Кременчуга, к тому же богатые и известные братья Гурарье – ее племянники, и вообще у нее там много семейных и дружеских связей, а дядя Кальман – человек известный и уважаемый, и он устроит нас там гораздо лучше, чем это сможет сделать мама. Но мама воспротивилась такому предложению. Она настояла на том, что только она повезет нас туда. Так и вышло: в йешиву отвезла нас она.

Мы запаслись большим количеством рекомендательных писем. В Кременчуге мы расположились в доме маминого брата, дяди Маше-Давида. Он был крупным учителем Гемары. В те дни еще жива была бабушка Фрида, мамина мама, она жила в том же городе. Мысль отправить маленьких детей в возрасте 10 и 12 лет в йешиву показалась маминой родне неразумной. Бабушка сказала: «Таких маленьких детей я бы никуда из дома не отпускала». Но мой старший брат, которому было уже почти 12 лет, тем же вечером, когда мы пошли в синагогу, решился показать рекомендательные письма городским раввинам: р. Яакову-Исраэлю Явецу, «польскому ребе», и хабадскому раввину р. Ицхаку-Йоэлю Рафаиловичу{128} – и поступил в йешиву. Его проэкзаменовали и приняли сразу в средний класс. Но меня не хотели принимать, несмотря на то даже, что я очень успешно сдал экзамен: ученики заявили, что если в их класс возьмут такого малыша, то они все уйдут из класса. И действительно, я был невысокого роста, мне было всего 10 лет, а выглядел совсем как маленький ребенок – лет семи-восьми, не больше. Ученикам же в этом классе было лет по 15–16. В итоге, конечно, решили, что мне надо учиться в младшем классе, а брату – в более старшем. Мне было очень обидно, и я с трудом смирился с этим.

Глава йешивы, преподававший в младшем классе, – его звали раби Мелех – встретил меня приветливо. В это время они учили трактат «Бава Кама»{129}, и я уже через неделю был лучшим

учеником в классе С он именно так и сказал). Но раб и Мелех слегка подсмеивался надо мной и говорил: «Ты хотел учиться у другого главы йешивы, у главы йешивы из Кейдан, но уж придется тебе немного поучиться у меня», – и в течение всего урока он напоминал мне: «Ты хотел учиться у другого главы йешивы, но сперва поучишься у меня!» Намерения у него были самые лучшие, но эти подначивания очень меня огорчали, и через две недели я решил вернуться домой. Брат проводил меня на поезд, я на последние деньги купил детский билет за четверть цены (как я уже говорил, я выглядел совсем ребенком), по дороге я играл билетом и потерял его; я страшно перепугался, и вид мой был столь несчастен, что даже кондуктор пожалел меня, успокоил и уверил в том, что он хорошо помнит, что у меня был этот билет; так что я спокойно вернулся домой.

Мое возвращение домой оказалось нежеланным. После первых расспросов меня спросили, чему я учился и учился ли вообще. Я ответил: меня там экзаменовали! Это чтобы показать, что у меня была причина сбежать оттуда. За это время я успел начать самостоятельно учить еще один трактат, который не проходили в йешиве: трактат «Макот»{130}. Всего за две недели я выучил десять страниц. Меня проверили на знание трактатов «Бава Кама» и «Макот» – и я их знал. На семейном совете было решено, что я буду учиться самостоятельно в бейт-мидраше, и меня будут учить городские шойхеты – р. Моше и р. Йоси, каждый будет обучать меня какому-то одному трактату. Кроме того, я начал учить самостоятельно еще один трактат, «Хулин», про меня даже стали говорить: «Хулин» он учит, «Шаббат» он повторяет, и «Макот» он знает…

Тем летом я впервые попробовал учиться самостоятельно. У меня было много учителей: с отцом мы в течение недели учили «Ялкут Шимони» на недельную главу. Трактат «Макот» я учил с шойхетом р. Йоси, он же проверял у меня тот материал, который я учил самостоятельно, и наставлял меня в этом самостоятельном обучении. Трактат «Хулин» я учил с шойхетом р. Моше. Кроме того, я каждый день учил главы мишнайот.

И из какой-то особой внутренней гордости я учил трактат «Таанит»{131} и трактат «Мегила»{132}. Кроме всего этого, я должен был каждую субботу утром приходить к дяде р. Элиэзеру Моше, и мы с ним вместе учили разные книги: предисловие Рамбама к комментариям мишнайот, главы Мишны с комментариями «Тиферет Исраэль», а как-то раз он даже попробовал читать со мной «Торат хесед»{133} – книгу Шнеура-Залмана из Ляд, ставшего потом раввином в Люблине и в Иерусалиме, – но я ничего не понял…

В разделе «Моэд»[134] я уже хорошо знал трактаты «Шаббат» и «Псахим» и задался целью завершить в этом году весь раздел «Моэд» – было понятно, что в конце лета будет экзамен, где мне придется соперничать с братом. Я очень усердствовал в своих занятиях, прикладывал все силы, и действительно, когда брат через несколько месяцев вернулся из йешивы, оказалось, что я выучил в три раза больше материала, чем он. Когда его проэкзаменовали – а он знал материал очень хорошо, – выяснилось, что я знаю еще лучше. Так я оправдал свой побег.

Но эта история была только прелюдией к другому, более серьезному побегу. Я помнил то, что мне говорил дядя: «15 лет – возраст Талмуда, к 15-ти годам ты должен завершить изучение Талмуда». Опираясь на опыт этого лета, я решил, что смогу завершить изучение Талмуда всего за два с половиной года, остававшихся до бар-мицвы[135]… Но для этого мне надо было покинуть дом. Я уже рассказывал про своего верного друга Эли, который был сыном служки нового бейт-мидраша; я воодушевил его своими рассказами, и мы договорились, что после праздника Симхат Тора, в послепраздничный день, скроемся и убежим в Гомель. Мы слышали, что в Гомеле есть большая йешива. Об этом мне рассказал сын шойхета, Шауль, и там есть бейт-мидраши, в которых много книг, и много учеников в йешиве, и горожане заботятся об учениках как следует – там можно уединиться и прилежно учить Тору. Я собрал белье и одежду, упаковал их, положил узелок с вещами на печь и в послепраздничный день решил пойти на вокзал, который был в четырех километрах от города, и уехать. Для этого мне нужно было немного денег, три рубля. Я вышел утром из дому и вот: мама стоит возле двери, и я не могу взять узел с вещами. Мое сердце наполнилось тревогой. Я поцеловал мезузу[136] и пошел. Вдруг мама кричит мне:

– Почему ты вдруг поцеловал мезузу?

– А разве запрещено ее целовать? Наоборот, даже есть такая заповедь.

Мама смотрит на меня и говорит:

– Но ты никогда этого не делал.

Я ответил:

– Хотя бы раз надо это сделать.

И ушел. Пошел к кузену и сказал ему, что отец просил одолжить для него три рубля. Кузен удивился: «Надо же, он здесь был только что и даже словом не обмолвился!» Я сказал: «Он меня утром попросил». Кузен немного поколебался и дал мне рубль. И вот мы выпили в путь. Шел дождь, было грязно. Мы выпили в девять, а добрались до вокзала в первом часу дня. Поезд уже стоял; мы поспешили зайти в него, но билетов у нас не было.

Эли сказал: «Давай спрячемся под лавкой». Но после того, как мы проехали одну станцию, нас вытащили из-под лавки. Мой друг смеялся, а я плакал. Евреи сказали: «Что вы делаете, дети, куда вы едете?» Я молчал, я был как Биньямин Третий, а Эли был мой Сендерл-баба – он все объяснял и рассказывал. Евреи спросили: «У вас есть деньги?» Я сказал: «У нас есть рубль». Пассажиры засмеялись и договорились с кондуктором, чтобы мы могли доехать до Гомеля.

Было уже почти пять часов вечера, а мы ничего не ели с утра. На третьей остановке я вышел купить хлеба, а Эли пошел купить чаю. Пока я покупал хлеб, поезд тронулся. Я побежал и вскочил на подножку поезда уже практически на ходу. Кондуктор и пассажиры смеялись и шумели. А я успел лишь чудом.

Когда мы подъезжали к Ромнам, я смотрел в окно и вдруг вижу: идет дядя Пинхас Островский, неторопливо так себе шагает. Я сразу понял, что мои послали ему телеграмму, и он отправился меня искать. Так как опыт уже научил меня тому, что из-под лавки могут вынуть и там спокойно не спрячешься, я залез на верхнюю полку и забился между тюков. Другу я сказал, чтобы он перешел в другой вагон. «Дядька с палкой» – так выразился один из пассажиров – расспрашивал пассажиров про «ребенка», и они сказали ему, что «ребенок» находится здесь. Тем временем зазвенел звонок, и дяде пришлось поторопиться выйти из поезда, пока он не тронулся, а мы продолжили поездку. Тот факт, что Пинхас Островский – мой дядя и что он сам пошел меня искать и говорил обо мне только хорошее, сразу повысил мой престиж в глазах пассажиров; и до самого нашего приезда в Гомель они относились к нам с «уважением» и дружеским участием.

На следующее утро, в 6 часов, мы приехали в Гомель. Это был четверг, 25 тишрея 5655 (1895) года; на улице было еще темно, шел первый снег. Жители Гомеля, которые ехали с нами в поезде, объяснили нам дорогу до бейт-мидраша у Конной площади, в котором находилась йешива. Мы пошли туда. По дороге нам встречались люди, которые торопились и не обращали на нас никакого внимания. Мы тоже никого ни о чем не спрашивали. Только когда мы уже почти подошли к самой площади, нам встретилась пожилая женщина; она замедлила шаг, оглядела нас с ног до головы и спросила приятным голосом: «Дети, куда вы идете в такой ранний час?» Эли, будучи более разговорчивым, ответил ей; она пришла в изумление, спросила, есть ли у нас родители, и проводила нас до бейт-мидраша.

Мы вошли. Бейт-мидраш был полон света и людей. Как раз заканчивалась «молитва ватикин»: в это время молятся все, кто потом спешит на работу. Наше появление повергло всех в

изумление. было впечатление, будто нас ждали, – мы даже заподозрили, что один из пассажиров, ехавших с нами в поезде, житель Гомеля, который объяснял нам дорогу до «йешивы» и сказал нам, что живет в этом районе, поспешил в бейт-мидраш (он ехал на извозчике, а мы шли пешком) и рассказал про нас; рассказал отчасти серьезно, а отчасти с дружеской иронией. Как только мы вошли, нас окружили: «Откуда вы, дети? Чего вы хотите?» Когда мы рассказали, что мы из Хорала, все повскакивали со своих мест и поднялся шум. Когда мы объяснили, что пришли учиться в йешиве, стали смеяться. У меня сразу спросили:

– Ты Пятикнижие знаешь, мальчик?

– Знаю.

– Какая сейчас недельная глава?

Я ответил. Меня стали спрашивать по Пятикнижию и Раши.

– А ты и Танах учил?

– Учил.

– Ранних пророков?

– Да.

– А чем болел Аса{137}? – спросил низкорослый рыжий еврей с резким голосом, и все засмеялись.

– Написано: «К старости стали у него болеть ноги».

– Хорошо! А почему он не позвал врача? – продолжал спрашивать рыжий еврей.

– Он звал врачей, но об этом не написано в «Мелахим»{138}, а написано в «Книге хроник»{139}.

– О, мальчик хорошо знает! Ты учил и «Книгу хроник»?

– Читал самостоятельно.

– Прекрасно. А Иова учил? – Да.

– А ты можешь описать дикого быка и левиафана {140}?

– Это надо читать в «Хакдамот».

Веселье нарастает. Народ продолжает к нам стекаться. Стали укорять рыжего еврея. Подвели меня к главе йешивы, он стоял у передней стены, около *арон кодеша,* – еврей невысокого роста, с длинной бородой, с голубыми холодными глазами. Его глаза смотрели на меня испытующе, и я испугался. Он спросил, учил ли я Гемару.

– Да.

– Какие трактаты учил?

– «Шаббат», «Псахим», «Бава Мециа»{141}, «Хулин», «Макот», «Таанит».

Все опять начали смеяться.

– А раздел «Нашим»{142} тоже учил?

– Главу из трактата «Недарим»!

– А «Брахот»[143] учил?

– Только Мишну.

– Ты учил еще и Мишну?

– Всю Мишну.

– Все шесть разделов?

– Да.

– Сколько тебе лет?

– В Хануку[144] будет одиннадцать.

– За один год ты выучил всю Мишну?

– 10 лет – возраст Мишны, меня учили так: в 10 лет нужно закончить изучение Мишны.

Часть людей столпились вокруг Эли, проверяют его знания и беседуют с ним. Вдруг один еврей отделяется от них, подходит к главе йешивы и шепчет ему что-то. Глава йешивы усмехается и говорит: «Ладно». Еврей говорит мне: «Твой друг сказал, что ты большой знаток тех книг, которые ты изучал, и знаешь текст «на иглу»! Мы проверим тебя, хорошо?»

Я промолчал.

– «Молчание – знак согласия», да? А где написана эта фраза? – спрашивает глава йешивы.

– В той части Гемары, которую я учил, нет этой фразы.

– Так, – говорит глава йешивы, – а «Бава Мециа» учил?

– Да, – отвечаю я, – однако в третьей главе трактата «Бава Мециа» (37б) сказано: «молчание – как согласие», но не написано про «знак».

Снова начинается веселье. Требуют принести Гемару. Глава йешивы улыбается и говорит: «Все правильно! Полностью эта фраза приводится в трактате «Йевамот»[145] (88а)». Начинают проверять меня на «палец».

Достают трактат «Шаббат», и один из проверяющих, худощавый еврей с большим кадыком, глядит на меня с высоты своего роста, кладет палец на одиннадцатый лист трактата «Шаббат», на фразе «Хорош пост против дурного сна, как огонь против вычесок льна», и спрашивает меня: «Что написано в этом же месте на двадцать первом листе?» Я отвечаю без запинки: «Сказал рабан Шимон бен Гамлиэль[146]: в доме моего отца обвязывали фитилем орех и поджигали». Еврей смотрит в книгу: «Верно». И продолжает спрашивать: «Ну, а что написано в этом месте на тридцать первом листе?» Я немного колеблюсь и отвечаю: «Учили мудрецы: история про иноверца, который пришел к Шамаю[147] и спросил: «Сколько Тор есть у вас?» Народ поражается: «Точно!» И вдруг я чувствую огромную жалость… к себе! Я хотел убежать из-под опеки семьи, многочисленных дядьев и кузенов, от их экзаменов и проверок – и вот я стою перед

толпой чужих людей, которые меня мучают… И от этой жалости, несмотря на свои успешные ответы, я горько заплакал! К изумлению всех окруживших меня евреев и к тревоге моего друга Эли. Один еврей, высокий и статный, внешностью немного похожий на моего дядю Пинхаса Островского – гневливое лицо, высокий лоб, черная борода, подернутая сединой, и большие глаза, проницательные и какие-то нездешние, – подошел к стоящим вокруг меня и тихим приятным голосом сказал: «Стыдно, правда стыдно, толпа евреев мучает маленького ребенка, который устал после долгой дороги, не ел и не пил – что вы от него хотите?»

Услышав эти слова, я еще сильнее зарыдал от жалости к себе. Тотчас общее внимание переключилось на моего друга, и они стали беседовать с ним.

Высокий еврей, «шойхет из Себежа», взял на себя бремя нашего обустройства. Эли выправили дневное пособие, а мне недельное. Друг потребовал для меня месячного пособия в течение двух лет… пока я не закончу Талмуд. По настоянию шойхета, который взял меня в свой дом на первые недели, мне дали недельное пособие до конца Хануки. Так что до поры до времени мы не беспокоились за наше будущее.

Благодаря тем слезам у меня появился верный друг – сын служки, глухонемой здоровяк. Он подошел ко мне, показал мне два пальца – один на левой руке, другой на правой, соединил их сначала один, а потом два раза – и зарычал! Мне объяснили: он тебе сообщает, что ты ему как брат и он будет тебя защищать! В самом деле, в течение полугода, проведенных мною в той йешиве, меня никто не смел даже пальцем тронуть, и друзья шутили: «Эли – староста Бен-Циана, а глухонемой – его телохранитель…»

И действительно, ночью, когда я поднимался на «биму»{148} (стол был слишком высоким, но на стуле было удобно, и я устраивался на нем полусидя-полулежа) и начинал учить громким и звучным голосом, сын служки сидел на ступеньках, ведущих на «биму», и не давал никому подойти и помешать мне…

Шесть первых месяцев 5655 года – а точнее, девятнадцать недель – были не самыми счастливыми в моей жизни… По прошествии десяти дней, после того как дома получили мое письмо, в Гомель приехал мой кузен, Йосеф Динабург из Гадяча, привез мне одежду и белье из дому, оставил немного денег и дал мне зимнее пальто – теплое меховое пальто; его приезд не остался незамеченным. Мой дядя, р. Элиэзер-Моше Мадиевский, написал своему хорошему знакомому, р. Аарону Менухину (он был потом раввином в Клинцах), зятю одного из гомельских богачей – р. Лейба Менухина, который потом уехал в Палестину,

и попросил его за мной присмотреть. Тот отправил за мной в йешиву посыльного и через него пригласил меня прийти. Он проверил мои знания и постановил, что я каждый месяц должен приходить к нему и отчитываться по поводу своей учебы, чтобы он мог оценить мои успехи. Он сам определял порядок моих занятий. Каждый раз, когда я приходил к нему, он сидел в своем рабочем кабинете на мягком стуле за столом, на котором лежали книги, рядом с ним были молодая жена и маленький ребенок: ну просто полное олицетворение «учености в богатстве и почете».

В йешиве учили трактат «Ктубот»{149} – я учил его вместе с остальными учениками, но в более быстром темпе. Каждый день я учил один лист Гемары с добавлениями и комментариями. Кроме того, я самостоятельно учил трактат «Брахот», а также вернулся к изучению раздела «Моэд».

Глава йешивы, его кажется звали р. Ирмеяху, отчего-то меня невзлюбил. Я был для него «исключением из правил», «трудным орешком», требующим заботы, которую у него не было ни малейшего желания мне давать. Он мне не раз советовал попроситься в другую йешиву или другой бейт-мидраш: «Тебе не нужны друзья. У ребят, которые здесь учатся, ты не научишься тому, чему стоило бы» (это была правда). Ученики измывались надо мной за мое прилежание и за мою известность и старались поссорить меня с Эли. Они объясняли ему, что такому парню, как он, не пристало учиться каждый день со мной и прислуживать мне как ученик учителю. Каждый вечер после вечерней молитвы мы с Эли повторяли урок главы йешивы и готовили тему к следующему уроку. В конце концов ученики добились своего, и Эли стал причиной моей большой печали. И несмотря на то что потом мой друг раскаялся, та рана не заросла, и когда мы вернулись домой, мы раздружились окончательно. В ту зиму умерла жена «шойхета из Себежа», и он обо мне почти не заботился. Многие дни я попросту голодал. Всю зиму я спал на скамейке в маленькой комнатке при бейт-мидраше в йешиве, подушкой мне служил соломенный тюфяк, а одеялом – пальто, над размерами которого «друзья» смеялись и говорили, что я могу в нем прятаться. Большие парни уговаривали меня продать пальто одному из них, которому оно подходило по размеру. И в этом они тоже добились своего. Я продал пальто за рубль и восемьдесят копеек!

Раввин Гомеля, р. Гирш-Бер Лоткер, позвал меня к себе и высказал свое особое «мнение»: мне нужно слушать его хасидские проповеди, а потом пересказывать ему их. Я приходил к нему раз или два, а потом перестал. Он тоже жил богато и обеспеченно, принимал меня учтиво и был во мне «заинтересован». Но вот что

меня удивляло: почему все те, кто был во мне «заинтересован», ни разу не поинтересовались, каким подножным кормом я питаюсь… Еще одна близкая семья была у меня, семья Шифриных. Аарон Шифрин, шурин моего дяди, Лейба Динабурга из Москвы; он тоже был изгнан из Москвы и задержался с семьей на два-три месяца в Гомеле. Его дочь Женя, моя ровесница, была необыкновенно красива. Они отыскали меня и часто приходили взять меня к себе пообедать, поужинать и побеседовать несколько часов с р. Аароном, который был просветителем и ученым: он опубликовал книжку под названием «Отовсюду понемногу»{150}, вышедшую в Варшаве в 5653 (1893) году, и оставил множество рукописей, комментариев и примечаний к Талмуду. 10 адара 5655 (1895) года – ровно через 19 недель после нашего «побега» – мы вернулись домой. Я и мой друг Эли привезли с собой, как говорили шутники, разный «багаж»: Бен-Цион привез знание новых двухсот страниц Гемары (трактат «Ктубот» и трактат «Брахот»), а Эли – кожную болезнь, чесотку, которая пошла у него по всему телу…

Мама Эли упрекала мою маму за то, что я «подговорил» ее сына на «авантюру» и не «присматривал» за ним среди чужих людей. Моя мама на это отвечала, что я младше Эли почти на три года, но это как-то не принималось во внимание, и долгие годы его мама пеняла мне на то, что я не следил за Эли…

Глава 7. Скитания и учеба (Кременчуг и Корсунь, нисан 5655 (1895) – элул 5656 (1896) года)

Весной 5655 (1895) года, после Песаха, было решено, что я и мой старший брат (он был старше меня на полгода) снова поедем в Кременчуг на учебу и нам надо постараться, чтобы нас приняли в йешиву к «Великому»{151}, которая считалась очень серьезной йешивой и пользовалась уважением среди ученых города и окрестностей. «Великий», глава йешивы, нас проэкзаменовал, и мы были туда радушно приняты. Мы с братом учились там целый год. Весь тот год – от нисана 5655-го до нисана 5656-го – сохранился у меня в памяти как один из лучших в моей жизни. Самые приятные воспоминания у меня остались благодаря дому друга моего деда по матери – р. Яакова-Йоси Коропчинского, который дал мне возможность жить у него, выделил мне собственную комнату, и его домашние относились ко мне с большим дружелюбием и симпатией.

В доме р. Яакова-Йоси было много книг по хасидизму, содержавших огромное количество историй из жизни цадиков. С тех пор я, пожалуй, нигде не встречал подобной коллекции книг; чтобы их почитать, я вставал чуть свет. Кроме хасидских историй там были и нравоучительные сочинения, их я тоже читал, особенно предисловия и апробации раввинов; еще там было много старых сказок на идише. *Я* прочел там «Тысячу и одну ночь» (в переводе на идиш); у этой книги не было обложки, и я долгое время не знал даже, как она называлась. Только долгие годы спустя, прочитав эту книгу по-русски, я вспомнил тот потрепанный томик, где на 700 страницах было множество разных удивительных сказок. Но, как я уже говорил, меня больше интересовали хасидские истории и рассказы о цадиках. За короткое время я неплохо освоил все эти истории в различных версиях, стал различать имеющиеся противоречия и научился им не доверять. Почти все ученики в йешиве были миснагдим, и бейт-мидраш, в котором находилась йешива, – бейт-мидраш «Техилим» напротив большой синагоги, – был миснагедский. Господин Бамадас, крупный коммерсант, обеспечивавший нашу семью доходом, был одним из глав миснагдим (мой отец вел с ним дела – был по существу его агентом в нашем городке). Два его зятя – сын р. Рафаэля{152} из Бобруйска, р. Яаков Шапиро, который потом был главой йешивы в Воложине{153}, и сын р. Эли из Пружан (кажется, р. Аарон Файнштейн) – были одними из

самых видных прихожан этого бейт-мидраша.

В бейт-мидраше у меня было постоянное место невдалеке от ребе Яакова, который обычно сидел в уголке, погруженный в раздумья, перебирал руками свою черную кучерявую бороду, морщил лоб – и никого не замечал. Его глаза будто бы и смотрели на тебя, но чувствовалось, что он не видит ничего вокруг… Я учил все тексты вслух{154}. Как-то раз р. Яаков попросил меня подойти к нему; я подошел, и он сказал мне шепотом: судя по твоему напеву при изучении отрывка из Гемары (Бава Кама, 63: «общее-частное-общее»), похоже, что ты неверно его толкуешь. Я почувствовал себя обиженным – принес Гемару и объяснил этот отрывок. Ребе Яаков улыбнулся и сказал: «Хорошо, но зачем же ты учишь вслух, если твой голос не может выразить суть предмета?» – и попросил прощения за то, что подозревал меня, ибо не имел дурных намерений. И я на какое-то время перестал учить вслух. И снова позвал меня р. Яаков и сказал мне: погляди в трактат «Эйрувин»{155} (54а), там, в Гемаре и у Раши, написано, как нужно учиться. Я поглядел и усвоил, что не следует учиться «бормоча или шепотом». Почти целый год я сидел рядом с ним, он часто видел меня в доме своего тестя – и только два раза говорил со мной, что, впрочем, лишь усиливало мое к нему уважение, так как имелись в нем черты человека, удаленного от мира, «хасида (праведника) на всех путях своих», о котором я читал в этических сочинениях и в Агаде{156}, и был он совершенно непохож на типичного хасида в привычном для меня хасидском окружении. Такое противоречие лишь усугубляло мое критическое отношение к историям о цадиках, которые я читал. Кроме того, мои друзья, особенно сыновья литовского раввина, миснагеда, своими разговорами обостряли во мне чувствительность к противоречиям, которые я находил в хасидских притчах; и надо мной даже смеялись, говорили: вот человек, у которого возникают трудные вопросы после чтения сказок.

Каждую неделю, на исходе субботы, в доме собирались друзья хозяина и кое-какие родственники; все рассаживались вокруг стола, на котором стояли чашки с горячим чаем и большой, приятно пыхтевший самовар, и рассказывали истории про цадиков. Моих познаний в области хасидских рассказов вполне хватало на то, чтобы каждый раз добавлять новые подробности из разных версий, с указанием источника; иногда про какую-нибудь из историй я позволял себе заметить, что ту же самую историю уже рассказывали о другом, более раннем цадике. Я старался, чтобы меня никто не заподозрил в том, что я не верю в эти истории. Меня предупредила об этом дочь хозяина, молодая мать,

испытывавшая ко мне материнские и сестринские чувства. С того дня, как она увидела, что я встаю чуть свет и учусь по утрам, она тоже вставала рано, осторожно спускалась, тихо заходила ко мне в комнату, давала мне чашку горячего молока с булкой, ждала, когда я поем, брала чашку, мыла ее и возвращалась в свою кровать. Не говоря ни слова, она смотрела на меня своими красивыми печальными глазами, теплым взглядом, ободряющим и дружелюбным, который сохранился в моей памяти на долгие годы и стал для меня символом человеческой чистоты.

Но моей осторожности не хватило на то, чтобы скрыть недоверие к историям о цадиках. Р. Яаков-Йоси в какой-то момент сказал мне, что рассказ теряет свою соль, если начинать в нем так подробно копаться. Из него просто уходит вся жизнь. «Не только цадик живет своей верой, но и рассказ про цадика живет благодаря тому, что в него верят». В другой раз р. Яаков-Йоси сказал мне, что когда я выявляю противоречия и ставлю трудные вопросы – в этом нет ничего страшного, если дело касается нескольких последних поколений. Но отыскивать противоречия в рассказах о более ранних поколениях – об учениках Магида{157}, – значит заглянуть в сокрытое, и от этого можно повредиться в рассудке.

Тот год мне запомнился радостным еще и потому, что летом я много купался в Днепре. Мне с самого детства нравилась река, ее течение. Я часто бегал на Голубиху, маленькую речку, которая текла близ нашего городка, хотя купание в ней было сопряжено с немалыми трудностями и даже «жертвами». По дороге на речку нас часто подкарауливали христианские дети, они дразнили нас, срывали пуговицы с пиджаков и штанов, и мы, бывало, возвращались домой побитые, в изодранной одежде, в синяках и ссадинах. И даже несмотря на это, я был среди тех детей, кто частенько, раза два или три в неделю, отваживался ходить на Голубиху. Один раз я чуть не утонул: заплыл по шею, и меня утянуло течением на середину реки. Вытащил меня городской доктор, купавшийся неподалеку; он всыпал мне по первое число, отвез к матери и сказал ей, чтобы она не пускала меня на реку одного. Мои родные с тех пор строго следовали этому указанию.

И вот я в Кременчуге, и передо мною – широкий Днепр, по которому плывут бесчисленные корабли, лодки и плоты. Подобной реки я еще никогда не видел… Мне очень нравилось купаться в Днепре. В предзакатный час спускаться на берег Днепра, снимать одежду, складывать ее на песок и бежать в воду; подплывать к дрейфующим по реке плотам и двигаться от плота к плоту – расстояние небольшое, но река глубокая, и опасность мало-помалу наполняет сердце отвагой, – плыть прямо к середине

реки и, отдохнув на последнем плоту, возвращаться назад тем же путем… Однако в то лето сие удовольствие несколько раз становилось для меня причиной большого огорчения: два раза на берегу украли мои новые ботинки, два раза потерялась шляпа, а один раз меня забило волной прямо под плот, и я с трудом выбрался оттуда живым. Особенно обидно было, когда у меня во второй раз украли ботинки: это были новые ботинки моего брата (мои украли раньше), и я упросил его дать их мне, чтобы я мог пойти на реку. Он сказал, что их, конечно, украдут, потому что они новые и хорошие, но я заупрямился… и вернулся домой босиком.

В йешиве мы учили трактат «Бава Кама». «Великий», глава йешивы, вел свой урок два раза в неделю, большей частью отвечая на вопросы приходивших к нему учеников. Он сидел возле *арон кодеша,* перед ним лежала раскрытая Гемара. Он не только отвечал на вопросы учеников, но и давал им советы, как лучше продвигаться в учении. И я безмерно признателен ему за то, что он научил меня использовать Масорет ха-Шас{158} и всегда смотреть параллельные места, потому что различные версии одного и того же пассажа имеют большое значение. Я помню, как через два дня после этого я обратился к нему с вопросом, который его удивил, и получил от него ответ, который удивил меня. Мы учили пятую главу трактата «Бава Кама» (50а). Я прочел в Барайте{159}: «Вот что говорят мудрецы: «Однажды дочь Нехунии, «копателя колодцев», упала в глубокую яму с водой». *Масорет ха-Шас* дает ссылку на трактат «Йевамот» (1216). Я посмотрел. Нашел там текст: «Однажды дочь Нехунии, «копателя колодцев», упала в ту глубокую яму с водой». Я обратился к главе йешивы с вопросом: «Где была «та» глубокая яма с водой?» Он посмотрел на меня с изумлением и даже с некоторым беспокойством. И вот что он мне ответил, если вкратце: «Ты точен, все верно. Но это досужая точность, а не истинное учение и не истинное обучение! Все хроники поколений, все истории мудрецов и описания местностей относятся к Агаде, а тебе надо учить саму Гемару. Вот в чем задача!» Однако ни уроки «Великого», ни острота его анализа не произвели на меня никакого впечатления. Я абсолютно ничего из этого не запомнил. Мало того, я даже не запомнил его имени. Только продолговатое его лицо, молодое и нежное, и красивая раздвоенная светло-рыжая борода отпечатались в моей памяти. Кроме трактата «Бава Кама» я учил в тот год «для себя» еще один трактат– «Йома»{160}. Но и это не нравилось главе йешивы. Как-то раз он спросил меня в присутствии учеников:

– Кто из мудрецов сказал: «Не говорил ли я тебе, когда Рабби

занимается одним трактатом, не спрашивайте его про другой трактат?»

– Р. Хия сказал это Раву{161}. В трактате «Шаббат» (3б).

– Рабби все время занимался одним и тем же трактатом, а тебе недостаточно одного!

– Но р. Хия сказал только, что не надо спрашивать его про другой трактат, вот и я не хочу, чтобы меня экзаменовали по трактату «Йома» и вообще что-либо спрашивали на эту тему!

Ученики несколько удивились моей «дерзости», некоторым из них понравился мой ответ, других он разозлил. Дело было после Пурима, в 5656 (1896) году, 19 адара, в четвертый день чтения главы «Ваякхель»{162}.

Эта дата врезалась мне в память оттого, что в тот день, между *минхой*{163} и *маариво*м{164}, в бейт-мидраше читали псалмы и молились о здоровье р. Ицхака-Эльханана{165} из Ковно, который был при смерти. Я тоже читал псалмы, сосредоточенно и с большим чувством. Бейт-мидраш был полон народу. Магид{166} бейт-мидраша, р. Биньямин-Меир из Суража, автор книги «Виноградник Биньямина»{167} (комментарии к историям Рабы бар Бар-Ханы{168}), управлял чтением псалмов. После чтения магид еще долго расхаживал по бейт-мидрашу, погруженный в свои мысли. Один из друзей подошел ко мне и сказал нарочито громким шепотом, так, чтоб услышали многие: «Виноградник Биньямина» занят в эти дни, очень-очень занят, сначала он руководил чтением псалмов о выздоровлении р. Ицхака-Эльханана, а теперь готовит ему надгробное слово…»

И действительно, в первый день чтения главы «Пкудей»{169}, между *минхой* и *маариво*м, состоялась панихида. Речь магида произвела на всех большое впечатление. Поразила она и меня. До сих пор я слышу голос магида: «Вот исчисления скинии завета (Исх. 38:21) – каковы они? В час, когда Всевышний дал Тору народу Израиля, человек освободился из-под власти ангела смерти, ибо сказано: Тора, высеченная на скрижалях, дает освобождение от ангела смерти!» Магид доказал, что по сути мы сами повинны в смерти р. Ицхака-Эльханана и что в этот самый миг он спускается сюда, чтобы услышать, как оплакивают его в Доме Израиля. И вдруг он обратился к народу: «Встретим его, как встречают главу всей диаспоры, – но не вставанием, а траурным сидением!» – и все сели на пол, и магид тоже, и начал говорить, обращаясь к р. Ицхаку-Эльханану, и просить его, чтобы он стал заступником для своего народа, преследуемого в изгнании, для каждого из сынов, страждущих и измученных… Все сидели и плакали горькими слезами!

Кто может понять движения души? Непостижимым образом в

разгар этого плача людского, и моего тоже, я решил, что не буду учиться здесь – «человек должен постигать Тору в том месте, которое согревает его сердце», но два непреложных факта были мне совершенно ясны: я хочу учить Тору – и много учить! А это место не согревает мое сердце!

У р. Яакова-Йоси был внук, Зейдл Гурарье, сын зятя, Бера Гурарье. Бер Гурарье выглядел так: почтенный домовладелец, длиннобородый еврей, хваткий и вечно в делах. У него был магазин лакокрасочных материалов, который в один несчастный день был уничтожен пожаром за считанные часы… Зейдл был моим другом. Он был старше меня на два с половиной года, я с ним ежедневно занимался и за это обедал вместе с ними и получал деньги на карманные расходы. От Зейдла я узнал многое про йешивы рабби Цви-Гирша Шлеза{170}, которые тот создал в киевской губернии: в Черкассах, в Ржищеве и в Корсуне. Имя Цви-Гирша Шлеза было мне знакомо: я видел его книгу «Беседы мудрецов» (комментарии к Торе рассказы о мудрецах). Два экземпляра ее в различных изданиях, в красивом переплете – один с посвящением от автора, «Цви-Гирша бар Бен-Циона Шлеза, уроженца Векшни, ныне живущего в Корсуне», а другой с посвящением от его сына, «Элиэзера бен Цви-Гирша Шлеза из Кременчуга», – хранились в книжном шкафу ребе Яакова-Йоси. В первый раз в жизни у меня была возможность сравнить два издания одной книги, различавшиеся не только по времени издания (на несколько лет), но и по месту: одно из изданий было зарубежным.

Мы сговорились с моим другом, что сразу после Песаха вдвоем поедем в Корсунь, будем там учиться вместе, у меня будет постоянный доход, который наряду со стипендией из кассы р. Гирша Шлеза позволит мне учиться и «достойно зарабатывать». У меня была еще одна причина покинуть Кременчуг: я хотел отделиться от моего брата. Мы с моим старшим братом Яни (Цви-Яаковом) все детство учились вместе, но далеко не всегда наше сосуществование было мирным. Брат утверждал, что я «тороплив» и «порывист», меняю каждый час свои планы (он даже прозвал меня «Бен-Цион бен Халафта»{171} («переменчивый»)); мы очень сильно отличались друг от друга по темпераменту. У нас была общая собственность – книги. Мы покупали их на собственные карманные деньги, которые давала нам родня, посещая нас в Кременчуге, и мы часто спорили по поводу «общей собственности»: нужно ли вложить все деньги в покупку книг и сэкономить на поездке домой или можно себе позволить разок какие-нибудь развлечения? В этом вопросе наши мнения сильно расходились. Однажды я даже решился предложить брату…

пойти покататься на лодке по Днепру – а это стоило по 25 копеек на человека! Ну не позор ли, кататься на лодочке, как гои! Но если не считать подобных крайностей, то в целом это даже хорошо, что я не был противником «мирских удовольствий»: мне нравилось выпить стаканчик бузы (напиток из перебродившего проса) или яблочного кваса, попробовать татарского мармелада (рахат-лукума) или мороженого крем-брюле, которое носили в небольших коробках на голове и кричали: «са-ахарное мороженое»… Брат считал все эти вкусности чем-то постыдным. Книги, которые я хотел купить, ему тоже не нравились: «Хроника поколений» в издании р. Нафтали Маскиль ле-Эйтана{172} (ведь она у нас есть дома – хоть и напечатанная шрифтом Раши!), «Хроника поколений учеников Бешта»{173} (хасидские притчи – их даже бесплатно не стоит в руки брать!), Танах с комментариями Мальбима{174} (стоит кучу денег! – ты с ума сошел?!), однотомник Талмуда (ослепнуть можно от такого микроскопического шрифта!).

Брат же хотел купить «Ха-Шита ха-мекубецет»{175} с комментариями на трактаты «Бава Кама», «Бава Мециа» и «Бава Батра»{176}; и «Мло ха-роим»{177} р. Яакова-Цви Йолеса. И когда мы купили в качестве компромисса «Хронику поколений» и «Ха-Шита ха-мекубецет», у нас возникли разногласия: будут ли эти книги нашей общей собственностью или их надо разделить между нами; но ведь «Ха-Шита ха-мекубецет» в три раза дороже «Хроники поколений»! Как же тогда приобретать «общие» книги? Мы решили, что общими книгами у нас будут настоящие галахические книги… С тех времен у меня сохранилась надпись на книге «Сефер хаманхиг»{178}: «Эта книга принадлежит Цви-Яакову и Бен-Циону, сыновьям р. Шнеура-Залмана-Ицхака ха-Леви Динабурга; 5655-й год».

Наши мнения расходились еще и потому, что я много использовал *Масорет ха-Шас,* тогда как для брата подобный способ совмещать различные листы Гемары и витать между мирами отнюдь не казался разумным: ибо не следует учить одновременно несколько трактатов! Кроме этих жалоб «духовного» рода были также и другие претензии. Мой брат был экономен, умел беречь каждый грош, а я представлял собой обратную картину. Обычно родственники давали мне большую часть карманных денег, а потом уже я передавал брату его долю. Сначала у нас была общая касса. Но брат стал говорить, что у него нет желания беречь деньги лишь для того, чтоб я их растрачивал. И мы решили: у нас будет раздельный бюджет! Правда, брат утверждал, что ему как первенцу полагается вдвое больше, так как, по его мнению, деньги, получаемые от

родственников, надо рассматривать как наследство; во всяком случае так предписывает хасидская традиция… Мы стали делить деньги поровну, и в итоге в кармане моего брата оставалось 15 рублей наличными, а у меня не было денег даже на то, чтобы купить билет на поезд в *Хорал*… Короче, я решил отделиться от брата.

Итак, сразу после Песаха я ехал из дома в Кременчуг, а на следующий день мы с моим другом Зейдлом поехали в Корсунь. На этот раз у нас не было никаких рекомендаций, за исключением письма от «Великого», которое тот вручил мне перед поездкой домой, и в нем было написано про меня, что «это юноша нежного возраста, который еще не достиг возраста бар-мицвы», «его чрево наполнено многими сотнями листов Гемары» и «по завязи тыквы видно, что из нее вырастет» (фраза из Талмуда, означающая: умного человека видно с детства). Рекомендательное письмо «Великого» и рассказы Зейдла обо мне очень помогли: меня приняли весьма приветливо.

В корсуньской йешиве было два главы: р. Давид и р. Довидл; р. Давид вел занятия в первом и втором классах, а р. Довидл – во втором и третьем. Соответственно, во втором классе преподавали оба главы йешивы. Надзирателем был р. Цви-Гирш Шлез, пожилой еврей, широкоплечий, высокого роста, даже в жаркие дни кутавшийся в пальто, немного нескладный, с озорными сверкающими глазами, которые подкупали своей теплотой. Говорил он тихо и сдержанно. Р. Давида не было среди экзаменаторов. Его дочь в первый день Песаха утонула в реке Рось – ее унесло потоком воды; р. Давид был совершенно подавлен и сломлен и еще не вышел из траура. Р. Довидл выглядел лет на двадцать пять, даже моложе, высокий, энергичный и остроумный, веселый и простодушный, вместо бороды у него был только пушок. Экзамен был коротким: вопрос – ответ, вопрос – ответ. Вопрос на эрудицию – вопрос на сообразительность, утверждение – возражение. Р. Довидл сразу сказал: «Он пойдет в третий класс», а р. Цви-Гирш Шлез начал выяснять, что я знаю об истории поколений (это был его конек), и после проверки моих знаний сказал, что я – нежданная «находка» для их йешивы. Устроили меня хорошо; выделили мне комнату в доме плотника Шимшона, рядом с йешивой, и пособие – семь копеек в день, т. е. около двух рублей в месяц. Еще два рубля в месяц я буду получать от моего друга Зейдла – и смогу жить просто по-царски.

В третьем классе учили трактаты «Бейца»{179} и «Хулин», а также «Йоре деа»{180}(законы кашрута о смешивании). Я обрадовался тому, что учат сразу два трактата (трактат «Бейца»

учили и во втором, и в третьем классе) и один из них входит в раздел «Моэд», так что если я буду учить еще трактат «Сукка»{181}, то завершу весь раздел «Моэд» к бар-мицве. Правда, в трактате «Эйрувин» я плохо ориентировался; некоторые части трактата я не учил вовсе, а некоторые мне были непонятны. В йешиве было еще два «дарования», превосходящих меня по возрасту: юноша из Каменки и юноша из Таращи. Юноша из Каменки был статен, краснощек и черноволос, с черными блестящими глазами и красивым голосом. Когда он заучивал вслух, я – да и все остальные – бывали просто очарованы звучанием его голоса. Кроме того, он был смышлен и остроумен, чуток и отзывчив; и мы очень подружились. Он был старше меня на два года. У юноши из Таращи были светлые волосы, он был медлителен, говорил тихим задумчивым голосом, а с уст его не сходила кривоватая усмешка. У него было слабое зрение и практически невозможно было различить, какого цвета его глаза: говоря с собеседником, он их наполовину прикрывал, и казалось, будто от него можно ожидать какого-то подвоха. Юношу из Каменки любили все, юношу из Таращи – р. Довидл, а меня – только р. Цви-Гирш Шлез. Мои отношения с руководством йешивы были напряженными. Главной причиной тому была река Рось. Меня притягивала река, ее чистая вода – в ней можно было разглядеть все, что происходит на дне. Течение было очень быстрым, и мне доставляло огромную радость купаться в ее водах. Вся река была усеяна скалами и утесами, отмелями и островками – и таила в себе немалую угрозу. Опасения особенно усилились с тех пор, как утонула дочь главы йешивы р. Давида, и было запрещено купаться в реке, за исключением установленных дней и часов. Пару раз я нарушил этот запрет, один раз открыто, другой раз тайно. Меня предупредили и даже «наказали»: перевели во второй класс за то, что я веду себя как «маленький ребенок» и своим упрямством роняю честь класса… Однако стараниями двух моих друзей, которые стали грозиться, что тоже перейдут со мной во второй класс, и хлопотами р. Цви-Гирша Шлеза наказание отменили; но мои отношения с р. Довидлом испортились. Основным поводом для этого стало, вероятно, мое недовольство своей учебной программой. В Корсуне я был очень усердным учеником. Может быть, даже самым усердным в йешиве. Участвовал в уроках и иногда дискутировал с ребе Довидлом, но в целом занимался по своей учебной программе. При изучении Талмуда я обычно, после того как заканчивал тему, обращался к сочинениям законоучителей по указателю «Эйн мишпат»{182} (находившемуся по краям страницы), читал Рамбама и Тура{183}. Подобным же образом я учил трактат

«Бейца» с комментариями Роша[184]. Было заметно, что я игнорирую «обновления» и «уточнения» Махарша[185], в которых р. Довидл большой специалист, – и р. Довидл как-то раз даже сказал: «Ты обращаешься к *ришоним!* Тебе надо ехать в йешиву Тельши[186], они тоже не изучают Махарша, они изучают только *ришоним* и «самых позднейших». Мы же занимаемся именно уточнениями у Махарша, и пока ты здесь – ты должен учиться по нашей системе! Ты ведь и вправду «литвак до мозга костей», который просто случайно попал в наши места!» – добавил он с деланным смехом.

Ухудшению отношений с р. Довидлом способствовало также мое резкое замечание про р. Йосефа Теумим[187] (р. Йосеф Теумим, автор книги комментариев к «Шулхан аруху»[188] под названием «При мегадим»[189]), которое я высказал как-то после одного из уроков по «Йоре деа»; мы учили законы кашрута мясной и молочной пищи (Йоре деа, 87): раздел, в котором говорится, что не запрещено есть рыбу в молоке. И вот Таз (р. Давид ха-Леви[190]) говорит об этом: «…во всяком случае не следует есть рыбу с молоком, так как это опасно». А Шах (р. Шабтай Кохен)[191] пишет, что это ошибка и что речь идет об опасности смешивания мяса и рыбы. Ибо «заведено ежедневно варить рыбу в молоке и есть». Вообще-то это было для меня совершеннейшей новостью, так как я никогда не слышал и не видел, чтобы у нас варили рыбу в молоке. Но доказательство Шаха было очевидным: так как Таз опирается на «Орех хаим»[192] и цитирует его, а там написано: мясо и рыба. Однако «При мегадим» пишет: «несмотря на это, все равно, если Таз написал – запрещено, значит, запрещено… ибо эта ошибка – ошибка великого ума». Я шепнул другу: «Вот он – подход учителя младенцев!» Р. Довидл услышал – и рассердился! «Что? „При мегадим“ – учитель младенцев? Что вы такое говорите, маленький наглый литвак?»

Я ответил:

– «При мегадим» был детским меламедом! Он пишет об этом в предисловии к своей книге!

– Он был крупнейшим светилом во Франкфурте! Великий мудрец и гаон!

– А до того?

– До того?! Что с тобой будет после того? Замолчи!

С того самого момента меня начали подозревать в том, что я отношусь к тем, кто «заглянул в неведомое и повредился в рассудке». За мной начали следить. И, видимо, наговорили что-то моему квартирному хозяину, плотнику Шимшону. Вскоре он пришел с жалобой на меня. Вот как было дело.

В один прекрасный день в Корсунь приехал книготорговец, поставил прилавок во дворе бейт-мидраша и расположил на нем книги. Среди всего прочего там была книга Ицхака Румша{193} «Горнило страдания» (переложение «Робинзона Крузо»). Я взял в руки книгу – и не смог от нее оторваться. Продавец книг согласился дать мне ее почитать до вечера: он надеялся так продать ее. Взять книгу на день стоило десять копеек; я отдал ему десять копеек и поспешил домой. Шли часы учебных занятий. Я положил книжку в ящик, где хранились мои вещи (вместо чемодана), засунул туда голову и целый час читал, а затем вернулся и читал целый день; книгу дочитать не успел, но успел услышать то, что плотник сказал жене: «Так что, значит, парень до сих пор сидит с головой в этом своем ящике; еще не закончил читать свою дурную книгу?» И действительно, в тот же день он рассказал об этом р. Довидлу.

Меня не вызвали к руководству и не отругали – что правда, то правда, – но я чувствовал, что тучи вокруг меня сгустились до крайности. Кое-кто из друзей охладел ко мне, а некоторые стали более близкими. Спустя примерно неделю в Корсунь приехал один из сыновей ребе Йоханчи из Ротмистровки{194}, р. Велвеле (Зеев) Тверский{195} – я познакомился с ним, когда он приезжал в Кременчуг, он жил там в доме р. Бера Гурарье. Мой друг Зейдл был другом его семьи. И вот, ребе велел ему перестать дружить со мной…

К счастью, в тот год имелся свободный импорт изюма-коринки из Греции, и фунт черного изюма стоил одну копейку-мы с другом покупали каждый день коринку, хорошенько мыли, так как изюм был наполовину смешан с землей и грязью, а затем варили. Этот «суп» мы ели утром, днем и вечером в разном виде: жидкий суп, густой суп, а также – нечто среднее между кашей и пирогом… Что же касается чая… Ребе Цви-Гирш Шлез говорил: «Пьют холодную воду с кусочком сахара, потом нагревают живот и говорят: «вот, как будто и чаю попил» – так и обходятся без чая…»

Так или иначе, в начале элула я заболел расстройством желудка и пролежал неделю. Друзья ухаживали за мной, р. Цви-Гирш Шлез навещал меня и даже прислал ко мне врача, но р. Довидл даже не осведомился о моем здоровье…

Когда я выздоровел, я решил немедленно собираться ехать домой. У меня не было денег на дорогу, поэтому я продал часть своих книг и вознамерился добираться на корабле по Днепру. Так было дешевле – у пароходных компаний была большая конкуренция. Поездка из Канева (городка в окрестностях Корсуня) в Кременчуг стоила десять копеек. Между Корсунем и

Каневом было постоянное сообщение с помощью дилижанса. Я получил огромное удовольствие от той поездки. Всю дорогу я стоял на палубе корабля, наслаждался красивым видом – фруктовые сады, стога, опрятные домики по берегам – и думал про Сион и Иерусалим: во время болезни я прочел «Любовь к Сиону» Авраама Мапу{196}…

Дома меня встретили неожиданно радостно. Мама даже плакала от избытка чувств. Я не понимал, почему все так радуются. Оказалось, мама видела сон, что я тяжело заболел! И бабушка Фрида, которая тогда жила у нас, видела тот же сон! Все были уверены, что со мной случилось что-то плохое. Написали письмо в Корсунь р. Цви-Гиршу Шлезу, но ответа не получили. А я взял и вернулся: хоть бледный и слабый, но живой и здоровый.

Глава 8. Два года в тельшайской йешиве (5657 (1897) – 5658 (1898) годы)

По возвращении домой я застал «миньян»: отец устроил семидневный траур по своей матери Хане, жившей в Гадяче, что под Полтавой, и внезапно скончавшейся за день до моего приезда. В этом же городе проживали мои дядья: высланный из Москвы дядя Лейб Динабург и р. Йосеф-Хаим Мадиевский, казенный раввин города. О том, что я собираюсь поехать в Тельши, я рассказал отцу только после окончания траурного срока, и эта идея пришлась ему по душе. Мать, правда, беспокоилась, что мне предстоит поездка «за темные леса», но в итоге смирилась и она. Как водится, новый план был доведен до сведения всей семьи, и прежде всего дядьев. Дядя-раввин не только поддержал мой план, но даже решил отправить с нами в тельшайскую йешиву своего сына Лейба, который был старше меня на три года. Было решено, что мы все отправимся в путь сразу после Суккота{197}. После Судного дня{198} отец отправился в Гадяч решать дела о бабушкином наследстве и взял с собою меня. Мы остановились у дяди Лейба, где мне устроили очередной «экзамен». В комиссию входили: р. Элия Цифрин, домовладелец и знаток Торы (он приходился дядей д-ру А. Цифрони{199}); городской раввин р. Йосеф (известный своей чудачествами) и р. Хешель, который претендовал на звание раввина и отличался ученостью и проницательностью. Слух обо мне прошел по всему городу, и когда я шел по улицам, мальчишки бежали вслед за мной с криком: «Вот он! Вот он идет!», что причиняло мне массу неудобств. Однако моему дяде все эти восторги были не по душе (раввин написал обо мне, что я – «единственный в своем поколении»). Дядя подозревал, что это не более чем попытка подкупить моих родственников, людей зажиточных и обладавших в городе немалым влиянием и авторитетом. В любом случае, текст рекомендательного письма, предоставленного мне раввином, показался дяде сильным преувеличением. Он предложил мне отправиться в Ромны к р. Лейзеру Арлозорову{200}, который еще раз проверит мои знания и напишет мне рекомендательное письмо в тельшайскую йешиву. Мы слышали, что без рекомендательного письма попасть в тельшайскую йешиву будет сложно. У брата было рекомендательное письмо от «Великого». Спешный отъезд из Корсуня помешал мне заручиться солидной рекомендацией, в итоге было решено, что в промежуточные дни праздника Суккот я

съезжу в Ромны.

Зять моего дяди Йоси (Мадиевского), Миша Рутенберг (дядя Пинхаса Рутенберга{201}), был родом из Ромен и к тому времени окончил медицинский факультет. Он отнесся ко мне с большой симпатией и взял с собою в Ромны. (Дело происходило во второй будний день Суккота.) Он же привел меня к раввину р. Лейзеру (моему дяде Пинхасу Островскому почему-то не понравилась вся эта затея). Раввин в течение двух часов проверял меня на знание раздела «Моэд» и трактатов «Бава Кама» и «Йоре деа». В итоге он дал мне письмо, в котором горячо рекомендовал меня. Хоть он и не назвал меня «единственным в поколении», его рекомендация была не хуже той, что дал мне раввин из Гадяча.

Мой дядя, р. Элиэзер-Моше, был хорошо знаком с р. Элиэзером Гордоном{202}, главой тельшайской йешивы. Он рассказывал, что познакомился с ним в Варшаве: они жили в одной гостинице. Само собой разумеется, что он дал нам – мне и своему сыну – личное письмо к р. Элиэзеру Гордону. Из наследства, которое получил мой отец, мне и моему брату были выданы деньги на дорожные расходы, и 24 тишрея мы выехали в Тельши. Дядя проводил нас до поезда и очень тепло попрощался с нами. Поезд шел прямо из *Хорала* до Мажейкяя (Муравьева), станции, от которой можно было на подводе добраться до Тельши. Мы проехали Ромны, Гомель, Бобруйск, Минск, Сморгонь, Вильно – все эти города я знал, считал все остановки, большие и маленькие, и их оказалось ровно восемьдесят шесть… Мы выехали в час пополудни во вторник, а приехали в четверг рано утром. Долгая дорога, смена ландшафта, погоды и даже внешнего вида железнодорожных станций и пассажиров явились для меня глубоким переживанием.

И вот мы сошли с поезда. Нас окружили извозчики, наперебой предлагая довезти прямо до Тельши. Это было довольно дорого, но можно было подождать других пассажиров, которые приедут через два часа поездом из Либавы – тогда проезд стоил бы совсем дешево. Мой двоюродный брат не хотел ждать, и извозчик, которого звали Нета, сразу же взял нас в свою телегу – и мы тронулись. Час был очень ранний; дорога проходила через леса, до этого мне ни разу не случалось проезжать через лес. На Украине, где я родился, лесов почти нет. Здесь же вся дорога, широкая и удобная, проходила через леса и – чего у нас никогда не увидишь, – изгибаясь, открывала вид на озера. Весь этот пейзаж был для меня в новинку и произвел неизгладимое впечатление. Дорога от Мажейкяя шла через городок Сяды (еврейское название – Шад) прямо в Тельши, где мы примерно через три часа и оказались. По дороге извозчик Нета предложил

нам пожить у него. У него найдется лишняя комната, которую он с радостью нам предоставит, а его молодая жена охотно согласится для нас стряпать. Договаривались с ним мои братья, и все устроилось как нельзя лучше.

Приехав, мы сразу направились в йешиву. Мы передали рекомендательные письма, но оказалось, что вероятность нашего зачисления не столь уж велика. В тельшайской йешиве было заведено так, что поступающие сначала подают заявление главам йешивы, присылают рекомендательные письма и, лишь получив положительный ответ, прибывают на место. К тому же каждый ученик должен был иметь прожиточный минимум. Учащимся йешивы было запрещено обедать у домовладельцев, за исключением суббот, когда можно было разделить трапезу с хозяевами дома. Начальство йешивы жестко придерживалось правил поступления и ни в коем случае не зачисляло тех, кто не подал заявление заблаговременно и не предъявил документ о предварительном зачислении. К тому же мы были еще очень юны, особенно я; в Хануку у меня должна была только-только состоятся бар-мицва. В то время в йешивах мои ровесники не учились. Однако поскольку мы прибыли издалека, привезли многочисленные рекомендации и из Полтавы в йешиву поступали значительные средства, к тому же при нас были рекомендации от «посланцев» самой йешивы, которые в конце лета были проездом во всех городах нашего уезда, начальству было неудобно отказать нам в приеме. Через два часа после того, как мой двоюродный брат (он, как самый старший, говорил за всех) передал все письма и рекомендации, нас проводили в дом раввина. Квартира выглядела крайне непритязательно. Маленькая прихожая с узким коридором. Вслед за нею – комната чуть побольше: маленький столик, за ним окно, а между окном и столиком три стула. В центре, как я догадался, сидел р. Элиэзер Гордон, справа от него его зять р. Йосеф-Лейб Блох{203}, а слева р. Шимон.

Один за другим мы вошли в комнату. Перед р. Элиэзером Гордоном стоял мой двоюродный брат, за его спиной – мой старший брат, а за ним – я сам. Глядя на нас, трудно было удержаться от смеха.

– Почему вы не обратились с заявлением, а вместо этого сразу прибыли сюда?

– Мы не знали, что так надо.

– Разве об этом не было написано в газетах «ха-Мелиц» и «ха-Цфира»?

– Но мы не читаем газет!

– А ваш отец, он что, тоже не читает газет? – спрашивает р. Элиэзер моего двоюродного брата.

Тот молчит. Тогда говорю я:

– нас были посланцы от йешивы, это они нам посоветовали и даже всячески уговаривали поехать, однако они ни разу не упомянули, что сначала нужно подать заявление и получить положительный ответ!

Все взоры теперь обратились на меня. Наконец р. Йосеф-Лейб сказал:

– Надо спросить каждого по отдельности.

Меня и брата попросили выйти из комнаты, через десять минут вызвали брата, еще через десять – меня. Я должен был рассказать, что я изучал. Я перечислил трактаты: «Брахот», весь раздел «Моэд» (и еще добавил, что учил трактат «Эйрувин», однако не силен в нем – и раввины засмеялись), «Ктубот», «Бава Кама», «Бава Мециа» и «Хулин». Для проверки мне предложили объяснить правило: «нельзя человеку покупать вещь, которая не пришла мир»; нужно было также доказать правомерность этого закона и его определений, а также пояснить принцип «приобретение плодов как приобретение тела». Я ответил как мог и остался доволен своим ответом. Мне самому особенно понравилось следующее мое объяснение: «Если человек продает фрукты с дерева, хотя они еще и не выросли, это не считается «вещью, которая не пришла в мир», потому что существует свойство дерева – приносить плоды». Правда, на вопрос «но он ведь продает не свойство, а лишь фрукты одного года?» – я ответить не смог. Я также не знал, как ответить на их замечание о том, что мое определение хорошо объясняет только вопрос о «приобретении плодов как приобретении тела», а проблема «покупки вещи, которая не пришла в мир, остается неразрешенной». Правда, мне удалось указать, где точно находятся эти изречения: трактат, лист и страница. В самом конце беседы р. Элиэзер спросил:

– Ну, и если мы примем тебя в йешиву, в каком классе ты бы пожелал учиться?

– В Корсуне я учился в самом старшем классе – в третьем.

– А у нас, значит, будешь в пятом? – и все трое расхохотались.

– Ты действительно знаешь, – подытожил р. Элиэзер, – где упоминаются эти изречения, но совсем не понимаешь их смысла! Те раввины, которые написали тебе рекомендательные письма, – просто невежи, их бы мы не приняли даже в первый класс йешивы, но тебя мы все же, наверное, в этот класс зачислим!

Потом еще добавил:

– В подобных случаях наши юноши указывают на следующий пассаж из книги Иова: «Бог знает путь ее, и Он ведает место ее…»

(Иов 28:23).

Через несколько минут нам было объявлено, что я и мой двоюродный брат приняты в первый класс йешивы, вопрос о зачислении старшего брата отложен для вторичного рассмотрения после Песаха, поскольку он не подал заявления…

У нас с двоюродным братом, правда, тоже не были поданы заявления, но мы привезли рекомендательные письма от посланцев йешивы, поэтому нас решили зачислить; у брата же такой рекомендации не было…

Постановление глав йешивы нас сильно огорчило и вызвало также определенную реакцию в городе. Йешива размещалась внутри большой синагоги (новое здание синагоги уже почти построили). Слух о нас быстро распространился, и р. Эфраим – кузнец, очень чуткий и добросердечный человек, ежедневно проводивший урок Талмуда с домовладельцами, проникся судьбой моего брата, предоставил ему комнату в своем доме и стал просить за него у р. Элиэзера Гордона. Я тоже ходил к р. Шимону и р. Йосефу-Лейбу и жаловался на несправедливость, допущенную по отношению к брату, – но все без толку. Брата так и не приняли в йешиву до конца зимы. Из кассы йешивы мне выделили ежемесячную помощь – два рубля (это была большая сумма!), а «товарищество взаимопомощи» учеников йешивы добавило еще семьдесят копеек в месяц. По субботам нас с братом приглашал к себе р. Эфраим, и у него в гостях мы ощущали тепло, уют и дружескую поддержку. Мои визиты к р. Шимону и р. Йосефу-Лейбу по поводу брата определили мое отношение к каждому из них и, видимо, также и отношение каждого из них ко мне. Р. Шимон принял меня доброжелательно, сказал, что очень рад моему приходу; он даже просил надзирателя передать мне, чтобы я пришел. Он хотел мне сказать, что я до сегодняшнего дня, безусловно, изучал Талмуд очень поверхностно и не углублялся как следует в талмудические проблемы. Хотя, конечно, нельзя относиться с пренебрежением к той системе обучения, благодаря которой я достиг такой эрудиции. Он посоветовал мне не забрасывать совсем мой собственный метод, а, применяя его, выучить еще один трактат. В йешиве сейчас изучают трактат «Йевамот» – мне нужно постараться изучить его так, как учат здесь, в Тельши, и быть внимательным на занятиях. Р. Шимон попросил Нахума из Млат (Нахума, а не его брата Шмуэля), ученика четвертого класса, который вот-вот должен был перейти в пятый, помогать нам в учебе и в изучении книг, если появится такая необходимость, и время от времени рассказывать ему, р. Шимону, о том, как продвигается учеба. Если мне будет нужно, я могу приходить к р.

Шимону каждую пятницу после обеда. В любом случае мне следует прийти через месяц. Он советует мне самостоятельно изучать трактат «Гитин»{204} («ты ведь уже изучил „Ктубот“?»). Он очень ценит мою преданность Торе, которую мне следует оберегать. Это прекрасное и важное качество. «И один из способов сохранить его – это учиться самостоятельно, для себя, когда тебе не нужно сдавать экзамены и нет надобности ни перед кем отчитываться». Р. Шимон выказывал мне свое дружеское расположение (он даже жену свою, Лею, просил поить меня чаем со смородиновым вареньем), чтобы подбодрить меня после экзамена и чтобы я не переживал из-за отношения к нам; как мне уже потом рассказали ученики, он очень огорчался, видя, как я воспринимаю это, сам же он все видел иначе.

Очень-очень медленно я осваивал тельшайскую систему, прежде всего, на уроках р. Йосефа-Лейба и р. Шимона. Благодаря им я впервые стал понимать правовую часть Талмуда. Особенно повлиял на меня р. Шимон. Деталь за деталью он обнажал ядро талмудической проблемы, определял его и в конце устанавливал правило, а затем, в свете этого правила, опять проверял детали, в свете каждой детали перепроверял обсуждение всей проблемы, и все представало в новом свете – было в этом потрясающее искусство построения мысли. Его определения поражали отточенностью и четкостью, и в них всегда содержались указания к дальнейшему пути. На каждом уроке мне открывались все новые и новые горизонты. За те два года, что я проучился в йешиве, я не только ни разу не пропустил урока р. Шимона, но регулярно приходил к нему в гости поговорить о «нововведениях» мудрецов и задать интересующие меня вопросы. Конечно, он время от времени делал мне замечания, если я неверно понимал его объяснения или делал из его рассуждений неверный вывод относительно общего смысла вопроса. Но чаще всего он лишь выслушивал меня с улыбкой, потом комментировал и задавал вопросы, причем не всегда по тем дисциплинам, которые он преподавал. И самым счастливым за время учебы в тельшайской йешиве для меня был тот день, когда Нахум из Млат поведал мне о том, что р. Шимон с большим одобрением обо мне отозвался, что он очень ценит мою способность воспринимать и запоминать новый материал и внимательно прислушиваться к мнению других людей – то, чему он обучал нас. Это был действительно счастливый день. И не только потому, что р. Шимон был для меня большим авторитетом, но и потому, что похожим образом обо мне отзывался р. Элиэзер (Арлозоров) из Рамен; эти отзывы впоследствии стали поводом для насмешек со стороны глав йешивы, р. Элиэзера Гордона и р. Йосефа-Лейба Блоха.

Сама учеба в Тельши произвела на меня незабываемое впечатление: длинный и просторный зал, где в четыре ряда длинной вереницей стояли скамьи, а перед каждой скамьей – парта. И ни одного свободного места. Триста пятьдесят юношей ревностно учатся, и их голоса заполняют все пространство зала… По узким проходам между скамьями вдоль всего зала прогуливается, склонив голову чуть набок, наш наставник р. Лейб Хасман. Он то и дело кидает взгляд то на одного ученика, то на другого, подходя к тем, кто перешел к чтению нового трактата. И так каждый день – с самого раннего утра до позднего вечера. И мой голос, самого юного из всех, вливается в этот общий хор…

Мне было жаль моего брата, которого не зачислили в йешиву. Я внутренне восставал против подобных порядков. «Ребе уважает богатых». *Я* чувствовал, что в отношении брата была допущена несправедливость. И еще сильнее это, разумеется, ощущал он сам. Он не присутствовал на занятиях и всю зиму самостоятельно занимался в синагоге. На мне лежала обязанность рассказывать ему об изучавшихся на уроках нововведениях и талмудических проблемах, чтобы он перенял «тельшайский» способ учебы еще до того, как сможет к нам присоединиться. Именно для того, чтобы усвоить этот «способ», мы стали изучать книгу «Кцот ха-хошен»{205}. На этом, собственно, настоял мой брат. Книга была дорогая, брату удалось заполучить ее на время, и он решил целиком переписать ее своим красивым почерком. Лишь после продолжительных препирательств брат согласился со мной, что вначале мы изучим каждый отрывок и его обсуждение, а потом решим, стоит переписывать книгу или нет. Этой системы мы придерживались в течение всех двух лет нашего пребывания в Тельши. Изо дня в день мы изучали «Кцот ха-хошен», «Нетивот хамишпат»{206}(р. Яакова из Лешно), нововведения р. Акивы Эйгера{207} и еще ряд текстов. В ходе чтения мы выясняли, какие тексты имеет смысл переписывать, и брат принимался за работу. Так нам удалось создать «эклектическую систему» прочтения нововведений «тельшайским способом», которая получила известность в кругу наших друзей. Мне вспоминается, что однажды мы вставили отрывок из «Хевель Яаков»{208} р. Абы-Яакова ха-Кохена Борухова{209}, векшенского раввина (отца писателя А.-М. Беркияху{210} и д-ра М. Беркияху{211}). В отрывке обсуждалась проблема человеческого «я» в контексте вопроса о собственности. Автор доказывал, что в грамматических формах «моя рука», «моя нога», «моя душа» человеческое «я» находит свое выражение как самостоятельная сущность… Мы использовали не только тексты позднейших авторов – мы брали также отрывки из труда «Шев шматата»{212}, который был написан автором «Кцот

ха-хошен», и из «нововведений» Рашбы{213} и Ритбы{214}. Брат на протяжении долгих лет старался сохранить свой экземпляр, написанный красивым почерком, который был для него источником гордости и вдохновения, подвигавшим его на дальнейшее изучение Талмуда…

Как я уже упоминал, со мной в одной квартире жили братья Шмуэль и Нахум, которые были родом из городка Млаты, что под Вильно. Нахум, которому к тому времени уже исполнилось двадцать три года, двумя годами раньше получил освобождение от армии по причине маленького роста. Он относился ко мне как к родному брату. Мы все были крайне ограничены в средствах, и он взял на себя труд планировать экономный рацион: вместо мяса он просил хозяйку закупать легкие, потроха, кости и всякие остатки. Из них она делала нам суп и своего рода «котлеты». Следуя указаниям Нахума, я С совсем задешево) запасся сахарином, который заменял нам сахар; таким образом мы удовлетворяли все наши потребности на сумму, не превышавшую нескольких копеек в месяц. Кроме того, Нахум каждую неделю, а иногда даже и чаще, очень ненавязчиво проверял мои успехи в учебе: я тогда изучал трактаты «Йевамот» и «Гитин». Он наблюдал за моим поведением и как бы между прочим делал мне замечания о том, как следует вести себя по отношению к окружающим и общаться со старшими и младшими по возрасту. Нахум учил меня сдерживать свойственную мне «поспешность» и предостерегал от чрезмерной критичности суждений о других людях.

Я понимал, что в этом проявляется его хорошее отношение ко мне, а в еще большей степени – отношение р. Шимона. Это было приятно, но в то же время я чувствовал некоторое стеснение: возникало ощущение, что я непрерывно нахожусь под неусыпным невидимым надзором. Однажды я намекнул об этом Нахуму, сказав, что на своем личном опыте я постиг смысл выражения «И будете вы бояться небес так же, как человека из плоти и крови». Легко представить себе, как можно бояться «человека из плоти и крови», когда круглые сутки находишься под его неусыпным оком. Впрочем, мои слова были скорее нацелены даже не на Нахума, а на его старшего брата Шмуэля.

Шмуэль был полной противоположностью своему брату: соломенного цвета волосы и ярко-голубые глаза, цвет которых был заметен даже сквозь стекла очков, выражение лица у него всегда было гневным и сердитым. Он к тому времени уже был допущен к преподаванию и сидел среди «старейших» учеников и главных «моралистов» йешивы. Обо мне он придерживался самого нелицеприятного мнения и совершенно не разделял того

особого отношения, которые проявляли ко мне его брат Нахум и р. Шимон. На этот счет он высказывался совершенно открыто. «Ты слишком избалован, – заявил он мне однажды мрачным тоном, – привык к тому, что все к тебе расположены, как будто здесь кроме тебя никого и нету! Человек должен полагаться только на себя и ни на кого другого. А ты все время стремишься общаться с другими и получать от этого удовольствие. Уж слишком ты любишь острить да паясничать! Жизнь не игрушка, и наслаждаться чрезмерным весельем нам не пристало! Это приводит лишь к легкомысленности и глупому шутовству. А может, ты считаешь, что если кто умничает и острит, то он очень умный? Да чаще всего это полный кретин!» Он предложил мне ежедневно изучать главу из книги «Месилат йешарим»[215](«Путь праведных») и даже подарил мне сочинение Мендла Лефина «Хешбон ха-нефеш»[216](«Счет души»), вышедшее в Вильно… Намек про боязнь «человека из плоти и крови» стал для меня чем-то вроде первого шага к выселению из этой квартиры. Формально я объяснил свое решение тем, что после зачисления моего брата в йешиву мне лучше жить с ним вместе в одной комнате.

Впрочем, я и после этого не перестал ходить в гости к р. Шимону. Помню, как в один из моих визитов р. Шимон заметил, что у меня на пальто не хватает пуговицы. «У вас вчера с братом произошла размолвка?» – спросил р. Шимон. Я сильно покраснел, и мне пришлось признаться, что его догадка верна. «И что, прямо-таки дошло до рукопашной?» *Я* еще сильнее залился краской. Когда я признался, что и это верно, р. Шимон прищурился и сказал: «Ты видишь? Пуговица выдернута с мясом. Сразу ясно, кто-то применил физическую силу. Лея, – обратился он к жене, – будь добра, пришей Бен-Циану из *Хорала* пуговицу на пальто. Мне бы не хотелось, чтобы он шел по улице с оторванной пуговицей… это не делает чести ученику тельшайской йешивы!» Из его слов было понятно, что «не делает чести» относится не только к пуговице…

Через два месяца после приезда в Тельши, в последний день Хануки 5657 (1896) года, мы справляли мою бар-мицву в квартире извозчика Неты, у моего двоюродного брата. Я прекрасно помнил, как справлялись бар-мицвы моего двоюродного и старшего братьев: к нам приходил весь город, произносились толкования Торы, обстановка была торжественной и праздничной. А тут мы просто сидели вокруг стола и ели блины. Эти блины очень отличались по вкусу от наших: они были тонкие, плоские, со шкварками, обжаренные в гусином жире. Нас было всего пятеро: мои братья – родной и двоюродный, я и извозчик Нета с женой. Едва мы принялись за еду, как случился

сюрприз: двоюродный брат встал и зачитал письмо из дома, посланное с нарочным и полученное утром того же дня. В письме меня поздравляли с бар-мицвой; под ним подписались мой отец, дядя-раввин, судья р. Шмуэль Гурарье, габай, меламеды, мои преподаватели и родственники. Письмо было отправлено из синагоги в первый день Хануки – его решили прислать заранее, чтобы я его получил в качестве подарка на бар-мицву. Спустя неделю я получил второе письмо, которое было отправлено членами общины прямо из нашего дома, куда они пришли поздравить моих родителей. Под поздравлением подписались все собравшиеся.

Я полагал, что из-за этих-то писем Шмуэль из Млат и упрекнул меня в «избалованности». И на все мои возражения, что он преувеличивает и у него нет оснований упрекать меня, он не обращал никакого внимания.

5657–5668 годы были временем бурных перемен в тельшайской йешиве. Йешива переехала в новое здание, нам начали преподавать религиозную этику, что привело к сильному недовольству учащихся. Нескольких учеников исключили, то и дело вспыхивали склоки, в ученической среде начали распространяться просвещение и сионизм, и главы йешивы нещадно с этим боролись…

День переезда йешивы в новое здание отмечался с особым благочестием. Главы йешивы и ученики в этот день постились, молились и читали вслух подобающие случаю псалмы; книги Торы были торжественно перенесены в новое здание йешивы. Р. Элиэзер Гордон в тот день дважды читал проповедь; публично читали вечернюю молитву, установили дежурство, чтобы чтение Торы в йешиве не прекращалось ни на минуту. Поскольку я всегда вставал очень рано, мое положение было очень заметным, и в частности при выполнении этих «заповедей». Руководство йешивы прилагало большие усилия, чтобы ввести преподавание религиозной этики *(мусар)*{217}, как ввиду важности самого предмета, так и в качестве заслона от «просвещения» и «сионизма», которые начали распространяться среди учащихся. В качестве надзирателя йешивы был приглашен р. Лейб Хасман из Кельме, один из наиболее «благочестивых и ученых мужей». На учеников была возложена обязанность каждый день в течение получаса между минхой и мааривом изучать этические сочинения: «Месилат йешарим», «Ховот ха-левавот»{218}; моральные поучения р. Исраэля из Салант{219}, сочинение Мендла Лефина «Хешбон ха-нефеш» (по сути представлявшее собой переработку книги Бенджамина Франклина{220}) и еще несколько книг по религиозной этике. Новые порядки вызвали недовольство

со стороны учащихся. В один из вечеров, в учебный час, когда со всех сторон доносились голоса, читающие Тору, в окно влетел камень и разбил стекло. Это был условный знак. Сразу поднялась суматоха. Все старшие ученики начали говорить: «ш-ш-ш… ш-ш-ш…», и занятия прекратились. То тут, то там гас свет, как будто от ветра. Надзиратели бегали по залу, не зная, что предпринять. Минут через десять в помещение ворвался р. Элиэзер Гордон и сразу пошел по рядам. «Кто это сделал? Путь выйдут те, кто чем-то недоволен! Те, из-за кого прекратилось чтение Торы!» Вперед вышел юноша из Курска, ученик третьего класса. Его слов я не расслышал, хотя это все происходило совсем рядом со мной. Вдруг раздался голос р. Элиэзера: «Посланец греха!» Раздались две пощечины, и гулкое эхо этих пощечин заполнило все пространство зала…

Юношу из Курска и его друга родом из Крож выгнали из йешивы. Занятия на время отменили, и йешиботники гуляли по улицам. Горожане шутили: «Казаки раввина в городе!» Через два-три дня занятия возобновились. Те, кто стоял во главе мятежа, были «облагодетельствованы» деньгами на дорогу; религиозная этика теперь изучалась не в обязательном порядке, а по усмотрению учащихся.

Поскольку изучение религиозной этики стало добровольным, главы йешивы решили активно привлекать к нему юных учеников. Я был самым молодым учеником из всей йешивы. Примерно моего возраста оказались еще трое: Исраэль из Векшны (впоследствии получивший известность как Исраэль Эфройкин[221]), Хаим-Лейб из Трашкун (мы с ним потом виделись в Берне, где он изучал медицину) и еще один юноша из Кретинги, родственник (кажется, племянник) Давида Вольфсона[222], на деньги которого он и учился. Надзиратель р. Лейб пригласил нас на праздник Ту би-Шват к себе домой. Приглашение передал нам второй надзиратель – р. Шабтай. В тот год Ту би-Шват пришелся на субботу. Мы были приглашены к трем часам дня. На улицах лежали сугробы снега. В назначенный час мы были на месте. Вся семья р. Лейба жила в Кельме, а он ютился в Тельши, в небольшом доме, куда нужно было входить через узкие и выстуженные сени. В сенях стояли две скамьи, к которым вели пять ступенек. Мы постучались. Нам было велено немного обождать в сенях. Стоять в снегу было не очень-то удобно. Мы (в субботу!) очистили скамейки от снега и сели. Ждать пришлось четверть часа. Исраэль из Векшны предложил уйти. «Это противоречит еврейской морали – сначала пригласить гостей, а потом держать их на холоде в снегу».

Однако мы не поддержали его. Спустя еще пятнадцать минут

двери открылись, и р. Лейб предложил нам войти. Мы вошли, сели, и он сразу же стал говорить о том, что праздник Ту би-Шват – это Новый год деревьев, что человек подобен «дереву в поле», и в юности он особенно хрупок, а хрупкие растения нужно сажать в почву и наблюдать за их ростом, и посему, так как мы юные и еще очень хрупкие, наш рост должен быть направляем моралью. На этом месте Исраэль из Векшны заулыбался и, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, посмотрел р. Лейбу прямо в глаза. Этим он, видимо, хотел показать, что только почтенье к ребе не позволяет ему рассмеяться в ответ на его слова. Я же слушал крайне серьезно, мысленно сравнивал слова р. Лейба и высказывания хасидов о «корнях» – о том, что человек питается от корня своей души, и о «сосудах изобилия» – и сопоставлял все это с поведением р. Шимона, с тем, как он принимает учеников и сам подносит им угощение: чай, фрукты, пироги… Кстати, в Израиле мне потом довелось повстречаться с р. Лейбом Хасманом. В 1928 году я ездил на экскурсию в Хеврон с учениками учительского семинара. С нами ездил ныне покойный р. Давид Елин{223}. В Хевроне мы первым делом решили посетить йешиву «Слободка»{224}. По пути я рассказывал Давиду Елину о надзирателе йешивы р. Лейбе Хасмане и о той проповеди, которую он прочитал нам, молодым, в связи с «праздником деревьев». Когда мы вошли во двор йешивы, нас поразил душераздирающий крик, сопровождавшийся частыми и странными вздохами. Давид Елин испугался. Я его успокоил, сказав, что это просто один из юношей решил «уединиться» для «душевной исповеди». Мы пошли на предвечернюю молитву. По окончании молитвы Давид Елин сказал, что нам нужно подойти и поздороваться с р. Лейбом, который был то ли главой йешивы, то ли ее надзирателем. Мы подошли, и нас представили. Когда мы обменялись приветствиями, р. Лейб заметил, что наши имена ему кажутся знакомыми. Я ответил, что учился в Тельши. Ребе спросил, откуда я родом. «Из Хорала», – сказал я в ответ. «Ах вот оно что! – с изумлением воскликнул р. Лейб. – Бен-Цион из Хорала! Припоминаю, припоминаю… Очень жаль, что урок морали, преподнесенный мною тогда, пятнадцатого швата, не оказал на вас должного влияния. Впрочем, он принес пользу вашему родственнику, Лейбу из Хорала!» (моему двоюродному брату). По-видимому, и на самого р. Лейба сильно подействовали его первые неудачи в попытке повлиять на юных учеников.

Первым человеком в Тельши, который вызвал у меня желание отправиться на поиски сочинений просветителей и даже навел на мысль о том, как их найти, был р. Элиэзер Гордон, который в своих лекциях нередко подвергал критике идеи представителей

Гаскалы[225]. Чаще всего ребе упоминал имена Греца[226], Вайса[227] и даже цитировал Вайзеля[228], превознося его «Книгу достоинств». Он также с удовольствием упоминал имена других деятелей первого поколения Га скалы.

Помню, как во время одной из лекций ребе яростно обрушился на Греца за его «Историю евреев», в которой говорилось, что перейти реку Иордан для евреев никакого труда не представляло. «Иисус Навин перевел народ через реку Иордан в один из весенних дней, когда стояла сухая ясная погода». «Прежде всего, – вопрошал р. Элиэзер, – откуда Грец узнал, что погода была ясной, – а если она была облачной? Он упоминает факты, которые ему неоткуда знать, зато о том, что хорошо известно, умалчивает. Как будто Иисус Навин просто так «перевел народ через реку Иордан» – а они не шли по водам! То чудо, о котором во всех подробностях сообщается в книге Иисуса Навина, Грец оставляет за скобками. А впрочем, – подытожил ребе, – если Грец не упоминает о чуде перехода через Красное море – мы на него не в обиде. Море также довелось перейти крупному и мелкому рогатому скоту, который евреи вывели из Египта, но узрел ли скот, как расступаются воды? Мало того, чтобы присутствовать при совершении чуда, нужно еще обладать способностями его узреть…» В другой раз ребе опровергал идеи Вайса относительно «Синайского откровения» и Устной Торы, а также упомянул книги Захарии Френкеля «Пути Мишны». Из всего это я сделал вывод, что у ребе есть немало светских книг. Я подружился с сыном ребе, Шмуэлем, он был младше меня и регулярно доставал мне книги для чтения. Но давал он их мне совсем ненадолго: на ночь или на субботу. Это было очень неудобно. Помню, как однажды Шмуэль рассказал мне о том, что у него появилась прекрасная книга, «Хижина дяди Тома»[229], об освобождении негров из рабства, в переводе Авраама Зингера. Но дать он ее мне может только на одну ночь. Я взял книгу и читал ее, не отрываясь, всю ночь напролет. Утром я успел одеться до прихода служки йешивы, который приходил будить учеников, и был готов к выходу. Моему брату не понравилось, что я не оставил для него книгу еще на день. К тому же его разозлило, что я всю ночь не спал. Служка, пришедший нас будить, увидел, что я уже собрался, и назвал меня «образцом для подражания». Брат процедил сквозь зубы: «Ты просто образцовый грешник».

Интерес к Гаскале побудил меня читать газеты. Читать газеты было разрешено. Мы подписались на «ха-Мелиц» большим коллективом из пятнадцати человек. Поскольку мы с братом заплатили меньше всех, то всегда были последними в очереди. Мы получали газету через две недели после того, как ее

привозили в город, то есть почти через восемнадцать дней после ее выпуска. Но несмотря на это, мы были прекрасно осведомлены о том, что происходит в мире, особенно интересовала нас полемика вокруг дела Дрейфуса{230}.

Еще одним мощным импульсом к увлечению идеями Просвещения послужило для меня двухнедельное пребывание в Ромнах в элуле 5657 года (август-сентябрь 1897 года). На праздники я решил уехать домой, а брат остался в Тельши. По дороге я остановился у моего дяди Пинхаса Островского, который пригласил меня немного погостить у него. У него была уютная квартира. Особенно мне нравилась просторная веранда, три стены которой были стеклянными. Каждая стена представляла собой огромное окно. В доме дяди была богатейшая библиотека, и три ее свойства меня особенно поразили. В каждом из шкафов находились книги определенного вида: Танах с комментариями и там же книги по грамматике древнееврейского языка, Талмуд и Законодатели, а также различные мидраши{231}, названий которых я даже и не слышал. В отдельном шкафу хранились «раввинистические респонсы» – тексты с вопросами и ответами. Во-вторых, там был еще один шкаф, полный светских книг. Названий этих книг я тоже никогда не слышал. Среди них было много новых книг, из которых еще не выветрился запах краски. И в-третьих, в том шкафу, в котором лежали «раввинистические респонсы», все книги принадлежали моему деду: каждая книга была надписана «Цви-Яаков ха-Леви Динабург, раввин святой общины Хорала, да хранит его Всевышний».

У дяди я пробыл десять дней. По привычке рано вставал, садился на кресло-качалку (его я тоже видел первый раз) и принимался за чтение. За десять дней я успел прочесть «Собрание Израиля» Шауля-Пинхаса Рабиновича{232}, выпуски изданий «ха-Асиф»{233}, «Пардес»{234}, «Календарь Ахиасафа»{235} и исторические рассказы: «Четыреста лет тому назад» Бен-Авигдора{236}, «Долина кедров»{237}, «ха-Рав лехошиа»{238}, выпуски «Воспоминаний о доме Давида» Фридберга{239}, а также фридберговские «Повествования о жизни евреев в Испании». Дядиным зятем был Йехуда-Лейб Гамзу{240} – поэт, опубликовавший несколько сборников стихов и даже две пьесы на иврите («Абарбанель» и «Эзра, или Возвращение в Сион»), которые были частично переведены с русского. Он также был постоянным автором в «ха-Цфире» (где он писал под псевдонимом «ха-Ари ше-бе-хавура»). Он также опубликовал несколько статей, направленных против Ахад ха-Ама{241}. Мой дядя его очень уважал. Дядя, Гамзу и все домочадцы сначала очень радовались, видя, как я поглощаю книги, однако вскоре

стали возражать против этого.

Моя тетя с самого раннего утра заставала меня сидящим на кресле и читающим книгу. Она тут же принималась меня поучать. Тетя рассказала мне о том, что мой дед, Цви-Яаков, тоже любил рано вставать, и это послужило причиной его ранней болезни и смерти. Он умер в возрасте двадцати восьми лет. «Если ты будешь делать так же, как он, то, не дай Бог, и с тобой случится то же самое. Другое дело – мой отец, дедушка Авраам, во всем любил порядок. Вовремя ест, вовремя занимается, вовремя ложится спать. К старости и он стал вставать рано. Вот увидишь…» – все это она рассказывала за обедом, а дядя сказал, что он не хочет, чтобы я оставался у него на целый месяц, как он предполагал вначале, – в основном из-за того, что я не занимаюсь Торой. А читать светские книги – для этого много ума не надо…

Мой брат оказался еще более тесно связан с Гаскалой, чем я. Он сдружился с семьями нескольких весьма известных в Тельши деятелей Гаскалы (Либерман, Нафтулин, Домани), и о нем пошли дурные слухи. Дошли они и до р. Йосефа-Лейба. Один раз я даже ходил к нему заступаться за брата. Р. Йосеф-Лейб принял меня очень приветливо, успокоил, сказав, что ничего плохого не случилось и что он не поверил дурной молве. «Однако, – обратился он ко мне, – ты вот защищаешь брата, постарайся, пожалуйста, чтобы тебе самому не понадобился защитник и поручитель».

Гаскала и «посторонние» книги привели к разрыву между нами и двоюродным братом. Тот был далек от всего этого. Он очень усердно учился, выделялся своим благочестием, и р. Лейб Хасман не мог на него нарадоваться. И вот он посчитал своим долгом прочесть нам наставление и написать о нас своему отцу-раввину, что мы увлеклись «посторонними книгами». Все это привело к полному разрыву наших отношений.

Расставание с йешивой у меня и у брата прошло по-разному. Он получил деньги на дорожные расходы с ясной и недвусмысленной формулировкой: уходи и не возвращайся. Если ты обратишься к нам с просьбой вернуться, мы тебя не возьмем обратно. Мне же советовали не уезжать. А р. Йосеф-Лейб даже специально позвал меня к себе и настойчиво советовал не покидать йешиву вместе с братом. Когда я сообщил, что все-таки уезжаю, мне сказали, что, если я захочу вернуться, я должен буду, конечно, обратиться с просьбой и ждать ответа. Однако мне прозрачно намекнули, что примут меня обратно по причине моей «любви к Торе». С р. Шимоном мы расстались очень печально. Он понимал, что я не вернусь, и очень сожалел об этом. Он сказал мне, что с самого начала, когда я приехал, он знал, что нужно

разделить нас с братом, ради нас обоих. И он очень жалеет о том, что я перестал дружить с Нахумом из Млат. Наверное, с его стороны было ошибкой не вмешаться сразу. Он пожелал мне, чтобы «любовь к Торе» не угасла во мне и помогла преодолеть все трудности, особенно внутренние. Он проводил меня до двери, пожал руку и посоветовал хорошенько подумать о возвращении, и если я захочу вернуться в Тельши и обращусь в йешиву с просьбой об этом, мне нужно сразу же, или даже немного раньше, сообщить ему об этом в частном письме. Из этого я заключил, что и против меня у начальства йешивы имелось множество обвинений… Образ р. Шимона сопровождал меня всю жизнь. Когда мне исполнилось пятьдесят лет и в Бейт ха-Кереме в мою честь устроили праздник, я с благодарностью упомянул его имя и был очень рад получить от него из Гродно поздравительное письмо, где он писал, что не забыл своего юного ученика, «Бен-Циана из *Хорала*».

Я был так взволнован разговором с р. Шимоном, что с трудом сдерживал слезы. Мне не хотелось плакать при нем, однако, придя домой, я разрыдался: я чувствовал, что в моей жизни происходит крутой поворот.

Перед тем как уехать, мы с братом сидели и подводили «итоги» этих двух лет. Мой «фактический итог» вышел неплохим. Мы изучили в йешиве трактаты «Йевамот» и «Бава Батра». Мы оба выучили их полностью. Самостоятельно я выучил также «Гитин», «Кидушин» и несколько глав из «Санхедрина». Раздел «Моэд» я почти закончил (в трактате «Эйрувин» мне остались только главы пятая и шестая – «Как окружать города эрувом» и «Цитрусовое дерево во дворе у нееврея» – в общей сложности не более сорока листов). В трактате «Нашим» мне остались главы «Недарим» («Обеты»), «Назир»{242} («Аскет») и «Сота»{243} («Падшая») – двести шесть листов. *Я* выучил три главы из трактата «Незикин»{244}, трактат «Макот» («Удары») и «Хорайот»{245} («Рескрипты»); в трактате «Санхедрин» я изучил первые четыре главы, а по поводу одного вопроса даже консультировался с р. Шимоном. Всего мне осталось четыреста сорок четыре листа, и тогда у меня будут выучены четыре из шести частей Талмуда! Конечно, это нелегко, но ведь сейчас только начало месяца элул. С 15 элула по 18 ияра – ровно двести двадцать два дня. Каждый день по два листа – и я все выучу! Разве это так сложно? Брат не разделял моей уверенности, заметив, что за эти четыре года у меня прибавилось скромности – я не ставил себе целью изучить все шесть частей Талмуда до бар-мицвы. Однако он признал, что это возможно и к этому есть даже предпосылки – цифра 444[2] намекает, что упорством можно этого достичь; и то, что в моем

распоряжении 222 дня – тоже не случайно! Дней вполовину меньше, чем листов; получается по два листа в день! Я добавил: «А ведь я еще выучил трактат „Хулин“!» И все же я продолжал учиться старым способом, а «тельшайский способ» использовал в качестве дополнительного метода. В то же время мой брат, которому столь полюбился «тельшайский способ», перенял лишь «эклектический метод» прочтения позднейших законоучителей, который он смог усвоить. Впрочем, мой брат тоже был весьма доволен собой: «В Тельши, – сказал он, – мы по-новому почувствовали вкус к изучению Талмуда!» Мы сходились в том, что настала пора учиться самостоятельно. По крайней мере попробовать в течение определенного срока идти своим путем. Поэтому мы решили на зиму остаться дома и «пополнить» наши знания: мне предстояло выучить четыреста сорок четыре листа (два листа в день, легко сказать!), в то время как брат завершит «тельшайским способом» трактат «Незикин».

В итоге мы решили отправить домой подробное письмо обо всем, что мы изучили и повидали в Тельши, о различиях между Тельши и нашим городом, а также объяснить, почему мы решили оставить йешиву и следующие полгода заниматься дома самостоятельно. Написать письмо было необходимо, поскольку наш двоюродный брат, сын раввина, решил продолжить учиться в Тельши. К тому же мы предполагали, что в своих письмах домочадцам он во всех подробностях рассказал о том, что главы йешивы, в особенности р. Йосеф-Лейб и надзиратель р. Лейб Хасман относятся к нам весьма критично. Написанное нами письмо напоминало некое подобие Мишны с комментариями Раци (рабби Цви-Яакова) и с дополнениями ха-Рахбада (ха-Рав ха-Леви Бен-Цион Динабург). Домашние получили большое удовольствие от прочтения этого сочинения, а наш младший брат Нахум-Элияху (скончался в Иерусалиме в 1945 году) – в то время уже учившийся в конотопской йешиве – в течение многих лет хранил наше сочинение и после приезда в Израиль передал мне на хранение несколько отрывков текста. В послании мы описывали жемайтийских{246} крестьян, которые «говорят тихо, а ходят громко» (они носили деревянную обувь) и тем сильно отличаются от малоросских крестьян, которые, напротив, «говорят громко от избытка алкоголя, а ступают горделиво и неспешно» (они часто обматывали тряпками ноги, а зимой ходили только в сапогах); малоросские крестьяне «чешут в затылке», чтобы «вернуть себе разумение», а жемайтийские крестьяне «чешутся, чтобы оторвать задницы от печки». Жемайтийские крестьяне «богобоязненны в пути», на всех дорогах они расставляют кресты и статуи святых; у малоросских же

крестьян «все пути лежат к храму». С крестьян мы перешли к описанию самого места и его обычаев: «в Жемайтии пруды обширные, воды мутные, а рыбка мелкая», в то время как у нас «реки текучие, воды прозрачные и рыбы прекрупные»; в Жемайтии готовят «рыбу в молоке», а «соленую рыбу – в уксусе и пряностях»; у нас же принято варить рыбу в соответствии с «При мегадим», который запрещает варить ее в молоке, а соленую рыбу фаршируют яблоками. Мы подробно описали местные молочные продукты, намекнув на неопрятность местных жителей, после чего перешли к описанию самой йешивы и ее раввинов: тельшайские раввины частенько читают надгробные молитвы по разорившимся торговцам и оплакивают попрошаек, но в то же время отказывают в уважении «благочестивым мудрецам и старцам, любящим Сион и здравия ему желающим» (р. Элиэзер Гордон отказался поминать р. Шмуэля Могилевера{247}, однако согласился добавить о нем несколько слов, когда оплакивал другого раввина, кажется р. Хаима-Лейба из Стависка).

В комментариях Раци брат обосновывал наш отъезд из Тельши, а в дополнениях ха-Рахбада я приводил дополнительные соображения и доказательства. Наше длинное сочинение мы отправили еще перед отъездом и в нем сообщили о нашем желании остаться дома на зиму, однако письмо не только не помогло, но и причинило нам много неприятностей: его сочли «ерничаньем» и попыткой скрыть наш провал. И лишь один из замыслов моего брата, который нам удалось частично осуществить, «спас» нашу честь и смягчил плохое впечатление от письма.

Брат предложил по дороге домой обратиться за советом к лучшим из раввинов и найти себе «наставника и учителя», которому мы скажем: «К тебе прилепилась душа наша, и у тебя мы хотим изучать Тору…» Согласно этому замыслу, в начале пути мы должны были остановиться в Шауляе у р. Йосефа-Захарии Штерна{248}, а в конце пути – в Бобруйске у р. Рафаэля Шапиро. Наш замысел нам удалось воплотить лишь частично: мы заехали в Шауляй к раввину Йосефу-Захарии Штерну. Прибыли мы в час утренней молитвы. Ребе болел и лежал в соседней комнате, а в его рабочем кабинете проводилась молитва. Мы дождались конца молитвы и попросили о встрече с ребе, сказав, что мы приехали прямо из Тельши и что, поскольку мы из Полтавской губернии, нет уверенности в том, что мы когда-нибудь сюда вернемся, поэтому и просим о личной встрече. Наши слова передали ребе, и он повелел впустить нас. У окна, рядом с кроватью ребе, стоял низкий столик, заваленный книгами. Ребе обратил к нам вытянувшееся лицо, бледность которого еще больше

подчеркивалась его горящим взглядом. Посмотрев на нас взглядом пронзительным и проницательным, он протянул нам руку: «Я вас приветствую». И я, и брат почувствовали себя испуганными, обиженными, несчастными и дрожали. Наконец у рабби пробудилась жалость, и он спросил: «Из Тельши?» – «Да». – «Сколько времени вы учились в йешиве?» – «Два года». – «В каком классе?» – «Перешли в третий». – «А помимо «Кцот ха-хошен» вы изучали Гемару?» – «Конечно». И вдруг он повернулся ко мне: «А сколько листов Гемары ты вообще в жизни изучал?» Я испугался. Ребе словно читал мои мысли, как открытую книгу. И вдруг я ужасно смутился. Я почувствовал, что если скажу ему, что выучил около ТЫСЯЧИ ПЯТИСОТ листов Гемары, – со мной произойдет То же, что и когда я поступал в йешиву в Тельши. И я сказал только, что учил «Брахот» и «Моэд» (я знал, что книга «Зехер Йехусаф», написанная равом, включает в себя в основном нововведения к «Брахот» и к разделу «Моэд»!), а также несколько трактатов из «Нашим» и «Незикин».

Рав нисколько не удивился. Сказанное мной показалось ему как нельзя более естественным: ученик, который проходит то, что ему полагается. «А ты?» – обратился он к брату. – «Я изучал в основном "Незикин", "Шаббат" в разделе "Моэд" и о левиратном браке в разделе "Нашим"». – «Ты, – сказал ему рав, – больше тельшайец, чем твой брат». А потом, облокотившись на подушку, он задал нам несколько вопросов: «сомнение не выводит из несомненности» – где упоминается это правило и как им пользоваться? Каковы различия между «всякой вещью, у которой есть дозволения», и «всякой вещью, у которой нет дозволений»? И можем ли мы уточнить, где и по какому поводу приведены эти высказывания и как они сформулированы? Мы подробно ответили. Кроме того, я привел формулировку из трактата, который мы не изучали, – трактата «Недарин»[{249}]. «Вы учили „Недарин“ с комментариями Харана[{250}]?» – «Нет, не учили!» – «Так ты, – сказал он мне, – любишь подглядывать в *Масорет ха-Шас* во время учебы?» «Да», – ответил я, и он рассмеялся. А потом он спросил: «А правило „дела, которые в сердце, не являются делами“ всегда работает?» Мы и на это ответили. «А вы много занимались „Кцот ха-хошен“ и слушали лекции р. Йосеф-Лейба?» – и опять рассмеялся. Мы были поражены.

Мы объяснили р. Йосефу-Захарии Штерну цель нашего визита и рассказали о наших планах. Он сразу же позвал одного из своих близких – то ли судью, то ли писца – и приказал ему написать для нас подходящее письмо, в котором он свидетельствует о наших знаниях. Затем он спросил, как нас зовут, как зовут нашего отца, сведущ ли он в Торе – и удостоил его звания «рабани»;

и засвидетельствовал, что он узнал характер «обоих этих юношей», братьев, талмудические знания их проверил и нашел, что «оба юноши… усердно учились, воодушевлены Торой, быстры в проявлении своей эрудиции и прекрасно обосновывают суждения», и этим он сообщает, что согласен помогать нам, чтобы мы продолжили наше обучение в его бейт-мидраше под его присмотром, в той мере, в которой ему позволит здоровье, и закрепил сказанное своей подписью. Мы попрощались дружески и с благодарностью. Приближенные рава пожелали нам всего хорошего и даже поблагодарили нас, сказав, что они не помнят, чтобы рав был в таком хорошем настроении, и по его распоряжению дали нам три рубля на дорожные расходы… на обратный путь в Шауляй! Когда мы отказались их взять (хотя на самом деле очень в них нуждались!), нам сказали: «Не стоит отказывать великому». Брат был счастлив. Он сказал мне: «Весь план был направлен на то, чтобы получить такое вот письмо!» Приближенные рава сказали, что они не помнят, чтобы рав так к кому-то отнесся; нам показалось, что это мы привели рава в состояние душевного спокойствия, и он сразу проникся нашим состоянием, учебой и стремлениями. А дома я сказал, что если бы нечто подобное произошло у хасидов, то о нем бы стали рассказывать как о чуде. Когда я некоторое время спустя читал стихотворение «Хвостик йуда» Йехуды-Лейба Гордона{251} и узнал, что в образе раввина Вапси ха-Кузари, «душа которого, несомненно, раздвоена», автор хотел вывести р. Йосефа-Захарию Штерна, который боролся против «реформирования религии», – то почувствовал себя сильно оскорбленным за р. Йосефа-Захарию. Мне тогда казалось, что те высказывания, по которым он нас экзаменовал, были также призваны выявить у нас «причастность к Гаскале»: он подозревал, что мы «заглянули в неведомое». Но из наших ответов он сделал вывод, что ошибался в своих подозрениях, и это его очень порадовало.

Последняя станция перед *Хоралом* – Ромодан. Поезд прибыл туда в три часа ночи. Мы ехали без билетов – договорившись с кондуктором, заплатив ему некоторую сумму, то ли в два, то ли в три раза меньше, чем стоимость билета. Мой брат был мастером в таких делах. Он сказал, что мы едем до станции Кременчуг, то есть четвертой станции после *Хорала.*

Мне он объяснил, что поступает в соответствии с «Книгой хасидов»{252}: нельзя называть гою точное место, в которое ты едешь, нужно сказать, что тебе нужно гораздо дальше, чтобы если он захочет причинить тебе зло, то пусть думает, что у него еще есть время… Однако кондуктор, по-видимому, не очень хорошо знал «Книгу хасидов» и решил, что мы просто-напросто его

обманываем – хотим сойти в *Хорале* и не заплатить то, что ему причитается. Он рассердился, не захотел брать у нас деньги и ссадил нас на предыдущей станции перед Хоралом.

На наше несчастье, в тот момент на перроне сидел умалишенный еврей, который сбежал из сумасшедшего дома. У него в руке была железная палка, и, увидев нас, он закричал: «Вот, вот они! Пришли по мою душу! Вот они – убийцы!» Нас охватил ужас. Целый час он гонялся за нами вокруг вокзала, пока наконец на наш крик не вышли вокзальные служащие, чтобы «утихомирить сцепившихся молодых жидов», о которых нельзя сказать, «кто из них действительно сумасшедший».

Через час прибыл товарный состав – и мы в него сели благодаря служащим, которые опасались за нас: этот сумасшедший, даже после того, как его успокоили, говорил, что непременно убьет нас где-нибудь в вагоне. Через три часа, в семь утра, мы, усталые, разбитые и напуганные, приехали домой.

Глава 9. Йешива «Кнессет Ицхак» и общество «Черное бюро» (лето 1899 года)

Зиму 1899 года мы провели дома, стараясь исполнить взятые на себя обязательства. Учились мы очень усердно; рассказали о своих планах нашему дяде-раввину, и он их одобрил. Вместе с братом мы изучали «Недарин», а помимо этого каждый из нас изучал еще один трактат: я изучал «Санхедрин» (стремясь его закончить), а брат – трактат «Авода Зара»[253].Я помню, как один из молодых хасидов, сын судьи Шмуэля Гурарье, говорил, издеваясь: «Вот, они учились в Тельши и дошли до „всех идолов“…» По совету раввина мы изучали также Рамбама («Яд хахазака»[254]). Он нам посоветовал изучать также «Сефер мишпатим»[255], однако мы решили изучать последнюю книгу, «Шофтим»[256], и начали с «Хилхот Санхедрин»[257]; дядя на это сказал, что, в сущности, мы продолжаем все время «Хилхот мамрим»[258]. У нас не было никаких оснований жаловаться на свои успехи – они были более чем удовлетворительны и в изучении Рамбама с обращением к законодательным источникам, содержащимся в Талмуде, и в изучении трактата «Недарин» с комментариями Харана.

И даже дядя, который частенько беседовал с нами о Торе, как-то заметил, что прошли те времена, когда жители местечка позволяли себе экзаменовать нас, и даже он не станет злоупотреблять этим. Тем не менее в ту зиму мне не удалось полностью осуществить свои намерения. Изо дня в день страсть к учебе у меня ослабевала, а чтение – сильнейшее желание читать – поглотило меня. В тот год стали появляться книги серии «Еврейская библиотека»[259], которую основало издательство «Тушия»[260]. Первые книги «Библиотеки» – рассказы Зангвиля[261], «Пьесы гетто», биографии Аристотеля (Тавьева[262]) и Магомета (Бернфельда[263]) и в особенности «История вер и религий» Мензиса[264] в переводе Яакова Френкеля – произвели на меня огромное впечатление. А кроме того, в городе забурлила сионистская жизнь. Разумеется, мой дядя-раввин, а также главы наиболее уважаемых домов резко возражали против сионизма; вместе с тем в городе было немало молодых людей, которые хотели создать сионистскую организацию. И вот мы собрались; и с нами был Лейб Гельфанд, наш родственник, один из активистов организации «Бней Моше»[265] в Полтаве, а до того в городке Малая Перещепина, что неподалеку от Полтавы, –

пламенный сионист. И еще «проповедник» Й.-Ц. Евзаров, известный как «второй после Маслянского». Возможности говорить в синагоге никому из них не дали, и они ограничились небольшим собранием, которое устроили в бейт-мидраше. На этом собрании был и я. Решения принимались в духе времени – вплоть до создания профсоюза, продажи акций Еврейского колониального банка{266}, Еврейского поселенческого фонда – однако эти замыслы не увенчались успехом…

В то время в Эрец-Исраэль приезжал Герцль{267}, и его встреча с императором Вильгельмом II в Микве Исраэль{268} произвела огромное впечатление на евреев. Я помню, как р. Эли-Хаим Дворецкий (дед профессора А. Дворецкого{269}), один из самых уважаемых ученых мужей и глав семейств, публично заявил в бейт-мидраше: «Есть ли что-то, равное этому? Он предстает перед царями! Со времен Моше Монтефиоре не было подобного ему!» Такое сравнение вызвало гнев у хасидов. Конечно, «Монтефиоре не был такой уж важной персоной. Но как можно сравнивать еврея-праведника, соблюдающего заповеди, с главой еретиков-сионистов?!»

Как я уже говорил, еще в Корсуне и Тельши я был пламенным сторонником колонизации Эрец-Исраэль и сионизма. И я всегда говорил своим друзьям в Тельши, что когда я стану взрослым, то приеду в Эрец-Исраэль и поселюсь в Иерусалиме. Особенно часто я беседовал об этом со своим другом Шмуэлем Атласом, сыном р. Меира Атласат{270} одного из известных раввинов, который в свое время руководил йешивой в Тельши.

В тот же вечер, когда была сделана неудачная попытка создать сионистскую организацию в *Хорале,* я имел долгую беседу с двумя нашими важными гостями. Лейб Гельфанд удивлялся, что я не читал Ахад ха-Ама и знал о нем лишь из брошюры Бен-Авигдора «Две пьесы» («Моше и три пророка»), посвященной Ахад ха-Аму; я даже не знал, кто он такой. А Евзаров был потрясен, что я совсем ничего не знал о стихах р. Йехуды Галеви, которые выпустил доктор Гаркави{271} в издательстве «Ахиасаф»{272}. Они оба уговаривали меня в ближайшем будущем покинуть *Хорал* и советовали ехать в Ковну. Брат не разделял моего «сионизма», вернее, моего сионистского энтузиазма. По его мнению, именно он был причиной нерадивого отношения к учебе и прекращения наших совместных занятий трактатом «Недарин» с комментариями Харана. Я тоже не был доволен нашей совместной учебой: брат освоил комментарии Рашбы (р. Шломо бен Адерет) к трактату «Недарин» («Шева шитот») и пользовался «эклектическим подходом» к этому трактату, и наши совместные занятия превратились в сплошные рассуждения и дискуссии.

Поначалу мне это даже нравилось, однако после я потребовал, чтобы мы ограничивались лишь комментариями Ха рана (Рабейну Нисима), а в случае необходимости обращались к комментариям ха-Роша{273} и дополнениям в конце Гемары! И не более того! Брат не согласился, и наш учебный союз распался. Два последних месяца зимы каждый из нас учился сам по себе.

Сразу после Песаха 1899 года я поехал в Ковну. Мой дядя написал мне очень теплое рекомендательное письмо для ковенского раввина р. Цви-Гирша Рабиновича{274}, сына р. Ицхака-Эльханана. Дядя Кальман также поддерживал меня: он обещал посылать мне каждый месяц по четыре-пять рублей вдобавок к тому, что я буду получать в йешиве, – так, чтобы я смог учиться, не беспокоясь ни о чем другом. Это было необходимо, потому что за зиму я ослаб, стал чувствовать колющие боли в груди, и армейский врач, работавший в городе, которого семья считала самым авторитетным из всех возможных врачей, предупредил маму, что мне нужно дополнительное питание и нельзя слишком много учиться…

Итак, после Песаха мы отправились в дорогу: брат – в Брест-Литовск, а я – в Ковну. До Минска мы ехали вместе, а там расстались и встретились лишь четыре года спустя; к этому моменту наши жизненные пути уже значительно разошлись. Дорога до Вильно была мне знакома. Через станцию после Вильно я пересел в поезд, который следовал в Ковну, мы проехали туннель – впервые в жизни я видел туннель – и прибыли в Ковну. Свои вещи я оставил на железнодорожной станции под присмотром, а сам пошел в дом раввина. Я был поражен, насколько сильно он отличался от тех домов раввинов, к которым я привык, – отличался какой-то прохладной вежливостью. Когда я вошел, у меня взяли письмо и велели обождать. Через пару минут позвали к раввину. Небольшая комната, все стены от пола до высокого потолка закрыты полками с книгами. Рав поздоровался со мной, бросил на меня беглый взгляд и дал записку к надзирателю йешивы с подтверждением, что я принят и мне назначено пособие в размере трех рублей ежемесячно. Это было максимальное пособие, которое давала йешива. Раввин не стал спрашивать меня об учебе. Не проявил он поначалу и особой склонности к тому, чтобы завести со мной беседу. Но, видимо, мое лицо и глаза настолько отчетливо отразили удивление по этому поводу, что он внезапно обратился ко мне, попросил сесть и с легкой улыбкой спросил, какой последний трактат я учил, много ли беседовал о Торе со своим дядей после того, как оставил йешиву в Тельши, и было ли у дяди время заниматься со мной. После того как я ответил на все эти вопросы, он подал мне

руку и проводил до двери. Однако все это он проделал холодно – не так, как р. Шимон, р. Йосеф-Захария, р. Йосеф-Лейб… И несмотря на то что он пригласил меня заходить к нему в гости, я так и не воспользовался этой возможностью… От раввина я вернулся на станцию и забрал свои вещи. Юноша-носильщик с тележкой согласился довезти их до Слободки. Мы прошли по главной улице города, которая в народе называлась «Новый план» («Дер Нойер план»), дошли до деревянного моста через речку Вилию – дальше дороги не было, а только песок и пыль. Вдруг передо мной вырос юноша, высокий и худой, с пробивающимся пухом на щеках, и со смущенной улыбкой сказал мне:

– Слушай, парень, ты, наверно, приехал учиться в йешиву? Не в ту, которая сторонников мусара, и не в «Кнессет Исраэль», а в «Кнессет Ицхак»{275}? И не знаешь, куда идти? Так? А я родом из Бутрыманца, учусь в «Кнессет Ицхак», живу недалеко отсюда, но собираюсь сегодня же съехать с квартиры – пойдем туда, и у тебя будет квартира задешево, всего восемьдесят копеек в месяц.

И сразу же обратился к юноше-носильщику:

– Иди за мной!

И все это быстро-быстро, не давая мне прервать себя.

– Но откуда ты про меня узнал?

– Просто я ждал на станции. Я обещал своей квартирной хозяйке – она очень хорошая женщина, но очень страдает от своего мужа, поэтому я и съезжаю с квартиры – привести ей нового жильца. Я сразу понял, что ты йешиботник, и пошел за тобой. По тому, как ты разглядываешь новые дома и улицы, идешь, выпрямившись, и присматриваешься ко всему, я решил, что ты не из «мусарников». Обождал только, пока ты перейдешь мост. И не забудь, что я родом из Бутрыманца, считаюсь самым практичным парнем – «а практишер менш, зеер практишер» («практичный человек, очень практичный»).

Итак, я поселился в доме «учителя чистописания», педантичного старика с семьей: женой, на лице которой застыло неизменное выражение обиды и страха, и двумя маленькими детьми, вечно державшимися за подол ее платья. В предназначенной мне комнате не было ничего, кроме столика у окна, а возле него – нечто вроде дивана, на котором я и спал ночью. Днем, когда у меня были занятия в йешиве, хозяин дома обучал маленьких девочек «мудрости чтения» и «ремеслу чистописания», а вечером комната должна была целиком находиться в моем распоряжении. Я сказал парню из Бутрыманца, что он «очень практичен» в свою пользу, раз решил съехать из этой комнаты… Тем не менее я до поры остался там, а он обещал помочь мне подыскать что-нибудь получше. Мы пошли в йешиву.

Смотритель, широкоплечий мужчина весьма благообразной наружности, со спокойной речью, принял меня весьма радушно. По его просьбе я рассказал о том, как и чему учился до приезда в Слободку. Он сообщил мне: «Я назначаю тебе самое высокое пособие, – и добавил: – Благодаря твоим собственным заслугам, а не заслугам дяди, так сказал рав. Тебе нужно прийти завтра утром, глава йешивы р. Хаим будет давать первый урок». На следующий день в девять утра я пришел в йешиву, которая размещалась в большом здании бейт-мидраша. Помещение было полно молодых людей, преподавателей и учащихся. Чтобы хорошо слышать слова лектора, я влез на тумбу. Больше полугода я не слушал лекций и очень соскучился по ним, по нововведениям к Талмуду р. Шимона. И вот р. Хаим – маленького роста, чертами лица напоминающий моего дядю Островского в миниатюре, говорящий очень логично и темпераментно – начал с первой темы обсуждения в трактате «Бава Меция» (который мы будем изучать в йешиве). Вот он объясняет содержание, связывает и отделяет друг от друга слова, ставит вопросы и разрешает их, а я заворожен удивительной быстротой хода его мысли и изложения. И вдруг я слышу собственный голос: «А ведь здесь можно использовать утверждение *ми́го*[3], – и все лица поворачиваются ко мне. Глава йешивы замялся на секунду и вдруг сказал: «Наоборот, я тебе скажу, что это утверждение не имеет в данном случае никакой основы», – и объяснил почему.

После урока глава йешивы подозвал меня и сказал: «Я вижу по твоему лицу, что ты все еще находишься в затруднении! У тебя есть какие-нибудь доказательства, которые не позволяют тебе принять мои ответы?» Я стал с ним спорить, но в конце концов согласился с его мнением. Утверждение *ми́го* и мой спор с главой йешивы принесли мне репутацию «умного» и «дерзкого» – и интересно, что из всего того урока я помню лишь этот эпизод…

В йешиве я приобрел себе доброе имя: меня называли «старательным», «въедливым», «знатоком», а также «просвещенным»! В то лето я успел завершить трактат «Нашим» («Назир» и «Сота») и трактат «Незикин» («Швуот»{276} и «Авода Зара»). Я придерживался своего правила: два листа в день во что бы то ни стало! Лишь однажды я нарушил это правило по отношению к трактату «Бава Меция»: я изучал его уже в третий раз и очень хорошо его знал. Мне было достаточно лишь просмотреть темы обсуждения к урокам р. Хаима и связать их с комментариями Рамбама, которые я постоянно изучал («Сефер мишпатим»), – законы сдачи в аренду, законы, связанные с ссудами и залогами, и законы, регулирующие отношения должника и кредитора. Но несмотря на это, моя учеба претерпела

сильные изменения. Занятия стали гораздо менее интенсивными, в особенности после праздника Шавуот, во время которого я познакомился с членами кружка «Черное бюро» и даже распространял их листовки.

За несколько дней до Шавуота в Ковну приехал мой дядя-раввин, р. Элиэзер-Моше Мадиевский. Я ничего не знал о его приезде, пока однажды утром, после урока р. Хаима, он не пришел в йешиву. Это был раввин весьма благообразной наружности, походка у него была быстрая, стремительная и уверенная, взгляд пронзительный, и весь он – живой пример «благообразия, дарованного Торой», и «Торы и величия в одном человеке». Он вошел и сразу же направился к столу, за которым сидел я. Я был погружен в свой урок и не заметил его, пока он не остановился прямо напротив меня, а рядом с ним надзиратель. Я чувствовал, что сам его приход в йешиву призван, во-первых, продемонстрировать всем его хорошее отношение ко мне и, во-вторых, показать мне, что тот кризис в отношениях со мной, который наступил у него зимой, уже прошел. Он пригласил меня к себе в гостиницу «Догмар» и попросил надзирателя позволить мне отсутствовать на занятиях йешивы во время его непродолжительного визита в Ковну, поскольку он хотел провести эти дни вместе со мной. Надзиратель дал свое согласие, ибо «великим не принято отказывать», а мне в эти дни предстояло выступить в роли «верного помощника мудрецов». Кроме того, он не мог отказать подопечному, который «столь прилежен, что мы порой беспокоимся о его здоровье».

В течение нескольких дней я общался с дядей и со многими людьми, которые его навещали. Среди них был один юноша по фамилии Якобсон, сын раввина из Любавичей, и еще несколько местных глав семей: Моше Карпас, Шломо-Залман Ланде и Шимон Меркель. Также ежедневно приходил р. Яаков Липшиц, который был секретарем и «правой рукой» р. Ицхака-Эльханана, но после кончины своего патрона уже не имел былого влияния. По предложению Липшица, меня и Якобсона высылали из комнаты во время обсуждения общественных проблем, однако его инициатива несколько запоздала: из услышанного я уже успел понять, что дядя приехал в Ковну по поручению Любавичского ребе, Шолома-Бера Шнеерсона{277}, и что целью его визита было объединение всех «благочестивых и богобоязненных», хасидских цадиков и раввинов, а также верующих маскилим{278}, с тем, чтобы начать войну против сионизма. Было известно, что один из проживавших в Петербурге любавичских хасидов, очень богатый еврей по фамилии Монесзон{279}, пожертвовал значительную сумму денег в специальный фонд, предназначенный для борьбы с

сионизмом. Идея заключалась в том, чтобы опубликовать в журналах прочувствованное обращение, под которым подпишутся величайшие из раввинов. Первым должен был подписаться раввин р. Давид Фридман{280} из Карлина. Он, правда, принимал участие в конференции в Катовицах{281} и даже был в свое время, много лет назад, известен как член организации «Ховевей Цион»{282}. Однако, насколько я успел услышать из этих обсуждений, теперь р. Фридман считался яростным противником сионизма, и его подпись, как полагали, будет иметь огромный вес. Вторым должен был подписаться раввин из Лодзи р. Хаим Майзель{283}, который был яростным противником «Ховевей Цион» и сионистов. После него должны были подписаться по порядку: раввин р. Хаим Соловейчик{284} из Брест-Литовска, р. Элиэзер Гордон из Тельши, раввин Хаим-Озер (Гродзенский) из Вильно. Из хасидов же должны были подписаться любавичский ребе и р. Мардехай-Давид из Горностайполя{285}, который в свое время был одним из самых известных хасидских цадиков.

В соответствии с планом эти известные раввины должны были быть лишь первыми из подписавшихся. К ним должны были присоединиться еще несколько человек (р. Эльяким Шапиро из Гродно, р. Йосеф Розин из Двинска и другие). На совещании говорилось и о том, что «представители столичного еврейства» также настроены против сионизма по причине «патриотической верности» Родине. В этом контексте указывали на доктора Гаркави и цензора Исраэля-Исера Ланде, который был секретарем деда, ребе Авраама, и который, крестившись, продолжал поддерживать близкие отношения с хасидами. Этот цензор полагал, что «сионизм представляет большую опасность для религии Израиля». Было решено, что благодаря своей позиции он сможет воспрепятствовать изданию сионистской литературы на иврите и на идише. Я уже упоминал о том, что нас высылали из комнаты во время многочасовых дискуссий, когда обсуждалась практическая сторона дела. Я лишь знал, что предметом разговора служили деньги. Помню, как однажды, после одной продолжительной дискуссии, я, вернувшись, застал дядю очень рассерженным. «Этот Липшиц, – с грустью вымолвил дядя, – думает лишь о деньгах. Ему лишь бы заработать! Мне тяжело выносить его присутствие».

Его слова меня поразили. Значит, дело было не только в фанатизме, но и в прибыли! Я не знал, что мне делать, не мог найти себе места и не мог спокойно спать. Что же предпринять? В итоге я пришел сразу к двум выводам: во-первых, стоит обо всем рассказать местным сионистским лидерам, передав им все обсуждавшиеся планы; во-вторых, нужно завязать как можно

более дружеские и доверительные отношения с Яаковом Липшицем, чтобы быть в курсе всего происходящего и суметь в будущем также сослужить службу сионистскому движению. Все мои метания и сомнения рассеялись после того, как дядя при мне дал волю своему гневу на Яакова Липшица. В йешиве у меня был один друг, Моше из Коврина, смуглый низкорослый юноша, сын, по-видимому, состоятельных родителей, который был сионистом, маскилом и писал стихи. Каждый месяц он давал мне сборники «ха-Шилоах»{286}, зачитывал мне свои стихи, а также требовал, чтобы и я зачитывал ему свои «творения», так как я тоже стал «грешить» сочинительством. Еще начиная с зимы 1889 года я начал вести «Памятную книгу», в которую записывал все изречения и слова мудрости различных писателей, а также мои собственные тексты: «Размышления и суждения», «Поэтические строфы», «Очерки и рассказы», а также многое другое. Я вызвал Моше на конфиденциальный разговор. Не дома, разумеется, – и у стен есть уши. Мы отправились на прогулку по берегу реки Вилии. Когда мы удалились на безопасное расстояние, я рассказал ему о том, что в ближайшее время готовится организованная атака на сионистов под предводительством раввинов и цадиков, богачей и маскилов – приближенных к власти и очень влиятельных людей. Необходимо срочно оповестить об этом сионистов, чтобы предотвратить беду. Все должно сохраниться в секрете, и нельзя, чтобы кто-нибудь узнал о том, что я все это рассказал. Он должен привести ко мне проверенного человека, который сможет немедленно оповестить тех, кого следует.

«Нет ничего проще! – сказал Моше. – Хоть сейчас приведу тебе Лейзера из йешивы в Ритове. Этот Лейзер (он хромает на правую ногу) находится в центре всего сионистского движения Ковны. Шмуэль Розенфельд{287} (корреспондент журнала «ха-Мелиц») назвал сионизм в Ковне «стоящим на одной ноге» – ноге Элиэзера Фрисмана (он же – Лейзер из Ритова)…» Не прошло и пятнадцати-двадцати минут, как мы втроем сидели на какой-то деревянной доске на берегу реки, и я излагал им все услышанное. Я объяснил, что одним из поводов для начала «похода» против сионизма стало письмо доктора Мандельштама{288} раввинам относительно их неприятия сионизма, опубликованное перед Песахом в журналах «ха-Мелиц» и «ха-Цфира».

По мнению противников сионизма, это одна из последних возможностей навеки искоренить сионизм. Когда же, если не теперь? Мой рассказ поразил слушателей до глубины души, особенно Элиэзера Фрисмана. Он впал в самое настоящее отчаяние и уныние. Однако очень быстро пришел в себя и громко

заявил, что немедленно отправляется к Залману Вилку, активному общественному деятелю и сионисту, и вместе с ним сегодня же ночью, в полночь, соберет на срочное совещание сионистов Ковны.

Слушатели одобрили мою осторожность и поддержали идею близкой дружбы с Яаковом Липшицем. Было решено, что Элиэзер скажет в сионистском комитете, будто информация была получена от одного из «преданных молодых участников» организации «Бней Цион»{289}.

Элиэзер тут же распрощался с нами. В тот же вечер он и Залман Вилк прибыли на квартиру Шмуэля-Яакова Рабиновича{290}, раввина Алексоты, небольшого городка по другую сторону реки Неман, считавшегося пригородом Ковны. По словам Элиэзера, тогда же, ближе к полуночи, все члены сионистского комитета были вызваны на квартиру раввина. На заседании было решено предпринять следующие действия:

1) обратиться к представителям общин Пинска, Карлина, Лодзи, Брест-Литовска и Вильно с просьбой всеми возможными способами воспрепятствовать публикации вышеозначенного письма;

2) обратиться к представителям сионистского движения в Петербурге также с просьбой воспрепятствовать публикации письма от имени наиболее уважаемых и процветающих представителей еврейства;

3) оказывать особую поддержку всем сионистски настроенным раввинам и другим участникам движения;

4) разослать подробные письма известным писателям-сионистам с призывом предпринять энергичные действия, чтобы «предотвратить надвигающееся бедствие»;

5) обобщить все сведения, поступившие от «преданного участника», проверить их и опубликовать в газетах.

Все руководство взял на себя раввин Шмуэль-Яаков Рабинович, избранный на втором сионистском конгрессе{291} «уполномоченным лицом», членом сионистского исполнительного комитета; вместе с ним работали Залман Вилк и Элиэзер Фрисман. Рабинович также должен был поддерживать сионистски настроенных раввинов, чтобы те могли открыто высказывать свое мнение в отношении общественных вопросов и не уступать давлению «великих».

Залман Вилк был приближен к Исеру бар Вольфу, одному из руководителей местной общины, который также был сионистом. Исер бар Вольф в тот же день разослал подробные телеграммы: в Пинск – Григорию Лурье, в Лодзь – Познанскому, в Вильно – Гольдбергу{292}, в Ригу – Шалиту{293} и другим, для того чтобы

помешать раввинам опубликовать это коллективное «обращение». Было даже предложено объявить раввинам о том, что все сионисты будут рассматривать публикацию подобного «призыва» как доносительство властям на весь народ Израиля и сделают из этого соответствующие выводы. Не знаю, действительно ли об этом известили раввинов, но только это «обращение» опубликовано не было. Примерно в это же время сионисты Ковны послали повторное письмо писателям и общественным деятелям, в котором сообщали о планах организации «Черное бюро». Формулировку письма мне передал Элиэзер Фрисман, и я подтвердил правдивость содержащихся в нем фактов. Письмо опубликовал Лилиенблюм{294} в статье «Они трубят о хищном звере». Элиэзеру Фрисману поручили собрать информацию о деятельности «Черного бюро» – в особенности сведения, исходившие от меня, – и передать их учителю Ицхаку Аниксту, который согласился опубликовать в журнале «ха-Мелиц» ряд статей на эту тему. Я тем временем продолжал поддерживать дружеские отношения с Яаковом Липшицем. По его просьбе я приходил к нему раз-два в неделю, обычно в пятницу после полудня или в один из других вечеров, переписывал письма и, между прочим, редактировал их стиль. Письма рассылались раввинам и религиозным общественным деятелям – как тем, кто симпатизировал сионизму, так и идейным противникам сионизма. Первых предостерегали от того, чтобы помогать движению, «основная цель которого – отвращать юношество от святой Торы и оскорблять нашу священную религию и обычаи». Последних одобряли, ибо они «нашли в себе мужество начать священную войну» с «разрушителями нашей религии», с «собранием нечестивых, все замыслы которых во вред, а не во благо». Эти письма были разосланы очень многим раввинам во все концы России – как в ближние (Кошедары, Таурогen), так и в дальние (Полтава, Кременчуг, Прилуки, Кишинев, Николаев, Черкассы, Гомель и многие другие). Я запоминал содержание писем и имена адресатов, а на следующий день тому же самому раввину посылалось письмо совершенно иного содержания – приветствие тем, кто симпатизирует сионизму, честь и хвала им за смелость и мужество, призыв не уступать угрозам известных мракобесов, разжигающих вражду. И наоборот, ненавистники Сиона получали упреки и обвинения за свои слова и действия.

Так продолжалось до тех пор, пока в «ха-Мелице» не начали выходить статьи Ицхака Аникста. Я чувствовал, что мне пора перестать приходить к Яакову Липшицу. Его сын Нета, здоровенный, весьма далекий от какого бы то ни было знания Торы, отъявленный драчун, как-то уж особенно пристально на

меня смотрел и не упускал из виду ни одной моей беседы с его отцом. Я сказал своим друзьям, что опасаюсь, как бы этот Нета не переломал мне кости… С другой стороны, нельзя было допустить, чтобы эти волнения отразились на учебе в йешиве и помешали моей усердности и усидчивости. Я так исхудал, что и надзиратель, и глава йешивы, и даже Яаков Липшиц заметили это. В одну из пятниц я сказал Липшицу, что болен и некоторое время не смогу бывать у него регулярно, однако обязательно приду на помощь, если вдруг в этом появится особая необходимость. Он и Нета поблагодарили меня и пожелали скорейшего выздоровления. В «Памятной книге», которую я вел в то время, в последние дни ава 5659 (1899) года я записал несколько рифмованных строк, в которых хотел выразить свое постоянное беспокойство, из-за которого, как я чувствовал, у меня может открыться внутреннее кровотечение, ибо:

Пришли ко мне дни,
Трудные и печальные.
Они взбудоражили сердце
Огромной печалью и болью.

И это не было пустой аллегорией. Через несколько недель я тяжело заболел: вначале – дизентерией, а потом у меня начались легочные кровотечения. Я стал сильно кашлять, харкая при этом кровью. В это же время умер один из учеников йешивы, и начальство очень забеспокоилось и о моем здоровье. Меня навестил надзиратель и передал мне благословение на следующий год. Вечером накануне Йом Кипура{295} он пришел ко мне во второй раз и от имени главы йешивы сообщил, что мне запрещено поститься, однако нужно есть меньше того количества, за которое полагается карет («истребление»), и даже принес мне сморщенный финик, обозначавший количество допустимой пищи. Друзья ухаживали за мной с такой любовью, вниманием и заботой, что врач, который приходил ко мне чуть ли не каждый день, как-то сказал им: «Жаль, что вы так же не ухаживали за тем своим приятелем – вы бы спасли и его жизнь…»

Однако по правде говоря, у тех частых визитов и того огромного внимания, которых я удостаивался, была и другая причина. В том же доме, во второй квартире, жила семья, и одна из дочерей, по имени Аснат, была необычайно красива. Так что посещение больного стало предлогом для ее многочисленных ухажеров, среди которых были и мои приятели. С одним из них я встречался в Берлине и в Копенгагене, в Петрограде и Тель-Авиве. И каждый раз я с трудом удерживался, чтобы не спросить его:

«Как поживает Аснат? Где она?»

Начальство йешивы известило о моей болезни дядю, и в будний день праздника Суккот я получил деньги – 10 рублей – огромная сумма! – на дорожные расходы и письмо, в котором дядя тревожился о моем здоровье. В среду, в начале месяца хешван 5660 (1899) года, я вернулся домой – бледный, слабый и напуганный «заботливыми» врачами, которые предостерегали и успокаивали, успокаивали и предостерегали… Дядя первое время не говорил и даже не упоминал об организации «Черное бюро» и публикации ее планов, хотя эта история принесла ему большой вред. В то время хасиды Хабада прилагали все усилия, чтобы возобновить деятельность хабадского столичного раввината, которая, по сути, прекратилась после смерти хасидского раввина р. Йекутиэля-Залмана Ланде{296} (в 1894 году). Дядя был представлен к этой должности, но публикация его имени в качестве участника организации «Черное бюро», по словам многих, провалила дальнейшие планы. В городе об этом стало известно от гостей, приходивших в нашу семью, которые, ничего не скрывая, отзывались обо мне крайне неодобрительно. Узнали об этом и другие. Мне пришлось в этом убедиться во время посещения в конце той же зимы виленского рава Хаима-Озера Гродзенского, а спустя два с половиной года – во время пребывания у любавичских хасидов.

Мой приятель Элиэзер Фрисман, с которым я переписывался еще нескольких лет, тщательно оберегал мою тайну. Я удостоверился в этом в 20-х годах, когда в Израиль приехал Ицхак Аникст. Он посетил бейт-мидраш для преподавателей иврита, в администрации которого я состоял. Я спросил у него, где он черпал информацию о деятельности «Черного бюро», о которой опубликовал серию статей в журнале «ха-Мелиц».

Ничего конкретного он припомнить не смог. Он знал лишь, что какие-то трое юношей из йешивы услышали о происходящем, а среди них был некий юнец, весьма прилежный, и ревностный сионист, приходившийся родственником одному из активистов «Черного бюро» и работавший секретарем у Яакова Липшица. Однако никто не знал его лично, и, наверное, это был не более чем собирательный образ…

Благодаря Элиэзеру Фрисману я погрузился в деятельность сионистского движения. Перед началом Третьего сионистского конгресса{297} мы передали сионистскому комитету Ковны список наших предложений, включая назначение на конгрессе комиссии по политическим делам, перед которой д-р Герцль должен будет детально отчитаться о каждом своем шаге.

Глава 10. На распутье

В течение целого месяца я был в буквальном смысле слова болен – и физически, и духовно. Это был первый из трех месяцев тяжелых внутренних конфликтов, терзаний, колебаний и бессонниц.

В первые дни болезни я находился целиком под влиянием врачей, со слов которых выходило, что особенно заботиться о будущем и не стоит… Во мне еще не ослабло впечатление от смерти одного из учеников йешивы, который жил в моем районе. А также от смерти Файерберга[298]– я как раз прочел в то время в журнале «ха-Шилоах» его рассказ «Куда?» – и там же некролог, где рассказывалось о кончине автора в результате болезни. Я не мог забыть и рассказ Эзры Гольдина[299] «К месту пребывания Торы», герой которого, усердный учащийся йешивы, заболел и вернулся домой… А еще я почти наизусть знал стихотворение Бялика[300] «Усердный» и все время перечитывал строки:

И узнал юноша, что он забыт,
Что душа его опустошена, забыта и брошена!
И почувствовал, что ослаб, что иссякли силы,
И голос его слышался как будто из души усталой,
Которая вот-вот умрет.
Голос сердца, скошенного, как трава, больного сердца,
Полного горечи и изливающего печаль.

Друзья навещали меня дома. Первые дни я почти все время молчал, с трудом выговаривая по нескольку слов. Большую часть времени лежал, повернувшись лицом к стене. Я попросил друзей принести мне «Арфу дщери Сиона»[301] Михаля, а также полное собрание сочинений Мордехая-Цви Мане[302], опубликованное издательством «Тушия». Все это я читал с какой-то мрачной одержимостью. Некоторые стихи перечитывал по нескольку раз, преисполняясь при этом огромной жалостью… не иначе как к собственной персоне!

Удрученный сижу я в доме своем, больной и в беде,
Мой удел – погибель, мой дух омрачен,
Ох, во цвете лет мое сердце стало мне могилой,
А в нем скорбь души моей пылает как огонь!

Я вновь и вновь перечитывал стихи Мане. Особенно мне был близок отрывок:

Страдал я и трудился, не знал покоя ни на миг,
А что мне стало наградой?
Лишь боль сердечная да худоба в костях,
И слабость в членах, о, печаль дней моих!

Стихотворения Мане «Печальные размышления», «Печален я», «К скорби», «Тень образа моего» я перечитывал вновь и вновь, заучивая наизусть. Я был «преисполнен скорби» о самом себе…

Домашних сильно беспокоило мое состояние. Позвали врача, который с точки зрения родственников был наиболее сведущ. Это был русский военный врач, которому однажды уже удалось вылечить от тяжелой болезни дядюшку Кальмана. Врач устроил мне тщательный осмотр и постановил, что кровотечение из горла не было вызвано каким-либо серьезным недугом, как полагал врач в Ковне, и никакая опасность моей жизни не угрожает, хотя я действительно слаб и нуждаюсь в особом уходе. Правда, он меня предостерег от чрезмерно усердной учебы в йешиве и велел, чтобы я не прижимался слишком сильно к столу во время занятий (так ему, гаю, объяснили причину стеснения у меня в груди). Однако он еще раз подтвердил, что я крепкий юноша и не стоит бояться за мое здоровье. Он заверил семью, что, когда придет мое время для призыва в армию, он как военный врач порекомендует меня, потому что у меня есть все данные, чтобы стать хорошим солдатом. Отец очень волновался о моем здоровье и самочувствии (беспокойство вообще было ему свойственно) и решил обсудить это со мной («Тоска на сердце человека подавляет его» (Притчи 12:25)). В середине нашей беседы он намекнул, что ему не дают покоя те обвинения, которые я выдвинул против «Черного бюро», моего дяди и его друзей. Отец считал, что именно эти мои действия стали причиной болезни. «Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых» (Амос 5:14), – невозможно жить, видя или желая видеть плохое. Человек замечает в мире то, что хочет замечать. Он находит то, что хочет найти и ищет. Основания добра и зла перемешаны в мире. Источник зла один – это сатана, «дурное побуждение и ангел смерти». Во зле содержится источник всякой болезни. «Ты замечал дурные стороны в людях и тем самым навлек на себя зло – в иной форме».

Я был очень одинок. Мой старший брат находился в Брест-Литовске. По его письмам я понимал, что он увлечен идеями Просвещения и очень далек от меня. Наши интересы сильно

разошлись к тому времени. И конечно, нисколько не волновала его мысль о том дне, когда я закончу изучение всех шести частей Талмуда. В желании завершить их он видел лишь гордыню и высокомерие и считал это мое занятие совершенно несерьезным. Он даже читал мне мораль, предостерегая на предмет «правил о смешении», к которым я был весьма склонен, и утверждал, что я «смешиваю стихотворные строки с листами Гемары», «считаю слоги в каждой строке, чтобы придать словам вес», и «при помощи большого количества листов Талмуда удерживаю башни хаоса». Он считал, что я существую лишь своими фантазиями и воображением, выдумками «изменчивого юноши». Мой брат Нахум-Элияху, младше меня на два года и два месяца и весьма талантливый, покинул йешиву в Конотопе, ушел из дома дяди, младшего брата отца, и объявил, что жизнь в йешиве и вообще «вся эта учеба» ему уже поперек горла стоит. Он хочет, подобно сыновьям дяди, у которого живет, работать и преуспевать. Дядя Исраэль-Давид, простой человек, один из лучших евреев, которых я знал, не согласился содействовать ему в уходе из йешивы, потому что тогда оборвется «семейная преемственность изучения Торы, которая, казалось, вновь возобновилась» в семействе Динабург… Тогда брат переехал в Гадяч и начал работать в магазине у дяди Лейба, старшего брата отца. Так что и он был далек от меня в это время. Моих друзей детства тоже не было со мной. Правда, распространившиеся благодаря семейству моего дяди-раввина шокирующие слухи о том, что я содействовал провалу плана борьбы с сионизмом, привели ко мне нескольких новых друзей и знакомых. Впоследствии в сионистскую организацию нашего города пришло особое письмо от сионистского комитета Ковны, в котором сообщалось о моем активном участии в движении и даже о «важности» моей миссии.

Но и новые друзья были далеки от меня. Им был совершенно непонятен тот образ жизни, который я вел до этого времени. За малым исключением, все они учились в русских школах и не знали иврита. Те же немногие, кто знал иврит, были приверженцами «ха-Шилоах» и почитателями Ахад ха-Ама. Я, правда, уже тоже начал зачитываться Ахад ха-Амом, однако критика политического сионизма вызывала во мне резкий протест. Мне помнится, как мы с друзьями прочитали в Ковне его первую статью из серии «Вопросы дня» («Государство евреев и еврейская проблема»)[{303}]. На некоторых из нас статья произвела сильное впечатление, и я их сильно разозлил своим непримиримым отношением к занятой автором позиции. Я указал на то, что все приведенные Ахад ха-Амом аргументы напоминают мне историю о Гершеле Остропольере[{304}], который не мог спать

на пуховых подушках по следующей причине: даже одно перо в постели колет и не дает уснуть в течение всей ночи – так как же он будет спать на подушках, наполненных тысячами перьев?! И только Элиэзер Фрисман одобрил мои слова и даже опубликовал для сионистов Ковны мое «опровержение» слов Ахад ха-Ама, который, лишь основываясь на опыте «Ховевей Цион», пытался доказать, что «создание еврейского государства не решит еврейских проблем». В то же время меня привлекали другие стороны концепции Ахад ха-Ама, поэтому я вновь и вновь возвращался к чтению его статей. Однако и они порой вызывали во мне сильное негодование. Я был глубоко верующим евреем и всегда с особым рвением молился. Люди, которые отрицали реальность существования Всевышнего, казались мне просто потерявшими рассудок, ничтожными и вызывающими к себе великую жалость. Я верил, что «Тора была написана на небесах», и пытался доказать своим друзьям ее неопровержимость, основываясь на предисловии Рамбама к «Путеводителю растерянных»{305} и объяснениях Нахума из Млат, слова которого казались мне наиболее ясными и убедительными. Увлечение Гаскалой не только не умалило моей любви к Торе, а, наоборот, лишь содействовало ее укреплению. Терзаясь внутренними противоречиями, я в то же время пытался отгонять от себя все возникавшие сомнения и вопросы и еще больше времени посвящал изучению Талмуда. Моим литературным кумиром в то время был Зеев Явец{306}. Я не помню, каким образом мне достались его книги. Однако его «Повествования о былом для сынов Израилевых», книги для чтения «ха-Мория», «Роса детства», а также сборники «Земля Обетованная», «Гордость Земли Обетованной», «Плод Земли Обетованной», «Из Сиона», «Из Иерусалима» были проникнуты совсем иным восприятием вещей, которое меня поистине завораживало. Оно сильно отличалось от представлений моих новых друзей, которые ориентировались в основном на тексты из «Восхода». И этот другой дух лишь укреплял меня на моем пути – пути Торы! Учение ради учения. Еще в тот день, когда врач так ободрил меня своей уверенностью в моем здоровье, я составил себе план учебы на будущее: прежде всего следует продолжать прилежнейше изучать Талмуд. В общей сложности мне осталось – до праздника в честь окончания изучения Талмуда – пятьсот восемьдесят семь листов (подсчет прошлого года был неверен! Ой как неверен!). «Хулин» я уже немного выучил, а этот год еще и високосный – то, что я упустил в месяце тишрей, наверстаю во втором адаре. Так я принял обет:

Заря меня разбудит, полночь убаюкает,

И уже тогда я решил, что продолжу первый трактат раздела «Кодашим»{307}, трактат «Зевахим»{308}! Буду выучивать по сорок страниц в месяц. Быстро! Параллельно буду учить и трактат «Хулин». Вместе с изречениями законоучителей: раздел «Йоре деа», «Бейт Йосеф» и «Шулхан арух» с комментариями. Не прекращу и изучение Рамбама. Книги «Незикин»{309}, «Киньян»{310} и «Мишпатим» послужат мне основой для повторения большей части трактата «Незикин», а также я выучу «Хошен мишпат»{311}. Таким образом, я составил подробный план, по которому к Хануке 1900 года, то есть через пятнадцать месяцев, закончу изучать все шесть частей Талмуда, а также смогу получить раввинское звание, и тогда… стану готовиться к экзамену на аттестат зрелости. А тем временем не стоит забрасывать русский язык, который за время учебы в йешиве, особенно в Литве, почти выветрился у меня из головы. Один из приятелей принес мне «Капитанскую дочку» Пушкина, чтобы, читая ее, я погружался в русский язык. Такая смесь – трактата «Зевахим» и «Капитанской дочки» – вызвала гнев отца. Он начал сомневаться, не сбился ли я с «верного пути».

Возражал он и против моих новых друзей, сторонников Гаскалы, во главе которых стоял Цви Рахлин, учитель русского языка, один из самых пламенных сионистов в городе – он часто приходил ко мне. Также отцу не нравилась моя дружба со студентом-медиком Харьковского университета Йосефом Эпштейном{312} (впоследствии он стал известен своей сионистской деятельностью в Сморгони и в Вильно, где открыл еврейскую гимназию, названную затем его именем).

Незадолго до нашего знакомства он женился на молодой дочери Фишеля Малкина, самого богатого еврейского торговца в нашем городе. Через некоторое время после свадьбы заболел с подозрением на чахотку; затем поправился и приехал к нам в город вместе с женой. Однажды Йосеф пригласил в гости нас с Цви Рахлиным. Уже много лет я не приходил в дом Малкина. Нас приняли с большой теплотой и любопытством, однако Эпштейн сразу повел меня в свою комнату, а Цви Рахлин остался общаться с хозяевами. За ту пару минут, пока он сидел в гостиной и разговаривал с тестем и тещей Эпштейна, я успел как следует разглядеть его: низкого роста, широкоплечий, смуглый, сдержан и скромен, говорит тихо, спокойно – его облик внушал доверие и симпатию. На столе лежал «Календарь Ахиасафа» на 5660 год (1899–1900), вышедший два месяца назад. Цви Рахлин показал на

него и спросил меня: «Ты читал? А что тебе особенно понравилось?» Я ответил, что с интересом прочитал большую часть. Особенное впечатление на меня произвели Бернфельд, Бялик, Бердичевский{313}, Файерберг, Клаузнер{314}, Фришман{315} и Явец. Беседу стал направлять Эпштейн. Он хотел слышать мое мнение почти о каждой статье и произведении; он высказывал и свое отношение – коротко и энергично. Исподволь он все больше и больше выражал самого себя, свои склонности и воззрения. Особенно поразила его статья Клаузнера «Во имя Сиона» (обращение к еврейской молодежи) и призыв, содержащийся в ней, репатриироваться в Эрец-Исраэль. Йосеф сильно отличался от тех деятелей Просвещения, которых я видел раньше: человек, получивший широкое – и еврейское, и общее – образование, полностью погруженный в еврейскую и сионистскую литературу; старше меня лет на десять, но спорящий как приятель, на равных. Он напомнил о том, что мы родственники – наши матери были двоюродными сестрами, – пригласил меня заходить еще и пообещал, что тоже придет ко мне. Так мы быстро подружились, несмотря на большую разницу в возрасте. Одним из поводов к нашей дружбе был написанный мной большой «драматический стих» под названием «Трактат „Зевахим“». Несмотря на то что я написал его под влиянием бяликовской поэмы «ха-Матмид»{316}, в нем очень верно отразились все мои переживания и внутренняя борьба последних месяцев. Я помню эпиграф стиха:

> Кровь жертв, принесенных не ради
> их самих, может быть пролита…
>
> *(Трактат «Зевахим», Мишна, 1:1)*

«Жертвы» по очереди появлялись в стихотворении, и каждая из них рассказывала историю своей жизни, как она была заколота «без должного ритуала», как выпустили из нее кровь и бросили ее на жертвенник.

Всеми «жертвами» были ученики йешивы, и каждый монолог начинался с галахического изречения из трактата «Зевахим», которое определяло характер монолога, а заканчивался рефреном, призывающим к изучению Талмуда: «Итак, учили раввины…» Йосеф Эпштейн уговаривал меня покинуть наш город и как можно скорее уехать в Вильно. Он рассказывал, как провел в Вильно несколько лет, учился там; рассказал про своего друга по имени Гинцбург, известного виленского поэта, любимого и поддерживаемого жителями города. Между тем дядя-раввин

пригласил меня к себе на субботу. Он собирался неторопливо и обстоятельно поговорить со мной. Его дела сильно изменились. Он был вынужден продать свой большой дом. И несмотря на то что он оставался состоятельным человеком, провал его кандидатуры на должность столичного раввина, связанный с борьбой против сионистов, несколько умерил его пыл. Он много обсуждал со мной учебу. Я продемонстрировал ему свой способ изучения Рамбама и рассказал о планах. Все это очень ему понравилось, однако идея поехать в Вильно вызвала у него содрогание: не в большой город мне надо ехать, а в маленький, и не в йешиву, а в дом к раввину. Там мне нужно жить год, учить галахот и законоучителей по тому плану, который я себе составил, и тем способом, о котором рассказал. Мне не нужна йешива, а нужен раввин-наставник. Дядя предложил мне поехать в город Зеньков на Полтавщине. Раввин этого города Шмуэль-Давид Шипер приходится нам родственником (его тесть, покойный рав Хелфнер, был мужем тети Йехудит и папиным дядей). Он серьезный ученый раввин и будет очень рад принять меня. Собственно, он сам предложил это, а дядя стал в некотором роде посредником. Он уверен, что через год я смогу закончить шесть частей Талмуда и получить право на преподавание – тогда мне нужно будет поехать на год в Любавичи… Это был совсем другой аттестат зрелости, чем тот, который я собирался получить! Однако после долгих размышлений и колебаний я, мобилизовав все свои душевные силы, согласился.

В Хануку я поехал в Зеньков. Несмотря на то что этот город находится близ нашего, ехать туда пришлось на двух поездах, а потом еще сорок километров на лошадях. Несколько дней я провел в Гадяче у тети Фрумы, отличной хозяйки, очень умной и доброй; благодаря своим душевным качествам она снискала любовь и уважение окружающих. Они с матерью рассказали мне обстоятельства ее замужества: она была второй женой моего дяди – тот овдовел и имел трех детей, но от нее скрывали это до свадьбы. Дядя отличался склонностью к аферам и безумным фантазиям: в это время он вместе с одним помещиком основал фабрику по производству хлопка, пожиравшую все деньги, которые тетя зарабатывала торговлей, а также те, что достались ей от богатых родственников, живущих в Москве. Тем не менее она так уважала дядю, что беспрекословно и с любовью принимала его широкую натуру. Со своими приемными сыновьями она обращалась точно так же, как с родными. В доме никто не мог уловить разницы между ними, даже они сами. В то время у них в доме жила Женя Шафран, очень красивая девушка, с которой я познакомился лет за пять до того в Гомеле; сейчас

она уже училась в гимназии, стала еще красивее, и за ней ухаживали многочисленные юноши. По вечерам все собирались дома – в том числе и моя кузина Рахель, очень смышленая двенадцатилетняя девочка – и слушали мои «лекции» о религии и сионизме.

Как мне впоследствии рассказывала Женя, мои речи настолько впечатлили кузину, что до восьмого класса гимназии она молилась каждый день и соблюдала субботу.

Третьего швата, через месяц после моего 16-летия, в понедельник в одиннадцать часов вечера мы с братом Нахумом-Элияху отправились на остановку дилижанса, который следовал в Зеньков. На улице был мороз, снежная буря – и ни души. Брат был обут в войлочные сапоги, а у меня ноги уже наполовину окоченели. Дурные предчувствия терзали мое сердце. Брат тоже считал нашу поездку по меньшей мере странной. Он рассказал, что и тете все это не нравилось, однако она сочла неправильным давать советы в подобном случае: если уж Бен-Циан решился ехать, так он сам разберется, что к чему.

Ранним утром я приехал в Зеньков. По дороге я завернул в дом старшей сестры отца, к тете Ципоре Котляровской. У нее была большая семья и много детей; многих родственников, в том числе дядю Наума-Аарона и саму тетю, мы хорошо знали. Через час я пошел в синагогу. Познакомился с раввином. После завтрака я пришел к раввину, и мы стали беседовать о Торе. От вопроса к вопросу, от трактата к трактату, от норм гражданского права к диетарным законам, от талмудических проблем к галахическим постановлениям. Я остался у раввина на обед, и нам обоим стало ясно, что моя программа – вовсе не программа. Раввин вообще не занимался Торой уже несколько десятков лет. И он сказал мне откровенно: «Благодаря твоему пребыванию здесь я многому научусь, быть может, и ты извлечешь из этого какую-нибудь пользу! Однако по сути это большая глупость с твоей стороны оставаться здесь со мной! Я и не предполагал, что ты дошел до такой степени эрудиции и остроты суждений, что раввинское звание и право принимать галахические решения для тебя на самом деле пройденный этап. Дядя Маше (раввин из Хорала) даже ничего и не написал мне об этом! Он вообще знаком с тобой лично? Разумеется, тебе стоит служить мудрецам, однако там, где изучают Тору великие еврейские мудрецы! В Минске, Вильно и тому подобных местах!»

Мы решили, что я останусь у него до следующего воскресенья и буду его гостем. В субботу раввин оказал мне честь, попросив «произнести» в синагоге мидраш на недельную главу (глава «60»{317}). Между тем раввин обеспечил мне такую популярность,

что в субботу перед молитвой минха в синагоге была масса людей, которые пришли послушать, как будет объяснять мидраш «дарование из Хорала». Это было мое первое публичное выступление, и раввин поблагодарил меня, сказав, что я не опозорил его, и назвал меня «своим другом, юным по возрасту, но зрелым по мудрости, который в будущем очень возвысится».

На следующий день я возвратился в Гадяч. Тем временем мой дядя вернулся из Москвы, и раввин Зенькова послал ему с кучером письмо, в котором он написал обо мне и о совете, который мне дал, – уехать из дома. Тетя очень обрадовалась отмене «зеньковской программы» и похвалила прозорливость рава Шмуэля-Давида. В тот же вечер она предложила оплатить мне дорожные расходы на поездку в Вильно, а также изъявила готовность помогать мне время от времени. На следующий день я вернулся домой. Дядя сильно рассердился на меня за «отход от правильного пути» и стал насмехаться над «восхищением» «этого миснагеда» моей ученостью. Он пообещал еще подумать об этом, однако заявил, что категорически против того, чтобы я ехал в Вильно. Я навестил тяжелобольного дядю Кальмана – и он тоже стал отговаривать меня от поездки. Больше я ни с кем не встречался, а через несколько дней уехал в Вильно. Я не попрощался ни с дядей-раввином, ни с дядей Кальманом, который был смертельно болен и скончался через несколько дней. Кто-то из родных даже писал мне, что «мое бунтарство» приблизило его кончину еще больше, чем та тяжелая болезнь, от которой он страдал уже много лет…

Я выехал в Вильно 14 швата, накануне дня рождения мамы: 15 швата 5660 (1900) года ей исполнился сорок один год. Она больше всех одобряла мой отъезд в Вильно: «Конечно, – говорила она, – твой путь будет тяжелым и тебе придется нелегко, однако ты сможешь стать человеком лишь тогда, когда наконец освободишься от опеки «семьи» и пойдешь своим путем». Отец ничего не знал о моем отъезде до последнего момента.

Глава 11. Вильно: Зеев Явец и библиотека Страшуна

В понедельник 15 швата 5660 (1900) года примерно в семь часов вечера я прибыл в Вильно. Дорога длилась тридцать часов, и от волнения я не смыкал глаз. Хотя я уже почти два месяца назад решил поехать в Вильно, но до сих пор так толком и не прояснил себе, что я там буду делать. Может быть, стану как Иосиф-мечтатель, главный герой моего драматического стихотворения «В шатре Торы» (по совету Йосефа Эпштейна я переименовал это стихотворение и выкинул из него рефрен), который рассказывал о себе так:

> Годы и годы я трудился над Торой,
> Превращая ночи в дни,
> И несмотря на то что я много голодал и иногда страдал от жажды,
> Никогда не обращал на это внимания!
> Любовь к Гемаре разожгла в моей душе огонь
> И вызвала в ней могучую силу веры!

И я, как и мой герой, разрешу свои сомнения пламенным восклицанием:

> Лишь свет Торы нам сияет
> И дорогу многих, и тропинку одиночки освещает.
> Сердцевину сердца я погружу в Тору
> И тем спасу себя и свой народ!
> Итак, учили раввины…

И тем не менее я чувствовал, что этот путь мне не по силам, я просто не смогу пройти его. Нет во мне сил. Все время я мечусь между надеждой и отчаянием: то я принимаю твердое решение идти тем путем, которым я иду, путем «Торы, веры и Просвещения» – и не отступать перед любыми трудностями! А то погружаюсь в отчаяние. Вот сейчас я приехал в большой город – у меня там нет ни знакомых, ни приятелей. Я не знаю, к кому обратиться и куда пойти. Я даже не побеспокоился обзавестись хотя бы одним рекомендательным письмом. Может быть, прав был мой брат, когда так резко меня критиковал? Может, действительно, как пять лет назад, когда я «сбежал» в Гомель,

пойти и сейчас в бейт-мидраш (жаль, нет сейчас со мной моего друга Эли!) и удовольствоваться убежищем у какого-нибудь хорошего еврея типа «шойхета из Шевиза» или что-нибудь вроде того? Я уже не ребенок, и в таком городе, как Вильно, где живут мудрецы и писатели, такие юноши, как я, «валяются на улицах».

И опять я мучаюсь из-за своей слабости и трусости в решающие моменты! Мне еще смелеть и смелеть! «Разорвать замкнутый круг», выйти из рамок, сломать преграды и не таить внутри мучающие меня вопросы. Мне неинтересно «требовать удивительных успехов» от себя или «копаться в себе», однако я должен осуществить принцип «размышляй обо всем, что дозволено», ведь сказано в повелительном наклонении, что человек должен непрестанно размышлять о своем существовании в мире. И я пытаюсь вспомнить: кто же это сказал? Кто так прокомментировал высказывание? Мне кажется, что это из комментария Раши на трактат «Хагига»{318}, или же я это читал в какой-то книге? А ведь я совершенно не размышляю над своим существованием!.. И вдруг я услышал голос сидевшей напротив меня у окна женщины приятной наружности, смуглой, с лукавым взглядом и черными волосами, в которых виднелась седина: «Паренек, что с тобой случилось? Чем так обеспокоен? Даже чай не пьешь! На тебе мой чайник, сбегай, принеси кипятку и будем пить чай! Не стоит волноваться так, пока все твои корабли в морях не потонули! И поторопись, поезд уже замедляет ход».

Я рассказал этой женщине, что еду в Вильно, где у меня нет знакомых, и не знаю, как мне удастся там устроиться. «Ничего страшного, – ответила она, – поселишься среди евреев и не пропадешь!» У этой женщины, как видно, были свои заботы, и ей не хотелось поддерживать беседу и давать советы. В итоге я успокоился, а может быть, два стакана чая пошли мне на пользу: мои колебания – еще не признак слабости. Во всяком случае не только слабости. И я вспомнил, как Йосеф Эпштейн объяснял приятелям смысл моего стихотворения «Сукка», которое ему очень понравилось.

Сукка стоит одинокая,
От бурь и ветров колышется —
Шумят ветры, шумят и проносятся,
Бушуют бури, и проходят бури,
Моя сукка, малютка, колышется, —
Сиротка, одинока – но стоит!

Эта сукка на самом деле – символ народа, или, может быть, символ одиночки? А еще – символ меня самого…

Поезд прибыл в Вильно. И в этот момент я решил: мне нужно идти по другому пути. Не по тому, который был у меня до сих пор. И будь что будет!

Я хорошо знал станцию в Вильно, проезжал мимо нее уже шесть раз – по дороге в Тельши и в Ковну. Держа в руке и на плече свои вещи – деревянный ящик, который служил мне чемоданом уже много лет, и узелок, я сошел на перрон. Меня сразу окружило множество людей – все стали наперебой предлагать помочь мне донести вещи, а также рекомендовать адреса гостиниц и общежитий. Оказалось, гостиница нужна и моей соседке, угощавшей меня чаем, которая, как выяснилось, приехала из Бобруйска к богатым родственникам. Среди гомонящей толпы, чуть поодаль, смущаясь и не решаясь подойти ближе, стоял парнишка примерно моего возраста. Моя соседка попросила его подойти, взять наши вещи и отнести в общежитие (она сказала адрес – улица Стефана и номер дома) неподалеку отсюда, и мы пошли. Дорога была известна нашему провожатому, потому что он уже не в первый раз выходил на эту работу, – женщина из Бобруйска сказала, что она сразу это поняла, и была очень горда собой. Юношу-носильщика звали Хаим, он был сыном помощника синагогального служки, но два месяца назад осиротел; сейчас он ждет билета в Америку от своего брата из Чикаго. Хаим обещал прийти завтра и показать мне «постоянное место ночевки» – недорогую квартиру. Наше «общежитие» – там было всего три комнаты для постояльцев, и все заполнены – я даже не успел рассмотреть, потому что устал, был полон впечатлений и сразу завалился спать.

«Новый приятель» – юноша-носильщик пришел рано утром. Мы отправились в кофейню позавтракать. Я был весьма удивлен, когда выяснил, что «платежной единицей» в Вильно является не копейка, а полкопейки и даже четверть копейки. Мы съели селедочный хвост, выпили чай с ломтиками хлеба, намазанными чем-то вроде сыра, и заплатили за двоих… пять с половиной копеек. Хаим рассказал мне, что учился в йешиве рабби Мейле{319}, на Еврейской улице, однако не смог освоить *кушию*[4] «А если сказать: что будем есть?» Поэтому теперь он носит чемоданы с вокзала, работает посыльным… Ждет билета на корабль и ночует в бейт-мидраше для шойхетов, где его отец был «младшим служкой». Мы пошли смотреть квартиру. Она располагалась неподалеку, в Квасном переулке, дом шесть, если я правильно помню, в полуподвале в проходном дворе. Хозяин дома был сапожником, и Хаим дружил с его родственником, подмастерьем по имени Янкель. Время было раннее, сапожник ушел на молитву, его жена на рынок, детей тоже не было дома; да

и квартиранты уже отправились на работу. Янкель сказал, что действительно освободилась койка в большой комнате, мне надо подождать хозяйку, и она все уладит. Хаим ушел, а Янкель тем временем показал мне комнату: она была разделена пополам тонкой дощатой перегородкой, вход во вторую часть комнаты был без двери. В большой комнате стояло пять кроватей – по две в каждом из углов комнаты со стороны каменного двора, который был виден через два маленьких окошка, расположенных почти на уровне земли; обе пары кроватей были расположены в форме буквы «далет»; между ними около стены стояла деревянная кровать, а на ней подушки, перины и узелки. «И что же, в этой комнате спят пять человек?» – «Нет, – ответил Янкель, – иногда ставят еще одну или две кровати посреди комнаты, и тогда здесь спять шесть или семь человек…» Потом пришла хозяйка и сказала, что согласна сдать мне «квартиру»: моя кровать будет у окна рядом с «дверью» во вторую комнату. Квартплата составляет пятьдесят копеек в месяц, однако, поскольку моя кровать стоит у окна, мне нужно доплатить еще несколько копеек. Хозяйка объяснила, что за свет платят все жильцы. Каждый платит столько, сколько израсходует; однако большинство жильцов очень устают на работе и не любят, когда кто-то засиживается допоздна. Она сразу меня предупреждает, что у нее уже были препирательства с молодыми постояльцами «из учащихся» («фун ди лернер»), которые засиживались допоздна, а свет мешал остальным. Горячую воду она не дает: во дворе есть трактир, прямо напротив двери. В него можно войти со двора и за полкопейки получить чайник кипятка. «У тебя нет чайника? Янкель даст тебе свой, пока не купишь себе. А вообще-то молодой человек должен иметь свой чайник! Свои вещи положишь вот здесь в комнате: если у тебя ящик или чемодан – то под кровать. Узелок можешь свернуть и положить на деревянную кровать у стены. Мыться можно во дворе. Видишь, вон, прямо, большой кран, а возле него корыто. Там моются все мои квартиранты. Сразу предупреждаю: в кухню не входить ни в коем случае». Я терпеливо слушал. Потом заплатил за месяц. Всего вышло шестьдесят пять копеек. Затем я побежал на улицу Стефана в «общежитие», забрал свои вещи и перенес их на «квартиру». Почти три месяца я там жил. Она стала для меня очень важной школой. Каждый метр тесного и душного полуподвала глубоко врезался мне в сердце. Каждая пядь сырых стен комнаты пронизывала мои кости, и образ каждого из соседей сохранился у меня в памяти до сегодняшнего дня. В первый же день я получил яркое впечатление от квартиры и ее жителей. В своем дневнике, в четверг девятнадцатого швата (раздел Торы: «и рассказал… о всех

трудностях, которые встретили их на пути»{320}; Исход 18:8), я сделал запись о том, что если когда-нибудь стану известен моему народу, то расскажу всем близким и дальним о «тех трудностях», которые ежедневно «встречаются на пути» наших бедных братьев, обреченных на нищенское существование в Вильно, большом городе у Всевышнего.

Я поспешил в город, захватив тетрадь со своими стихами, и попытался узнать, где живет Зеев Явец. Я вошел в книжный дом Мардехая Кацнельбогена на углу улиц Немецкой и Еврейской. Магазин был полон евреев, которые спорили о Торе и о литературе. Я спросил у р. Мардехая Кацнельбогена, где живет Зеев Явец. Однако он был занят спором и сказал, что «авторы многих книг лишь портят бумагу, на которой эти книги напечатаны», и больше не обращал внимания на мои попытки заговорить с ним и не отвечал мне. В конце концов на меня обратил внимание один из присутствовавших, не принимавший участия в споре, и, взглянув меня несколько раз, сказал: «Кажется, он живет на улице Погулянка, в доме 11, а может, 13, а может, и 9». Я сразу же пошел туда. Нашел улицу, она оказалась чрезвычайно приятной. Не очень далеко от моего Квасного переулка, а совсем другой мир! Я нашел дом, поднялся на третий этаж и позвонил – мне открыл дверь высокий красивый юноша. На вопрос «могу ли я видеть Зеева Явеца?» он не ответил сразу, а стал громко говорить по-французски с кем-то внутри дома, видимо, с молодой женщиной. Из их беседы я понял только, что его звали Айзек (Ицхак), а ее – Рахель. Через несколько минут, оглядев меня с головы до ног, он спросил, какое у меня дело к его отцу. Я ответил, что хотел бы передать ему несколько вещей на рассмотрение, и вручил тетрадь. Молодой Явец унес ее, а потом вернулся и сказал, что папа сможет принять меня вечером ровно в шесть часов. Я вернулся в город, зашел в один из трактиров на Еврейской улице, опять перекусил селедочным хвостом с подслащенным чаем, а потом зашел в библиотеку Страшуна{321} и попросил самый первый номер «ха-Шахара»{322}. «Первых пяти номеров нет – либо их кто-то читает, либо они в переплетной мастерской. Ты можешь взять только начиная с шестого номера». Я взял журнал и сел читать. Полистал – на одной из первых страниц наткнулся на статью «Жизнеописание Йосефа бен Аарона Рабиновича»{323} – никогда не слышал о таком человеке, «возвысившемся среди наших братьев евреев». И вот в следующих строчках я читаю, что он родом из «городка Кобеляки Полтавской губернии». Мой земляк! Читаю историю его жизни. Действительно, очень важная персона, но статья неинтересная. А вот «историческое приложение» буквально воспламенило меня:

резкая критика Греца за то, что тот в одиннадцатой главе своей книги «История евреев» не упоминает о деятельности мудрецов в России. Он не упоминает имени Ицхака-Бера Левинзона{324}, который «как свет освещал всю землю, наставлял своих братьев на путь в духовных исканиях и вдыхал в них дыхание жизни», «не знает Мордехая-Аарона Гинцбурга{325} и с Яаковом Эйхенбаумом{326} и с Мапу также не знаком» (про Эйхенбаума и я не знаю!). Сокрыты от его глаз остались и «раввинские семинары в России, которые распространяли свет знаний на весь дом Израиля».

Итак, не только рабби Элиэзер Гордон спорил с Грецем. Смоленскин{327} также нападал на него! Как жаль, что я не знаю немецкого! Надо прочитать всего Греца! Продолжаю листать «ха-Шахар». «В Сталине нашли младенца», – начал читать и бросил. И стиль отвратительный, и содержание. Автор – Хад мин Хеврайя – мне неизвестен, да и ладно. Его стиль напоминал стиль хасидов, но каждая строка свидетельствовала, что на самом деле он литвак: не знает он хасидизма и ничего не понимает в нем. А следом за ним «видение всего, что узрел человек, умерший мнимой смертью, – и открыл секрет автору». «Даниэль Прекрасный, житель Алана области Лати, что в России». Ясно, автор из Вильно: Алан – это Вильно, Лати – это Литва, Прекрасный – фамилия. Но кто же это? Неважно! Я продолжаю листать, не читая, и чувствую, что автор сконцентрировался на нескольких вещах, но не могу понять, о чем речь. Он объясняет, что иногда будет говорить намеками, «понятными лишь сведущим»: «Вы видели то, что перед вами, и знаете, каковы свойства этой книги и на что я намекаю, потому что умному достаточно и намека. А на толпу, даже если она не сможет вникнуть в мои мысли или не прочитает – я не буду обращать внимания, потому что толпе присущ дух животного, и куда он прикажет, туда она и пойдет». Я записал эти слова себе в дневник и добавил: «Эту статью нужно еще раз просмотреть очень внимательно». Вообще мне казалось, что к чтению нужно относиться вдумчиво, почти так же, как к изучению Талмуда или книг позднейших законоучителей и их нововведений. Каждое слово, каждая статья, каждый стих занимали меня. Вот статья Песаха Рудермана{328} «Общие воззрения касательно цадиков и хасидов». Начал ее читать. Больше всего меня заинтересовали те места, где было про Ари, про р. Хаима Виталя{329}, про р. Исраэля Бешта{330} и его учеников, про р. Шнеура-Залмана из Ляд и его сыновей, и про всех хасидов Хабада, которые «приносили, приносят и будут приносить беды, тьму и невежество»; вот автор с издевкой пишет о Виленском Гаоне{331}, вот рассуждения

издателя по поводу «собрания вредителей и злоумышленников, которые вводят народ в грех своими бреднями, – разве не таковыми являются Бешт и его ученики, которые заботились лишь о том, чтобы разбогатеть», и что «хасидизм в каждой своей фразе повторяет учение Шабтая Цви{332} и ничем не отличается от него», и что «все меры морали и скромности, исстари украшавшие еврейский народ, они оттолкнули далеко-далеко за пределы Израиля». Эти слова переполнили мое терпение. Я разволновался и встал. Закрыл книгу. Час был поздний, почти пять. Я вернул «ха-Шахар», на вопрос библиотекаря ответил, что книга мне больше не понадобится. Но, уже спускаясь по ступенькам, пожалел, что не попросил библиотекаря оставить книгу до завтра… Я забыл и о своих стихах, и о Явеце, исчезли и мои прежние волнения. Другая мысль занимала меня: конечно же, во всем этом нет ни капли истины. Рудерман с такой уверенностью пишет о началах Каббалы{333} и хасидизма и даже не знает, что р. Мендл из Любавичей был не зятем раввина из Ляд, а внуком…

Ровно в шесть я был дома у Явеца. Меня провели через коридор и столовую, которая, видимо, служила также и гостиной, потом – внутренний коридор и справа – рабочий кабинет Явеца. Маленькая аккуратно подстриженная бородка, гладкий невысокий лоб, светлое лицо, добрые и внимательные глаза; казалось, этот человек во всем соблюдал чистоту и этикет и был несколько наивен. Он сидел за столом спиной к окну; на столе стоял большой красивый светильник с абажуром, который направлял весь свет на большую книгу, Вавилонский Талмуд, изданный в Вильно. Я заметил издали: трактат «Санхедрин». Он закрыл книгу, поздоровался со мной и попросил садиться – не напротив него, а рядом с ним: у кресла, в котором он сидел, стоял стул.

«Я прочитал ваши стихи. Если бы стихотворение "Сукка" дошло до меня перед Песахом, я бы напечатал его (Явец в то время был редактором литературного приложения к журналу "ха-Цфира", которое выходило в честь праздников и по особым случаям). Прекрасное стихотворение. Остальные стихи мне тоже понравились. Кто вы? Откуда вы приехали и чем занимаетесь?» Я рассказал ему вкратце. Кроме того, я рассказал ему, что интересуюсь историей еврейского народа. Ни поэзию, ни историю евреев он не считал «жизненными целями». «А как вы собираетесь обеспечивать себя в Вильно?» Я объяснил: «Больше пяти лет я проучился в йешиве и хорошо знаю шесть разделов Мишны и четыре части Талмуда. Изучал я и мудрецов Талмуда: «Йоре деа» и труды Рамбама. Еще у меня большой интерес к истории евреев и склонность к литературе. Я хочу завершить шесть частей

Талмуда, получить диплом раввина{334}, а помимо этого изучать языки, русский и немецкий, и читать огромное количество интересующих меня вещей: художественную литературу и поэзию, а также книги по еврейской истории. И вот я пришел к вам, господин: говорят, у меня хорошая память, я многое знаю. «В том, что открыто всякому, люди не лгут». Хочу служить господину, который близок мне как по воззрениям, так и по роду занятий; по интересу как к литературе, так и к еврейской истории». Моя речь поразила Явеца. Он помолчал несколько секунд, а потом сказал: «Я затрудняюсь проверить то, что вы говорите, потому что это меня ко многому обязывает. Я даже не смогу испытать вас, потому что сам только недавно поселился в Вильно, и моего литературного „дохода“ явно недостаточно, чтобы занять работой кого бы то ни было. Где вы учились?» Я рассказал ему немного о йешивах и о моем способе обучения. Он спросил, что я читал по еврейской истории. Я начал рассказывать, приводя различные хроники, и закончил переведенными на иврит частями книги Греца, книгами, написанными Явецом, его статьей «Башня столетия» и учебниками, которые он написал. Он спросил, читал ли я его «Собрание Израиля». Я пересказал ему содержание его статьи «Избранный мудрец» об эпохе, в которую жил автор книги «Тана де-вей Элияху»{335}. Он улыбнулся и спросил, читал ли я критику на его статьи. Я ответил утвердительно и сказал, что меня совершенно не устраивает схоластический метод, примененный в «хаКореме» (Элиэзер Атлас{336} в «ха-Кореме» критиковал Явеца).

«Почему вы причислили мои учебники к книгам по истории, ведь они предназначены лишь для учеников?» Я ответил, что лишь сегодня убедился, что это совсем не так. «Я очень хорошо помню, как вы, господин, в своей маленькой книжке «Хроники, написанные для сынов Израиля» обсуждаете Смоленскина – хвалите и критикуете, и сегодня я убедился, насколько эти суждения точны и основаны на детальном рассмотрении». Я рассказал ему о шестом выпуске «ха-Шахара» и изложил свои замечания и впечатления. Явец улыбнулся и сказал: «Нет надобности проверять ваше знание Талмуда, я вижу, что вы читаете "ха-Шахар" как студент йешивы, заинтересовавшийся талмудической проблемой». Мы расстались. Он пригласил меня к себе на послезавтра в четыре часа вечера, а также позвал на субботний ужин. Он рассмотрит мой вопрос и подумает, чем может мне помочь. Явец вышел вместе со мной, вошел в гостиную, представил меня своей жене (сестре р. Й.-М. Пинеса{337}), дочери и сыну как «поэта, эрудита и, может быть, историка в будущем» и проводил до двери.

Я вышел ободренный и счастливый. Я даже чувствовал, что шаги мои сделались другими: крепкими, уверенными и быстрыми. Однако мне не с кем было поделиться своей радостью. У меня здесь не было ни брата, ни родственника, ни друга, ни приятеля. Я решил поспешить «домой», пригласить Янкеля в трактир и поговорить с ним. В квартире дома номер шесть в Квасном переулке уже собрались все жильцы. Все мои соседи находились в «большой комнате». Янкель представил меня хозяину дома и квартирантам. Один из них – юноша по имени Лба из Воронова, примерно двадцати лет, высокого роста и худощавый, с точеными чертами лица, над тонкими губами едва пробивающиеся усики, нос длинный и узкий, удивленные глаза; вообще, его лицо напоминало птичье, а сам он – знак вопроса. А вот Маймон, студент художественной школы имени Антокольского. Примерно моего возраста, полноват, со смуглым лицом, веселыми глазами и небрежной походкой. А вот *аврех*[5] из Швенган, он приехал навестить свою жену, которая уже месяц лежит в больнице, здесь напротив. У *авреха* Зельдкена розовые щеки, водянистые глаза и высокий голос. Он приехал с невесткой. По ее молодому, но усталому лицу ей можно было дать как двадцать, так и тридцать лет или даже больше. Многочисленные веснушки и намек на усики над верхней губой свидетельствовали о веселости характера, однако то, как она прищуривала глаза – вероятно, от близорукости, – ослабляло это впечатление. Я представился как юноша из Полтавы, который приехал учиться «лернен ун штудирен» в Вильно. «О, у тебя тут будет товарищ! Во второй комнате живет парнишка, который готовится поступать в институт для учителей!» «Тоже мне товарищ, – сказал Янкель, – жадный как свинья, злой как собака, ходит как медведь и молчит как рыба!» Все засмеялись. Видимо, этого юношу жильцы недолюбливали. Я пригласил Янкеля в трактир. К нам присоединился и Маймон. Они и там продолжали описывать мне жильцов. На кухне и в двух комнатах ночуют в общей сложности сейчас восемнадцать душ. Обычно – двадцать. На кухне, за печкой, – две ниши, и в каждой стоит кровать, маленький столик и стул, там живут две старушки. Одна из них когда-то была очень красива и прожила очень бурную жизнь. Она отлично говорит по-польски; у нее были приключения с польскими офицерами во времена польского восстания. Она получает пособие. От кого? То ли от правительства, то ли от польских «буянов», а может, и от тех, и от других… У второй есть сыновья, но она не поладила с невестками и живет здесь. Сыновья за нее платят и содержат ее.

В большой комнате – за дощатой перегородкой – живут еще пять человек: хозяин дома с женой, двое детей – мальчик и

девочка, старуха – «старая еврейка, глухая и вздорная». Третья комната тоже поделена перегородкой из досок. На той половине, которая со стороны двора, кроме парня, готовящегося в институт, живет еще «агент из Сморгони» (я встретил его при входе в дом), еврей лет сорока, низкого роста, полноватый, в меховой шубе, очень напоминающей ту, которую я продал в Гомеле за рубль восемьдесят копеек. Соседи не знают точно, чем он занимается. Во второй половине комнаты живет наборщик, а с ним жена и дочь, молоденькая бледная девушка. Приятели объяснили мне, что «наша половина» гораздо лучше: в ней есть окна и меньше сырости, чем на второй половине, куда почти совсем не проникает свет. Я стал расспрашивать Маймона, ученика художественной школы, о его происхождении и семье – не родственник ли он художника Моше Маймона{338} (журнал «ха-Мелиц» давал в те годы в подарок своим подписчикам знаменитую картину Маймона «Марраны» и обещал, что подарит и картину «Хасмонеи»), а также не из семьи ли он философа Шлома Маймона{339}? В те месяцы в начале 5660 (осенью 1899) года появилась «История Шлама Маймона» на иврите, и я уже успел ее прочитать. Имя художника Маше Маймона было ему знакомо – художник родился в Вилковишках Сувалкской губернии, а он родился в Пильвишкяе, в районе Мариямполя, тоже Сувалкской губернии, но его отец из Вилковишек! Вот уж он посоветуется с отцом, может быть, можно будет извлечь пользу из такого родственника. «А кто такой философ Шломо Маймон? Откуда он родом? Может быть, и из него можно будет извлечь какую-то пользу?» Я немного рассказал им о Шломо Маймоне, что, быть может, и он из этой же семьи. Я рассказал, что он родился в поместье на берегу реки Неман, однако нет никакой перспективы извлечь из него пользу: он умер более ста лет назад, да и при жизни был не Бог весть каков – беден был не меньше, чем мы. Я рассказал им несколько забавных случаев из его жизни. Из этого разговора они заключили, что я «очень образованный». Они стали относиться ко мне с большим вниманием, беспокоиться о моем заработке и давать мне советы. Когда мы вернулись домой, был уже девятый час. Я сразу лег спать, но был очень взволнован и заснуть не мог. Стал подводить итоги дня. Да, день был трудный, насыщенный, яркий, глубокий… И вдруг я вскочил и сел на постели – а ведь я так и не помолился сегодня! Не накладывал *тфилин*{340}! И даже не почувствовал этого! Днем отложил, да так и не вспомнил потом! Стоило мне приехать в город, где никто меня не знает, и вдруг все рушится… Я был потрясен. Решил с завтрашнего дня установить себе распорядок дня. Жесткий. Библиотека Страшуна открывается в десять утра. С

шести утра до десяти я буду изучать Талмуд и Рамбама – по четыре часа в день. Я решил, что буду заниматься в одном из бейт-мидрашей, что во дворе синагоги. Это недалеко отсюда. Потом буду сидеть в библиотеке Страшуна до ее закрытия. Потом мне нужно постараться найти работу на вечер. Надо подумать об этом. Приучу себя питаться два раза в день: утром перед библиотекой и вечером после нее. Ничего страшного! Даже если ничего не выйдет из обещания Явеца, это не нарушит моих планов. Тут я заснул. Однако почти сразу проснулся от детского плача. Часов у меня не было. Мне показалось, что где-то около трех часов ночи. Плач, приглушенный и сдавленный, и мягкий успокаивающий шепот матери.

– Мама, мама, я хочу есть! Я голодный!

– Подожди, деточка, усни. Скоро утро, тогда мы поедим!

– Но я голодный!

– Ш-ш-ш, людей разбудишь! Хочешь, деточка, я тебе расскажу, что мы будем есть в субботу?

– Хорошо, мамочка!

– В субботу мы будем есть рыбу, суп, кишке{341} и цимес!

Молчание. Через несколько секунд я опять слышу детский голос из-за перегородки.

– Мама, мама, а расскажи мне еще раз про кишку («Мамэ, мамэ, дэрцэл мир нох кишке!»)

Мама начинает опять рассказывать, ребенок засыпает. А я – мне трудно заснуть. Я весь дрожу… Проходит примерно четверть часа. Опять плач. На этот раз плачет девочка. Плач заливистый. Мать опять шепчет-успокаивает. Плач на минуту затихает, а потом опять:

– Мама, мама, я хочу есть! Мама, мама, я голодная!

И опять тот же рассказ. В том же порядке. Только у девочки вкус другой: «Мамэ, мамэ, дэрцэл мир нох цимес!» («Мама, мама расскажи мне еще про цимес!») Опять я не мог заснуть: мысли, воспоминания, мечты одолевали меня. Я не знаю, как сплелись и соединились у меня мысли, но одно вдруг мне стало ясно: я вставил себе в план учиться в бейт-мидраше, читать в библиотеке; но об одном я совсем не подумал: познакомиться с домом Израилевым. Утром я начну с Талмуда. С трактата «Бехорот»{342}. Затем стану изучать «Арахин»{343}. «Зевахим» и «Минхот» завершу после. Из «Мишне Тора» выучу «Незикин» и «Киньян». До Песаха. Здесь план ясен. Каждый день стану сидеть в библиотеке Страшуна. Буду входить туда одним из первых, с открытием, а выходить последним. В первый раз в жизни я ощутил счастье сидеть за столом, когда вокруг покой и тишина, читать книги, какие хочу, просматривать то, что хочу, размышлять и делать

записи для себя, никому не отчитываясь, не «экзаменуясь», не показывая, насколько «продвинулся». Просто читать, просматривать, читать, учиться. А как с домом Израилевым? Разве я не должен познакомиться с народом, узнать его? «Беседы мудрецов Талмуда требуют изучения». А разве жизнь, страдания, голод еврейских масс не требуют изучения? Неужели мы будем кормить их рассказами о «кишке» и «цимесе»? Я вспомнил один из мидрашей, который толковал прошлым летом в Ковне проповедник Бецалель Цадиков{344}. Я ходил слушать все его проповеди. Они притягивали толпы народа. На одном из своих выступлений в новом бейт-мидраше в Ковне он трактовал жизнь Маше как указание того пути, который приведет к избавлению еврейского народа. Он привел мидраш на фразу из Торы: «И вышел он к своим братьям и увидел их страдания». Что означает «увидел»? Это означает, что увидел их страдания, заплакал и сказал: «О, как мне их жаль, воистину хочу я умереть за них!» И подставлял им плечо, и помогал каждому из них. Таким образом пришло спасение. Увидим, узнаем и поможем каждому. Не могу уснуть. И вдруг – желание этих голодных детей слушать рассказы о еде стали для меня символом всей нашей действительности, всего дома Израилева. Лишь сейчас я понял весь глубокий смысл слов Цадикова: каждый сионист должен увидеть «своих братьев», узнать их и помочь каждому из них! С этого начал Моше, с этого должны начать и мы, каждый из нас. Если мы претендуем на то, чтобы быть спасителями…

Воздух в комнате был сырой и душный. Я никак не мог заснуть. Я решил, что создам сионистское общество и назову его «Бейт Исраэль» («Дом Израилев»), или «Наши братья сыны Израилевы», или, может быть, лучше аббревиатура – «Ахави»? Его целью будет улучшение жизни каждого отдельного человека: члены этого общества придут в каждый дом, к каждому страдающему еврею и будут помогать ему переносить тяготы жизни. Мы сами создадим такое общество. Первыми его членами будут Хаим, юноша-носильщик, Янкель, подмастерье сапожника, Маймон, студент, голодный художник, и я… «переменчивый молодой человек». По вечерам все равно ничего невозможно делать дома – мы будем собираться вместе. Расширим круг наших знакомых… тут я заснул.

Утром хозяйка дома сказала мне: «Дети плакали, наверняка мешали тебе спать». Я успокоил ее, сказав, что ничто мне не мешало и я не слышал никакого плача. Она засомневалась в правдивости моих слов, но приняла их с удовлетворением. В ту бессонную ночь я составил себе план учебы, состоящий из трех циклов, и почти три месяца придерживался его. Первый,

утренний цикл предусматривал «сидение в шатрах Торы». Я установил себе время занятий, но не установил место. Три месяца я скитался из бейт-мидраша в бейт-мидраш, несколько дней занимался в одном, а потом несколько дней – в другом. Я познакомился с юношами, раввинами, домовладельцами и аврехами. Я появлялся и исчезал. Учился усердно и с энтузиазмом, изучал трактаты «Бехорот», «Арахин» и «Критот»[345]. В некоторых бейт-мидрашах не было этих трактатов или мне их не давал служка. В это время я также изучал Рамбама «Сефер незикин», но не получал от этого особого удовольствия, потому что не всегда мог заглядывать в Гемару и законодательные источники так, чтобы не привлекать к себе внимания людей в бейт-мидраше: этого я не хотел.

Второй цикл занятий происходил в библиотеке Страшуна и в доме Зеева Явеца. Библиотекарь Хайкл Лунский[346] поначалу отнесся ко мне с некоторой подозрительностью. В четверг – как раз в тот день, когда я должен был вторично посетить Явеца, я возвращал десятый номер «ха-Шахара» и попросил девятый – он заметил мне, что человек должен не глотать книги, но читать их вдумчиво. И даже позволил себе спросить: «Как это ты так успел за два часа прочитать целиком весь том и уже просишь следующий?» Я рассказал ему, что в этом томе есть продолжения из предыдущих. Меня интересуют «История врачей» Давида Холуба и «Сравнение римских законов с законами Талмуда» Авраама Шмиделя[347]. Это объяснение настолько успокоило библиотекаря, что он согласился дать мне сразу две или даже три книги. За эти три месяца я осилил полностью три книги «Поколение и его проповедники» Вайса, «Исторические хроники для Израиля» Фина[348] и двенадцать выпусков «ха-Шахара». Я прочитал все статьи, все рассказы, стихи, а также книги-приложения к журналу. Я читал вдумчиво и делал многочисленные записи в свой дневник. Такое внимательное чтение развило у меня критическое мышление. Через два месяца я собрал все свои стихи, «пьесы» и «размышления» и отослал брату. Он хранил их до 1905 года: во время погромов в Гадяче в тот год была разрушена его квартира и уничтожены мои писания; удалось сохранить лишь несколько листков.

Зеев Явец очень хвалил мои стихи и даже прославил меня в близких ему кругах писателей и просветителей. Однако мои трехмесячные занятия не только научили меня иначе относиться к поэтическому тексту и отличать поэзию от «юношеских писаний», но и сделали всеподавляющим мой интерес к истории.

С самых первых дней Зеев Явец тесно общался со мной и старался помочь по мере своих возможностей. В тот четверг, в

первую неделю моего пребывания в Вильно, придя к Явецу, я застал у него Кальмана Тойбера, который преподавал русский язык в йешиве р. Мейле и служил ее смотрителем. Он был одним из первых в Вильно маскилим, состоял в кружке Шмуэля-Йосефа Фина, был под началом Страшуна и приближен к Аврааму Мапу. Кальман Тойбер тоже читал мои стихи, и они ему очень понравились соответствием его духу и вкусу. Он предложил мне как следует выучить русский… в йешиве р. Мейле. Мое знание Талмуда даст мне возможность не слишком часто посещать посвященные ему уроки. Он также предложил пойти со мной в йешиву в воскресенье, чтобы представить меня главе йешивы. Еще он обещал мне помочь деньгами, так что за материальную сторону жизни я могу быть более или менее спокоен. Видимо, для Явеца Тойбер являлся большим авторитетом. Тойбер также был писателем – опубликовал несколько статей и рассказов по еврейской истории на русском языке, уважаемым педагогом; он прекрасно знал Талмуд, а также обладал приятной, вежливой манерой общения. Внешний облик его тоже был весьма приятен – благородные черты лица и стройная фигура. У него были величавая походка и размеренная речь. К немалому изумлению обоих я отклонил их предложение.

«Я хочу действовать в соответствии с тем планом, о котором я рассказал при нашей первой встрече», – сказал я. «Но разве это возможно? – удивился Явец. – Ведь предварительным условием является наличие средств для пропитания». Заметив, что мой отказ сильно задел и Явеца, и Тойбера, я сказал, что хотел бы вначале посетить йешиву, чтобы самому во всем удостовериться. Тойбер сказал, что собирался отвезти меня сам, однако только в том случае, если я намереваюсь там учиться, а если я хочу посетить йешиву в ознакомительных целях, он может мне дать рекомендательное письмо на имя главы йешивы. Он, кстати, нисколько не настаивает на предложенном им варианте – у каждого своя дорога. Разумеется, если ясен путь и есть силы по нему идти. Явец взялся проводить Тойбера до его дома. Меня пригласили присоединиться. Оказалось, что дом Тойбера находится в Широком переулке, который прилегает к моему – Квасному. Двор, на который выходил мой дом номер шесть, служит сквозным проходом для жильцов его дома. Когда мы проходили мимо «моего двора», Тойбер заметил: «В этом дворе в течение многих лет проживал Кальман Шульман». Я ответил: «Я живу в этом дворе, в том же доме, что и Кальман Шульман, только этажом ниже». И между делом поведал о той нищете и упадке, равных которым я в никаком другом месте не видел. Мой подробный рассказ по неизвестной причине вернул мне

расположение Тойбера. «Завтра во время визита в йешиву рабби Мейле я о вас упомяну», – заключил он. Когда мы подошли к его дому, он пригласил меня навестить его как-нибудь. По возвращении в комнату Явец только и делал, что беспрерывно восхвалял Тойбера, и преподнес мне следующий урок: «Если тебе предлагают какую-то помощь, нужно сначала поблагодарить, особенно если речь идет не просто о намерении, а о конкретных действиях, и лишь только затем ты, разумеется, волен отклонить предложение, указав на связанные с этим трудности и тому подобное. Но просто взять и отказаться наотрез – это уже отсутствие такта, так ты оттолкнешь от себя всех тех, кто хотел тебе помочь»! Я согласился и выразил свое огорчение тем, что задел его и Тойбера. Явец ответил, что сказал это лишь для того, чтобы я лучше знал, как вести себя в будущем. Он действительно пытался мне всячески помочь. Заметив, что у меня красные глаза (в первые дни проживания в «моем» доме мне не удавалось заснуть и приходилось лежать не смыкая глаз в течение многих часов), Явец отправил меня к глазному врачу, выдающемуся сионистскому деятелю – доктору Перельману. Тот предложил мне не что иное, как операцию на правом глазу! Он был шокирован, когда я не только ответил решительным отказом, но и осмелился у него поинтересоваться, что именно он собирается оперировать? На его слова о том, что он хочет вернуть мне правый глаз, я ответил следующее: «Прошу, господин доктор, меня извинить, однако все врачи мне говорили о том, что операция в данном случае не поможет. По крайней мере подобных экспериментов не проводилось. Я пришел получить от вас консультацию относительно моего левого глаза». Я был очень доволен, когда киевский врач Мандельштам нашел мой отказ и аргументацию вполне обоснованными. Когда в 1905 году я поведал ему о предложении того врача, он сильно удивился: «Что именно он хотел оперировать? И что собирался сделать?» Другие советы Явеца помогли мне ничуть не больше. Польза, которую я получил от интереса Явеца к моей персоне, заключалась в том, что он и люди его круга стали моими собеседниками.

Помню, как однажды, зайдя к Явецу в гости, я застал его разбирающим свежую почту. В посылке были также и две книги Лилиенблюма – «Путь возвращения» и «Пройти изгнание» с авторской подписью. Госпожа Явец выразила свое изумление по поводу того, что авторские подписи выдержаны в столь дружеском тоне. «Нынешние воззрения Лилиенблюма, – ответил Явец, – ничем не отличаются от мнений Михла» (Пинеса). И тут же Явец поведал мне о письме Лилиенблюма Пинесу, в котором тот написал, что «именно он выведен в его книге "Грехи

молодости"{349}, как человек с числом 300 (численное значение имени «Михл Пинес»)». «Эту книгу, как я полагаю, – добавил Явец, – вы читали». Благодаря посредничеству Явеца я сблизился с несколькими виленскими «просветителями» и сионистами, и прежде всего с его шурином, Фишелем Пинесом, братом раввина Йехиэля-Михла Пинеса из Иерусалима. Оба имели непосредственное отношение к происходящему в Эрец-Исраэль, в частности в Иерусалиме. Моя осведомленность об Эрец-Исраэль также послужила причиной их хорошего ко мне отношения. Фишель Пинес был мужчиной высокого роста, с красивой бородкой, сердитым и жестким взглядом, разговаривал он властно, ходил быстро и решительно. За некоторое время до того он переехал из Ружан, что неподалеку от Белостока, и стал предпринимателем в Вильно. Жена его недавно умерла, и в доме царил беспорядок. Его сын Давид-Ноах учился в торговом училище и очень походил на отца – заносчивостью, резкими высказываниями и огромным авторитетом. У него в школе был близкий друг, Файвл Блох, который приходил к нему домой несколько раз в неделю. Давид-Ноах предложил учить меня русскому языку, а Файвл – немецкому. Русский я уже немного знал – и даже читал повести Пушкина! По-немецки я тоже немного научился читать – благодаря немецким переводам Танаха с комментариями, изданными по распоряжению правительства; они в большом количестве стояли на последних полках в книжных шкафах в доме у Давида Кальмана (он получил их в наследство от своего деда р. Авраама; думаю, я был единственным, кто заинтересовался ими, равно как и многочисленными томами Рамбама, изданными Арье Мандельштамом{350}, которые тоже были там). Дружба между нами продолжалась почти все время моего пребывания в Вильно; они снабжали меня новыми книгами: приносили книги Греца, книгу «Тора и жизнь в странах Запада»{351} Гюдемана{352}, «Историю развития человека»{353} Липерта в переводе Фришмана, книги Бернфельда, произведения Переца{354} и Фришмана, «Календарь Эрец-Исраэль и Иерусалима» Лунца{355} и т. д. Они также давали мне книги для чтения на русском языке, русские учебники по арифметике и учебник немецкого. Мы договорились, что я буду приходить два раза в неделю домой к каждому из них, и они будут меня учить и проверять, как я продвигаюсь. Однако пользы от этих встреч оказалось гораздо меньше, чем я предполагал. Давид-Ноах все время обсуждал со мной всевозможные вопросы: о том, насколько хорош Явец как историк, о народе и приверженцах Просвещения, об Ахад ха-Аме и Пинесе и прочая, и прочая. Файвл Блох жил на Георгиевском проспекте,

далеко от меня, и когда я приходил к нему, то обычно не заставал его дома и должен был долго ждать. Он либо появлялся поздно, либо вообще не появлялся. Его сестра была невестой Ш.-Я. Яцкана{356}, который постоянно работал в редакции «ха-Цфиры» и опубликовал биографию гаона р. Элияху из Вильно в приложении к «ха-Цфире». Она очень сердилась на своего брата, но я так и не мог понять, за что именно – за небрежность и отсутствие пунктуальности или же за мою докучливость… А я сидел в его комнате и читал книги. Споры с Давидом-Ноахом привели к неприятным последствиям. Ему передали, что я резко критиковал несколько произведений Явеца, и он охладел ко мне; а еще больше это рассердило Фишеля Пинеса. Так, например, когда Давид-Ноах после моего визита к доктору Перельману спросил меня, какое он на меня произвел впечатление, я ответил, что он, видимо, талмудист, и у него я научился понимать значение высказывания из Гемары: «Врач, который не получает вознаграждения, не достоин вознаграждения». Когда я рассказал, что получил огромное удовольствие от книги Гюдемана «Тора и жизнь в странах Запада в Средневековье», Давид-Ноах сказал, что Явец в своей книге «История Израиля» придерживается тех же принципов. Я согласился, однако заметил, что Явец не рассматривает всех источников; действительно, он работает с первоисточниками, однако он чересчур опирается на Агаду и мидраши. В качестве примера я привел то, что Явец написал в первой части «Истории Израиля» о «земле, которая стала родиной красавиц всего Израиля», основываясь на позднем высказывании «Брейшит Раба»{357}; Явец пользуется этим толкованием, как будто оно является подтвержденным историческим источником. И добавил между прочим, что я читал статью Явеца «Начальные стадии работы писцов», опубликованную в «ха-Шахаре», и в ней он пользуется высказываниями мудрецов Мишны, чтобы прокомментировать высказывания из Торы, истолковать их, но не делает из них самостоятельного источника. А в спор о статье Ахад ха-Ама вмешался Фишель Пинес: «Со времен Йешуа ха-Ноцри не было у иудаизма такого врага, как Ахад ха-Ам!» Когда в разговоре о народе и маскилим я пустился в рассуждения об организации общества «Бейт Исраэль», Фишель Пинес вмешался вторично, заметив, что правы были мудрецы, когда сказали, что «народ – это многоглазое животное». А когда его сын Давид-Ноах и друг Файвл вступили в это общество, он очень рассердился на мое «вредное влияние» и сказал, что опасается за меня – из-за своего характера я могу «плохо кончить». Чувствовалось, что и Явец стал относиться ко мне не так, как раньше, и я очень сожалел об этом. Тем не менее было приятно ходить в гости к

Явецу, и иногда эти визиты возвращали мне хорошее расположение духа: беседы с Явецом, нежность, внимание и доброжелательность его дочери Рахели Берман, двухлетняя дочка Рахели, Эстер, которая говорила на иврите. Я приходил в восторг, когда она вскрикивала: «Смотрите, смотрите, снег растаял!» В конце концов между мной и Явецом произошел разрыв. Это случилось в Пурим 1900 года. Как я уже говорил, я переходил из бейт-мидраша в бейт-мидраш. Во втором адаре я неделю учился в бейт-мидраше на улице Стекольной, что рядом с Гончарной. Там учились еще два-три члена «Бейт Исраэль». И вот утром в Пурим ко мне подошел один из них, плотник Гершель, и рассказал, что собственными глазами видел, как сегодня ночью арестовали фельдшера Давида Блондеса{358} за то, что он якобы покушался на жизнь своей помощницы-польки. Я хорошо представлял себе окружающую действительность, и те подробности, которые он рассказал, и переданные им слухи ясно указывали на то, что речь идет о «кровавом навете». Нужно было немедленно известить об этом членов общины. Я был приглашен к Явецу на вечернюю трапезу, однако решил, что медлить до вечера неправильно. Поэтому я сразу побежал к Явецу. Мой столь ранний приход взбудоражил весь дом. Явец собирался в синагогу. Я сказал, что у меня к нему неотложное дело. Когда я рассказал суть дела, он очень рассердился на меня за то, что я якобы присоединился к «этим бездельникам и шалопаям», что чернь распространяет слухи, которые могут навлечь на нас беду. Он запретил мне участвовать в распространении пустых слухов. На это я ответил, что считаю своим долгом довести это дело до сведения главных людей общины, и выбрал его, Явеца, посредником, потому что к его словам прислушиваются. А про такие дела говорится: «Кто не расскажет, тот возьмет на себя грех». Поэтому я решил, что должен прийти и все ему рассказать. Явец подумал, будто я намекаю, что он виноват в том, как он отнесся к моему рассказу. Он попрощался со мной и еще раз пригласил на трапезу в честь Пурима, добавив, правда, что на будущее мне надлежит остерегаться своего языка и своих приятелей.

За праздничным столом Явец передал мне, что мой рассказ был верен, однако он настаивает, что был прав, так на это отреагировав: распространение слухов превращает случай в событие, и в этом таится опасность. Я почти не участвовал в разговоре, сказав лишь, что есть раздел в Талмуде, в трактате «Арахин» (я как раз в то время изучал этот раздел), лист 17: «Поколение соответствует лидеру или лидер поколению», а согласно Гемаре, разница между этими мнениями относится к вопросу о «гневливости и незлобивости», и «гневливость» лидеров

в наше время доказывает, что они не следуют Гемаре как должно. «Между прочим, – добавил я, – этот юноша пошел к р. Хаиму-Озеру, а р. Хаим-Озер отправил его к р. Шмуэлю Солцу, старосте синагоги «Цдака гдола». По-моему, он и его друзья могут быть свидетелями, если будет суд: они слышали, как дворники били Блондеса, как вытаскивали его, истекающего кровью, из кровати, однако кто знает, послушает ли их Солц». Мое замечание почему-то окончательно убедило Явеца в том, что я «путаюсь со всяким сбродом».

Из-за того что Явец так относился к «толпе», я охладел к нему. Я почувствовал, что и его отношение ко мне изменилось. Я сожалел об этом и перестал ходить к нему в гости. И даже не откликнулся – что было совсем зря, и впоследствии я сожалел об этом – на его приглашение на Пасхальный седер{359} и, что еще хуже, не отреагировал на его намеки о «примирении», которые мне передавали близкие ему люди.

Благодаря Явецу я даже нашел родственника в Вильно. Среди молодых писателей, живших в городе, был Элияху Познер (он родился в Глухове Черниговской губернии), который примерно за год до этого (зимой 1899 года) опубликовал в «ха-Цфире» серию статей с подробной биографией Кальмана Шульмана, и эта серия получила большую известность… Нас познакомил Явец. Элияху заинтересовался моими стихами, особенно ему понравились «Мой драматический стих» и «В шатрах Торы». Я стал заходить к нему в гости. Он жил в красивой, большой, хорошо освещенной и обставленной со вкусом комнате на первом этаже. Мы несколько раз беседовали о литературе. Эти беседы и его объяснения были для меня очень полезны с точки зрения понимании поэзии. Он был из тех, кто непрестанно учится, и готовился к экзаменам на аттестат зрелости, чтобы затем изучать медицину. Однажды он мне рассказал, что один молодой человек, ученый, который собирается стать зятем р. Хаима-Озера, известного виленского раввина, спрашивал у него мой адрес. Этого молодого человека зовут Менделе, он из Сморгони, а сейчас находится в Вильно. «А его фамилия, – спросил я, – не Данишевский случайно?». «Он самый. Он твой родственник?» – «Конечно. Двоюродный брат. Наши матери – родные сестры». Он дал мне его адрес. Оказалось, что Менделе живет в том же дворе, что и я, и даже в том же доме, только двумя этажами выше. Мы не были знакомы. Он с детства учился в Сморгони. У его отца там жили состоятельные родственники. Он прославился своей эрудицией и «разборчивостью в невестах». Несколько раз ему сватали дочерей уважаемых людей, однако из этого ничего не выходило: он обращал внимание на красоту, а его отец больше всего ценил

происхождение. Но раз уж он обручился с дочерью самого Хаима-Озера, значит, отец на этот раз достиг желаемого. А он сам? Было ли это уступкой с его стороны? Меня это интересовало. Я вернулся домой, нашел его квартиру, и мы приятно провели целый час в дружеской беседе. Я чувствовал, что ему хотелось излить душу, но весь час он ходил вокруг да около и не говорил о том деле, которое привело его в Вильно. Только когда он уехал, я узнал, что он сбежал от невесты. И лишь придя в гости к р. Хаиму-Озеру и увидев «невесту», я понял, почему этот симпатичный юноша так поступил…

Глава 12. Вильно: «Дом Израилев» (зима-весна 1900 года)

Третий круг своей жизни в Вильно зимой 1900 года я назвал тогда «Дом Израилев» («Бейт Исраэль») – голод и нищета, поиски работы, постоянные заботы о заработке и одержимая дружба с молодыми ремесленниками, которые оказались без дела и скитались по жизни, составляя часть огромной виленской «армии голодающих».

Когда я приехал в Вильно, у меня в кармане было три рубля. Я заплатил за «квартиру». Стараниями Явеца и Тойбера я получил талоны в дешевую столовую, которая находилась на улице Новгородской. Через неделю я заплатил хозяйке загодя еще за один месяц, опасаясь, что потрачу деньги. Однако и утром, и вечером надо было питаться, и я часто чувствовал голод – даже днем, после дешевой столовой. По совету Янкеля, своего соседа и приятеля, я стал преподавать «написание писем». Янкель испытывал страсть к романам на идише. Он был записан в библиотеку при книжном магазине Ицхака Функа на Немецкой улице. Каждую пятницу он брал там две книги и прочитывал их за неделю. Романы были в основном «американского производства»: «Кровавая богиня Кали», «Чикагская роза» и так далее. Нашу комнату освещала маленькая керосинка на столе, и квартиранты часто толпились вокруг нее, так что Янкелю не всегда хватало света для чтения. Во второй комнате жил юноша, поступавший в педагогический институт, и там всегда был свет. Комнату освещала большая керосинка, и Янкель немного приоткрывал дверь, становился рядом и читал. А этот «будущий учитель» следил за Янкелем и когда видел, что тот погружен в чтение – весь сосредоточенность и любопытство, каждый мускул на лице напряжен, – подкрадывался, медленно приближался к двери и с грохотом ее захлопывал. Уже на третий день пребывания в квартире я понял причину злости и враждебности, с которой Янкель отзывался об этом парне. Янкель, лежа на своей кровати рядом со мной, шепотом рассказывал мне сюжет очередного романа и просил меня «угадать», что же будет дальше. Из ночи в ночь я продолжал оборванное повествование, чем приводил Янкеля в неописуемый восторг. В крайнем изумлении он заметил: «Да ты ведь смог бы быть писателем!» Янкель рассказал, что до меня у него был сосед, который спал на моей кровати, парень из Ольшан, приятель Абы из Воронова, и он «давал уроки» по «написанию писем». Еще он иногда писал

письма за плату. Это приносило ему примерно три рубля в месяц. Он много голодал, пока не уехал в Лондон.

Через несколько дней у меня уже были «уроки письма». Ученицей стала одна из соседок, Хана, молодая, высокая и очень приятная женщина, мать двоих детей. Ее муж месяц назад уехал в Америку, и она не хотела, чтобы другие писали письма ее мужу. Она готова была платить аж целый рубль в месяц. Однако учитель должен быть вознагражден за результат, и мы договорились, что когда она начнет делать успехи, то будет платить рубль с полтиной, а когда «будет уметь писать» – прибавит еще полтину. Она должна будет писать каждый вечер столько, сколько я потребую. Я учил ее самым простым способом. Она говорила, что хочет написать мужу, а я писал первое предложение с ее слов, потом показывал ей написанное и предлагал угадать слова – по порядку. Затем мы раскладывали слова на буквы и таким образом быстро продвигались. Через месяц она уже написала свое первое письмо мужу. К счастью, письмо было недлинным. Она пригласила меня и Янкеля к себе в комнату, где жила с двумя детьми. Там царил образцовый порядок, вся обстановка сияла чистотой. В лице этой женщины я обрел товарища и почитательницу. Она всем рассказывала о «юноше из Полтавы» как о «великом мастере и чудесном учителе письма». Еще я учил ее читать книги, а Янкель приносил материалы для чтения из библиотеки Функа. Благодаря Хане я приобрел в глазах хозяйки и квартирантов репутацию «учителя письма» и «деятельного человека», к тому же зарабатывал рубль с полтиной, почти два рубля в месяц… Кроме того, у меня еще были доходы «на стороне»: в бейт-мидраше, где отец Хаима-носильщика при жизни был служкой, я толковал мидраши каждую субботу по утрам после миньяна «старших»; а в бейт-мидраше на улице Стекольной я с самого раннего утра учил Торе группу евреев-ремесленников (по недельным разделам, вместе с главой Мишны). Эта работа также приносила мне примерно два рубля в месяц. Итак, у меня было гарантированных четыре рубля в месяц плюс обед в дешевой столовой, а кроме того, я уже заплатил за квартиру за два месяца – а это немало! В своем окружении я чувствовал себя «обеспеченным», несмотря на ежедневное обеденное унижение, когда нужно было стоять в очереди с тарелкой перед столовой – я не привык к такому «самообслуживанию». За эти два месяца я полностью влился в самую гущу еврейской бедноты города Вильно. Вся голь жила на улице Еврейской и на улице Мясницкой, в переулке Гитка-Тойба и на улице Стекольной, на улице Новгородской и на улице Госпитальной. За эти месяцы я приобрел себе верных друзей и преданных приятелей, и мы

вместе попытались спланировать деятельность на благо народа, которая сочетала бы в себе особый «образ веры» и «образ жизни». Это было нечто вроде тайного общества, основанного на дружеской привязанности, которое называлось «Дом Израилев». Наши основные принципы выражались двумя стихами из Библии, которые мы записали в четыре строки: «Я избрал путь веры, / поставил перед собой суды Твои (Псалом 119:30), Ищите добра, а не зла, / чтобы вам остаться в живых (Амос 5:14)». На эти танахические стихи мы нагромоздили груду законоустановлений: о принципах веры и заповедей, о добре и его сущности, о добре для одного и для многих, о зле, которого нужно избегать, об условиях жизни народа и о путях его возрождения.

Наша программа была смесью представлений, мыслей, чувств и духовных исканий, которые переплелись между собой и слились в единое целое в наших сердцах. На людей, с которыми мы пытались дискутировать, эта программа производила странное впечатление. Нашей «теоретической базой» стали Танах и мидраши, хасидизм и религиозная этика, Толстой и социалистические брошюры Бунда, Смоленскин и Ахад ха-Ам, проповеди Цадикова, проповеди-лекции Бриля по истории еврейского народа (о лекциях Бриля много рассказывали мои друзья – он умер почти сразу после моего приезда в Вильно, и я успел его послушать только один или два раза), а также проповеди различных других народных проповедников. Но интересно, что вся эта мешанина из мыслей и суждений, религиозных представлений и чувств каким-то иррациональным образом выкристаллизовалась у нас в план действий, очень красиво и ясно изложенный. Вот наши тезисы: «Ищите добра» и «На трех вещах стоит мир: Тора, труд и милосердие». «"Добро", которое каждый еврей должен требовать от себя и от своего ближнего, состоит в любви к Торе, любви к труду, и любви к Израилю». А «любовь к Израилю» означает «милосердие и благодеяния, которые совершаются из дружеских чувств, независимо от того, заслуживает ли человек этого или нет» (так сформулировал плотник Гершель). «Не зла» – «три вещи сживают человека со света: зависть, похоть и гордыня». «Каждый должен довольствоваться малым, владеть своими инстинктами и остерегаться властолюбия». «За всем этим стоит одна идея – всеобщее равенство» (так сказал грузчик Хаим). «Чтобы вам остаться в живых»; «эти качества – главное условие победы народа в борьбе за существование» (это формулировка Хаима Герцена). В этом пункте мне понравилось только словосочетание «во имя». Мы все согласились с тем, что «выжить» – это значит «возродить Израиль на земле отцов», ибо сионизм «заполняет и охватывает

весь наш мир». Плотника Гершеля несколько смущали такие высказывания, потому что он видел в них святотатство.

Из стиха «Путь веры я выбрал / Твоего суда я удостоился» мы вывели четыре религиозных принципа: реальность Всевышнего («вера»), свободный выбор («я избрал»), Тора с небес («суды Твои») и Провидение свыше («поставил перед собой»).

Первоначальная ячейка «Дома Израилева» насчитывала пять человек. Маймон (ученик художественной школы), Янкель (подмастерье сапожника) и я – мы втроем жили в одной квартире; и еще двое – носильщик Хаим и плотник Гершель. Гершель играл главную роль в создании ячейки. Ему было восемнадцать лет. Отец его умер примерно за десять месяцев до этого, и он регулярно читал кадиш (я познакомился с ним в бейт-мидраше на Стекольной улице). Гершель любил цитировать своего отца, печника р. Шимона, который, по его словам, был великим ученым и скрытым праведником. У Гершеля была очень больная мать и две сестры: старшая работала на чулочной фабрике, а младшая – швеей. Старшая была членом Бунда. Брат с сестрой постоянно пытались перетащить младшую сестру каждый на свою сторону. Затем к нашей компании присоединилось еще трое активных членов, Барух из Ветки (это такой городок рядом с Гомелем, по ту сторону реки Саж), Хаим Герцен из Сморгони и парень из Прейли (мы его так и звали, а его имени я не помню), затем к нам пришло еще трое не столь активных участников – они присоединились к нам просто из любопытства и быстро ушли. Это были мои друзья – Давид-Ноах Пинес и Файвл Блох, а третий – Шлама из Сморгони (приятель Хаима Герцена), по фамилии Волович, двадцати трех лет от роду, учился в «кружке» Хаима-Озера и был близок к Бунду. Мы подозревали, что он временно вступил в нашу организацию по совету Кальмана, одного из влиятельных в то время активистов Бунда.

Барух из Ветки, двадцати одного года от роду (той зимой он был демобилизован из армии), низкого роста, близорукий, быстро говорил и громко смеялся, он много учился и готовился стать еврейским учителем. С Барухом я познакомился в Гомеле, потом мы встретились в Тельши и были очень рады снова увидеться. Хаим Герцен уже был членом Бунда в своем родном городе и принадлежал к «национальной оппозиции» в Бунде. Ему не нравился наш «принцип религии и морали». Однако его сердце пылало любовью к каждому сыну Израиля. Парень из Прейли был пламенным сионистом. Он верил, что скоро будет образовано еврейское государство, знал немецкий язык и готовился стать… еврейским почтовым служащим в Иерусалиме.

Мы стали работать в трех направлениях. Во-первых,

регулярно заниматься Торой, как самостоятельно, так и все вместе. Каждую субботу участники ячейки должны были отчитываться о том, что они выучили в течение недели, выслушивать замечания товарищей и принимать их к сведению. Во-вторых, зарабатывать на жизнь собственным трудом и, в-третьих, осуществлять милосердие, то есть помогать друг другу. Кроме того, каждому надлежало составлять отчеты о положении квартирантов в том дворе, где он живет, и как члены ячейки могут помочь тем, кто в этом нуждается. Эта область наших занятий была особенно интересной – «отчеты» познакомили нас с виленской «действительностью». Разъяснения некоторых товарищей, особенно Баруха из Ветки и Хаима Герцена, стали своего рода первыми уроками «политэкономии» и социологии. Напротив, другие пункты программы вызвали бурные дебаты. Хаим Герцен заявлял, что у нас не сборище йешиботников и поэтому в примечании было объяснено, что Тора («учение») – это также и Гаскала («Bildung»), однако это все равно не удовлетворило его. Грузчик Хаим выступал против выражения «Тора с небес», считая, что к нам это не относится, а мои объяснения, что «пророчество» – это самобытная часть еврейского национального наследия, не успокоили его, равно как и плотника Гершеля не успокоили мои объяснения о «Провидении свыше» – он настаивал именно на «персональном Провидении». То, что Гершель преподавал в бейт-мидраше, было весьма интересно. Нас поразила начитанность и осведомленность Гершеля в экзегетической и философской литературе, его умение приводить примеры из повседневной жизни, которые были и грустными, и смешными одновременно. Я преподавал Рамбама, вернее, рассказывал о воззрениях Рамбама по вопросам веры и этики. Нам также удалось привлечь – частично – четырех молодых людей, которые готовились в педагогический институт. Таким вот составом, вместе с Давидом-Ноахом Пинесом и Файвлом Блохом, мы по моему предложению читали стихи Бялика. Я тогда был страстным поклонником его поэзии и очень любил разъяснять и комментировать его. Бялик в то время еще был не очень известен, и его стихи еще не выходили в виде сборников. Однако нам удалось достать пять экземпляров «Календаря Ахиасафа», три экземпляра журнала «Пардес», «Время» Эзры Гольдина, первые тома альманаха «ха-Шилоах», и мы их читали, высматривая стихи. Мы выучили наизусть «Маленькое послание» и «На пороге бейт-мидраша». Особенно нам понравились стихи «Ночные раздумья» и «Скала и волна». К сожалению, цензура замазала чернилами стихотворение Бялика «Стон» во втором томе «ха-Шилоах». Мы пытались разглядеть, что же там написано, но, увы,

нам не удалось стереть слой черной краски.

Ячейка просуществовала всего два месяца. Плотник Гершель, который, как я говорил, был свидетелем ареста Блондеса, пошел к р. Хаиму-Озеру, поскольку его попытка донести увиденное до глав общины не удалась. Тот встретил его весьма благожелательно, внимательно выслушал и направил дело в судебную комиссию, которая занималась этим делом. Он рассказал р. Хаиму-Озеру о нашей ячейке, и тот увидел в ней что-то вроде попытки «захватить власть в доме», а во мне – Гершель и про меня рассказал – нечто вроде будущего «религиозного реформатора», которого нужно остерегаться и общаться с ним с большой осторожностью. В конце концов Гершель покинул нашу организацию – после того, как я согласился на беседу с Кальманом (Крапивницем), одним из лидеров «движения» (Бунда) в Вильно. Приглашение на эту беседу передала нам сестра Гершеля. Гершель сказал сначала, что не хочет никаких бесед, цель которых – лишь сбить нас с пути. Однако его сестра Хася объяснила, что Кальман хочет услышать от нас, что мы знаем про виленские дворы, а я говорил, что отказ Гершеля противоречит принципу «ищите добра». В конце концов было решено, что с Кальманом встретимся я и Гершель. Беседа состоялась под вечер в доме одного учителя – на улице Завальная, недалеко от улицы Рудницкой. Кальман произвел на меня большое впечатление: открытое лицо, широкие скулы, большие грустные глаза, говорил он неспешно, взвешенно и очень убедительно.

Нас было четверо: я, Гершель, Кальман и Шломо Волович, «юноша из Сморгони». Гершель и Шломо поначалу молчали; Кальман задавал вопросы, а я отвечал. Но потихоньку разговор оживился. Тема беседы была: «Чтобы вам остаться в живых, каковы необходимые условия для победы народа в борьбе за выживание?» Кальман очень удивился самой формулировке: она показалась ему почти «марксистской». Я помню, какой пример привел Гершель: «Город осажден, окружен врагами, жители умирают от голода – и приходят мудрецы и предлагают жителям мудрый совет: «Поссорьтесь между собой, подеритесь между собой, и таким образом спровоцируете врагов, и те тоже перегрызутся между собой». Кальман засмеялся – и рассердился. Мы перешли от «классовой борьбы» к вопросам веры, от вопросов веры – к сионизму. От сионизма – к положению евреев в Вильно. В итоге Кальман сказал: наши споры бессмысленны – вам надо учиться. Вы молоды. Жаль, что вы опоздали: тридцать лет назад ваши мысли и стремления могли бы принести большую пользу. А сейчас… Нет смысла Рамбаму и р. Исраэлю из Саланта – даже если их «сдобрить» сионизмом! – дискутировать с Марксом и

Энгельсом! До свидания, друзья, встретимся в Бунде…

Гершель был очень сердит на меня за то, что я решился на эту беседу. Он начал убеждать меня не вступать в разговоры с людьми, «отрицающими вещи, которые для тебя принципиальны!» Он сказал, что в этом состоит смысл высказывания «Знай, что сказать еретику». «Главное, что, когда ты отвечаешь ему, желая победить, ты не должен признавать его позиции и спорить с ним согласно его разумению. Это самое опасное. И второе, нельзя приходить к нему, к еретику, можно лишь отвечать ему, когда он приходит к тебе».

За три недели до Песаха умерла мать Гершеля. Он был очень подавлен. На похороны пришли все члены ячейки. Меня удивило огромное количество еврейской бедноты и простолюдинов на похоронах. Я понял, что отец Гершеля был очень заметным в народе человеком. Перед Песахом плотник Гершель ушел из дома. Сестра его говорила, что он очень похож на своего отца: такой же праведник, как отец, и такой же великий ученый. Под влиянием р. Хаима-Озера он бросил ремесло плотника и опять стал изучать Тору. Я встретил его ровно через год (в воскресенье 26 адара 5661 года) на похоронах р. Меира-Михла (Рабиновича) {360} одного из удивительнейших раввинов и праведников в Вильно. Гершель уклонился от разговора со мной, и больше я его не видел. Грузчик Хаим дождался билета в Америку и собирался в путь. Хаим Герцен уехал из города. Давид-Ноах Пинес и Файвл Блох вступили в «Бней Моше», сионистскую организацию с социалистическим уклоном. Я был весь в заботах о заработке и не мог думать о «Доме Израилевом». Из-за разрыва отношений с Явецом и Тойбером я отказался от обедов в дешевой столовой; уроки письма прекратились, так как между Пуримом и Песахом нельзя обучать женщин – а ведь было много учениц, которые были свободны и могли учиться; доходы от уроков в бейт-мидраше сильно уменьшились и не могли, как раньше, служить основой стабильного существования, а были лишь небольшим подспорьем. Шли дни, и я понимал, что не могу больше питаться лишь чаем и хлебом, купленным в кредит.

В те дни я сблизился с другим соседом по комнате, от которого до тех пор старался держаться подальше. Этот молодой человек, Лба из Воронова, очень со мной подружился и старался всячески мне помочь. Отчего-то он вызывал у меня сильные подозрения. Я отклонил его просьбу принять его в «Дом Израилев», хотя многие товарищи его рекомендовали. Как я уже говорил, я читал в то время «ха-Шахар» и нашел там рассказы Смоленскина, в частности, роман под названием «Блуждающий по дорогам жизни», в котором очень впечатляюще была описана

миссионерская организация в Лондоне. А этот парень говорил, что скоро поедет в Лондон, и это казалось мне очень подозрительным. Столь же подозрительно было то, что «парень из Ольшан», приятель Абы, также собирался в Лондон; при этом они говорили, что у них там нет родственников. За две недели до Пурима я заболел: у меня распухли десны и очень болели. По предложению Абы я пошел к врачу вместе с ним, и тот прописал мне лекарства. И визит, и лекарства ничего не стоили мне: врач был из миссионерской организации… Мне показалось, что Абу там приняли как старого знакомого. И я никак не мог понять: «откуда этот овощ растет?»

И в то же время он был единственным, кто почувствовал изменение в моем положении. Он очень деликатно в течение двух недель заботился о том, чтобы я получал в кредит чай, завтрак и ужин. И тогда же он стал меня уговаривать бросить все мои «безумные увлечения» и снова приняться за Талмуд. «Каждый день я наблюдаю за тобой и все больше удивляюсь! Ты остерегаешься совершить малейшую оплошность так, как если бы это был большой грех, молишься и молишься с усердием, изучаешь Тору ради нее самой. Как я вижу, ты весьма ученый человек. И при этом ты приносишь себе вред тем, что не продолжаешь учиться, чтобы получить звание раввина, – ведь ты мог бы сдать экзамены и стать казенным раввином. А русский язык у тебя гораздо лучше, чем у большинства «будущих учителей». Да ты просто губишь себя!» Так он твердил мне изо дня в день, из часа в час. Я понял, что все это время он следил за мной. Его положение было ничуть не лучше моего, однако он уверял, что «у него есть перспективы» и в его случае это лишь временные трудности. А мы тем временем вместе голодали. И однажды, за десять дней до Песаха, Лба предложил мне пойти в организацию «Цдака гдола» и получить там… мацу{361} на Песах. Естественно, «мы не будем дожидаться Песаха и съедим все сейчас». «Тебе не нужно будет ничего говорить, просить, просто присутствовать там». Видимо, Лба был уверен, что мой внешний вид «убедит» пожертвователей, что нам нужно выдать мацу немедленно. Как сейчас я вижу лицо Абы, обеспокоенное и серьезное. Это произошло 5 нисана, в десять утра. Я согласился, и мы пошли. Перед этим я не ел около 36 часов… После того как мы поели и попили, я дал Лбе письмо для Хаима-Озера Гродзинского{362}, знаменитого виленского раввина, при котором существовал «кружок» молодых талмудистов, и он их очень хорошо поддерживал материально. В письме я написал о себе и попросил посоветовать мне какой-нибудь бейт-мидраш, где я мог бы учиться, а также немного зарабатывать, чтобы не «жить на

милостыню» и в течение полутора лет «выполнить свой обет» и завершить изучение Талмуда. Лба, видимо, нарассказывал про меня очень много. Через час он вернулся, неся в руке ответ от р. Хаима-Озера. Он приглашал меня прийти к нему завтра, в четверг, в 11 часов утра.

Р. Хаим-Озер принял меня с меньшим дружелюбием, чем я ожидал. Он задавал лишь короткие вопросы, а я должен был развернуто на них отвечать. Из его вопросов следовало, что он знает про меня гораздо больше, чем можно было бы предположить. Он говорил невозмутимо и время от времени обращался к кому-нибудь из сидящих рядом с ним с каким-нибудь вопросом, желая, очевидно, дать мне понять, что я представляю для него меньший интерес. По сути, он все время разговаривал с сидящим рядом с ним раввином и лишь время от времени, бегло взглянув на меня и скользнув рукой по бороде, задавал мне вопрос, как бы между прочим выслушивал ответ, продолжал разговаривать со своим собеседником, затем снова – беглый взгляд на меня и вопрос. Так продолжалось около сорока минут. В конце концов мне стало ясно, что он знает, кто я, где учился, что он знаком с моим дядей, р. Элиэзером-Моше Мадиевским из Хорала, и даже в курсе, что Мендл Данишевский из Сморгони, который должен был стать его зятем, является моим двоюродным братом со стороны матери. Видимо, ему было известно даже и то, что я был знаком с Яаковом Липшицем и что меня подозревают в причастности к публикации материалов об организации «Черное бюро». Я убедился, что от него не ускользнула моя дружба с Зеевом Явецом и что он знаком также с плотником Гершелем, и ему известно даже о «Доме Израилевом». И я не мог сообразить, были ли ему эти факты известны раньше или же он ухитрялся извлечь их из того, что я ему сейчас рассказывал. Я ясно видел, что ведет он себя со мной по принципу «доверяй, но проверяй». В конце концов он сказал, что не хочет принимать меня в свой «кружок», а потому не хочет разговаривать со мной о Торе. Однако он советует мне пойти в Шнипишки, в молельный дом, который на краю поселка, «молельный дом на горе». Он договорится со старостой, р. Лейбом Гемарским, скромным и порядочным евреем, чтобы он выделил мне три рубля в месяц; они также предоставят мне жилье, а об остальном я должен буду заботиться сам. Кроме того, мне следует связаться с местным раввином, р. Ашером, скромным человеком и величайшим знатоком Торы. Примерно через три месяца он пригласил меня к себе еще раз и сказал, что я могу отправиться в Шнипишки хоть сегодня. Он пожелал мне «кошерного Песаха» – на этом беседа завершилась. В конце

разговора я почувствовал, что он стал относиться ко мне более дружелюбно. В тот же день я покинул Квасной переулок и переехал на другой конец города, на улицу Калвария. Подмастерье Янкель и Лба из Воронова проводили меня до «зеленого моста», не далее. По моей просьбе мы расстались. А в десять часов вечера я нашел себе место в углу бейт-мидраша и стал учиться громко и вдохновенно: «Все совершают шхиту, и шхита их кошерна…» (трактат «Хулин»).

Глава 13. Вильно: завершение изучения Талмуда и диплом раввина

Полтора года я просидел в том углу. С 9 нисана 5660 (1900) года до исхода субботы 8 тишрея 5662 (1902) года я усердно учился. Утром до восхода солнца, когда на дворе еще было темно, я уже сидел в бейт-мидраше. Конечно, по вечерам я продолжал читать светские книги, в том числе на русском языке. Тем не менее я составил себе программу изучения Талмуда и законоучителей и старался все время ей следовать, стремясь выполнить целиком. По утрам я по-прежнему изучал раздел «Кодашим»: «Зевахим», «Менахот»{363} и т. д. При этом я доучивал главы и трактаты из других разделов, которые к тому времени еще не успел выучить полностью. В процессе обучения я почувствовал, какие большие перемены произошли во мне за последние два месяца. Меня больше не тянуло к вопросам Галахи и к талмудическим обсуждениям. Меня больше не интересовало, как должно быть по Галахе, но интересовало, как должно быть по правде. Талмуд перестал быть для меня нормой повседневной жизни: он служил материалом и источником для изучения того, как было в древности. Вначале я «жалел» себя, тщетно уверяя себя в том, что на самом деле ничего не происходит и все лишь из-за раздела «Кодашим», вопросы которого не имеют к Галахе никакого отношения. Однако понемногу я убеждался в том, что этот новый подход к Талмуду – пришедший, казалось, сам собой – кардинально изменил ход моих занятий. Я быстро продвигался. Я и раньше недолюбливал позднейшие нововведения и галахическую полемику, а сейчас просто видеть их не мог.

Примерно с восьми или половины девятого, после утренней молитвы и завтрака, я изучал законоучителей. Начал я с раздела «Йоре деа»… Основное внимание я уделял тексту «Бейт Йосеф»{364} – комментарию р. Йосефа Каро на «Арба турим» р. Яакова бен Ашера{365}. Я очень обрадовался, когда нашел в бейт-мидраше раздел «Йоре деа» – в первом венецианском издании с предисловием Йосефа Каро и р. Яакова бен Ашера, а также с примечаниями из «ха-Диним ха-мехудашим» Иосефа Каро{366}. Эти примечания служили для меня образцом. По ним я стал изучать «Шулхан арух» и комментарии к нему. Я стал отмечать себе, как соотносятся «ха-Диним ха-мехудашим» со смыслом всех этих комментариев, на каждый раздел: какие нововведения сделал р. Шабтай Кохен в «Сифтей Кохен», какие – р. Давид ха-Леви в своем комментарии «Турей захав»{367}. Одновременно я

просматривал и трактат «Хулин». Во время изучения Гемары я стал обращаться к текстам великих мудрецов, особенно к Рамбаму. Вначале я подробно останавливался на тех фрагментах, на которые опирался Рамбам при написании галахот. Однако поняв, какое большое место в законах (галахот) занимают проблемы, связанные с принесением жертв и с храмом, с ритуальной чистотой и нечистотой, я ограничился лишь законами, которые параллельны содержащимся в разделе «Йоре деа». Между делом я выучил также раздел «Эвен ха-эзер»{368} и раздел «Орех хаим». Однако изучая «Хошен мишпат», я главным образом опирался на Рамбама, поскольку отлично знал книги, параллельные по содержанию «Хошен мишпат» в «Мишне Тора» («Киньян», «Незикин», «Мишпатим» и «Шофтим»). От законов Рамбама я перешел к позднейшим законоучителям. Такой «порядок» учебы очень отличался от общепринятого. Пятеро молодых людей, учившиеся в бейт-мидраше вместе со мной, говорили, что в этом есть некое высокомерие. Больше всего возражал против него р. Ашер, которого р. Хаим-Озер обязал предоставлять отчет о моей учебе и о том, что я вообще собой представляю (что стало мне известно лишь впоследствии). «Парень изучает Тору и вообще не интересуется позднейшими законоучителями. Это крайне подозрительно». Однако их подозрения еще сильнее возросли, когда они увидели, что я просматриваю книги комментариев Меира Иш-Шалома{369} и Айзека-Гирша Вайса.

Мой первый разговор с р. Ашером касался важности изучения позднейших законоучителей. Разговор произошел как бы между прочим. Р. Ашер, к слову говоря, был невысок ростом, говорил очень мало и казался очень стеснительным. Он сказал, что уважаемый раввин очень хвалил меня ему – за эрудицию, острый ум и умение проникать в суть вещей. Но он, р. Ашер, обратил внимание, что я совсем не интересуюсь позднейшими законоучителями. Он заметил, что помимо Гемары, Рамбама и раздела «Йоре деа» я вообще не занимаюсь Торой. Для того чтобы заниматься вынесением галахических решений, недостаточно просто бегло просмотреть сочинения законоучителей (особенно в том, что касается запретов и разрешений). А изучение позднейших законоучителей тоже очень важно для будущей галахической деятельности. В тот раз я ушел от ответа, но разговор повторился. Тогда я объяснил, как я отношусь к авторитету позднейших, а на слова: «Все, что добавляет искушенный талмудист, – это как Закон Моисея с Синая», – я сказал, что, по моему мнению, позднейшие законоучители не подходят под определение «искушенных талмудистов»:

достаточно лишь сравнить их формулировки с формулировками ранних законоучителей. Ранние обычно начинали ответы с фразы: «Такое указание я получил с небес», а позднейшие – с «чрезмерно утрированных похвал» спрашивающему раввину и казуистики, далекой от сути вопроса, и в итоге отвечающий обычно не осмеливался решить вопрос самостоятельно, а лишь высказывал свое мнение, «и если другие присоединятся к этому мнению, то вопрос можно решить так-то и так-то»… Раввин, видимо, не привык к подобного рода разговорам. Он сказал только: конечно, Айзек-Гирш Вайс легко может начать со слов «такое указание я получил с небес» и подписаться – Айзек-Гирш Вайс…

Последствия не заставили себя ждать. Р. Лейб Гемарский известил меня, что после Суккота я перестану получать материальную поддержку и обращаться к р. Хаиму-Озеру бесполезно, потому что он, р. Хаим-Озер, хотел, чтобы мне уже сейчас перестали давать деньги, а они с р. Ашером уговорили его на отсрочку. Кто-то наговорил про меня много гадостей, а р. Хаим-Озер сказал, что чем больше я учусь, тем становлюсь опаснее. «Этот юноша любит Тору и очень прилежен, но в нем есть изъяны, и я их вижу – а я очень хорошо умею замечать такого рода изъяны – и ни в коем случае не могу рекомендовать материально поддерживать его. Вы должны передать тем, кто ему содействует, что я отказываюсь от ранее данной рекомендации, можно считать, что она была условной». Р. Ашер и не подозревал о том, что он явился причиной такой перемены отношения р. Хаима ко мне. Но в любом случае эта причина была лишь косвенной. Лба из Воронова тем временем уехал в Лондон, и я опасался, что мои подозрения о его связях с миссионерами были верны. У подмастерья Янкеля тоже были насчет него такие подозрения. Я опасался, что р. Хаим-Озер каким-то образом узнал, что человек, передававший ему письмо от меня, связан с миссионерами. В таком случае лучше всего будет не обращаться к р. Озеру.

Для меня наступили тяжелые дни. Я был совершенно один. Я перестал общаться с Явецом и его кругом; р. Ашер относился ко мне весьма осторожно и подозрительно. С теми молодыми людьми, которые учились вместе со мной в бейт-мидраше, у меня не было ничего общего, и они относились ко мне недружелюбно. Вполне достаточным основанием для зависти было «особое отношение» и «уважение», которое выказывали мне домовладельцы и ребе. Впрочем, были два юноши, с которыми я учился еще в Тельши, – они относились ко мне весьма дружелюбно, однако по духу они были очень далеки от меня.

Иногда я встречал Шлама Воловича, парня из Сморгони,

который учился в «кружке» у р. Хаима-Озера и был близок к кругам Бунда, однако его враждебное отношение к сионизму и равнодушие к Эрец-Исраэль были неприятны мне. Я помню, как волновался, когда мы посылали к барону Ротшильду делегацию сионистов по поводу передачи поселений Еврейскому колонизационному обществу{370} и эмиграции рабочих из Эрец-Исраэль, и как Волович насмехался над этим, говоря, что я уделяю чересчур много внимания организации мелочей, которые совершенно неважны и являются лишь бегством от действительности. Мы сильно поссорились, я даже перестал разговаривать с ним.

Единственным моим другом тогда был р. Лейб Гемарский, глава семейства и лавочник – его магазин размещался напротив бейт-мидраша. Поводом для возникновения нашей дружбы послужило то, что мне удалось повлиять на его десятилетнего сына. Этот мальчик приносил родителям сплошные огорчения. Его считали глупым, тугодумом, «гойской головой». Кроме того, говорили, что он очень упрям и ни в коем случае не хочет учиться. Все наказания, которым его подвергали (их было не так уж мало), нисколько не усиливали его «тягу к знаниям». На Песах р. Гемарский пригласил меня в гости, главным образом на Пасхальный седер. Через несколько дней после переезда в Шнипишки я пообщался с его детьми. Их было четверо: дочь лет семнадцати и трое сыновей, из них «упрямец» был средним по возрасту. Другими детьми родители были довольны: старший помогал в делах, а младший учился в народной школе (русской!). Родители высказали мне свое беспокойство. Мать, страдавшая от воспаления суставов, – чувствовалось, что она была настоящей хозяйкой дома: говорила она тихо, мало, но все ее слушали и подчинялись ей – попросила у меня совета, и я предложил свою помощь. После Песаха я стал с ним заниматься и помимо скромного дохода, который получал за занятия, прославился своим умением «влиять» на детей. Мальчик был очень чувствителен, с обостренным чувством справедливости и стремлением к правде, многие вещи приводили его в затруднение. Первый раз такое затруднение вызвал у него стих: «И пожалел Всевышний, что сотворил человека на земле…» – «А разве он не знал заранее?» – «… И опечалился в сердце своем» – «Почему опечалился? Разве он не мог исправить людей, а не насылать на них потоп?» Я решил, что мальчика мучают вопросы справедливости, потому что они связаны с его душевной потребностью в уважительном отношении домашних. Я понял, что именно это – ключ к сердцу ребенка и источник влияния на него. Я рассказал ему ясно и четко, однако очень мягко, приводя

примеры из жизни людей вообще и своей жизни в частности, о свободном выборе человека, о том, что судьба каждого человека в его собственных руках. Все люди равны: их способности различаются по направленности, но одинаковы по качеству. Жизнь – это испытание, а те поколения его не прошли, каждый должен суметь выдержать это испытание. То, что я говорил с ним как с другом, то доверие, которое я выказал ему, рассказав случай из своей жизни (я рассказал о своем побеге в Гомель и попросил никому больше не говорить об этом), и огромная вера в равенство людей и в то, что каждый человек в силе построить свою жизнь, – все это так на него подействовало, что он взволнованно схватил мою руку, поцеловал ее и сказал: «Я обещаю, что с этого дня стану совсем другим!» Свое обещание он выполнил на редкость успешно. Он учился у меня полтора года и за это время изучил всю Тору и немного ранних пророков и начал писать на иврите. В это же время его учили русскому языку и арифметике, готовя к поступлению в русскую школу. Педагогическая удача в занятиях с мальчиком принесла мне любовь его семьи, и авторитет мой сильно возрос. Еще я обладал влиянием на старшего сына Гемарского (забыл, как его звали) и на двух его приятелей, студентов первого курса педагогического института. Среди них я вел активнейшую сионистскую пропаганду. Вместе мы ходили слушать речи сионистов, и я помню, какое сильное впечатление произвела на меня проповедь р. Райнеса{371} в большой виленской синагоге в 5661 (1900) году. Эту проповедь я законспектировал себе в записную книжку, и она сохранилась у меня до сих пор. Думаю, что лучше всего будет привести здесь отрывок: «Конечно, вы согласитесь, что великим делом является создание еврейского банка для Эрец-Исраэль, для покупки земли и поселения там евреев. Нет сомнений: это очень важно! Нет такого еврея, который бы не согласился с этим. Разве не все мы любящие Сион? В чем же дело? Многие евреи, очень многие, утверждают: мы просто не можем! А ведь сейчас времена – кто поспорит? – плохие, очень плохие. Заработать на пропитание очень тяжело, забот обременительных много, и „узник сам себя не может освободить из тюрьмы“. Господа, ведь и в Вильно есть умные люди, мудрые отцы семейств, и все они умеют задавать трудные вопросы и ставить в тупик не только такого раввина, как я, не сведущего в судьбах мира, но и людей, гораздо более опытных, чем я, – и я, господа, иногда предстаю перед ними в смущении. Я не нахожу слов, чтобы ответить на те вопросы, которые они ставят. И иногда я – не про вас будет сказано – кажусь им сосудом, полным стыда и позора, просто бесполезным бездельником. А тем более в таком большом городе, как Вильно,

полном мудрецов и умных людей, евреев трезвых и рассудительных, деловых людей, больших торговцев и людей практичных. Так что же? Еще никто из них не ответил на мой вопрос, вопрос наивный: „Что значит „не могу““? Значит ли это, что у каждого человека есть ограниченная мера возможности на каждый момент времени? А ведь иногда кто-то, про кого все знают, что он не способен – ну действительно не способен! – поднять больше одного пуда, и то с трудом, – поднимает-таки в случае необходимости и два, и даже три пуда! И не просто поднимает, но делает это легко и быстро. Например, когда, не дай Бог, начинается пожар и он должен спасти остатки своего имущества или спасти детей, этот человек навалит на себя мешки, схватит детей и не будет жаловаться, что не может. Нет, не от степени возможности или невозможности это зависит, а от степени необходимости. Более правильно – от степени предчувствия беды.

Мы спим, господа, и не чувствуем, что все углы дома уже охвачены огнем. И у нас есть лишь еще несколько секунд, чтобы спасти то, что еще можно спасти. Проснитесь, спящие! Пробудитесь, евреи! Евреи, пожар!»

Парни со смехом говорили, что р. Лейб хочет выдать за меня свою дочь Этель, которая была примерно моего возраста, такая же красивая, как ее мать, стеснительная и чувствительная, как отец, и, как говорили, очень умелая хозяйка, фактически выполнявшая обязанности своей больной матери. Это подтверждалось тем, что р. Лейб очень хотел ввести меня в семейство, которое готовилось к отъезду в Америку. Р. Лейб уже давно решил уехать: он сказал мне об этом в одной из наших первых бесед. Он считал положение евреев в России безнадежным. В черте оседлости они погрязли в нищете. И не верится, что положение улучшится. Он хочет вовремя спасти себя и свою семью из «Содома и Гоморры». Через несколько дней после праздника Симхат Тора 5661 (1900) года, когда мне перестали платить пособие, р. Лейб пришел в бейт-мидраш, чтобы поговорить со мной. В тех кварталах, где находился «молельный дом на горе», я впервые участвовал в народном еврейском веселье. В тот праздник в бейт-мидраше исполняли «Ты избрал нас» на новую мелодию. Мелодия разожгла народ, и танцы не прекращались допоздна. А через несколько дней, поздним вечером, когда глубокая тишина была разлита по улицам и мы были погружены в беседу, вдруг раздалась песня. Пьяные крестьяне пели ее прямо под окном, рядом с местом, где мы сидели. А вслед за песней, которая привела нас в трепет, – дикий хохот… Мы содрогнулись. Я сказал: «А это ведь тоже песня «Ты избрал нас», только в их стиле. В ее напеве отражается образ

народа». Р. Лейб посмотрел на меня ошарашенно, встал, потрясенный, и обнял меня: «Уже давно я хотел тебе предложить это и все время колебался. А сейчас время пришло. Поехали с нами в Соединенные Штаты! Я тебя беру с собой, только никто не должен знать об этом. Тебе сейчас ничего не понадобится для этого. Потом ты сможешь мне отдать все, что я тебе одолжу. Для таких людей, как ты, здесь нет будущего! Если даже р. Хаим-Озер, великий мудрец, смог найти в тебе «изъян» – чего же ждать от остальных! А в Америке тебя ждет большое будущее!»

Эти преисполненные волнением слова проникли мне в самое сердце. Через несколько секунд намеренного молчания я поблагодарил его, но сказал, что не могу принять его предложение. Если я покину Россию – то только для того, чтобы уехать в Эрец-Исраэль. Для таких, как я, именно там место, и все мои устремления с самого детства – это совершить алию в Эрец-Исраэль и быть достойным этого. «Это обет?» – спросил р. Лейб. – «Обет и клятва». С нами не было никого во время разговора, однако на следующий день все узнали, что р. Лейб предложил взять меня с собой в Америку, однако я, как сионист, сказал, что поклялся уехать в Эрец-Исраэль! Мы предположили, что в бейт-мидраше был кто-то из учеников, который подслушал нас и рассказал услышанное, сильно приукрасив.

Несмотря на то что у р. Лейба в тот год было много забот и тревог – подготовка к отъезду, передача дел, болезнь жены и прочая – он никогда не забывал обо мне. Он заботился обо мне как мог, справлялся о моем здоровье, старался помочь и ободрить. Он знал, что к Хануке 5661 (1900) года я планировал завершить изучение Талмуда, и здесь впервые в жизни мне удалось осуществить свой замысел полностью. Он также знал о моем одиночестве, о том, что у меня нет друзей и близких приятелей. И вот в Хануку вся его семья собиралась на блины. Пригласили меня, двух ребят, которые учились со мной в Тельши, а также Шломо Вайнштейна, моего второго приятеля из Шнипишек, – за столом очень деликатно и скромно было объявлено, что блины посвящены и еще одному «событию» – тому, что я завершил изучать Талмуд…

Закончив изучать шесть частей Талмуда, я приступил к изучению законоучителей, и р. Лейб напоминал мне каждый день, что до отъезда в Америку он хочет убедиться в том, что я получил диплом раввина. «Быть может, – говорил р. Лейб, – ты решишь поехать в Америку. А диплом раввина откроет перед тобой все двери! Это профессия. Имеет смысл начать с этого, даже если потом ты захочешь заниматься чем-то другим. Но просто ученый талмудист – даже если он крупнейший знаток

Талмуда – он в Америке никто: они в этом ничего не понимают». Однако получить диплом было уже не так-то просто: о «парне с Полтавы» в раввинских кругах знали, что он «с изъяном», и р. Ашер, а еще яснее – р. Лейб объяснили мне, чтобы я выкинул из головы мысль получить посвящение в раввины от какого-либо раввина в Вильно. Быть может, р. Шломеле согласился бы, но и это сомнительно; тем более что р. Шломеле болен, и до него сложно добраться. А если он услышит про «изъян», то даже и слушать об этом деле больше не захочет…

Тем не менее р. Лейб привлек на мою сторону р. Шимона, «владельца скобяной лавки», – состоятельного бездетного еврея, известного талмудиста и еще более известного скрягу, который был грозой для раввинов и глав йешив. Р. Шимон познакомился со мной, именно он дал свое имя обществу по изучению Рамбама; он сам участвовал в занятиях и даже вносил свою лепту в ту небольшую сумму, которая выплачивалась мне обществом. Это было чем-то вроде демонстрации хорошего отношения ко мне в узком, но влиятельном кругу. Он также обратился – по предложению р. Ашера, который хотел таким образом помириться с р. Шимоном, – с письмом к р. Ашеру и попросил его высказать мнение обо мне. Мол, поскольку к нему обратились с вопросом обо мне, и, по его мнению, я являюсь «прекрасным знатоком Рамбама и мидрашей», – однако он не считает себя вправе свидетельствовать в месте, где есть раввины гораздо более великие, чем он, и поэтому он просит рава высказать мнение обо мне. Р. Ашер ответил ему длинным письмом, где много хвалил меня, называл большим знатоком Талмуда и ранних законоучителей, признал за мной острый ум и умение проникать в глубину галахических установлений; однако заключил, что обо мне можно сказать: «Он состоялся как мудрец, но не состоялся как раввин». В последнем высказывании была двусмысленность: во-первых, констатация факта отсутствия у меня полномочий раввина и, во-вторых, мнение, что мне не нужно их давать. Несмотря на это, письмо мне помогло. В то время в Вильно происходили встречи и собрания раввинов, и р. Шимон сблизил меня с несколькими из них. В результате у меня оказалось с полдюжины писем-посвящений в раввины: «полномочен судить по Торе и выносить галахические решения». Из тех ребе, с которыми я общался, наибольшее впечатление на меня произвели двое; один из них – р. Мардехай Розенблат{372}, ошмянский раввин, автор книги «Хадрат Мардехай», нововведений к заключительным частям шести разделов Талмуда и к «Шеелот ве-тшувот». Он попросил, чтобы я описал ему случаи, когда нужно принудить мужа развестись со своей женой, а также случаи, в которых

разрешено обращаться в нееврейские правительственные учреждения, – и ставил передо мной другие проблемы и вопросы. Потом он проэкзаменовал меня по «Йоре деа», основной упор делая на законы о трефном и изъянах в легких у животного. Все вопросы и проблемы были двусмысленны – вероятно, он знал, что обо мне говорили «старательный юноша, но с изъянами», и старался проверить меня. Мои ответы его полностью успокоили, потому что они лишь на первый взгляд касались Галахи, но при этом мне удалось сказать, что иногда знатоки оказываются не так уж сведущи относительно качества изъянов и действуют вопреки судебному постановлению, которое обязывает «остерегаться и проверять спокойно», и это правило обязательно даже для резников, и некрасиво мудрецам быть среди тех, кто «мнет рукой» изъяны. Раввин очень долго проверял меня по галахот, касающимся трефного, а потом сказал, что не нашел во мне изъяна…

Большое впечатление произвел на меня также раввин из Ольшан, великий знаток Торы, мудрец и праведник. У него были большие черные сверкающие глаза, худое благообразное лицо, короткая аккуратная бородка; ходил он медленно, говорил тихим голосом, почти шепотом, и мне показалось, что он очень болен. Он великолепно знал Рамбама, и все наши разговоры крутились главным образом вокруг судебных постановлений из частей книги «Яд ха-хазака»: «Сефер киньян» и «Сефер зманим»{373}; вокруг сравнения «Бейт Йосефа» и «Кесеф Мишне»{374} и противоречий между ними, которые он находил, а мне нужно было разрешить. По ходу дела он проверил мои знания Талмуда, Рамбама, разделов «Хошен мишпат» и «Орех хаим», и вынесенных судебных решений. В письме-посвящении, выданном им, он образно описал способ, которым удостоверился в моем знании Талмуда и законоучителей, и написал много хвалебных слов обо мне. Раввин из Ольшан не удовлетворился лишь Талмудом и законоучителями, но поговорил со мной также об этических высказываниях Рамбама и о выводах, которые можно сделать из них относительно поведения ученого-талмудиста в наше время.

Раввин из Ольшан дал мне это письмо во вторник, в день, когда Бог дважды увидел, что «это хорошо». А в следующую субботу утром, после недельной главы «Смотри»{375}, в «старшем миньяне», где я молился, мне доверили читать *Мафтир*{376}, позвали подняться к Торе в звании раввина, и все поднявшиеся к Торе благословили меня молитвой «Тот, кто благословил…»{377}. А р. Лейб пригласил присутствующих на *кидуш*{378} (р. Ашер не только не пошел, но и открыто выразил свой протест). В сущности, на этом все и закончилось – после того, как я

удостоился всех этих почестей, я не стал использовать свое звание: в первой половине месяца ав 5661 (1901) года я почти каждый день встречался с великими и прославленными раввинами – а также с раввинами маленьких городков; с раввинами властными и слабыми, с раввинами скромными и кроткими – и успел вдоволь насмотреться на раввинский мир. И решил, что этот мир очень тесен и в нем нет места для созидательной деятельности. Я спрятал свои раввинские дипломы и сообщил о них лишь отцу и дяде, попросив не афишировать это.

Я попытался проторить себе иной путь. Кроме дома р. Лейба Гмарского на улице Калвария в Вильно был еще один дом, в который я был вхож. Это был дом Шломо Вайнштейна, местного резника. Его отец умер уже давно, оставив в наследство дом и имущество. Он был единственным ребенком, крайне избалованным, мать ухаживала за ним, двадцатичетырехлетним, до сих пор как за ребенком. Это был красивый парень, щеголь; его «должность» не отягощала его, и большую часть времени он ходил без дела. Повстречав его во второй и в третий раз, я назвал его «Обломовым из Шнипишек» – в честь главного героя романа русского писателя Гончарова. Шломо Волович, который привел меня в этот дом, будучи близким приятелем Вайнштейна, нашел это прозвище действительно очень подходящим, правда, несколько обидным. Я заходил к нему почти каждый вечер, читал газету («ха-Цфира») и играл с ним в шахматы, когда у меня было неважное настроение.

После того как я закончил изучать шесть разделов Талмуда, остро встал еще один вопрос: «Куда податься?» Конечно, первое время я продолжал учиться – начал изучать Иерусалимский Талмуд{379} и составил себе новую программу: решил изучать Иерусалимский Талмуд и по ходу дела повторять Вавилонский, а также учить мидраши. Однако через несколько дней я почувствовал, что у меня больше нет душевных и физических сил продолжать все так, как раньше, с такими же усилиями. Это бессмысленно. Я чувствовал, что сейчас мне нужно уйти от этого. Но куда и каким образом?

Шломо Волович предложил мне обратиться к Файвлу Гецу{380}, «ученому еврею», который был инспектором виленского учебного округа. В распоряжении Геца находился фонд помощи прилежным молодым людям, которые хотят выучиться на еврейских учителей. Мне нужно предложить свою кандидатуру. Он сам пользуется этим фондом. Гец, еврей, бывший житель Жемайтии (уроженец Россиен Ковненской губернии), учившийся в России, в наполовину немецком университете – в Дерпте, крайне набожный, патриот России, приверженец хороших манер, резко

критиковавший молодежь, особенно тех, кого он подозревал в «связях с чужаками», – был одним из главных и уважаемых членов общины. Общество распространения просвещения создало небольшой фонд для поддержки йешиботников, которые уже «наполнили свое чрево» Талмудом и «сопутствующими предметами», имеют некоторое общее образование, и готовы дополнить свои знания и сдать экзамены, чтобы получить дипломы учителей, а затем заниматься преподаванием. Фонд действовал в Вильно, городе, где, как считалось, находится много потенциальных желающих воспользоваться им. Файвла Геца попросили распоряжаться этим фондом и подыскивать кандидатов, достойных его поддержки. У меня уже давно созрел замысел, об исполнении которого я много мечтал и который разрабатывал, хотя он казался мне нереальным, – а сейчас я решил пойти к Файвлу и рассказать о нем.

«Замысел» состоял в том, чтобы создать «большую» йешиву в одном из городов Полтавской губернии, йешиву «в духе времени», совсем современную, в которой будет и Тора, и «наука Израиля», и чистая вера, и богобоязненность. Я знал, что препятствий будет много, и внутренних, и внешних. У меня нет общего образования. У меня нет внутренней уверенности и недостает того авторитета, который дал бы мне силу и независимость, чтобы осмелиться создать такое. И вообще, кто я и что я, чтобы такое замысливать? Однако в Полтавской губернии меня знают! В наших-то местечках я известен… А вдруг?! И вот я решил обратиться к Файвлу Гецу и предложить свою кандидатуру как человека, готового стать еврейским просветителем. А также, если представится случай, намекнуть о своем замысле. Гец наверняка поймет меня.

И вот я решил пойти к Гецу. Шломо Волович дал мне его адрес. Было лето. Гец жил в летнем доме в лесу недалеко от Вильно. Я не договорился с ним о собеседовании заранее, а прямо пошел в этот летний дом. День был очень жаркий. Когда я пришел, хозяин сидел в пижаме и читал книгу. Я рассказал ему суть дела. Он попросил, чтобы я подошел поближе, смерил меня взглядом, один раз и второй раз, как будто бы хотел проинспектировать мой живот, достаточно ли он набит Талмудом и законоучителями, – однако он был совершенно пуст. Я стал излагать ему доводы, которые привели меня к идее заняться преподаванием, я пытался представить себя, заявить о себе как об «ученом раввине»; он посмотрел на меня во второй раз и сказал: «Ты нам не подходишь: ты не станешь учителем». Я стал приводить дополнительные доводы, немного похвалил себя, сказав, что у меня есть такие-то и такие-то достоинства; он

слушал нетерпеливо, пожал плечами, но все же дал мне закончить, а потом сказал сердито: «Я уже сказал один раз: «нет», и еще раз говорю: «нет». Все, достаточно!» Этого было более чем достаточно. Я сказал «до свидания», извинился за вторжение и ушел.

Вернулся я очень подавленный. И из-за неудачи замысла, и из-за неблагосклонного приема. На этого богобоязненного еврея, написавшего книгу «Религия и образование», я возлагал надежды, а он даже не захотел меня слушать и практически выгнал из дома, невзирая на то, что я «ученый раввин». Однако именно эта неудача вызвала во мне упрямое желание во чтобы то ни стало воплотить свой дерзкий замысел. Итак, мне нужно было начать с другого конца – обрести внутреннюю уверенность. Без нее я не смогу ни сделать первый шаг, ни продвигаться дальше. А внутренней уверенности у меня нет не из-за отсутствия общего образования. Источник этой неуверенности – в религиозной сфере. Для того чтобы быть главой йешивы, обучать Торе многих людей – для этого недостаточно иметь «любовь к Торе» и «любовь к еврейскому народу», а нужно быть поистине богобоязненным, иметь твердую веру, твердую и полную, – веру, в которой нет брешей, а есть «богобоязненность», которая влечет за собой «любовь к Всевышнему»… А это, как я думал, может дать только хасидизм. Нужно лишь иметь к этому душевную склонность. Только хабадский хасидизм сможет «вразумить» меня, открыть передо мной путь к успеху, который не был бы затенен сомнением. Только при помощи хасидизма можно приобрести достоверное «знание» вопросов веры, сулящее уверенность…

Я верил, что хасидизм может меня возвысить и направить на верный путь. Я написал домой, что решил покинуть Вильно. Может быть, поеду домой, а может, еще куда-нибудь, но не пояснил куда. Более подробно я написал своему брату, который учился в Брест-Литовске, но после произошедшего там большого пожара вернулся домой и начал работать в частной адвокатской конторе. От него я получил очень подробное письмо, в котором он поздравлял меня с получением раввинских полномочий, однако выражал сомнение в том, что я могу быть раввином, и радовался моему решению. Он писал, что бабушка Фрида – мать моей матери, которая жила вместе с нами, – когда ей рассказали о том, что я получил диплом раввина, тяжело вздохнула и сказала: «Как жаль, что город сгорел!» У нее спросили: «Какой город, бабушка?» – «Тот город, в котором Бен-Цион должен был стать раввином…»

Примерно тогда же я получил письмо от дяди-раввина, где он поздравлял меня с получением «полномочий» и советовал не

ехать прямо домой, а поехать на Йом Кипур и Суккот в Любавичи: «Сделай так, как делали твои отцы». Через несколько дней я получил и деньги на дорогу в Любавичи. Эти деньги по распоряжению дяди были присланы вместе с его сыном, который учился с нами в Тельши. Через два дня я получил второе письмо от моего брата, в котором он именем матери заклинал меня не ехать в Любавичи…

Я обдумал и взвесил все еще раз и на исходе субботы перед Йом Кипуром отправился из Вильно в Любавичи.

Глава 14. Пять месяцев в мире хасидов (Любавичи, тишрей-адар 5662 (1901–1902) года)

Любавичи – это местечко в Оршанском уезде Могилевской губернии. Мой двоюродный брат написал мне очень подробно, как мне до него добраться (он вдруг вообразил себя моим «опекуном» и проводником, что очень меня рассердило). Местечко это находится на расстоянии двадцати верст от железнодорожной станции Красное на пути из Минска в Москву, между Оршой и Смоленском; и в двадцати пяти верстах от станции Рудня на пути из Москвы в Брест-Литовск, за две остановки до Витебска. Я выехал из Вильно на исходе субботы, ночью, и хотел добраться до Любавичей на следующий день, в воскресенье накануне Йом Кипура. Всю дорогу меня не покидали размышления и сомнения, раздумья и беспокойство. В четверг я получил длинное письмо от брата, написанное в рифму и посланное с нарочным. Оно все было написано в насмешку над «изменчивым юношей». Брат спрашивал меня, знаю ли я писателя Брайнина{381} и читал ли я в «Календаре Ахиасафа» его рассказ «Бар Халафта» («Изменчивый юноша»), посвященный, как он считал, мне, ведь и тему и название придумал он, мой брат. И кому знать это, как не мне? Наверное, я и рассказал ему об этом! Или, может, это один из наших друзей, «тот Хаим Гольдберг, парень из Тирасполя, который учился со мной в Брест-Литовске, пламенный сионист, вхожий в круги писателей и общественных деятелей, – я ему много про тебя рассказывал и передавал тебе с ним приветы – может, это он, Гольдберг, пустил слух про „Бар Халафта“?» И брат напомнил мне, использовав мой собственный стиль, те дни, когда «ты стихи писал и пьесы сочинял», «основы еврейской морали изучал», «книгу по еврейской истории жаждал получить и за исследованиями древности гонялся» и наконец: «ночи напролет Талмуд и законоучителей изучал» и «стать раввином в Израиле решил!» «И вот своей цели ты почти достиг и стать раввином в Израиле полномочия получил» и вдруг – «стать учителем в Израиле возжаждал, однако в помощи „идола“ (Файвла Геца) разочаровался» «и уже стать хасидом в Любавичах решил и бежал в мир грез и мрака!»

Час за часом я сидел в своем углу вагона, погруженный в раздумья, и заново подводил итоги своей жизни. Письмо брата было пропитано болью и сожалением. Однако я не чувствовал досады. Годы страданий в Вильно были не напрасны. Лишь сейчас

я почувствовал глубокое душевное удовлетворение от того, что воплотилась моя детская мечта – полностью изучить Талмуд! Конечно, я не стану раввином. Однако изучение законоучителей открыло передо мной врата к дальнейшей исследовательской работе! А еще я был очень рад, что по собственной воле перестал писать стихи. Несмотря на то что Явец и другие писатели одобряли мои занятия поэзией. Сам Соколов{382}, когда я послал ему в «Книгу года» один из своих стихов, ответил, что «он, конечно, не напечатает этот стих, так как он сыроват, но, несомненно, у сочинителя есть талант». И я решил перестать писать в рифму! А еще очень хорошо, что не стал заниматься «исследованиями», которые планировал. Мне нужно учиться и учиться. Лишь после этого я буду писать и печататься. Но я не сидел сложа руки. И как хорошо, что я оставил Вильно. И в Любавичах я не потеряю времени даром, ни одного часа. Я поживу там месяц-другой или даже полгода и все это время посвящу изучению хасидизма! Это ведь очень важная часть дома Израилева. И опять перед моим внутренним взором пронесся замысел о йешиве…

В Минске я пересел в другой поезд. Вагон был почти пуст. Евреи не ездят в поездах накануне Йом Кипура. В вагоне сидели лишь два еврея, очень изящно одетые и выглаженные, с аккуратно подстриженными бородками. Из разговора с ними я узнал, что это два брата, что обычно они ездят вторым классом, а сегодня, накануне Йом Кипура, решили поехать третьим: нет давки, к тому же они хотели ехать среди евреев. А в вагоне – лишь один молодой еврей! Они очень удивились, узнав, что я еду в Любавичи: «Почти без пейсов, одет в короткую одежду, вообще не выглядит как хасид, и из Вильно – в Любавичи! Это же переворот в законах природы!» Братья были владельцами ремесленной мастерской и магазина одежды и белья в Витебске, они уговаривали меня не ехать в Любавичи, а предлагали… поехать с ними в Витебск. Из разговора они поняли, что я знаю Тору и при этом «маскил» С они стали мне рассказывать о Смоленскине и его описаниях хасидов, а я пояснял им географические названия из его произведений) и даже немного знаю русский! Они прямо сейчас готовы предложить мне место в магазине! В конце концов они сказали: если тебе не понравится, то ты сможешь уехать из Витебска в Любавичи! Они стали смеяться, когда я сказал, что в Любавичах меня ждут накануне Йом Кипура! Тем временем поезд прибыл на станцию Красное, и они попытались уговорить меня не сходить, а поехать с ними до Витебска, в крайнем случае до станции Рудня. Я согласился. Я видел, что они в курсе всего, что происходит в Любавичах, знают ребе, его брата, сына и всех

членов семьи. Они тоже принадлежали к хасидам, но они сионисты, и их огорчение от того, что раввин возражал против сионизма, все возрастало и возрастало! Мы доехали до Смоленска и там пересели в другой поезд. Когда мы сели в вагон, один из братьев сказал: «Мы должны тебя предостеречь! В наше время встречается много молодых людей, которые «путаются со всякими», устраивают забастовки, вступают в антиправительственные организации и так далее; наше условие: не вступай в контакт со "всякими"». И вдруг меня осенило: конечно же, в их ремесленной мастерской и в магазине сейчас забастовка, и они хотят по дороге «завербовать» себе штрейкбрехера! Да еще накануне Йом Кипура! Я молчал. «Ты что же, не согласен?» Я засмеялся: «Не с чем здесь соглашаться. Я выхожу в Рудне. Мне было интересно узнать, почему вы так заинтересовались мной и захотели взять меня на работу, хотя видите меня впервые. А теперь я удовлетворил свое любопытство, и сейчас я выхожу!» Старший рассердился и ничего не сказал. А младший сказал: «Сегодня канун Йом Кипура, позаботься о кашруте! На, возьми наши визитные карточки, спросишь о нас. Я уверен, что скоро ты уедешь из Любавичей. Заезжай к нам. Мы будем рады тебя видеть!» Мы попрощались. Старший как будто успокоился и сказал мне: «По тебе заметно, что ты приехал из Вильно! Я бы не очень хотел взять тебя на работу, а поговорить и выпить чашку чаю – будем очень рады!»

Близилась полночь. Подводу до Любавичей было уже не достать, и я был вынужден остаться в Рудне. Я пошел в гостиницу и нашел там еще троих хасидов, которые тоже приехали поздно и не достали подводы до Любавичей. Не помню, было ли еще хоть раз, чтобы в Йом Кипур я молился так горячо и с таким душевным устремлением. Вся эта поездка и встреча с братьями из Витебска были для меня своего рода испытанием. И я выдержал его.

Религиозное воодушевление паренька, одетого в полукороткую одежду, воодушевление сдержанное и скромное, не такое, как у хасидов, – тем не менее хорошо заметное – привлекло внимание в бейт-мидраше, где я молился. Раввин, глубокий старик, поздоровался со мной (он знал, что я не попал на подводу до Любавичей) и вначале удивился, узнав, что я приехал из Вильно. Но когда я рассказал, где родился, и назвал свои имя и фамилию, выяснилось, что он хорошо знаком с нашей семьей, особенно хорошо он знал моего прадеда р. Авраама. Знаком он был и с моим дядей. Он встречал его. И он знал также, что сын дяди и другие внуки р. Авраама учатся в литовских йешивах.

На следующий день после Йом Кипура я поехал в Любавичи. Приехал я в полдень, и в «гостинице» меня поджидали два моих земляка, которые знали о моем приезде и что я «по ошибке» сошел с поезда в Рудне и не успел найти подводу. Один из них, туповатый парень, выросший в зажиточной семье с простыми нравами, отвел меня в сторону и предупредил, чтобы я никому не рассказывал, что я сионист, иначе у меня будут большие неприятности! Я его успокоил: «Мне не нужно ничего рассказывать – они и так все знают!» В «гостинице» было полно постояльцев. Она представляла собой квартиру, разделенную на маленькие тесные каморки с помощью перегородок из нетесаных досок. В каждой каморке размещалось по двое постояльцев. В середине квартиры была большая столовая, где на круглом столе без устали пел самовар, с наступления зари и до самого позднего вечера. Хозяин дома, его жена и дети все время были чем-то заняты, суетились; постояльцы входили и выходили с шумом и грохотом. Все это напоминало большую ярмарку. Я оказался в одной комнате с Михаэлем Дворкиным, лесоторговцем, в котором и по внешнему виду, и по разговору можно было узнать человека мыслящего и весьма светского, заботящегося о хороших манерах. Он выглядел как холостяк лет тридцати; он и на самом деле не был женат, и ему было около двадцати пяти лет. До того он был хасидом Копыси, а сейчас он впервые приехал в Любавичи, решив ликвидировать свое делопроизводство, вернее, «заморозить» его на полгода, поселиться возле ребе и учиться у него. Мы очень много говорили. Вначале намеками, а затем – открыто. Мы проговорили всю ту ночь, а потом и все праздничные дни. Мы сидели в комнате, беседовали и очень подружились. Особенно мне запомнился разговор про Эрец-Исраэль. Он знал про мои сионистские убеждения. «Прежде всего, – сказал Михаэль Дворкин, – Эрец-Исраэль должна быть в сердце каждого еврея. Здесь, – он показал на свое сердце. – И это очень важно! Ребе осуждает евреев, которые думают, что могут обрести Эрец-Исраэль, не имея Эрец-Исраэль в сердце своем». Я встретил в Любавичах много знакомых: моего учителя р. Шмуэля-Гронема, который когда-то жил в нашем доме, он был очень флегматичен, принял меня весьма прохладно и не пытался скрыть своего равнодушия, даже когда рассказывал мне о хасидизме. Встретил я и шойхета из Орши, у которого я в свое время изучал трактат «Песахим», он отнесся ко мне очень дружелюбно; встретил я там и знакомых из Гомеля и Кременчуга. Те пять месяцев, что я провел в Любавичах, я много учился, однако в первую очередь постиг смысл высказывания: «Ребе чтит богатых». В бейт-мидраше в первом ряду рядом с ребе стояли его старший брат, р. Залман-

Аарон[383], Монесзон из Петербурга, полноватый человек, с намечающимся животиком, высокий и широкоплечий, с туповатым лицом и неприятным голосом, а рядом с ним – молодой парень, худой, со сверкающими глазами, и в каждом движении – жесткость и надменность: это сын Натана Гурарье, одного из кременчугских братьев Гурарье, известных своим богатством и приверженностью хасидизму; рядом с ними – сын раввина из Полтавы, его отец уже много-много лет был хасидским раввином, а дядя, брат раввина, – выдающийся богач (Безпалов), которому принадлежала значительная часть доходов от продажи угля в Екатеринославе. Рядом с ними сыновья рава Гирша Хена из Чернигова, впервые приехавшие в Любавичи, – Авраам Хен[384] и Мендл Хен[385], известные как «восходящие звезды» хасидизма. С другой стороны шеренги сидел младший брат ребе Менахем-Мендл[386] и еще несколько его раввинов; хасиды, составлявшие собой «народную массу», не имели, как мне показалось, своего постоянного места, они «стояли, столпившись, и кланялись на расстоянии…» Ребе говорил о хасидизме – и я впервые узнал, что слова раввина о хасидизме подобны словам «живого Бога». Проповедь ребе основывалась на стихе: «Ты очаровала меня, сестра-невеста, очаровала меня каждым из глаз твоих». Посредством этого стиха объяснялся и вопрос о «глазе видящем и сердце жаждущем». В ней содержались и утонченные объяснения соотношения «зрения» и «устремления сердца». Все это было основано на книге «Ликутей Тора» учителя нашего и наставника р. Шнеура-Залмана из Ляд. После выступления ребе многие собрались в гостинице, где жили сыновья раввина из Чернигова, и вновь обратились к речи ребе, пытаясь воспроизвести ее по памяти. Я тоже присоединился к ним и немало им помог в том, чтобы правильно восстановить слова ребе. За это я удостоился особого внимания Мендла Хена, младшего сына раввина из Чернигова, который через несколько лет прославился как один из величайших раввинов Хабада, став правой рукой Любавичского ребе, был раввином в Нежине Черниговской губернии, а затем был убит во время погрома в 1919 году. Особенно мне врезался в память один разговор с ним во время вечерней прогулки после того, как его отец читал и комментировал первую главу «Тании» – это было, насколько я помню, когда он второй раз за ту зиму приехал с отцом в Любавичи. В своем комментарии ребе сказал, что любовь к Всевышнему заключается не только в желании быть благословленным Всевышним, но подобно тому, как человек стремится разнообразить желание своего ребенка, чтобы тот наслаждался его исполнением, так и в любви к Всевышнему, и в этом заключается практика добавления «мирского к священному».

Я сказал Мендлу Хену, что, по моему мнению, это верные и глубокие мысли, и они излагаются также в «Месилат йешарим»; и, как мне кажется, в своей основе они изложены уже у р. Йехуды Галеви{387} в книге «Кузари». Однако разве не маскилим отстаивают основу этой идеи, что вся религия, вера и заповеди основаны на желании человека, и отрицают Божественное откровение и то, что Тора была дана свыше? А один из них уже сказал: «Человек – это то, что Всевышний создал по своему образу и подобию» (это я знал из книги Мензиса «История вер и религий» в переводе Яакова Френкеля; в свое время книга эта произвела на меня большое впечатление). Мендл Хен посмотрел на меня грозно и сказал: «По этому поводу уже высказались мудрецы Мишны: „Ибо прямы пути Всевышнего: благочестивые пройдут по ним, а злодеи оступятся“». И вновь посмотрел на меня сурово.

После праздника я был приглашен к р. Йосефу-Ицхаку{388}, сыну ребе и начальнику йешивы «Томхей тмимим»{389}, которую основал ребе. Р. Йосеф-Ицхак произвел на меня тягостное впечатление: мне показалось, что он нарочно ведет себя со мной «с подозрением», но без всякого «почтения». Меня неприятно удивил его прием: он даже не предложил мне сесть, в то время как сам сидел. До этого я уже общался с почтенными и великими раввинами: с р. Шимоном и р. Йосефом-Лейбом, с р. Элиэзером Гордоном и р. Хаимом-Озером, с р. Йосефом-Захарией из Шауляя и р. Меиром-Михлом и еще со многими – и почти все предлагали мне сесть. Конечно, можно сказать, что это хасидский обычай поведения в присутствии ребе, но ведь он еще не ребе… Ведь он еще, думал я, проходит испытания, чтобы стать цадиком… И во-вторых, в праздники я уже приходил в йешиву и видел, как богатые и знатные люди разговаривали с ребе и его сыном, я видел, что им здесь умеют выказывать почтение, и немалое… Его манера разговора была не менее оскорбительной. На первый взгляд вроде бы все было в порядке: да, мой дядя р. Элиэзер-Моше написал ему обо мне, и он даже готов порекомендовать меня в ученики йешивы «Томхей тмимим», хотя он и знает, что приехал я только на месяц. Когда я сказал, что заинтересован в том, чтобы изучать хасидизм, и особенно заинтересован изучать Иерусалимский Талмуд, он заметил мне: «Будешь изучать то, что надо изучать, и то, что все изучают. И нечего „воображать из себя“». Говорил он требовательно и нетерпеливо. Когда я сказал, что и в Тельши, и в Ковне мне разрешали учиться своим способом, а Иерусалимский Талмуд я намерен лишь просматривать и сравнивать его с Вавилонским и совершенно не хочу игнорировать предметы, обязательные для всех учеников, на

него это не произвело никакого впечатления. И даже когда я ему показал письмо-посвящение раввина из Ольшан, где тот писал о моих особенных познаниях и моей системе обучения, в которой я немало преуспел, он сказал, что, как ему кажется из письма, раввин этот весьма благочестив и богобоязнен. Однако это не основание для него, чтобы изменить свое мнение; конечно, он не против того, чтобы я занимался Иерусалимским Талмудом, однако мне нужно будет очень сильно изменить свои привычки и способы обучения и не полагаться чересчур на то, что я «так всегда делал». Я был поражен. Тем не менее сказал ему, что остаюсь у них. После этого он посоветовал мне учиться вместе с р. Михаэлем из Невеля: «От него ты сможешь узнать многое о хасидизме как с законодательной, так и с практической стороны». В конце он разговаривал уже почти по-дружески. Почти.

Ровно пять месяцев я прожил в Любавичах и старательно изучал хасидизм. В первую очередь, я с большим вниманием слушал изречения ребе. Они интересовали меня, потому что с их помощью я пытался нарисовать для себя образ цадика, а также пытался уяснить, в чем состоит сущность его влияния. Я размышлял над его словами, пытаясь постигнуть то новое, личное, что в них содержится. Об этом я беседовал с р. Михаэлем из Невеля, который уделял мне много внимания и действительно стал для меня учителем и наставником в хасидизме. У него было слабое зрение, глаза его слезились, седая, пожелтевшая от табака борода никогда, подозреваю, не знала расчески, черты лица резко очерчены, голова неизменно склонена набок. Я с ним подружился. Он и Михаэль Дворкин стали для меня очень близкими людьми. Он тоже вначале был копысским хасидом{390} и лишь недавно стал ездить к Любавичскому ребе. О степени нашей дружбы можно судить по тому, что я сейчас расскажу.

19 кислева в зале йешивы при дворе ребе происходили «празднества и гуляния», с песнями, плясками и выпивкой. В центре внимания – парень по имени Нета. У него приятный красивый голос, и каждую субботу между дневной и вечерней молитвами он руководил пением в бейт-мидраше. Я обычно сидел в уголке и слушал, слушал… Р. Михаэль высматривал меня, садился рядом, молча и с наслаждением слушал, а потом быстро-быстро читал молитвы. И сейчас я сидел в отдалении на одной из скамеек и слушал, как поют и восхваляют Всевышнего. И вот р. Михаэль уселся рядом со мной, похлопал меня по плечу и сказал шепотом: «Я знаю, о чем ты сейчас размышляешь! Я знаю, о чем ты сейчас думаешь! Ты сидишь и размышляешь о личных качествах ребе! 19 кислева ты сидишь и разбираешь личные качества ребе! А теперь скажи мне, как он может быть ребе, если

19 кислева ты сидишь и сомневаешься в нем! Разве не сказано: «И сделай себе раввина» – как он может быть раввином, если ты не принимаешь его, не "делаешь" его?! А?! Да у тебя нет сил, чтобы сделать это! А вот я тебе расскажу, как я в первый раз поехал к Цемах Цедеку. Это было перед Песахом в 5625 (1865) году; лед уже начал ломаться, и нельзя было ехать на санях по Днепру, а я знал, что мне нужно обязательно поехать к ребе! Кто знает, вдруг он болен? И я пошел пешком через Днепр – лед сломался раз, сломался два и в третий раз! И все три раза я проваливался в воду! Но все-таки пришел! Когда к ребе приезжают вот так – это совсем другой ребе! "И сделай себе ребе!" Эх, жаль, что ты поздно родился… В мое время ты бы мог стать хорошим хасидом! Очень хорошим!»

Через некоторое время после 19 кислева я долго беседовал с р. Михаэлем о ребе. Разговаривали мы с глазу на глаз, главным образом намеками. На первый взгляд темой беседы были качества цадика вообще. Но мы знали, о ком и о чем мы говорим. Я высказал мнение, что основные качества цадика таковы: вера, надежность и честность. Прежде всего, «цадик да пребудет в вере своей» – жизненная сила каждого цадика в его вере, вере в себя и в свою миссию. Она выражается в жизненности, присущей его голосу. В стиле его речи – в необыкновенности произносимых им слов. Ребе приготавливает себя, свое сердце и свою душу к вере и в процессе этих приготовлений «очищает» сосуды, приготавливая свое сердце к тому, чтобы видеть в каждой вещи проявление Божественного проведения. Сила его веры служит фундаментом его надежности вообще и в частности – его надежности как лидера своего поколения. Тот напев, которым цадик проповедует хасидское учение, – это особый напев, это не напев Торы, не напев молитвы, а тот напев, в котором слышится голос «правителя, который приказывает». Его голос все более усиливается. Источник нутряной силы его голоса – во внутренней убежденности, что его слова – это слова живого Бога. А если Всевышний, да будет он благословен, осветил глаза его Торой, то речь идет об откровении, и не только для него самого, но и для всего поколения. Мир нуждается в нем, не может без него существовать, и отсюда голос, который звучит изнутри него: вера, надежность и честность. Чист ты будешь с Господом твоим! Ребе не придает значение изучению хасидизма, а тем более знанию хасидизма! Главное, чтобы хасидизм служил источником душевных сил человека, его еврейской души! Главное, чтобы в учебе присутствовало то, что сделает тебя другим человеком! И каждое ударение, каждое повышение голоса в речи ребе и каждое его понижение нацелены именно на это действие. Слова ребе

должны быть «обращением ко всему поколению».

Р. Михаэль внимательно слушал, а потом улыбнулся и сказал: «Твой цадик – это польский ребе! Ах ты, брацлавский последыш… Тебе нужно изучать хасидизм, чтобы понять его! Велико Учение, которое заставляет работать над собой!» Он моргнул и громко засмеялся, а потом продолжил: «Ты знаешь, самое опасное то, что в твоих словах есть доля правды. Ты кое-что уловил. Но лишь кое-что. Ну, какое же свойство из трех самое существенное для ребе?» – «Честность! Честность человека, когда он погружается весь, с головой, в процесс служения!» – «Ну что ж, в сущности это так и есть!» Этот разговор укрепил нашу дружбу с р. Михаэлем.

Среди студентов йешивы очень выделялся один юноша, с весьма приятной внешностью и манерами; учился он очень усердно и с воодушевлением. В каждом звуке его искреннего смеха слышалась доброта душевная чистота. Я испытывал к нему большую симпатию и обратил на него внимание Михаэля Дворкина. Дворкин был поражен: «А ведь это смех большого праведника!» Юношу звали Шмуэль Бренер. Я спросил у него, имеет ли он какое-то отношение к писателю Йосефу-Хаиму Бренеру{391}. Он сказал: «Это мой брат! А ты его знаешь?» – «Нет, я читал сборник его рассказов «Юдоль скорби», он великий писатель». – «Он еретик! Не говори мне больше о нем!» Я очень сдружился с Шмуэлем Бренером – он время от времени «проверял» мою эрудицию, интересовался Иерусалимским Талмудом, который я изучал (вопреки желанию р. Йосефа-Ицхака), занимаясь сопоставлением Вавилонского Талмуда и Иерусалимского. Однажды Шмуэль Бренер заболел. Утром в середине молитвы мы увидели, что он весь дрожит. Я позвал Михаэля Дворкина. Выяснилось, что Бренер заболел тифом, причем очень серьезно. Михаэль Дворкин на свои деньги снял для больного отдельную комнату, ухаживал за ним в течение двух месяцев и спас ему жизнь. Он как-то сказал мне: «Возможно, это была одна из моих миссий в Любавичах». Затем заболел молодой Монесзон из Петербурга. Семья раввина оказывала давление на Дворкина с тем, чтобы тот и его выхаживал. Все то время, пока болел Бренер, Михаэль категорически отклонял это требование и даже возмущался им. Однако когда Бренер выздоровел, он все же уступил и против своего желания стал ухаживать за Монесзоном; лишь со мной он делился своей горечью и обидой. «Я взял это на себя, – сказал он, – потому что это тоже относится к тому, чтобы «сделать себе раввина», это непросто…»

Я обратил внимание еще на одного юношу, который очень отличался от остальных: он одевался иначе, чем остальные, и более походил на тельшайца; на вид ему было лет двадцать,

борода только намечалась, лицо худое, быстрые движения, почти ни с кем не разговаривал и большую часть времени ходил по залу невдалеке от своего стола. Его звали Исраэль из Полоцка. Со временем мы с ним сблизились. Его фамилия была Берлин{392} (впоследствии он стал известен как один из редакторов русско-еврейской энциклопедии{393}; кроме того, он выпустил книгу на русском языке «Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства», вышедшую во втором томе книжной серии «История евреев в России» в издательстве «Мир»{394}). Его родственник Исайя Берлин{395} из Риги, миллионер и приверженец хасидизма, выделил некоторую сумму денег на его обучение с тем условием, что вначале он будет учиться именно в Любавичах. Исраэль Берлин очень не любил Любавичи. О сионизме он не имел никакого представления. Он ввел меня в курс закулисных любавичских дел. Познакомил меня с Ланде, евреем лет сорока, облик которого – высокий лоб, заинтересованное лицо, сосредоточенный взгляд, нервные движения и неизменное молчание, – пробудил во мне любопытство с первого дня его пребывания в Любавичах. Исраэль рассказал мне, что Ланде – секретарь Шмуэля Гурарье из Кременчуга, одного из самых влиятельных людей в Любавичах, богача и большого начальника, который частично финансировал строительство железной дороги в России. Этот Ланде знал слишком много как о делах Гурарье, так и о его отношениях с чиновниками из Министерства путей сообщения; эти отношения далеко не всегда приносили пользу государству. И вот Гурарье решил его уволить, однако тот пригрозил, что передаст куда следует бумаги и свидетельства, которые не только могут подорвать положение Гурарье в глазах правительства, но и довести его до скамьи подсудимых. Ланде был готов передать Гурарье эти бумаги, однако требовал за это солидную компенсацию (примерно двадцать пять тысяч рублей). И вот они, будучи любавичскими хасидами, согласились, что ребе – единственный, кто может их рассудить. Ему-то и передал Ланде бумаги. Однако сторонам не удалось прийти к соглашению, и ребе не согласился вернуть Ланде бумаги, потому что с их помощью можно предать еврея гойскому суду, что запрещено по закону. Ланде утверждал, что эта история была заранее известна ребе, поэтому он не должен был давать обещание вернуть бумаги, и тогда бы они не попали к нему в руки. В один из вечеров мы встретились «случайно»: Исраэль Берлин, Ланде и я. Ланде рассказал суть дела. Одними намеками. Как галахическую проблему. И он хотел бы выслушать мое мнение по такому вопросу, потому что ему сказали, что я дипломированный раввин

и очень хорошо знаю «Хошен мишпат» и большой знаток ранних законоучителей. И он хотел бы рассказать мне одно дело и выслушать, что я скажу по поводу его законодательной стороны: не обсуждается ли нечто подобное в вопросах и ответах ранних законоучителей. И рассказал мне, не упоминая имен, все до мельчайших деталей. Я остановил его и заметил, что раввинские респонсы здесь ни при чем, а подробное обсуждение похожего вопроса имеется у Рамбама в «Законах о нанесении вреда и ущерба», глава 8, законы 9-10, где говорится: «Если человек говорит: вот, я предаю такого-то и такого-то, его самого и его имущество, пусть даже небольшое имущество, – тем самым он как бы обрекает себя на смерть; тогда его предупреждают и говорят: не предавай! Если же и после этого дерзко заявляет: нет, я все-таки предам его, тогда убить этого человека – заповедь, и всякий, кто убьет его заблаговременно, – чист!» – «Я вижу, что ты действительно, как и говорили, знаешь Рамбама; однако ты не знаешь «Шулхан аруха», написанного Старым ребе. А я и в нем сведущ. Загляни-ка в «Законы о материальном ущербе», параграф 7, и там ты найдешь, что ребе постановил: «Если от человека нет возможности спастись, кроме как предать его суду, – заповедь для всякого человека передать его в нееврейские судебные учреждения, чтобы забрали у него имущество». И я знаю, что у ранних законоучителей есть постановления по подобным вопросам, и именно об этом я у тебя и спросил. И не горячись так…» И засмеялся. Я понял. Вся эта беседа была устроена для того, чтобы все узнали, что он действует согласно «Шулхан аруху», который написал ребе. И однако же, между прочим, он процитировал его не совсем верно. Все это не особенно мне понравилось. Почти никто не разговаривал с Ланде. Я не видел, чтобы с кем-нибудь дружил и Исраэль Берлин. Они оба были практически «за пределами нашего лагеря» и вдруг – надо же! – решили побеседовать со мной. От последующих встреч с ними я уклонялся и фактически перестал с ними общаться, хотя все это очень меня интересовало.

Через еще одного ученика, очень одаренного музыканта, который собирался вот-вот покинуть Любавичи, я познакомился с учителем русского языка из местного еврейского народного училища. Его звали Вайнштейн, он закончил Учительский институт в Вильно{396}. Мои описания и рассказы послужили ему материалом для писем в «Хронику «Восхода»{397}, которые он печатал под псевдонимом Хасид. Эти письма не понравились мне, и я перестал давать ему «материал», да и вообще разговаривать с ним.

Я чувствовал – и то же самое чувствовали мои приятели и

предостерегали меня, – что грядет открытая стычка между мной и р. Йосефом-Ицхаком вместе со всей «верхушкой» «двора ребе». Я понимал: им известно, что я «связан» со всеми оппозиционными элементами. Я знал, что это совершенно невозможная ситуация: я живу здесь уже четвертый месяц и все так же дерзко и открыто заявляю о своей приверженности сионизму, к тому же не согласовал свой порядок обучения с р. Йосефом-Ицхаком и вообще веду себя крайне своевольно. И вскоре мне было дано четкое предупреждение.

В йешиве была «бесплатная столовая», все ученики и раввины, в том числе и я, получали там обед. И как-то, после Хануки, кажется, я позволил себе пошутить по поводу «проделок ангела, назначенного распоряжаться пропитанием, который «путает продукты»: хлеб, который он дает, не пропечен, а картошка, наоборот, подгоревшая, мясо можно описать как «мясо, сокрытое от взора» или представляющее собой «переходную стадию от «есть» к «нет»», или что-то еще в этом же роде. Вообще-то, в этой шутке не было ничего особенного. Это произошло за столом во время разговора, и многих эта шутка позабавила. Однако я заметил, что лишь некоторые из йешиботников засмеялись, а большинство рассердилось. И действительно, через несколько минут меня срочно позвали к р. Йосефу-Ицхаку. Он стоял разгневанный, направив на меня сердитый взгляд, и даже не ответил на мое приветствие: «Мы обращались с тобой снисходительно, а ты принес сюда бунтарский дух из литовских йешив: из Тельши, Ковны, Вильно». И он предупреждает меня сразу, что здесь такое не пройдет. Этого не станут терпеть! И чтобы я знал это! Я не ответил. Мое молчание его рассердило. Он был уверен, что я стану оправдываться. Я ответил, что хотел оправдаться по поводу неудачной шутки, которую сказал без злого умысла, однако я вижу, что приглашен сюда для того, чтобы слушать, а не для того, чтобы говорить, потому что в противном случае он бы сперва меня спросил, а после говорил бы уже сам, – я же все выслушал и принял к сведению. Он долго и мрачно смотрел на меня, а потом сказал: «Итак, ты все услышал! Мы не привыкли вообще говорить такие вещи. Тому, кто в этом нуждается, это не принесет никакой пользы». И подал знак, что я могу идти. Я ушел.

Даже р. Михаэль Невельский сделал мне строгий выговор за эту насмешку. «Разве ты не знаешь, как говорил брацлавский ребе: у того, кто насмехается, уменьшается количество пищи. Ведь ты заглядывал в его высказывания!» «Нет, – ответил я, – но думал, что тому, у кого уменьшается количество пищи, можно смеяться…» Этот ответ его не успокоил. Он посмотрел на меня и

сказал: «Остерегись, остерегись, не будь гордецом!»

Изучение хасидизма шло у меня хорошо. Я установил определенные часы для изучения хасидизма с р. Михаэлем. Слушал лекции р. Шмуэля-Гронема и, совсем немного, р. Шмуэля-Бецалеля. Изучение хасидизма требовало большого усердия и давалось очень нелегко. Я изучил не только большинство книг, написанных Старым ребе, – «Тания», «Ликутей Тора» и «Тора ор», но и «Биурей Зохар», книгу, написанную ребе, и некоторые из «Мицвот», написанных Цемах Цедеком, а р. Михаэль «наставлял» меня в устных традициях и в каждом разговоре со мной демонстрировал великодушие праведника.

Тем временем я завязал контакт с Йосефом Эпштейном, который учился в Харьковском университете. Его адрес прислал мне брат. Я описал ему свои успехи и написал, что принял твердое решение изучать светские науки, подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости, а потом поступить в университет. Я планирую изучать востоковедение и историю, потому что хочу посвятить себя преподаванию в еврейских средних школах и изучению истории Израиля. Лишь первого адара я получил ответ (на русском языке) от Йосефа Эпштейна. В этом длинном письме он заверил меня от своего имени и от имени своих товарищей (среди которых был Арье Бегам{398}, впоследствии ставший руководителем Института Пастера в Иерусалиме), что они позаботятся о том, чтобы устроить меня в Харькове. Мне лишь нужно сообщить им, когда я приеду.

Я распустил слух, что получил письмо из дома и срочно должен ехать. Решил выяснить, есть ли надежда получить деньги на дорогу: у меня в кармане был только рубль, который я получил за полмесяца преподавания (по рекомендации р. Йосефа-Ицхака я учил Талмуду племянника Шмуэля Гурарье, и «доходы» от уроков – полтора рубля в месяц – составляли весь мой заработок). Я чувствовал, что моему отъезду будут препятствовать изо всех сил. Я попросил аудиенции у ребе, подчеркнув, что дело очень срочное. Ребе принял меня. Я передал ему короткое письмо с просьбой разрешить мне поехать домой: я не видел маму и папу уже больше двух лет, и мне очень нужно с ними повидаться, поэтому я прошу дать мне на это разрешение и оказать материальную помощь. Ребе ничего не спросил. Слушал очень внимательно. Посмотрел на меня, взял полоску бумаги и написал на ней большими буквами: «Определенно – нет!» Подержал в руках эту записку, как бы взвешивая в уме, прочитал вслух написанное и отдал записку мне. Беседа кончилась. Я молча вышел из комнаты и пошел в сторону выхода из дома. За мной следом шли приятели: «Ну?» Уже на выходе я спросил: «Когда

дилижанс до Красного?» – «Так что, ребе разрешил тебе ехать?» – «Ребе сказал: "Определенно – нет"», – а я говорю: "Определенно – да!"» Я поспешил домой: у меня были все основания опасаться, что после такого дерзкого ответа мне несдобровать. Через десять секунд к дверям моей квартиры подкатила телега, в которой сидел учитель господин Вайнштейн, одетый в униформу, с форменной кокардой на фуражке; он помог мне погрузить в телегу вещи. Мы поехали в Красное. У меня не было денег на дорогу. Однако, как я уже упоминал, в первый месяц пребывания в Любавичах я встретил своих знакомых, в частности шойхета из Орши и Шмуэля, моего друга детства, сына шойхета из Гомеля. Поскольку другого выхода не было, я решил завернуть по дороге в Оршу и в Гомель и одолжить там денег на дорогу с обязательством вернуть их, как только приеду домой.

На станции Красное учитель Вайнштейн пригласил меня отобедать, чтобы таким образом отметить начало моего «дурного пути» (а также чтобы покормить меня, потому что я не ел весь день). От еды я отказался, принял лишь приглашение на чашку чая. Даже булочку не взял: хлеб язычников…

Через несколько часов я был в Орше. Поскольку, когда я доехал до Орши, у меня не осталось денег на дорожные расходы, я был вынужден сойти там и даже остаться на субботу. Конечно, я не рассказал о том, как покинул Любавичи. То дружелюбие, с которым ко мне отнесся мой бывший учитель, проникло мне в самое сердце. Он одолжил мне денег, и в воскресенье я добрался до Гомеля. Вторая одолженная мне сумма была меньше, однако и ее мне выдали без разговоров и промедления.

10 адара 5662 (1902) года я приехал домой. Дома отметили, что в этот самый день семь лет назад я вернулся из Гомеля. Еще до моего приезда родные получили срочную телеграмму из Любавичей: «Бенцион покинул Любавичи вопреки категорическому запрету ребе. Йосеф-Ицхак».

Дядя сделал несколько попыток «вернуть» меня в Любавичи. Он уговаривал меня поехать в Чернигов к раввину Давиду-Гиршу Хену. Он даже уже договорился об этом с раввином и двумя его сыновьями, Авраамом и Мендлом. Он показал мне их письма, в которых они выражали согласие, и указал при этом на большую разницу в их характерах. Я ему в ясной форме сообщил: «Я хочу изучать науки и заниматься "наукой Израиля", а прежде всего – подготовиться к экзамену на аттестат зрелости». Дядя выслушал и сказал: «Науки Израиля! Постижение этого мира! Слушай, Бен-Цион, праведником ты уже не станешь, это я точно знаю, однако я чувствую, что и злодеем ты тоже не станешь! Так что не насладиться тебе безмятежностью, присущей нечестивцам!..»

Книга вторая
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1902–1914)

Глава 15. Рубеж (Прилуки, сиван 5662 (1902) – хешван 5664 (1903) года)

После возвращения из Любавичей я три с половиной месяца прожил в родном городе. Эти месяцы стали переломными в моей жизни.

Вначале все шло спокойно: я ходил в гости к дяде, беседовал с ним о Торе и хасидизме. Мое решение поменять свою жизнь было непоколебимым, но я хотел сделать это тихо и мирно, без особого шума, без лишних споров и чтобы никто чужой в это не лез. Я подробно отчитался перед дядей о своей учебе в Любавичах и о беседах с р. Михаэлем Невельским про ребе. Дядя согласился со мной относительно честности и веры ребе в свою миссию, но осудил мою критику в адрес сына ребе, р. Йосефа-Ицхака: «Ты совсем не знаком с Йосефом-Ицхаком. Ему предстоит стать одним из великих цадиков, а ты даже не стремился добиться его расположения…» Мы много об этом спорили. Из всех наших споров мне особенно запомнился диспут об иерусалимских текстах. Дядя хотел проверить, насколько хорошо мной изучен Иерусалимский Талмуд, который я учил в Любавичах наперекор р. Йосефу-Ицхаку. Он предложил мне пойти к нему субботним утром – как много лет назад – «поучить немного вместе» Иерусалимский Талмуд и порассуждать о нем. Я сделал, как он просил. Недели через три он подарил мне «Иерусалимский» раздел «Моэд» (в житомирском издании) и написал на нем: «На память с любовью в дар внуку моей сестры, почтенному и совершенному мудрецу Бен-Циону ха-Леви Динабургу, от дяди Элиэзера-Моше Мадиевского». А устно добавил: «Написав «совершенному мудрецу», я имел в виду, что «мудрецом назовешься, а раввином не назовешься»… Это было примерно в то же время, когда меня попросили установить галаху в отношении одного разводного письма, и дядя полагал, что мне пойдет на пользу, если это событие не станет поводом для «иллюзий». В этом был также косвенный ответ на просьбу отца к дяде помочь мне утвердиться в желании стать раввином… Эта книга, подаренная мне с большой любовью, и сегодня хранится в моей библиотеке, и я очень рад, что по инициативе моего дяди было достигнуто «всеобщее соглашение» об освобождении меня от дальнейшей карьеры раввина. У меня были основания подозревать, что это решение дядя принял после того, как посоветовался с Любавичами. Поэтому я начал уделять много

времени изучению русского языка, чтению книг по-русски и общему образованию: арифметике и географии, российской и общей истории. Несколько друзей с большой тактичностью предложили мне свою помощь: нашли мне несколько учеников для занятий ивритом, принесли мне все необходимые учебники и книги для чтения, карты; время от времени приходили проведать меня, давали дельные советы, интересовались успехами и как бы невзначай помогали мне с учебой. В городе распространился слух о моем «отходе» от Торы, и мои друзья хасиды и учителя – особенно старшего поколения – тоже начали приходить ко мне. Они просили, чтобы я сказал им, действительно ли это так. Правда ли, что я перестал учить Талмуд? Они просто не могли поверить… Среди всех этих визитов мне запомнился визит р. Йоси, шойхета, который девять лет назад учил меня трактату «Макот». Когда он вошел, он сразу увидел мое «нравственное падение»: на стене – контурная карта России, а я стою возле нее и отмечаю на ней поволжские города.

– Я не понимаю, – сказал р. Йоси, – на что ты тратишь свое время? Вот я не учил географию, однако же с первого взгляда могу сказать, что это – государство, – и показал на Каспийское море, чьи берега очень красиво были нарисованы на карте. – Как это государство называется?..

Я усердно учился по намеченной себе самому программе: месяц я занимался одним предметом, месяц – другим и очень быстро продвинулся. Однако дома имелись серьезные препятствия для моих занятий. Отец, который на себя уже давно махнул рукой и никогда не жаловался на свою жизнь, никак не мог смириться с переменами в моей жизни! Только бабушка была довольна, что сбывается ее предсказание: я не буду раввином! Мама тоже достаточно спокойно восприняла мой мятеж: ведь я не иду по тому пути, который мне наметила «семья»… А отец не мирился, не хотел смириться с этим. Он продолжал уговаривать и ворчать, ворчать и уговаривать. Особенно тяжело отец переносил ту небрежность, которую я начал проявлять к заповедям: я сильно сокращал молитвы, молился в одиночестве, реже ходил в бейт-мидраш и синагогу, и он обоснованно опасался, что *минха* и *маарив* потеряли для меня былую значимость! А тфилин? Конечно, я накладываю тфилин, с этим трудно поспорить, но отцу кажется, что я делаю это только для того, чтобы не огорчать его и постепенно приучить его к новым порядкам… И так изо дня в день. Особенно сердило отца чтение русских книг в субботу. Он требовал, чтобы субботний день я посвящал Торе. И уж во всяком случае не пристало осквернять субботу чтением русских книг в его доме. Я понимал его чувства, но тем не менее ясно сказал:

«Это то, в чем я не намерен уступать». Каждую субботу велись долгие ожесточенные споры. Тем не менее я старался пересказывать содержание прочитанных книг, объяснять, насколько они важны и полны духовного и этического содержания. И хотя я говорил, что, по слову Старого ребе в «Шулхан арухе»{399} (галахот Шаббат, параграф 16), «в субботу следует не так напряженно учить труды мудрецов», и хотя ребе спорит с комментарием Рамбама к Мишне, согласно которому в субботу позволено изучать только «книги пророков и комментарии к ним» и «никакие другие книги, даже если это книга мудрейшего из мудрейших», мои доводы и объяснения терпели неудачу. Моя «подкованность» при обсуждении этих вопросов вызывала только злость отца. Отец даже слышать этого не хотел и не хотел прислушиваться ни к каким аргументам. Он говорил, что «даже „Книгами хроник“, где есть нормы морали и страх перед Господом, не стоит злоупотреблять», и небеса наказали его за то, что он был недостаточно требователен ко мне, когда я был маленьким, и не возражал против того, чтобы я ездил везде и набирался ума, читая «Книги хроник» и сказки. И цитируемые мною слова ребе в «Шулхан арухе» – это не что иное, как новый облик моих прежних дурных наклонностей.

Все эти трения привели к тому, что во второй половине сивана, недели через две после праздника Шавуот, я решил покинуть родной город и обосноваться в городе Прилуки – уездном городе Полтавской губернии.

Этот город в наших краях был одним из «центров» для обучающихся экстерном: там находилась государственная гимназия для мальчиков, которая снискала большую известность. В то время Прилуки населяло около 20 000 жителей, треть из которых были евреи. Там были табачные фабрики, на которых работали рабочие-евреи: многочисленные экстерны – еврейская молодежь – готовились к экзаменам в государственной гимназии и имели возможность одновременно немного подзаработать. Инициатива моего переселения в Прилуки шла, по сути, от тети Фрумы из Гадяча, женщины тонкой души и богатого жизненного опыта; три года назад она также поддержала меня в моем стремлении поехать в Вильну. Мой младший брат Нахум-Элияху работал у моего дяди служащим в магазине. Я переписывался с братом и уже в начале лета начал писать ему письма по-русски. В письмах я описывал домашнюю жизнь, в частности, свою борьбу за «нарушение субботы путем чтения русских книг», – и это описание было угрюмым и печальным. Однако семья моего дяди очень любила мой русский стиль. Они сочли, что я делаю большие успехи в русском языке и мне нужно помочь выйти из

«тюрьмы». Тетя предложила мне уехать из дому, перебравшись в Прилуки, и даже пообещала на первых порах, пока я не устроюсь, посылать мне денежную помощь. Я был ей очень благодарен. От денежной помощи я отказался, но зато тетя надавала мне советов. Итак, летом 1902 года я прибыл в Прилуки.

С собой я привез небольшую – мягко говоря – сумму денег и рекомендательные письма от моих друзей к их друзьям, юношам и девушкам. Однако за считанные дни я ясно понял, что ценность этих рекомендательных писем еще меньше, чем – в свое время – ценность рекомендательных писем к раввинам… После первой и второй встречи с ними я уничтожил оставшиеся письма. Я снял комнату у пекаря Моти (Мардехая). Длинную и узкую комнату, одна стена которой представляла собой большую печь, а единственное окно, располагавшееся напротив печи, не открывалось в принципе. Моти был из николаевских солдат-кантонистов{400}. Воздуха для дыхания в комнате не хватало, но зато был старый Моти, который заходил каждый вечер и поднимал мне настроение рассказами о своей жизни, в частности, историями про детство – как его забрали в рекруты в 8 лет, как он служил 25 лет царю Николаю I, а сейчас ему, слава богу, уже под восемьдесят, и есть сыновья, и дочки, и внуки, и внучки, и у него только одна забота: одна из дочерей не замужем, а у**ж** давно возраст вышел! Ля, как человек ученый, должен был давать ему советы… Бублики у пекаря Моти были маленькие и вдобавок горелые. На мой вопрос, почему бублики такие маленькие, он ответил: «Прилуки – большой город, надо, чтобы на всех хватило». На вопрос «а почему горелые?», он ответил еще проще: «Их ведь достают из пламени. Они ведь из печи… из огненной печи».

Однако его остроумные рассказы не могли полностью заменить мне воздух. Но нет мудрости без хитрости. Поэтому, как бы между прочим, я сломал оконные ставни и возражал против того, чтобы ставили новые. Я пообещал квартирному хозяину, что перед тем как съеду, я их починю.

Я даже пытался убедить домочадцев, что не стоит бояться воров, по двум причинам: во-первых, вору здесь просто нечего красть; а во-вторых, я ведь сплю у самого окна и сразу услышу, если кто-то попытается залезть в него. Однако мое красноречие пропало втуне, мне не удалось убедить их в справедливости моих слов. Дочь квартирного хозяина твердила, что пусть лучше жилец, который ломает ставни ради своего удобства, ищет себе другую квартиру. Вот так получилось, что дружелюбием Моти-пекаря я наслаждался только в течение трех месяцев.

Несмотря на неудобные условия проживания, в эти месяцы

мне удалось многого достичь. Я очень много и учился и читал. Самые большие успехи я делал в математике – особенно в алгебре, которую я тогда только начал учить, – и в чтении книг по литературе и истории. В Прилуках была хорошая библиотека. Среди книг, прочитанных мною в то лето, наибольшее впечатление произвела на меня книга Бокля «История цивилизации в Англии»{401} и книга Дреппера «История умственного развития Европы»{402}. Обе книги были мною прочитаны в переводе с английского на русский. В то время считалось, что у человека, читавшего эти книги, есть шанс стать образованным и «развитым». Друзья порекомендовали их мне, ничего не зная про мой специфический интерес к истории. Особенное впечатление произвела на меня книга Бокля. Мне хорошо запомнилось описание падения Испании{403}, и я негодовал на то, что автор много пишет об изгнании «мавров» (мусульман) и почти ничего не пишет об изгнании евреев. Каждая глава – и особенно первая глава, с рассуждением про историю как науку, – пробуждала во мне множество мыслей, у меня в голове уже зарождались планы исторических работ, исследований и очерков. Впечатление от второй книги было менее сильным, хотя меня удивила широта охвата и эрудиция автора в различных областях науки.

Я приобрел себе друзей как среди экстернов, так и среди еврейской части учеников прилукской мужской гимназии. И эти друзья – кое с кем из них мы ходили на одни и те же занятия – немало помогли мне продвинуться в учебе. Всех экстернов можно было разделить на три типа: дети домовладельцев, радикалы и ученики йешив. Из учеников первого типа я близко сошелся с двумя примерно моего возраста, Хаймовичем и Гогилем из Гадяча, с которыми я еще раньше был немного знаком. Они ежемесячно получали из дома деньги на карманные расходы и на оплату учителей. В первой половине дня они сидели дома и вместе готовили уроки. Они ежедневно занимались дополнительно по нескольким предметам и ежегодно сдавали экзамены, чтобы получить ведомость с экзаменационными оценками за четвертый, пятый и шестой классы гимназии. Они читали книги по учебной программе и были учениками-экстернами в самом прямом смысле слова. Но были среди экстернов и «учителя», поднаторевшие в подготовке других учеников к экзаменам, – это были, как правило, экстерны, получившие аттестат зрелости, но еще не поступившие в университет; они жили в ожидании поступления и тем временем занимались преподаванием. Я сдружился с двумя такими юношами, которые к тому же преподавали мне математику,

русский и латынь. Был еще один типаж экстернов – радикалы, чья готовность к экзаменам была близка к нулю, что, однако, совершенно их не волновало. Важнее всего для них была политическая и общественная деятельность. Кроме того, были экстерны – ученики йешив, которые хоть и перестали изучать Тору и начали получать общее образование, но по мировоззрению и отношению к жизни навсегда оставались йешиботниками. Среди представителей двух последних типов мне особенно запомнились двое юношей. Один – по фамилии Миркин, из Бобруйска. Он, кажется, стоял во главе городской бундовской ячейки. Высокого роста, в очках, скрытный и загадочный – смотрит на тебя, но практически не видит, – он старался лишний раз не спорить со мной и снабжал меня нелегальной литературой. От него я получал «Ди Арбайтер штиме»{404} – печатное издание Бунда – и постоянно читал его. Особенное впечатление на меня тогда произвели споры между Бундом и ППС (Польской социалистической партией){405}. Меня поразила острота полемики, она задела какие-то еврейские струны в моем сердце. Ну и кроме того, Миркин постоянно давал мне необходимые учебники и книги для чтения, делая это очень тактично, как бы между прочим.

Второй друг – ему было примерно 28–30 лет, и его называли «галутный ученый» или «вечный студент». Его внешность и характер напоминали мне Шмуэля из Млат, который был в Тельши. Этакий юный талмудист. Он готовился к экзамену на аттестат зрелости, и самым ненавистным для него предметом была русская литература. Он тоже – в точности, как мой отец, – удивлялся и недоумевал, откуда у меня такой интерес к русской литературе. Он говорил, что мало кто из отрекающихся от веры столь же презрен, как тот, кто, познав Тору и науки Израиля, вместо того, чтоб углубиться в изучение книг Рамбама и рабби Йехуды Галеви, вместо того, чтоб учить наизусть строки «Ты ждешь ли еще, Сион?», начинает зубрить русских поэтов XVIII и начала XIX века, пытаясь найти у них мысли и идеи, которых там нет и в помине, и вести порочные проповеди об их красоте, которая и не красота вовсе, а уродство из уродств.

Этот юноша был для меня живым воплощением героя книги Менделе Мойхер-Сфорима «Кляча», Исролика Сумасшедшего, который сошел с ума, изучая древнерусскую словесность.

Первые четыре месяца мне удавалось зарабатывать с большим трудом, и в конце концов друзья нашли мне «кондицию» (т. е. место для преподавания) в деревне, в маленьком еврейском поселении, и я надеялся, что в часы досуга смогу продолжить мои занятия и за зиму сумею скопить немного денег на лето. После

праздников я поехал в деревню Рудовка, которая была в 12–15 верстах от города. Деревня и окрестные земли принадлежали семье графа Ламздорфа{406}, который был в то время министром иностранных дел России. Арендатором деревни был богатый еврей (Немковский, кажется), на которого работало еще несколько еврейских семей. Бухгалтер арендатора и был тем самым человеком, который пригласил меня туда. Говоря точнее, его жена приехала в Прилуки искать учителя – в городе существовала «биржа труда» для репетиторов, я был туда записан в определенной категории, и она пригласила меня на довольно хороших условиях: жилье, питание и жалованье в 90 рублей за 6 месяцев; отдельная комната для занятий и число учеников – от 8 до 10. Когда же я приехал к ним, то оказалось, что условия несколько отличаются от предложенных. Обещанная мне комната совмещала сразу три функции: кухни, комнаты для занятий с учениками и моей спальни. Число учеников оказалось чуть ли не вдвое большим: 14 против обещанных 8. Вместо 90 рублей за полгода выяснилось, что мне собираются заплатить только 78… и уже через месяц у меня закрались большие сомнения в том, что мне вообще заплатят обещанное. У квартирного хозяина была взрослая дочь – даже очень взрослая, как мне тогда представлялось, – высокая и красивая девушка, скромная и молчаливая, которой хронически не везло, и она доставляла много волнений матери и огорчений отцу; и двое сыновей, которые то и дело дрались, и из-за тесноты в квартире оба спали… на печи.

Квартирный хозяин выглядел так – невысокий еврей, подвижный, с широким лицом, рыжеватой бородой, посеревшей от старости, и маленькими сердитыми глазами. У него были три черты характера, каждая из которых не прибавляла мне душевного равновесия: он всегда был чем-то огорчен, был груб, а также совершенно не выносил моего смеха и веселья. Всю зиму он твердил мне: разве может молодой человек позволить себе так смеяться, когда в мире столько скорби и печали? Мой смех ему не нравился также и с эстетической точки зрения. Один раз он даже позволил себе изобразить мой смех, чтобы показать мне, как неприятно он звучит. Он сделал это во время обеда. После обеда я сообщил квартирному хозяину, что назавтра я намерен покинуть деревню, что не хочу оставаться в его доме ни минуты, и все расчеты с ним произведет мой друг, учитель в доме арендатора. Квартирный хозяин был ошарашен. Он сказал, что у него были самые лучшие намерения: я «еще ребенок», и он заботится о моей воспитанности, чтобы я не выглядел некультурным в глазах окружающих. Если мне это не нравится,

он обещает, что с настоящей минуты не будет мне возражать.

Квартирная хозяйка, женщина лет 50, высокого роста, молчаливая и миловидная, весь день после полудня стояла у печи и напевала русскую песню:

Ах, разлука, моя разлука, Чужая сторона…[6]

Ее печальное монотонное пение было похоже на тихую жалостливую песню сверчка.

В подобных условиях я приобретал свой первый педагогический опыт. У меня было 14 разновозрастных учеников. Старший сын квартирного хозяина и еще один ученик готовились к бар-мицве – и я должен был преподавать им законы тфилин. Еще двум ученицам было по 14–15 лет, и одна из них была необыкновенна красива. Младшему сыну квартирного хозяина и еще троим ученикам было по 9 лет. И еще двое, помладше, обучались первый год. Я должен был преподавать ученикам иврит, устный и письменный, Пятикнижие и Раши, ранних и поздних пророков, русский язык, арифметику и немного географию и «Книгу хроник»; «для Бога и для людей» – так выразилась квартирная хозяйка, когда приглашала меня. По уровню своих знаний ученики тоже сильно различались. Не только ивритом и Танахом, но даже русским языком, на котором все жители деревни неплохо говорили, ученики владели в различной мере. Красивая ученица – ее звали Лея – хорошо говорила по-русски и неплохо читала; значительная часть учеников говорила почти по-украински, а русский литературный язык знала и понимала очень слабо. Стоявшая передо мной задача была сложна еще и вот почему: до меня у них был очень сильный учитель, Шмуэль Паперна (не то из Бобруйска, не то из какого-то местечка под Бобруйском); он был опытный преподаватель, а кроме того, был гораздо основательнее, чем я, подкован в русском языке и общих дисциплинах; у него была очень приятная внешность и манеры – веселый и энергичный, с огоньком (я с ним потом встречался раз или два на собраниях Сионистской социалистической партии (ССРП)), он умел покорять сердца учениц, и та красивая ученица Лея, привлекшая мое внимание на первом же уроке, удостаивалась его особого внимания, в том числе и благодаря ее способностям и знаниям. Однако несмотря на то, что моя веселость так сильно угнетала квартирного хозяина, ученикам я казался печальным, скучным, стыдливым и нерешительным, – в результате мои отношения с учениками стали довольно прохладными. А домохозяин спешил «вернуть» мне душевное спокойствие, обращая мое внимание на

производимое мною впечатление. Однако вскорости благодаря двум дисциплинам ко мне вернулось доверие учеников и мой авторитет вырос в их глазах. Я имею в виду Танах и чистописание. Преподавая Танах, я делил главу на кусочки, пересказывал ее краткое содержание, читал главу или отрывок из главы, затем ученики читали ее и изучали комментарии Раши и «Мецудот». Эти уроки я проводил с большим воодушевлением и волнением в сердце, которое передавалось и ученикам. И мой коллега, который был учителем в доме арендатора и присутствовал на уроках Танаха (так как слышал о них много хорошего), предсказал мне большой успех в сфере преподавания. Он сказал: «У тебя очень убедительный голос». Я помню, что когда преподавал книгу Шмуэль II[{407}] в одном из классов моей «школы» и пересказывал ученикам плач Давида о смерти Шауля и Йонатана, плакали почти все ученики. Тот урок совершенно покорил их сердца.

В преподавании чистописания мне тоже удалось достичь успеха. Обыкновенно я – как раньше мои учителя – писал от руки первую строчку вверху тетрадного листа, а ученики должны были многократно переписывать ее ниже. В какой-то момент я сказал ученикам, что каждому напишу в тетрадь какой-нибудь рассказ, причем каждая строка рассказа будет записана как верхняя строчка на отдельном листе тетради. Текст рассказа будет продолжаться на верхней строке каждого последующего листа. Все рассказы относились к историям библейского периода – от истории про «Авимелеха и Гаала» и до рассказа про «Баруха бен Нерию при дворе царя Йехоякима[{408}]». Эти рассказы обладали еще меньшей ценностью, чем мои стихи, но зато детям было интересно, и мой авторитет стал расти. Проблема авторитета стояла для меня очень остро, она появилась еще в самые первые дни, когда мой престиж преподавателя русского языка был подорван красавицей Леей. Лея задавала мне много вопросов. Время от времени она отыскивала трудные слова латинского происхождения, прочитать которые она затруднялась, и обращалась ко мне с просьбой объяснить эти слова. И просила не только объяснить смысл слова, но и показать правильное написание, привести примеры словоупотребления и указать корень слова. Сначала я честно пытался отвечать. Но затем мне пришлось взять на вооружение ответ: «я не знаю»; разумеется, в том случае, если я действительно не знал. Впрочем, надо признать, что такие случаи были нередки. Однако могу с удовлетворением отметить, что как раз подобный ответ практически не снижал моего авторитета; многие считали, что я таким образом осекаю надоедливую ученицу. Но затем я

объяснил им, зачем нужен словарь и как им пользоваться, что такое языковая точность, почему составителем словаря должен быть специалист; и предложил приобрести на всех один большой словарь, и тогда мы будем знать слова. Мое предложение оказалось весьма кстати, и мы вскоре приобрели недавно вышедший орфографический и этимологический словарь русского языка под редакцией Чуднова и классную доску, куда можно было выписывать слова. Но прежде чем я до этого додумался, прошло 10 недель, которые были очень непростыми.

Книг в деревне почти не было, особенно еврейских книг. В большой комнате, которая служила одновременно столовой, гостиной и спальней, стояла этажерка, накрытая скатертью. Только через два месяца меня осенило, что на полках этой этажерки множество книг: карманный Танах с комментариями Раши, «Мецудат Давид» и «Мецудат Цион»; молитвенник в русском переводе (Лифшица, если мне не изменяет память), два сидура, *Слихот*{409}, «Пиркей Авот»{410}; огромный фолиант под названием «Все сочинения Пушкина в одном томе», русский исторический роман из времен Петра Великого, томик рассказов русского писателя 70-х Засодимского{411}… А кроме того, «История евреев» Греца в трех частях, в переводе на идиш. За зиму я успел прочитать все эти книги, и не по одному разу. Квартирный хозяин даже поинтересовался, какая книга мне дороже, Танах или Пушкин? Ибо если подсчитать, сколько времени я трачу на каждую из этих книг, то получается, что Пушкина я уважаю примерно раза в два больше, чем Танах. В итоге я убедил его, что «Гешихте» на «мамэ лошн» стоит их обоих вместе взятых. И его так это обрадовало, что он тут же растрезвонил об этом по всей деревне… Однако квартирный хозяин недолюбливал Засодимского, из книги которого я узнавал многое про жизнь трудового класса в России и про народничество в русской литературе 1870-х годов. Спустя два месяца я обнаружил еще один «источник» книг и смог немного утолить свой книжный голод. У арендатора был учитель – маскил и экстерн, который готовился к экзамену на аттестат и очень опасался экзамена по греческому; время от времени он просил у меня разные книги для чтения и для учебы. Иногда он ездил в город и привозил мне оттуда книги. Учебники я покупал себе на последние гроши. Из книг, которые произвели на меня наибольшее впечатление той зимой, я помню работу русского историка Костомарова{412} «Исторические монографии» в нескольких томах и книгу французского историка Сеньобоса «История XIX века»{413}, которая как раз тогда вышла в русском переводе. Изучая русскую литературу той зимой, я прочел

русскую критику и хорошо помню, как тяжело мне было читать статьи Белинского, выдающегося русского критика, на статьях которого основывалось изучение литературы во всех российских гимназиях. Меня утомляли крайне затянутые разъяснения очень простых вещей. Я был убежден в том, что растолковывать тексты поэтов и писателей – лишний труд, а ироничные замечания автора о крепостном праве были слабоваты. Той зимой, под влиянием прочитанных трудов авторов-историков, в частности Греца («История евреев» в переводе на идиш) и украинца-антисемита Костомарова, я составил план своего будущего сочинения «Очерки и картины» – в нем должна была быть описана история Израиля во все исторические периоды и отображены важнейшие исторические события. Моя брошюра «На пороге Средневековья», описывающая закат еврейской культуры в Палестине и начало средневековых еврейских гонений, изданная на языке идиш в Берлине в 1922 году, является, по сути, одним из воплощений того самого плана. Я работал над книгой в несколько приемов, написал несколько глав и в 1916 году принес в петроградское отделение Общества по распространению просвещения между евреями подробный план моей книги, а в качестве образца приложил главу «На пороге Средневековья». План был принят комитетом общества, но тут случилась революция, и все проекты рухнули.

Перед Песахом я вернулся в Прилуки. Опасения насчет денег, которые мне должны были заплатить в Рудовке, полностью сбылись. После долгой торговли мне согласились заплатить 58 рублей. Мне удалось на этом настоять, так как я утверждал, что поскольку количество учеников было увеличено на 75 %, то я должен получить по меньшей мере 75 % от всей суммы. Оставшуюся сумму – 20 рублей – мне «пообещали» заплатить как-нибудь потом…

Через несколько дней со мной встретился господин Х.-З. Урицкин{414}: он открыл в городе реформированный хедер{415} и предложил мне работать в его школе. Мне дали вести Танах и иврит в одном из классов. Условия, на которые я согласился, были не лучше, чем в деревне Рудовка, а возможно, даже еще хуже. Но тем не менее обстановка в реформированном хедере была очень приятной: красивый дом, комнаты – хоть и скромные, но достаточно просторные и светлые. Современная мебель, небольшое количество учеников – примерно 25 человек в трех классах. В моей памяти до сих пор живы самые лучшие впечатления от тех учеников; некоторых из них я даже помню по именам. Между нами установились дружеские отношения, и директор поражался тому авторитету, который я завоевал среди

учащихся, и тому, сколько времени я уделяю преподавательской работе в хедере. Благодаря хорошему отношению детей у меня сложилась отличная репутация среди родителей и учителей и появилось несколько учеников, которых я учил ивриту. Таким образом мне удалось несколько поправить свое материальное положение.

С начала лета я серьезно засел за книги и начал подготовку к экзаменам, которые должны были состояться в мае следующего года, хотя еще не решил, к чему готовиться: к экзамену на получение аттестата шестого класса гимназии или к экзамену на получение диплома домашнего учителя со специализацией в математике. Однако оба плана отпали: грянул кишиневский погром{416}, и в округе началась активная деятельность по организации самообороны. Завязались споры и дискуссии, и меня тоже увлекло этим потоком. Я принял участие в организации самообороны и взялся вести сионистскую агитацию среди городских рабочих.

В первый раз я услыхал о погроме в Кишиневе от моей квартирной хозяйки из деревни Рудовка. Она приехала в город, нашла мой адрес, пришла ко мне в комнату и попросила… чтобы я вернулся в деревню, и они даже готовы мне заплатить тринадцать – «… восемнадцать, ты говоришь? Пускай восемнадцать рублей!» – которые они остались мне должны, и это только за то, что я продолжу преподавать у них в деревне.

И один из ее аргументов был такой: «Сейчас все евреи должны жить в мире и помогать друг другу».

– Господин еще не слышал? Перерезали полный город евреев!

– Как это? Какой город?

– Кишинев!

– Ля и не знал!

– В газетах ничего не было, но все уже говорят!

Это было через несколько дней после Песаха. Спустя четыре дня после погрома еще не было никаких сообщений в газетах! Погром был в Кишиневе 6 апреля, а в петроградских газетах первые заметки стали появляться лишь 12–13 апреля, спустя 6 дней. Но все уже знали! Хозяйка рассказала мне о погроме утром в четверг, 10 апреля. В тот же вечер я шел по улице и случайно услыхал донесшийся с балкона обрывок разговора русских юношей и девушек:

– …а вон жид, молоденький: идет себе спокойно, поднявши голову, и даже не подозревает, что его дни сочтены!

– Здесь тоже провернем кишиневскую затею: им всем мало не покажется.

Спустя неделю слухи распространились повсеместно.

Разговоры о том, какая судьба ждет евреев, велись все чаще и все острее. На вокзале можно было увидеть богатые еврейские семьи, покидающие город… Началось брожение среди молодежи. Все чувствовали: пора готовиться! Создавались организации самообороны. Готовиться! Нам обещали, что научат стрелять, запасут оружие и обучат основам самообороны при погроме. Но это были пока еще лишь разговоры. Надо готовиться! Миркин с друзьями и еще кое-кто из сионистской молодежи вели себя скрытно и таинственно; чувствовалось, что создается что-то очень важное и серьезное. Слухи об организации мощного движения еврейской самообороны разнеслись по всему городу и активно обсуждались. Нет сомнения в том, что эти слухи оказывали сдерживающее воздействие на русских хулиганов.

Я снял комнату в доме дружелюбного еврея, часовщика, который не только чинил часы, но и торговал ими. Он был членом одной из уважаемых в городе семей, пламенным сионистом и приобщил меня к своей организации, которая носила название «Амха» и была народной в самом лучшем смысле этого слова. Комната была большая, и из окна открывался прекрасный вид в сад. Нас, жильцов, в комнате было двое. Мы познакомились друг с другом уже после того, как стали соседями. Второго жильца звали Гербер. Он работал на фабрике и был членом Бунда. Весь свой досуг хозяин дома и мой сосед посвящали спорам. А я был для них кем-то вроде судьи. Хозяину дома нравилось, что я подкован в вопросах сионизма и знаю обо всем, что происходит в палестинских поселениях и городах, а Гербер был уверен, что ни один социалист мне в подметки не годится, ведь мне хорошо знакомы все проблемы этого движения, я живо всем этим интересуюсь и даже сам Миркин так хорошо ко мне относится… Но через несколько недель Гербер сказал мне, что я очень «опасный сионист» по сравнению с остальными, и был очень разочарован тем, что нелегальная литература не смогла излечить меня от моих опасных заблуждений…

Среди моих знакомых сионистов был ученик гимназии, Виленский; его брат{417} был известный сионист, студент Киевского университета, который в течение какого-то времени примыкал к движению «Поалей Цион»{418}, а потом переметнулся к российским социал-демократам и получил известность в качестве журналиста (подписывался псевдонимом Петр Шубин). С этим Виленским, учеником гимназии, я тоже беседовал и спорил о сионизме и социализме и о социалистическом строительстве в Палестине будущего. Беседы были связаны с критикой Ахад ха-Амом книги Герцля «Альт Нойланд»{419}. Я утверждал, что Ахад ха-Ама совершенно не волновали проблемы строительства

страны, беспокоившие Герцля, и все те вопросы, на которые Герцль отвечает в своей книге «Альт Нойланд». Помнится, что как раз через несколько дней после нашего спора вышла статья Ахад ха-Ама в «ха-Шилоахе», которая называлась «Сионизм и всемирная реформа», и она, по мнению друзей, легитимизировала мою критику: эта статья являлась как бы логическим завершением наших рассуждений. Тем временем пришел срок выборов на шестой сионистский конгресс{420}. Состоялось большое собрание сионистов в Прилуках, и кандидатом на конгресс был выбран адвокат Юдин, рассказавший нам о «проблемах, стоящих перед конгрессом». Общее собрание проходило в еврейской школе для девочек. Мы – группа молодых людей, тогда еще не определявших себя как «сионисты-социалисты», хотя наши идеи были ближе всего именно к этому движению, – решили участвовать в диспутах, подготовились, выбрали меня представителем и записались на участие в дискуссии. Только началось собрание, только лектор начал говорить… как вдруг дом наполнился жандармами! Они вошли, заявили, что собрание является незаконным, и начали записывать имена участников. В те годы полицейским было еще в новинку врываться на сионистские собрания, если к тому же среди участников много домовладельцев и почтенных жителей города. Впрочем, уже приближались времена повторного распоряжения министра внутренних дел Плеве{421} о запрещении сионистской деятельности, в особенности если она сопровождается призывами к «усилению национального еврейского самосознания» и ростом «еврейской эмансипации». Но здесь полицейские проявили благосклонность. Они, по сути, разрешили людям покинуть дом и не задерживали их. Они смотрели сквозь пальцы на то, что люди выходят из комнаты, где было собрание. Я тоже вышел оттуда… Но как только я вышел из дома, мне сразу же стало ясно, что это ошибка: полицейские это делают намеренно, они хотят оставить совсем мало людей, чтобы было проще обвинить их и отдать под суд. Я тут же вернулся и записался. Офицер полиции, составлявший списки, посмотрел на меня внимательно и громко воскликнул: «Что? Динабург?! Очень известная фамилия!» Уйти нам дали. Я поторопился домой, было уже поздно. Я разбудил своего соседа, господина Гербера, рассказал ему про собрание, разогнанное полицией, и про то, как офицер полиции издал «ликующий» возглас, услыхав мою фамилию. И добавил, обращаясь к Герберу: «Динабург – фамилия, ничего не говорящая полиции. Я уверен, что офицеры полиции никогда не слышали про моих известных предков-раввинов. Не может быть и такого, чтобы я сам был «известен», так как я не участвую ни в каком

революционном движении. Значит, они не знают меня, но им известно мое имя! Поэтому я предполагаю, что они следят за тобой и думают, что ты – Динабург. Я думаю, что тебе нужно срочно покинуть комнату или по крайней мере убрать из комнаты всю нелегальщину». Гербер иронично засмеялся: «Его фамилию внесли в списки, и он уже думает, что вся царская полиция встала на уши». Я пытался убедить его снова и снова, до тех пор, пока не рассердился и не пошел спать. Через два часа пришла толпа жандармов, они произвели обыск и арестовали его. Впоследствии он немало времени провел в тюрьмах.

В те дни я познакомился со студентом-медиком из Кенигсбергского университета, уроженцем Прилук, который приехал домой на каникулы. Молодой, живой и бодрый, пламенный сионист, по имени Аарон Маршов. Он рассказал нам про организацию освободительного движения, основанную Сыркиным{422}. А также привез альманах Сыркина «Дер Хамойн»{423}. Весь тираж альманаха, отправленный в Россию, был перехвачен полицией, и тот выпуск, который он нам привез, был для нас большим сокровищем! «Дер Хамойн» произвел на меня глубокое впечатление своим содержанием и имеющейся в нем полемикой. Я проникся каждым его словом, как будто эти слова шли из моего сердца, и у меня открылись глаза. Благодаря этому небольшому альманаху во мне утвердились все чувства, мысли и представления, которые бродили во мне и не давали мне покоя еще со времен Вильны. Друзьям я изложил свое мнение о важности альманаха «Дер Хамойн», и мы даже решили создать сионистское движение в духе Сыркина. Д-ра Маршова я затем встретил спустя… пятьдесят лет! Во время выборов в кнессет второго созыва, в Реховоте. Он был председателем предвыборного собрания, на котором мне предстояло выступить с речью; и это было для меня большим переживанием – вспоминать путь, пройденный за 50 лет, от момента чтения «Дер Хамойн» и до выборов в кнессет второго созыва Государства Израиль…

Однако несмотря на то что я с головой был погружен в мир сионистско-социалистических идей, я к тому моменту еще не до конца ушел из мира раввинов. В те дни (16–19 ава 5663 (1903) года) в Кракове проходил первый международный съезд раввинов. Мне стало известно, что инициаторами и организаторами этого съезда были раввин из Прилук, р. Йехуда-Лейб Цирельсон{424}, и раввин из Полтавы, р. Элияху-Акива Рабинович{425}, редактор издания «Пелес», идеи которого шли вразрез с идеями сионизма (по слухам, р. Рабинович сотрудничал с русской тайной полицией). С ними обоими состоял в переписке Яаков Липшиц, и я тоже писал им письма во время моей «службы»

в «Черном бюро». Все это казалось мне весьма подозрительным, в особенности деятельность полтавского раввина. И вот до меня дошел слух, что организаторы съезда раввинов готовят мероприятие, в рамках которого все участники съезда должны принести присягу в том, что обвинение евреев в «использовании крови христианских младенцев ради достижения каких-то ритуальных целей – это подлая и лживая басня». Кроме того, мне по секрету рассказали, что они собираются также обнародовать декларацию протеста или даже херем{426} («бойкот») по отношению к евреям, которые «пренебрегают законом и подают руку преступникам и бунтовщикам, вопреки законам и установлениям правительства, под крылом которого мы существуем». Эти идеи показались мне довольно опасными – я опасался, что они исходят от верхушки царской охранки, которая желала предстать после кишиневских погромов в лучшем свете и показать свою заботу о евреях; поэтому и изыскивались способы оказать давление на евреев, чтобы те наглядно продемонстрировали царю и его приближенным, что не все евреи бунтовщики и что нет повода для кровавого навета.

Я нанес визит р. Цирельсону. Я представился, но мое имя уже было известно ему. Он даже спросил меня, тот ли я «знаменитый Бен-Цион», или я… его брат. Цирельсон был удивлен тем, что у меня имеются такие точные сведения о его планах. Я утверждал, что подготавливаемая им присяга неоправданна, поскольку никто не обязан, будучи оклеветанным, доказывать факты, подтверждающие его невиновность. Если человеку дали какую-то вещь на хранение, а он потерял ее и у него нет возможности доказать, что он не злоупотребил оказанным ему доверием, – то он клянется, так как на нем лежит ответственность, а доверитель имеет право требовать с него доказательства его слов. Но что такое клятва, принесенная человеком, на которого напали разбойники и убийцы, чтобы ограбить и убить его, и возвели на него напраслину? Если тот, на кого напали, придет и поклянется публично, что убийцы его оклеветали, – не будет ли эта трусливая клятва служить интересам убийц, так как вместо того, чтобы требовать, чтоб их осудили и посадили в тюрьму, он ставит себя в положение обвиняемого и дает им право судить? У нас был бурный спор; точнее говоря, я возмущался, а ребе молчал и только прерывал меня время от времени, когда я использовал аргументы из речей по*ским*{427} – Рамбама и Тура и из этических сочинений. У ребе на это все было одно мнение: если так мы спасем душу хотя бы одного из Израиля – значит, это стоит делать. В ходе беседы я убедился в том, что мои подозрения были верны и что в этом деле чувствовалась «любовь к Израилю» в духе

Плеве… Особенно после того, как ребе сказал, что он ничего не знает о планах «бойкота». Беседа с р. Цирельсоном длилась около двух часов. Я вышел из дома ребе в очень подавленном состоянии.

Шестой конгресс и обсуждавшаяся на нем проблема Уганды{428} поразили меня поначалу. Я был в замешательстве: с одной стороны, я был всецело на стороне «обиженных», а с другой – очень уважительно относился к Герцлю, и меня воодушевляла идея «еврейского государства» наших дней. Это внутреннее противоречие доставляло мне большое огорчение. Но затем у меня начались всякие личные хлопоты и отвлекли мое внимание до такой степени, что я уже практически не мог об этом размышлять: помимо вопроса об Уганде меня в те дни очень беспокоила ситуация с Урицкиным, основателем и руководителем реформированного хедера. Я не помню подробностей, вроде бы это было связано с условиями работы, но мне казалось, что он ищет способ избавиться от меня. Похоже, он хотел устроить на ту работу своего младшего брата. Меня это несколько удивляло: ведь Урицкин меня очень ценил… как поэта и будущего писателя. Я пришел к нему поговорить, чтобы разъяснить «недоразумение», и в результате этого разговора уволился с работы в реформированном хедере. И снова передо мной встала проблема выживания. В таком городе, как Прилуки, где жило множество экстернов – специалистов в самых разных областях, было сложно заработать на жизнь уроками. Для большинства моих друзей-экстернов уроки не составляли основу их заработка, а служили разве что небольшим дополнением к «постоянному доходу», который они получали из дома.

Я получил приглашение от арендатора имения, зятя арендатора из Рудовки, который пригласил меня работать у него в имении Тополи домашним учителем. Так как я уже был научен горьким опытом, я подробно отписал ему, что мне требуется отдельная комната, ежемесячная выплата зарплаты и аванс в размере 15 рублей – чтобы заплатить долги… Владелец имения, еврей невысокого роста, с волосами неопределенного цвета – не то желтыми, не то рыжеватыми, с водянистыми глазами, с хитроватой кривой усмешкой не вызвал у меня особого доверия, особенно после того, как я познакомился и с остальным семейством. Но я согласился. Имение располагалось в шести километрах от города Прилуки. Ближайшая деревня находилась в двух километрах, а между имением и деревней был лес. Имение славилось своими плантациями табака. В разгар табачного сезона там работало около тысячи рабочих. Арендатор прислал повозку, и меня вместе с моими пожитками отвезли в имение. Приехал.

Мне выделили отдельную комнату. Всю ночь я не мог уснуть. Оказалось, что раньше в этой комнате был табачный склад… Когда я утром встал, голова болела невыносимо. Я пошел к хозяину и сказал об этом. Он ответил: «Ты просил отдельную комнату – ты ее получил. Разве ты просил меня, чтобы в комнате не было запаха табака? А сейчас самый табачный сезон. В разгар сезона везде полным полно табака!» В итоге через несколько дней меня положили ночевать в комнату бухгалтера, который выплачивал жалованье рабочим. Каждое утро, еще затемно, при свете маленькой керосинки, в комнату входили рабочие, один за другим, и бухгалтер рассчитывал их: сколько было рабочих дней, какое жалованье кому полагается. Он спорил с рабочими, добивался их согласия и сразу выплачивал им жалованье. Слыша их споры, я чувствовал, что рабочие не доверяют этому человеку. Как-то раз я повнимательней прислушался к этим расчетам, и они показались мне крайне странными. Тринадцать плюс пятнадцать – это двадцать семь, семнадцать умножить на три – сорок девять, и все в таком духе. Окончательная сумма жалованья зависела от самого рабочего. Иногда рабочий говорил: «Господин, мне кажется, тут что-то не так! Что-то здесь не так, как надо». И иногда тот отвечал: «А! Ошибся!» Но бывало, что и начинал упрямиться. Однажды во время расчета я подмигнул рабочему, намекая, что счет составлен неверно. Этот случай стал известен рабочим. И когда приходили составлять счет, смотрели в сторону учителя, лежащего на узкой железной кровати рядом со столом… Я был практически уверен в том, что бухгалтер составляет счета по своему усмотрению. Я потребовал отдельную комнату, но хозяин сказал: или комната с табаком, или комната с бухгалтером. А если я не хочу – то могу вернуть ему задаток и убираться восвояси.

Тем временем прошло три недели. Подошел срок призыва в армию. Моего брата должны были призвать, и он подал прошение, чтобы его освободили от призыва, обосновав свою просьбу таким образом: отец болен и не может обеспечить семью, а младший брат «нетрудоспособен», ибо слеп на правый глаз и не может работать. Поэтому он остается единственным кормильцем в большой семье, и ему полагается освобождение от армии. В связи с этим я должен был поехать домой, предстать перед армейскими чиновниками и лично убедить врачей в том, что я действительно совершенно «нетрудоспособен»… Не могу сказать, чтоб эта перспектива доставляла мне большое удовольствие. Но во всяком случае я пообещал брату приехать. Однако арендатор, мой квартирный хозяин, заявил, что у меня нет права ехать домой: я получил от него 15 рублей – жалованье за полтора

месяца, а не отработал еще и трех недель… и он подозревает меня в том (и он был прав в своем подозрении), что я не собираюсь возвращаться, потому что требую условий, которые они не могут мне обеспечить. Я должен был явиться в призывную комиссию в понедельник; для этого я должен был, конечно, поспеть на поезд, отправляющийся из Прилук в воскресенье утром. Арендатор заявил, что не даст мне повозку, и я вернулся к себе в комнату рассерженным. Вскоре ко мне пришел один из рабочих и сказал мне:

– Господин учитель, я советую вам немедленно уехать отсюда.

– А что такое?

– Хозяин сообщил окружным властям, что господин ведет антиправительственную пропаганду, и ночью вас придут арестовывать, – в те дни в округе было очень много крестьянских бунтов. – Я советую господину тотчас же идти в деревню, нанять повозку и ехать в город.

Было уже довольно поздно, почти 11 часов вечера. Я решился идти. Прошел в одиночку через лес, пришел в деревню; жители уже спали, и деревенские собаки подняли страшный лай. Жуткий собачий лай! По счастью, в одном доме неподалеку горело окошко. Я подошел поближе. Передо мной была убогая избенка. Я постучался и сказал, что мне нужна телега. Хозяин избы внимательно посмотрел на меня: «Уже поздно, но ты не беспокойся, для тебя найдем телегу хоть сейчас. О тебе говорят, что ты из наших, что ты честный человек, стоишь на стороне угнетенного народа. Наши учителя говорили, что тебе покреститься только – и у нас будет священник получше нынешнего…» Крестьянин пошел, запряг телегу и за полтора рубля (которых у меня не было) согласился довезти меня в Прилуки. Мы заехали в имение, быстро взяли мои вещи и поспешили в город. Добрались до города уже после полуночи, я зашел к моим друзьям Хаймовичу и Гогилю, взял у них взаймы, заплатил крестьянину – и вздохнул с облегчением. Но что это – странное дело, мой деревянный ящик, служивший мне чемоданом, почти ничего не весил, а там ведь должно было быть множество книг. Я распутал веревку, открыл чемодан и обнаружил, что замок сломан, а книги вынуты. Арендатор набрал себе русских книг, в том числе два тома Белинского и Добролюбова и несколько томов других писателей. Взял книги известных критиков, которые надо было изучать для получения аттестата! Стоимость книг была гораздо выше, чем та сумма, которую он от меня требовал… На следующее утро я покинул город и поехал домой.

Так завершились пятнадцать месяцев моего пребывания в Прилуках – переломная пора, время моих первых шагов в сфере светской учебы, преподавания и общественной деятельности – и всего, что с этим связано.

Глава 16. Десять месяцев учебы: история и сионистское движение (хешван – элул 5664 (1904) года)

На следующий день после моего возвращения домой мой брат должен был явиться в «воинское присутствие» (так в те дни называлась армейская призывная комиссия). Я тоже обязан был, как я уже говорил, явиться в комиссию, которой предстояло рассмотреть прошение моего брата: познакомиться с отцом и со мной и понять, способны ли мы обеспечить семью.

Что касается меня, то брат утверждал, что я не вижу правым глазом, а также болен легочной болезнью и по состоянию здоровья отношусь к инвалидам. После небольшой медицинской проверки – врач проверил мне только глаз – комиссия единогласно вынесла решение о моей нетрудоспособности. Отца вообще не проверяли: его внешний вид – кожа да кости, согбенный и выглядит как горбун – все это подтверждало правоту слов брата. После освобождения брата от армии я решил остаться на зиму дома. Этому способствовали и праздники. Один из моих знакомых, учитель иврита, у которого изучали иврит почти все женщины нашей семьи, должен был в ближайшее время жениться и переехать в другой город. Он пришел ко мне и сообщил, что, если я останусь в городе, он отдаст мне всех своих учеников: ему нужно будет только сказать родителям учеников, что я согласен, и дело будет сделано. Я согласился и уже через несколько дней начал вести уроки.

Эта «педагогическая» деятельность меня совершенно не устраивала – не все учащиеся занимались по собственному желанию, а некоторые из них – особенно ученицы гимназии – не готовили уроки, и их родители даже просили не слишком нагружать их. Метод, к которому мне пришлось прибегнуть – чтение неогласованных литературных статей и изучение языка в процессе чтения, – вызывал протест: мой предшественник действовал по гораздо более простой схеме: книга, поделенная на уроки, – вот и вся учеба, и ничего кроме этого. Необходимость давать ученикам дополнительные упражнения и материалы для чтения зависела от того, какие учебники мне удавалось найти. Самыми распространенными учебниками были «Детский учитель» и «Детский рай» Тавьева; у одного ученика, которому было 8 лет, – «Детский сад» Шлама Бермана{429}, книга для чтения, рекомендуемая детям 6–8 лет.

Книга для чтения «Детский рай» мне очень сперва

приглянулась. Значительная часть текста в книге была неогласована, язык приятный и простой, содержание увлекательное и интересное. Но через очень короткое время я обнаружил, что, оценивая книгу, совершил большую ошибку в одном: рассказы в учебнике, многие из которых были взяты из мировой литературы и предназначались для детей и юношества (например, сказки Андерсена), были интересны в основном учителям и ученикам из хедера, которые их в детстве не читали. Но они совершенно не подходили ученикам, ходившим в общую школу и изучавшим русскую литературу. Рассказы из «Детского рая» были знакомы им, в результате чего изучение языка не сопровождалось усвоением новых ценностей. Я пытался подбирать литературные отрывки, которые могли бы заинтересовать учеников, с еврейским оттенком, что-то похожее на книги Зеева Явеца, которые мне очень нравились в детстве. Однако, как я уже сказал, мои попытки «добавить» материала ученицам не вызвали сочувствия ни у учениц, ни у их родителей…

Но больше всего неприятностей доставил мне учебник «Детский сад». Перевод слов и выражений в учебнике был очень скверным: русские эквиваленты новых слов были, как правило, устаревшими и высокопарными. Иногда такой перевод доводил моего ученика до истерического хохота. Помню, как громко он смеялся, услыхав перевод слова «паруа» (оно в учебнике переводилось как «необузданный»). Я рассказал ученику о том, что существует слово «бильти-мерусан», и назвал этим словом его необузданный смех, чтобы продемонстрировать ему, насколько неадекватен русский язык учебника! И ребенок обиделся:

– Разве я виноват в том, что люди используют смешные слова?

Он заявил – и был прав, – что есть в этом сравнении несправедливость по отношению к нему.

Только одна ученица – не из моих родовитых родственников, а дочь простого зажиточного еврея, и даже не из самых способных, но с серьезным и благоразумным характером, охотно приняла мою систему и училась по ней. Я встретил ее в Киеве спустя пятнадцать лет (в 1919 году) – она уже была врачом в больнице – на одной из моих лекций по истории Израиля в Народном еврейском университете{430} и очень порадовался, узнав в ней свою давнюю ученицу, любящую иврит и преданную этому языку, несмотря на то, что она находилась в совершенно иной среде.

Успешность этих уроков была гораздо скромнее, чем друзья ожидали от меня в соответствии с моей «программой», но это

совершенно меня не беспокоило. Я даже не пытался «подвергнуть ревизии» учебную программу. Я искал – и нашел – множество причин неуспеха ее: отношение учениц, учебники, родители. Множество причин – кроме меня… Ни разу у меня не возникла мысль, что решающая причина заключалась в усвоенной мною «новой методике»; наоборот, я хотел сделать ее постоянной, – но при этом не давал себе труда уделить ей необходимое внимание и поработать над ней, а удовлетворялся лишь общими идеями. Я считал (и даже утверждал это), что нет смысла тратить силы в ситуации, когда ученики недостаточно заинтересованы в росте своих достижений. Если им нужны лишь формальные занятия – мне достаточно только того, чтобы мои «достижения» были не ниже, чем достижения моего предшественника. И ничего более.

Моих доходов от уроков иврита хватало на то, чтобы в какой-то степени обустроить свою жизнь: я снял комнату, где мог проводить время с наибольшей для себя пользой; помогал семье деньгами вместе с братьями, которые все уже работали: старший – в частной адвокатской конторе, младший – служащим в магазине дяди в Гадяче, а два брата-«малыша» были наборщиками в единственной типографии нашего города. И даже старшая из моих сестер, которой было одиннадцать лет, уже требовала, чтобы ее научили ремеслу.

Атмосфера в доме изменилась. Отец зарабатывал очень мало. Из всех источников заработка у него осталась только букинистическая лавка, и то доход от нее был совсем невелик. С этой точки зрения мое пребывание дома в течение 10 месяцев было очень полезным. Мои отношения с отцом также значительно улучшились. Причиной тому послужил… идишский перевод «Истории евреев» Греца («Фолькстимлихе гешихте дер юден»), опубликованный незадолго до этого и продававшийся у нас в городе. В отцовской книжной лавке эта книга тоже была, поэтому он ее читал и даже давал почитать всем членам семьи. Он всем рекомендовал ее и был доволен, когда убедился в том, что я не только отлично знаю эту «гешихте», но даже могу критиковать ее… Он сказал мне: «Ну ладно, раз уж ты ушел от Торы, тогда тебе разумно будет заниматься еврейской историей и ничем иным».

И действительно, по времени, уделяемому мной различным занятиям, изучение еврейской истории начинало занимать у меня первое место.

Я распределил свое время между четырьмя сферами занятий: науками и учебой, уроками и сионистской деятельностью. Самые ранние утренние часы – я взял себе за правило вставать в пять утра – были посвящены истории, в основном еврейской;

в предполуденные часы я изучал по программе гимназии дисциплины, которые мне предстояло сдавать для получения аттестата за шесть классов гимназии. После полудня, с двух до семи, у меня были уроки, а после восьми вечера я отдавал все время сионистской работе, которую осуществлял вместе с друзьями. Я старался соблюдать такой распорядок, однако в распределении времени между наукой и учебой начались серьезные изменения; я определил себе первым делом заниматься Учением: для меня таким Учением, как я уже говорил, была еврейская история, а общая и русская лишь постольку, поскольку были с ней связаны. Занятия по истории Израиля были направлены на составление плана литературно-научного сочинения «История Израиля в схемах и описаниях». Я уже отмечал, что чтение русской исторической литературы – и особенно учебников Петрушевского{431}, Павловича{432} и Костомарова – пробудило во мне желание попытаться пересказать всю историю Израиля посредством списков, схем и описаний. Я хотел начать с «Маше и Йехошуа» и завершить… Герцлем и Ахад ха-Амом!

По счастью, нужные книги в нашем городе нашлись. У родственника моего дяди – Йоны Иерусалимского – я нашел «Современный путеводитель растерянных» Нахмана Крохмаля{433}, который остался у него от учителя Донского и был отдан мне по праву дружбы учителя с моим отцом. Я, конечно, прочел Греца и книгу Дубнова{434}, в которую были включены труды Бека{435} и Бранна{436} по истории евреев. Но большая часть исторической литературы, по которой я занимался, была русско-еврейской.

В нашем городе был еврей, продававший русские газеты; у него также можно было брать для чтения русские книги. Оказалось, что в этой библиотеке была почти вся еврейская литература на русском языке, в том числе вся еврейская пресса. С огромным удовольствием я вспоминаю те утренние часы, когда я читал в «Восходе» статьи по истории Израиля и выписывал в тетрадь мысли, которые могли пригодиться мне для осуществления моих планов. Для каждого типа записей я выделил отдельную тетрадь и записывал туда свои мысли и замечания, возникавшие в процессе чтения. Некоторые из этих тетрадей до сих пор хранятся у меня.

Вот выписки из трудов разных авторов: Гаркави «Караимы»; Каценельсон{437} «Вавилонское пленение» и «Саддукеи и фарисеи»; Марек{438} «Еврейская община», «Московское гетто»; Дубнов «Ранние труды по истории евреев России и Польши», «История франкистского движения», «Внутренняя жизнь евреев в

Польше». Все они связаны и перекликаются друг с другом. Рядом с Дубновым и Мареком, черпающими сведения в основном из внутренних источников, идут статьи Гессена{439} и Кулишера{440}, Шауля Гинзбурга{441} и Бруцкуса{442}, Никитина{443} и Глента, теории которых построены на внешних источниках.

И вот удивительная подборка статей А. Хараша: «Промышленный облик черты оседлости», «Текстильная промышленность в Польше» – новые горизонты исследований еврейского народа открылись передо мной. И я читаю, и изучаю, и записываю для себя библиографию и примечания, делаю выписки и набрасываю планы.

А вот статьи про Эрец-Исраэль: описания плавания Хаима Хисина{444} в Землю Обетованную, статьи Беркенгейма «Поселенческое движение российских евреев в Палестине и Аргентине», «Старый палестинец» (о Мееровиче), «Сельское хозяйство в Эрец-Исраэль», – вещи, которые мне были вроде бы знакомы, приобретали новый облик, вследствие чего все, что я знал до этого, представало в новом свете.

И вот Америка, статья Исидора Зингера{445} «Еврейское возрождение в США», в которой он предвидит великое будущее идей сионизма в этой стране и призывает своих коллег Герцля и Нордау{446} приехать в Соединенные Штаты для разворачивания сионистской агитации. И я записал в блокноте: «научное и литературное объяснение взглядов р. Лейба Гемарского из Вильно». А вот статья Рубинова{447} «Еврейский вопрос в Нью-Йорке»… И многочисленные переводы Теодора Рейнаха{448}, Руппина{449} («Социальное положение евреев Пруссии»), Шерера{450} (отрывок из книги «Основы западноевропейского законодательства о евреях в Средние века», переведенной для «Восхода») и многое другое. В статье Бернфельда в «ха-Шилоах» («В осаде и в нужде», «ха-Шилоах», том 4) давался обзор книги Шерера, но после того, как я прочитал статью в «Восходе», я убедился в том, что я сильно преувеличивал ценность исторических статей Бернфельда…

Из-за статьи Руппина я поссорился с домовладельцем. Руппин в своей статье (опубликованной в 1902 году) утверждал, что количество евреев в мире – только 7,5 миллиона. Я рассердился. Всего лишь двумя днями ранее в разговоре с ученицами гимназии я «доказал», что евреев в мире не меньше десяти миллионов! И вот… одним махом их число стало меньше на два с половиной миллиона! Увы, про Руппина я тогда ничего не знал. Но статья была переведена с немецкого языка, из «Годового отчета по национальной экономике и статистике». Возможно ли? Я нашел источник заблуждения автора: он по непонятной причине

уменьшил общее количество евреев в России, в Польше и в Соединенных Штатах! Согласно Руппину, в России и в Польше было только три миллиона евреев, а в Соединенных Штатах лишь 350 тысяч, хотя в «Восходе» я читал и выписывал это себе в тетрадь, что в Соединенных Штатах было свыше миллиона евреев, а в России – порядка пяти миллионов! Я начал искать тетради и в процессе поиска уронил стул. Было полшестого утра – и я немедля услышал рассерженный голос домовладельца – полуразорившегося лавочника: «Черт знает что такое! Не дают людям спать! Встает черт знает когда и шумит на весь дом, как будто один живет! Стыдоба!» Я попросил прощения у домовладельца и сообщил ему, что собираюсь съехать из комнаты (я платил три рубля в месяц!), – но в конце концов мы помирились. Я пообещал, что «больше не буду ронять стульев в пять часов утра», а он обещал быть повежливей.

Тем не менее я решил через какое-то время съехать из той комнаты. Друзья, приходившие ко мне, спросили меня как-то: «Как тебе удается спать на этой кровати? Она больше смахивает на узкую скамейку, на которой сидеть-то можно лишь с трудом!» Эти слова запали мне в душу, и после того я не мог спать ночами, ворочался с боку на бок и ощущал, что действительно невозможно спать. Тут же у меня открылись глаза на множество других недостатков, которых я прежде не замечал по причине одного важного достоинства: комната была большая и можно было ходить по ней вдоль и поперек, размышляя…

В одной из чудом уцелевших тетрадей тех времен я нашел запись: «В те дни я вспоминал слова р. Леви-Ицхака из Бердичева{451}, которые он поместил в начале своей книги «Святость Леви»: «Когда человек смотрит в себя и не смотрит в „ничто“, то он находится на ступеньке „есть“ [ступень материальной реальности]; но сила человека появляется только тогда, когда он приходит к „ничто“ и понимает, что и он ничто, так как „ничто“ – превыше законов природы, а „есть“ подчиняется законам природы…» – жаль, что хасидское учение об «отмене материальной реальности» не занимает места в нашем образовании. В нем есть источник силы. Как грустно, что люди большей частью не понимают, что если кто-то не обращает внимания на тот или иной факт, это доказывает лишь то, что факт не существует для него, что человек устремлен в «ничто». Но если приходят и пробуждают его, показывая, что факт существует, – заново создается та реальность, которую человек столь долго пытался отменить. Вместо добра причиняют ему зло». Эта запись была сделана как раз по поводу замечания моих друзей относительно неудобства моей узкой кровати и комнаты в

целом.

Подготовка к экзаменам шла у меня медленно и была неодинаковой по разным предметам. Я хорошо продвинулся в гуманитарных науках – русский язык и литература, общая и русская история – и отчасти математика и немецкий, – так как ими занимался регулярно. Остальные предметы я не готовил вовсе. Моим успехам в общей и русской истории способствовали постоянные занятия историей Израиля. В моих тетрадях для записей было полно списков, мыслей и планов, свидетельствующих о том, как расширялась сфера моих интересов, особенно в области общей и русской истории. Я внимательно прочел «Введение в изучение истории»{452} Ланглуа и Сеньобоса, которое вышло в 1897 году, а русский перевод был опубликован как раз в те годы. И я помню, как взволновала меня эта небольшая книга; для всех вопросов, поднимаемых авторами книги, я немедленно отыскал соответствующие примеры из истории евреев. Я делал это не раздумывая, совершенно спонтанно, главу за главой. Я хранил эту книгу в своей библиотеке все эти годы и даже многократно рекомендовал (впрочем, безуспешно), чтобы ее перевели на иврит. И помню, насколько глубоким было мое впечатление от исторического русского журнала «Киевская старина»{453} – особенно раздел, посвященный исследованию Украины, он был весь пропитан симпатией к Украине. Я прочел там ряд статей по истории района города Лубны (города в окрестностях Хо рола), по истории колонизации этого региона (домом Вишневецких{454}), и передо мной вставали другие воспоминания – воспоминания о погромах Хмельницкого и о том кладбище в поселке Драбов, где находились могилы еврейских праведников еще до Хмельницкого… Не забуду тогдашнее сильное переживание глубокого наслаждения от чтения новой истории и большой печали и глубокой обиды, которые возникли у меня, когда я читал в том же журнале статьи, относящиеся к нашей округе и источникам по ее историографии: я наполнялся вдруг завистью к народу, живущему в своей стране и по кирпичикам восстанавливающему историю ее заселения и созидания из поколения в поколение. Было раннее утро, и я вдруг стал напевать – на мотив *Слихот:*

Вспоминаю Бога и стенаю,
Видя всякий отстроенный город
А Град Всевышнего унижен до самой преисподней!..

Журнал «Киевская старина» стал одним из факторов,

постоянно толкавших меня к сионистской деятельности.

И действительно, в эти десять месяцев больше, чем преподаванием, больше, чем изучением истории Израиля и чтением общей и русской истории и русской литературы, я занимался сионистским движением.

Эта деятельность началась с разговора о «проблемах сионизма нынешнего времени», который я вел с тремя-четырьмя друзьями-сионистами, действовавшими в нашем городе, в одну из суббот, предшествовавших моему погружению в эту деятельность на длительное время. Все началось 24 хешвана (1 ноября) и закончилось в четверг, 28 элула (26 августа), когда выбрали нового казенного раввина города и окрестностей вместо моего дяди, р. Элиэзера-Моше Мадиевского; смена раввина была следствием крайнего неприятия дядей сионистских идей и его войны с сионизмом.

Сразу после моего прибытия в город ко мне пришел мой друг Цви (Гершель, или Гриша) Рахлин, «вечный экстерн», «репетитор для подготовки ко всем экзаменам» в городе и… сионистский лидер. Он пришел поговорить, а разговор был для того, чтобы прощупать почву. Он слышал, что я пламенный «националист», но вращаюсь в кругах, близких к Бунду. Так ему ясно сказал опытный бундовец, студент-медик, сын шойхета р. Маше, который был летом в городе. Я объяснил ему его ошибку, а также то, откуда она возникла: вероятно, Миркин из Бобруйска, который давал мне бундовскую литературу, не думал, что я смогу долгое время противостоять бундовской агитации, и видел в моей живой заинтересованности рабочим еврейским движением признаки согласия с ним, а мои сионистские взгляды, которые были ему хорошо известны, он рассматривал как некоторое отклонение в сторону национализма, которое было свойственно Бунду в те дни. Мы договорились, что я встречусь еще раз с Рахлиным и другими двумя-тремя друзьями и изложу им свои предложения по организации сионистской работы в городе. И действительно, через несколько дней состоялся этот разговор. Я изложил им свои взгляды и высказал соображения в отношении нашей сионистской деятельности: с какими слоями населения нам следует работать и в чем должна заключаться наша работа. Во-первых, не следует нам, молодым, ограничивать нашу деятельность средой «домовладельцев» и «солидных горожан». Если они хорошие сионисты, то будут действовать сами, найдут применение своим силам и способностям в организации, проявят свою преданность делу. Стало быть, нам надо задействовать только два слоя еврейского населения: учащуюся молодежь и народные массы, причем работу в народе следует вести также в основном среди

молодежи. Во-вторых, мы должны вести разъяснительную работу и быть «ловцами душ»: среди народа и среди учащейся молодежи наша сионистская деятельность должна сопровождаться просветительской работой и примерным образом жизни (соблюдением заповедей сионизма в максимальной мере, в том числе и в частной жизни). И в-третьих, в настоящее время следует уделять особое внимание самообразованию активистов сионистского движения. В обязательном порядке нам, активистам, следует прояснять для самих себя свою позицию по важнейшим вопросам, по «плану Уганды» в частности, и собирать вокруг своей позиции сионистскую общественность. Я объяснил друзьям, что отрицательно отношусь к проблеме Уганды, поскольку вижу большую опасность в стирании территориально-государственных основ сионизма ради его духовных основ. Я предложил для осуществления нашей программы создать «ячейку активистов» и стараться потихоньку расширять ее. Раз в неделю в определенный час будем собираться ячейкой для обсуждения текущих проблем. На этих собраниях мы будем читать также послания главы местного сионистского комитета и после тщательного обсуждения составлять на них ответы. На первом собрании активистов было решено, что каждый из членов организации – за исключением меня, так как у меня практически не было знакомых в городе кроме старых друзей – должен организовать небольшую сионистскую ячейку, руководить ею и вести в ней сионистскую работу. Также решено было организовать ячейку для обсуждения «текущих вопросов и сионистских ответов на них» среди еврейских учениц женской гимназии, и я должен был вести эту ячейку. В ней же будут участвовать в качестве членов ячейки и слушателей Яаков Чернобыльский и Моше Хазанов, и они будут ответственными за организационные вопросы. Яаков Чернобыльский, очень красивый парень: черные горящие глаза, короткие усики и прическа а-ля Горький, пламенный оратор и «подающий надежды» литератор (его рассказы были напечатаны в нескольких русских газетах), – был по профессии рисовальщик плакатов, а по велению души – художник, человек текущего момента, весь как ртуть: вспыхивающий и гаснущий, с некоторой склонностью к авантюризму, из-за которой он как-то даже попал в тюрьму. У Яакова было отчасти «сионистское прошлое»: он какое-то время в Одессе был приближен к Коле Теферу в его сионистский период. Яаков часто рассказывал о нем и искусно описывал разгон сионистского собрания, на котором ораторствовал Тефер, – и как разбегающихся с собрания казаки били нагайками. Его другом и оруженосцем был Моше Хазанов, который учился экстерном и

помогал отцу в делах, деятельный юноша, трезвый, не лишенный чувства юмора, несколько низкопробного впрочем и не всегда бывшего мне по вкусу. Мы решили также основать молодежную библиотеку. Мои товарищи обязались найти квартиру и книги, я пообещал, что буду помогать им в выборе книг для чтения и буду сидеть в библиотеке три раза в неделю.

Наши планы сбылись неожиданно быстро и успешно. В ячейку для обсуждения «текущих вопросов и сионистских ответов на них» записалось много еврейских учениц из восьмого класса гимназии. Все они были не местные: пять девушек из Бобруйска и окрестностей, наиболее активными среди них оказались Сара Шмуклер{455} и Роза Исраэлис; три девушки из Гомеля и его окрестностей; и трое из нашего округа и окрестностей во главе с Верой Слуцкой, дочерью фельдшера из небольшого городка неподалеку от Хорала; из хорольских учениц не было ни одной участницы. Из активистов, которые также участвовали в организации ячейки, были Цви Рахлин и еще один, сын того маскила, продавца книг, в книжной лавке которого я нашел еврейские газеты на русском. Этот юноша, Лейб Фридман, хорошо разбирался в русской литературе вообще и в русском еврействе в частности, но увлеченность сионизмом его была очень сдержанной, да и по природе своей он не был склонен к активности.

Я решил, что агитация должна происходить посредством обучения. Я предложил начать читать три сочинения: «Автоэмансипация» Пинскера{456}, «О возрождении еврейского народа на Святой Земле его древних отцов» Лилиенблюма и «Еврейское государство»{457} Герцля. Организаторы ячейки взяли на себя труд найти необходимое количество экземпляров этих книг (один экземпляр на двух участников), и на первом собрании я изложил программу: я буду читать нечто вроде введения к каждому сочинению, отмечу вопросы, поднимаемые авторами, и обозначу те места в книгах, которые надо прочитать прежде всего и на которых будут основываться наши беседы. Я помню, что когда я составлял программу, надо мной витал образ главы йешивы ребе Шимона Шкопа{458} из Тельши. Я думал: если бы ему, ребе Шимону, выпало объяснять проблему «автоэмансипации», какие моменты он при анализе счел бы основными, а какие – второстепенными? Я много готовился к каждому чтению, и особенно к первой беседе: мне казалось, что от ее успеха зависит вся наша будущая сионистская деятельность в городе. И на этот раз мне на помощь пришел «Восход». В ежемесячнике «Восход», который вышел после смерти Пинскера – двенадцать лет назад, в феврале 1892 года, были напечатаны все

надгробные речи, которые произносились над могилой Пинскера; в альманахе «Цион» (на русском языке) была напечатана статья Василия Бермана{459} про Пинскера; я знал также статью Ахад ха-Ама про Пинскера, статью Лилиенблюма и др. В своей вступительной речи я определил три вопроса, стоящие перед евреями в наше время, которые сформулировал Пинскер и дал на них ответ. Вот они: 1) Ненависть к евреям – каковы ее аспекты, сущность и причины? 2) Слабость позиции евреев – в чем она заключается и каковы ее последствия? 3) Каков путь укрепления позиции евреев и их освобождения? Подобным образом я определил также вопросы для обсуждения мыслей, высказанных в сочинении Лилиенблюма: каково экономическое положение евреев в России – и почему нет надежды сделать его более устойчивым? Существуют ли конкретные и фундаментальные различия между положением евреев в России и их положением в странах эмансипации? Каковы исторические права народа Израиля на собственную страну – и почему это связано с положением евреев в мире? «Еврейское государство» Герцля я также включил в обсуждение с помощью нескольких вопросов: что такое государство и в чем заключается связь между народом и государством? Почему еврейское государство в силах освободить евреев от бед и решить их проблемы и что за силы кроются в нашем народе, которые позволят основать и построить государство? Каким станет облик еврейского общества и каков должен быть социальный строй еврейского государства?

Около пяти месяцев продолжались эти семинары. Ни одна ученица и ни один из других участников ни разу не пропустили ни одного занятия. Все были полны глубокой и искренней заинтересованности. Мы успели прочитать три заявленных сочинения и обсудить все вопросы. Мы поделили между участниками также и другие материалы для чтения: русский перевод нескольких статей Ахад ха-Ама («Рабство и свобода», «Подражание и ассимиляция» и др.), сочинение Сапира «Сионизм»{460} и книгу Белкинда «Современная Палестина»{461}. Кроме одной ученицы из Гомеля, которая определенно сообщила, что не хочет приобретать «шекель», потому что она принципиальная противница сионизма, все заявили о своей принадлежности к сионизму и стали активистками сионистского, а затем – сионистско-социалистического движения. Самые большие надежды в плане сионистского будущего мы возлагали на троих из них: Сару Шмуклер, Розу Исраэлис и Веру Слуцкую. Члены организации предрекали сионистское будущее самой активной из них – Розе Исраэлис из Бобруйска, которая при каждом своем появлении производила впечатление не юной

девушки, а зрелой женщины с бурным и горячим темпераментом, логичной трезвостью взглядов и мощной интуицией. Нам казалось, что у нее большие способности и ей присущ энтузиазм в сфере практических действий и даже в области идеалов – хотя я считал, что «она готова быть и идеалисткой до тех пор, пока это не затронет непосредственно жизненный уклад, который должен вести каждый благоразумный человек, быть преданным ему и наслаждаться им…» Однако с тех пор я не встречал ее. Зато осуществились большие надежды, возлагавшиеся нами на Сару Шмуклер, которая репатриировалась в Эрец-Исраэль (она умерла от малярии в 1919 году), и ее именем был назван санаторий в поселке Маца («Арза»). Хотя ее природные качества – скромность, застенчивость и молчаливость – давали повод усомниться в том, будет ли она когда-нибудь сионистским деятелем, но на нас производили глубокое впечатление чистота ее души и хороший вкус, приятность манер и ощущение ответственности, которое проявлялось у нее в каждом шаге и в каждом слове. Мы переживали, что она глубоко чувствует, но мало выражает свои эмоции, ценили ее народную простоту и сердечность и хорошо понимали, чем она завоевывала любовь и обожание подруг – ее отношение к словам и к людям было для них образцом для подражания. Сара училась затем в фельдшерской школе в Киеве, и в день, когда отправилась в Эрец-Исраэль, она написала мне сердечное письмо, в котором благодарила меня и выражала радость от того, что удалось осуществить обет, данный ею на тех самых семинарах, когда она была ученицей восьмого класса гимназии.

Оправдались также надежды, возлагавшиеся нами на Веру Слуцкую: она впоследствии присоединилась к движению сионистов-социалистов и была ярой активисткой в Екатеринославе. При обыске в ее квартире обнаружили партийную подпольную типографию и… записи тех бесед, а среди них – мой портрет; по этому портрету меня опознали и арестовали на одной из железнодорожных станций. Затем Вера Слуцкая стала врачом и работала в Обществе здравоохранения евреев. Успех наших бесед был велик. Многие из учениц младших классов тоже хотели участвовать в беседах, но мы брали из седьмого класса очень немногих, в качестве «ядра» для следующего поколения активистов. В конце учебного года мне вручили подарок: двухтомник «На распутье» Ахад ха-Ама и «Образы и мелодии» Шауля Черниховского{462} – и надписали их длинными и наивными посвящениями.

Попытка организации библиотеки тоже оказалась успешной. Хотя перед ее открытием велись споры: по закону запрещено

открывать библиотеку без специального разрешения, а было весьма сомнительно, что такое разрешение нам дадут. В любом случае эта процедура длится годами. Я предложил открыть ее пока неофициально, только для членов организации – и одновременно пытаться оформить разрешение. Нам удалось собрать около 600 книг. Примерно 400 русских книг, около 150 книг на иврите и 50 книг на идише, – для каждого языка были свои читатели, нам удалось пробудить интерес к библиотеке у нескольких людей вне нашей организации. Количество книг росло день ото дня; в течение нескольких первых месяцев число книг удвоилось. Мы установили определенные сроки возврата книг и дважды в неделю проводили консультацию; консультация проводилась обычно в форме ответов на вопросы, связанные с прочитанным; после общей беседы с членом организации он получал исчерпывающую информацию о выбранной книге. В нашей сионистской организации («Бней Цион»; название «Поалей Цион» нравилось не всем) насчитывалось около пятидесяти членов во всех ячейках. Почти все были записаны в библиотеку, и спустя непродолжительное время вокруг нее сосредоточилось большинство городской молодежи, в основном из организации «Амха», – и через библиотеку также становились членами нашей организации.

Главой районного сионистского комитета, которому подчинялась наша организация, был Владимир Темкин{463}, казенный раввин Елисаветграда. Секретарем комитета был Давид Смилянский. Между нами шла очень интенсивная переписка. Потом уже, когда мы однажды встретились в Тель-Авиве, он сказал мне, что сионистская организация нашего города считалась одной из самых активных и упорядоченных в отношениях с местным сионистским комитетом. Цви Рахлин организовывал собрания нашего кружка, на которых мы обсуждали основные проблемы движения и формулировали письма главе комитета: недовольство решениями, принятыми в Харькове{464}; необходимость работать над подробной программой практической работы в Эрец-Исраэль; наше предложение… Герцлю – устроить агитационную кампанию в Соединенных Штатах; наши предложения по созданию «сионистской библиотеки» и список книг, которые мы хотели бы видеть напечатанными (среди них – «Дневник билуйца» Хисина{465}), и т. д. и т. п.

На волне раскола, который начался после «решений Харьковской конференции», представлявших собой фактически ультиматум Герцлю, нам написал д-р Йосеф Штейн из Елисаветграда, известный сионист и народник, который был

«политическим сионистом», а затем территориалистом[466], он хвалил нашу позицию против харьковских решений и нашу веру в Герцля. Он защищал идею Уганды и предложил нам поддерживать связь с ним и с возглавляемым им «центром». Мы ответили ему длинным письмом, результатом которого стала продолжительная эпистолярная дискуссия.

Мы занимались также немного и практической деятельностью. Доходы Еврейского национального фонда («Керен каемет ле-Исраэль»)[467], о которых тогда только начали заботиться как следует, были постоянными и высокими и росли от месяца к месяцу. У нас было заведено так, что каждый член организации должен был ежемесячно вносить в пользу Еврейского национального фонда определенную сумму.

Успехи нашей сионистской деятельности совершенно ошеломили моего дядю-раввина и его союзников – крайних противников сионизма, считавших, что эта идеология подрывает основы иудаизма. Дядя прекратил говорить со мной о чем бы то ни было – ни о плохом, ни о хорошем. Я учил ивриту двоих его младших сыновей и приходил три раза в неделю в его дом. Я учил его внучку и внучек его брата, дяди Кальмана, и многие другие члены семьи были моими учениками. Но про сионизм со мной не говорил ни один человек, и дядя тоже, как я уже сказал, избегал разговоров со мной. На протяжении зимы я беседовал с ним только дважды. После объявления войны Японии наш город посетил губернатор, князь Урусов[468]. Он пришел и в синагогу, где для него устроили молитву о победе русской армии, и мой дядя, который держал речь по случаю этого, причем должен был говорить по-русски, советовался со мной по поводу перевода одной фразы из книги «Захар» на русский – а в итоге решил вообще убрать ее из речи… Второй раз, когда в городе скопилось много мобилизованных резервистов и была попытка устроить погром, мне нанесли тяжелое ранение ножом, и дядя присылал осведомиться о моем состоянии, а после спрашивал о моем здоровье. Поскольку раньше, все прошлые годы, мы с ним беседовали долгими часами, теперь его старания избегать меня в собственном доме выглядели нарочито и были болезненны для меня.

Разрыв между нами обозначился после Песаха. Дядя позвал меня в субботу после полудня на чашечку чая и сообщил мне, что если я не прекращу сионистскую деятельность, то он не только отменит мои уроки в его доме и в домах всех родственников, но и постарается, чтобы у меня вообще не стало уроков в городе. Я удивился. Ответил ему только, что он ведет себя как нечестный торговец: пытается повысить спрос на свой товар – в данном

случае товар нематериальный – и обесценивает перед покупателями товар других торговцев. Поскольку в городе шли слухи о бедственном положении дяди и о том, что он стоит на грани банкротства, мой ответ отчасти был направлен на то, чтобы задеть его. Я разволновался и покинул дом. Я опасался похожих «заявлений» от остальных родственников и отказался от нескольких учениц, особенно от тех, чье отношение (как самих учениц, так и их родителей) к изучению иврита меня не устраивало. Вместо них я взял нескольких учеников по русскому языку и общим предметам. Все эти ученики были членами «Амха» и находились в сфере влияния этого движения. К тому же у них было совершенно иное отношение к учебе, и это не могло меня не радовать. Однако первый открытый разлад между мной и дядей случился тогда, когда разнесся слух о смерти Герцля. Я был потрясен до самой глубины души. Плакал горькими слезами, и мое потрясение произвело дома глубокое впечатление: был траур. Даже мама, братья и сестры были в трауре. Даже отец. Однако нам рассказали, что в новом бейт-мидраше, где молился дядя-раввин, злословили в адрес Герцля. Я настолько разозлился, что высказал несколько жестких слов в адрес раввина и передал ему их через одного ученика из города: хотя по закону «проклинающий мертвого неподсуден», то количество плетей, которые полагались бы раввину по закону за слова, которые он говорил или которые были сказаны при нем с его согласия, настолько велико, что если бы в таком случае поступали согласно Галахе, то его бы забили плетьми до смерти! И я сослался на конкретные источники в Талмуде и в Галахе. В конце концов я сказал, что «раввину надо бы помнить слова Рамбама (Санхедрин 25), особенно после того, как он отчасти уже получил свое наказание». Рамбам говорит в этой галахе: «Запрещено грубо и высокомерно относиться к людям, должно вести себя скромно и смиренно. И всякий общественный лидер, нагоняющий страх на общину, если он делает это без добрых намерений, будет наказан свыше, и не будет у него детей-мудрецов». О моих словах стало известно в городе, и, конечно, их передали раввину – и он сказал обо мне, что «моя дерзость переходит всякие границы». Но многим горожанам понравилась острота моей реакции, в которой был намек на ханжество и мнимую «ученость» его младшего сына, а также на невежество его братьев.

По прошествии семи дней после похорон Герцля (похороны были в четверг, 24 тамуза) мы устроили большое траурное собрание, на котором я говорил о нем. Это была моя первая публичная речь на русском языке. Все мои друзья по самым разным ячейкам собрались послушать. Мы разрешили каждому из

друзей привести еще по два человека, не больше, – а главы ячеек должны были дать свое разрешение на приход каждого из них. Местом собрания был назначен дом родителей Маше Хазанова – их дом стоял на отшибе, на расстоянии чуть больше километра от города по дороге, ведущей в Лубны, и рядом не было других домов. Когда-то в этом доме располагалась гостиница, и в нем была просторная зала. Друзья должны были собираться – из-за опасности полицейской слежки – поодиночке, каждый в назначенное ему время и заранее оговоренным путем (до дома можно было добраться двумя дорогами). В собрании участвовало примерно сто пятьдесят человек. В большинстве своем – молодежь. Но были также маскилим и домовладельцы. И моя лекция – огромное количество материала для которой дали мои тетради – произвела большое впечатление в городе. Она была в основном рассчитана на друзей и на маскилим, которые находились под влиянием Ахад ха-Ама. Я цитировал слова д-ра Самуила Грузенберга{469}, редактора сборника «Будущность»{470}, который в своей похвале книге «Еврейское государство» употребил эпитет «пророческий стиль» и назвал ее «необычным явлением в политической литературе» – эта фраза стала основой моей лекции про «Герцля-пророка».

Однако основное столкновение между нами и раввином случилось спустя неделю – в четверг Девятого ава. В тот день, примерно в 4 часа пополудни, я находился дома у одного из моих новых учеников, и вот посреди урока с шумом распахнулась дверь, вбежали двое моих друзей и рассказали, что Тремпольский, один из членов нашей организации, работающий в пекарне, пришел в новый бейт-мидраш продать марки Еврейского национального фонда, а раввин взял у него марки, порвал их и стал проклинать имя Герцля на все лады. Я тут же дал указание, чтобы все наши шли в бейт-мидраш, встали у входа и объявили, что никому не дадут выйти, если не будут возвращены марки или не выплачена их стоимость. Я прервал урок и ушел в свою комнату. Через десять минут пришли позвать меня – от имени судьи, р. Шмуэля Гурарье, и от имени отца. Я тотчас пошел в новый бейт-мидраш.

Еще издали я услыхал спорящие рассерженные голоса. Войдя в помещение, я обнаружил там множество народа, столпившегося вокруг судьи и моего отца. Судья тут же начал требовать от меня, чтобы я велел ребятам убираться отсюда, – и обратился к моему отцу: «Реб Залман, тебе предстоит неприятная миссия – приказать твоему сыну сделать это и приказать ему сделать это из уважения к отцу…» Я сказал судье: «Вы меня удивляете, р. Шмуэль, тем, что подстрекаете отца к грешным речам! Разве не знакомо вам

толкование, которое содержится в "Йоре деа" и в "Шулхан арухе"» (240: 19): отец, заставляющий сына ослушаться и не оказывать ему должного уважения, заслуживает порицания, ибо нарушает заповедь «перед слепым не клади препятствия»… Судья опешил, и все взорвались хохотом. «Я согласен, – сказал я, – что вся эта история – осквернение имени Творца. Поэтому я предлагаю, чтобы старосты выплатили два рубля сорок семь копеек, и ребята покинут синагогу. Со своей стороны, чтоб разрядить атмосферу, я готов внести за марки Еврейского фонда сорок семь копеек…» В конце концов вернули те марки, которые не были порваны, а за остальные заплатили. Ребята ушли, и один из старост, частный адвокат и староста бейт-мидраша, сказал: «Мы платим твоим друзьям до полного расчета, и он, с Божьей помощью, будет вскоре оплачен. Готовься к этому. Окончательный счет мы предъявим тебе!..»

И действительно, в 11 часов вечера мама постучала в мою комнату и рассказала, что старый полицмейстер Лященко приходил четверть часа назад, отозвал маму и предупредил, что в три часа ночи будут производить обыск и меня арестуют. Мама пришла сказать мне об этом и попросить меня, чтобы я отдал ей печать организации и все подозрительные бумаги. Она обещала мне вернуть их в целости после моего освобождения. Битый час я «уничтожал квасное». Мама взяла весь «груз», пожелала мне спокойной ночи и взволнованно попрощалась со мной. Я, после того как вернулся и еще раз проверил все свои бумаги, пошел спать. Ровно в три часа ночи пришла полиция, перерыла весь дом и потребовала, чтобы я сдал печати (Лященко знал, чего они потребуют!) и бумаги организации. Они не нашли ничего – и в 5 часов повели меня в полицейский участок.

В 9 часов меня привели к исправнику Назаренко, высокому широкоплечему украинцу с красивым смуглым лицом, черной бородой и густыми усами, маленькими серыми холодными и спокойными глазами. Он дал мне постоять перед ним несколько мгновений, затем встал, подошел ко мне и стал поносить меня на чем свет и крыть отборным трехэтажным русским матом!

– Как ты посмел раздавать в синагоге антиправительственные листовки и собирать деньги в пользу наших врагов-японцев в час, когда наша кровь льется в боях с ними! Мы уничтожим вас, предателей! Вот раввин ваш, человек умный, и праведный, и храбрый, выступил против вас, – а вы поднимаетесь против него и устраиваете скандальные выходки! Отправим вас в тюрьму, и вы сгниете там, вырвем вас, бунтарей и предателей, с корнем!

Выкрикнув это, он протянул руку к моим волосам (у меня тогда еще была шевелюра!) и с силой дернул меня за волосы…

И я возопил:

– Как вам не стыдно, господин исправник, поносить меня языком пьяниц, да еще перед портретом Его Величества царя! А ведь это осквернение имени царя – и вы после этого требуете уважения к власти! Все, что господин рассказывает, – наглая ложь и отвратительная клевета! Листовки, которые мы раздавали, были напечатаны в Елисаветграде с разрешения цензуры! И не я их раздавал; раввины пригласили меня уладить конфликт, я выполнил их просьбу и успокоил народ, а в момент раздачи листовок меня там вообще не было! Деньги собирались в пользу Земли Обетованной и в день поста по разрушенному Храму, это религиозный обычай и практикуется уже две тысячи лет! Кто это подсказал уважаемому исправнику наглые лживые речи, поставившие его в смешное положение в глазах людей?!

– Ты говоришь, что это лживые речи? Наглый бунтовщик! Введите уважаемого раввина!

Вошел мой дядя. Бледный и дрожащий. Исправник попросил его сесть и сказал:

– Господин раввин, извольте повторить этому наглому бунтовщику все, что вы говорили мне!

И дядя рассказал. Его голос дрожал, и он рассказывал очень медленно – но решительно.

– Юноши, – сказал он, – раздавали листовки и собирали деньги. За все, что происходит в синагоге, я несу ответственность. Листовки – так сказали мне, я их не читал, – были против правительства. Деньги собирали на неизвестные мне цели, на цели, о которых меня не известили. *Я* приказал конфисковать листовки и деньги. Пришло много молодых людей под предводительством моего внучатого племянника, который вот тут стоит перед вами, и устроили скандал.

– Ну? – сказал исправник, обращаясь ко мне. – Что скажешь?

– Я сожалею, – сказал я, – о том, что благодаря всей этой истории я убедился в правоте древних мудрецов, которые говорили: «Тот, кто злится, теряет мудрость свою!» Мой дядя – мудрый человек, но в этой истории воплощается правило: не следует человеку – и тем более мудрецу – не говорить правды! И вот что было на самом деле: раздававшиеся листовки были напечатаны с разрешения цензуры, деньги были посланы в Комитет организации по поддержке крестьян и рабочих в Сирии и Палестине, находящийся в Одессе, в Овчинниковском переулке, дом 2… Конечно, право раввина – запрещать сбор денег в синагоге, но поскольку деньги уже были собраны и их нужно было только переправить в комитет, то они уже принадлежали комитету, и комитет может даже в судебном порядке потребовать,

чтобы ему вернули деньги! Уважаемый ребе не читал листовки, но обязан был прочитать и засвидетельствовать, что то, что рассказывали про них, – это ложь! Ну в самом деле, все это было бы смешно, если бы не было так печально!

Исправник заорал:

– Как ты смеешь обвинять уважаемого раввина во лжи! Степень твоей наглости доказывает его правоту!

Он позвал двух казаков и приказал им увести меня в особую комнату. Это пробудило во мне опасения – и когда я попал в эту комнату, я поспешно сел возле окна и объявил казакам, что если они приблизятся ко мне, я буду рассматривать это как стремление ударить меня (у меня были основания подозревать, что именно в этом был смысл «особой комнаты»), тотчас же разобью стекла и подниму такой крик, что сбежится весь город!.. Казаки не двигались с места и не приближались ко мне. Но и не отрицали того, что они могут это сделать. Они только сказали: «Не кричи, мы тебя пока что не бьем…»

Ближе к вечеру меня отпустили, – мой арест и донос на меня, которые вызвали слухи среди христианского населения города о «евреях, которые собирали деньги для японцев», и о том, что в этом «замешан раввин», очень возмутили всю общину. Специальная делегация домовладельцев, состоящая из богатых и уважаемых горожан, обратилась к исправнику и объяснила ему, как все обстоит на самом деле. И еще они сказали ему, что по сути я тоже «раввин», только из «новых»… Исправник сказал им, что он уже убедился в том, что по сути я раввин в самом деле: очень наглый, бунтовщик по своей природе и «все из Талмуда валяет»! Когда я вышел из-под ареста, я обнаружил на улице скопление народа: мои друзья из города и ближайших окрестностей. Я помню, что среди тех, кто пришел, были также д-р Арье Бихам, который был врачом в Миргороде, окружном городе в нашем районе. Он был другом д-ра Йосефа Эпштейна и сыном хасида из Харькова, близкого друга моего дяди. Он сказал, что поспешил прийти и как сионист, и потому, что он «готов – и желает – помирить друга своего отца и друга своего близкого приятеля». Многие из домовладельцев – в частности, семья Малкиных, чья дочь была замужем за Йосефом Эпштейном, – решили основать сионистскую организацию, а не «полагаться всецело на молодежь». Было большое собрание в доме одного из зажиточных домовладельцев. По моему предложению организацию назвали «Флаг Сиона», что символизировало сионистскую деятельность с «гордо поднятой головой». На этом собрании я обозначил программу сионистской деятельности в городе. Кроме всего прочего, я предложил выбрать нового

раввина, который будет не «торговец» (как мой дядя), а учитель, который будет знатоком Торы и создаст современную еврейскую школу для всех членов общины. Предложение было принято всеми. Было решено, что напишут мне «доверительное письмо» за подписью домовладельцев, которое даст мне полномочия выбрать человека, подходящего на место раввина общины, и если этот человек будет согласен выставить свою кандидатуру, они заранее обязуются полагаться на мою рекомендацию и выбрать его раввином.

Это было в среду вечером 15 ава (14 июля по юлианскому календарю). Я запомнил точную дату еще и потому, что на следующий день, в четверг 16 ава, 15 июля, был убит министр внутренних дел Плеве.

После субботы я поехал в Кременчуг. Обратился к главе общины, д-ру Аврааму-Яакову Фройденбергу, сионисту со стажем, члену «Бней Моше», который писал под псевдонимом Авраам-Яаков Хар-Сасон в альманахе «Кавверет» («Улей»), издаваемом Ахад ха-Амом, и выпустил год-два назад русскоязычный «Сионистский альманах», который произвел большое впечатление на сионистскую общественность. Он слыхал мое имя и даже знал все обстоятельства дела и принял меня холодно и весьма сдержанно. Однако письмо, его содержание и имена подписавших удивили его. Ему с трудом удалось скрыть свое изумление. После очень краткой беседы он предложил мне обратиться к господину Меирсону, человеку просвещенному, который закончил педагогический университет в Вильно, знает иврит, имеет общее образование и очень сведущ в иудаизме. «Господин Меирсон, – сказал Фройденберг, – получил сейчас моими стараниями право преподавать иврит и Закон Божий в средней школе, и это человек, который сможет осуществить реформы в образовании и в общине». Мы договорились, что через два часа я нанесу визит господину Меирсону, а он, Фройденберг, тем временем увидится с ним, поговорит и подготовит его к моему визиту. Я видел, что мое предложение по сути заинтересовало д-ра Фройденберга, но он хочет, чтобы оно было сделано Меирсону при его посредстве.

В 12.30 я был у господина Меирсона. Тот сразу же согласился. Ему было интересно посмотреть на мою доверенность. Мы поговорили о его обязанностях по проведению реформы образования в городе, когда он будет учителем Торы. По прошествии пяти недель, 28 элула (26 августа по юлианскому календарю), состоялись выборы раввина общины города Хорал, и господин Меирсон был выбран подавляющим большинством голосов. Меня во время выборов в городе не было. Еще в начале августа старый полицмейстер Лященко сообщил отцу и матери

(под большим секретом), что мне нужно как можно скорее покинуть город: имеется «намерение» окружных властей и «рекомендации» арестовать меня и отправить в «места не столь отдаленные» административным порядком, по законам «чрезвычайного положения». На следующий же день я покинул Хорал. Вступление в должность господина Меирсона не состоялось. Когда он появился в городе, его пригласили домовладельцы из партии моего дяди и сообщили ему, что постараются сделать так, что у него будет мало доходов и много проблем. Он согласился взять несколько сотен рублей «отступных» и спокойно вернулся домой…

С дядей я не встречался шесть лет. В 1910 году я приезжал в гости к родителям и встретил его на улице. Он стоял. Протянул мне руку и сказал: «Давай помиримся! Забудем то, что было, и обновим нашу дружбу!» Я протянул ему руку. В тот же день после обеда он пришел ко мне. Это было чем-то из ряда вон выходящим. Он ни разу за долгие годы не приходил в наш дом: с тех пор как из-за меня стало известно о деятельности «Черного бюро»… Он задержался на целый час, пил чай и разговаривал со мной на общие темы, интересовался, продолжаю ли я заниматься историей Израиля. В течение всего разговора он обращался ко мне на «Вы»: «Вы знаете», «Вы помните», и все в таком духе. Это резало слух. Даже к отцу и матери он всегда обращался на «ты». На замечание матери ответил: «Бен-Циан стал теперь другим человеком, и мое отношение к нему теперь стало иным».

С исправником Назаренко я случайно увиделся в Полтаве. Через три года, причем именно в то время, когда полиция искала меня, мы столкнулись в переулке нос к носу.

– А, неужели это ты? А тебя ведь ищут!

– Сказано ведь в Новом Завете: ищите и обрящете! Если ищут, значит, обязательно найдут!

Он засмеялся:

– Надо надеяться, – махнул рукой и исчез.

Не позвал полицейского и не сообщил «куда следует».

Глава 17. Сионистская деятельность в Одессе (элул 5664 (1904) – 5665 (1905) год)

Я решил отправиться в Одессу, большой город мудрецов и писателей. Единственный университетский город в черте оседлости; в Одессе евреям разрешалось селиться, там была большая библиотека и много школ. К тому же Одесса стала центром сионистского возрождения российского еврейства. Там сейчас происходила острая и сложная внутренняя борьба СИОНИСТСКИХ течений.

За десять месяцев, что я пробыл дома, я скопил немного денег: ежемесячно я посылал брату в Гадяч от десяти до пятнадцати рублей, чтобы он возвратил мне их перед моей поездкой в Одессу. Я не хотел хранить деньги у себя, потому что опасался, что растрачу все на книжки. Итак, я решил покинуть город. Хотя словам старого полицмейстера я верил не до конца, но был согласен с тем, что на всякий случай мне стоит убраться подальше, особенно после того, как исправник пообещал мне «побеспокоиться о моем будущем». К тому же у меня были основания опасаться, что в городе найдется пара «доброжелателей», которые напомнят исправнику о его обещании. Сначала я поехал в Гадяч, где пробыл неделю и прочел лекцию в сионистской организации «Любящие Сион». Среди слушателей оказались мои друзья – экстерны из Прилук Гогиль и Хаймович, которые к тому времени получили свидетельства об окончании шести классов гимназии. Сейчас они готовились к экзаменам на аттестат зрелости, снимали на двоих две комнаты в Одессе на Базарной улице и предложили мне поселиться в той же квартире. Там есть еще одна маленькая комната, которую они готовы предоставить мне – когда я приеду в Одессу, я могу сразу ехать в ту квартиру. В Гадяче я встречался с сионистами-домовладельцами и членами организации «Мизрахи»{471}, в основном мы обсуждали проблему Уганды. Меня особенно впечатлили слова Элияху Цифроновича, писателя и маскила, который говорил, что евреи должны собрать все свои силы: силы разума, организационные и финансовые силы, – чтобы покинуть Россию в самое ближайшее время, пока не поздно. Все способы для этого хороши…

За две недели до Рош ха-Шана{472} я прибыл в Одессу и разместился у моих друзей. Нельзя было сказать, что мне предоставили не то, что обещали: комната действительно была

маленькой. Кроме того, она оказалась проходной, и в нее почти не проникал свет. Тем не менее я устроился там и энергично взялся за учебу. Я решил начать систематически учить латынь, немецкий и математику, а также старославянский. По остальным предметам я был достаточно силен и полагал, что достаточно будет лишь регулярно просматривать их. Первой фразой в учебнике латыни Виноградова была такая: argentum metallum est («серебро – это металл»)… И помню, как надолго я задумался над ней. Я думал о том, что вся еврейская молодежь, которая покидает скамью бейт-мидраша, отходит от изучения Торы, от «шатров Бога», и входит в «шатры Яфета», в храм науки, тратит много времени на заучивание этого нехитрого предложения. Почему-то я решил тогда, что даже Бялик, поэзию которого я обожал, – он тоже некогда зазубривал эту фразу. Спустя годы я получил большое удовольствие, приведя в изумление Бялика сообщением о том, что он учил латынь по учебнику Виноградова и его, вероятно, удивила первая фраза учебника. Он спросил меня: «Когда я вам это рассказывал? Конечно, я зубрил и зубрил фразу: argentum metallum est!»

Как и в моем родном городе, в Одессе я посвящал все утренние часы чтению. Каждое утро я шел на другой конец города в городскую библиотеку, которая располагалась в красивом доме на Херсонской улице. Просторный зал, изобилие книг и хорошее освещение влекли меня туда. Я установил себе часы для дисциплин, которые я просматриваю, и для дисциплин, которые учу. В моем учебном плане были и гуманитарные предметы. Теперь вместо еврейской истории я уделял много времени изучению проблем эмиграции и поселенческого движения. В «ха-Шилоах» в то время как раз была опубликована статья Зеева Смилянского{473} «Обманчивый свет», в которой он пытался доказать, что нет надежды на массовое переселение, а все попытки решить еврейский вопрос путем массовой эмиграции и массового заселения новой территории – не что иное, как иллюзия. Аналогичным духом была пропитана и статья Членова «Сион и Африка на шестом конгрессе», опубликованная в русскоязычном сионистском ежемесячнике «Еврейская жизнь»{474}. Я решил самостоятельно изучить эти проблемы с помощью научной литературы. Я прочел перевод книги француза Леруа-Болье «Колонизация у современных народов»{475}, книги русского писателя Мижуева{476} про переселенцев и эмиграцию – и особенно внимательно читал про заселение русскими Сибири, критерии его успеха и причины неудач. Я помню, что на все аргументы Зеева Смилянского и Членова – что массовое переселение никогда не было успешным, и поэтому переселение

не может решить еврейский вопрос, – у меня был только один довод: на это уже ответил Герцль в своей книге «Еврейское государство», сказав: «Несчастья евреев – это могучая сила, которая способна осуществить эмиграцию и массовое переселение». Разумеется, если умело использовать эту силу и грамотно направлять ее. Я сопротивлялся всем своим существом сионизму, не связанному с массовой эмиграцией и переселением. С каждым днем во мне крепло несогласие с идеями Ахад ха-Ама, которые завладели оппозиционными кругами в сионистском движении, называвшими себя «Сионисты Сиона».

Тем временем я продолжал свою сионистскую деятельность в Одессе. В одну из первых суббот после моего приезда в Одессу я пришел в сионистскую синагогу «Явне». К своему удивлению я обнаружил там полный двор молодежи, повсюду велись дискуссии об Уганде, территориализме, о практической работе в Эрец-Исраэль; о сионизме и социализме и о взаимоотношении между ними, о назначении князя Святополка-Мирского{477} на должность министра внутренних дел вместо Плеве, о либеральном духе, которым вроде бы повеяло в стране, и о степени важности этого. Группы беседующих стояли по всему двору. Спорила в большинстве своем молодежь: ученики и экстерны, учителя, служащие, рабочие. А рядом с каждой спорящей парой стояла группа слушателей; среди них было довольно много людей и зрелого возраста, которые тоже периодически присоединялись к спору.

В первый раз я ощутил волну большого народного брожения. И снова с головой окунулся в водоворот дома Израилева, как в Вильно, – и еще сильнее, чем в Вильно. Вильно с Одессой кажутся мне похожими неким ощущением «массовости евреев». Однажды я встретил на улице моего виленского знакомого, Хаима Гольдберга, того, который привез мне в свое время привет от старшего брата из Брест-Литовска. Он представил меня своему другу Шмуэлю Либерману, с которым они жили в одной комнате на улице Средняя на Молдаванке – окраине города, где селилась одесская беднота. Я очень обрадовался этой встрече. Хаим Гольдберг сразу же ввел меня в сионистскую организацию «Нахалат Авот», активистом которой он был. Главным местом для встреч и собраний членов этой организации был дом учителя Ципмана, недалеко от моей квартиры. Гольдберг и Либерман тут же повели меня к Ципману, представили и порекомендовали меня ему. Гольдберга заинтересовало также мое финансовое положение: «Чем этот овощ жив?» – и, «как человек искушенный», он посмеялся над моим наивным предположением, что я смогу существовать долгое время за счет своих сбережений. Он

пообещал, что постарается найти мне учеников. Как-то он приходил ко мне в гости в мою комнату и поразился тому, «к каким условиям я сумел приспособиться», – а затем по совету и при помощи Ципмана я нашел поблизости – на ул. Ремесленная – другую комнату, хорошую, приятную и недорогую. По рекомендации моего друга Симха Браверман, директор реформированного хедера на Молдаванке, в Госпитальном переулке, предложил мне попробовать преподавать у него в третьем классе. Дети там были одесские: шустрые и остроумные, смышленые и насмешливые, – на первом же уроке я почувствовал, что мне предстоит расколоть крепкий орешек. Хотя я старался быть терпеливым и благоразумным, но чувствовал, что не выдержу долго. Особенно нервировала меня на уроках «почта» между учениками: записки не просто передавались из рук в руки, а буквально летали по классу. При этом дети кричали друг на друга: «Что ты мешаешь учителю!» – и я конфузился. В принципе, мне удавалось увлекать учеников своими уроками, но после каждого занятия с меня стекали струи пота… Господин Браверман предложил мне не торопиться покидать хедер, но не очень сильно упрашивал, когда я решил через несколько дней, что не стоит заниматься не своим делом… Действительно, несмотря на неудачи в хедере, я успешно давал уроки отдельным ученикам и в группах. Одна группа из трех активисток женской сионистской организации – кажется, «Шахар Циан» – училась у меня почти шесть месяцев. Преподавание в этой группе доставляло мне большое удовольствие. Мои ученицы очень серьезно относились к учебе, а с их семьями у меня установились дружеские отношения. У меня было еще две студенческие группы, с которыми я регулярно занимался: курсистки и экстерны. А кроме того – несколько частных учеников. После моего вступления в организацию «Нахалат Авот» мне стало казаться, что я вовлечен в самую сердцевину сионистского движения Одессы: через какое-то время меня выбрали представителем этой организации в городском сионистском комитете, а в начале ноября я уже присутствовал на его первом собрании, правда, пока не участвуя в голосовании. На этом собрании территориалисты и угандисты получили большинство в пять голосов.

Из моей деятельности в городском сионистском комитете мне запомнилась только работа в «сионистской библиографической комиссии», которая была основана комитетом. Комиссия состояла из трех человек: Финкель (он затем служил казенным раввином в одном из городов Херсонской губернии), Александр Друбинский (молодой студент, одессит, учился в Париже и был уже знаком с газетно-журнальной

деятельностью) и я; я уже не помню, кто порекомендовал и почему выбрали именно меня. Позже к нам присоединился Михаил Алейников{478}, который тогда как раз переехал в Одессу. Материал, который мы собрали, поступил затем в сионистский центр в Петербурге и, как я слышал от Финкеля, которого встретил в Одессе в 1920 году, был там издан.

В Одессе в то время было около сотни, если не больше, сионистских организаций. Они объединяли самых разных людей: врачей и адвокатов, инженеров и учителей, торговцев и промышленников, – но в основном «народную массу»: мелких лавочников, ремесленников и рабочих различных специальностей – работавших на больших городских мельницах, фабричных и подсобных рабочих, портных, ткачих. Я старался поддерживать связи – которые затем часто перерастали в дружеские – с представителями других организаций. Я участвовал в спорах и обсуждениях по проблемам сионизма (в центре которых стояла проблема Уганды и территориализма).

В те дни была опубликована статья Усышкина{479} «Наша программа». Статья была напечатана в одном из номеров ежемесячного журнала «Еврейская жизнь» в конце 1904 года и вызвала жаркие споры. С одной стороны, в ней была впервые сформулирована программа практической сионистской деятельности, осуществляющая синтез сионистской и поселенческой деятельности, начиная с «Хибат Цион»{480}. Однако с другой стороны, эта практическая программа находилась в полном противоречии со всеми идеями о массовой эмиграции и поселенчестве. Острота этого противоречия не особо ощущалась, так как в то время в стране подуло «весенним ветром», и многие льстили себя надеждой, что настоятельная необходимость в переселении евреев из России миновала если не окончательно, то по крайней мере на какое-то время.

Одесса была, как я уже говорил, самым крупным центром массового сионистского движения, и там велась активная борьба между различными движениями за потенциальных участников. С одной стороны, «ветераны сионистского движения» стояли на позициях «Хибат Цион» – движения, имеющего двадцатипятилетнюю историю. У «ветеранов движения» обнаружился большой энтузиазм, в котором был и пыл юности, и мудрость старости, и сноровка опытных и закаленных. Против них выступала группа влиятельных общественных деятелей, опиравшихся на «массы». Их кандидатом на выборах общинного раввина был Владимир Темкин, «казенный раввин» Елисаветграда и глава окружного сионистского комитета, – он и был выбран с большим перевесом, несмотря на то что, как было известно, он не

мог прочитать и нескольких предложений на иврите как следует… Другой кандидат, тоже известный сионист, д-р Шмарьяху Левин[481], опирался на маскилим из «Ховевей Циан». Выбор Темкина стал своего рода «бунтом» простонародной массы.

Среди влиятельных лидеров выделялся также д-р Авиновицкий[482], помощник казенного раввина, оратор популистского толка и демагог, приближенный к властям и имеющий сомнительное политическое прошлое. Потом уже Бурцев[483] (историк, исследователь истории революционного движения в России) обнаружил, что Авиновицкий во время учебы в Военно-медицинской академии был связан с тайной полицией. Тенденция к территориализму господствовала в кругах «Поалей Циан» в Одессе, которые уже тогда составляли сплоченную и закрытую организацию. Обеими сторонами для борьбы привлекались значительные силы. Усышкин, бывший главой агитцентра «Ционей Цион»[484], отправил в Одессу той зимой д-ра Мусинзона и д-ра Богрячева[485], Яакова Рабиновича[486] и Бера Борохова[487], а кроме того нескольких деятелей, ораторов и менее известных организаторов. В конце декабря в Одессе состоялась учредительная конференция «сионистов-социалистов», а месяцем раньше в Одессу прибыли Яаков Лещинский[488], Шимон Дубин и еще несколько людей из организации «Поалей Циан», которая росла и ширилась. Они намеревались также принять участие в общем съезде по вопросам самообороны, который должен был тогда состояться, но по причине их ареста был отложен.

В Одессе кроме университета были и другие вузы: стоматологический институт, высшие женские курсы и др. Во всех этих вузах были сионистские ячейки и организации, и они принимали участие в сионистской деятельности, дискуссиях и агитации. Я тоже, как уже упоминалось, участвовал во многих дискуссиях и обсуждениях, большей частью в узких компаниях и среди молодежи. После основания центра «Ционей Циан» в Одессе меня многократно направляли читать лекции в другие организации. Чаще всего со мной посылали еще кого-нибудь из членов организации, так как знали, что кое в чем я «отклоняюсь» от генерального курса. Как-то раз я читал лекцию про историческую непрерывность сионизма: мы продолжаем борьбу, которая не прерывалась со времен разрушения Храма. Я постарался также доказать это. Моя лекция произвела на Хану Майзель – она была вместе со мной – большое впечатление, и она сказала мне, что передаст товарищам, чтобы меня чаще приглашали, так как, оказывается, я знаю «такие факты, которые практически никому не известны…» И она сдержала слово. Но

даже и после этого я большей частью ходил на собрания в качестве слушателя. Особенное впечатление произвели на меня три таких собрания. Первое проходило в комнате Хаима Гольдберга и Шмуэля Либермана (Хермона), которая располагалась в одном из беднейших одесских кварталов на Молдаванке. Комнатка была маленькая и узкая, а в собрании участвовали пятнадцать человек. Основным оратором был Бограчев. Он с хасидским пылом говорил о том, что сионистская молодежь должна ехать в Эрец-Исраэль не на три года, как предлагал Усышкин, а становиться пионерами строительства и заселения Эрец-Исраэль. Его слова произвели большое впечатление, и даже была создана сионистская организация под названием «хе-Халуц»{489}.

Второе собрание, повлиявшее на меня, было устроено организацией «Нахалат Авот» в доме Ципмана. Речь держал Яаков Рабинович. Темой его лекции была «Весна и евреи». Имелась в виду, конечно, «политическая весна». Рабинович безжалостно обрисовал, какое будущее ждет российских евреев после осуществления «великих реформ» в стране и после того, как начнутся изменения в жизни страны и в жизни ее народа. «Сейчас, – говорил Рабинович, – у нас есть еврейский вопрос в России, и это вопрос с большой буквы. После русской революции еврейский вопрос в России будет лишь одним из еврейских вопросов в государстве, и далеко не самым важным. По одной простой причине: Россия будет не одна – будет еврейский вопрос в Польше, еврейский вопрос на Украине, еврейский вопрос в Литве, еврейский вопрос в Латвии и так далее. В самой России не так много евреев, и поэтому в России еврейский вопрос не будет стоять остро. Однако острота еврейского вопроса во всех этих странах явится следствием подъема против евреев среднего класса всех этих народов. Противодействие евреям в нынешней России – это противодействие властей, а в будущем противодействие евреям в странах, которые ныне находятся в черте оседлости, примет народный характер, будет представлять собой противодействие наиболее важных классов общества. И у нас нет повода надеяться на улучшение положения евреев в этих государствах. Можно прогнозировать лишь его ухудшение».

После лекции Яакова Рабиновича началась дискуссия. В дискуссии, помнится, участвовал от «Поалей Цион» один студент Киевского университета по фамилии Слоним. Он убедительно доказал, что Яакову Рабиновичу не свойственна монистическая точка зрения, и поэтому он не может видеть вещи так, как может и должен видеть их марксист. Рабинович ответил на это, что не опасается быть эклектичным и даже является противником

монистических воззрений, заключающих реальность в рамки монизма и полагающих, что если факты не соответствуют монистическому учению, то тем хуже для фактов; тем не менее он опасается того, что те удары, которые евреи получат, тоже будут монистическими.

После собрания я остался, долго разговаривал с Рабиновичем, и мы подружились. Он потом часто гостил у меня. В своих многочисленных беседах мы много спорили о работе в Эрец-Исраэль, о заселении и его способах. Благодаря этим спорам мне стали понятны образ мыслей Рабиновича и ход его рассуждений. Я всегда мог узнать его под любым из многочисленных псевдонимов, которые он использовал. В те дни в ежемесячном журнале «Ди Идише цукунфт»{490}, который издавал д-р Йехезкель Вартсман, вышла статья под названием «Дер Ционизм ун дер территориализм», автором которой был указан «Сионист-пролетарий». Я сказал Яакову Рабиновичу, что автор этой статьи – он. Хотя это и абсолютно отрицалось им, но по манере отрицания я сделал вывод, что мое предположение верно. Я сказал ему, что он также автор брошюры «Эрец-Исроэл одер Уганде», которая появилась в Вильно в те дни, подписанная псевдонимом «Простой сионист». В этом он признался и добавил с улыбкой: «От тебя не скроешься под маской…»

Эти беседы с Яаковом Рабиновичем доставляли мне большое удовольствие и многому научили. Он ценил мою осведомленность в вопросах истории и экономики, но все равно не прекращал предупреждать меня о «марксистской опасности» и страшился, что у меня есть склонность к этому учению, хотя в то же время признавал, что не боится того, что я прийду к монизму. Особенно мне нравилось беседовать с Рабиновичем о социал-демократии в Германии и слушать его блестящие «лекции», которые он читал, сидя у меня в гостях, – и я был единственным слушателем – про аграрный вопрос и споры вокруг него в социал-демократической партии Германии. Как бы между прочим он упоминал, что, по его мнению, среди немецких социал-демократов только у ревизионистов имеется революционная отвага. Во всяком случае у них больше революционной отваги, чем у ортодоксов социал-демократии – конечно, кроме еврейки Розы Люксембург{491}, о которой он говорил с особой злостью…

Третью дискуссию, которая произвела на меня большое впечатление, вели с одной стороны Шмуэль Нигер{492} и Вилли Лацкий{493}, а с другой – Борохов. Дело было в феврале 1905 года, после того, как участники конференции сионистов-социалистов были освобождены из-под ареста (их держали под стражей около пяти недель). Дискуссия велась две ночи подряд.

Начал ее Нигер с лекции, в которой объяснил, что в сионизме есть два направления: направление Герцля и направление Ахад ха-Ама, в отношении которых работает принцип: «И то и другое – слова живого Бога»; то есть в каждом из этих направлений есть своя социальная истина, но социальная истина первого направления является выражением реальных нужд народа, а социальная истина второго является выражением духовного кризиса «еврейского домовладельца». Затем он объяснил азы территориализма – что это реалистичное народное движение и высшее проявление истинного сионизма, призванное освободить евреев из плена изгнания. Практическая работа же, как сформулировано в «Нашей программе», – это выход из духовного кризиса. На следующий день Борохов подготовил ему свой ответ – изложение ответа затянулось на два с половиной часа, – в котором привел соображения, позже опубликованные им в статье «К вопросу о Сионе и территории» (она вышла летом 1905 года в русскоязычном сионистском журнале «Еврейская жизнь» под ред. Авраама Идельсона{494}).

Нигер и Лацкий отвечали ему в течение нескольких часов, они старались комментировать каждую его фразу. Борохов парировал кратко и остроумно.

Эти споры и обсуждения произвели тогда большое впечатление на слушателей, и было заметно, что они запали им в душу. Второй вечер дискуссии завершился в шесть утра…

Борохов на несколько дней останавливался у меня. Мы немного сблизились, но разговоры утомляли его, и общаться удавалось очень мало, он предпочитал работать, уединившись в моей комнате. Наши немногочисленные беседы были посвящены творчеству Ибсена, которое Борохов очень талантливо трактовал с общественно-философских позиций, он даже прочел несколько лекций по этой теме. Лишь дважды мы говорили с ним о сионистском вопросе, и меня очень впечатлило его остроумие. По поводу репатриации в Эрец-Исраэль с помощью «взятки» (бакшиша){495}, которой угандисты и территориалисты противились и утверждали, что освободительное движение «не должно красться, подобно вору», Борохов сказал: «Это не вопрос этики или эстетики, а вопрос политической целесообразности. Революционер, сидящий в тюрьме, должен – если у него есть такая возможность – подкупить сторожей, чтобы выйти из-за решетки и продолжить революционную борьбу. И никто не упрекнет его за это. Это тоже путь войны: пользоваться моральной слабостью врага. А почему тогда нельзя дать «взятку», чтобы войти в нашу страну и продолжить там нашу борьбу?» Мы говорили с ним также про опасность ослабления

чувствительности евреев к преследованию, о том, что они привыкли к условиям изгнания. Борохов видел в таком ослаблении серьезную опасность для существования нации, так как есть в этом некая атрофия чувства самосохранения, он даже отыскал точную научную формулировку для этого опасного пути развития, основанную на выводах психологических исследований Вебера-Фехнера{496}. Борохов окинул взглядом многочисленные книги по истории, стоящие в моей комнате, – большая часть их была посвящена вопросу заселения территорий вообще и истории русского заселения Сибири в частности, а также истории освобождения народов и войн за независимость. Он сказал: «Это правильно – учиться у других народов их путям достижения этого, но суть проблемы в том, что ни история, ни кто иной не могут здесь помочь: каждый народ должен найти свой путь и идти им. А как найти этот путь – философия, социология и экономика могут помочь в этом больше, чем история». В те дни, когда Борохов жил у меня, мы обедали вместе, и я ощущал, что мне выпала честь находиться рядом с необычным человеком, который отличался одновременно простотой манер, необычайной внутренней наполненностью и оригинальностью взглядов. О своем впечатлении от Борохова я писал в своей тетради: «Когда я слышал, как говорит Борохов, ведя дискуссию с Нигером и Лацким, я испытывал интеллектуальное наслаждение сродни тому, какое я испытывал, первый раз читая дополнения рабби Акивы Эйгера или полемику автора «Шаагат Арье»{497}. Однако в его словах не было никакого отрыва от реальности. Когда у меня была возможность наблюдать его вблизи, я чувствовал, что и в его характере проявляется величие этих раввинов…» Конечно, не все дискуссии и обсуждения велись на таком уровне и не все спорящие были столь находчивы в ответах оппонентам. В особенности когда оппонент обращался к системе новых утверждений и объяснений, о которых спорящий еще не имел возможности подумать заранее. Иногда возникали курьезные ситуации, а иногда – странные. Я помню одну из таких дискуссий в серьезной сионистской организации. Первым оратором в этой дискуссии был студент Давид Гипштейн, территориалист, один из лидеров «Поалей Циан»; вторым – д-р Мусинзон из «Ционей Циан». Д-р Мусинзон был известным лектором и трибуном; свой ответ Гипштейну, обстоятельный и развернутый, он посвятил… полемике с позицией «Мизрахи» по вопросу Уганды, которая, по его мнению, выявляет сущность территориализма в большей степени, чем марксистские объяснения оратора. Тот терпеливо выслушал и ответил кратко: он согласен с критикой позиции «Мизрахи», но предлагает слушателям сделать собственные

выводы из речи оппонента, как из того, что он сказал, так и из того, о чем умолчал…

По мнению многих из нас, все это были типичные отговорки. Мы вернулись с собрания в подавленном состоянии. Мы спорили, как лучше всего бороться с территориализмом, и пытались определить источник большой жизнеспособности нового движения, понять, чем оно так привлекательно. С нами была госпожа Дизенгоф. Когда я приехал в Эрец-Исраэль, госпожа Дизенгоф напомнила мне об этом собрании и о нашем споре после собрания: похоже, что не только на меня они произвели впечатление.

В первые дни января 1905 года в Вильно по инициативе Усышкина и его ближайших сподвижников был созван съезд активистов «Ционей Цион». Съезд не был свободным – на него рассылались приглашения. Главной целью съезда было организовать выборы делегатов на седьмой сионистский конгресс{498} и гарантировать движению «Ционей Цион» не просто большинство на седьмом конгрессе, а подавляющее большинство. Это позволит избежать какого бы то ни было компромисса с территориалистами и угандистами и вынудит их покинуть Сионистскую организацию. Второй целью съезда было установить принципы практической работы в Эрец-Исраэль, сформулировать требования к конгрессу в отношении этого вопроса, а также подготовить несколько проектов для представления их на конгрессе (в том числе создание средней школы в Яффо). Съезд в Вильно вызвал серьезную обеспокоенность в кругу одесских членов «Ционей Цион». Особенно сильную тревогу он породил среди «столпов» организации. На собрании лидеров «Ционей Цион» деятели движения не захотели даже слушать отчет о решениях совета в Вильно. Ораторы говорили, что съезд окутан пеленой секретности и организаторы его поступили чересчур своевольно, не пригласив на съезд всех, кто хотел приехать, – устроили что-то вроде «диктатуры» домовладельцев в маленьком городке. В конце концов организационные вопросы утряслись. Однако у всех надолго сохранился неприятный осадок от этих споров, а особенно – от причин, вызвавших их.

Я был недоволен направлением хода событий. Я считал, что действительно важно подчеркивать однозначную ориентацию на Эрец-Исраэль и противодействовать любым изменениям в Базельской программе{499}, но что нет необходимости «вытеснять» территориалистов из Сионистской организации. Первостепенную значимость имеет быстрота воплощения идей сионизма, а это возможно лишь при объединении усилий всех

противников жизни в диаспоре. Так же как и «всякий, отвергающий идолопоклонство, считается евреем», так и всякий, отвергающий галут, считается сионистом – отрицание и отвержение галута является необходимым и достаточным условием принадлежности к сионистскому движению и Сионистской организации. Практическая работа в Эрец-Исраэль сблизит тех, кто разобщен, и сплотит общий лагерь. Но любой раскол в Сионистской организации – это непоправимая беда. Я считал неправильным, что в параграфе о практической работе в Эрец-Исраэль – за исключением упоминания о выкупе земель – абсолютно ничего не сказано о программе заселения и даже не исследована эта проблема: в предложениях речь идет только об организации еврейского ишува{500} и создании организаций, действующих в пользу Эрец-Исраэль. Конечно, массовое переселение евреев будет возможно только тогда, когда мы получим государственные права на Эрец-Исраэль, но для этого необходимо создать в Палестине некоторое количество поселений в качестве базы. На эту тему Яаков Рабинович много спорил со мной:

– Вы предлагаете и бундовцев тоже ввести в ряды Сионистской организации?

– Если только они захотят! За их вступление в Сионистскую организацию я бы отдал полжизни!

– Может, оно и к лучшему, что не хотят. Сможешь оставить эти полжизни себе! – Он улыбнулся мне и с тех пор укрепился во мнении, что я сторонник Бунда.

Кажется, он даже как-то писал в газете «Давар»{501}, что я пришел в сионизм из Бунда. Усышкин тоже был уверен, что я «бундовец», – лишь в 1940 году, когда я приезжал к нему вместе со своим сыном, он рассказал мне, что только сейчас ему стало известно о моей бытности активистом «Ционей Цион» в Одессе; он думал, что я пришел к сионистам-социалистам из Бунда.

То, что я говорил, было неприемлемо для моих друзей, даже для самых близких, и уж конечно это выглядело совершенно невозможно для территориалистов, многих из которых я хорошо знал по городскому сионистскому комитету. Я убеждал их в том, что угандизм следует предпочесть территориализму и что следует постоянно и непрерывно заниматься практической работой в Эрец-Исраэль, – но безуспешно. В те дни были опубликованы решения съезда территориалистов в Варшаве, в них было включено требование об изменении Базельской программы и выражался протест в отношении любой поселенческой и даже социально-национальной деятельности в Эрец-Исраэль. Большинство участников с радостью поддержало

эти решения. Было ясно, что раскол на конгрессе неизбежен и что территориалисты – в еще большей степени, чем «Ционей Цион», – абсолютно не видят и не ощущают многочисленных трудностей, стоящих перед ними.

В те дни я пытался собрать ядро новой сионистской партии, которая станет партией рабочих и широких еврейских масс. Уже в первые месяцы пребывания в Одессе у меня установились дружеские отношения с сионистскими активистами из «Амха». Я подолгу разговаривал со многими из них. В этих разговорах я прояснил сам для себя многие проблемы – по природе своей я отношусь к тем людям, мысль которых пробуждается и становится активной тогда, когда они пытаются донести ее до других и убедить их путем споров и обсуждений. В числе активистов были братья Левины, молодые рабочие: один – слесарь, а другой – рабочий бумажной фабрики (их сестра была моей ученицей в кружке «Шахар Цион») и еще несколько человек: рабочие, ремесленники, студенты и экстерны. Образы некоторых из них встают передо мной и сейчас. Вот Баркон – высокий и широкоплечий, с крепкими мускулами и железными нервами, речь его была громкой, смачной и остроумной – он то и дело сыпал острыми словечками. Он представлял собой интересный для меня человеческий типаж – была в нем удивительная смесь народного одесского сионизма и рабочего самосознания, он любил свою работу и преуспевал в ней. А вот Владимир Эршлер, студент медицинского факультета университета, зарабатывающий на жизнь уроками и умеющий беречь каждую минуту своего времени, – с тонкими чертами лица, мечтательными глазами и длинными тонкими пальцами; с тихой речью и плавной походкой, широко эрудированный; его суждения всегда были исполнены аристократической скромности. Общаться с ним было очень приятно. А рядом с Эршлером – Бромберг, экстерн, готовившийся к выпускным экзаменам, – деревенский парень, широкоплечий и краснощекий, диковатый и неотесанный, шумный, запальчивый, с пылким темпераментом. Он всегда был занят – но часто не мог усидеть за столом, решая задачи по тригонометрии, когда его волновали задачи из совершенно иной области: сионизм и его скорейшее воплощение. Было еще несколько активистов и активисток, с которыми мы обсуждали сионизм и его проблемы. После того как моя скромная критика съезда в Вильно потерпела неудачу (эта неудача более отчетливо стала заметна на одном собрании с небольшим числом участников, на котором были Шенкин{502} и Борохов, – когда я попытался подвергнуть критике некоторые решения, задать несколько вопросов про Эль-Ариш{503} и прощупать таким

образом, будут ли они готовы меня выслушать), я стал посвящать больше времени не только беседам с друзьями-активистами, но также изучению ряда вопросов. На моем столе, подоконнике и полу лежали стопки книг: сочинения по еврейской истории, различная сионистская литература, в том числе нелегальное «Возрождение»{504}, альманахи Сыркина «Дер Хамойн» и «ха-Шахар», книги по истории переселений и эмиграции, по истории освободительных войн, пособия по истории государства и по социологии – книги Еллинека{505} и Гумпеловича{506}, Барта{507} и Градовского{508}. Во всех этих источниках я искал подтверждение своим мыслям и способ общей проверки принципов, совокупность которых я назвал «основные пути воплощения идей сионизма».

Свои соображения я записал по-русски (некоторые отрывки этих записей сохранились у меня на долгие годы). Вначале я сформулировал программу из трех пунктов: цель, средства и исполнители. Цель сионизма – быстро поднять еврейские народные массы с мест их проживания и организованно переправить их в Эрец-Исраэль. Эта цель представляет собой квинтэссенцию еврейской истории, и вся наша жизнь ведет к этой цели, хотим мы того или нет. Средство достижения этой цели – новое политическое, национальное и социальное объединение еврейского народа. Это объединение должно охватывать все бытие еврейского народа и преодолевать все стихийные процессы нашей жизни, направляя их на достижение цели сионизма. Исполнитель идеи сионизма – это «народные массы»: трудящиеся, ищущие работу и не имеющие никакого дохода. Этим слоям населения по своему социальному положению и статусу надлежит быть естественными носителями идеи сионизма. Однако стоит учитывать то, что стихийные жизненные процессы зачастую способны привести к истощению тех немногих внутренних сил, которые у нас были раньше, и что выделение определенного класса – трудящихся, – который должен стать проводником идеи сионизма, может повредить восстановлению национального единства, над созданием которого мы трудимся. После того как я споткнулся об эти многочисленные препятствия, внутренние и внешние, стоящие на пути воплощения идей сионизма, я сделал несколько практических организационных и политических выводов. С политической точки зрения нам следует «захватить» Эрец-Исраэль территориально и экономически с помощью поселенческого движения, на которое организованный нами народ направит все свои усилия. Для этого необходимо обеспечить такую политическую и национальную организацию, чтобы деятельность в Эрец-Исраэль стала частью жизненного

процесса; смысл ее – территориальная концентрация еврейского народа с целью немедленного переселения евреев из стран их нынешнего проживания. Профессионально-классовая борьба и воспитание еврейского рабочего класса также должны вестись в этих рамках. Отсюда я сделал организационные выводы: следует создать сионистскую рабочую партию, приверженную идее Эрец-Исраэль, но освобожденную от «идеологии» Ахад ха-Ама и радикально отрицающую галут. Эта партия должна поставить своей целью осуществить перестройку Сионистской организации путем создания внутри нее системы комитетов: комитет по эмиграции и поселенчеству, комитет по самообороне – для защиты от погромов и чтобы вершить суд над погромщиками; комитет профессиональной подготовки и экономической взаимопомощи; комитет народного образования. Я особо подчеркнул, что даже новая партия, партия рабочих сионистов-социалистов, и ее структура, подразумевающая социальное и профессиональное объединение, тем не менее, будет оставаться в рамках сионизма, как и любая партия и любое политическое движение, функционирующее в рамках государственности и не выходящее за них. Каждый из этих комитетов объединит вокруг себя людей, полных энтузиазма, которые будут всецело отдавать себя задачам комитета: эмигранты и переселенцы, члены отрядов самообороны, рабочие и ремесленники, учителя и родители, дающие детям еврейское воспитание. Практическая работа в Эрец-Исраэль будет непосредственно связана с переселением и защитой, профессиональным политическим движением, а также с социальной и экономической деятельностью. М. Алейников очень хотел создать партию «Поалей Цион», близкую по духу к «Ционей Цион» и направленную против территориалистов. Он полагал также, что моя критика решений съезда в Вильно содержит немало разумных доводов. М. Алейников предложил мне войти в контакт с Шимоном Дубиным, который был его хорошим приятелем, и предложил свои услуги в качестве посредника между нами. Имя Шимона Дубина было хорошо известно сионистской молодежи. Он был уроженцем города Корсунь Киевской губернии. Мне казалось, что Яаков Дубин, корсуньский частный адвокат, из дома которого мне приносили первые книги для самообразования, был его отцом. Я слыхал о нем как об авторе брошюры «Выкуп земли», первой брошюры о Еврейском национальном фонде (на идише), которая имела большой успех в ходе сионистской агитации и имела выраженную сионистско-социалистическую направленность.

Я знал, что Дубин приехал в Одессу для участия в сионистско-социалистической конференции, а также в комиссии

по вопросам самообороны (он был арестован в числе прочих участников и освобожден через несколько недель). По словам Алейникова, наши взгляды на сионизм во многом совпадают: мы оба хорошо знаем «Хибат Циан» и историю поселенческого движения. У нас обоих романтическое отношение к Эрец-Исраэль и «территориалистская» точка зрения в оценке ее проблем.

Я два раза встречался с Дубиным. При знакомстве Дубин произвел на меня большое впечатление: в нем было что-то от ясновидящего. Высокий, с продолговатым лицом, темнокожий – как будто загорелый – и черноволосый; в нем чувствовалась большая жизненная сила, чуть прикрытая его природной мягкостью; деликатность и вежливость в отношении к ближнему – и удивительная искренность в словах, которые слетали с его уст нечасто, но каждое его слово было взвешенным, размеренным и весомым. Я рассказал ему вкратце про свою программу, и он по моему стилю изложения сразу понял, что эти мысли уже записаны мной в виде конспекта; он предложил, чтобы я дал ему свои записи, и он их прочтет. Я согласился. Мы договорились встретиться через три дня, он за это время посмотрит мой конспект. Я не мог сдержаться и заставил его выслушать мои устные объяснения к записям, которые я ему передал. Он сказал, что на самом деле у нас больше единомышленников, чем мы привыкли считать. Он напомнил мне про Йеремию (Йехуду Новаковского{509}), друзей из Екатеринослава и прочих. Вторая встреча была более продолжительной – с четырех часов дня до семи вечера. Мы спорили. Дубин сказал мне, что «подобный ход мыслей ему хорошо знаком». Он видел уже немало программ, написанных в таком духе. Его интересует эта программа постольку, поскольку она в определенной мере отражает глубинное брожение среди молодежи. В числе прочих людей, упомянутых им во время этой встречи, он вспомнил Берла{510} – юношу-активиста из Бобруйска. По этой программе, сказал он, можно узнать те составные части, из которых она составлена, – в ней видны люди, события и идеи, положенные в ее основу; но элементы программы, по его мнению, соединены чисто механически и смотрятся в ней неорганично. «Вот, например, откуда берется социализм в твоей программе? Он у тебя появляется, как Deus ex machina. А по логике текста следовало бы сделать вывод, что и рабочая партия, и социализм – до тех пор, пока он необходим, – должны быть представлены в рамках политического сионизма. Или вот еще, территориализм и сионизм – который, собственно, и есть „Хибат Циан“, и по мне этот термин ничуть не хуже, – ты соединяешь вместе; такого быть не должно: либо надо говорить, что территориализм будет

реализован только в Эрец-Исраэль, либо что он может быть воплощен также и за пределами Эрец-Исраэль; но это нужно сказать ясно и определенно». И вот так абзац за абзацем… И под конец он сказал: «Мысли кое в чем похожие на твои есть у моего друга Йеремии (Йехуды Новаковского), но только он уже вышел за рамки идей Герцля, а ты еще до сих пор пребываешь под их влиянием». И Шимон Дубин вкратце объяснил мне основы новой «теории», согласно которой еврейский вопрос будет решен посредством еврейского самоуправления, которое не просто будет признано государством, а станет неотъемлемой частью государственного строя (подобно еврейскому сейму). Он сам считает этот путь наиболее правильным, хотя и полагает, что в моей программе есть интересные моменты, на которые еще не обращали внимания.

Помню, как остро я отреагировал на то, что он стал сравнивать мои тезисы с идеями Йеремии. Я сказал, что я не приемлю такую точку зрения. «Евреи в течение многих поколений верили, что в час, когда придет Мессия, все гои станут праведниками, а истинный смысл этой «теории» заключается в том, что Мессия придет только после того, как все гои станут праведниками…»

И хотя я видел, что ему не по душе употребляемые мною слова «евреи» и «гои», я продолжил и заявил, что идея о том, что выход евреев из галута явится итогом исторических процессов, которые улучшат положение евреев в странах их проживания, кажется мне полным абсурдом. Если следовать этой логике, то было бы более логично, если бы Йеремия со своими товарищами предложил программу заселения евреями России, чтобы решить таким образом еврейскую проблему… «Кроме того, – добавил я с улыбкой, – здесь есть уже будущее "правительство" (лидеры революционных партий), с которыми уже можно начать вести переговоры. Похоже, – сказал я, – что таким образом можно будет проверить, насколько "истинны" все территориалистско-"сеймистские"{511} программы».

Дубин не стал со мной спорить. Он лишь слегка усмехнулся. Моя аргументация казалась ему чем-то слишком наивным и непосредственным, хотя в моих словах содержались отправные точки для совместного обсуждения. Между прочим, когда я говорил о «стихийных процессах» нашей жизни, я отметил, что деятельное участие евреев в русском освободительном движении растет день ото дня и охватывает массы, что также можно расценивать как «стихийный процесс».

Моя критика была более жесткой, чем критика Дубиным моей программы. Но несмотря на серьезную критику, которой он

подверг мою программу и ее положения, он хотел встретиться со мной и с остальными членами моей ячейки. А с ним придут еще двое-трое знакомых (Йеремия, некий Фельдман и, возможно, Беня Фридлендер). Было похоже, что Алейников несколько преувеличил количество членов ячейки, а Дубин и его коллеги были заинтересованы в том, чтобы опереться на одесские «народные массы».

В назначенный день я позвал к себе Эршлера, Бромберга, Левина – и вышел к воротам ожидать прихода Дубина с товарищами. Он пришел один, его друзья отказались прийти. Они против того, чтобы вести какую бы то ни было дискуссию со мной. Они теперь не обладают свободой действий, да и он, Дубин, несвободен теперь в своих поступках. Он и его товарищи были избраны в центральный комитет партии сионистов-социалистов, и он дал обязательство не вести агитацию за Эрец-Исраэль в какой бы то ни было форме и, разумеется, ни под каким видом не может принимать участие в какой-либо организационной деятельности. Разговор будет касаться Эрец-Исраэль? Он имеет право сохранять личные симпатии к Эрец-Исраэль, но не может вести агитацию. Он дал на это согласие: «Мои чувства в отношении Эрец-Исраэль являются моим личным делом, и я не имею права использовать их как политический фактор и принимать решения под их влиянием».

Я был крайне разочарован. Еще большее разочарование испытали мои друзья.

В те дни я вступил в группу самообороны при Одесской сионистской организации. Напряжение росло по всей стране. После 9 января{512} страну захлестнула волна забастовок и демонстраций, все чаще происходили столкновения с полицией и покушения на представителей власти. И евреи с каждым днем принимали все более активное участие в этих волнениях. 19 января в 10 часов утра произошло покушение на начальника одесской полиции. Покушавшимся был молодой еврей из Бердичева. В начале февраля были погромы в Феодосии (Крым). Судя по характеру погромов, они были организованы властями для борьбы с революционными беспорядками и получения поддержки определенных слоев общества. Там была забастовка рабочих, и часть бастующих были евреи. И вот, когда началось собрание бастующих, к ним примкнуло несколько молодчиков, которые стали кричать «Бей жидов!» – и начались погромы… Были человеческие жертвы, убитые и раненые, грабеж и разор.

Почти из всех крупных городов пришли известия о создании «лиг патриотов», «национальных объединений», которые ставили своей целью «укрепление власти» и борьбу с евреями. Печатались

воззвания и организовывались банды хулиганов – чтобы нападать на евреев. Помню листовку, напечатанную национальным объединением Киева, Николаева, Одессы, Херсона, Кишинева, Бендер, Акермана и других городов. В этой листовке говорилось, что «смута и беспорядки в России» – это следствие «русской безалаберности и непрактичности», и из-за этого «мы не уделяем достаточно внимания действиям представителей окружающих нас народов». «Жиды, армяне, поляки, грузины и другие хотят захватить в свои хищные лапы власть над теми, кто десятки лет непрерывно проливал свою кровь за веру и за царя». «Остерегайтесь жидов, друзья… скоро, скоро придет прекрасное время, когда их в России не станет. Главное зло, главная беда нашей жизни – это жиды! Долой изменников, долой конституцию!»

Шли слухи, что 19 февраля, в день отмены крепостного права, выйдет царский указ об участии представителей населения в законодательной власти, будет издана конституция – и вместе со всем этим пройдут погромы… Комитет самообороны организовывал группы и раздавал оружие. Я тоже получил оружие и начал упражняться в стрельбе. Меня даже назначили ответственным за организацию небольшого «боевого подразделения». Было распространено обращение к русскому обществу в связи с ожидающимися погромами. Я принимал участие в напечатании этого обращения. Мы устроили типографию в доме студента Н. Шимкина (впоследствии – известный врач в Хайфе) на Нежинской улице. Меня позвал туда Махлис, член организации «Нахалат Авот» (ныне – Михаэли, инженер в Тель-Авиве). Но только мы сели за работу, как пришла госпожа Шимкина, испуганная и дрожащая, и попросила нас прекратить: швейцар побежал в полицию и сказал, что сейчас приведет их сюда. У нее есть основания опасаться, что швейцар нас подозревает, и полиция сейчас придет и арестует нас. Я предложил перенести печатный станок в мою комнату, которая находилась в другом конце города – на углу Ремесленной и Базарной. Спустя полчаса мы уже расположились в моей комнате и продолжили работу. Ранним утром Махлис покинул мою комнату с чемоданом, наполненным листовками. Домохозяйка спросила меня, не мешал ли нам ночью стук, раздававшийся у соседей? – Еще бы! Я из-за этих стуков тоже всю ночь пробеседовал с приятелем! Не мог заснуть…

День 19 февраля прошел спокойно, а официальная газета «Ведомости одесского градоначальства» даже опубликовала ядовитую заметку:

«Пришло время прекратить ложь и клевету!» В заметке

осуждались те, кто «шлют делегации местным властям и просят защиты от мнимых нападений», – пусть лучше следят за своими детьми, чтобы они не играли в «забастовку», и не рассказывают выдумки, что покушение на жизнь начальника одесской полиции было совершено по личным мотивам, а вовсе не было проявлением политического террора. В качестве ответа на эту заметку в русскоязычном еврейском издании «Восход» было напечатано письмо в редакцию за подписью более чем тридцати одесских евреев – писателей, журналистов, адвокатов и врачей. В числе подписавшихся были также представители сионистского лагеря – Ахад ха-Ам, Бялик, Бен-Ами{513}, Дизенгоф{514}, д-р Гиммельфарб{515} и другие, а также радикалы: Секер, Бикерман, Хейфец и др. Они писали, что официальной прессе хорошо известно лучше нашего о том, обоснованны ли слухи о погромах. Однако после погромов в Кишиневе, Гомеле, Могилеве, Смиле и многих других местах у евреев есть достаточно веские основания, чтобы скорее поверить в реальность погромов, нежели в реальность того, что администрация защитит их от погрома. Пришло время официальной газете понять, что просьба о защите – это не просьба, а законное требование, так как предотвращение погромов и насилия – первейшая обязанность администрации, безбедно существующей на общественные средства. Я помню, как во время чтения этого письма я отметил две фразы, которые, как я полагал, внес Ахад ха-Ам… Через двенадцать лет, во время Первой мировой войны, когда я был в Петрограде и подружился с Йосефом Бикерманом – его подпись стояла под этим письмом, и у меня были основания предполагать, что и к составлению письма он тоже приложил руку, – я спросил его: какая доля письма была написана Ахад ха-Амом? – Две-три фразы внес и две-три фразы предложил убрать. И я испытал большое удовольствие, когда услышал из его уст подтверждение моего предположения о том, какие фразы добавил в письмо Ахад ха-Ам…

В те дни у меня было ощущение, что мы недостаточно отдаем себе отчет в том, какая опасность нам угрожает, не видим, как она становится все более серьезной, и не делаем того, что можно и нужно делать. Это ощущение мне отчасти удалось выразить в разговорах с бойцами моего «подразделения», которому я стремился придать облик стабильного объединения. Я полагал тогда, что условия располагают к тому, чтобы организовать всю еврейскую молодежь для самообороны.

Подготовку к экзаменам я совершенно забросил; лишь городской библиотеке я оставался верен в течение всего этого времени. Свои личные дела я тоже полностью оставил. Как я уже говорил, основу моего «капитала» составляли сбережения, и

дополнительные уроки я брал только в случае самой крайней необходимости. Кроме того, я немало тратил на покупку новых книг. Нельзя сказать, что с пищей и одеждой у меня было все в полном порядке. Мои друзья долго со мной боролись, чтобы я лучше следил за собой. С этой точки зрения у меня сохранились очень приятные воспоминания о моих учениках и ученицах и о Моше Перельмане. Помню, как группа учениц из организации «Шахар Цион» преподнесла мне подарок – капюшон. Зима была холодной, я то и дело отмораживал уши и простужался. Когда я отказался принять подарок, ко мне подошла одна из учениц, девушка семнадцати лет, миловидная и острая на язык, Эмилия Гольдшлаг, с подружками и пригрозила, что они силой наденут на меня этот капюшон.

Ученицы из этой же группы заметили, что подкладка в рукаве моего пальто отпоролась от рукава, и каждый раз, одевая пальто, я старался, чтобы рука не попала между подкладкой и тканью пальто. Как-то раз во время одного урока – я давал уроки в домах нескольких учениц по очереди – мама ученицы и ее сестра зашили мне пальто; после урока, когда я одевал пальто, я очень смутился: не нашел подкладку… и безуспешно пытался ее нащупать – все домашние просто покатывались со смеху…

Одним из моих самых близких друзей в то время был Моше Перельман, член организации «Бней Моше», торговец и маскил, хасид и знаток Книги. Я познакомился с ним в «Явне» через Хаима Гольдберга. Но подружились мы благодаря моему знакомству с «ха-Шахар» и с хасидской литературой. И то и другое было ему тоже близко. У Моше было два брата; один, Аарон Перельман{516}, был членом группы «Херут» со дня ее основания Нахманом Сыркиным, потом – сеймистом, а в конце концов стал директором книжного издательства «Брокгауз и Эфрон»{517} в Петрограде. Их младший брат был членом одной из организаций, в которой я состоял, и позвал меня как-то раз к себе на чашку чая. За столом велась беседа о литературных псевдонимах в связи с появлением в Одессе нового русского журнала «Южные записки», в котором почти все писали под псевдонимами. Я сказал: псевдоним в той или иной степени является именем человека, и какая разница, если Соколовский пишет под фамилией Ежов или если Абельсон подписывается как Осипов, а Ланде – как Изгоев? Вместо одной фамилии ставится другая. И ничего более. И метод у всех один и тот же: Абельсон не выбирает псевдонимом фамилию Бар-Лба, а Ландау не выбирает псевдоним Лурье! Но в еврейской литературе предыдущего поколения – и отчасти нынешнего – есть много разных странных псевдонимов! И тут уже нет никакого метода! Все стали смеяться.

– Например? – спросил Моше Перельман.

Я начал приводить примеры: Йоэль Бен-Каназ, Ор Шени, Кадма ве-Азла, Яхец Бен-Рахца, Теко…

– Разве это странные псевдонимы? – говорит Перельман. – Вот я скажу: Авраам Лемех бен Малхиэль ха-Дани, Адам Тапуах-Захав, Гар Даль Мах Ани, Явец Йешу Сар Эсек, Нахум бен Озер Ацивски, Шофет ме-Хар-Синай, Хад мин Хеврайя, Йедайя ха-Иври Иш Волыни… Тебе эти имена знакомы? Ты знаешь их? В наши дни и в еврейской литературе с псевдонимами все в порядке: Хашмонай, Бальшан, Шолом– Алейхем{518}, Ахад ха-Ам, Иш Йехуди, Йехуди.

– В этом нет ничего странного! Не все из них мне знакомы, – сказал я, – но те, которые в «ха-Шахар», мне более или менее известны, например, Ор Шени – Шнеур – Шнеур Закс{519}; Йоэль Бен-Каназ – Зеев Явец; Кадма ве-Азла, Нахум бен Озер Ацивски – Й.-Л. Кантор{520}; Хад мин Хеврайя – Йехуда-Лейб Левин{521}; Гар Даль Мах Ани – Михл Гордон{522}.

– А знаешь ли ты, – продолжает спрашивать Моше Перельман, – что первые псевдонимы появились очень давно?

– Конечно!

– Например?

– Яабец: Яаков Эмден бен Цви!

– Это уже не псевдоним!

– Рав Йиви? Рав Яаков-Йосеф бен Йехуда?

– Ты видел хоть раз эту книгу? Ты знаешь, кто это?

– Я почерпнул, – сказал я смеясь, – из идей рабби Яакова-Йосефа, раввина из Острога, что есть три вещи, имеющие ценность в наши дни.

– То есть?

– «Весь народ Израиля един, и все евреи неразрывно связаны друг с другом». «Каждый человек из народа Израиля – это лестница, стоящая на земле, а вершиной упирающаяся в небо». «Речь человека – это ветер, а дела – это душа его…»

Мы подружились – и с тех пор Перельман не давал мне покоя: «Сила твоя предназначена для изучения Торы! Ты человек непрактичный. Так что сдавай свои экзамены, езжай за границу, занимайся «наукой Израиля» и поселись в Эрец-Исраэль».

Моше Перельман несколько раз говорил мне, что ему не нравится цвет моего лица и он опасается за мое здоровье. В начале нисана он пришел ко мне и сказал: я нашел тебе «кондицию» – богатый еврей, владелец табачной фабрики, твой земляк – из городка Лохвица, зовут Исайя Дунаевский, ищет учителя своим детям. Я порекомендовал тебя. Я пообещал ему, что принесу рекомендацию хоть от самого Бялика, если будет

нужно. Поезжай! Ты хоть чуть-чуть поправишься, и у тебя будет время, чтобы заняться учебой!

– От Бялика? Но ведь он меня совсем не знает!

– Да хоть от Ахад ха-Ама! Зато я тебя знаю. Пойдем сейчас же к Бялику.

– К Ахад ха-Аму я не пойду!

Он громко засмеялся:

– Я тебя сейчас и не возьму с собой – это не так просто!

Мы договорились, что он только представит меня Бялику, а затем оставит меня с ним. Он согласился с таким условием. Бялик жил недалеко. Был послеполуденный час, где-то между четырьмя и пятью. «В это время, – сказал Перельман, – к нему удобно прийти». Перельман сдержал слово: представил меня – и испарился. Я коротко рассказал Бялику суть дела и сказал, что я не хочу от него никакой рекомендации, а просто пользуюсь предложением моего друга, господина Перельмана, познакомиться с ним. Он задал мне несколько вопросов о моем учебном пути – поговорил немного о различиях в системах обучения воложинской и тельшайской йешив. На вопрос Бялика, почему я отказываюсь от рекомендации, не потому ли, что я не уверен, что он мне ее даст? – я ответил: «Нет, по другой причине: я не уверен, что она поможет. По словам господина Перельмана, жена этого богача ведет переговоры с другим учителем. А в таких ситуациях мнение жены становится решающим. И я не думаю, что этого еврея можно переубедить одним лишь письмом от Бялика…» Бялик засмеялся и согласился. И лишь добавил: «Если будет нужно, дам тебе рекомендацию с большим удовольствием. Мне ясно одно: ты учил Тору. Для меня этого достаточно».

На следующий день Перельман встретился с Дунаевским. Господин Дунаевский пригласил меня приехать в Лохвицу. Даже если его жена уже пригласила учителя, он готов в любом случае взять ответственность за поиск работы для меня: у них в городе есть талмуд-тора{523} – и там нужен учитель русского языка и арифметики, есть школа для девочек – там нужен учитель иврита и истории Израиля. И еще у меня будут частные уроки.

Я сообщил, что в воскресенье еду домой, и если он хочет пригласить меня – я охотно приеду. Мы договорились, что он известит меня письмом, какую работу мне готовы предложить в его городе. Я дал ему свой адрес, и только тогда он узнал мои имя и фамилию. Он повернулся к Перельману и сказал: «Почему ты не сказал мне, что это Бен-Цион Динабург из Хорала? В наших краях это «говорящее имя», и он не нуждается ни в каких рекомендациях». Перельман засмеялся: «Я ведь не из ваших мест, откуда мне знать, что он у вас настолько известен? Но я рад

слышать это!»

Тот день был полон переживаний. После этой встречи я собирался пойти в городскую библиотеку: за два оставшихся дня я хотел дочитать книгу «Римская империя» (хрестоматия переводных статей, написанных лучшими историками и отобранных известным ученым Павлом Виноградовым), которую я читал в последние дни, и она мне очень нравилась. Последняя статья в книге была посвящена императору Юлиану, и я не хотел уезжать из Одессы, не дочитав статью. Судьба Юлиана – его опыт, сила духа и связь с евреями – волновали меня. Задумчивым и печальным я вернулся из библиотеки – по дороге я решил заскочить на почту, написать открытку родителям и сообщить им, что я приеду после субботы и проведу дома все праздничные дни. Главный одесский почтамт представлял собой очень красивое здание – мне нравилось писать открытки в первом зале его, потолок которого был стеклянным и дневной свет проникал прямо сквозь стекло. И вот я стоял возле одного из столов и писал открытку, как вдруг почувствовал, что кто-то пристально на меня смотрит. Я поднял голову. Передо мной стоял высокий и худой пожилой человек, хорошо одетый, с изящной тростью в руках, и смотрел прямо на меня с нескрываемым любопытством сквозь золотые очки.

– Прошу прощения, – сказал я, – господин обратился ко мне с вопросом, а я не расслышал?

– Нет, – ответил он по-русски и сразу перешел на «немецкий идиш», – но я хотел спросить у вас, молодой человек, одну вещь, и я прошу прощения, что вам помешал. Ваша фамилия Дэнэбург?

– Примерно так, – сказал я, – моя фамилия – Динабург.

– А не внук ли вы Цви-Яакова Дэнэбурга, или Динабурга, как вы сказали?

– Да, – ответил я, – но мой дед умер аж сорок три года назад, в 1862 году…

– Да, я знаю, я виделся с ним пятьдесят один год назад, в начале Крымской войны. Наша семья тогда уехала из России…

И старик рассказал мне, что он рос в городе Нежине Черниговской губернии вместе с моим дедом; затем их семья покинула Россию и эмигрировала в Австрию, в город Львов в Галиции, а оттуда перебрались в Венгрию. Теперь он преуспевающий крупный торговец и периодически приезжает в Россию по своим торговым делам. Следующей ночью он уезжает обратно. Его поразило, насколько я похож на своего деда. Он спросил меня, чем я занимаюсь. «Преподавание – это хорошо, – сказал он, – но и не хорошо. У твоего деда тоже была склонность к преподаванию, но он был вспыльчив, у него не хватало

терпения, и он думал, что все должны соображать так же быстро, как он! Он знал все наизусть: Гемару, законоучителей, Каббалу и все, что когда-либо читал… По памяти исправлял ошибки и делал корректорскую работу – но был далек от людей; был праведником – но был вспыльчив. Он не терпел возражений, не понимал многого в мирских делах – но я любил его. Если ты будешь учителем и сможешь держать себя в руках – хорошо, если нет – закончишь так же, как твой дед: он очень молодым ушел из этого мира. Из-за своей вспыльчивости… Да, кстати, у меня есть много писем от него!..»

Разговор с этим человеком («Горовиц меня зовут, и у меня есть еще родственники в Нежине!») взволновал меня: уже второй раз отмечают мое сходство с дедом и предсказывают мне, что умру в молодости! И это было лишь только первым моим переживанием этого дня. После почтамта я пошел попрощаться с семьей Аарона Шифрина. Я хотел рассказать им про этот удивительный случай. Эта семья стала мне как родная. Отец – знаток Торы, дочь – редкая красавица, а сын – торговец, представитель нефтяной компании (брат Аарона Шифрина был одним из нефтяных магнатов в Баку). Когда я приехал в Одессу, то первым же делом пришел к ним в гости и застал переломный момент – споры с дочерью Женей: она хочет возобновить прерванную учебу, поступить в гимназию, а потом учиться на зубного врача – а родители «ищут ей женихов». Обе стороны согласились, что я буду «третейским судьей» в их споре, и как я скажу – так и будет. Я решил в пользу продолжения учебы; сын не мог простить мне моей готовности давать советы при том, что я сам столь непрактичен; а дочь была мне признательна. Потом я регулярно приходил к ним в гости. Отец проявлял уважение ко мне тем, что читал мне свои «примечания» к Мишне; а с Женей мы иногда ходили гулять. Она считала, что я остался йешиботником, и толкования Талмуда интересуют меня больше, чем красивые девушки… Разумеется, это было намеренное преувеличение с ее стороны. Мой отъезд из Одессы, о котором я не говорил ранее, удивил их. Их почему-то это задело. Родные так не делают, и друзья так не поступают. Их реакция несколько удивила меня. Я не чувствовал раньше, что они настолько сильно ко мне привязаны. И я даже сказал им об этом – что расстроило их еще больше.

Я ушел от них с ощущением, что, наверное, вел себя неправильно, хотя и не понимал толком, в чем именно виноват. Из-за этого разговора я не стал рассказывать им про свою встречу на почтамте, которая взволновала меня как сама по себе, так и из-за неявного пророчества, что я умру в возрасте деда. То, что я

никому не рассказал про этот случай, оставило его тяжким грузом на моем сердце. Только через два дня, в субботу, мне представился случай рассказать о нем Моше Перельману. На Моше мой рассказ тоже произвел впечатление, хоть он и не захотел мне в этом признаться. Впрочем, он видел в этом исключительно подтверждение своей тревоги о моем здоровье.

В воскресенье, 11 нисана, вечером я покинул Одессу. Десятки друзей пришли попрощаться со мной: друзья из «Нахалат авот», друзья из моей ячейки, группа учениц из «Шахар Цион», другие мои ученики и ученицы. Не все из тех, кто пришел попрощаться со мной, были знакомы друг с другом. Наконец, пришла Женя. Никто не знал ее. Высокая, очень красивая и не знакомая никому – ее появление произвело впечатление. Она побыла совсем недолго, по-дружески попрощалась и ушла. «Однако! – сказал один из друзей. – Мы знали, что ты живешь не в одном мире, но похоже, что тебе и двух миров будет маловато… Сколько же в тебе миров?!»

Глава 18. Летом в преддверии революции Преподавание и сионистско-социалистическая деятельность в уездном городе (Лохвица, ияр 5665 – тишрей 5666 (1905) года)

Праздник Песах 5665 года (6-14 апреля 1905 г.) я провел в доме моего отца в *Хорале*. В течение всего праздника в доме почти не было споров. Мы воздерживались от них специально, договорившись об этом еще перед моим приездом. В будние дни праздника нас посетил дядя Бен-Цион Эскинбайн, старший брат моей матери, житель деревни Триняки Хоролского уезда. Его визиты к нам обычно были краткими, но в этот раз он пробыл долго. Я очень любил этого своего дядю, несмотря на то, что он был педант и властный человек. Я уже упоминал о том, что дядя Бен-Цион был отличный педагог и дипломат. У него было три сына и пять дочерей, и все были хорошо образованы, соблюдали заповеди и были добродетельными и воспитанными. Дочерей, согласно его желанию, выдали за людей, соблюдающих заповеди Торы, зарабатывающих и честных. При этом дядя не дал большого приданого.

Дядя пришел излить свое беспокойство – бедствия захлестывают нас, а «глупец не видит». И мы, мудрецы, оказываемся на самом деле глупцами! Вот, утверждал дядя, осуществляется мое давнее пророчество: сионисты кончат тем, что смешаются с «чужими» и восстанут против царя. Среднего пути нет: или человек возлагает надежды на Господа, понимая, что от него спасение, или верит в свои силы, тогда он вынужден бунтовать против земной власти, если она дурная. Однако надежда, которую молодежь возлагает на свержение власти, по его мнению, напрасна. Народ ненавидит евреев больше, чем власть. Если власть окажется в руках толпы – «человек человека живым проглотит». Это неправильный путь для евреев – искать сближение с «народом». Но поколение сбилось с пути. Мы должны спасаться от «переворота». И поэтому ему кажется, что евреи должны эмигрировать из России в Уганду. Подобно тому, как отдельный человек заботится о себе, общество тоже должно заботиться о себе. В этом нет желания ускорить искупление. Но сказано: «Тот, кому плохо в каком-то месте, да пойдет в другое место». И мы должны быть готовы к плохому – он чувствует, что

на Израиль надвигается зло.

Нам надо спасаться, пока не поздно…

Я ощутил, что в мире что-то меняется – даже дядя Бен-Циан не молчит! На протяжении тридцати пяти лет, что он жил в деревне, не было дня, чтобы он изменил своей системе – два листа Гемары со всеми комментариями… Однако сейчас он провозглашает «нет покоя сердцу», и забота о всеобщем благе беспокоит его. Ему не понравился мир, царивший в доме, не понравилось, что все прекратили дискутировать и спорить. «Именно сейчас мы должны найти свой путь…» Спор продолжился, но не дома.

Товарищи навестили меня на следующий день после моего приезда. Они с большим удовлетворением рассказали мне о развитии движения в городе и о «воинстве», которое оно создало и укрепило. Птенцы оперились: младшие товарищи, которые раньше играли роль слушателей и посыльных, выросли и смогли объединить всю молодежь, смогли взволновать сердца и взбудоражить умы, вдохновив их на поиск путей решения различных вопросов и проблем. Молодежь в Хорале спорила не менее жарко, чем в Одессе во дворе синагоги «Явне».

В пасхальную субботу товарищи устроили большое собрание, на котором я должен был сделать доклад о проблемах сионизма в связи с приближающимся седьмым конгрессом. На этот раз собрание было в центре города, и в этом можно было увидеть признаки нового времени – собрание было многолюдным, причем участвовала не только молодежь, и люди не побоялись прийти. Никто не обращал внимания на власти – толпой шли на собрание. Я был удивлен, а товарищи сказали: привыкли… На лекции я впервые публично, при большом стечении народа представил свои взгляды на «палестинский территориализм». В полемику со мной вступил только один человек – Йосеф Эпштейн. Он к тому времени уже окончил университет и служил городским врачом. Принципиально он со мной согласился, но утверждал, что логический вывод из моих допущений должен быть такой: стимулирование эмиграции и повсеместное создание поселений с целью сосредоточения евреев и создания системы самоуправления. Он был за угандийский проект и заявил, что «земля горит под нашими ногами», что нам грозит «сойти в бездну», в кровавый водоворот, который ожидает нас… Его слова произвели на меня большое впечатление, потому что основная мысль совпадала с тем, что говорил мой дядя Бен-Цион из деревни: грядет насилие и погромы… Он утверждал, что мое «отрицание галута» не принципиальное, символическое и не истинное.

По реакции слушателей и по их огромной заинтересованности я почувствовал, что пришел великий момент в истории народа, момент, подобного которому не было: появилось поколение, готовое решительно выйти из галута, – и надо только направлять его и показывать ему дорогу, по которой нужно идти в реальности, а не на словах. Чувство ответственности так отяготило меня, что товарищи – и Эпштейн тоже – заметили мою грусть.

На том же собрании присутствовала также директор школы для девочек города Лохвицы – госпожа Хася Гельфанд. Оказалось, что эта женщина, обучающая Торе девочек Лохвицы, молодая миловидная вдова, привезла мне письмо от господина Дунаевского, в котором он приглашал меня приехать в Лохвицу и занять должность в школе для девочек и в талмуд-торе. Если я соглашусь приехать, мне уже приготовлена комната. Он также намекнул, что плата за работу будет «приличной».

Госпожа Гельфанд передала мне, что к Дунаевскому приглашен учитель из Бобруйска по имени Шейн{524}, и его приезда ожидают со дня надень. Я слышал о нем много лестного (еще давно девушки Бобруйска говорили, что он один из лидеров «Поалей Цион» в их городе!). И в воскресенье, на пятый день после Песаха, я поехал в Лохвицу. Город находился в 12 километрах от железнодорожной станции. Я не встретил знакомых – ни в вагоне поезда (Лохвица – это четвертая остановка от Хо рола), ни в повозке, которая везла меня от станции. Всю дорогу я думал о Лохвице… Город немногим больше, чем мой родной: число жителей на тысячу, а число евреев на 500 больше, чем *в Хорале*. Но это древний город! Он «удостоился» погромов за восемь лет до Хмельницкого. Когда я читал в «Лике Йехошуа»{525} респонс про погром в Лохвице, в которой было убито 50 человек и среди них Хаим Норол, мне хотелось прочесть «Хо рол».

Все эти воспоминания относятся к временам, когда я штудировал рукопись «Киевские древности» и исследования о деятельности рода Вишневецких в то время, когда они осваивали этот край. Об этих событиях я и размышлял во время поездки. Размышления возвращали меня к прежним мыслям о молодежи, полной жажды поселенческой и строительной деятельности, о грядущих днях.

И вот мы приехали. Извозчик остановился возле дома, в котором для меня была заказана комната. Отдельный вход, во дворе – небольшой симпатичный садик, а в комнате – три окна и хорошая мебель. Хозяйка дома и ее дочери собираются уезжать в Англию: ее родственники зовут ее, и скоро она уедет. Пока же она

сдает одну комнату.

За считанные дни я познакомился с учреждениями, с которыми я должен был сотрудничать, и понял природу людей, среди которых мне предстояло работать. Талмуд-тора представляла собой три тесные комнаты, в которых преподавали Тору два меламеда лет пятидесяти, несчастного вида и с глуповатыми лицами, дрожащие пред лицом «нового учителя» и пытающиеся улыбаться, рассказывая о «шалунах» и «хулиганах» – учащихся талмуд-торы, которых не унять ничем, кроме плетки и палки… И правда, в углу стояли две палки, а сверху на них висела толстая плетка.

Я спросил меламедов, часто ли они используют палки и плетку, и они ответили: «Мы часто пользуемся плеткой и тонкой палкой, а толстую используем только для угрозы». «Если так, – спросил я, – получается, что толстая палка – это «жезл благоволения»?» Они не ответили – не узнали цитату.

Я обещал им, что постараюсь сделать так, чтобы у них исчезла необходимость пользоваться палками и плетками. И правда, я завоевал сердца учеников, они слушались меня и даже преуспели в учебе. Правда, как-то раз чуть не произошла осечка из-за одного ученика. Пришел проверяющий, директор местной уездной школы, проэкзаменовать учеников. На его вопрос о склонении какого-то русского слова один из учеников объяснил разницу между склонением слов в «мужском» и «дамском» роде. Ревизор гневно посмотрел на меня. Я спросил у мальчика, кто его отец, и он ответил: дамский портной. Гнев проверяющего тут же улегся, и он громко рассмеялся…

В школе для девочек учились в основном дочери состоятельных людей, но также и дети бедняков, за которых платила община. Я преподавал там иврит, Танах и историю еврейского народа. Школа располагалась в уютной квартире с просторными комнатами, но бедно меблированной и плохо оснащенной. Зато директриса обладала душой настоящего педагога и прекрасно заботилась обо всех ученицах. Это была первая хорошо организованная школа, в которой мне довелось работать. Я многому там научился в области устройства школ и педагогических техник. Директриса часто приходила на мои уроки и всегда – с должной скромностью и деликатностью – делала замечания по поводу преподавания, а также пригласила меня посещать свои уроки и уроки второй учительницы.

В дополнение к этим двум образовательным учреждениям у меня были уроки – два-три часа в неделю – по истории еврейского народа в реформированном хедере, который был основан в Лохвице, насколько я помню, в то же лето. Основателем этого

хедера был Исраэль Фрейдин, сын раввина из Миргорода – города Гоголя, уездного центра неподалеку от Хорала (после Фрейдин был одним из лидеров движения «Дрор»{526} на Украине). Жена Фрейдина Сара, бывшая его двоюродной сестрой, дочь резника из Курска, тоже прекрасно знала иврит и была учительницей, наделенной духовной глубиной. Они оба были идеалистами, ненавидели корысть и любили людей, радовались своей участи и беспокоились о народе, были восторженными сионистами и социалистами, которые в повседневной жизни руководствовались принципом «твое – твое, и мое – твое»… У них был еще один товарищ, Цейтлин, учитель из Нежина, человек опытный и практичный, который руководил хедером. Но затем товарищество распалось из-за излишней преданности Фрейдиных вышеуказанному принципу.

Доходы от этих трех «должностей» с трудом могли прокормить меня, но семья Исайи Дунаевского, который дружески руководил мной, нашла мне еще два частных урока, увеличивших мои доходы и даже обеспечивших меня некоторыми сбережениями.

Один из первых визитов в Лохвице я нанес в земскую библиотеку. Маленький читальный зал на восемь-десять человек. Хорошо организованный каталог. Библиотека мне понравилась, и я был удивлен ее богатством. Удобная библиотека. Много книг по практическому сельскому хозяйству, по вопросам хозяйствования и экономики, образования и педагогики, книги по истории России, в особенности – окрестных районов. Собрание исследований и публикаций, книг о путешествиях, официальных описаний. А вместе с тем – коллекция исторических книг, посвященных древним эпохам; я помню, как я удивился, обнаружив русский перевод сочинений Полибия{527} (профессора Мищенко). Это было первое, что я прочел в Лохвице, а выписки из этой книги сохранились у меня до того времени, когда я занялся их сравнением со сведениями о римской дипломатии после Второй Пунической войны, находящимися в сочинениях Полибия и Ливия{528}.

Час-полтора я провел за изучением каталога. Это вызвало интерес библиотекарши, а мои похвалы библиотеке и каталогу открыли передо мной сокровища библиотеки, и в течение всего моего пребывания в Лохвице я мог брать книги в любом количестве и без всяких формальностей.

Уже на второй день после моего прибытия меня посетил новый учитель семьи Дунаевских. Он пришел ко мне в сопровождении двух своих учеников, симпатичных юношей, один из которых потом прославился в Советском Союзе как

композитор{529}. Юноши пришли пригласить меня от имени своих родителей на ужин – познакомиться с семьей. Новый учитель представился Лейзером Шейном. Он передал мне привет из Бобруйска от Сары Шмуклер и Яакова Чернобыльского. Он рассказал, что тот был арестован перед Песахом и сидит в тюрьме в Минске. Как уже было сказано, я раньше слышал о Шейне, однако почему-то представлял его моложе. Он тоже слышал обо мне и думал, что я старше… Шейн рассказал также, что он уже установил связи с еврейской молодежью и рабочими города, и их число намного больше, чем можно себе представить. Шейн попросил меня присоединиться к работе, которую он уже начал.

В первые дни нашего знакомства мы сблизились. Сведения, которые были у каждого из нас о другом, очень помогли установлению нашей дружбы. В первые недели мы встречались почти каждый день для прояснения позиций по вопросам иудаизма, сионизма и социализма. Порой к этим беседам, обычно происходившим по вечерам, когда мы шли погулять после ужина, присоединялся кто-то из друзей, которых Лейзер приобрел для движения. Эти беседы служили сближению сердец. Шейн обладал глубокими знаниями в разных областях, и разговоры с ним были познавательны и пробуждали интерес. Больше всего он интересовался еврейской религиозной философией Средневековья. Он удивил меня своим знанием «Захара», «Путеводителя растерянных», «Иерусалима» Мендельсона и «Путеводителя растерянных нашего времени»{530} Крахмаля. Вопреки тому, что было принято в то время, он весьма ценил Мендельсона. С другой стороны, он очень интересовался математикой и точными науками и много ими занимался. Но особенно сблизило нас и оказало на меня большое влияние его восприятие прошлого: он читал много книг по истории – еврейской, русской и общей, – и во всех эпохах, даже в самых отдаленных, пытался проникнуть во внутренний мир действовавших на исторической арене личностей: понять, как они видели мир, как реагировали и как действовали. Он всегда полностью самоидентифицировался с эпохой, с историческим моментом. В его характере сочетались три основных качества: в его сердце горел воодушевлявший душу огонь – и царило хладнокровие, внешнее спокойствие, с помощью которого ему удавалось замаскировать этот огонь. Хороший у него был нрав. Ему было свойственно человеколюбие и глубокое сочувствие всем людям – и вместе с тем твердые нравственные принципы, которыми он сам руководствовался в отношении всех своих высказываний и поступков; революционная категоричность, происходящая из осознания того, что новый мир можно построить

только с помощью силы духа, настойчивости и бескомпромиссности и готовности первому подчиниться любому долгу, который он считал обязательным для всех.

Поучаствовать в этих разговорах, обсуждениях и дискуссиях медленно собирались друзья и приятели, и таким образом в течение нескольких недель собрался кружок активистов движения. Через месяц мы «завладели», как говорили наши противники, всем городом. Наши «владения» прежде всего включали наш союз, общество сионистско-социалистических деятелей, союз, обладающий большой привлекательностью, численность которого росла день ото дня. Но вообще наша группа друзей-активистов имела большое влияние; ее члены были людьми честными в мыслях и в поступках, сплотившимися в тесный кружок преданных единомышленников. Среди них был Давид Каплан, юноша лет двадцати, слесарь из Симферополя, воспитанник русской школы, социал-демократ, который, впервые услышав о сионизме и его задачах, проникся ими и начал интересоваться еврейской историей. Он работал на земской фабрике и был известен своей надежностью. Каплан был человеком выдающихся качеств, мало говорящим и много думающим, красивым и добросердечным. Близких ему людей было немного, а мне он был особенно симпатичен. У него были хорошие личные связи с городскими социал-демократами. Через него и я с ними познакомился. Позже я пользовался этими личными связями для организации самообороны в дни октябрьских погромов{531}.

Вторым был Залман Рахлин, портной, разумный юноша с живым и практичным умом, скромный и сообразительный. Он пользовался особым расположением Шейна и был его правой рукой в организации движения.

Кроме этих двух, в кружке активистов было еще трое членов: Зейдл и Хитрик, первый – клерк в фирме по торговле зерном, если я не ошибаюсь, а второй – бухгалтер. Оба из хороших семей, сообразительные, бойкие и дельные люди. Они оба пришли ко мне с различными предложениями в 1917 году, будучи влиятельными людьми (один из них возглавил муниципалитет).

В нашем союзе была и девушка – Геня Волынская, единственная, по-моему, еврейская служащая земства. Раньше она была близка к русскому революционному движению (эсерам), и социалистический сионизм стал для нее откровением. Она пользовалась большим уважением среди своих товарищей по работе в земстве, славилась как способный работник, была известна своим умом и преданностью. Геня была красивой девушкой, коротко стриглась, носила очки и имела облик

молодой русской революционерки. Через нее я познакомился с несколькими людьми из земства, в том числе с Михаилом Ивановичем Туган-Барановским{532}, известным ученым-экономистом, одним из авторов русской социал-демократической программы, зятем лохвицкого предводителя дворянства Русинова. Она также познакомила меня с несколькими членами Крестьянского союза{533}, профсоюзной организации, образовавшейся в те дни и бывшей в нашем уезде наиболее близкой к партии эсеров (социалистов-революционеров). Все эти знакомства были «конспиративными» и внеплановыми, и только Шейн знал о них.

Кроме кружка активистов, где Шейн вел установочные беседы о социалистическом сионизме, а я зачитывал отрывки из истории евреев последних поколений, была основана комиссия по профессиональному объединению и взаимопомощи (Шейн и там был направляющим и указующим путь), а также комиссия по национальной пропаганде. Эта комиссия постановила, что я должен каждую неделю выступать в ремесленном училище с темой: «Недельная хроника. Жизнь народа и страны». Каждую субботу после полудня я рассказывал о важных событиях, произошедших за неделю, освещая их в сионистско-социалистическом ключе. Раз от раза число слушателей росло, и в субботу «Хазон, зал был полон. По просьбе публики я вынужден был прочесть специальную лекцию, дополнительную, об истории разрушения Храма.

В первое время мы не сталкивались с противостоянием. «Хозяева» всего лишь приняли к сведению, что «наших людей» так много в городе. Они не знали, что на фабриках, в ателье и мастерских занято так много еврейских рабочих. Но вскоре нам стали оказывать организованное агрессивное противодействие. Первый раз противники дали о себе знать в связи с забастовкой портных.

Комиссия по профессиональному объединению смогла организовать большую часть трудящихся города в товарищество. Шейн служил символом товарищеской преданности и примером человеческой взаимопомощи. В нашей организации были две девушки, сестры-работницы, Берта и Лиза. Берта была швеей, а Лиза работала на табачной фабрике. Лиза заболела. Выяснилось, что у нее чахотка. Шейн организовал помощь: врачей, обеспечение, хорошую квартиру. Ни одной минуты она не оставалась одна. Все наше сообщество встало на борьбу со смертью. Через два месяца Лиза умерла. Все товарищи пришли на похороны, утешали и поддерживали родственников. Это поведение увеличило популярность товарищества и прославило

имя Лейзера Шейна, которого стали почитать как одного из «скрытых праведников» поколения.

Влияние Шейна было очень заметным. Он сочетал в себе нравственную силу и духовный аристократизм, который предохранял его от грязи, ржавчины и любой нечистоплотности, от воздуха, которым он дышал. В его присутствии люди становились друг другу товарищами, и само их поведение, манера речи и походка менялись.

И вот была объявлена забастовка портных. Условия их работы были тяжелыми: рабочее время было практически неограниченно, а плата не определена. Лейзер организовал забастовку и руководил ей. Ему помогал Залман Рахлин. Несколько «домохозяев» решили вмешаться (среди них были владельцы табачной фабрики). Они уговаривали портных, чтобы те не вступали в переговоры с рабочими. Они также угрожали тем, кто был готов заключить договор с рабочими, что накажут их в свое время. Волю «хозяев» выполнял владелец одной мастерской – не столько подлец, сколько дурак. Рабочие рассердились и побили стекла в его доме. Стали говорить, что это было сделано с согласия Лейзера и он даже в этом участвовал. Аргументы были такие: нельзя посылать других выполнять дело, которое может вызвать неприятие или даже осуждение. В подобных случаях ты должен сам принять участие. Лидерство очень обязывает. Если ты принимаешь на себя миссию, ты уже не можешь от этого уклониться. Забастовка закончилась заключением соглашения, и «хозяева» были очень сердиты.

Второе столкновение произошло по вопросу о самообороне.

Во время второй встречи мы с Шейном решили, что нашей главной заботой будет создание и организация в городе самообороны. Во второй половине апреля 1905 года произошли погромы в Мелитополе (18-го) и Житомире (24-25-го). В этих городах отличились силы самообороны. События в Мелитополе показали, что силы самообороны могут спасти даже в тех местах, где «погромы были подготовлены как следует» и в их организации принимала участие тайная полиция. Несколько мелитопольских погромщиков были убиты, а около сорока тяжело ранены. В газетах писали, что, если бы армия опоздала на день-два, погромщикам пришлось бы заплатить более высокую цену. Реакция властей, пообещавших отобрать оружие у сил еврейской самообороны, также доказала пользу этих отрядов, служащих препятствием осуществлению погромов. При этом было понятно, что против евреев готовятся погромные выступления крупного масштаба – как в отношении численности, так и в отношении готовности «убивать и истреблять». Связь между подготовкой

погромов и подъемом революционного брожения была также ясна и очевидна. Один из вопросов, которые я затрагивал в моих «Хрониках», касался прояснения этой связи в контексте призывов к организации самообороны. В моих записях зафиксированы призывы погромщиков и свидетельства о реакции полиции на подготовительные действия «патриотических» организаций. Я приведу несколько записей, сохранившихся от тех дней в моей недельной «Хронике»: «Во всех поколениях били жидов, их бьют сейчас и будут бить в будущем. И это не должно смущать верующего христианина. Напротив, это входит в число правил христианской религии» (Харьков); «Русские братья, бейте жидов и студентов, они готовят погром против русских. Полиция поможет нам, объединимся же с полицией против евреев!» (Елизаветград); «Необходимо выступить против евреев – словом и делом» (Могилев); «Жиды хотят равноправия – возьмем их в свои руки и дадим им равноправие, как в Смиле и Черкассах. Русские, бейте евреев! Пробудитесь, проснитесь, братья-христиане!» (Кременчуг).

Подобное публиковалось каждую неделю, почти каждый день. Не все просачивалось в прессу, чтобы дать полную картину подготовки к погромам. Были газеты, предназначенные для деревни, для крестьянства: «Месяц», «Друг» и прочие, которые печатали специальные приложения или публиковали статьи, призывающие «русских людей, преданных Родине и всему православному народу», выступить против евреев. Эти издания читали тысячи человек, и на каждом номере было написано огромными буквами: «Читайте, распространяйте, действуйте!» Я помню, какое впечатление произвела на меня одна из статей, в которой рассказывалось об «осквернении святыни», в котором были повинны евреи: «они превратили свои синагоги и молитвенные дома в центры революционной пропаганды», так как «у этого народа нет ничего святого». Поэтому, говорилось в статье, следует искоренить в себе «русскую бесхарактерность» и сказать: «Этот народ ничего не исправит, кроме смерти!»

Житомирские погромы описывались русской прессой как «битва между православным населением, которое напало на евреев, и евреями, которые были подготовлены и отлично защищались (было убито 16 евреев), так как «знали, что их ожидает».

Пугающее впечатление произвел указ правительства о житомирских погромах. В первый раз было выпущено официальное сообщение о том, что «евреи тренировались в стрельбе в цель на портрете священной личности царя» и этим навлекли на себя гнев православного населения. Вместе с этим правительство признало, что еще 12 апреля волынский съезд

партии социал-революционеров опубликовал призыв, в котором предупреждал о «планах правительства» по организации погромов и возложил личную ответственность за безопасность евреев на местные власти. Заявление правительства заканчивалось утверждением о том, что оно стремится предотвратить столкновение между христианским и еврейским населением. Министерство внутренних дел считает нужным посоветовать губернским властям, чтобы они объяснили разумной части еврейского населения управляемых ими губерний, что интересы безопасности еврейских масс требуют внедрять в сознание их единоверцев, вовлеченных в политическую борьбу, что их действия пробуждают враждебные чувства христианского населения.

Было понятно, что мы живем в эпоху, когда революционные настроения приобрели уже массовый характер, а правительство открыто организует массы на устройство еврейских погромов, чтобы таким образом противостоять революции.

Нам казалось, что у нас есть только один выход: организовать самооборону, вооружать и учить обращаться с оружием все еврейское население, а особенно, конечно, молодежь. Нам также было ясно, что надо каким-то образом задействовать в самообороне и нееврейское население и сделать так, чтобы оно осознало свою роль в этом процессе. Это казалось нам тогда возможным выходом, потому что пропаганда была направлена также против русской интеллигенции.

Прежде всего мы решили действовать самостоятельно. У нас были люди, и мы разбили их на отряды. Но откуда взять оружие? Мы наладили связи и нашли источник – больше всех этим занимались Каплан и Зейдл. Есть оружие! Но чтобы его приобрести, необходимы деньги, и немало. Мы решили обратиться к уважаемым гражданам, и прежде всего к сионистскому объединению. Мы поговорили со «стариками», объяснили им нашу общую идею. При этом мы ссылались в том числе на письмо, опубликованное в качестве реакции на правительственный указ, которое подписали лидеры еврейского общества (включая Ахад ха-Ама и Бялика). В письме они призвали евреев готовиться к самозащите и ясно объяснили, каков смысл правительственного указа. Домовладельцы склонялись принять нашу точку зрения и пригласили нас на заседание – Шейна, меня и Фрейдина. Мы с Шейном объяснили нашу позицию и попросили немедленной денежной помощи. Нам отвечал молодой студент из семьи Дунаевских, вернувшийся из-за границы, который был председателем собрания. Он насмешливо и заносчиво заговорил о «еврейской толпе», которая своей «детской революционностью»

подвергает опасности жизни евреев и приносит народу несчастья. Он ядовито прошелся по поводу рабочих, которые «подняли голову», и оружие им нужно совсем для других целей… Он насмехался над «еврейскими писателями, бездельниками, которые тоже решили заняться политикой». В его словах содержался прозрачный намек на битье окон во время забастовки портных. Реакция Шейна была крайне резкой: он заклеймил студента, назвав его символом разлагающегося, предательского буржазного общества, человеческие и еврейские качества которого позорят все поколение, вырастившее его.

Реакция была не только резкой, но и меткой. Несмотря на то, что Шейн не был знаком с этим человеком, он смог описать его «как он есть», так что весь город много об этом говорил. Впечатление он произвел хорошее, вот только денег на покупку оружия мы не получили… То, что мы собрали сами и с помощью энтузиастов, в том числе семьи Исайи Дунаевского, хватало на покупку небольшого числа револьверов (около двух десятков). Но молодые домовладельцы не могли простить нам оскорбления, нанесенного человеку, который был их духовным лидером. Больше всего их рассердила огласка, которую получило оскорбление. В отместку они организовали на нас серьезное нападение, «нападение извозчиков».

Город Лохвица располагался, как уже было сказано, в 12 верстах от железнодорожной станции. Сообщение между станцией и городом находилось в руках извозчичьих компаний. Статус извозчика в городе был довольно высок. Извозчики были тесно связаны с домовладельцами, так как перевозили для них товары в город и из города, и поэтому извозчики приняли их предложение проучить нас. И вот в одну из суббот – «шаббат нахаму»{534}, – когда мы устроили собрание за пределами города и возвращались под вечер обратно, извозчики напали на нас с палками и камнями: «Смутьяны! Социалисты! Наглецы!» Лейзера Шейна с нами не было: он выехал с семьей Дунаевских на дачу в Гадяч. Нападающие прямо сказали, что они хотят побить именно «главаря», а его «заместителя», этого умника из бейт-мидраша, не тронут – он только делает то, что говорит ему «большой»… Мои товарищи были очень подавлены. Вечером я собрал совет и распорядился, что завтра ночью, когда извозчики поедут из города на станцию, товарищи должны выйти в поля им навстречу и стрелять (в воздух), направляя оружие на повозки тех из них, кто принял участие в нападении, не пропустив никого. Но ни в коем случае не стрелять в остальных.

Все получилось намного лучше, чем было задумано. В понедельник никто не захотел воспользоваться услугами этих

извозчиков. Во вторник рано утром ко мне в комнату пришла делегация из старейших извозчиков и попросила о мире. Они сожалеют и просят прощения, они не виноваты, их молодежь послушалась «умников» из богатых. Они готовы заплатить штраф, только бы мы распространили пошире, что мы ничего против них не имеем. «Ведь мы умрем с голоду! Какой ужас!» После кратких переговоров и после того, как я объяснил им значение того, что они сделали, они пожертвовали двадцать пять рублей на нужды самообороны, а я пообещал им, что мы принимаем их извинения, прощаем их и больше не держим на них обиды. Примирение было полным и истинным. В дни, когда меня искала полиция и поблизости находилась экзекуционная команда, а на станции Ромодан, за три станции от Лохвицы, не соглашались сдать зал для празднования свадьбы моего старшего брата, опасаясь, что полиция придет меня искать, извозчики Лохвицы хранили верность договору, предупреждая меня об опасности, и часто подвозили на другую железнодорожную станцию, Сенга или Юсковцы, где меня никто не знал и откуда я мог уехать с меньшей опасностью.

Главными темами нашего общества был предстоящий конгресс, идея территориализма и проблема нашего присоединения к Сионистской социалистической партии. Элиэзер требовал присоединения, и мы много спорили и обсуждали этот вопрос. По вопросу Эрец-Исраэль и территориализма наши взгляды расходились, или, как это определял Элиэзер Шейн, существовали разногласия в оценках. Шейн относился к моей идее «палестинского территориализма» скептически. Значение Эрец-Исраэль, говорил он, не в ее территории, а в исторической ценности, которая может быть решающей, только если остальные условия более или менее равнозначны. А в нашем положении все решает территориальный вопрос, и надо относиться к нему как к единственному определяющему наши действия фактору. Он также сомневался, возможно ли будет сохранить единство сионистского движения. Он был не согласен с моими взглядами на «палестинский территориализм» как на основополагающий принцип, а мою концепцию стихийных процессов считал неверной. Шейн – радикальный революционер: воля человека, воля объединенного общества должны стать решающими факторами. Конечно, эта воля тоже является продуктом исторической необходимости, но мы не должны гадать: мы знаем, что от нас требуется, и мы хотим выразить это. Поэтому важно прояснять свои позиции – и территориалисты, и «Ционей Циан» должны будут определить тезисы своих платформ и степень своей готовности их осуществлять и не смогут повесить свои неудачи на

других. Принимая во внимание мою пессимистическую точку зрения на ближайшее будущее русских евреев, я, по мнению Элиэзера, не имею морального права не присоединяться к товарищам, которые считают также… Наш долг – создать мощное сионистско-социалистическое движение, которое охватит весь народ, поднимет бунт в галуте и станет первопроходцем в построении нового общества. Всякий, кто против галута, всякий, кто его действительно отрицает, должен и даже обязан возродить народ, подвигнуть его на «исход из Египта». Исход сейчас – главный принцип.

Наши споры вначале проходили с глазу на глаз, а потом и при товарищах. Из них только Давид Каплан и Зелиг-кузнец были, подобно мне, «палестинцами». И мы решили вступить в сионистско-социалистическую партию. Элиэзер Шейн убедил нас, что наше отрицание галута обязывает нас сделать это.

Наша деятельность в Лохвице получила известность. В то лето меня звали с докладом в несколько городов, «организовать и представить социалистический сионизм». Я хотел бы отметить отдельные поездки подобного рода, произведшие на меня наибольшее впечатление. Одна привела меня в Гадяч, уездный город в двух станциях по железной дороге от Лохвицы. В этом городе организовалась группа сионистов-социалистов. Во главе ее стояли Ансельм (Аншель) Слуцкий, студент Киевского университета, и мой двоюродный брат Лейб Мадиевский, который был активистом сионизма, делегатом минского съезда и готовился к экзаменам на аттестат зрелости. В Гадяче также существовала группа еврейских социал-демократов, и они пригласили молодого Зеленского, сына известного полтавского адвоката (Азар даже посвятил этому юноше и его судьбе специальный рассказ), который был известен как убедительный оратор и успешный борец с сионизмом. Он должен был вести пропаганду против сионизма вообще и социалистического сионизма в частности. Товарищи призвали меня на помощь. Дискуссия продолжалась два вечера, по пять-шесть часов каждый день. Зал был полон молодежи и интеллигенции. Выступление Зеленского апеллировало к «марксистским» теориям: евреи – это не народ, еврейский вопрос будет разрешен в результате революции, в процессе которой мы находимся, а сионизм – это буржуазная утопия.

Первый раз в жизни я выступал в публичной дискуссии против известного оратора, который своей внешностью и речами буквально пленял сердца. Мой ответ, занявший около двух часов, был также сосредоточен вокруг трех вещей. Во-первых, я указал на то, что есть настоящая наука, а есть такая, что только кажется

наукой, использует научную фразеологию, но при этом является карикатурой на науку. Я рассказал в гротескной форме историю, которую Шломо Маймон описал в своей автобиографии – о том, каким образом он изучал медицину и как решил исцелять больных, руководствуясь полученными знаниями. В его учебнике медицины были описаны симптомы, по которым можно определить, чем болеет человек. «"Я изучил книгу и спросил у больного, – пишет Маймон, – у тебя болит желудок?" "Нет, с желудком все хорошо, – ответил тот. – У меня горло болит". "Не морочь мне голову! – закричал я. – По всем признакам у тебя должен болеть желудок. С ним должно быть что-то не в порядке"». К тому же виду «науки», сказал я собранию, относится «наука», согласно которой утверждается, что мы – не народ. Я объяснил термин «самоопределение» и описал… образование, которое получило наше поколение, его историю и упования и, к смеху собравшихся, к которому и сам присоединился, доказал, насколько смехотворно говорить о том, что мы, евреи, не являемся народом, что я не являюсь частью еврейского народа, не принадлежу к нему…

Однако больше всего удивило слушателей – да и лектора, – что я, по сути, опроверг существование «еврейского вопроса» среди нас, среди евреев. У нас, утверждал я, есть вопрос безопасности, занятости, воспитания и образования, вопрос уважения и свободы, но не «еврейский вопрос», он существует только для них – для других народов. Сионизм – это вопрос свободы, независимости и появления евреев, которые хотят жить как люди, как свободные люди, жить вместе в своей стране, без «еврейского вопроса», без того, чтобы ее существование воспринималось другими как «проблема» и было темой их споров и причиной их «бед».

Рассматривая третий вопрос, я воспользовался определением моего оппонента – «революционные процессы» – и попытался на базе материала моих «еженедельных хроник» объяснить, чем обернется для евреев революция в эпоху антисемитизма, как будет выглядеть борьба евреев в новой России, ведь даже социалисты не признают не только нашего национального равенства, но и нашего существования как народа. Я слегка намекнул на возможное будущее в духе представлений Яакова Рабиновича на базе примеров из происходящего…

Наибольшее впечатление на товарищей произвели мои заключительные слова. Я сказал: «Уже двадцать пять лет, как огненная рука истории запечатлевает пред лицом евреев предупреждение: «Мене, мене, текел, уфарсин»{535}… Двадцать пять лет назад Перец Смоленскин прочел эту надпись и

предупредил свое поколение о том, что «еврейский вопрос – вопрос жизни и смерти». События этих лет показали, что он правильно понял огненные буквы. Теперь нам остается еще 25 лет для того, чтобы что-то сделать. Процессы, о которых говорил мой оппонент, реальны, но с объективной точки зрения в них таится для нас опасность уничтожения, в буквальном смысле слова. Наша трагедия в том, что очень многие не знают даже алфавита, которым написана огненная надпись еврейской истории, – а претендуют толковать ее».

Товарищам понравилось мое выступление, хотя его завершение их не успокоило. «Слишком много пессимистических пророчеств! – сказал один из них – студент коммерческого училища и знаток Торы. – Исайя говорит: «Через шестьдесят пять лет…» (Исайя 7:8), а ты предрекаешь нам гибель через 25 лет!»

Мой оппонент признал, что моя концепция не банальна, а мой субъективистский пессимизм может иметь объективную ценность, и выразил готовность признать, что для евреев, подобных мне, в моих словах есть резон. Но большинство еврейского народа – особенно молодежь – подобны ему, и он уверен, что они пойдут за ним, по торной дороге истории, по пути развития и обновления.

Однако ему пришлось разочароваться в своих надеждах, по крайней мере в отношении Гадяча: большинство было на нашей стороне. Многие присоединились к нашему движению. Среди них – мои друзья Гогиль и Хаймович, которые тем временем успели получить аттестат зрелости и собирались поступать в университет. Мой младший брат Нахум тоже присоединился к движению и дал нам в пользование свою квартиру (у него была просторная квартира – а был он фотографом, и к нему приходило много гостей)…

Товарищи в Лохвице, Гадяче и Лубнах беспокоились о том, чтобы моя речь произвела впечатление, и даже опубликовали ее в виде брошюры, отпечатанной на гектографе. В этой небольшой брошюрке, похожей на прокламацию, в первый раз было указано имя, под которым я был известен в движении, – Давид.

В Гадяче мы тоже организовали кружки самообороны.

Вместе с Ансельмом Слуцким мы посетили состоятельных хозяев и смогли собрать деньги на приобретение пятидесяти стволов.

В то же лето я ездил и в Конотоп (Черниговской губернии). Товарищи организовали там забастовку в помощь фабричным и не знали, как из нее выйти. Специальный человек по имени Шмуэль Паперна приехал в Лохвицу, чтобы я заменил его в Родовке. Мы вместе поехали туда в товарном вагоне, опасаясь

полиции. Я посовещался с товарищами, произнес речь перед бастующими и мирно завершил переговоры с хозяевами. В Конотопе жил мой дядя, Исраэль-Давид Динабург, младший брат моего отца. Он был уверен, что я загляну к нему, но я не заходил к родственникам и знакомым, так как не был уверен, что мой визит будет желанным. А они, мои родственники, ждали меня каждый день, но напрасно.

И именно в то время мне пришло срочное приглашение от моего дяди Пинхаса Островского из Рамен: он болен и просит, даже требует, чтобы я заехал к нему в Ромны по дороге из Конотопа. На следующий день, в 11 часов, я был в доме дяди. Дверь открыла его дочь, Эстер Гамзу. Вначале она не узнала меня. И правда: последний раз мы виделись семь лет назад.

Она обрадовалась моему приезду: «Папа был прав. Он был уверен, что ты приедешь. Он сказал: «Не может быть, чтобы Бен-Циан не приехал, когда ему передали, что я его зову». Дядя плохо себя чувствовал, но оделся и вышел в гостиную. Тети не было дома. Дядя осмотрел меня с ног до головы и сказал: «Ты сильно изменился и все же остался тем, который был. Почти таким, каким был. Я позвал тебя для важной беседы. Я должен выполнить заповедь «обличи ближнего своего». Эта заповедь написана неподалеку от запрета на соединение несоединимого, и упрекнуть я тебя хочу именно за этот грех, за тяжкий грех *килаим*{536} (смешения), которого остерегались даже дети Ноя». И дядя громко возвестил: «Почему ты взял на себя соединить несоединимое: сионизм и социализм?!»

И в длинной речи начал объяснять мне, что «социализм опасен для евреев», для самого существования еврейства.

«Мы уже привели им "мессию и спасителя", и что из этого вышло? Ты знаешь, что Рамбам сказал про этого "мессию"? Ты же знаток Рамбама! Что "это привело к падению Израиля от меча и рассеиванию и унижению его остатков". И что "в день, когда он пришел в мир, умножились войны и кровопролитие, преследования, угнетения и уничтожение евреев, так как он ввел в заблуждение большую часть мира". Ты что, не знаешь, – сказал дядя, – что антисемиты уже начинают смешивать социализм с ненавистью к евреям? И кончится тем, что ненавистники Израиля примешают свою ненависть к социализму и победят. Поэтому сойди с этого пути! Все будет еще проще – соседи убьют нас, захватят наше имущество и объявят, что они воплощают принципы социализма! Это будет государственный социализм: они пойдут от дома к дому по распоряжению правительства, убьют нас и возьмут наше имущество. Правительство присоединится и даже будет организовывать этот «социализм».

Боюсь я, что еще при нашей жизни нам доведется увидеть страдания мессианской эры, и только их…»

В таком духе он говорил долго – Талмуд и Каббала, хасидизм и палестинофильство, философия и мрачные пророчества о будущем соединении антисемитизма и социализма.

Я попытался объяснить дяде мою позицию с помощью высказывания раббана Гамлиэля{537}: «Что, из-за глупцов, поклонявшихся солнцу, луне и звездам, нам перестать наслаждаться сиянием солнца, луны и светом звезд?» Это сравнение рассердило дядю, но особенно его рассердил мой насмешливый тон. Я сказал: «Сионизм и социализм – это ведь базис, подложенное. А сказано в «Мидраше Танхума»{538}: одежда из смешанных тканей, шатнез{539}, не будет одета на тебя, на тебя одета не будет, но будешь подкладывать ее под себя».

Дядя объяснил мне значение *килаим* и смысл запрета сажать на одном поле плодоносящее и неплодоносящее дерево. Завершил он свою речь строгим предупреждением: «Это соединение несоединимого не только повредит нам, оно уничтожит нас. Ты увидишь – еврейское имущество конфискуют, евреев разрешат грабить на законных основаниях, как буржуев, и даже преследовать и убивать – как врагов социализма, а ты и твои друзья – вы отречетесь от Сиона и Израиля! И все это будет по твоей вине и по вине тебе подобных, заблуждающихся и вводящих в заблуждение многих!»

Подобным образом мой дядя распространялся два часа без перерыва, не давая мне открыть рот. Начал с объяснений про соединение несоединимого, в котором заключается бунт против законов божеских и человеческих, и закончил описанием ужасов преследований и уничтожений. Его слова были хорошо продуманы – и устрашающи. Я вышел от него разбитым и почти сломленным.

Вернувшись под вечер в Лохвицу, я обнаружил на своем столе конверт с запиской Гени Волынской. Она приглашала меня на завтрашнюю встречу с профессором М. Туган-Барановским перед его отъездом из города (в письме она называла его «Туган» – так его именовали приятели и близкие друзья) и просила дать ей знать, как только я вернусь в город. Встреча была назначена в доме одного из членов земства, приятеля Туган-Барановского. Геня привела меня туда, представила и ушла, сказав: «Я выполнила свою задачу».

На диване сидел Туган-Барановский – мужчина лет сорока пяти, высокий и широкоплечий, с крупными чертами лица, в черном костюме, с красиво повязанным галстуком. Он поднялся мне навстречу и протянул руку, пригласив садиться. Ему

интересно познакомиться со мной. Он очень интересуется сионизмом, а также лидерами движения – он слышал о моем влиянии на молодежь, и он всегда старается познакомиться с такими людьми. Поэтому он хочет побеседовать со мной. Я поблагодарил его и сказал, что я его ученик: я внимательно прочел его книгу «Очерки по новейшей истории политической экономии» и изучил его труд «Русская фабрика в прошлом и настоящем», а также, конечно, читал его высказывания о сионизме, напечатанные еще три года назад в июльской книжке ежемесячника «Русская мысль»{540} за 1902 год. Туган-Барановский был рад, что я знаком с его мыслями о сионизме. «Итак, – сказал он, – за последние три месяца я еще больше укрепился в этих мыслях по поводу сионизма. Я не согласен с теми, кто утверждает, что с исторической точки зрения осуществление сионистских идей невозможно. Они говорят: «Ничего подобного в истории не было!» Глупости. Именно это и интересно. Что же, мы во всех поколениях должны делать только то, что уже было? Мне надоел это смехотворный «историзм». Это детские речи. Мне ясно, что у победы сионизма будет всемирное значение. Всемирное историческое значение! Это будет победа человеческого разума и духа! Во многих отношениях. До этого общественный строй поддерживался почти стихийно, без вмешательства направленной воли. Еврейское государство, которое будет основано, будет, по сути, первым государственным образованием, возникшим по воле человека, по заранее запланированному плану. Хозяйственный строй тоже будет продуман». Он, Барановский, уверен, что победа сионизма и осуществление его идей откроют новую эру в истории человечества. Препятствия же, которые стоят на пути сионизма и которые он отметил в своей короткой статье – по сути, она стала ответом на запрос, – это препятствия, серьезность которых не следует преуменьшать. Но они служат становлению людей, которые с ними борются, – в борьбе люди мужают. Поэтому он интересуется нашим движением и его идеологами: они в каком-то смысле выросли в борьбе. Кстати, ему кажется, что со смертью Герцля в движении растет замешательство и усиливаются внутренние разногласия.

Территориализм должен, с одной стороны, облегчить основание еврейского государства, но с другой стороны – сильно осложнить: он лишит движение его романтически-исторической основы, а у нее есть практическая ценность.

Оказалось, что Барановский прекрасно разбирается в истории движения: хорошо осведомлен об ишуве в Палестине (он спросил меня об объединении виноградарей Ришон ле-Циона и о степени

кооперации, которая у них принята), знаком со всеми трудами Герцля и очень его уважает. Я спросил его, читал ли он статью Короленко{541} о Герцле в «Южных записках» (в январской книжке 1905 года). «Конечно», – ответил он. «Я был задет этой статьей», – сказал я. «Почему? – спросил он. – Разве Короленко не назвал Герцля примером и образцом влияния личности на современную историю?» – «Я обиделся не за Герцля, а за Короленко: он вообще не воспринял то революционное, направленное на возвышение общественного строя, которое составляет основу воззрений Герцля. Короленко ценит его с довольно шаблонной и внешней стороны». Туган-Барановский улыбнулся: «Ну, не это главное в статье Короленко. У него есть собственные идеи по этим вопросам, и не стоит его за это судить. Несмотря на это, Короленко понял универсальную сторону личности Герцля, которая является примером и образцом для новых лидеров новых движений и их растущего влияния. Это концепция крупного писателя с зорким взглядом».

Туган-Барановский много расспрашивал меня о нашей молодежи, о сионистских и социалистических основах (платформе) нашего движения, о «революционных процессах» в наших кружках. В конце этого долгого разговора он выразил уверенность в том, что мы действительно находимся накануне революции и что мои опасения, что страну в связи с укреплением революционного движения захлестнет волна погромов, лишены особых оснований.

Так как разговор зашел о приближении революции, я решил обсудить с Туган-Барановским вопрос самообороны и участия в ней русского общества. Я сказал ему, что его определение близкой революции и его уверенность в том, что она перейдет в открытую борьбу, справедливы.

Русские массы только сейчас начинают вливаться в революционное движение. Хотя этот процесс идет быстро, он также изо всех сил увлекает «новичков» за собой. В революционных рядах – и даже среди оппозиции – разразились выступления, все вызывают врага на бой, а тот вначале сконцентрировал свою борьбу на евреях, потом – на революционерах вообще, а потом – на оппозиции. Правительство истребляет нас, как на войне, дивизия за дивизией.

Я очень осторожно заметил, что мне кажется, что все общество, со всеми своими течениями и фракциями, революционными и оппозиционными, пренебрегает опасностью и не придает должной важности «организованным восстаниям» против будущего всего движения обновления в России. «Я опасаюсь, – сказал я, – что вместо «управления ходом дел и

направления его» мы даем ему властвовать над нами». Туган-Барановский помолчал минуту и сказал со смехом: «Ты хочешь одновременно ускорить процесс и замедлить его. А это не зависит от нас, это естественные процессы. Беда сейчас не только в национальной сфере: она увеличивается и становится все более опасной и в социальной. Конечно, как и во всякой войне, революционная "стратегия" очень важна: надо продвигать отдельные силы и вовремя замедлять другие. Но рамки замедления и продвижения заданы, и не стоит их менять». Он согласился со мной в том, что эти рамки не определены четко, а только намеком, что организация самообороны очень важна и что она может сыграть большую роль, если удастся задействовать в ней и русское население. Но это будет непросто. Он говорил спокойно и просто, как о чем-то отвлеченном.

У этой беседы была и практическая польза: Туган-Барановский рассказал о ней своим друзьям из земства и Крестьянского союза. И они действовали вместе с нами в октябре, в дни погромов, которые дошли и до Лохвицы.

Чувство или, лучше сказать, ощущение, что сила и репутация власти испаряются и мы стоим на пороге революции, было всеобщим. Я ощущал это даже 20 тамуза, когда товарищи в *Хорале* пригласили меня прочесть доклад о Герцле в честь первой годовщины его смерти. Траурное собрание проходило в большой синагоге, которая была заполнена до отказа. Почти все магазины в городе закрылись, а среди публики были люди всех возрастов, даже пожилые. Пришла и моя мама. Она сказала: «Говорят, ты хорошо умеешь все объяснять, а людям нравится тебя слушать. Я тоже захотела послушать». А папа сказал: «Магазины закрыли не из уважения к памяти Герцля, а от страха перед твоими «товарищами», который напал на людей». Так или иначе – все это произвело в городе большое впечатление, и это в то время, когда здесь по-прежнему начальствовал тот самый уездный голова, который арестовывал меня в прошлом году.

Глава 19. Три месяца революции и погромов (октябрь-декабрь 1905 года)

Близость революции ощущалась в стране уже в августе. Но мы почувствовали ее только во второй половине месяца. Во второй половине июля и первой половине августа мы в нашем кружке все еще находились под влиянием атмосферы седьмого сионистского конгресса и спора между «Ционей Цион» и территориалистами. Шейн был доволен решениями конгресса, особенно по вопросу раскола и выхода территориалистов из Сионистской организации. Он утверждал, что уважения достойны обе стороны, не искавшие компромиссов и не желавшие затушевать все разногласия. Несмотря на это, я чувствовал себя не победителем, а побежденным. Я утверждал, что «территориалистская» энергия, тяга к земле, которую сионизм только начал пробуждать в еврейских массах, потратится впустую. «Ционей Цион» удовольствуются малым и сделают упор на духовных и культурных аспектах, на историческо-национальной стороне сионизма, а территориалисты будут опираться на исторические процессы, и энергия территориализма перейдет в совсем другое русло, и направление на полное отрицание галута, которое политический сионизм начал насаждать в народе, исчезнет как не бывало.

Верные мне Давид и Зелиг были еще более расстроены, чем я. Они в воображении уже связывали свое будущее с работой первопроходцев, настоящих пионеров в еврейском государстве, или с поселенческой работой ради подготовки почвы. И вот… Оказывается, для этих мечтаний нет никаких оснований. Особенно огорчался Зелиг. Он был тогда молодым человеком лет семнадцати, невысоким и широкоплечим, с тонкими чертами округлого лица и железными ручищами, с курчавыми золотыми волосами и голубыми глазами, глубокими и мечтательными. Я говорил, что в сиянии лица и свете глаз Зелига можно увидеть его рай, все его мечты и упования. Самой большой его мечтой было еврейское государство. «Государство для нас и только для нас». Свободное, социалистическое еврейское государство, но непременно «реальное». И именно в Эрец-Исраэль! Он скептически отнесся к идее нашего присоединения к ССРП: он, Зелиг, не представляет себе иного исхода из галута, кроме как в Эрец-Исраэль. Однако он не хотел продолжать самостоятельно размышлять на эту тему после решения товарищей, да и не

осмеливался. Но не переставал шептать мне: «Жаль, что нет еврейского государства, которое могло бы быть в Эрец-Исраэль!» Он абсолютно верил Элиэзеру и всему, что тот говорил. И если «он» сказал, что это невозможно, что нет времени ждать, что если мы будем оставаться на месте еще какое-то время, мы совершенно выродимся, а может, и будем уничтожены, – делать нечего. Надо торопиться! Но несмотря на это… жаль, в Эрец-Исраэль было бы уместнее… лучше. И даже безопасней. «В Эрец-Исраэль мы бы чувствовали себя уверенней. И отец мой так говорит, – сказал он мне. – Если бы ты решил возразить Элиэзеру, мы с Давидом (Капланом) первыми пошли бы за тобой. Сердце подсказывает мне, что этот путь правильный, но слова Элиэзера справедливы».

Все семья Зелига находилась под нашим влиянием: его старший брат, который работал вместе с их отцом-шорником, был членом нашей организации, сестра училась в школе для девушек, и отец с матерью – она была швеей – были постоянными посетителями «недельных хроник», а в их доме был склад оружия кружков самообороны. Зелиг рассказал мне по секрету, что его отец тоже в свое время был революционером и покушался на губернатора или на вице-губернатора.

Его отец, высокий и с роскошной бородой, большими тяжелыми руками и хитрыми глазами, всегда склоненной на сторону головой и небрежной походкой, был образованным евреем, но почему-то старался скрыть свои знания и показать, что он невежда, который нахватался каких-то знаний со слуха. Настроение Зелига беспокоило его отца, и как-то раз, когда сын работал за городом (Давид Каплан устроил его на случайную работу в земскую слесарную мастерскую в пригороде), он пригласил меня к себе. Он рассказал мне по секрету свою историю: уроженец местечка, расположенного между Сувалками и Вильно, половину жителей которого составляли евреи, в юности он помогал отцу, который ездил по деревням с товаром. И вот во время погромов начала 80-х годов стало ему известно, что один из чиновников при губернаторе, чуть ли не его заместитель, разъезжает по деревням и подстрекает к погромам. В одном местечке поблизости, в Больвержишках, были погромы, и согласно сведениям, которые он получил от крестьян, в них был замешан тот самый чиновник – он ездил по губернии и даже в другие заезжал, чтобы подготовить еврейские погромы. Отец Зелига и его друзья из «деревенских» евреев решили отомстить, подстерегли чиновника и сильно избили – по-моему, он умер от этих побоев. Они также ограбили его, чтобы не дать возможности приписать нападению явный политический характер или предположить «еврейский след», а отнести его исключительно за

счет грабежа. Бумаги, которые были при нем, они послали «одному из великих раввинов», рассказав ему, что похитили их в гостинице у одного помещика. В бумагах были записи о погромах; отец Зелига слышал, что они пришли туда, куда нужно. Потом он был арестован по подозрению в причастности к нападению. Крестьяне, которых он расспрашивал о поездках чиновника, донесли на него. Доказательств не было, но несмотря на это, его приговорили к ссылке, откуда он бежал и поселился в Лохвице. «Так же я и сына воспитал, – сказал он мне. – Зелиг станет человеком в еврейском государстве! Мой Зелиг – настоящий мужик. Точно как я в молодости».

6 августа был опубликован манифест о Государственной Думе, согласно которому Дума должна была собраться в январе 1906 года. Русский парламент был создан как вспомогательный орган для правительства, несмотря на то, что ему было дано право законодательной инициативы и даже право представлять правительству парламентские запросы по поводу действий чиновников. Согласно закону о Государственной Думе, опубликованному в тот же день, евреям тоже давалось избирательное право, но было известно, что министр внутренних дел Булыгин (первую Думу называли в его честь булыгинской Думой{542}) посоветовал лишить их этого права, а из газет можно было сделать вывод, что была даже специально организована кампания по подаче петиций, просьб и жалоб царю, чтобы он отнял у евреев право голосовать. Но специальная комиссия во главе с царем, в работе которой принимали участие более сорока человек (в их числе министры, высшая аристократия, вся бюрократическая элита, а также известный русский историк Ключевский{543}), обсуждала в течение нескольких заседаний проект Думы и решила дать евреям избирательное право. Интересно, что уже тогда в обществе распространялись слухи, будто один из решающих голосов в пользу евреев принадлежал генералу Трепову{544}; он утверждал, что хотя в среде евреев наблюдается активное революционное брожение, с целью уничтожения причин для недовольства не стоит закрывать им путь для «конструктивного участия» в жизни страны (что было бы возможно при участии в выборах в Думу), и таким образом, можно надеяться, удастся избежать вовлечения умеренных зажиточных евреев в революционное движение.

Однако, в соответствии с опубликованной 6 августа программой, предоставление евреям права голоса, а также то, что это право было дано в городах в основном состоятельным гражданам, предпринимателям, купцам и промышленникам, привело к тому, что во всей черте оседлости евреи были

определяющим большинством среди голосовавших в городах. Более того – их число было значительным даже в тех городах, в которых евреи не имели права жительства. Я помню, что в Киеве число голосовавших евреев достигло 40 процентов от всех голосовавших в городе.

Среди евреев и среди неевреев велись споры, надо ли участвовать в этих выборах. Левые утверждали, что выборы нужно бойкотировать. Даже либералы, и среди них Союз для достижения полноправия еврейского народа в России{545}, который заявил об участии в выборах, провозгласили, что они, конечно, примут участие в голосовании, но саму Думу будут бойкотировать и что участвуют они в выборах исключительно по тактическим соображениям.

В эти дни я получил указание из Центрального комитета ССРП С через Шейна), что я должен участвовать в пропаганде бойкота выборов среди евреев Полтавской губернии. Я охотно последовал этому указанию, но объяснял этот бойкот не только общими соображениями, а прибавил к ним «еврейский смысл». Помнится, на собрании еврейских избирателей в Гадяче меня пригласили представить аргументы в пользу бойкота. Я объяснил избирателям, что мы стоим перед революционным процессом, а сущность его – восстание народных масс, которые до сего дня не просто были удалены от всякого участия в жизни государства, но были лишены гражданских прав, а сейчас они требуют права на жизнь и свободу. Они встают на борьбу с властью. «Неужели вы думаете, – спросил я, – что предоставление богатым права давать советы бюрократии хоть как-то удовлетворит этих людей? Вы думаете, что бомбы, предназначенные для бюрократов, не могут быть направлены на плутократов?»

Последнее предложение вызвало сильный гнев одного из избирателей, Зарховича, низкорослого, тощего, лысого и суетливого. Он подпрыгнул и сказал: «У меня два голоса: я одновременно землевладелец и обладаю имуществом в городе. А у тебя есть право голоса? Ничего у тебя нет! К тому же ты молод! По какому праву ты предлагаешь мне отказаться от того, что положено мне по закону? Что, для меня уже приготовлены бомбы?»

Второй, кто напал на меня, был его брат Абрам Зархович – он был выше и толще, менее лысый и более растерянный, владелец большой паровой мельницы; он также был одним из самых богатых людей в уезде. С собрания до поезда я ехал вместе с моим братом Нахумом. Извозчик был типичный горожанин-украинец с хитрыми глазами и пышными усами. Мой брат спросил его: «Кто из двух братьев Зарховичей лучше, Берке или

Авромке?» Извозчик ответил: «На этот вопрос сложно ответить. Вот, перед нами проходит пара коров и оставляет навоз. Я проехал на телеге и разделил навоз на две кучки. Скажи мне, пожалуйста: какая половина лучше? Вот так и Берке с Авромкой! Я слышал, они править собираются!» Брат сказал: «Извозчик как будто слышал твои слова. И вот реакция!»

Между тем революционные настроения в стране усиливались день ото дня. Шейн уехал из Лохвицы, а я остался еще на месяц. В дом Дунаевских пришла учительница из Гадяча, тоже из семьи Зархович (ее звали Маня), но не из богатых. Она присоединилась к движению и блестяще проявила себя и в организации самообороны, и в пропагандистской работе, и в профсоюзных делах. Своей серьезностью, сдержанностью и душевностью, прелестной скромностью и любовью к людям, которыми она была наделена, Маня завоевала сердца всех товарищей. Во время нашей первой встречи я сразу подружился с ней. Когда я пришел к Дунаевским (я учил мальчиков ивриту), меня представили ей, и она спросила: «Вы не сын Бен-Циана Динабурга?» Я изумленно раскрыл глаза и ответил: «Что? Это я Бен-Циан Динабург». Она удивилась. Она думала, что мне сорок с лишним лет, и не ожидала, что я ее ровесник. Выяснилось, что я действительно ее ровесник: мы родились в один день, 2 января 1882 года.

Известие о моем реальном возрасте не подорвало ее доверия ко мне. Оказалось, что ошибка в определении моего возраста возникла в том числе и на основании ее беседы с Йехудой Новаковским, который рассказал ей о моих планах в Одессе по поводу партии, которую я задумал, а также бесед обо мне с Шейном. Это признание сопровождалось громким смехом, которым так часто смеются в юности, и послужило основой для крепкой дружбы. Между тем брожение нарастало. Мы знали, что в Лохвице действует организованная пропаганда по подготовке еврейских погромов. Эта пропаганда велась во всех городах губернии. Мы знали имена людей, которые ее вели: нотариуса в Гадяче, богатого лавочника в Ромнах, домовладельцев Лохвицы и прочих.

Мы вступили в переговоры с социал-демократами и Крестьянским союзом по поводу организации совместной самообороны, в которой бы помимо евреев нашей организации участвовали бы представители этих партий.

В конце августа была опубликована правительственная резолюция по поводу событий в Белостоке{546}, в которой правительство отрицало распространившуюся информацию о резне и отметило, что там было убито всего… 35 евреев и трое христиан и ранено всего 33 еврея. Мы знали, что это не так. В

самой резолюции было прямо сказано: возможно, что цифры «не соответствуют действительности». Это «всего» было призвано напугать, а в конце резолюции содержалась по сути неприкрытая угроза еврейских погромов и убийств евреев. Резолюция несла евреям ужасные вести.

В течение сентября в ходе пропагандистской работы по вопросу выборов в Думу я познакомился со многими людьми из социалистических партий, украинского [национального] движения и Крестьянского союза, которые действовали в Лохвице, Лубнах и других городах. Когда объявили забастовку на железных дорогах, я был одним из немногих в городе, кто знал о происходящем в округе и о масштабах забастовки. Все ждали публикации манифеста о даровании конституции. Я был уверен, что нам нужно как следует готовиться, чтобы помешать выступлениям черносотенцев, погромщиков, организованных властями, и что это вопрос самый срочный. Я объяснял товарищам, что надо не редактировать всякие «манифесты», а быть готовыми к бою, стоять на страже и смотреть, как правительство будет реализовывать свои обещания. Товарищи со мной не согласились. Правда, в нескольких местах, в том числе в Лохвицах, моя точка зрения была принята. Об этом свидетельствует не только то, что мы смогли организовать совместную самооборону, в которой приняло участие около 30 юношей-христиан, но и то, что мы смогли повлиять на главу местного Крестьянского союза (его звали Бидро), члена городской думы, чтобы он объявил на заседании совета от имении участников самообороны, что, если произойдут погромы, дома всех членов совета, которые приложат руку к их организации, запалят со всех сторон. И всем следует знать, что в наши дни человеку сложно быть спокойным за собственную жизнь, если «дело» начнется.

Через два дня городовой пригласил меня к исправнику. Сдается мне, дело было около пяти вечера. Я подчинился. Домовладельцы испугались. Но я их успокоил: если бы меня хотели арестовать, меня бы не приглашали так вежливо. Городовой ушел, сказав только, что мне следует прибыть немедленно. Через четверть часа я был в полицейском участке. Меня провели в комнату исправника, который произвел на меня несколько странное впечатление своей внешностью. Низкорослый, хромой, тощий и широколицый. Он окинул меня взглядом. По-видимому, его тоже удивил мой возраст. Исправник предложил мне сесть и обратился ко мне со следующими словами: «Мое приглашение, сделанное в такой форме, возможно, удивило вас, молодой человек. Но я хорошо вас знаю – намного

лучше, чем вы думаете. И я хочу сказать вам прямо: я знаю, что вы не раз говорили, что исправник – организатор погромов. Но позвал я вас не из-за этого. Я позвал вас потому, что слышал о вас и хорошее, от людей, которым я верю, а также от Михаила Ивановича (Туган-Барановского), и поэтому я оказываю вам исключительное доверие. Вот телеграмма, читайте!» В телеграмме было написано: «Исправнику Лохвицы: охранять почту и казну. Князь Урусов, губернатор».

«Вы понимаете, молодой человек, что значит эта телеграмма? И она послана открыто, не только я прочел ее, ее прочел и кто-то на почте. И я – организатор погромов? Вы знаете, зачем я позвал вас и показал вам эту телеграмму? Не потому, что меня напугали слова Бидро, а потому, что я знаю, что вы потребовали от социалистических партий не организовывать манифестаций и «придерживаться иной тактики». На основании этого я понял, что вам известно многое о том, что случится и произойдет, однако, к моему сожалению, недостаточно… Я могу сказать вам, что погромов не будет, но меня скорее всего из-за этого сместят. Я оказал вам небывалое доверие, потому что я хочу, чтобы вы – и только вы – сами узнали истинное положение вещей».

Я был не столько удивлен встречей и беседой, сколько озадачен содержанием телеграммы. И мне казалось, что исправник тоже был им озадачен и под влиянием этого чувства пригласил меня и сказал то, что сказал. Телеграмма ясно говорила: охранять только казну и почту и не предпринимать ничего против погромов. И косвенно сообщала об этом всему населению…

Три дня спустя, 18 октября, был опубликован Манифест 17 октября{547}, и началась волна жестоких погромов по всей России. И в Полтавской губернии тоже. В соседнем городе Ромны одной из жертв пал мой дядя, Пинхас Островский. Его дом подожгли, жену, мою тетю, убили, а когда он хотел выбраться из горящего дома через окно, погромщики ранили его и швырнули в огонь.

Через два дня, в четверг, из Ромен приехали двое юношей – социал-сионистов, они пришли ко мне и сказали, что это они стреляли в главу погромщиков, лавочника Литвиненко, и убили его на месте. Еще они сказали, что под рубашкой у каждого из них две гранаты – «на всякий случай». Нам удалось в тот же день отослать их дальше – через Гадяч и Зиньков в Полтаву. Самооборона в Лохвице организовала смены, а домовладельцы обратились ко мне со специальной просьбой, чтобы я не покидал города, пока все не успокоится.

После погрома в Ромнах, в среду, 18 октября, Маня Зархович и один товарищ, похожий внешне на украинца, поехали в Лубны

за оружием. Поездка была очень опасной, и период между днем, когда я послал их туда, и их благополучным возвращением был одним из самых тяжелых в моей жизни.

Везде, где товарищи послушались моих указаний и смогли организовать совместную оборону, которая функционировала, как у нас в Лохвице, не было погромов. Но почти не было места, где бы не попытались устроить погром и где не было бы организации, которая не прилагала бы к этому усилия.

В Гадяче спорили. Большинство товарищей решило не слушать моего совета. Оборону не организовали, револьверы, добытые мной, надежно запрятали в подвал и пошли митинговать. Результатом были погромы. Во время погромов в том числе был разбит фотоаппарат моего брата, порваны и сгорели все мои «сочинения», в том числе все поэтические «творения». Сохранилась только одна тетрадка – «книга памяти», куда я записывал умные мысли из прочитанных книг. Товарищи из «революционеров» объяснили мне, что они правильно поступили, не воспользовавшись оружием, так как благодаря этому не было жертв и погромщики удовольствовались грабежом. Кстати, на основе моего предложения мой дядя, казенный раввин Гадяча, провел что-то вроде расследования с помощью своих приближенных к власти приятелей, и выяснилось, что исправник Гадяча тоже получил телеграмму, подобную той, что получил лохвицкий исправник, и действовал согласно ей…

Около трех недель мы пребывали в страхе погромов. В октябре всегда происходил призыв в армию. В определенный день, о котором объявляли заранее, юноши, а в большинстве случаев и члены их семей из всех деревень и местечек собирались в уездный город. Дни сбора были приурочены к призыву. Лохвицкий уезд был большим, и поэтому из года в год было три места, где юноши должны были предстать перед призывной комиссией. Однако в том году дополнительные пункты закрыли и решили, что все должны явиться в уездный город. Решение было принято после того, как октябрь прошел без погромов… В городе прямо говорили, что во время заседания призывной комиссии, когда в городе скопятся тысячи призывников, случатся погромы и что призывников собирают в город специально, чтобы можно было не опасаться «угроз еврейской молодежи и их христианских защитников». Ведь нам удалось организовать самооборону, в которой принимало участие около 30 русских юношей, во главе которых стоял Антоненко. Этот Антоненко, русский рабочий, блондин, высокий, с энергичным выражением лица, говоривший уравновешенно и сдержанно, считал самооборону и участие в ней нееврeев решающим революционным фактором. Он соглашался

со мной в том, что если бы у нас были силы и организационные способности, мы могли бы превратить кружки самообороны в «советы гражданской безопасности», которые сразу объединили бы вокруг революции массы граждан.

Антоненко был в числе призванных в армию, и это несколько облегчило ему ведение среди призывников пропаганды против погромов. Ему помогала группа русских парней, участвовавших в самообороне. С одной стороны, я чувствовал удовлетворение от того, что общая логика, при помощи которой я объяснил идеи самообороны, дала им силу говорить со своими товарищами убедительно и уверенно. С другой стороны, это был неприятный опыт – чувствовать себя «евреями, находящимися под покровительством революционеров». Этот русский парень, Антоненко, доказал нам, сколь велика ценность гражданского мужества. Как-то раз толпа призывников под руководством опытных подстрекателей, которые были приглашены специально, стала кричать: «Бей жидов!» Антоненко, окруженный друзьями, встал перед толпой и звучным голосом, проникнутым уверенностью и мужеством, обратился к толпе с требованием разойтись и не слушать подстрекателей. Толпа повиновалась, люди разошлись и даже скандировали: «Да здравствует Антоненко!»

Был еще один русский, который успокаивал людей, – член земства, в доме которого я встретился с Туган-Барановским. Он пришел в субботу в синагогу (со мной, Дунаевским и главой маленькой группы бундовцев, которая действовала в городе) и с возвышения обратился к евреям, пообещав им, что «русское общество города сделает все от него зависящее, чтобы предотвратить вспышки насилия», и попросил людей не паниковать и опасаться провокаций. Все прошло мирно, несмотря на то, что было очень много попыток организовать погромы именно в этом городе. За то время в Лохвице я понял одну важную вещь: если бы в русском обществе было истинное желание предотвратить погромы, если бы это было осознано как важная задача, немногочисленные люди, обладавшие гражданским мужеством, могли бы повсеместно предотвратить погромы.

В середине ноября я получил специальное распоряжение центрального комитета нашей партии: переехать в Лубны, чтобы быть там представителем партии в революционном комитете. Лубны – уездный город Полтавской губернии и важная станция на железнодорожном пути Киев – Полтава. Правительство придавало городу особое значение: там находился крупный центр украинского движения, которое к тому же имело значительную

опору в деревнях Лубенского уезда. И хотя в городе было всего 12 тысяч жителей, все русские и украинские движения и партии уделяли ему особое внимание, так как в 1905 году видели в нем один из центров Украины.

Товарищи ждали меня. Они привели меня на конспиративную квартиру, которую приготовили заранее (квартира была в доме одного из наших товарищей, Лейбовича, который затем окончил курсы в Гродно). В тот же вечер меня пригласили на заседание лидеров и активистов, главными из которых были двое. Первый, Гольдштейн, молодой человек в очках, с приятной речью и взвешенными поступками, хотел стать адвокатом, не так давно женился и представил мне свою молодую жену как девушку очень знатного происхождения (из житомирской семьи Готесман). Он произвел на меня очень плохое впечатление. Я сказал себе: вот яркий представитель «второй партии» (мой отец говорил: есть всего две партии – порядочные люди и непорядочные. И прежде всего человек должен уметь отличать людей из «второй партии» и держаться от них подальше). Гольдштейн говорил гладко, а ты должен был догадываться, что он думает на самом деле. Второго звали Лейбович, это был учитель иврита, с испуганным лицом, очень близорукий, с торопливой речью. Он легко поддавался гневу, был чувствителен и часто обижался, любил книги и почитал мудрецов.

Как эти двое могли стать лидерами движения и влиятельными людьми, я понять не мог… Но спустя день выяснилось, что настоящим лидером был Хаим-шорник, высокий молодой человек со слегка согнутой спиной и хриплым голосом. Он был родом из Могилева. Когда он служил в армии, его арестовали за революционную пропаганду среди солдат, а он сбежал из заключения и жил по поддельным паспортам – старый революционер, который присоединился к ССРП после того, как долго блуждал по чужим полям (перед этим он успел побывать социал-демократом и бундовцем).

Во главе революционного комитета стоял человек, которого все называли Иван Петрович. Его фамилия была Кириенко{548}, впоследствии он стал депутатом второй Думы от социал-демократической партии, был арестован и приговорен к каторжным работам, участвовал в Гражданской войне после Октябрьской революции и погиб от рук колчаковцев. Это был очень красивый мужчина, высокий, с черной ухоженной бородой, прекрасный оратор, умевший управлять толпой. Он стоял во главе Спилки (крестьянский социал-демократический союз на Украине){549}, и его слово на заседаниях воспринималось как приказ. Вторым влиятельным человеком был Афанасий

Михайлович, представитель железнодорожных рабочих, смотритель городской железнодорожной станции. Типичный украинец лет сорока с лишним, похожий внешне на украинского поэта Шевченко, но его фамилия была… Шор! Он, без сомнения, был славянином во многих поколениях. Происхождение своей фамилии он объяснил мне тем, что его дед, который был крепостным крестьянином, был мастером по изготовлению конской упряжи (шор) и отсюда получил такую фамилию.

В комитете было еще двое влиятельных деятелей: украинцы Андрей Ливицкий{550} (потом он был главой правительства при Петлюре{551}, а в описываемое время служил секретарем городского уездного суда) и Николай (фамилию не помню), студент-технолог, украинский социал-демократ, который как-то чистосердечно признался мне, что для него основной побудительный мотив к революционной деятельности – это стремление к почету: «Такие люди, как я, должны стоять у руля, а на это у меня при существующем строе нет надежды». Представителем социалистов-революционеров (эсеров) в комитете был еврей по фамилии Каминский, работавший на одной из мельниц в пригороде после возвращения с каторги, к которой был приговорен за революционную деятельность в «Народной воле»{552}. Этот старый революционер открыл для себя «новый мир» и был полон восхищения перед «новым типом еврея и человека» – сиониста-социалиста, в отличие от двух участвовавших в комитете бундистов, студентов из Ромен, которые всегда называли меня «сионистом», опуская слово «социалист». Я открыто смеялся над этим. Доверие и дружба, которыми меня удостоили русские и украинские товарищи, удивили бундистов, и постепенно они изменили свое отношение ко мне и начали идти на сближение.

Дни были переполнены событиями. Забастовка работников почты и телеграфа, вторая всеобщая забастовка, восстания в армии и на флоте, подготовка к третьей всеобщей забастовке. Чувствовалось, что близится решающее, кровавое столкновение с властью. Вопрос был не в том – как ставил его Кириенко, – должны ли мы ускорить столкновение или попытаться оттянуть его. Это уже не зависело от нас. Вопрос был – как укрепить наши ряды, чтобы победить. Победить в столкновении, которое неизбежно и должно разразиться буквально на днях!

В таком духе, с учетом местных условий, проходили дискуссии в революционном комитете и планировались его действия.

Три картины того времени глубоко запечатлены в моей памяти: массовый митинг Крестьянского союза, споры об

украинском вопросе в доме Шемета, товарища председателя уездного суда в Лубнах, и споры в революционном комитете о завершении декабрьской забастовки.

Собрание крестьян проводилось недалеко от города Лубны. В нем участвовало около 20 тысяч крестьян. Они собрались вокруг широкой площади, на которой поставили огромный стол, а на стол – большую бочку. Рядом со столом стояли члены революционного совета и главы партий. Собрание вели Кириенко и Ливицкий. Они решили, что я тоже должен выступить. «Нужно, чтобы «настоящий еврей» выступил перед крестьянами, а это может быть только сионист», – сказал Кириенко. «И социалист», – добавил Ливицкий со смехом.

Я подготовился заранее. Я говорил около десяти минут и удостоился бурных оваций. Я связал вместе братство народов, народовластие, освобождение от оков традиции и предрассудков, общественное равенство, свободу Украины и ее историю, а также упомянул судьбу еврейского народа и внутреннюю революцию, в условиях которой мы, евреи, живем изо дня в день. Несмотря на аплодисменты, я не был уверен, что этим крестьянам действительно было интересно слушать выступление «настоящего еврея». Я почувствовал, что во время речи я изменил подготовленный текст, чтобы сделать его более подходящим для слушателей, и его еврейская составляющая все больше и больше ослабевала. И это огорчило меня. Этот случай прояснил мне вечный процесс приспособления евреев.

В начале декабря в Лубны приехал редактор первой петербургской социал-демократической газеты «Начало»{553}. Кажется, его звали Герценштейн{554}. По-видимому, он был евреем или имел еврейские корни. Человек лет сорока, очень высокий – в гостиной судьи Шемета его ноги занимали полкомнаты, а сам он выглядел невозмутимым в своем кресле. Казалось, будто он сидит в шезлонге и ведет ученую беседу, а не говорит о политике.

Он прочел публичную лекцию, посвященную национальной проблеме в России в настоящее время. В основном он полемизировал с украинским движением и изрек (говоря о «национальной полемике») пару фраз против еврейского национализма, приведя его в качестве примера социального абсурда. Условия формирования нации, утверждал лектор, это ее проживание на определенной территории, обладающей географической обособленностью и пригодной для возникновения особого национального хозяйства. По его мнению, подобных условий нет на Украине, ведь «с этой точки зрения между ней и Галицией нет различий…» Я принял участие в

дискуссии, которая была довольно острой, и доказал, что основное положение докладчика неверно. В числе прочего я указал на два соображения: а) союз поколений, существующий в сердцах украинской нации; б) связь Галиции и Украины с исторической и географической точки зрения. Из его слов я сделал вывод, что Галиция – плоть от плоти Украины. Я удачно воспользовался знанием истории края (Лубны и окрестностей) и удивил украинцев своей аргументированной защитой. Хозяин дома и члены его семьи, Ливицкий и его соратники не переставали благодарить меня. Они были рады узнать, что я родился в Хорале, то есть «настоящий земляк».

Дома я записал в свою тетрадь: «После этого спора у меня остался неприятный осадок. Эти украинцы, наверное, думают: два еврея спорят об Украине – есть ли у нее право на существование или нет. Да к черту их обоих!»

В третью неделю декабря выяснилось, что третья всеобщая забастовка и мятежи в армии провалились. В этом не было никакого сомнения. Что же теперь делать? Мы знали, что правительство готовится не просто к жестокой мести, но к уничтожению групп мятежников. Были созданы экзекуционные команды. Рабочие считали, что, пока есть время, следует прекратить забастовку, отослать подозреваемых в ее организации из города, спрятать их, спасти то, что можно, и принять неизбежное.

Заседание было напряженным. Городские рабочие подстрекали своих представителей требовать прекращения забастовки. Для этого были и экономические причины: близилось Рождество, сезон, когда работы становилось больше, а плата увеличивалась. Доверенные лица рабочих представили их аргументы на заседании. Я в нем не участвовал – меня «забыли» пригласить и даже не извинились за это. Я считал, что нужно прекратить забастовку. Я даже посоветовал нескольким главам забастовщиков (в том числе смотрителю железнодорожной станции) скрыться на какое-то время. Но я не хотел – и заявлял об этом товарищам! – чтобы мы осуществляли давление в этом вопросе. И вот ночью, после полуночи, в мою дверь стучат. Передо мной – смотритель станции и еще кто-то из железнодорожных рабочих. Они пришли пригласить меня к Ивану Петровичу, главе революционного совета. Мнения разделились, и совет решил, после долгих споров и вопреки возражениям партий, спросить меня и учесть мое мнение, чтобы какая-то точка зрения получила большинство в один голос. Иван Петрович и Афанасий Михайлович – смотритель станции – совместно со мной вынесут решение.

Я удивился. Вопрос был скользкий. Хоть я и знал, что члены союза железнодорожников почему-то относятся ко мне с большим доверием, я все равно не мог поверить, что они хотят привлечь именно «сиониста» к решению этого серьезнейшего вопроса. Я поделился своим удивлением со своим провожатым. Он рассмеялся. «Ты прав, – сказал он, – Иван Петрович сам это предложил. И ты знаешь, у нас не принято ему возражать». По дороге я сказал ему: «Я понимаю, что меня позвали в качестве второстепенного консультанта – не для того, чтобы влиять на решение о прекращении забастовки, а для того, чтобы сформулировать это решение». «Да, это так, – был ответ. – Большинство решило, что надо прекратить забастовку немедленно, а Иван Петрович возражал, но мнения большинства разделились в вопросе о сроке прекращения забастовки; были разногласия по поводу того, прекращать ли забастовку одновременно или нет, и Иван Петрович потребовал вынести этот вопрос на собрание».

И вот мы пришли. Его квартира, где мы собирались в последнее время, была недалеко от моей. Общий вход находился со стороны главной улицы – дом выходил на улицу, – а в углу двора стоял еще один дом, к которому вела заросшая тропинка. Ставни в этом доме были почти всегда закрыты. В этот маленький домик можно было войти и со стороны переулка. Этот вход был известен только членам совета и приближенным Ивана Петровича.

Иван Петрович был сердит. Он принял нас – не было похоже, что это относилось только ко мне, – с мрачным видом. «Хорошо, – сказал он, – что ты пришел. Немного опоздал. Я удивился, что тебя на было на заседании совета». – «Меня не приглашали». – «Тебя не застали дома и не знали, где ты находишься». – «Я вышел на минутку, можно было оставить записку, намекнуть». – «Мы позвали тебя вот зачем: было решено, что забастовка закончится завтра, но другие товарищи предложили не прекращать ее единовременно: завтра, мол, прекратят бастовать железнодорожники, послезавтра – городские рабочие. Другие на это решительно возражали, и мнения разделились. Они передали решение вопроса Афанасию Михайловичу, тебе и мне». Я прервал его: «Нет нужды, – сказал я, – останавливать забастовку одновременно, но нужно сделать это быстро. Завтра нужно созвать всех городских рабочих на общее собрание. Там они и решат о прекращении забастовки. Тем временем завтра с утра железнодорожники уже вернутся на работу. Так будет правильней: те, кто первыми начали забастовку, первыми вернутся на работу». – «Я принимаю твою точку зрения, но твои

аргументы доказывают, что я был абсолютно прав насчет тебя: у тебя есть большая доля ответственности в прекращении забастовки, ты намеками сказал товарищам, что после 18 декабря (день, когда было подавлено вооруженное восстание в Москве{555}) надо отступить, так как близятся экзекуционные команды и жестокие бесчинства, и надо вести себя разумно. Эти слова сеяли панику, и уважающие тебя железнодорожники, которые настаивали на продолжении забастовки, теперь говорят, что надо принять точку зрения «товарища сиониста»…» – «А вы, Иван Петрович, правда думаете, что после подавления восстания в Москве и после того, как забастовка была прекращена в крупных городах, мы тут, в Лубнах, можем удержать позиции и победить?»

Кириенко встал посреди комнаты и сказал серьезно: «Ты солдат, тебе подчиняется крепость, очень маленькая крепость, форт. Ты не должен покидать битвы, не должен мыслить «стратегически» – это дело тех, кто за это отвечает!» Я спросил его: «Есть приказ продолжать забастовку?» – «Если не было приказа прекратить, мы должны продолжать». «Я читал в одной книге, – сказал я, – о разнице между армией, где каждый солдат – винтик в большой машине, и армией, где каждый солдат – командир. Не знаю, какая из этих армий лучше и эффективней, но революционная армия никогда не победит, если каждый в ней будет всего лишь винтиком в машине, а не командиром».

Кириенко помолчал минуту и сказал: «Послушай, ты ведь сионист. Ты мечтаешь о еврейской стране, стремишься туда. Хотел бы ты, чтобы в еврейской стране каждый солдат принимал решения согласно своему желанию и суждению, охранять ли ему рубеж, на который его поставили? Я говорю с тобой прямо. Мне кажется, что ты судишь все только с одной точки зрения – с позиции еврейского государства. Не зря товарищи зовут тебя «сионистом»: если с тебя снять все наслоения – останется сионист и только сионист». «Благодарю вас за комплимент, – ответил я. – Для меня нет большей похвалы, чем сказать, что я все время думаю о моем народе и его будущем. Что же касается сути вопроса, то долг командира – нести ответственность за свои приказы и сохранять «живой дух» армии, чтобы она могла победить. Мы в строю, война продолжается, и надо беречь солдат. Что до соскабливания слоев, то я не люблю это делать: мне кажется, что можно столкнуться с таким наследием, которое, если пользоваться словами Белинского, «не очень приятно и не безопасно».

На минуту воцарилось молчание. Я сказал: «Постараюсь созвать собрание городских рабочих завтра к 9 утра, после того, как железнодорожники выйдут на работу. До свидания», – и

вышел. Афанасий Михайлович проводил меня через двор. Он долго жал мне руку, и в глазах его были слезы.

С Кириенко я встретился еще один раз в Киеве, во время выборов во вторую Думу. Он узнал меня. Мы ехали в городском трамвае. Я вдруг почувствовал его тяжелый взгляд, устремленный на меня, который, казалось, говорил: «Не узнавай меня». Я решил тут же выйти, что и осуществил – вышел на первой же остановке. И упал, растянувшись на камнях мостовой. Я здорово шмякнулся, но не пострадал. Я пошел дальше и встретил Кириенко, который шел мне навстречу. Он сказал, что рад видеть меня целым и невредимым, что падение, произошедшее из-за того, что он меня «не узнал», мне не повредило.

Через день-два мне стало известно, что стараниями Кириенко во Вторую Думу от Киевской губернии были избраны депутаты от левых и только от них, и ни единого еврея не выбрали. От евреев баллотировался Л. Моцкин{556}. Лозунг Кириенко, как говорили, был: «Ні панів, ні попів, ні жидів!»

Несмотря на это, он пришел к Моцкину во главе делегации со словами примирения и самооправдания, пообещав охранять права евреев. И Моцкин даже рассказал мне, что искренность Кириенко произвела на него большое впечатление.

С Афанасием Михайловичем я тоже встретился – в начале апреля 1917 года. Он пришел ко мне в Петрограде, с большим трудом отыскав мою квартиру, вместе с еще одним рабочим-железнодорожником и предложил мне… стать представителем союза железнодорожников в Совете рабочих и крестьянских депутатов. «Ты спас нас!» Все старые товарищи на нашем месте сказали бы: надо выбрать Кириенко и Давида-«сиониста». Мы тебя искали и нашли. Это было не так-то просто». Я отказался. Я сказал: «За эти годы я стал старше и умнее. Сейчас я понимаю, что прав был Иван Петрович, а не я. Одну революцию мы сделали вместе и не преуспели. Вторую – делайте без меня. Хотя революционеры уже низложили царя, им еще надо преуспеть в построении чего-то нового». После краткой беседы мы расстались. Как-то я рассказал об этом Берлу, и он сказал: «Я тоже думаю, что прав был Кириенко!»

После прекращения забастовки я сменил квартиру. Товарищи нашли мне комнаты на маленькой симпатичной улочке вдали от центра города. Адрес был известен только двоим-троим друзьям. Через два дня я поехал в Киев. Меня позвали на областную партийную конференцию, назначенную на ближайшие дни, но упорство Кириенко, который отсрочил конец забастовки почти на три дня, отсрочило и мой отъезд в Киев.

Глава 20. Первые месяцы моей деятельности в партии сионистов-социалистов (декабрь 1905 – март 1906 года)

Когда я выехал в Киев, в городе и в поезде царил дух кануна Рождества. Я чувствовал, что все идет своим чередом. Правда, у меня были сомнения относительно моей поездки. Через два дня после того, как пришло приглашение (от Аншеля Слуцкого) принять участие в конференции Киевской и Житомирской областей, я получил приглашение (от имени Шейна) приехать на окружную конференцию в Гомель. Мне было ясно, что организационные вопросы в нашей партии совершенно не согласованы. «Полтавская губерния, – думал я, – относится к Украине, а не к Белоруссии, и почему тогда мне припо приглашение из Гомеля?» И вот я приехал в Киев. Я зашел в гостиницу «Дугмар» на Большой Васильковской улице к товарищам Аншеля Слуцкого. В его номере были двое юношей и девушка – из активистов партии. Аншель, или Ансельм, как его звали, представил их мне: Ваня, Гриша, Оля. Товарищи выразили радость и удивление моим приездом. Были слухи, что меня арестовали «и даже более того» («вроде бы тебя убили возле Миргорода, недалеко от станции; мне передали также подробности о твоей смерти…»). Товарищи сказали, что областная конференция в Житомире уже собралась, и если я хочу успеть на нее, мне нужно немедленно ехать туда. Но тут выяснилось, что «немедленно» нельзя: последний дилижанс, который едет в Житомир (через Бердичев), уже выехал, а поезд едет длинной обходной дорогой, и пользоваться им нежелательно из соображений безопасности. Товарищи организовали мне место для ночлега, и один из них даже повел меня в театр на представление по пьесе «Евреи» Чирикова. Товарищи дали мне адрес в Житомире. Мне следовало выехать туда ранним утром.

Поход на пьесу «Евреи» произвел на меня тяжелое впечатление. И не только потому, что театр был наполовину пуст (мне объяснили, что многие евреи все еще боятся, страх погромов пока не исчез, а русские, особенно в праздник, не проявляют особой заинтересованности) и большую часть публики составляли евреи, но и потому, что мне совсем не понравилась пьеса, а симпатичный мне образ – сионистский рабочий, мечтающий о существовании «еврейских полицейских», – был смехотворен, в

его изображении на сцене не было и минимального желания «оправдать» сионизм, которое автор пьесы хотел вложить в него. Во время перерыва мы обменивались замечаниями, а после представления разгорелся спор, во время которого я смог доказать Ване (на самом деле его звали Биньямин Слуцкий, и он учился на юриста) свою правоту. Этот спор послужил основой нашей дружбы.

Я переночевал в гостинице с евреями, у которых не было права жительства. Хозяева гостиницы находились в хороших отношениях с полицией, и она предупреждала их, когда в городе затевали «охоту на евреев».

Комната, в которой мне сняли кровать, напомнила мне мою квартиру в Вильно в Квасном переулке: там уже спали шесть человек и стояло еще две кровати, одна из которых предназначалась для меня. Хозяин показал мне боковую дверь, в которую следовало выйти в случае «тревоги», если было подозрение, что может нагрянуть полиция.

Наутро я выехал в Житомир в дилижансе, в котором ехали евреи – одни только евреи, которые заполнили его до краев. Мы приехали за полчаса до полудня. Около получаса мы плутали по Бердичеву, и за это время я успел узнать, так сказать, вкус Бердичева. Я решил, что на обратном пути из Житомира я проведу день-два в этом городе. То, что я успел увидеть, возбудило мое любопытство. Согласно полученным в Киеве указаниям, я завернул в ресторан и написал записку «Аарону-Александру», попросив передать ее немедленно. Через четверть часа мне сообщили, что мне надо подождать еще час – было время обеда – и я получу ответ. Я пошел посмотреть на город. Когда я вернулся, меня уже ждали двое товарищей, «Македонец» и Александр (Аарон Соколовский из Киева и Александр Бондарчук из Херсона). Они сообщили, что съезд не дал мне разрешения участвовать в его работе. У этого отказа три причины: во-первых, места, которые я представляю, не относятся к Киевской области. Только Кременчуг и Прилуки к ней относятся, остальная Полтавская губерния с организационной точки зрения относится к Гомельской области, а там съезд состоится на днях, и после выяснения указанных обстоятельств мне было прислано приглашение. Во-вторых, съезд завершает свою работу уже этой ночью и в моем участии нет смысла, а в-третьих – «никто из участников съезда тебя не знает». Сказал это Аарон, юноша не выше меня, с нежными чертами вытянутого лица и белой кожей, пшенично-рыжими усами и красивыми голубыми глазами. Внешность его товарища была прямо противоположной: высокий, широкоплечий, с широким полным лицом, отменный крепыш.

Я прервал Аарона и спросил: «Мое имя им известно? Они приглашали меня приехать? Я приехал! Я опоздал, признаю, но не по своей вине. Меня послали киевские товарищи. А сейчас я должен ехать в Гомель? Странно!»

«Твое имя нам хорошо знакомо. Мы знаем тебя и как Давида, и как Бен-Циона Динабурга. Но никто не знает тебя в лицо. А товарищи из Кременчуга и Прилук утверждают, что им известно об аресте Бен-Циана Динабурга. Были также слухи о том, что он тяжело ранен и даже убит. Были случаи, когда использовались паспорта арестованных и бумаги, которые находили при них. Отсюда и опасения. Кстати, в записке, что ты написал нам, не был указан установленный нами пароль, да и вообще она вызывает подозрения». «Да товарищи в Киеве просто не передали мне никакого пароля! – сказал я. – Видимо, они думали, что для меня это не обязательно».

Спорили мы с Аароном. В конце концов Александр вмешался и сказал: «Мы можем еще раз поставить этот вопрос на обсуждение сегодня вечером – сейчас заседают комитеты, а вечернее заседание будет последним». «Нет, – сказал я. – Я возвращаюсь в Киев. Увидимся завтра. Я не готов ждать дополнительного расследования, после которого мне скажут: ты приглашен участвовать, но съезд уже закончился. Да и вообще, неприятно быть причиной подобных разбирательств после того, как тебя уже пригласили. Если взглянуть логически, все ваши аргументы похожи на доводы женщины из народной сказки про горшок: я вернула горшок целым, я и брала его сломанным, да и вообще я не брала никакого горшка». Всем было очень неловко, но Аарон обрадовался принятому мной решению и протянул мне руку: «Итак, до встречи завтра в Киеве».

Я едва успел доесть обед и пришел к дилижансу в последний момент. Дилижанс был полон. Благодаря давлению возницы мне дали место: «Это ведь худой парень… Почти не занимает места… У него нет с собой никаких свертков… Потеснитесь немного, и он влезет!» Я влез и доехал до Киева как следует помятым, но живым.

Мы прибыли в Киев между пятью и шестью вечера. Я сразу же пошел в ту самую гостиницу для лишенных права жительства в Киеве, а оттуда сразу отправился к профессору Мандельштаму. Я решил навестить его еще до того, как приехал в Киев. В последнее время я чувствовал, что у меня перед глазами плавают темные круги, и мне казалось, что мое зрение слабеет, особенно во время чтения. Я оказался последним в очереди. Из-за позднего часа сестра, которая записывала пациентов, колебалась, записывать ли меня, и хотела отложить мой визит на завтра, но когда я сказал,

что приехал в Киев специально, чтобы посетить профессора, записала меня, спросив мое имя, место жительства и возраст. Потом она передала свои записи профессору, и он объявил, что примет меня. Я заплатил ей рубль за визит, и через четверть часа пришла моя очередь. Вид Мандельштама удивил меня. Я знал, что у него длинная борода, видел его фотографию. Но не представлял себе, что борода настолько длинна. Возможно, что его борода выглядела длиннее, чем на самом деле, из-за его роста, который тоже меня удивил.

Но еще большее впечатление на меня произвел его спокойный голос, медленные движения и неспешная манера говорить. Я рассказал ему, что почти не вижу правым глазом, и о своих опасениях относительно левого. Он долго осматривал мой правый глаз. «Интересно, интересно, нет, об этом глазе не стоит тревожиться. Это врожденное». – «Правда? Один врач в Вильне хотел оперировать мне этот глаз». – «Оперировать? Это бочар, а не врач! Этот дефект у вас врожденный, частое явление, у вас опущение зрачка, только очень сильное…» Он начал осматривать второй глаз. – «А, тут все просто. Господин плохо пользуется своим глазом. Вы должны носить очки. Просто – чем вы занимаетесь?» – «Учусь самостоятельно и учу других». – «Экстерн?» – «Что-то вроде». – «Где вы были в октябре, во время погромов?» И он попросил меня рассказать ему все, что я знаю о погромах в местности, откуда я родом.

Он объяснил, что требует этого от всех своих посетителей из «провинции». Я рассказал ему, и он все время задавал вопросы и отпускал замечания. В конце он посмотрел на меня и спросил с улыбкой: «Вы из какой партии? Наверное, из сионистов-социалистов?» – «Да». Он усмехнулся: «Я понял это из ваших рассказов и описаний. Еврей, который рассказывает об октябрьских погромах, рассказывает о себе, о своей реакции, о своей вере, надеждах и разочарованиях. Я научился по таким рассказам определять взгляды рассказчика. Еще в начале вашего рассказа я сделал вывод о вашей партийной принадлежности. Я эту партию люблю больше всех других, я только сомневаюсь, что она сможет сохранить свою сущность: мы ведь быстро ассимилируемся и теряем свой облик». Он держал меня, к удивлению медсестры, долго, и разговор с ним доставил мне удовольствие. Я очень удивился мере недоверия, которое он испытывал к России – к народу и к стране, к либералам и социалистам всех видов. Это недоверие выражалось в его коротких репликах, замечаниях, содержащих негодование и насмешку, сарказм и боль. Он проводил меня до двери и пригласил заходить к нему во время следующего приезда в Киев

«из провинции».

На следующий день в десять часов утра я был в гостинице «Дугмар». В номере я обнаружил Лацкого, Нигера, Аарона и товарищей, с которыми я встречался третьего дня. Лацкий встретил меня смехом: «Значит, ты не смог убедить Аарона, что ты – это ты?» – «Да ладно, это и правда было непросто». – «Хорошо, что нам не придется это делать в ближайшее время!»

В комнате ощущалось волнение и возбуждение. В руках у каждого был первый номер «Дер Идиш ер пролетарьер»{557} («Еврейского рабочего»), который только что вышел. Партийная газета, которую мы так долго ждали! Наконец-то она появилась! Нигер сидел у окна и читал вслух фельетон, подписанный «А», – Нигер сказал, что это писатель Шолом Аш{558}, -в котором описывались шествия рабочих в Варшаве. Нигер непрерывно выражал восторг этими описаниями. Мне рассказ Аша не понравился, и я постарался остудить восторг Нигера, что в некоторой степени было обусловлено моим настроением. Но я видел, что расстроил его. Лацкий между тем читал статью Бартольди об идеологии ассимиляции (пока он читал, мне успели шепнуть, что он и есть Бартольди), и я очень ее хвалил, так как она меня заинтересовала. Мне очень понравилась терминология, однако я отдал дань Цунцу{559} и Грецу, которых Бартольди в своей статье отнес к «ассимиляторам». Бартольди с воодушевлением заявил: «Первый раз вижу социалиста-сиониста, который знает что-либо о «науке Израиля». Для наших товарищей все эти вещи – терра инкогнита». Киевские товарищи «опекали» меня, уделяя мне гораздо больше внимания, чем третьего дня. Они показали мне город, места, где они спасались от погромов, и я помню, какое впечатление на меня произвели слова одного из них, который привел меня на улицу рядом с местной думой (городским советом) и ввел в трехэтажный дом, который стоял за этим зданием, показав место за лестницей, где он прятался, пока погромщики буйствовали в том же доме, ломали, грабили, избивали и убивали. Он рассказывал – и в его глазах стоял ужас, отражение воспоминаний о тех днях и этом месте.

В ту же ночь я уехал на поезде в Гомель. Я был снабжен паролем и адресом. Мне сообщили имена участников съезда: Давид Гофштейн{560}, Алтер Яффе, Слоним, Шейн и другие. Всех, кроме Алтера, я знал лично. Я приехал в Гомель на следующий день еще до полудня. Я зашел на квартиру Шейна, который остановился у своей сестры, но не застал его. Когда я пришел на заседание, выяснилось, что и на этот съезд я опоздал: он идет уже два дня. Я пришел к концу дискуссии о «национальном терроре» и самообороне. Войдя, я застал конец выступления Шейна.

Товарищи рассказали мне о его точке зрения, которая уже была мне знакома. Он выдвигал радикальные требования. Он не просто соглашался с проведением карательных акций в ответ на каждый погром, но требовал их: «В этом мы проверим себя. Необходимо отвечать на еврейские погромы таким образом, чтобы весь мир узнал, что появилось новое поколение евреев, революционное поколение, поколение, стремящееся к избавлению от галута. Самооборона бессильна против вооруженной полиции и армии? Да, бессильна! Погромам нельзя воспрепятствовать. Но можно наказать погромщиков. Еврейская кровь – не вода! Смертная казнь – организаторам погромов, ответственным за них! Следует проверить, разобраться и выяснить их вину, меру их вины, вынести приговор и привести его в исполнение, и кровь их падет на их головы. Если мы не пойдем по этому пути, мы ничем не лучше наших предков. Мы хуже их, мы не бойцы еврейской революции, а ее губители. И останемся человеческим прахом».

Среди остальных выступавших по этой проблеме на меня произвел впечатление Зелиг из Ветки, небольшого городка возле Гомеля. На другом берегу реки Саж.

Он был рабочим, высоким и крепким, говорил скупо, не гладко и тяжеловесно. «У нас, – сказал Зелиг, – действуют согласно правилам, которые установил Лейзер (Шейн). Был у нас пристав, и он – это доказано – принимал участие в организации погромов. Мы решили его ликвидировать («им авек лейгн») и спустя два дня отослали его к праотцам, чтобы он предстал перед высшим судом. Мы немного разбираемся в таких делах». С его точки зрения, Лейзеру следовало встать во главе акции: «Он выразил словами то, что мы, простые люди, чувствуем, то, что каждый сионист-социалист, каждый революционер может и должен чувствовать в этот час».

Дискуссии завершились. Председатель, Давид Гофштейн, дал мне право сказать несколько слов. Я выступил против «национального террора» и предложил «активную самооборону». К этому понятию должны относиться систематические действия по самообороне всех этапов и форм. Самооборона должна послужить основой для борьбы еврейских масс за свое национальное и социалистическое будущее.

Я не успел развить все мои мысли за отведенное мне ограниченное время.

В личных беседах с Гофштейном, Слонимом и Алтером Яффе я попытался подробнее развить мои мысли, и оказалось, что лишь предложенное мной название имеет успех, но сути моих слов они не принимают, что у них есть принципиальное согласие – хотя они и скрывают его – с позицией сторонников «национального

террора».

После гомельского съезда мне поручили несколько поездок, где я должен был читать лекции, участвовать в партийных дискуссиях и в организации местной самообороны. Наибольшее впечатление на меня произвел визит в Бобруйск. Там было собрание представителей нашей партии, дискутировавших с минскими «Поалей Циан», которые отрицали классовую борьбу, были против участия в общегражданской борьбе и считали сионистское начало первичным для нашего движения. Состоялись переговоры об объединении. Дискуссии должны были прояснить позиции и сблизить нас. От нашей партии в переговорах должны были принимать участие Алтер Яффе – один из лидеров партии – и я. В связи с моей миссией по самообороне до станции меня провожал товарищ Кропоткин – это была партийная кличка Полякова (племянника русско-еврейского писателя Полякова-Литовцева{561}), который был активным участником самообороны от нашей партии. Он специализировался по оснащению партийных отрядов самообороны бомбами нашего производства. Он славился быстротой и физической силой, храбростью и хладнокровием. Как-то раз (в Черкассах Киевской губернии) он среди белого дня обезвредил на одной из скамеек городского сада бомбу, так как почувствовал, что она нагревается и может взорваться. При этом он лакомился арбузом, виноградом и белым хлебом. Это происходило в то время, когда в стране действовали (после роспуска первой Думы) военно-полевые суды, которые должны были казнить каждого, у кого находили оружие…

Я дружил с Кропоткиным, и он позаботился об организации моей поездки в Бобруйск. Я выехал из Гомеля в четверг, 5 января. В зале ожидания вокзала слышались ругательства, брань, крики и антисемитские проклятия какого-то офицера. По совету своего провожатого я вышел наружу, и мы ждали там прибытия поезда.

На следующий день, в пятницу вечером, в одной из синагог состоялось большое собрание, на котором «Поалей Циан» минского направления спорили с сионистами-социалистами. От имени «Поалей Циан» выступал их местный лидер Плоткин. Мне кажется, он заявил, что каждая партия должна определить один принципиальный критерий, а не два. Мол, разница между «Поалей Циан» и сионистами-социалистами в том, что у «Поалей Циан» мера для всех вещей одна, и это сионизм. Они отрицают ценность классовой борьбы для еврейского мира и призывают прикладывать усилия по национальному единению. Выступавший спросил: «Если в Бобруйске будут выборы в Государственную Думу, за кого вы проголосуете – за еврея-сиониста или за русского социал-демократа?» Алтер ответил длинной речью, в

которой использовал этот вопрос, чтобы доказать, насколько важен социалистический критерий именно в подобном случае. Его речь была приправлена множеством примеров из повседневной реальности, с помощью которых он объяснял и доказывал, насколько важно еврейскому труженику, чтобы его представителем был социалист. В своем ответе я продолжил цепочку идей Алтера, доказывая, что даже с точки зрения национальных интересов евреев нельзя судить о социализме так примитивно. Мы ведь заинтересованы в представителях на уровне государства, которые обеспечат перемены в режиме, а не просто будут кричать «Караул!». С этой точки зрения не надо считать, что представитель-еврей будет защищать интересы евреев, а нееврей не будет. Я объяснял это на примере самообороны, где именно преданное участие неевреев является одним из условий успеха.

Наш тандем, которым мы выступали в споре, как мне сказали, понравился товарищам: мы и «побили» противников, и приблизили их при помощи нашей аргументации.

Вокруг синагоги стояли «посты», в основном из девушек, которые должны были предупреждать о приближении полиции. Среди них были Сара Шмуклер, Лея Мирон (Каценельсон) и еще несколько, в том числе те, что были в моем «кружке» в Хорале.

Однако наибольшее впечатление за время того визита в Бобруйск на меня произвел разговор с соратницами по движению о положении женщины в нашем рабочем движении. Разговор состоялся утром в субботу на квартире фотографа Хаима Каценельсона, старшего брата Берла. Вход в квартиру был через полутемный коридор, в котором была лестница, ведущая наверх, на второй этаж, где была квартира фотографа и место его работы. Помню, что меня разозлил неприятный скрип двери и то, как стонали ступеньки, когда я на них наступал.

Среди участниц беседы были Сара Шмуклер, Лея Мирон (Каценельсон), Батья Лифшиц (Шейн), Рахель Каценельсон (Шазар)[{562}] и другие, которых я видел среди «постовых». Я предварил беседу коротким докладом на тему «Интеллектуальное и нравственное совершенствование индивидуума как условие построения социализма». Я пытался объяснить, что реализация идей социализма с организационно-хозяйственной точки зрения посредством захвата власти не сильно изменит жизнь, если перед этим или по крайней мере одновременно с этим не произойдет основополагающих перемен на интеллектуальном и нравственном уровне личности. При этом одним из явных признаков прогресса в данной области является положение женщины в движении, особое ее предназначение в рамках

движения. К этому докладу я в разной форме возвращался несколько раз и даже опубликовал выдержки из него по-русски в статье в газете «Киевские отклики»{563} летом 1906 года. Разговор с девушками был оживленным, но я заметил, что некоторые из них обратили большее внимание… на мое несчастное пальто. Оно и правда было достойно такого внимания – как из-за своего почтенного возраста, так и из-за цвета: оно приобрело зеленоватый оттенок, а от изначального цвета не осталось никаких следов. Сара Шмуклер даже поговорила со мной на эту тему – деликатно и не впрямую. Я рассказал ей, что у бедственного положения моего пальто три причины: практическая, принципиальная и тактическая. Пальто верно служило мне много лет, и у меня нет другого, а выбрасывать старое пальто, когда другого нет, – непрактично. Я принципиально не получаю денег от партии, я не хочу быть «профессиональным партийцем». Мне компенсируют только дорожные расходы, так как моих собственных средств на это не хватает. Источник моих доходов – лекции и уроки, которые я провожу для ограниченного круга. Так, я организовал в Лубнах курс лекций и дискуссий об «общественных идеалах и государственных режимах»: каждый участник вносит три рубля, а если у него нет, за него платят товарищи, и это приносило мне около 12 рублей в месяц. А это немного. Правда, я не должен был платить за квартиру. В-третьих, сказал я, с тактической точки зрения, мое бедное пальто – это сокровище. Оно меня защищает. Полиции, которая хочет меня арестовать, – а я знаю, что она этого хочет, – не приходит в голову, что этот бедный парнишка в потрепанном пальто, с кашне на шее, как у йешиботника, – тот самый опасный революционный агитатор, которого она ищет…

Я не знаю, удовлетворило ли Сару мое объяснение, но долгие годы я помнил ее милый облик: вот она смеется моим словам молодым и живым смехом, а в сияющих глазах – печаль.

По дороге на вокзал у меня случилась интересная беседа с извозчиком. Я чувствовал, что он хочет о чем-то меня спросить, и был прав. Я применил к нему слова «А ты открой ему…» и спросил его о новостях Бобруйска, и он начал повествовать мне о несчастьях евреев за весь год, наибольшее из которых – это ужасное беспокойство и путаница из-за многочисленных партий, расплодившихся в городе: сионисты и социалисты, «Поалей Цион» и ССРП, сеймисты и территориалисты, социал-демократы и социалисты-революционеры, и вообще сплошные партии, группы и группировки всех цветов и оттенков – можно умом тронуться. «И чего они все хотят? Всего лишь спасти евреев! А я хочу сказать, – тут он повернулся ко мне, – пусть от вас будет хоть

какая-то польза, молодые люди, а евреи сами справятся! Не волнуйтесь так сильно!» Я спросил его: «Вы были вчера на диспуте между «Поалей Цион» и ССРП?» – «Конечно! Я слышал твою речь. Ты говорил по делу и кратко. Я не согласен. Я думаю, правильно написано в Псалмах: "Не доверяйте гоям!" Или гоям нельзя верить». – «Вы из "Поалей Цион"?» – «Нет, я просто человек. Вместе с тем в твоих словах был некоторый смысл, но слова того, кто говорил перед тобой, меня разозлили. Он умный человек, но опасный». Извозчик не переставал бормотать: «Спасти евреев… Спасите сами себя, а мы уж позаботимся о себе сами».

Я использовал эту беседу уже вечером следующего дня в Ромнах в споре с представителем Бунда о сущности еврейского национализма. Представитель Бунда был сыном моего дяди Пинхаса, убитого во время погрома за два с половиной месяца до этого. Этот сын, студент-востоковед Петербургского университета, признавал еврейский национализм, но с определенными оговорками…

Я вернулся в Лубны, а оттуда мой путь лежал в города Полтавской и Черниговской губерний. Из всех многочисленных дискуссий, встреч и собраний, в которых мне довелось поучаствовать, мне особенно запомнился спор с Ицхаком Шимшилевичем (Бен-Цви)[564] в вагоне поезда, который ехал из Пирятина в Лубны (мы спорили о возможностях массового заселения Эрец-Исраэль), и дискуссия с бундовцами о перспективах русской революции и о том, возможно ли вооруженное восстание против власти. В Пирятине, уездном городе Полтавской губернии, расположенном между Лубнами и Прилуками, должно было состояться дискуссионное собрание ССРП и «Поалей Цион». Со стороны «Поалей Цион» должен был выступать Авнер (он же Ицхак Шимшилевич, Бен-Цви), а от ССРП – Давид (то есть я). Однако полиции стало известно о встрече и месте ее проведения, и не успели мы приехать, как отряд казаков окружил дом. На соседних улицах казаки хлестали нагайками всех прохожих. Я вдруг оказался один среди улицы и не знал, куда идти, но вспомнил, что недалеко от железнодорожной станции жила семья Авраама-Шломо Эскинбайна, старшего сына моего дяди Бенциона из деревни Триняки. Я пошел переулками и выбрался к нужному дому. Мой приход поверг хозяйку в ужас. Я успокоил ее: меня не преследуют казаки, я хочу лишь подождать 20 минут до прихода поезда. Она поспешила накормить меня ужином, и я с большим удовольствием воспользовался приглашением. Через 20 минут я сидел в вагоне поезда, следующего из Киева в Полтаву. Вагон был почти пуст. На одной из скамеек сидел молодой человек, погруженный в свои мысли,

высокого роста, одетый в красивое новое серое пальто, которое ему очень шло и придавало важный вид. Я сел напротив него и подумал: он мой оппонент, наверняка это с ним я должен был дискутировать, если бы казаки не помешали. Я представился, назвав свое имя, и он рассмеялся: «Когда ты вошел, я сразу понял, кто ты». Я предложил ему побеседовать на тему, которая должна была составить предмет дискуссии, – о способах территориального разрешения еврейского вопроса. Я расспрашивал его о подробностях программы практической работы в Эрец-Исраэль и о ее перспективах, задавал один за другим каверзные вопросы о конкретных обстоятельствах. А он исключительно терпеливо и очень спокойно отвечал. Вместе с тем он сказал мне напрямик: «Я не верю, что будет какая-то польза от того, что мы спорим между собой наедине, без публики. Каждому из нас стоит спорить на публике – может, мы повлияем на слушателей. Но на оппонента повлиять нет шанса. Если у меня есть шанс повлиять на тебя, я готов продолжать спор. Но я вижу, что ты сведущ в том, что касается Эрец-Исраэль, и это хороший знак, это меня радует. Может, работа в Эрец-Исраэль возвратит к Сиону тебя и твоих товарищей – отрицателей галута!» Голос его был усталым и слабым. Я подумал: вот тебе логическая теория спора, рожденная реальными обстоятельствами прямо на твоих глазах. Но мой собеседник повернулся ко мне и добавил ясным громким голосом: «Я скажу только одно: ты задавал много трудных вопросов по поводу Эрец-Исраэль. Проблемы – это проблемы, вопросы – это вопросы, но это реальные проблемы и реальные вопросы. У вас, территориалистов, по-видимому, нет проблем и вопросов – у вас все висит в воздухе! В мире, который не существует, нет ни противоречий, ни сложностей, ни проблем!» Я не ответил. Мне уже надо было выходить. Но вдруг я вспомнил слова Зелига: «Ты знаешь, Эрец-Исраэль дает какую-то внутреннюю уверенность. Не знаю, на чем она базируется, но она смягчает сердца людей, и они отдыхают душой и чувствуют ценность борьбы за еврейское государство».

И вот я в Киеве. Кто-то из товарищей привел меня на собрание, созванное Бундом, о котором, однако, знали не только бундовцы, но и члены других партий. Выступал один из глав Бунда. Тема – «Шансы вооруженного восстания в наши дни». Выступавший анализировал декабрьские вооруженные восстания в Москве и доказывал, что главной причиной их неудачи была нерешительность меньшевиков и недостатки в технических аспектах революционной подготовки, а также, разумеется, запаздывание пропаганды в армии. Я не помню всех подробностей плана восстания, который он предлагал, но на меня

произвела впечатление проповедь «вооруженного бунта». Я был удивлен, что спорящие говорили только о том, что возможно сделать, а не о том, что следует. Я попросил разрешения задать три вопроса общего характера – как «рядовой товарищ, не ориентирующийся в подробностях». После некоторых колебаний председателя разрешение было получено. Я задал три вопроса. Первый: «Социализм, как нас учили, это общественная борьба, а идея социалистической революции базируется на том факте, что сила общества и само его существование находятся в руках рабочих. Есть ли нужда и необходимость и правильно ли переходить от общественной борьбы к настоящей войне?» Второй: «Уверенность в победе революции также базируется на переменах в хозяйственном и социальном строении современного государства, которые неизбежно приводят также к борьбе рабочего класса с властью и к революционным выступлениям против общественного строя. Но «вооруженные восстания» – это огромный шаг назад, в прошлое, и здесь не может быть никакой уверенности в победе, и нет исторической неизбежности победы. Откуда уверенность, что новый строй и новое правительство будут социалистическими – ведь они будут результатом победы армии, а не общественной победы».

Мой третий вопрос был такой: «Любая война связана с разрушением. А всякая гражданская война влечет за собой разрушение человеческих связей и отношений в обществе. Это мы знаем из истории Парижской коммуны{565}. Нет ли опасности, что слабые устои общества, ничем не защищенные, будут уничтожены в этой войне? И не следует ли именно Бунду выработать мнение об этой стороне «вооруженных восстаний»?»

Я говорил тихо и старался выразить мои мысли наиболее простыми и доходчивыми словами, производя впечатление человека, который первый раз говорит на публике и которого одолевает страх публичных выступлений. Я и сам чувствовал себя именно так. Мое бедное пальто дополняло картину: рабочий – скорее всего, безработный, бедный, впервые пытающийся выразить свое мнение публично. Но именно мой внешний облик придал моим словам силу, замаскированную под вопросы. После моих слов в зале воцарилось молчание – я был одним из последних выступавших, – а докладчик выразил сожаление, что ему не хватает времени на то, чтобы подробно ответить на вопросы «рядового товарища». Однако он попытался научить меня революционному социализму, намекнул, что подозревает «скрытый сионизм». Я удивился, что докладчик удовольствовался легким намеком на мой сионизм, а в целом говорил по делу: постарался доказать, что его путь – путь революции, марксизм –

единственно возможное учение в данных обстоятельствах, а военная победа – реальное и правильное воплощение общественных изменений, а следовательно, она будет социальной по своей природе.

Моим товарищам очень понравился этот спор, но с духовной точки зрения мне было плохо: страшные образы жестоких погромов и убийств евреев долгое время не покидали меня. И я думал, что, возможно, председатель был прав, намекая, что я «не из того теста, из которого получаются революционеры», и что «никакие объяснения мне не помогут».

В течение тех месяцев меня несколько раз задерживали полиция и охранка. И каждый раз мне удавалось избежать заключения. Два случая были особенно выдающиеся: я спасся буквально чудом. В марте, если я не ошибаюсь, в Кременчуге арестовали всех членов городского партийного комитета нашей партии, среди которых был учитель Дубников (он был убит во время погромов в Хевроне) и еще несколько моих знакомых. Деятельность партии в городе была совершенно парализована. Я получил указание «ускорить помощь» этому филиалу. Я взял с собой Хаима из Лубен и Давида (Каплана) из Лохвицы и приехал на неделю в Кременчуг. Мы восстановили деятельность всех партийных учреждений города. Мы организовали кружки и даже провели массовое собрание на острове Днепра: товарищи приезжали на собрание на лодках, а через некоторое время благополучно разъехались. Полиция опоздала на два часа.

На обратном пути мы были неосторожны – сели выпить чаю в буфете на станции Ромодан. Тем временем прибыл поезд из Киева, и на станцию вошел пожилой генерал, маленького роста и с большим животом. Он имел сердитый вид и ступал тяжело, окруженный спереди и сзади большой свитой, состоявшей из офицеров и сыщиков. Он сердито посмотрел в сторону нашего стола, проворчал что-то своим сопровождающим и… исчез. Это был военный генерал-губернатор Кременчуга (я забыл его фамилию), который славился своей жестокостью. Один из жандармов обошел вокруг нашего стола, внимательно всмотрелся в нас и задержал взгляд на мне. Внезапно он обратился к нам тоном приказа:

«Прошу всех подняться наверх, на второй этаж, в жандармский участок. Я должен обыскать вас и проверить ваши документы». Мы встали и зашагали за ним. Нас сопровождала вся свита офицеров, сыщиков и жандармов.

Больше всего я боялся за Хаима. Я знал, что он дезертировал из армии, и если бы это открылось, его положение было бы очень тяжелым. Когда мы вошли, жандармский полковник отделил

меня от остальных и приказал каждому из нас отдать ему паспорт, а также проверил наши карманы и вещи. Проверил, задал вопросы и велел стать в стороне. После этого он обратился ко мне: «Покажи нам свой паспорт, Бенцион Залманович Динабург, уроженец Хорала Полтавской губернии, – все верно, я не ошибся?» – «Все верно. Вот документы». – «Я узнал тебя по фотографии. Вот уже полтора года я тебя ищу. Я навещал твоих родителей, и мне показали адреса мест, где ты жил два, три и четыре года назад. Теперь кончено. Вы свободны и можете идти, – обратился полковник к остальным, – мы задержим только тебя. Мы нашли твою фотографию в подпольном издательстве в квартире Веры Слуцкой, твоей поклонницы и ученицы – и теперь ты дорого заплатишь за ее почитание». Он рассмеялся. «Но ведь Вера Слуцкая освобождена из заключения по амнистии, а вы арестовываете меня за то, что она – моя поклонница? Странно!» – «Обыщите его как следует, – громко воззвал полковник. – Добудьте каждый клочок бумаги и тщательно проверьте». Широкоплечий черноусый жандарм с глупым лицом поспешил выполнить приказ, а полковник стал просматривать бумаги. «А, тезисы доклада! Это мне хорошо знакомо! Бенцион Залманович Динабург, ты знаешь, что я тоже твой ученик – я прочитал все выписки, которые делала твоя ученица о сионизме и о его социалистических революционных основах! Разве вы тоже не эсеры – сионисты-революционеры?! – и опять рассмеялся. – Итак, мне ясно, что ты едешь с лекции на лекцию. Какова общая тема твоих выступлений?» – «Я не знаю, почему господину потребовалось тратить столько усилий, чтобы разыскать меня: вы могли прийти в дом моих родителей. Я постоянно живу там. Ромодан находится всего в одной станции от Хорала, а еду я в Прилуки, я должен там держать экзамен в апреле, а это не тезисы к докладу, а ответы к предполагаемым экзаменационным билетам – по литературе, истории и географии России. Сейчас придет поезд, и мне надо ехать. Я признаю, что у господина полковника великолепная память – узнать меня по фотографии и запомнить, что преподавал ученикам, когда я сам уже это забыл. Но этого недостаточно, чтобы арестовать меня». – «Какой хитрый! Я, полковник Якобсон, собаку съел на таких делах, запомни это. Меня сложно запутать. Я умею отличить тезисы к докладу от экзаменационных билетов. Но – все может быть… Хорошо. Вот уже второй звонок. Иди. Возьми билет. Езжай в Прилуки. Или в Киев? Меня не проведешь! Но хорошенько запомни: я советую тебе не встречаться второй раз, не сталкиваться больше никогда с полковником Якобсоном! Понял? Ступай». И сказал сыщикам: «Проследите за ним, пока он не сядет в поезд».

Через две-три недели я шел по тротуару в Лубнах, недалеко от моей квартиры, когда ко мне вдруг подошли двое полицейских, арестовали и повели в участок. Жандармский офицер приказал обыскать мою одежду. Нашли бумаги. Записи. И две политические брошюры социалистического содержания. Офицер разволновался: «Нет такого еврейского парня, у которого бы в кармане не было социалистической пропаганды! Что ты здесь делаешь?» Я достал документы. «Я из соседнего города, из Хорала. У меня здесь живет старая тетка, сестра матери. Я приехал ее навестить, только сошел с поезда и собирался идти к ней, как меня арестовали…» – «Ложь! Выдумки! И кто твоя тетка?» – «Рохл Малкина, вот ее адрес». – «Хорошо, сейчас проверим», – и он послал городового срочно доставить мою старую тетю в участок. Я у нее никогда не был. Я не знал, как все это понравится ее мужу – ее второму мужу, узколобому бухгалтеру и трусу. Но я полагался на разум моей тетушки. И правда – она явилась без промедления. Ее ввели в участок. «Вам знаком этот молодой человек?» – «Конечно, это сын моей сестры из Хорала». – «Как его имя?» – «Господин, я не знаю, Бен-Циан или Давид. Они близнецы и похожи друг на друга как две капли воды. Различить можно только по глазам. Так, так… Бен-Циан! Да, он косит на правый глаз». – «Так вот, тетушка, мы дадим ему проездное свидетельство, городовой проводит его в ваш дом, а оттуда на поезд и посадит его туда. Все под вашу ответственность, и если что случится – пошлем его домой вместе с арестантами».

Таким образом в тот же вечер я попал домой. Дома я ничего не рассказал. Однако назавтра, когда отец пошел в город, ему встретились знакомые, и все спрашивали обо мне. Отец сказал: «Я не успел с ним поговорить!» – «Как? Его ведь арестовали. Упекли как следует. Из Полтавы пришли газеты, а там телеграммы из Лубен: «Сегодня на улице арестовали Динабурга». – «По-видимому, – сказал папа, – это другой Динабург. Бен-Циан дома, я только что с ним говорил».

Папа принес мне газету «Колокол» с телеграммой. Я решил, что должен покинуть город, и стал взвешивать – стоит ли сделать это немедленно или чуть-чуть погодя. Брат посоветовал мне уехать немедленно: телеграмма даст понять полиции, что человек, которого арестовали, «важная птица», и они станут искать меня. С другой стороны, я боялся начать суетиться.

Спустя десять дней я уехал из города. Выяснилось, что я успел в последний момент. На следующий день после того, как я покинул родной дом, полиция пришла искать меня…

В те дни, когда я был дома, я получил последние новости о

партийном съезде, прошедшем в марте в Лейпциге. В нем участвовал Элиэзер Шейн. Из Бобруйска до меня дошли отзвуки съезда – в записях, которые он вел для себя. Какое разочарование! Самый больной вопрос-пути осуществления территориализма – остался нерешенным.

Предложенные пути были, по существу, беспролазным хаосом. Лучшие из товарищей подавлены. Среди них – пламенные энтузиасты по природе своей, борющиеся с грызущими их сомнениями (Яаков Лещинский) и даже изъеденные отчаянием, находящиеся на грани выхода из партии (Давид Гофштейн, Цви Авраами-Фербман). Только четверо уверены в себе и в избранном пути. Это патриоты, на которых держится партия, в них он [Шейн] видит наше будущее: Нахман Сыркин, идеалист, уверенный в себе и с очень глубокими еврейскими корнями, Маше Литваков{566}, светлая голова, мститель за свой народ и его защитник, ревностно относится к своей программе и верит в нее, и она для него важнее всего остального. Йосеф Лещинский{567}, верный и преданный своей партии, ибо она – крупнейшая рабочая партия, есть кого вести за собой. Еще – Авраам Гольдберг, который приехал на съезд из Соединенных Штатов Америки, прожженный, ловкий, умный и практичный. У всех этих патриотов разный патриотизм. Нахман Сыркин как истинный идеалист – патриот движения, Маше Литваков – горячий патриот программы, причем именно программы для всей партии и ее филиалов; Йосеф Лещинский – патриот партии, с ней он хочет идти дальше и с ней искать путь… А Авраам Гольдберг– самый уверенный, он уже американец. Почти «совсем американец»… Сам Шейн не открывал рта во время съезда, и только во время прений о путях осуществления территориализма он попросил слова для выступления… по повестке дня.

Глава 21. В окружном комитете партии сионистов-социалистов в Киеве (апрель-август 1906 года)

В начале апреля, сразу после Песаха, меня пригласили в Киев. Аарон (Соколовский) известил меня, что его переводят на работу поближе к центральному комитету, и ему надо передать мне дела киевского окружного комитета партии. Несколько киевских товарищей будут мне помогать: Веня Слуцкий, Гриша Хавин, Лазарь Быховский, Саня Хургин{568} и другие. Он передал мне, что это решение центрального комитета – о самой же работе и о полномочиях и обязанностях окружного комитета почти ничего не сообщил: «Обо всем поговоришь с товарищами». Он также пообещал, что в Киев переведут еще двоих, которые будут работать не «волонтерами в свободное время», нет, – все их время будет посвящено работе. «Скоро, – сказал Ааарон, – появится партийная газета («Дер Найер вег»{569} – «Новый путь»), и там будут опубликованы решения лейпцигского съезда. Организационные решения опубликованы в газете, конечно, не будут, а ты получишь их в скором времени и будешь поступать в соответствии с ними». На этом инструкции закончились.

Я сказал, что поговорю с товарищами, войду в курс дела, после чего приду к нему посоветоваться. Он согласился, если я уложусь в день-два, – потом он уезжает в Вильну. Большого значения моим намерениям он не придал: сказал только, чтобы я обязательно обсудил все с товарищами. Я действительно обратился к ним. Оказалось, что не только невозможно собрать их вместе, но трудно даже встретиться с ними по отдельности. Во-первых, все они были студентами, шло время переводных экзаменов, и они все были заняты. Вдобавок у них почти не было никаких связей с народом, с рабочими. Двое (Гриша Хавин и Лазарь Быховский) были недавно освобождены из заключения, и у них не было никакого желания продолжать активную деятельность. Последний из них, бывший казначеем, очень успешно уклонялся от «излишних» встреч со мной. Не было встреч, которые он не считал бы «излишними»… Мне помогали двое – Веня Слуцкий и Саня Хургин. Веня был симпатичный парень, стойкий в убеждениях и поступающий обдуманно, знающий цену времени, опасности и выгоды и при этом способный сделать все, что потребуется, в области, которую он для себя наметил. В течение всего лета он был моей правой рукой: разделил со мной квартиру и был всегда готов прийти мне

на помощь, особенно когда приходилось формулировать рабочие договоры после прекращения забастовок. После этого он поселился в Полтаве, где работал по специальности (он был адвокатом).

Саня Хургин был одним из лучших студентов физико-математического факультета Киевского университета. Я познакомился с ним в Прилуках, когда он еще учился в гимназии. Он был пасынком врача и ученого Венгерова{570}, а его отец, Исраэль Хургин, был еврейским поэтом, писавшим на иврите. Когда я открыл это Сане, он не выказал никакого интереса. Хургин всегда привлекал внимание: слегка вытянутое бледное лицо, черный чуб и копна серебристых волос надо лбом. Прямой, стройный и резкий. В его внешности было что-то, напоминавшее Пушкина. Он был хорошим товарищем и только по отношению ко мне проявлял некоторую подозрительность: «Чересчур сионист, недостаточно революционер», «формалист и мало принимает во внимание мнение товарищей» и т. п. В то же время он очень старался мне помочь и преодолеть свое отторжение моих методов работы и моего мировоззрения.

Я пригласил этих двоих на встречу и посоветовался с ними. После этого к нам присоединился Гриша Хавин, студент-медик, высокий, бледный, близорукий, обладавший чувством ответственности и добрым сердцем. В его характере была заложена склонность удаляться от общественных дел, однако совесть не позволяла ему этого.

Я предложил поделить работу в окружном комитете на четыре части: профсоюзное движение, организация и пропаганда, связи с центральными партийными учреждениями (центр, газета, издательство) и вопросы финансирования и связей с общественностью. Я сказал, что готов заняться двумя первыми вопросами, так как не знаком с местной ситуацией и не могу заниматься финансами и связями с общественностью. Я также не склонен напрямую общаться с центральными учреждениями. Да и с точки зрения конспирации этим стоит заняться кому-то другому. Товарищи согласились со мной и взяли обязательство – вместе с Аароном и остальными – уладить дела. Заседание было кратким. Я даже удостоился комплимента от Хургина: «Я думал, ты менее организованный. Оказывается, ты имеешь понятие о порядке. Это то, что нам нужно. Да и вообще это важно…»

Первым делом, которым я должен был заняться, было профсоюзное движение. Уже в первые дни я понял, что для этого мне надо наладить контакт с рабочими. Я встретился с Мендлом, нашим человеком у брючников (отдельная специальность у портных Подола, нижней части Киева), с Исачкой, нашим

человеком у шорников, с Довидом, счетоводом у Лукашевича, строительного подрядчика (богатый еврей, чей сын, Миша, был членом нашей партии). Кроме того – с Каминским, типографским рабочим, уроженцем Ростова, который был представителем типографских рабочих в киевском Совете рабочих депутатов, избранным при активной поддержке социал-демократов. Он был верным членом нашей партии. Я пообщался с Соней и Розой, сестрами – уроженками Рославля Смоленской губернии, одна была швеей, а другая – фельдшерицей, и обе были членами нашей партии и имели крепкие связи со шляпницами и работницами, которые делали сигаретные гильзы. Встречался я и со многими другими. Во время продолжительных бесед я расспрашивал их о положении трудящихся каждой профессии и о том, что можно для них сделать. Перечисленных выше представителей рабочих и некоторых других людей я в конце концов объединил в городское партийное центральное бюро. Подготовительные беседы, продолжавшиеся около десяти дней, помогли мне осознать две вещи: что киевский еврейский рабочий представляет собой особый тип и что он находится в бедственном положении – как с экономической, так и с общественной точки зрения. Киев находился за пределами черты оседлости, евреям было запрещено селиться там, и еврейский рабочий никогда не был постоянным жителем города. Главным для него было – тихо, спокойно жить в Киеве, не привлекая внимания полиции. Поэтому он был привычен к уступкам и компромиссам, а не к тому, чтобы объявлять забастовки и информировать полицию о своем существовании. Экономическое положение такого рабочего тоже было тяжелым. Применялись все методы эксплуатации трудящихся: длинный рабочий день (12–13 часов, причем обеденный перерыв не засчитывался), обязательный «минимум» производства, который был очень большим (у брючников, шляпниц и работников сигаретных фабрик, фабрик сигаретных гильз и сигаретных пачек и др.). У рабочих не было никаких социальных прав: им не оплачивали больничный и отпуск, у них не было гарантии от увольнений по произволу хозяев. Кроме того, все они страдали от неуважительного отношения работодателей, граничащего с грубостью или чем похуже.

Я поговорил с представителями каждой профессии, прояснил вместе с ними положение, выяснил, есть ли необходимость в срочных действиях по его исправлению, каковы требования, которые нужно предъявить работодателям, и в какое время лучше это сделать. Мы постановили, что не будем предъявлять слишком много требований, но будем жестко настаивать на выполнении предъявленных. Представители всех специальностей собрали

деньги для забастовочного фонда, предполагая, что ни одна забастовка не продлится больше семи-десяти дней.

И действительно, немало забастовок было организовано нашей партией в то лето. Особенно запомнились мне три из них: забастовка брючников, забастовка шляпниц и забастовка работников фабрики сигаретных гильз и папиросной бумаги Фельдштейна. Все эти забастовки прошли успешно, и почти все требования рабочих были приняты работодателями.

Прежде всего мы решили использовать сведения, которые я получил от рабочих об их положении, опубликовать их и таким образом подготовить общественное мнение. Всю информацию я изложил в форме газетного репортажа, пришел в редакцию «Киевских откликов» и предложил им опубликовать кое-какую информацию о профсоюзном движении. «Покажите, что у вас есть», – сказал мне секретарь редакции, русский лет пятидесяти, в очках, широкоплечий и тяжеловесный, с серьезным лицом и смеющимися глазами. Я показал. «Хорошо! Пойдет! У нас нет постоянного корреспондента по вопросам профсоюзного движения. Мы с удовольствием вас напечатаем. Но эти записки должны приобрести постоянную основу». – «Буду рад!»

Таким образом мы приобрели «трибуну». Публикация информации о положении рабочих играла немалую роль в нашем успехе. Первая забастовка произошла на сигаретной фабрике Фельдштейна. На фабрике работало двадцать пять человек, забастовка продолжалась неделю, и мы достигли почти всего, чего требовали. Добились десятичасового рабочего дня (куда включались полтора часа обеденного перерыва) вместо 12-часового без учета перерыва, медицинской помощи в пределах двух недель болезни за счет хозяев и еще двух месяцев половинной оплаты за счет хозяев же, согласования условий увольнения на общем собрании, повышения зарплаты (на 30 процентов, а требовали мы – на 50) и оплаты за время забастовки. Я привлек к участию в последних переговорах Биньямина Слуцкого (Веню), и это вызвало гнев рабочих. Они утверждали, что если бы не «студент», я бы не уступил 20 процентов прибавки, и они бы получили 50 процентов. Когда после этого произошла забастовка шляпниц, бастующие потребовали от меня, чтобы только я вел переговоры, а никто со стороны не принимал бы в них участия. Я с трудом уговорил их избрать из своих рядов комиссию, с которой я мог бы советоваться.

В этой работе мне помогал Исачка, известный мастер-шорник, прекрасный работник, быстрый в движениях и спорый умом. Товарищи называли его «оруженосцем Давида». Он был уверен, что я тоже, как и он, рабочий. Как-то он рассказал мне – в

качестве курьеза, – что кто-то из товарищей пытался убедить его, что я не рабочий, а «интеллигент», как и все.

Моя работа в профсоюзном движении принесла мне немалую известность среди рабочих Подола. Они приходили ко мне советоваться о подобающей формулировке требований, которых можно достичь путем переговоров, и о способах организации. Как-то ко мне приходили даже представители рабочих плотов на Днепре (среди них было несколько евреев). Они утверждали, что их число составляет четыре тысячи. Они обратились ко мне по поводу формулировки требований перед объявлением забастовки. Несмотря на то что я передал руководство забастовкой и все, что имело к ней отношение, партии социал-демократов (через Каминского), рабочие потребовали, чтобы я тоже был задействован в проведении переговоров.

Сведения о профсоюзном движении, которые я регулярно поставлял газете «Киевские отклики», принесли мне двойную пользу. Во-первых, благодаря им у меня появился регулярный заработок – правда, весьма ограниченный, но очень, очень своевременный. Во время забастовки брючников я должен был каждый день ходить на Подол. Моя квартира была на другом конце города, на Жилянской улице, и каждый день я ходил оттуда на Подол и обратно пешком… Небольшая плата, которую я получал за свои первые заметки, освободила меня от этого путешествия, и я вздохнул свободнее.

Во-вторых, это была первая возможность опубликовать что-то в печати, и это подняло мою самооценку. Редактором «Киевских откликов» в те дни был профессор Локот, который был назначен «рабочей фракцией («трудовиками»), близкими к народным социалистам, после чего он «сменил кожу», перейдя на сторону правых, и стал черносотенцем. Как-то раз, когда я принес заметку о рабочих плотов, редактор пригласил меня к себе и сказал, что сведения, которые я приношу, очень интересны, показывают, что у меня есть прекрасное чувство слова, что я умею писать с серьезной, «почти научной» интонацией. Он предложил мне писать о профсоюзном движении в форме хроники и одновременно в форме заметок, и я с удовольствием согласился. Я спросил его, можно ли мне будет подавать также отдельные короткие заметки. «Например?» – «Сейчас в Думе собираются предложить ряд законов: о свободе печати, свободе слова, об образовании, о самоуправлении, и я хочу попробовать привести по каждому вопросу пример из нашей действительности – в форме бесед, высказываний, поучительных фактов. Такая хроника, побуждающая к размышлениям…» – «Принесите один-два примера, и посмотрим».

Так я удостоился многочисленных публикаций под разными псевдонимами и смог несколько улучшить свое положение. Я был почти штатным сотрудником газеты и зарабатывал… 15–20 рублей в месяц, что в некоторой степени освобождало меня от зависимости от нашего казначея. И хотя мой товарищ Веня продолжал утверждать, что он опасается за мою судьбу и за судьбу партии в Киеве, если я решу, что необходимо обедать каждый день, – в этом теперь было некоторое преувеличение.

Я принимал участие в организации большинства профсоюзных объединений Киева, среди членов которых были евреи. Однако из-за того, что в нашей партии, кроме меня, никто не работал с профсоюзным движением, киевские бундисты были отчасти правы, говоря: «ССРП сажает, а мы снимаем урожай».

В те дни случилась одна встреча, которая долго тяготила меня. Как-то в редакции, рядом с комнатой казначея, я столкнулся с юношей по фамилии Беркман, который был вхож в кружки «Ционей Цион» в Одессе и заслужил симпатию многих товарищей, особенно девушек. Он принял меня дружески и поспешил рассказать мне, что окончательно покинул организацию. «Организацию? Какую организацию?» – «Сионистскую. Мы разошлись». Вдруг позади меня возник парнишка, полноватый, с пробивающимися усиками, и сказал с насмешкой: «Он не просто покинул наши ряды, ряды сионистов, он выкрестился! Скотина!» И исчез.

Мы вплотную занялись и профсоюзным движением в нашем уезде. Здесь мы тоже старались собрать данные, и еврейские рабочие Киева много помогали нам в этом. Я помню, как я был расстроен, когда получил сведения о положении еврейских рабочих в Чернигове. Даже помощники в лавках, положение которых было не самым худшим, работали по пятнадцать часов в день. А условия труда и заработок остальных рабочих и работниц были намного хуже, чем год назад в Лохвице. Мы дали соответствующие указания товарищам из городов, входивших *в н*аш округ, и приняли участие в многочисленных забастовках, организованных в округе в то лето.

Я поселился, как уже было сказано, в комнате Биньямина Слуцкого на Жилянской улице. Хозяин, биржевой маклер, проявлял «особый интерес» к моим бумагам. Из них он узнал, что я имею некоторое отношение к газете «Киевские отклики». Он намекнул мне на это. Я решил проследить за ним и как-то поймал его копающимся в моих книгах и записях. Я схватил его за плечо и сказал, что если еще раз застану его в своей комнате, он может писать завещание. На этот счет у нас есть строгие распоряжения. «Но у тебя ведь нет права жительства в Киеве?» – сказал он. –

«Верно, но если я еще раз тебя здесь застану или если ты проболтаешься, у тебя не будет права жительства в этом мире!»

Через два месяца я съехал с этой квартиры, но маклер продолжал при встречах приветствовать меня подобострастными поклонами. Жильцам, которые сменили нас, – молодой паре студентов (это были зять Аарона Соколовского и его жена) – он много рассказывал об «опасном революционере», который у него жил и от которого он с трудом избавился.

В организационной и пропагандистской работе я преуспел меньше, чем в профсоюзной. У меня были помощники, среди них члены партии, присланные из центра, и те, кого я отобрал сам. Из первых я помню Ицхака, сына врача из Режицы, студента Петербургского университета, тихого, безынициативного юношу. Он был совестливым, образованным, приятным человеком. Он проработал со мной недолго и ушел. Вторым был Яаков, студент коммерческого училища в Белостоке, проворный и ловкий, очень работоспособный, не склонный к излишнему философствованию. Я не знал его фамилии. Но в 1954 году в Нью-Йорке, когда я был в израильском консульстве на встрече с идишскими писателями, я увидел Яакова Пата{571}, одного из лидеров Бунда, – и узнал в нем того самого студента коммерческого училища. Я спросил его о прошлом – не был ли он в Киеве в 1906 году и помнит ли он Давида. «Конечно! Я ведь работал с ним в партии». Я сказал, что я Давид.

Хорошо, что среди моих помощников был также Черный Хаим. Его фамилия была, как мне кажется, Хазкони или что-то в этом роде. Так или иначе, я обнаружил, что у него есть связь с этим родом. Он не пришел в большой восторг, когда я сделал «исторический экскурс» об этой семье и ее знаменитых мудрецах: «Мы – революционеры, нам надо заниматься будущим, а не прошлым». Мой интерес к истории он считал моим самым большим недостатком как революционера. Я привез Хаима из Кременчуга, послав туда вместо него Давида Каплана и Маню Зархович. Я старался отправить во все важные пункты людей, на которых можно положиться, и давал каждому из них письмо с изложением его организационных обязанностей. В связи с этим со мной произошло несколько случаев, когда товарищи сердились на меня, и справедливо. В Чернигов я послал Саню Хургина, а с ним еще одного человека, кажется, Быстрицкого из Житомира. В сопроводительном письме я написал, что Хургин должен стоять во главе комитета, а Быстрицкий – во главе центрального бюро. Хургин очень обиделся на эту «регламентацию», а когда я стал настаивать на своем, уехал из Чернигова. И не забыл мне этого оскорбления. В 1915 году, когда он был секретарем ОРТа в

Петербурге, и в 1919 году в Киеве, когда он был военным интендантом и обладал властью в государстве, он все время припоминал мне этот поступок, бесполезный с точки зрения революции и являющийся проявлением «организационной бюрократии».

Я помню почти всех людей, которых отправлял работать таким образом: Соломона (Финкельштейна) из Черкасс (зятя Маше Литвакова), Лиона (кажется, Яблоновского), родственника Маше Зильберфарба{572} (бывшего в 1918 году министром по делам евреев на Украине) из Ровно и других. Я обычно беседовал с каждым из них, расспрашивая об их происхождении, образовании и склонностях. Мало кто соглашался на поручение с охотой. В конце концов это ведь было опасно.

Я также много выступал с докладами и участвовал в дискуссиях в Киеве и по всему округу. Киевские доклады зачастую были «внутренними» – я выступал перед близкими друзьями, говоря о спорных вещах, о которых разрешено было дискутировать: о территориализме и путях его реализации, школьных обществах, которые партия начала создавать вместо автономии (я утверждал, что стоит дать этим организациям свободу выбирать язык преподавания), о самообороне и ее методах (я возражал против партийного характера, который решил придать ей центральный комитет). Были и вопросы, по которым я не разделял мнения партии: например, бойкотирование выборов в Думу, против которой я возражал – хотя и не категорически. Я считал, что нужно различать эту Думу и булыгинскую, а также что на международной арене происходят изменения в соотношении сил. Но я должен был подчиниться партийной дисциплине.

Часть моих докладов была посвящена пропаганде, и я старался подвести под мои слова исторический базис и приводить доводы из разных источников.

Не всегда мне удавалось найти путь к сердцам слушателей. Помню, как-то раз я выступал в зубоврачебной школе Головчинера (впоследствии он уехал в Палестину и умер в Бейт ха-Кереме), говоря о «попытках территориальной концентрации и еврейского самоуправления в эпоху диаспоры», и был удивлен: «старикам» понравилось, а молодым было скучно… Товарищи только один раз получили удовольствие от моего «историзма». Один из членов ССРП из Бобруйска, Яаков Теплицкий{573}, перешел в Бунд и сделал «исторический» доклад о сионизме, Бунде и ССРП. Мой ответ базировался на знании истории: шаг за шагом я показывал, что Теплицкий не знает вещей, о которых говорит: ни в еврейской истории, ни в сионизме, ни даже в общей

и русской истории он не точен (например, изменение положения евреев в России, их обнищание на самом деле началось до 80-х годов). Докладчик ответил, что он признает мое знание отдельных исторических фактов, но сожалеет о том, что я их не понимаю, так как не являюсь настоящим марксистом…

Мне удалось собрать вокруг себе группу товарищей, имена и образы которых и сейчас живут в моей памяти, пробуждая чувства уважения и благодарности. Йосеф Розенграф и его сестра Соня… Их отец был врачом и умер молодым, а сам Йосеф закончил университет и написал на простом русском языке брошюру, обращенную к простому народу, – против погромов. Мы ее издали. Прекрасная своей доступностью, содержанием и силой убеждения брошюра. Она имела выдающийся успех.

Сестра Розенграфа Соня, студентка, разумная и энергичная девушка, была готова сделать ради нас все что угодно. Их дом был нашим «генеральным штабом»: там я принимал друзей и посланцев и собирал совещания.

Миша Лукашевич, жених Сони, юный студент, преданный энтузиаст, не один раз спасал меня от беды. Это были самые близкие мои товарищи, кроме тех, кто работал в системе профсоюзного движения.

Как я уже говорил, я много ездил по нашей области. Я посетил крупные филиалы нашей партии в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях. Особенно запомнились мне визиты в Черкассы, Переяслав, Смилу и Ромны.

В Черкассах я встретился с Кропоткиным (Поляковым), познакомился с его деятельностью по руководству и упорядочению самообороны и был свидетем его удивительной храбрости. В Переяславе я прочел публичную лекцию в здании Дворянского собрания. Там я заболел и пролежал несколько дней. Друзья решили, что это подходящий момент для того, чтобы сшить мне новое красивое пальто и вдобавок еще летний пиджак. Они сказали, что моя лекция принесла хороший доход, а наживаться на мне они не хотят. У меня, однако, было впечатление, что они сами добавили немало денег.

В Смиле (Киевская губерния) я встретил одного товарища, с которым я вместе учился в Корсуне, – он тогда учил меня плавать в чудесной речке Рось, а в Ромнах я обратил внимание на немолодого человека, который сидел напротив меня, слушал очень внимательно и легким движением руки выражал согласие или несогласие с моими словами. Я навел справки об этом человеке, мне сказали, что это учитель иврита, а фамилия его – Танейзер. В 1926 или 1927 году я зашел в отдел образования сионистского правления, к д-ру Лурье. Посреди комнаты стоял

человек, который вел беседу, выражая согласие или несогласие уже знакомым мне легким движением руки. Я спросил его: «Вы не из Полтавской губернии?» – «Нет, из Минска». – «А бывали ли вы в Ромнах?» – «Может быть. В 1905–1906 годах». И тут я его вспомнил. Фамилия похожа на название оперы. Я не был уверен точно, то ли Риголетский, то ли Тангейзер… И спросил: «Ваша фамилия… Тангейзер?» Он рассмеялся: «Тангейзер – это опера, а я – Танейзер! А как вас зовут?» – «Динабург». – «Да я ведь слышал вашу лекцию в Ромнах, сидел напротив вас и слушал очень внимательно». Он сопровождал свои слова почти невидимым движением руки…

Из всего, что я сделал в области организации, самым важным мне казалось основание подпольной типографии Сони и Исачки. Мы арендовали две комнаты на улице Хорива на Подоле и во внутренней комнате сделали типографию. Комнаты имели отдельный вход, и хозяева ничего не знали о своих «тихих» жильцах – не было слышно, как они входят в дом и покидают его. Комнаты сняли Давид и Каминский, но они сказали, что у них нет права жительства, и поэтому не надо сообщать их имена в полицию. Каминский представил паспорт немолодого русского рабочего, и комнаты были записаны на его имя. В этой типографии мы могли печатать прокламации не только на политические, но и на профсоюзные темы – в период забастовок. Наша типография помогала и другим партиям. После роспуска первой Думы в мою квартиру на Прозоровской улице пришло около двенадцати человек из разных партий – от кадетов (конституционных демократов) до социалистов-революционеров – и попросили нашей помощи в издании их прокламаций. В качестве представителя рабочей фракции пришел… секретарь редакции «Киевских откликов». Он дождался своей очереди. Увидев меня, он громко вскричал: «Ах вот оно что! Зачем же я так долго ждал и подвергал себя опасности, мы ведь как раз вчера виделись!» – «Да, вот так. Кто бы мог подумать. Вот так…»

Четыре раза я избегал тюремного заключения, которое, казалось, было неизбежным, и чудом уходил из лап полиции. Каждый из этих случаев сыграл важную роль в моей жизни. Первый раз это случилось сразу после моего приезда в Киев. Мы были на Большой Васильковской улице, в гостинице «Дугмар». Вдруг кто-то прошептал: «Смываемся, быстро. Полиция окружила дом». Нам показали запасной выход, и я вышел вместе с несколькими товарищами. Меня проводили до Жилянской улицы, недалеко оттуда, и тут я заметил, что остался в одиночестве. Я не знал, куда идти. Вдруг кто-то прикоснулся своим плечом к моему: «Пойдем, товарищ, тут, во втором доме». Я увидел, что возле

меня стоит Яаков Лещинский, глаза его грустны, а на губах – усмешка. «Здесь, во втором доме, живут сестры, две или три, одна – из наших, Сара Лишанская, вторая – Голда или Рахель, не знаю, какое ее настоящее имя, – из «Поалей Циан». Они настоящие боевые товарищи». Мы быстро вошли в этот дом. На первом этаже слева была большая комната, разделенная пополам стеклянной дверью. Нас приняли тепло. Дома была Сара. Яаков объявил, что нам нужно убежище на ночь. Нас хотели напоить чаем и накормить, но Яаков потребовал, чтобы нас немедленно уложили на полу, за стеклянной дверью в темной части комнаты – верное средство от дурного глаза.

Мы много говорили, а сказать правду – я много говорил… Яаков Лещинский только слушал, точнее – притворялся, что слушал. Я вспоминал нашу с ним встречу в Одессе, в комнате Ханы Майзель, спор об аграрном вопросе… в Германии, Яакова Рабиновича, который думал, что является специалистом в этой области. Только когда Лещинский хлопнул по моему одеялу со словами: «Хватит. Надо лежать тихо», – я почувствовал, что он вовсе не слушает меня. Этот эпизод положил начало моему близкому знакомству с Яаковом Лещинским.

В июне мы с Веней переехали на новую квартиру на Прозоровской улице, 12. На этой улице дома были только с одной ее стороны, на другой же был холм, поросший деревьями, и красивый вид. Наша улица находилась между Большой Васильковской – в том месте, где она пересекает Крещатик, центральную улицу Киева, – и Жилянской. Мы сняли комнату на четвертом или пятом этаже, в квартире вдовы врача, дочь которой была зубным врачом. У нас была очень большая комната с красивой верандой. Невеста моего соседа, юная учительница, уроженка уральского города Екатеринбурга, периодически навещала нас и следила за чистотой и порядком. Мне никак не удавалось ее увидеть – я познакомился с ней только через два года в Полтаве.

Наши квартирные хозяйки были образованными и учтивыми женщинами. В июле Веня уехал из Киева «на кондицию» – преподавать, и я поселил вместо него Черного Хаима. Кроме того, у меня ночевали все приезжавшие в Киев по делам нашей партии из Кременчуга и Чернигова, из Черкасс и Прилук и даже из Житомира и Вильно.

Веня попросил меня пересылать на его новый адрес письма, которые придут на его имя от невесты. И вот примерно 20 июля, через две недели после роспуска Думы, в городском театре была поставлена опера с участием Сибирякова{574}. Черный Хаим постарался и достал два билета – себе и мне. Мы пошли и

получили большое удовольствие. Но на выходе, когда мы уже были на улице недалеко от театра, ко мне подошли два человека, полицейский и сыщик в штатском, и взяли меня под руки: «Пройдемте в участок района Старого Киева». Хаим, шедший сзади, сказал: «Что?» «А, это твой друг? Ладно, иди и ты с нами». Собрался народ. Мы увидели Аарона Соколовского, Саню Хургина и других – они на минуту остановились и продолжили свой путь. Полицейский участок в Старом Киеве заслужил определенную репутацию – там до смерти забивали политических заключенных. Аврааму Харашу, члену нашей партии (потом он стал известным русским журналистом в Цюрихе), там сломали правую руку. Нам не хотелось туда идти. В кармане у меня были письма невесты моего товарища, и я, пользуясь темнотой, бросал их на землю – одно за другим. Хаим начал переговоры с полицейскими, чтобы они освободили нас. Они согласились с условием, что мы отдадим им все наши деньги, а также часы (денег у нас было немного – всего три рубля). Мы согласились. Они взяли и мой кошелек. Взяли и ушли. Только мы избавились от них, как они стали безостановочно свистеть. Я увидел, что полицейский нашел одно из писем, которое я выбросил на плитки мостовой. Мы позвали извозчика – а денег у нас не было – и попросили отвезти нас на Большую Васильковскую, в молочный ресторан «Краковский». Мы знали, что там всегда есть наши, и правда – мы обнаружили там Аарона и Саню, взяли у них денег, чтобы заплатить извозчику, и пошли домой. Когда мы поднялись в квартиру, перед нами открылась дверь, и дочь хозяйки сказала нам: «За вами идут два человека, они приближаются к дому: здесь был Хургин, „почистил“ комнату, а вы должны уйти отсюда немедленно и выйти через заднюю дверь». Я ответил: «Хургин не мог „очистить“, есть вещи, которые знаю только я». Ведь в потайном ящике у меня лежало все, связанное с нашим издательством «Фрайланд», которое мы основали в Одессе, переписка с товарищами из других городов губернии и тому подобное. Я «сжег хамец{575}», а мой друг, человек практичный, сказал: «Квартира, которая под нашей, пуста. Давай возьмем матрас и тихонько спустимся туда через черный ход». Так мы и сделали: вошли в ту пустую квартиру, разложили матрас в боковой комнате и заснули. Наутро мы расстались. Хаим вышел через черный ход, прошел через двор и в тот же день уехал назад в Кременчуг: он уже достаточно тут засветился. Он советовал и мне поступить так же, но я не согласился. Я вернулся в квартиру и не успел обменяться парой слов с хозяйкой, как в дверь позвонили. Я сказал хозяйке: «Я болею. Ты вырвала мне два зуба». Я снял очки, завязал лицо платком и начал вздыхать, а хозяйка

ходила за мной и говорила: «Потри! Если кровь не перестанет течь через десять минут, быстро поднимайся!» Я, продолжая стонать, спустился в пустую квартиру, а оттуда – через двор…

Оказалось, что полицейские приходили по поводу случившейся в доме кражи. Тот полицейский и сыщик, что преследовали нас, попутно произвели кражу в одном из домов. Те, что пришли в этот раз, были другие. Пока что была необходимость вывезти куда-то нашу типографию. Выпуск прокламаций после роспуска Думы навел тайную полицию на ее след. По набору узнали, что они из типографии, где работал Каминский. Он сообщил нам, что сегодня уезжает из Киева и что у него есть основание опасаться, что сегодня-завтра обнаружат квартиру, в которой находится типография. Рабочий, на имя которого была записана эта квартира, также работал в той типографии. Так что нужно срочно освободить квартиру. К тому же в ней находилась печать уездного комитета и важные документы. Я договорился с Давидом Л. и Мишей Л., что возьму все бумаги и приду к Мише ночевать, а Давид с одним из надежных извозчиков, работающих у подрядчика Л., перевезет ящики с типографскими принадлежностями на один из отдаленных участков, где работают люди этого подрядчика, а там спустит их в яму, где раньше была известь. Мы трудились весь день. Исачка (Ицхак) и Саня сторожили. Л. вынес типографское оборудование и поехал с извозчиком, а я, усталый и изнемогший, пошел в замечательную квартиру Лукашевича. У меня не было даже сил поесть – я лег и сразу заснул. Спал я крепко и узнал о событиях той ночи только утром. Господин Лукашевич пришел поздно. Миша заснул. Услышав громкий звонок, он испугался, решил, что пришла полиция, и поспешил выбросить в сад мой сверток с бумагами. Когда вошел его отец, он успокоился и вышел поднять сверток. А его нет – дворник поднял его и понес в полицию. Господин Лукашевич поспешил догнать дворника, и с помощью немалых денег – он не назвал сумму – ему удалось вернуть мой сверток. Он передал его мне с невеселым смехом: «Вот тебе твой дорогой сверток».

В тот же день друзья нашли мне новое жилье, тоже на улице Хорива. Меня это не сильно обрадовало, так как через два дня полиция пришла в квартиру, где была типография. И несмотря на то что дом тем временем успели побелить, сыскные утверждали, что в квартире чувствуется запах типографской краски. «Видно, мы опоздали!» – сказали они. Но за запах в тюрьму не сажают.

Я заметил, что за мной следят. Два «ангела-хранителя» сопровождали каждый мой шаг. Это было очень неприятное ощущение. Было ясно, что полиция медлит с моим арестом

только потому, что уверена – я сам в конце концов попадусь им в руки, но надо подождать, чтобы разведать про всех, с кем я общаюсь.

Особенно меня тронул визит моей прежней квартирной хозяйки, вдовы врача, которая как-то пришла навестить меня и предупредила от себя и от имени своей дочери, что за мной днем и ночью ходят два сыщика и я должен как можно скорее скрыться. Товарищи решили, что мне надо уехать из Киева. В то время в Киеве находился один из наших товарищей-активистов, студент Харьковского университета Лба Тумаркин. От имени харьковских товарищей он пригласил меня поехать к ним и объявил, что для меня готова квартира: Клочковская улица, дом 66, мне надо только поторопиться с поездкой. Но как увильнуть от полиции? Все взвесив и обдумав, мы решили, что мне нужно плыть на пароходе, который идет в Кременчуг, а уже оттуда – в Харьков. Соня купила билет на пароход, в третий класс. В толпе путешественников никто не обратит на меня внимания. Мы с Исачкой поехали в ресторан «Краковский», и когда он объявил, что мой «верный страж» – усатый сыщик – стоит на посту, мы вышли через черный ход на другую улицу, я нанял извозчика, и мы благополучно прибыли в порт. Соня уже ждала нас. Она не только купила билет, но и разговорилась с одним из матросов, который пообещал ей – она хотела ему заплатить, но он не хотел брать с нее денег – дать хорошее тихое место ее больному брату, возвращающемуся домой в Кременчуг. И он выполнил свое обещание. Я попрощался с друзьями, как прощался бы с братьями и сестрами, и через час был уже на пути в Кременчуг. Через два дня после моего отъезда из Киева полиция пришла в комнату, где я жил, с обыском. Они не знали моего имени – комната была записана на имя Ицхака, петербургского студента, сына врача из Режицы, который уехал из Киева еще три недели назад…

Глава 22. Мой уход из Сионистской социалистической рабочей партии и Агада Элиэзера Шейна (октябрь 1906 – апрель 1907 года)

Кременчугские товарищи – Маня и Давид, которые требовали, чтобы я прибыл туда, не ждали меня так скоро и приняли меня весьма дружественно, что ободряло. Я провел с ними два дня, мы подолгу беседовали, я участвовал в заседаниях местного комитета – и не мог понять, ради какого именно насущного вопроса меня позвали. Я лишь почувствовал, что некоторые из товарищей сомневаются в ряде аспектов партийной доктрины, но это были колебания и сомнения, еще не обретшие формы. В среду (если я не ошибаюсь, это была третья неделя августа) я прибыл в Харьков. Я пришел по адресу, который мне сказали заранее. И вот сюрприз – целая квартира, в которой жили два брата Фишкиных из моего города, которых я наставлял в сионизме, а потом они стали членами нашей партии, младший из них был очень активным деятелем. Но в квартире не было простора, который был в моей киевской квартире на Прозоровской. Были, правда, другие достоинства: вход изнутри, со двора. Люди, которые там жили, относились к хозяевам квартиры с большой симпатией – приятные юноши, тихие, вежливые, первыми здороваются с соседями, преисполнены скромности. Позади дома возле ворот был продовольственный магазин. Его хозяином был русский, любящий книги, низкорослый и плотный, с большой лысиной, маленькой бородкой и пышными усами, перепоясанный широким фартуком. Я был постоянным клиентом Семена Михайловича и чувствовал, что он относится ко мне с симпатией.

В Харькове во главе партии стоял Захар Осипович (забыл его фамилию), глава отделения страховой компании «Петербург». Его служащие – две симпатичные девушки из соседнего с *Хоралом* города Миргорода – тоже были членами партии. Мне показалось, что помещение страховой компании служит скорее партийным штабом. Также мне казалось, что товарищи недостаточно осторожны, и я привлек к этому внимание Захара Осиповича. Он рассмеялся. Захар Осипович был приятным человеком в очках, высоким, с черными красивыми усами, которые придавали его лицу серьезное и приятное выражение. Он был широко образованным человеком с очень сильными сионистскими

убеждениями. Мы подружились. С Абой Тумаркиным, напротив, мы почти не встречались. Он сказал мне прямо: «Я привез тебя в Харьков, мне лучше отойти от всех этих дел…» Больше всего в Харькове меня привлекала публичная библиотека. Замечательная, богатая библиотека; каждый день я проводил там по четыре-пять часов до обеда. Партийной работы почти не было, за исключением одной теоретической лекции (о насущных проблемах движения) и одного заседания с активистами местного отделения, на котором мы обсуждали организацию деятельности отделения в соответствии с уставом партии. Основную работу мы отложили до начала учебного года в университете. Так прошло около трех недель. В середине сентября (за два-три дня до Йом Кипура) Захар Осипович известил меня, что ему пришло письмо из Киева, в котором его просят сообщить мне, что Злату Литвакову{576} (сестру Маше Литвакова), которая была то ли учительницей, то ли директором профессионального училища для девочек в Кременчуге, посылают в Харьков от имени партии, чтобы поговорить со мной о важном деле, а его, Захара Осиповича, просят объявить мне, что она уполномочена центром.

Я был знаком со Златой по Киеву. Первый раз я встретился с ней, когда мы ехали из Черкасс в Киев (Яаков Лещинский, Злата, я и еще один товарищ). Я хотел поговорить с Лещинским, но всю дорогу она стояла рядом с ним, не давая к нему подойти. До этого я не был с ней знаком, а ее напряженное лицо («некрасивое» – это самое мягкое, что можно о нем сказать), упрямый подбородок и глубоко посаженные бегающие глаза создавали впечатление энергии и упрямства и не давали мне приблизиться к собеседникам… Второй раз я увидел ее, когда она присутствовала на собрании, на котором я полемизировал с докладчиком от Бунда. Она подошла ко мне и не просто похвалила мой ответ, но сказала, что мои методы полемики напомнили ей ее брата Маше. «Это был комплимент, – сказали мне друзья, – никому никогда не могло даже в голову прийти, что Злата способна сказать такое кому-либо». Мне это не доставило особого удовольствия, потому что мне не нравился стиль Литвакова еще с того времени, когда он писал на иврите (в обновленном «ха-Доре» Фришмана).

Злата Литвакова была известна как женщина упрямая и умеющая «не давать отдыха» никому, в ком есть нужда для какого-нибудь поручения, пока он не примет на себя бремя. И вот, утром в Йом Кипур появилась Злата. Центральный комитет решил примерно через два месяца организовать областную конференцию нашей партии и требует от меня заняться ее подготовкой на местах, в крупных партийных филиалах.

Обсуждение продолжалось целый день. В конце концов решили, что я мобилизован только на две недели и посещу только крупные отделения, пригласив туда представителей небольших. Я обещал обратить особое внимание на Черниговскую губернию, где позиции партии ослабли, и на несколько других мест, где понадобится моя помощь.

В начале октября состоится общая партийная конференция, и следует постараться, чтобы областная конференция была проведена в тот же период и на ней были бы избраны депутаты на всеобщую конференцию. Я выразил серьезное сомнение, что за такой короткий срок удастся организовать областную конференцию, тем более что условия с точки зрения безопасности товарищей и страха перед полицией обязывают нас проявлять максимальную осторожность и действовать с оглядкой. Злата сообщила мне – «по секрету», – что центральный комитет уже назначил конференцию на начало октября, но, по всей видимости, ее придется немного отложить – на месяц или два, надо надеяться, этого достаточно. В будние дни Суккота, в воскресенье, 24 сентября, я уже был в пути. Моя поездка продлилась дольше, чем я представлял. Вместо двух недель – больше трех. Я побывал во многих населенных пунктах области, занимаясь организацией публичных выступлений, дискуссиями и организационными вопросами. Везде я говорил о проблемах партии в настоящее время и поднимал четыре вопроса, на которые должна ответить партия:

1) выборы во вторую Думу и функция Думы;

2) пути реализации территориализма и территориалистская политика партии;

3) пункт программы о «школьных обществах»{577} и к чему он обязывает партию;

4) партийная организация и ее соответствие особым задачам партии.

Товарищи не всегда соглашались с моими словами, но все сочли, что я говорю ясно и не оставляю места для иллюзий.

Раскрывая первый вопрос, я решительно выступил против капитуляции перед большевистской тактикой, которая заранее видит в выборах в Государственную Думу только средство революционной пропаганды. Я сказал, что стремиться нужно к тому, чтобы сама по себе Дума была центром предстоящей нам длительной политической борьбы. Это нужно подчеркивать и в этом направлении проводить организационную работу. Помню, что эта моя позиция не заслужила ни малейшего одобрения. Сочли, что я пораженчески настроен относительно революционных перспектив в ближайшее время.

Выступая по второму вопросу, я подверг жесткой критике тех, кто утверждает, что развитие эмиграционных процессов еще не привело к возможности реализации территориализма. Я же утверждал, что «исторический прогресс» не означает, что что-то будет опадать «подобно спелому плоду» с «исторического древа». Я доказал это через изменения в абсолютистском строе в России, которые являются исторической необходимостью и при этом сопровождаются тяжелой и продолжительной борьбой. Наша программа должна состоять в следующем: выявить в каждом потоке эмиграции в любую страну поселенческое ядро и сориентировать его. Дальнейшее развитие этих «ядер» покажет, где и при выполнении каких условий может быть реализован территориализм… Помню, в одном из городов (кажется, в Чернигове) кто-то прервал меня, воскликнув: «Что, даже в Палестине?» – «Конечно. И не даже, а тоже. В каждой стране, куда эмигрируют евреи, имеющие склонность к поселенческому образу жизни».

Говоря о третьем вопросе, я заявил, что партия должна взять на себя задачу создания «школьных обществ». Но ей следует также принимать во внимание желания родителей по языковому вопросу и меру их готовности взвалить на себя это бремя.

Что до четвертого вопроса, я утверждал, что наша партия, на которую возложены различные специальные задачи, отличающиеся от задач других партий, должна быть построена особенным образом. Она должна требовать от своих членов намного больше, и ее организационные формы должны соответствовать ее характеру.

Моя краткая поездка не принесла мне успокоения. Я был почти в отчаянии. Вопросы и проблемы, которые так интересовали меня и лишали меня покоя, как оказалось, совсем не волновали товарищей. Особенно тяжело я воспринял собрания в Прилуках и Чернигове. Энтузиазм прошлого года улетучился, а то, что больше всего интересовало моих товарищей, лежало в области российской политики, а не наших особых проблем. Иногда у меня было чувство, что отрицание галута, бывшее таким сильным в наших партийных кружках, потихоньку исчезает, а товарищи «увядают» и постепенно «засыхают». В Прилуках собрание происходило в одной из школ. Прилукским активистом нашей партии был Маршов (брат Аарона Маршова, который три года назад привез мне с шестого конгресса «Дер Хамойн» Сыркина), активный и деятельный юноша. В целях объединения он привел на собрание людей из «Поалей Циан», чтобы «был элемент полемики». Я очень внимательно следил за реакцией товарищей на заявления члена «Поалей Циан». Он пришел в

момент, когда я почувствовал и тут же подчеркнул в своем выступлении то общее, что было в нас, указав, что по существу они тоже находятся в поиске возможностей для реализации территориализма, и продемонстрировал стоящие перед нами на этом пути многочисленные трудности. А мои товарищи почти обиделись на идею «общего» между нами и «Поалей Циан», потому что идея «территориальной компактности» была для них совершенно абстрактна. И в Чернигове тоже меня удивил «реалистичный революционный подход», который продемонстрировали многие товарищи, рассуждая о революции, и равнодушие, с которым они восприняли мои слова о территориализме и о связанных с ним насущных проблемах. И вот после собрания, в поздний час, несколько товарищей провожают меня домой, входят ко мне, и я ставлю перед ними вопрос о реальности «территориалистских устремлений» наших товарищей. Большое впечатление произвели на меня слова одного из них – деликатного задумчивого юноши с черными глазами, глубокими и сияющими, говорившего языком хасидов. Его звали Йосеф-Хаим. Он тихо сказал: «Ты наверняка обратил внимание на то, что наши товарищи стали больше размышлять о вопросах общего характера, о повседневных проблемах. Это все потому, что нам не удалось превратить наше «вечное» в наше «повседневное», органично сочетать одно с другим. Невозможно воспитать народ на двух идеологиях. Социалистический сионизм может быть действенным народным движением, только если у него будет один центр и стратегическое станет для него также и тактическим. А посколько этого не происходит, тактическое пока превалирует».

Слова этого товарища, сказанные так, будто он говорил сам с собой, напомнили мне слова моего дяди Пинхаса Островского, которые я слышал от него полтора года назад, – о «смешении» и опасности, которую оно таит. Я пытался объяснить Хаиму, что социалистический сионизм – органичное явление, но был согласен с его замечанием касательно смещения интереса наших товарищей в сторону тактического и повседневного.

С тех пор как я расстался с черниговскими товарищами и особенно с Йосефом-Хаимом, я сказал себе: «Ты должен подвести баланс этому последнему, очень сложному году, испытать по гамбургскому счету себя и своих товарищей. Прав ли Йосеф-Хаим и не случилось ли так, что вместо того, чтобы продвигаться вперед, мы оказываемся ведомы сиюминутным. И пока мы с ним связаны, мы вынуждены скользить вниз вослед навязанным им проблемам с криком: «Вперед!».

Наутро я записал в свою тетрадь: «Нет, "я не пущу сына

своего с вами"». Я не считаю нужным превращать сиюминутные вопросы в глобальные. И если партия не будет первопроходцем в деле выхода из галута – мое место не в ней.

17 октября, во вторник, в 11 часов утра я вернулся в Харьков. По дороге я пытался подвести итоги прошедшего года. Я подозвал «ваньку» (так в Харькове называли извозчиков) и велел ему ехать на Клочковскую. Доехав туда, извозчик стал недалеко от магазина – квартира, где я жил, выходила во двор, слева от входа, а извозчик стал справа, и со двора его нельзя было увидеть. Смотрю – а Семен Михайлович стоит возле своего магазина, зовет меня и говорит извозчику: «Подожди немного, господин должен сейчас поехать с тобой еще в одно место». Когда я вошел в магазин, он прошептал: «У тебя дома всех арестовали, сидят и ждут тебя, уже с воскресенья ждут! Еще тебе просили передать, что Захар Осипович тоже сидит, не ходи в его контору. Поспеши, немедленно уезжай из Харькова!» Я ничего не сказал, крепко пожал его руку и вышел. Уехать из Харькова! В карманах у меня почти пусто. Я сказал извозчику: «Тут получили телеграмму, что у нас в семье несчастье. Мне надо быстро ехать домой, чтобы успеть на похороны. Поезд выезжает в Полтаву, как мне кажется, через час. Я хочу успеть сообщить родственникам. Как ты думаешь, у меня еще есть на это время?» – «Сколько родственников? И где они живут? Поезд в Полтаву уезжает через час с четвертью, а не через час». Я дал ему адрес Абы Тумаркина – довольно далекий от Клочковской улицы переулок. «Можно успеть, – сказал извозчик, – но только если господин желает только туда. Если потребуется поехать еще куда-то, кто знает…» Эти слова пробудили во мне подозрение, что извозчик слышал слова лавочника о полиции. Может быть, он улучит момент и позовет полицейских? «Кто знает?..» Мы приехали. «Я сейчас же выйду, подожди меня». – «Конечно, я подожду». Дома была жена Тумаркина. Она стирала пеленки. Мой вид ее напугал: я устал и был бледен. Я кратко рассказал ей, в чем дело. Оказалось, она знает. Лба уехал из города, «пока не пройдет гроза». Денег у нее не было, но она сказала, что попробует одолжить три рубля у соседей. Тем временем младенец начал кричать. Я стал качать люльку, чтобы его успокоить. Через десять минут она принесла мне деньги. Лицо ее было недовольным: «Нелегко они мне достались!» Я поблагодарил и вышел. По дороге извозчик сказал мне: «Видел я твою родственницу. Напугал ты ее! Она аж побледнела – краше в гроб кладут!» И он перекрестился… Мы успели в последний момент. Поезд уже был подан. Я заплатил извозчику и взял билет – в моих карманах ни осталось ни копейки, даже на стакан чаю. Я не ел с самого утра.

Около пяти поезд пришел в Полтаву. Со станции в город – немалое расстояние – я шел пешком. Я пошел в дом, где останавливался десять дней назад, – к рабочему типографии, в которой печаталась городская газета. Это был высокий молодой человек, говоривший тихим, слабым голосом. Он был единственным сыном своих родителей, и они заботились о нем, присылая посылки с продуктами: гусиное сало, колбасу и баночки с порошком какао, имевшим вкус шоколада. Единственным их недостатком было то, что горлышко баночек было узким, и за один раз можно было зачерпнуть только одну маленькую ложечку… Этот мой товарищ охотно селил друзей в своей комнате, делился с ними посылками из дома и даже смотрел сквозь пальцы на то, что гости заметно облегчали баночки с какао.

Я пришел к нему усталый и измученный. Несмотря на то что у него сидела гостья, он поспешил расстаться с ней, чтобы накормить меня ужином и уложить спать. Это был один из самых трудных для меня дней того года. В Полтаве у меня были друзья и родственники. Там жил один из моих младших братьев, Авраам, работник типографии. Время от времени он публиковал свои фельетоны – и небесталанные, что-то вроде стихотворений в прозе, – в местной газете «Полтавщина». Он был принят в доме Рабиновича. В Полтаву также собирался приехать мой младший брат Шлама, тоже типографский работник. В Полтаве жила и моя тетя с семьей, сестра отца, дочь дяди Пинхаса и другие. Но я поставил себе условие – вначале устроиться, а потом уже идти к родственникам. Я позвал туда, к своему временному хозяину, брата, а через два дня мне нашли в соседнем доме подходящую комнату.

Как я уже рассказывал, мы решили провести областную конференцию в Полтаве. Но реализация этого решения натолкнулась на ряд препятствий и была завершена только к концу декабря, между Рождеством и гражданским Новым годом. Это было уже после общей партийной конференции, состоявшейся 5-11 декабря того же года. Представители нашего округа не участвовали в ней, несмотря на то, что по количеству членов партии он занимал второе или третье место (первым был варшавский, а вторым или двинский – по их словам, или наш – согласно нашим расчетам. Разница составляла 50 человек). Из 24 0 членов партии более 2000 происходили из Киевского округа, и мы не участвовали во всеобщей конференции! Это нас разозлило.

С помощью местных товарищей после многочисленных трудностей нам удалось найти подходящую квартиру для

проведения областной конференции. В губернском земском отделении был еврей по фамилии Ламперт, работавший в статистическом отделе, и он отдал нам подвал своего офиса. Этим занимался Мендл и еще несколько юношей и девушек. Мендл был верным членом партии, отличался отчаянной смелостью; он, сын шамеса, враждовал с раввином, р. Элияху Акивой Рабиновичем. Свое возмущение раввином, про которого он говорил, что тот связан с охранкой (после революции 1917 года были опубликованы документы, которые подтвердили, что Мендл был прав), он выражал громогласно и весьма убедительно, в чем тоже проявился его организационный талант.

Я с нетерпением ждал областной конференции. Я хотел излить душу перед товарищами более открыто и решительно, чем я делал до этого.

Решения, которые были приняты на партийной конференции, вызвали у меня чувство протеста. По вопросу выборов в Государственную Думу в решении конференции прямо говорилось, что цель участия в выборах обусловлена исключительно возможностью «пробудить революционную активность масс». Вместе с тем в решении содержался намек на то, что «Дума, которая будет опираться на поддержку революционного народа, пусть и находящегося вне ее, будет способна выразить чаяния этого народа». Мне показалось, что тут содержалось противоречие, и это не приведет к успеху. Однако особенное беспокойство вызвали у меня решения по вопросу о территориализме. На первый взгляд, партия отказалась от пассивной позиции и от ссылок на «исторический процесс», который «подготовит» силы для осуществления территориализма. Но на самом деле конференция постановила, что следует вести «широкую пропаганду» основания «народного территориалистского союза» и начать дискуссию по всем вопросам, касающимся тех или иных аспектов территориалистской политики, о времени, на которое надо назначить созыв территориалистской конференции, о характере территориалистского объединения и т. п. Все это означало, что те, кто уповал на «исторический процесс», победили, сделав всего лишь символическую уступку активистам-территориалистам.

Возражал я и против решения об основании «школьных обществ». Я согласился с тем, что «школьные общества» будут организовываться по языковому принципу, но изо всех сил воспротивился той части решения, которая говорила, что языком преподавания может быть или идиш, или язык местного населения. Историческая правда состоит в тот, что лозунг «Или идиш – или русский» является ровесником лозунга «Или иврит –

или русский». Я утверждал, что мы, партия и сочувствующие ей, действительно должны создать «гражданскую реальность» – такую, какую захотим, в той мере, в которой это будет понятно, прояснено и оформлено в сознании нашего общества. А «школьные общества» могут приобрести огромную важность в этом контексте. Но как можно заранее решать, что языком преподавания может быть только русский или идиш? Ведь это, в сущности, противоречит самой идее «школьных обществ», призванной создать определенные организационные рамки, оформить еврейскую общественную жизнь, осуществить стремление к национальному социалистическому строительству. Я же предложил, чтобы форма организации «школьных обществ» была максимально гибкой. Вместе с тем необходимо внести больше уточнений и конкретизации в определение «школьных обществ», которые мы создадим, и усердно работать над внутренним решением этих проблем.

Я объяснил все это в длинном «меморандуме» – дополнении к устным разъяснениям, и попросил, чтобы мне была дана возможность выступить на областной конференции, так как наша область не посылала депутатов на общую конференцию, а у меня, как я думал, была надежда в ней участвовать. Меня уверили, что на областной конференции я получу полную возможность разъяснить свою позицию. От имени центра, областного комитета, находившегося в Киеве, на полтавскую конференцию прибыли Шмуэль Вейцман{578} (младший брат Хаима Вейцмана{579}, который был в ту пору студентом Киевского политехнического института) и Саня Хургин. Сразу по прибытии они пригласили меня к себе. Они поселились в одной из красивых городских гостиниц. Когда я пришел, была уже ночь. Мы поговорили с полчаса, и я вышел. В коридоре я увидел полицейского офицера. Я открыл дверь номера, где жили товарищи, сказал: «Извините, я не хотел вас потревожить, мне сказали, что в этой комнате живет господин Дубинский. Я вижу, что это ошибка», – и ушел. Полицейский вошел к товарищам, проверил их бумаги и спросил о цели приезда. Они смогли доказать ему, что приехали по различным торговым делам, что заставило городские фирмы опасаться конкуренции. По всей видимости, бумаги и доказательства были настолько убедительны, что больше товарищей никто не беспокоил.

Конференция была не очень интересной, а Шмуэль Вейцман, равно как и Саня Хургин, были людьми практического склада. Хотя они проявляли своеобразную терпимость к другим товарищам и давали нам высказывать наши соображения и возражения, они все-таки не очень-то слушали их и не придавали

им большого значения. Шмуэль Вейцман имел обыкновение после окончания каждой секции возглашать: «Слово предоставляется Давиду», – даже когда я не просил слова. Когда я указал ему на его ошибку, он улыбнулся и сказал: «Значит, на это ты не хочешь возразить? По этому вопросу у тебя нет другой точки зрения? Извини!»

Конференция завершилась, и нельзя сказать, что она представляла собой что-то значительное или оказала на что-то влияние. Через полтора года, в 1908-м, я оказался в Киеве и был приглашен, кажется, случайно, на дачу недалеко от города, в Дарницу, на встречу, чтобы рассмотреть несколько политических и национальных проблем. В этой «разъяснительной» беседе участвовали: Давидович (Львович), Аарон (Соколовский), Саня (Хургин), Даниэли (Чернихов) и другие. В результате между мной и Ааароном начался резкий спор по поводу моих слов о происходящей из Австрии теории национально-государственной автономии, ориентированной на индивидуума. Я сказал, что с теоретической точки зрения она основана на самоопределении личности как на единственном решающем критерии национальной принадлежности. Но в реальности эта теория развивается как своего рода политическое дополнение к территориальной автономии, так что если когда-нибудь она и реализуется, то только в этом качестве. Однако нации, у которых нет своей территории в стране проживания, не имеют, по-моему, шанса добиться «личной» автономии.

Аарон вскочил и спросил меня с иронией: «Какой адрес твоей «исторической науки» – Полтава, Лубны или Лохвица?» Я ответил ему тихо: «В киевской прессе летом 1906 года было напечатано несколько коротких заметок по этому вопросу». «А, – сказал он, – это оттуда ты почерпнул свой исторический анализ?» – «Нет. Там была упомянута литература по данной теме и приведены убедительные, на мой взгляд, факты. Ты можешь их найти, если захочешь, – это было в «Киевских откликах». – «И кто этот авторитетный автор?» – «Тоже человек из Лубен, Лохвицы или Ромен. Не помню точно. Не важно. Знаешь что? «Тора не на небесах» – это сказано о любом учении, в том числе и о шпрингеровском….

Не надо так уж презирать людей из Лохвицы, Лубен и Ромен, а тем более из Полтавы. Не вся Тора была дарована в Киевской губернии». Повисло неловкое молчание.

В 1919 году Аарон Соколовский посетил меня в Киеве и между прочим косвенно извинился передо мной за это «столкновение»: «Мы понятия не имели, – сказал он, – что ты имеешь какое-то отношение к исторической науке вообще и к

еврейской истории в частности! Мы почти ничего не знали о твоем еврейском образовании!»

Во время той встречи я убедился, что источник наших разногласий восходит к самому пониманию еврейской жизни и сионистского начала в ней.

Я решил официально выйти из партии, но передумал: это будет выглядеть слишком высокомерно, лидеры партии не увидят в этом ничего, кроме зазнайства. Я объявил о своем решении только устно и добавил, что с этого года и дальше я не буду принимать участия в жизни партии.

И действительно, по сути я покинул партию сразу после областной конференции в Полтаве. В Песах 5667 (1907) года, на седере, устроенном товарищами, Элиэзер Шейн читал Агаду{580}, ставшую своего рода коллективным выражением чувств, мыслей и сомнений, с которыми мы подошли к этой встрече. Несколько членов сионистско-социалистической партии, почти все – молодые и не жители города, договорились провести седер вместе. Мы ощущали необходимость слегка развеять тяжесть на сердце в обществе товарищей. А тяжесть была велика. Большинство из нас были из «крутых» деятелей Сионистской социалистической партии: доходили в отрицании галута до крайности и проявляли себя отчаянными революционерами – в забастовках и митингах, пропаганде и прокламациях, самообороне и стычках с полицией. Несколько человек были сторонниками «Ноябрьских воззваний» (после октябрьских погромов 1905 года), в которых была выработана целая теория, попытавшаяся соединить категорическое отрицание галута с категоричностью революционной борьбы: участие еврейских масс в революции приведет к появлению еврейского революционера, который сможет воплотить в реальность большую еврейскую революцию…

Новым во всех этих тезисах было то, что отчаяние стало идеологией, и это вызвало претензии к их составителям, и после непродолжительных споров в узком кружке «Ноябрьские воззвания» были приговорены к изъятию из употребления.

Прошло всего полтора года – и мы уже были повержены и обращены в бегство: молодые евреи все чаще уходили не только из Сионистской социалистической партии, число членов которой еще недавно достигало тридцати тысяч, но и вообще покидали сионистское движение во всех его течениях и видах.

Бегство было быстрым и массовым. Даже активисты начали беспокоиться о своем будущем: те, кого заботило продолжение учебы в университете, и те, кто стремился поступить в университет, те, кто готовился к экзаменам, и те, кто хотел

обеспечить себе какое-либо другое положение в обществе. Цель была одна: практическая польза. Были, конечно, и «мечтатели», люди совершенно иного склада. За несколько дней до Песаха мы получили известие о трагической смерти слесаря Зелига из Лохвицы. Зелиг застрелился на кладбище города Л. А он умел стрелять. Он был лучшим инструктором по самообороне во всей Полтавской губернии. Зелиг оставил короткое письмо братьям: «Если уж умирать, то лучше лежать на маленьком кладбище, и поскорее». Все были подавлены, и на душе у всех скребли кошки.

Находясь в таком настроении, мы и решили провести седер.

И вот наступил пасхальный вечер. Нас было, если я правильно помню, около десяти-двенадцати юношей и девушек. Девушки трудились: убирали и готовили к седеру. Сделали все, как положено. Маца и вино. *«Мapop*[7]*,* - сказали товарищи, – у всех нас есть в избытке». Комната была довольно большой. Мы сдвинули столы и одолжили побольше стульев. От слабого света лампы, освещавшей стол, на стенах выросли рельефные тени…

Я видел, что товарищи готовятся выслушать Агаду из уст Элиэзера. Это должно было стать «гвоздем» седера. Оказалось, что среди членов движения в Литве, во всяком случае в крупных городах, закрепился обычай чтения Агады, привязанной к актуальным событиям, – на седерах, где были только свои.

Ощущения праздника не было, в атмосфере не чувствовалось ничего праздничного. Общение с литовскими товарищами подготовило меня к восприятию того, что мне предстояло услышать, и заранее пробудило во мне интерес. Мои последние беседы с Элиэзером о происходящем в нашей партии еще больше усилили мое желание послушать Агаду в его исполнении. В те времена я имел обыкновение делать записи, на основании которых и воспроизвожу происходившее на седере.

Мы расселись. Обстановка была немного напряженная. Несколько товарищей, которые не были знакомы с Зелигом и не были близки к организаторам седера, находились в веселом расположении духа. Они приготовились получить удовольствие от общества товарищей и царившей в комнате интимной дружеской атмосферы.

Началось чтение Агады. Элиэзер начал с «Кадеш у-рхац» («Освящение и омовение»){581} и стал толковать каждую фразу.

Агада – это не что иное, как легенда о поколении, которое хотело освободиться, но не удостоилось освобождения. Об этом прямо повествуется в каждой строчке Агады.

«Кадеш у-рхац» – еврейская история вопиет к каждому в нашем поколении: «Освяти и омой!» Освяти себя, готовь себя к большим свершениям, ибо пробил решающий час. Мы –

освободители! И омой! Омойтесь, очиститесь, очисти себя, дабы быть достойным этой миссии, великой миссии. «Карпас{582} – яхац». Еврейская история возложила на нас, на знаменосцев социального обновления, построение нового общества, основанного на общности имущества. Даже если все, что у тебя есть, это немного зелени и овощей, поделись своим *карпасом* с товарищем.

А что на практике? «Магид – рахца»: каждый говорит товарищу своему: тебе следует совершить омовение. Каждый требует от другого: ты омойся! Ты очисти самого себя! Как будто он сам свободен от этой обязанности. В результате мы все оказываемся погружены глубоко в грязь. Как сказано: «[благословен] извлекающий [хлеб из земли], [заповедавший вкушать] мацу и *марор*». И действительно, по поводу каждого «моци» (на идише – ломоть хлеба, требующий благословения) у нас споры, раздоры и марор (горечь) в душе. И так мы собираемся бороться за новое общество? «Корех – шулхан орех». Вот и мы прикрываемся социал-сионистским «Шулхан арухом», подобно человеку, который повязывает тфилин напоказ, чтобы все видели. А еще «цафун{583} – барех»: внутри нас сокрыта всякая мерзость и клевета. А что касается «халель»{584} и «нирца», то мы все очень желаем, чтоб нас прославляли как первопроходцев дела всемирного пролетариата и как тех, кто приведет к спасению народ Израиля.

Атмосфера в комнате стала еще серьезнее и драматичнее. Элиэзер, по сути, говорил сам с собой и почти не обращал внимания на товарищей. И традиционные вопросы задал сам.

«Чем отличается эта ночь, ночь галута, от всех других ночей? Мы дважды окунаем [зелень в соленую воду] – это омовение сионизма и социализма. В эту ночь мы все возлежим, то есть заседаем на конференциях, конгрессах, в центральных комитетах разных партий, и при всем том эта ночь вся состоит из сухой мацы и раздоров, она вся – горечь *марора,* горька, как сама смерть».

И громким голосом, в котором слышались печаль и сдерживаемые слезы, Элиэзер продолжил: «Объяснение, дети мои, всему этому простое: «Рабами были мы». И после минутного молчания: «И в чем оно, наше рабство? «Барух ха-маком»{585}. Мы дошли до благословения места, того самого галута, в котором мы живем, и мы говорим: «Благословен Он! Благословен давший Тору народу своему, Израилю! Ведь и вся наша Тора – она дар этого места. Тот закон, который мы себе усвоили, – это закон гоев».

Носители этого закона – четыре сына. «Умный» – это интеллигент, маскил; «злодей» – домовладелец, практичный

еврей, у которого есть цель в жизни, который ненавидит бездельников. «Простак» – это Зелиг, а «тот, кто не знает, как спросить», – это детишки, например, младший брат Зелига. Умный, он что говорит? «Каковы эти законы, постановления и узаконения?» Наши маскилы изучают юриспруденцию и хотят спасти Израиль посредством законов этой Торы, то есть законов государства, вместе с Иваном. А злодей что спрашивает? «Что это за служение у вас?» Это наши богачи и мещане, умеющие жить в этом мире, понимающие в его порядках и в его удовольствиях. Они исполнены презрения ко всем этим «бездельникам», витающим в небесах и мечтающим о новых мирах и о спасении Израиля. «У вас, – спрашивает он, – а не у него, и таким образом, отрекаясь от общего дела, они становятся еретиками» – хуже выкрестов. Простак, он что говорит: «Что это?» Пропал Зелиг! Нет Зелига! Погиб Зелиг. Мы потеряли целое поколение Зелигов. И потому нам не на кого опираться, кроме как на тех, кто не умеет спрашивать, на младшего Зелигова брата. «А ты, – обратился Элиэзер к одному из товарищей, занимавшемуся преподаванием, – начни ему объяснять. Ты должен ему сказать, молодому поколению: «В тот день из-за этого это случилось со мной при выходе из Египта», и объяснить ему причины нашей великой неудачи, нашего краха в этом поколении, в котором мы хотели возобновить исход из Египта. А причины – «сухая маца и горькая зелень (марор)» – ссоры и раздоры».

«И тут, – продолжал Элиэзер, – начинается второй цикл Агады: "Мы были рабами", "Когда-то отцы наши были идолопоклонниками, а теперь…" И отцы наши шли путем окружающих народов, и мы продолжаем делать то же самое. "Приблизило нас *это место* к служению своему". Всякое место, в котором мы обитаем, приближает нас к своему служению и удаляет от самих себя. «За рекой от века обитали наши предки: Терах, отец Авраама и Нахора» – в любом месте стараются евреи доказать, что они обитают там со времен Тераха, еще раньше самих гаев. И этим занимаются раввины! И раввин из Полтавы тоже. Воздевают глаза к небу и говорят: «Так сказал Господь Бог Израилю»».

Элиэзер на какое-то время ушел в себя. Напряжение немного спало. Несколько товарищей пытались сами продолжить комментировать, даже слегка в юмористическом духе. Но он тут же встал, поднялся и продолжил: «"И увидел Он стеснение наше, отказ от принятого между людьми". Мы перестали быть народом, который занимается принятым между людьми, т. е. заселением и освоением мира. Как сказано: "И увидел Бог сынов Израиля и узнал Бог". Одному Богу известно, каким образом существует этот

народ. "И страдания наши – это о детях". Все уныние наше и вся печаль наша явлена в молодом поколении, они все принадлежат Египту. Их или бросают в Нил сразу, или выращивают, чтобы сделать это позже."…И все угнетение наше – это тяжесть жизни". Что нас вытесняют со всех продуктивных в экономическом смысле позиций, как сказано в социал-сионистской Торе». Тут Элиэзер возгласил: «"И вывел нас из Египта рукою сильной…" – это Сионистская социалистическая рабочая партия».

И упал. Потерял сознание. Глубокий обморок. Быстро привели доктора. Доктор сказал: «Глубокое нервное потрясение, из тех, которые между душой и телом, на границе, и которые глубоко поражают и то и другое».

Назавтра я записал в своей тетради: «Элиэзер Шейн закончил свою Агаду словами «Рукою сильной» – это Сионистская социалистическая рабочая партия. Но подлинный смысл его Агады – это «И вывел нас из Сионистской социалистической рабочей партии». Это исход в печали, с болью, сопровождающийся обмороком чувств, но все же он вывел нас. Ибо не тот это путь».

Глава 23. Экзамены и вокруг экзаменов (октябрь 1906 – февраль 1910 года)

Я жил в Полтаве более трех лет: приехал 17 октября 1906 года, а уехал в начале мая 1910-го. В течение этих трех лет и пяти месяцев я покидал Полтаву только на полгода – зимой 1907/1908 года. Все эти годы я занимался в первую очередь экзаменами на аттестат зрелости, который предоставил бы мне возможность поступить в университет. Эта история закончилась для меня полным провалом. Неудача за неудачей. Три раза я пытал счастья: в апреле-мае 1907 года я провалился по алгебре на письменном экзамене, и мне не разрешили сдавать устный. В апреле 1908 года мне не дали пройти экзамены, потому что полиция отказалась предоставить гимназии справку о моей политической благонадежности. В мае 1909 года я потерпел крушение на сочинении, а в январе 1910-го, когда я размышлял, попробовать ли снова сдавать экзамены на аттестат зрелости или отказаться от этой идеи окончательно, я получил через моего товарища Б. С. приглашение от одного полтавского либерально настроенного адвоката приехать к нему домой для личной беседы. Этот адвокат рассказал мне, что в марте или апреле должен состояться один из последних политических процессов, связанных с революционным движением 1905–1906 годов. На основании материалов свидетельских показаний по результатам следствия, а также обвинительного заключения он удостоверился, что «ключевой обвиняемый», на которого хотят возложить значительную часть обвинений (с точки зрения адвоката, несправедливо), – это «товарищ Давид», которого пока не нашли и личность которого все еще не установлена. Со слов одного из обвиняемых ему стало известно, что человек, о котором идет речь, – это Динабург Бен-Цион, сын Залмана, и он счел своим долгом предупредить меня. По его мнению, мне ни в коем случае не следует обращаться за справкой о благонадежности – ни в феврале, ни в марте. У него есть основания думать, что полиция мной интересуется, но хочет подождать до суда. Прокурор намекал ему, что на процессе будут новые обвиняемые. Лучше всего и правильнее всего будет, если я как можно скорее покину Полтаву. Если это возможно, мне лучше даже поехать за границу. «В любом случае, – сказал он, – если распространится слух, что ты покинул Россию, тебя не будут больше искать». Он также предупредил меня, чтобы я не рассказывал никому об этом разговоре, даже не намекал. Он расспрашивал обо мне, и только

после того, как ему сказали, что на меня можно положиться, он решил со мной поговорить.

Я послушался совета адвоката и уехал из Полтавы, отказавшись от идеи сдать экзамены в России. В этих четырех фактах заключается все содержание экзаменационной эпопеи, но на самом деле это был период, полный изнурительного труда и мучений. Впечатления от него сохранились в моих дневниковых тетрадях, записи в которых я делал на трех языках: идише, русском и иврите…

Мое решение переехать в Харьков, а потом в Полтаву было связано с этими экзаменами. Сразу после прибытия в Полтаву я объявил товарищам, что намереваюсь готовиться к экзаменам на аттестат зрелости, которые будут в мае 1907 года. Времени, однако, было мало – шесть-семь месяцев. Но мой расчет был основан на том, что мне придется в основном не учить новое, а упорядочить свои знания: в области русского языка и литературы, равно как и истории, я имел изрядные познания. Мои корреспонденции в «Киевских откликах» были благосклонно приняты редакцией; в них не внесли почти никаких изменений. Там даже хвалили мой «простой и яркий» стиль. В области общей истории я тоже не нуждался в подготовке. Мои познания в немецком неплохи, но в математике, физике, естественной истории, латыни и французском я слаб, и было сомнительно, что я успею подготовиться за отведенное время. Двое приятелей проэкземеновали меня по основным предметам, чтобы оценить уровень моих знаний. Они предложили поучить меня для начала две-три недели, чтобы выяснить, как быстро я продвигаюсь, а после этого высказать мнение о моих шансах сдать экзамен, а также порекомендовать мне наилучший метод подготовки.

Мое положение на экзамене было крайне сложным. У меня не было документа об образовании, и посему я должен был держать экзамен по всем предметам, изучаемым в школе в течение всех восьми лет, а не только по тем, что изучаются в старших классах. Я должен был сдавать не только язык, литературу, русскую и общую историю, математику, алгебру, геометрию и тригонометрию, физику и космографию, латынь, немецкий и французский – я должен был сдавать арифметику, чистописание, общую географию и географию России, грамматику старославянского языка и естественную историю.

Мне помогали двое приятелей: Биньямин Гельфанд и Зяма Маркович. Оба – молодые студенты, уроженцы Полтавы, закончившие там с отличием один – гимназию (Гельфанд), а другой – реальное училище. Оба были известны в городе как чрезвычайно способные репетиторы. Отец Биньямина Гельфанда,

Лейб Гельфанд, был моим родственником, одним из верных членов «Бней Моше» из Полтавы, который испытывал ко мне дружеские чувства, когда я был маленьким, и завещал всем своим домашним дружеское отношение ко мне. Второй приятель был из «Поалей Цион». Я познакомился с ним, когда он прибыл в Лубны, представляя молодежную национальную сионистскую организацию, выпускавшую ежемесячник на русском языке под названием «Новая Иудея»{586}. Я принял его и его спутницу дружески и помогал им изо всех сил, и он сказал мне, что я один из немногих сионистов-социалистов, который ему так помог. Мы несколько раз обсуждали с ним проблемы молодежи и ее воспитания в духе социалистического сионизма.

Две недели Гельфанд учил меня латыни и другим гуманитарным предметам (по сути – координировал мою самостоятельную работу), Зяма Маркович – математике и физике, а одна девушка, знакомая Марковича, обучала меня французскому и немецкому. Через две недели они предложили мне готовиться к экзаменам: они уверены, что я выдержу, несмотря на то, что в моем распоряжении только шесть месяцев. Они лишь указали на мои слабые места и выразили готовность следить за моими успехами и даже наставлять меня по предметам, в которых я буду нуждаться в помощи, сами и привлекая друзей. Они также ввели меня в круг экстернов, готовящихся к экзаменам на аттестат зрелости в Полтаве, и это знакомство воодушевило меня, так как я убедился, что не сильно отстал в своей подготовке к экзаменам. Итак, с учением дело обстояло лучше, чем я предполагал. С хлебом было хуже. Мои приятели Гельфанд и Маркович сделали некоторую рекламу тому, как быстро я осваиваю материал. Эта делалось из добрых побуждений – помочь мне найти хорошие частные уроки, чтобы я мог заработать. Среди этих частных уроков, доходы от которых были довольно скудны, мне особенно помнятся два: подготовка двух сестер к экзаменам на учениц аптекаря и подготовка деревенского парня лет шестнадцати к экзаменам в городскую школу. Я должен был пообещать, что он выдержит следующие экзамены: сочинение, история и география.

Занятия с сестрами прекратились через два месяца. Ученицы обиделись на мое замечание о воздухе и о беспорядке в комнате (там не открывали окно) и об их неряшливом виде. Особенно рассердилась на меня старшая, толстая девушка с красными веками и выпученными глазами, которая вечно застегивала кофту не на те пуговицы, а ее волосы и одежда были всегда покрыты перьями… Несмотря на то что мои замечания содержали лишь легкие намеки – так по крайней мере мне казалось – и в весьма

вежливой и дружеской форме, уроки прекратились. Занятия с деревенским парнем тоже пришлось прервать. Мой ученик как-то позволил себе насмешливо упомянуть о «еврейской трусости» и приписал ей – и только ей – все беды евреев. Он описал в почти антисемитском духе еврейские погромы, издевался над еврейской привычкой молча сносить обиды и комически изображал, как еврейки воют от страха. Я поднялся и спросил его: «Ты уверен, что евреи всегда выслушивают обиды, не отвечая на них?» – «Конечно!» Тогда я подошел и отвесил ему две звонкие пощечины, открыл дверь и с криком: «Не желаю больше тебя видеть, дурак», – поднял его и выкинул вон. Наутро я получил от него письмо, в котором он объявлял, что то, как я себя вел с ним, не является хорошим способом доказательства и убеждения, и что он не имел намерения «оскорбить всех евреев, и что если я извинюсь перед ним, он готов продолжать учебу». Я ему не ответил.

Большая часть моих скудных доходов поступала от небольшого кружка по изучению русской истории, организованного маленькой группой товарищей по инициативе Гени Волынской, работавшей в полтавском земстве. В кружке было шесть человек. Мы читали книгу Андреевича (псевдоним Евгения Соловьева{587}) «Опыт философии русской литературы». В основе этой книги лежала предыдущая работа автора «Очерки по истории русской литературы». Мне нравился стиль рассуждений Андреевича. Несмотря на то что он использовал много псевдонимов (Скриба, Мирский, Смирнов и др.), я узнавал его сразу по прочтении первых строк любой статьи или монографии.

И действительно, для внимательного читателя было нетрудно опознать автора: его подход к истории и философии был в высшей степени оригинален. По крайней мере такое впечатление производили на меня в те дни его сочинения. Сохранилось оно и до сих пор. Некоторые вещи в сочинениях Андреевича особенно меня очаровали, а именно: реальный исторический контекст, в который он смог поместить смену течений в русской литературе с одной стороны, и границы, которые он положил этому контексту, не дав ему затушевать самостоятельность и уникальность явлений самой литературы.

Он рассматривал литературу каждой эпохи как особый духовный и общественный феномен, основывающийся на определенных базовых идеях. При этом он систематически подчеркивал значение чередования форм в истории литературы. Содержание литературных произведений Андреевич анализировал при помощи марксистской методологии, искусно

переходя из сферы литературной в сферу историческую. Вместе с тем его подход не был догматическим, теория не довлела над фактами, а противоречия представали как неотъемлимая часть исторических явлений.

В кружке велись оживленные, иногда даже яростные споры и дискуссии. Мы собирались дважды в неделю, каждый раз в другой квартире. Кружок наш был нелегальный, и мы старались не говорить о нем даже между своими. Но несмотря на это, слухи распространялись, и товарищи рассказывали, что их расспрашивали о кружке, преувеличивая его важность.

Я получил письмо из Петербурга от Мани Зархович. Она расспрашивала меня о кружке: товарищи говорят, что я «толкую Андреевича», придавая ему зачастую иной, символический оттенок.

Кружок просуществовал до середины апреля, до экзаменов, и доставил мне огромное удовлетворение. Часы, которые я проводил там, были для меня той зимой наиболее приятными. Я был одинок, все время сидел в своей комнате и только на кружке мог встречаться с друзьями и знакомыми.

В процессе чтения у меня созрело несколько вопросов, которыми я решил заняться, когда закончится эпопея с экзаменами. Однако на экзаменах-то я, как уже говорилось, провалился. Я получил «неудовлетворительно» на письменном экзамене по алгебре. В конце экзамена в простом арифметическом действии (вычитании) забыл, что я «занял» одну цифру из последнего столбца, и вместо *77 в* окончательном ответе у меня получилось 177…

Я спокойно воспринял эту неудачу и даже признал, что приговор был справедливым. Такая ошибка, сказал я, не свидетельствует о моей зрелости, и справедливость на стороне учителей, которые меня провалили. У друзей было иное мнение. Они сказали, что в подобных случаях обычно разрешают сдавать устный экзамен, не было такого, чтобы из-за такой небольшой ошибки ставили меньше, чем «удовлетворительно с минусом». В самом начале, когда я рассказал им о своей ошибке, они были уверены, что я не получу неудовлетворительной оценки. Старик-преподаватель физики из той гимназии – кажется, его фамилия была Чернышов, – педант, но честный и незлой человек, с которым я познакомился дома у кого-то из моих русских учеников, рассказал мне, что моя судьба вызвала многочисленные споры среди учителей, и он был среди тех, кто настаивал на моей виновности. «Я подумал, что экзаменующемуся не повредит, если мы его провалим, и это будет только справедливо: научит его, что не надо спешить, а к экзаменам на аттестат зрелости не готовятся

за шесть месяцев. Поспешность же приводит к тому, что мы не возвращаем того, что "занимаем"…»

Оказалось, что реклама, которую Гельфанд и другие сделали быстроте моей подготовки, мне тоже навредила. Товарищи разволновались из-за моего провала больше, чем я, и были уверены, что для него существовали иные мотивы. Гельфанд немедленно посоветовал, чтобы я больше не пытался экзаменоваться в Полтаве. «Тут есть кто-то влиятельный, кто знаком с тобой и стоит у тебя на пути. Тебе надо ехать сдавать экзамены в такое место, где тебя никто не знает».

Я, как уже было сказано, признал справедливость свершившегося и оправдывал тех, кто меня провалил. Я остался в Полтаве.

Спокойствие, с которым я принял свой провал, было в какой-то мере результатом усталости, владевшей мной в те дни. На протяжении пяти месяцев я занимался работой, которая вся представляла собой огромное духовное усилие. Я мало спал, и питание тоже было не блестящим… Помню, зимой, когда Шейн приехал в Полтаву, мы любили обедать в столовой полтавской полуофициальной организации взаимопомощи. Какое-то время там же обедал Б. Борохов, который только что освободился из заключения под залог и собирался уезжать из Полтавы. Мы возобновили знакомство, начатое в Одессе. Как-то Борохов меня спросил: «Ты не обращал внимания, как ведут себя те, кто ест в этой столовой? Здесь можно брать без ограничения хлеб… и горчицу тоже, и люди поглощают их с большим энтузиазмом». Мне показалось, что, говоря обо всех посетителях столовой, он преувеличивал, но в отношении нас был полностью прав…

Мы часто беседовали – за столом или по дороге из столовой – о политике или литературе. Я замечал, что Борохов избегает говорить со мной на темы, связанные с еврейством и сионизмом, но с удовольствием беседует на общеполитические темы. Мне помнятся два наших разговора. Первый – о «философском консерватизме Ленина». Борохов тогда сказал, что сочетание консерватизма мышления и политического радикализма обычно служит приметой того, что обществу грозит опасность. «Какая именно?» – спросил я. «Опасность для всех областей общественной и политической жизни», – ответил Борохов.

В другой раз мы беседовали о «политических пророках и гадателях», число которых было в то время велико-и в прессе, и в обществе. Это было накануне заседания второй Думы. Борохов смеялся над разного рода догадками. «Я не знаю, – сказал он, – с какой долей научной точности определяется уровень атмосферного напряжения в воздухе, но я не слышал ни о каких

научных методах замеров уровня напряжения в различных сферах царского дворца. А ведь именно это в наши дни определяет грядущие события…»

Изменения, которые произошли за два года во внешности Борохова, удивили меня; меня потрясла глубокая печаль в его глазах. После одной из бесед с ним я записал: «Говорил с Бороховым, и, несмотря на мое всегдашнее внимание к его словам, казалось мне, что только теперь я осознал значение того кризиса, который мы испытали в последние два-три года; осознал через глубоко скрываемое бездонное горе, которое лишь на мгновения обнаруживало себя во взгляде его грустных глаз».

После провала на экзамене я понял, что надо произвести переоценку ценностей: дела не двигались с той скоростью, с которой я предполагал. Мне надо было понять, чего я хочу, и построить более долговременные планы на будущее. Я заперся на месяц в своей комнате, просиживал долгие часы в городской библиотеке и наконец составил план из четырех пунктов: 1) новый план занятий, направленный на систематическую и основательную подготовку к экзаменам на аттестат зрелости по всем предметам, которые я должен сдавать; 2) углубиться в эту учебу, расширяя общее образование с помощью чтения пособий для учителей по всем этим предметам. Я решил считать, что я выдержал экзамен, – не признаваться себе в неудаче. Как будто бы мне надо преподавать эти предметы ученикам… Для этого мне надо укрепить свои знания и подумать о том, как их преподать. Таким образом я обеспечу себе «положение» частного учителя, который готовит учеников к экзаменам по всем предметам средней школы; 3) специализация – кроме этих занятий и в связи с ними – в определенных областях истории и литературы, и чтобы в этой специализации присутствовала подготовка к моей будущей работе в области еврейской истории; 4) установить, как говорится, «часы для занятий Торой»: чтобы не уклоняться от основной цели, выделить часы для изучения истории еврейского народа, чтения Танаха, Мишны и Талмуда, а также еврейской литературы Средних веков и Нового времени.

После того как я все взвесил и составил список необходимой литературы и попросил своего младшего брата Авраама – светлая ему память – поехать домой и привезти мне мой Танах, Талмуд в одном томе и «Путеводитель растерянных нашего времени», мной овладело иное настроение, я преисполнился мужества и уверенности в правильности моего пути.

Моими друзьями в те дни были в основном товарищи из партийного кружка социалистов-сионистов. В Полтаве в те годы жили многие члены партии. Кроме Элиэзера Шейна и Батьи

Лившиц из Бобруйска там были люди из Гомеля и Сморгони, из Ромен (Барух Пишко{588}) и Лубен (Шломо Львович), из Киева и Чернигова. Эти друзья объединялись в небольшие группы, временами образуя своего рода «коммуны», закрытые от посторонних. В них царила интимная обстановка. Мы с Элиэзером тоже принадлежали к подобной коммуне. Мы встречались каждый день, одно время даже жили в одной квартире. Каждую ночь мы ходили гулять – Элиэзер, Батья, я, еще один наш приятель или подруга, – мы были как будто одной семьей. Элиэзер был, насколько мне помнится, единственным человеком, которому я не просто рассказывал в общих чертах о своих планах, но советовался о проблемах, связанных с моей специализацией: я решил, что посвящу несколько месяцев по-настоящему глубокому изучению русской истории.

Такому решению было несколько причин. Прежде всего, отдел русской истории в городской библиотеке был организован лучше всех других и библиотекарша, заметив, как внимательно я изучал каталог в течение двух недель, обещала мне достать любую книгу по русской истории, которая мне понадобится. Она сказала, что группа горожан заботится о расширении этого отдела и не было еще случая, чтобы нам не удалось достать заказанную кем-либо книгу.

Я помню, что в беседе с Элиэзером я аргументировал свое желание углубиться в русскую историю тем, что это «прозрачная история»: истинную сущность происходивших в ней процессов можно постичь без труда, так как идеологические пласты, пролегающие в ней, тонки. Поэтому изучение русской истории – это своего рода введение в понимание истории всеобщей.

Первым делом я начал читать об эпохе реформ Александра II, в особенности о второй трети XIX века. Начал я с книги Иванюкова «Падение крепостного права в России»{589}, потом прочитал книгу Корнилова{590} об аграрной реформе, а затем погрузился в чтение обо всех реформах той эпохи: реформе самоуправления, судебных структур, финансовой сферы, воспитания, образования и армии.

Почти все лето я провел в чтении книг по этой тематике – описаний, отзывов, воспоминаний, биографий и исследований… Я завел специальные тетради для записей по истории России: тетради для выводов и обобщений и тетради для вопросов и тем, которые мне хотелось обдумать. Спустя три месяца я наметил для себя расширенную программу, согласно которой мне следовало углубиться еще в две важные с методологической точки зрения исторические эпохи – эпоху Петра Великого и эпоху распространение христианства на Руси, в особенности период

«двоеверия», когда язычество еще не было вытеснено полностью и сосуществовало с христианством.

Меж тем выяснилось, что мне надо уехать из Полтавы на зиму 5668 года (октябрь 1907-го – март 1908-го), чтобы в течение этого времени взять на себя преподавание в соседнем с Полтавой городке Малая Перещепина, расположенном недалеко от железнодорожной станции (первая остановка после Полтавы на маршруте Харьков – Николаев, кременчугское направление). Мой отъезд явился следствием внезапной болезни Элиэзера Шейна, которая потрясла всех нас, его друзей.

Элиэзер успешно сдал экзамен на звание домашнего учителя по математике и географии и решил открыть в Миргороде реформированный хедер совместно с нашим товарищем Фрейдиным, сыном миргородского раввина. Ожидалось, что затея будет успешной. Фрейдин был уроженцем Миргорода, а Шейн славился по всей округе как превосходный учитель еще с тех времен, когда он преподавал в семье Дунаевских. Шейн подал уездному инспектору народных школ прошение о получении разрешения учительствовать в городе, приложив к нему все бумаги. Он ждал ответа два месяца и за день до конца официального срока выдачи учительских свидетельств получил извещение из конторы инспектора о том, что три рубля, которые стоит свидетельство, надо предоставлять вместе с прошением, перед выдачей разрешения, а не после него… Так как деньги не уплачены, инспектор не может выдать ему требуемое разрешение – последний день для внесения трех рублей был 31 июля (то был вторник). Письмо было послано из Миргорода в понедельник, 30 июля. Было ясно, что письмо было послано так поздно намеренно, чтобы не дать получателю никакой возможности исправить положение…

В тот же день Элиэзер отправился на поезде в Миргород. Но поезд приехал в город, когда все учреждения были уже закрыты. Элиэзер нашел квартиру инспектора и пришел к нему. Он потребовал от инспектора разъяснений – почему было отсрочено сообщение ответа – и потребовал, чтобы ему была предоставлена возможность внести деньги завтра и получить свидетельство. Инспектор отказался, а в качестве объяснения задержки что-то пробормотал, но Элиэзер сказал ему, что не нуждается в дополнительных объяснениях. У него уже есть объяснение этому странному факту. Он, инспектор, принадлежит к роду людоедов: когда у людоеда есть хоть какая-то возможность полакомиться человечиной, он не может сопротивляться этому ужасному желанию… На этом Шейн расстался с инспектором. Через полчаса за ним пришли, арестовали и привели в полицию.

Инспектор подал на него жалобу и в административном порядке призвал заключить его под стражу, и полицейский исправник потребовал от «опасного революционера» разъяснений. Шейн описал случившееся, и это произвело на исправника впечатление. Выслушав объяснение, он сказал: «Я думаю, вы были так рассержены ситуацией, в которой оказались, что не могли владеть собой и не отвечаете за свои резкие слова. Я напишу это в протоколе, а вы можете уезжать из города – при условии, что не попытаетесь вернуться!»

Я поехал в Миргород, а Фрейдин провел переговоры с исправником. Тот, однако, сказал, что если «этот человек» появится в городе, он будет немедленно арестован и выслан в административном порядке как «представляющий опасность». Он поступил с ним с «излишним либерализмом» потому, что заботился о достоинстве «уважаемого инспектора народных школ».

Тем временем Шейна пригласили в соседний с Полтавой городок Малая Перещепина. Он не хотел, чтобы его кто-то провожал до станции, но не прошло и нескольких секунд, как извозчик привез Элиэзера: бледный, не способный вымолвить слова. Мы ссадили его с повозки и уложили: в телеге он изверг из легких поток крови… Мы помчались за доктором. Первое время Шейна было запрещено сдвигать с кровати, но через несколько дней мы перевезли его в больницу. Оказалось, это чахотка и он нуждается в серьезном лечении и уходе. Было решено, что я приму вместо него место преподавателя в Малой Перещепине, а в счет платы получу стипендию в 120 рублей из кассы взаимопомощи, образованной в то время в Полтаве, и на эти деньги Элиэзер сможет лечиться. Это был первый вексель, который я подписал в своей жизни. Интересно, что члены кассы согласились принять поручительство моих знакомых адвокатов и врачей только на том условии, что я получу стипендию на свое имя или буду главным поручителем. Раввин общины, А. Глезер, который стоял во главе кассы, был зятем писателя Э.-Ц. Цвейфеля и рассказал мне, что много слышал от своего тестя о моей семье, а также знает, что я из тех людей, которым можно доверять, и если я буду ответственным поручителем и подпишу вексель, ему неважно, на чье имя будет стипендия… Не могу сказать, что мой друг, киевский врач, который жил в Полтаве и был готов подписать вексель в качестве гаранта, очень расстроился из-за того, что его помощь была отвергнута…

Городок Малая Перещепина был одним из центров торговли зерном в округе. Господин Резников, в доме которого я жил (его младший сын Александр у меня учился), был богатый еврей,

занятым постройкой большой паровой мельницы в городе. Это был настойчивый человек, что называется, «от сохи». Атмосфера городка была пропитана палестинофильством – еще со времен родственников Лейба Гельфанда, который жил в тех местах, и Кацовича{591}, который описал городок в своих мемуарах «Шестьдесят лет моей жизни». Правда, молодое поколение уже отвернулось от сионизма. Хозяин дома рассказал, что его дочь, которая учится на врача в Швейцарии, обратилась к «нееврейским политическим партиям». Хозяйка же поведала мне по секрету, что и любовь дочь нашла себе нееврейскую и собирается выйти замуж за русского. А сын – бундовец; однако в каждом письме двое этих «социалистов» интересуются, как идет строительство мельницы. Особенно сын неравнодушен к этому вопросу…

Как-то хозяин дома попросил меня объяснить ему разницу между всевозможными идеологиями, сочетающими сионизм и социализм, а потом сказал: «Да, все это важно – сионизм, социализм. Но до важности отборной рижской селедки им обоим далеко». Тут я почувствовал, что готов отреагировать так же, как в случае с учеником, насмехавшимся над «трусостью» евреев. Я сдержался и ничего не ответил. Но решил больше ни о чем с ним не говорить, а только отвечать «да» или «нет». Я не отклонялся от этого решения в течение четырех месяцев и получил «плату за молчание»: свободное время я проводил в своей комнате и готовился к экзаменам на аттестат зрелости – размеренно и систематически. После семи часов преподавания в доме Резниковых я запирался в комнате и работал на себя: писал сочинения и изложения, решал задачки, зубрил по учебникам и изучал вспомогательную литературу, а также читал книги, причем только те, от которых, как я думал, может быть какая-то польза на экзаменах. Два раза мой приятель Биньямин Гельфанд заходил ко мне, мы разговаривали, он проверял, насколько я продвинулся в работе, и был весьма доволен моими успехами.

Я подал прошение губернатору по поводу «свидетельства о политической благонадежности» (оно должно было быть послано напрямую в гимназию, и только после того, как гимназия его получала, могла идти речь о праве сдавать экзамены). Через десять дней ко мне пришел становой пристав и рассказал, что получил указание провести расследование на предмет моей политической благонадежности. Он готов немедленно послать самый положительный рапорт, но хочет получить «ханукальное подношение». Я посмотрел на пристава: молодой, маленького роста, с небольшими пшеничными усиками, хитрыми глазами и серьезным лицом. «Сколько?» – «25 рублей». «Что? – изумился я. – Это ведь вся моя зарплата за месяц!» «Дело того стоит, – сказал

пристав, – в конце концов экзамены сдают только раз, и если вашу просьбу отклонят, это будет вам стоить дороже!»

Я пытался объяснить ему, что я из Полтавы, что все меня знают, и он повредит сам себе, если будет говорить обо мне дурно. Я даже ему угрожал. Потом я рассказал об этом Резникову, и он обещал уладить дело.

И вот в марте я приехал в Полтаву, чтобы подать свою просьбу о получении права сдавать экзамены на аттестат зрелости. С собой у меня были все необходимые документы. В гимназии обнаружились перемены: пришел новый директор. Предыдущий, как говорили, был излишне либерален. В кабинете директора я нашел высокого пожилого немца с сердитым лицом и строгими глазами. Фамилия его была Клуге. Он не ответил на мое приветствие, протянул руку, взял бумаги, взглянул на них и сказал прямо: «Вы не можете экзаменоваться». – «Почему?» – «Вы неблагонадежны». – «Но я только что был в полиции, сделал запрос, и они сказали мне, что послали в гимназию…» – «Может, они и послали, но они сказали вам, что именно? Что они написали? Вы не можете сдавать экзамены!»

Через некоторое время мне стало известно, что становой пристав написал в своем отчете, что не обнаружил меня по месту проживания, что я жил в Малой Перещепине, но не имею постоянного места жительства, и он не может сказать обо мне ничего определенного…

Так закончилась вторая попытка сдать экзамены. Я не отчаялся, но начал думать, что друзья были правы, когда посоветовали мне уехать из Полтавы. Тем не менее я туда вернулся и решил продолжать попытки. Однако несмотря на то что я решил остаться в Полтаве, возможно, не стоит пытаться держать экзамен в гимназии, которую возглавляет Клуге. Тем временем в середине июля или в начале августа меня неожиданно пригласили в гимназическую канцелярию к секретарю гимназии господину Матушевичу – низкорослому слегка горбатому поляку, учителю латинского языка. Он сказал мне, что несколько гимназических преподавателей порекомендовали ему меня как хорошего репетитора для учеников, нуждающихся в переэкзаменовках. Он спросил, готов ли я к тому, что гимназия будет рекомендовать меня как частного учителя. Ему сказали, что я даю уроки в таком только количестве, чтобы обеспечить свои минимальные нужды. Конечно, я с готовностью согласился и с тех пор в течение моей полтавской жизни входил в число учителей, которым гимназия часто посылала учеников. Это обстоятельство повлияло на мое решение повременить с отъездом из Полтавы, и я вознамерился снова попробовать сдать экзамены при этой

гимназии.

Все ученики, которых ко мне присылала гимназия, были христиане, в большинстве русские, а некоторые – поляки. Впервые я мог вблизи наблюдать отношение к евреям в этих кругах. Первый мой урок был у Владимирского, полтавского батальонного командира. Их дом стоял во дворе, и к нему вела узкая лесенка. Я должен был пройти через двор. И вот я вижу высокого широкоплечего офицера с черной бородой, который стоит возле окна и громко говорит: «Вон учитель, которого посылает нам гимназия. Выглядит как типичный социалист: черная рубашка, верхняя пуговица расстегнута, в очках и по сторонам смотрит недоверчиво…»

Я вошел. Меня пригласили сесть. «Я попросил, чтобы мне послали учителя-еврея, у меня принцип: репетитор для нуждающихся в переэкзаменовках – только еврей. Наши-то все – пьяницы, подлецы, мерзавцы…» Я поразился. «Сударь, что вы говорите?» – «Не надо мне твоих социалистических выдумок! Я сам главный учитель в своем батальоне. Мне подчиняются десятки учителей. То, что я говорю, основано на опыте. Саша, войди!»

Вошел ученик, высокий светловолосый мальчик с серыми печальными глазами. Он немного стеснялся, однако смотрел на учителя-«социалиста» с любопытством. «Вот наш Саша». Тем временем вошла хозяйка дома, молодая высокая светловолосая женщина с узким лицом. «У него проблемы с математикой, немецким… еще с чем? С историей! Да, его надо подготовить и подтянуть – ладно?»

Второй урок был в доме инженера Рафальского, который отвечал за городское водоснабжение и был поляком-националистом. Госпожа Рафальская, красивая женщина, богато одетая и вся в украшениях, пришла ко мне домой и предложила урок. Надо готовить к экзаменам двух сыновей. Одному предстоят переводные экзамены в четвертый класс: русский, немецкий и арифметика. Другому надо поступать в первый класс, и ему требуются занятия по русскому языку. Плата, которую она предложила, – 30 рублей – показалась мне подходящей, даже высокой. Дети были хорошие, а младший, Кази (Казимир), проявил блестящие способности. Дети очень привязались ко мне. Экзамены они сдали хорошо, а Кази просто поразил всех своим знанием русского языка и способностями к грамматическому разбору. Родители отдали его в аристократическую гимназию, куда евреев не принимали. После того как младший сын сдал экзамены – вступительные в первый класс были последними, – мне послали с горничной плату за уроки в конверте, но

благодарности не выразили.

Через полгода – в декабре 1909 года – госпожа Рафальская снова пришла ко мне. У ее старшего сына проблемы с рядом предметов, и он хочет учиться только у меня. Я поблагодарил и отказался. Прикинулся дурачком и спросил: «Ведь дети сдали экзамены?» – «Прекрасно сдали! А Кази даже вызвал всеобщее удивление своими знаниями». Я сказал: «Не знал. Горничная, с которой вы послали плату, не сообщила мне об этом…» Госпожа Рафальская покраснела, извинилась, что-то пробормотала о каком-то специальном письме, которое ей передали. Я сказал лишь: «Благодарю вас, но я сожалею: у меня нет сейчас свободного времени». И госпожа, выразив сожаление, удалилась.

Среди моих еврейских учеников и учениц была Бат-Шева Хайкина – я готовил ее и ее сестру к экзаменам. Я до сих пор помню приятное впечатление, которое на меня произвела эта девушка – стремящаяся к знаниям, задающая много вопросов, при этом очень скромная. Когда мы встретились здесь, на Святой Земле, она напомнила мне о том времени, когда я ей преподавал: «Я прекрасно помню, – сказала она, – ваши уроки по истории и естествознанию. Первые я помню потому, что они были очень хорошие, интересные и «сочные», а последние – потому, что они были ужасны: сухие, абстрактные, схематичные…»

Зимой 1909 года я подал прошение о получении свидетельства о политической благонадежности и вручил полицейскому офицеру пять рублей «на расходы», чтобы ускорить дело и чтобы он проследил, чтобы все было отправлено по правильному адресу, и не вышло так, как в прошлом году.

Тем не менее директор гимназии утверждал, что с моими документами что-то не в порядке, как обычно у евреев: в одном месте я записан Бенционом Залмановичем, в другом – Бенционом Залмановым. Однако когда я доказал ему, что оба удостоверения подписаны христианскими чиновниками государственных учреждений, и оба окончания – «-ов» и «-ович» – являются правильными, он принял мои документы, сказав: «Допустим, что так оно и есть, но все равно все это не имеет никакого смысла». Этот приговор – «нет никакого смысла» – был очень распространен. По-видимому, не только я удостоился его услышать. Многие из тех, кто готовился к экзаменам, отказались от мысли их сдавать или стали искать другое место для достижения своих целей. Было немало людей, уже подавших прошения, но забиравших их назад. Несмотря на это, осталось тридцать восемь экстернов. Из них на письменных экзаменах провалились тридцать пять, подавляющее большинство – на сочинении. Только троих допустили к устным испытаниям. Среди

потерпевших неудачу на сочинении был и я. Тема была такая: «Возвышенную цель поэт избрать обязан» (Баратынский «Гнедичу»).

Из слов директора гимназии я понял, что провалить большинство экзаменовавшихся было решено заранее. Когда объявили тему, я подумал: «Если я раскрою тему только с точки зрения Баратынского и поэтов его поколения (поколения Пушкина) на поэзию – я провалюсь, потому что буду судить исключительно с исторической точки зрения, а не по сути дела. А если буду писать по существу, я впаду в излишнюю полемичность и пренебрежение реальными историческими основами». Тем не менее я решил написать краткое вступление и объяснить в нем эти два подхода, разделив сочинение на две части: в первой рассмотреть тему с исторической точки зрения (около полутора страниц), а во второй написать о сути вопроса (около двух с половиной страниц). Еще страницу я выделил для вступления и тезисов сочинения. Во второй части я написал, что искусство, по сути, свободно, а слово «обязан» следует понимать как внутренний, духовный долг, ставящий перед поэтом «возвышенную цель». Это относится и к поэту – автору высказывания, в поэзии которого сильны рациональные основы. Я успел несколько раз перечитать свое сочинение, поправляя стиль и почерк. Мне казалось, что все правильно… отвечает всем требованиям, согласно которым следовало писать сочинения. Но мое сочинение было признано неудовлетворительным из-за «излишнего философствования», ибо «обязан – это обязан», и здесь «нет места философским рассуждениям не по теме». А еще из моих исправлений в сочинении выяснилось, что я боюсь переносить слово со строчки на строчку, и это свидетельствует о моей неуверенности в знании языка…

У меня был русский ученик-семиклассник, Морозов, симпатичный юноша, сын одного из преподавателей военного училища. Он хорошо учился по точным наукам, но был слаб в гуманитарных (литературе и истории), и из-за этого ему могли отменить правительственную стипендию, которой он прежде удостоился. За год занятий мне удалось подтянуть его до уровня одного из первых учеников в классе. Он и вся его семья: мать, сестра и даже отец – в те часы, когда он был «в себе» (обычно он был пьян и сидел в своей комнате), – относились ко мне чрезвычайно сердечно. На следующий день после объявления результатов письменных экзаменов учитель русского языка в седьмом классе, который проверял сочинения, обратился к Морозову: «Я провалил вашего учителя, Морозов! Как его? Динабург? Да, говорят, что он хороший учитель, – а провалился!

Много философствовал! Что вы на это скажете, Морозов?» «Жаль! – сказал Морозов. – Но нет сомнения, что если бы Динабург был экзаменатором, он мог бы провалить кого-то из-за того, что тот мало философствует!» Ученики засмеялись. Этот преподаватель не был «великим ученым». Его определение поэзии «мировой скорби» служило ученикам источником шуток. «Печаль – говорил он, – это скорбь, грусть; «мир» – это вселенная, все сущее. Поэзия мировой скорби – это поэзия грусти по всей вселенной».

«Срезание» экстернов на экзаменах пробудило в Полтаве совесть либерального общества. Председателем родительского комитета гимназии был известный врач, являвшийся также членом правления Всероссийской ассоциации врачей имени Пирогова. Он покинул заседание преподавателей, на котором было решено провалить экзаменующихся, и распространил в городе информацию, что провал экстернов был обусловлен политическими и национальными причинами (антиеврейскими). Через несколько дней меня пригласили к писателю Владимиру Короленко – приглашение содержалось в письме от врача, председателя родительского комитета, которое принес мне один из моих русских учеников.

Встреча была назначена на пять часов вечера. Меня попросили никому о ней не рассказывать. Короленко жил довольно далеко от меня, возле городского сада, в двухэтажном доме. Писатель сидел на заднем дворе под деревом. Он протянул мне руку, поблагодарил меня за то, что я ответил на его приглашение, ввел в красивую комнату и усадил возле открытого во двор окна, а сам сел рядом. Он пригласил меня, потому что хотел поговорить об этой истории с недавними экзаменами в гимназии и провале экстернов. Он уже собрал кое-какие сведения, приглашал к себе отдельных людей и беседовал с некоторыми из сдававших экзамены. И вот что он хотел спросить меня: как экстерны готовятся к экзаменам, какая у них подготовка и условия учебы. Я рассказал ему все, что знал, а в конце сказал: «Может, будет лучше, если я расскажу о том, как я занимался в течение последних двух с половиной лет, которые я посвятил подготовке к экзаменам?» Короленко слегка улыбнулся, его загадочно сияющие глаза на мгновение блеснули, и он сказал: «Я не хотел вас обременить. Само собой разумеется, что послушать об этом было бы для меня наиболее интересно и, я очень надеюсь, изрядно бы прояснило для меня картину». Я кратко рассказал ему о своих занятиях, о том, какими знаниями по различным предметам я обладал в день приезда в Полтаву, и методах, которые я использовал для улучшения своих знаний, о

товарищах, которые мне помогали, а также о своем особенном интересе к изучению русской литературы и истории. Я объяснил, что эти два предмета интересуют меня в связи с еврейством. Русская литература и ее идеалы очень повлияли на еврейскую литературу и общественные движения русского еврейства. А в русской истории для меня есть дополнительный интерес: она может служить, с нескольких точек зрения, введением в общую историю. С каких точек зрения? Прежде всего с точки зрения места идеологии в организации разных слоев общества. Мои слова о русской истории и литературе придали разговору совершенно другое направление. Короленко спросил меня, есть ли у меня программа каких-то исследований и публиковал ли я уже что-то в этой области. Я сказал, что до настоящего времени был занят только подготовкой к экзаменам, чтобы поступить в университет, и поэтому отложил всю систематическую работу. Я хотел бы заняться двумя проблемами: историей еврейской интеллигенции с конца XVIII века до наших дней и попыткой описать идеологический портрет одного из последних поколений (конца XVIII или конца XIX века). «Эти темы, – сказал Короленко, – относятся к области еврейской истории и не связаны органически с русской литературой или историей». – «Конечно, но я и не думаю писать о них на русском языке. Я планирую писать на иврите или на идише – для еврейского читателя». – «Даже для еврейского читателя можно писать по-русски». – «Только в России – а в работе будет смысл, если она будет иметь органичную связь с языком». – «Это правильно». И Короленко рассказал мне о еврейских писателях (он назвал их по именам), которые посылали ему рассказы, а он уклонялся от их публикации, хотя они были написаны талантливо. «С точки зрения мотивов и тем они были слишком подвержены влиянию русской литературы, а с точки зрения формы, выразительных методов и литературного стиля они были слишком еврейско-библейские. С нашей точки зрения они интересны только как факт истории литературы, в то время как с еврейской литературой они связаны органически и являются ее неотъемлемой частью. И то, что с нашей точки зрения недостаток, является большим преимуществом для литературы еврейской».

Я ушел от Короленко около семи. Незадолго до моего ухода Короленко вернулся к теме экзаменов в полтавской гимназии и расспросил меня о некоторых подробностях, уверив меня, что если он решит писать об этом, он не станет вдаваться в детали, упоминать имена и даже намекать на них, а лишь прояснит общественную значимость произошедшего. Он поблагодарил меня за то, что я ответил на его приглашение, и за сведения,

которые он от меня получил. Я получил приглашение приходить к нему, когда я захочу, – следует лишь предупредить заранее. Он спросил мой адрес и проводил до ворот. Через несколько недель в московской либеральной газете «Русские ведомости»{592} появилась большая статья Короленко, посвященная истории с экзаменами в Полтаве и директору гимназии Клуге.

В этой статье Короленко с большим мастерством осветил историю полтавских экзаменов. Он привел основные факты, рассмотрев их как классический случай произвола, отражающего нравственные реалии российского общества. Не знаю, вошла ли эта статья в собрание сочинений Короленко, но в ней проявился его талант поднимать темы, которые кажутся мелочами, случайными эпизодами, на высокий общественный уровень, схватывая их глобальную значимость. И действительно, статья привлекла большое внимание общества; я следил за газетными откликами, которые появлялись после ее выхода. Помнится, в одной из антисемитских газет, выходившей то ли в Киеве, то ли в Харькове, появился отклик, вызвавший у меня повышенный интерес. В разделе «Новости прессы» редакция отметила, что, по ее мнению, либеральный писатель Короленко прав, и следует из соображений гуманности отменить привилегию, данную евреям, которые могут сдавать экзамены на аттестат зрелости без всяких ограничений. Следует и на этих экзаменах следить за соблюдением процентной нормы: число еврейских студентов, допущенных до экзаменов, должно составлять не более определенного процента от количества христианских студентов, которые хотят сдавать эти экзамены, а если таких нет – пусть евреи тоже не сдают экзамены…

В своих записях того времени я нашел следующий пассаж: «В беседе с Короленко я высказал свое убеждение в том, что наблюдается общая тенденция воспрепятствовать евреям сдавать экзамены экстерном, поскольку такая практика становится одним из методов борьбы евреев с процентной нормой, введенной для них в гимназиях. Поэтому евреев будут и далее заваливать на экзаменах, до тех пор, пока распространение процентной нормы и на экстернов не будет воспринято ими как благо, а не как дискриминация. Короленко не согласился со мной. Он полагал, что все дело в „антисемитизме на местах“ и в „невежестве и злонамеренности“ местных властей». Реакция антисемитской прессы на статью Короленко, как мне казалось, подтвердила мою правоту. И действительно, по прошествии двух лет процентная норма была распространена и на еврейских экстернов. Но к этому времени я уже был за пределами России.

Глава 24. Первые шаги на пути к себе (июль 1909 – март 1910 года)

Спустя пару недель после провала на экзаменах меня положили в больницу. Всю зиму я болел, со здоровьем становилось все хуже и хуже. Врач настаивал на срочной операции. Оперировали меня в государственной клинике, затем я лежал там около трех недель. После того как меня выписали, я еще две недели лежал дома – у меня была большая кровопотеря и еще в течение двух месяцев после операции я ощущал слабость; все это время я занимался «подведением итогов», которое повлияло на весь ход моей дальнейшей жизни.

В те дни я очень остро ощутил, насколько я одинок. Меня неожиданно постигло разочарование во всех моих близких и друзьях. Казалось, что никого из них не трогало мое самочувствие. Меня не покидало ощущение, будто я остался один на всем белом свете.

Больница была переполнена до отказа. Основной контингент больных составляли крестьяне и рабочие, «пролетариат». Меня почти никто не навещал, и это сближало меня с остальными больными. Хотя, конечно, то, что у меня были книги и я их читал, и то, что в графе «род занятий» у меня было записано «учитель», несколько поднимало мой социальный статус. В целом я ощущал дружеское расположение и уважительное отношение со стороны моих соседей по больнице. Многие из них подолгу сидели возле моей кровати и рассказывали о себе. Надо сказать, что мое пребывание в больнице дало мне возможность заглянуть в такие сферы жизни, с которыми я никогда не соприкасался. В частности, мне запомнились рассказы о семейной жизни в деревне. Сильнее всего меня поразило укоренившееся у моих собеседников полное и глубочайшее недоверие к своим женам. Общее мнение заключалось в том, что женщина – изменщица по своей натуре; почти все больные были убеждены в том, что их жены радуются возможности пожить без мужа и как следует «насладиться своей свободой». Я рассказал им аггадическую историю о сотворении женщины. В Талмуде рассказывается, что женщина была создана из ребра – самого скромного места в человеке. Не из глаза, чтобы не была слишком любопытной, не из уст, чтобы не была болтливой, и не из ноги, чтобы не была гулящей. Все мои слушатели буквально взорвались от смеха и закричали: «Ну и женщина, перехитрила самого Бога! Ведь все эти черты ей присущи, она просто умеет их скрыть?!» А затем они

стали задавать вопросы по Талмуду и еврейской традиции.

Одним из моих соседей по палате был украинский юноша, молодой крестьянин, сельскохозяйственный рабочий в поместье; его звали Грицко. Во время разговора про женщин он громко воскликнул: «Я возьму себе в жены самую страшную уродину! Но зато точно буду знать, что она будет моей…» Я рассказал ему талмудическую историю про раба, которого господин отправил на базар за рыбой, и тот принес испорченную рыбу. Господин поставил его перед выбором: либо заплатить стоимость рыбы, либо получить в наказание сто ударов палками, либо съесть испорченную рыбу. В итоге несчастному рабу пришлось и тухлую рыбу съесть, и наказание палками стерпеть, и деньги заплатить. Слушателям очень понравилась история, и когда Грицко вышел из больницы, все больные нашего отделения напутствовали его криками: «Ты, Грицко, не забудь историю о тухлой рыбе, которую рассказал учитель. Припомни ее хорошенько, когда будешь стоять перед скромным и гладким "ребром"…»

Я тогда записал в тетрадку, взятую с собой в больницу: «Благодаря пребыванию в больнице мне стал ясен истинный и глубокий смысл слов мудреца, говорившего: «Национальное самосознание – это прежде всего желание постоянно быть вместе со своим народом и радость от этой близости к народу». И действительно, мое «подведение итогов» было связано с моей «еврейской сущностью». Думая об этом, я ощущал, как мое мировоззрение претерпевает серьезные изменения; в их важности я убедился через несколько месяцев, когда увидел, что те же мысли и чувства разделяют многие мои друзья. Среди моих тогдашних записей сохранилось немало посвященных пресловутому «подведению итогов». Приведу здесь один отрывок (в переводе с идиша), где записано самое основное: «Еврейский вопрос многопланов и разносторонен. Можно сказать, что он проявляется в каждой еврейской душе. Конечно, существенную его часть составляет экономическое, социальное и юридическое положение евреев в различных странах. Однако кроме того, исключительное значение имеет сила еврейского самоощущения у каждого еврея». Следствием этого является распространенное у наших интеллигентов глубокое противоречие между их «еврейской самостью» и «глобальным мировосприятием». «Сообразно с этим, я ныне определяю себя как сиониста. Я всецело предан Израилю и слежу за каждым нашим шагом по Святой Земле. Более того, я собираюсь связать свою жизнь с Землей Израиля.

Однако должен сказать, что это лишь мой субъективный ответ на собственный еврейский вопрос. Всем своим существом я

связан с еврейством: мысли о нашем прошлом и нашем будущем вошли в мою плоть и кровь; я не хочу и, вероятно, не могу адекватно приспособиться к изгнанию, в котором я живу. Но будет ли объективное решение еврейского вопроса отвечать моим чаяниям? На мой взгляд, это более чем сомнительно».

И вот через несколько дней после того, как я записал эти строки себе в тетрадь, меня пришел навестить Элиэзер Шейн (я написал ему, что заболел, но выздоравливаю). Едва получив мое письмо, он немедленно пришел меня проведать. Я уже лежал дома, но был еще слаб и выздоравливать только начинал. Я очень обрадовался его приходу, отрадно было видеть, что Элиэзер здоров, весел, доволен своей преподавательской работой в школе талмуд-тора в городе Шавли Ковенской губернии и активно занимается решением проблем еврейского образования. Мне было приятно, хотя и удивительно узнать, что Шейн возвращается (или планирует вернуться) к сионистской деятельности и ищет подходящую для этого организационную структуру. Но еще сильнее я удивился, когда мой младший брат Авраам, работавший наборщиком в полтавской типографии и иногда участвовавший в газетных дискуссиях, попросил рассказать ему, сможет ли он найти работу в Эрец-Исраэль: он хочет репатриироваться…

Визит Шейна поднял у меня в доме целую бурю. Моя комната была расположена в квартире торгового служащего, коренастого еврея, человека скромного, застенчивого и расчетливого, который вместе со своей молодой женой старательно и упорно умножал свои доходы и экономил на расходах. Квартира находилась в доме моего лечащего врача, в полуподвальном этаже: из окон моей комнаты виднелись лишь ноги прохожих. После долгих уговоров, в том числе со стороны врача, они согласились, из «особых дружеских чувств ко мне», ухаживать за мной и следить за моим самочувствием и правильным питанием. И вот Шейн обнаружил, что квартирные хозяева попросту наживаются на мне: «усиленное питание», которое они мне готовят, однообразное, грубое и неподходящее, никоим образом не способствует выздоровлению больного, а может скорее ослабить здорового. Шейн посмеялся над моей непрактичностью, сам вник в суть дела, жестко поговорил с хозяйкой, внес «существенные исправления» в мой рацион и взял заботу обо мне под свой контроль…

В период выздоровления я удостоился еще одного нежданного визита. Авраам Модель, хозяин ателье мужской одежды, пятидесятилетний еврей, сионист со стажем, один из ветеранов движения «Бней Маше» С он был другом моего

родственника, Лейба Гельфанда, и водил знакомство с Александром-Зискиндом Рабиновичем{593}), прослышал о том, что я заболел, и пришел навестить меня: не только для того, чтобы выполнить заповедь о посещении больных, но и чтобы узнать, не может ли он мне чем-нибудь помочь…

Это был приятный человек, очень культурный, вежливый и обходительный, исполненный природного благородства. Из беседы с ним у меня создалось впечатление, что он своим визитом тоже выполнял какую-то миссию.

27 июня того же года намечался юбилей – 200 лет со дня Полтавской битвы, когда Петр Великий разгромил войско шведского короля Карла XII. Николай II и глава царского правительства собирались прибыть в Полтаву, и тут возникла проблема еврейской делегации к царю. Изначально подразумевалось, что пред светлые очи царя предстанут в числе прочих и представители еврейского населения. И вот по некоторым признакам выяснялось, что царь не горит желанием принимать еврейскую делегацию. Это вызвало большое удивление, подчас даже панику и возмущение. Нашлись евреи – среди влиятельных в городе лиц, – которые говорили: «Хорошо, пусть это будет открытым выражением ненависти царя к народу Израиля. Пусть все евреи и все мировое сообщество поймут, какая опасность грозит российскому еврейству и каким притеснениям оно подвергается».

Это обстоятельство удручало Моделя, и он излил мне душу и поделился своими печальными размышлениями о положении евреев. Во время разговора Модель передал мне привет от казенного раввина, господина Глезера, и сказал, что тот высоко ценит мою семью со слов своего зятя, известного писателя Цвейфеля, который был хорошо знаком со всем моим семейством. Мне стало ясно, что визит Моделя как-то связан с Глезером. Я сказал ему, что, по-моему, община не должна уступать. Она должна решительно требовать, чтобы делегацию приняли: если ненавистники Израиля делают все для того, чтобы евреев не приняли, то не в наших интересах помогать им. И прямой долг раввина настоять на этом.

Примерно через две недели я встретился с одним из членов делегации – тем самым евреем, высоким земским чиновником, который два с половиной года назад организовывал для нас съезд сионистов-социалистов в Полтаве, и он подробно рассказал мне о том, как все прошло. Всех построили в длинную колонну – начиная с «аристократов» и заканчивая евреями. Различные товарищества и организации шли раньше, чем делегация евреев. Люди из царской свиты все время фотографировали раввина: его

роскошная седая борода привлекала всеобщее внимание. Царь принял преподнесенные ему «хлеб-соль» и ответил на благословение: «Передайте, пожалуйста, мою благодарность членам еврейской общины за чувства, выраженные вами». На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем царь махнул рукой и повторил: «Да, передайте мою благодарность…»

– Что вы думаете о том, что царь дважды выразил нам свою благодарность?

Я сказал: «Если это все действительно было именно так, как вы рассказываете, то эти два раза не стоят и одного!»

– Конечно. Но наш раввин в этом не признается…

Этот же чиновник поведал мне о споре между Николаем II и Столыпиным{594}, главой правительства, по поводу этого праздника. Николай хотел наглядно продемонстрировать свою симпатию к «Союзу русского народа»{595} и другим крайним антисемитским течениям. Ламперт рассказал, что даже земские и городские власти вмешались и потребовали у Столыпина, чтобы царь принял еврейскую делегацию.

Во время приезда Николая II в Полтаву произошел еще один запомнившийся мне случай, послуживший пищей для различных слухов и толков. Одним из крупных городских домовладельцев был р. Хаим Чериковер (дед покойного профессора Авигдора Чериковера{596}). Он был одним из первых приверженцев движения «Ховевей Цион», участвовал в съездах в Друскениках и в Одессе, был сыном свободомыслящего маскила, р. Михаила Чериковера (работавшего учителем в государственной школе и участвовавшего в работе издаваемого Смоленскиным журнала «ха-Шахар»), ортодоксом, имел знакомства в самых разных кругах, и люди относились к нему с большой симпатией. Р. Хаим Чериковер жил недалеко от вокзала, с которого ходили поезда харьковско-николаевского направления. Общину официально известили о том, что царь прибудет поездом из Киева, и вся толпа пошла встречать его к Киевскому вокзалу. Однако этот слух был всего лишь мерой предосторожности, предпринятой полицией. Царский поезд прибыл на Харьковско-Николаевский вокзал, находившийся, как я уже говорил, недалеко от дома р. Хаима Чериковера. На этих улицах практически не было людей; р. Хаим с женой были единственными, кто пошел встречать царя и кричал «ура!». Это зрелище – два старых еврея, одетых в праздничную одежду и кричащих «ура» царю, – так развеселило царских приближенных, что процессия задержалась на минутку и почти все люди из царской свиты стали их фотографировать.

Шейн привез мне в подарок книгу Клаузнера «История Израиля», первый том, который тогда как раз только вышел из

печати. Те дни, что он гостил у меня, были наполнены спорами об истории еврейского народа, особенно по библейскому периоду. Я предсказывал книге Клаузнера большой успех: впервые еврейскому читателю открывалась возможность познакомиться с нашей древней историей как посредством анализа проблем и методов ее исследования, так и посредством разъяснения универсальной сущности «культурного достояния» тех периодов. При этом я подверг очень серьезной, по мнению Шейна, критике предисловие Клаузнера и схематичность изложения. И то и другое мне не понравилось. В предисловии Клаузнер пишет, что все описанное им в книге представляется ему абсолютно достоверным, так как оно органично «встраивается и вплетается в ткань исторической жизни, покоряясь естественному и постепенному ходу развития нашего народа», так что он был бы «сильно удивлен, если бы в то время не произошли описанные события и если бы тогда не были созданы священные книги». Я же утверждал, что этот подход не историчен, и склонялся скорее к мнению Ренана (книга «История израильского народа», часть первая, вышедшая в 1908 году в русском переводе под ред. Ш. Дубнова и ставшая моей настольной книгой). Ренан в своем предисловии замечает, что каждую фразу его книги, относящуюся к прошлому Израиля, следует, очевидно, предварять словами «возможно, было так…». Впрочем, и он признает, что историю Израиля (так же, как историю Греции или Рима) можно трактовать таким образом, будто она происходит «по заранее намеченной программе», под чьим-то «руководством». В одном лишь мы сошлись – что нужно распространять информацию, касающуюся истории еврейского народа, и осуществлять энергичные и организованные действия для укрепления еврейского самосознания; именно в этом направлении движется Клаузнер: вводит читателя в проблематику исследования, разъясняет идеологическое содержание и универсальную ценность культурного наследия каждого периода. Шейн раскритиковал мой принцип – вести читателя анфиладами общей и российской истории, дабы вошел он в чертоги истории Израиля… Такое предварение действительно полезно, но оно должно быть теснее связано с основным предметом – с «чертогами». Шейн просмотрел мои заметки к «Истории еврейской интеллигенции», примечания к «Истории евреев в России» и тетрадь с заметками по актуальным вопросам и остался ими недоволен. Он потребовал от меня двух вещей: большей концентрации и подготовки материалов к печати. Он категорически настаивал, чтобы я начинал готовить к публикации свои исследования по истории евреев и по актуальным вопросам.

Шейн особенно хотел, чтобы я опубликовал свои заметки о распространенных иллюзиях, возникающих при сопоставлении «прошлого и настоящего, общества и индивидуума, формы и содержания».

В те дни мне впервые выпала возможность побеседовать с историком о проблемах исторического исследования. Один из специалистов Харьковского университета по истории России читал в Полтаве две лекции – одну публичную и одну для узкого круга, обе по древнерусской истории. Лекции были интересными, но… поверхностными. Мне показалось, что многое из того, о чем говорил лектор, почти незнакомо ему из оригинальных источников. В своей лекции он перечислял упоминания о России, имеющиеся в еврейской литературе. После второй лекции мне представилась возможность поучаствовать в беседе, я вставил несколько замечаний и по ответам лектора быстро заключил, что это моя оценка была поверхностной, а он блестяще подкован и плавает «в глубинах теории». Впоследствии он обо мне отзывался с одобрением, и мои русские ученики, Морозов и Александров, передали мне, что он спрашивал, кто обучал меня истории… Он решил, что я закончил университет со специальностью по русской истории.

В то время я начал интересоваться еврейским молодежным образованием в Полтаве и, в частности, образованием рабочей молодежи. Как-то раз ко мне зашел в гости Давид Каплан, который в свое время под моим влиянием перешел от социал-демократов к сионистам-социалистам. Он рассказал мне о крымской еврейской молодежи, которая в массе своей отрезана от еврейской жизни. И слыша его слова, проникнутые духом отчаяния относительно будущего нации, я ощутил, что он стоит на пороге возвращения к своей прежней партии… Это повергло меня в тоску. После этой встречи я сделал запись: «Душа моя повержена во прах…»

В сфере моих интересов находилось также профессиональное образование. В Полтаве имелось ремесленное училище для девочек. В его ремесленных классах училось около 120 учениц, а в простых классах – свыше двухсот. Было известно, что в училище преподают иврит, но отношение к этому предмету как со стороны педагогов, так и со стороны учениц достаточно пренебрежительное. Мне рассказывали об учительницах, состоящих в социал-демократической партии, которые воспитывают учениц в духе отчуждения от еврейского народа. Школу финансировало ЕКО. Попечительский совет школы состоял из жителей города. Возглавляла его госпожа Молдавская, жена полтавского миллионера, владельца сахарного завода и

мельницы. Госпожа Молдавская была дочерью р. Давида Фридмана из Карлина. Поговаривали, что она знает иврит. Среди членов совета были также Хаим Чериковер и Авраам Модель. В полтавских газетах стали появляться статьи, направленные против школы и осуждавшие царившую там атмосферу.

И вот в один прекрасный день я получил письмо от заместительницы директора школы, госпожи Сандомирской, родственницы известного в городе революционера, в котором она писала, что намеревается прийти проведать меня через два дня, в 11 часов утра. От квартирной хозяйки она узнала, что я в это время не занят. А если я все-таки занят, то она просит назначить ей другое время для визита. Ей необходимо срочно поговорить со мной. Выяснилось, что группа родителей собирается опубликовать письмо в газете в защиту школы и против «националистической пропаганды». Сотрудник редакции, специализирующийся «по еврейским вопросам», сказал родителям, что если оставить письмо в таком виде, в каком оно написано, то это лишь ухудшит образ школы в глазах общественности. Он считает, что родителям надо посоветоваться со мной не только по поводу формулировки письма, но и вообще по поводу всей этой ситуации. Он слышал обо мне немало хорошего.

Я прочитал письмо и долго говорил с преподавательницей. Она принадлежала к типу «хорошей» еврейки, «плененной гоями». Пламенная социалистка, по-своему преданная народу, она возмущалась теми учителями, которые не выполняют свою работу честно, пичкают учениц «правильными» фразами, а когда не могут передать им знания по еврейскому языку и еврейской истории – начинают считать, что во всем виноваты другие. Я пообщался с учителями и с родителями, и они согласились с моей формулировкой письма для публикации в городской газете. Проблема национального воспитания определялась теперь в письме как вопрос о подготовленности поколения к современным условиям сущеетвования нации и дальнейшему ее развитию. В качестве возможных путей национального воспитания были отмечены следующие: а) развитие активного и живого чувства принадлежности ученика к своему народу; б) развитие ощущения исторической преемственности через изучение еврейской истории; в) развитие интереса к еврейскому творчеству и обучение путям его понимания. В письме отмечалось различие между ремесленными классами и обычными и подчеркивалось, что речь идет только о ремесленных классах, в которых общим предметам уделяется меньшее количество часов. А ведь все согласятся с тем, что нет никакой возможности за считанные часы

обогатить учениц широкими познаниями в еврейском языке.

Письмо было опубликовано (с большими сокращениями, но заместитель директора распространила полный вариант письма) и пробудило интерес среди еврейской общественности. На общее собрание в школе пришло множество народа. Мне прислали специальное приглашение; после съезда сионистов-социалистов в конце 1906 года это было мое первое появление на публике. Споры велись вокруг двух вопросов: сколько часов нужно уделять еврейским дисциплинам и нужно ли вообще вести в училище обучение ивриту или же лучше потратить эти часы на обучение чтению и письму на идише, еврейской истории, рассказывать ученицам о современном положении еврейского народа, а преподавание иврита существенно сократить. Дискуссия была очень бурной. В ней участвовали самые видные представители еврейской общины Полтавы. Среди участников были как учителя, так и общественные деятели и большое количество молодежи. Многие критиковали училище, и никто не выступал в его защиту. Обсуждалось «письмо в редакцию» группы учителей и родителей. В нем видели программу дальнейших действий. Мне предстояло дать «авторитетные объяснения» по этой программе. Я определил ее как чрезвычайную программу для ситуации, когда необходимо срочно преодолеть отчужденность и оторванность от народа и создать учебный план на этот период времени.

Я разъяснил понятие «условия существования нации» и заявил, что главными критериями национального воспитания должны быть национальная общность, чувство принадлежности к народу, к дому Израилеву. Я провел различие между ремесленными классами и обычными и высказал мнение, что нужно строить учебную программу согласно этим принципам и пытаться делать необходимые для этого шаги. Многие подвергли критике эти принципы и саму программу. Наиболее ярым критиком был Леон Рубинов – известный сионистский деятель и еврейско-русский писатель; его сентиментальные рассказы из жизни евреев, публиковавшиеся в «Восходе», «Будущности» и «Еврейской жизни», были в свое время очень популярны и считались отличной сионистской пропагандой – красноречивый и эмоциональный оратор. После него выступил Виткин, один из городских лидеров движения «Поалей Циан», с витиеватой и энергичной речью. Выступление его сводилось к защите иврита, без которого невозможно говорить о каком бы то ни было еврейском воспитании. Большое впечатление произвела на меня речь Яакова Теплицкого, зятя Ильи Чериковера{597}, известного юриста; он родился в Полтаве, но жил в Москве и приехал навестить родной город и принять участие в собрании. Его речь

была логична по сути, интересна по форме и глубока по содержанию. «Идея о том, что можно разграничить содержание и форму, – не что иное, как иллюзия, – говорил Теплицкий. – Между ними нет границы. Любая форма – это содержание, а любая новая форма, применяемая к старому содержанию, подразумевает изменение содержания. И идея о том, что на воспитание влияет конкретное, ощутимое, реальное и близкое, – тоже не что иное, как иллюзия. Именно иррациональное и нереальное, далекое и благородное воспитывает сильнее всего». С этой позиции он выступал против моих принципов как основы новой программы и как руководящей установки для национального воспитания. Особенно меня удивили рассуждения про «форму и содержание»: они слово в слово совпадали с моей концепцией, которую я зачитывал Шейну две недели назад из моей тетради… Но самой поразительной вещью на этом многолюдном собрании стала для меня энергичная речь старика Хаима Чериковера. В своей простой и сердечной, прочувствованной речи он сообщил, что согласен с каждым моим словом. В современном национальном воспитании, делающем ставку только на иврит, ему видится *«арон кодеш* без Торы». И он предлагает собранию принять мое предложение по принципиальным соображениям и передать попечительскому совету, что реформы в школе будут происходить в соответствии с моими тезисами. Предложение было принято подавляющим большинством голосов. За него голосовали, помимо Чериковера, еще несколько ветеранов «Бней Маше» и «Ховевей Циан». Историк Илья Чериковер, также присутствовавший на собрании, подошел ко мне и поблагодарил за ту радость, которую я ему доставил: первый раз в жизни он и его отец проголосовали одинаково…

На этом собрании я приобрел новых друзей. И в первую очередь – семейство Чериковеров.

На следующий день меня пригласил на обед р. Хаим Чериковер. Мы приятно провели время за беседой о палестинофильстве и о том, какие движения были рождены палестинофильством и сионизмом в России. Я поразился тому, с какой последовательностью и стойкостью старый р. Хаим Чериковер выступает против какого бы то ни было участия евреев в революционном движении. Мне хорошо запомнилось, с каким энтузиазмом р. Хаим говорил о том, что мы не можем даже вообразить себе размеры катастрофы, к которой способно привести евреев участие в революции. Ненависть масс к евреям чрезвычайно глубока. Нелюбовь государственных служащих к евреям – это верх терпимости по сравнению с ненавистью масс.

Школьный совет предложил мне взять на себя организацию

еврейских занятий в ремесленных классах. Но поскольку количество часов не увеличили, я согласился лишь вести уроки по еврейской истории. В младших классах преподавание велось на идише, в старших – на русском языке. Еврейскую историю я включил в программу по общей истории, тем самым подчеркнув ее культурную и социальную основу. Мои уроки приобрели популярность, и многие стали их посещать: школьные учителя, члены совета и просто мои друзья. Я готовился к урокам и повторял про себя: «Многому я научился у своих учителей, более того – у товарищей, всего же больше – у учеников».

Были и курьезы. В старшем классе, когда я рассуждал о мировоззрении пророков, встала одна ученица, нескладная, но хорошо причесанная девочка, и решительно сказала: «Но, господин учитель, ведь известно, что Бога нет… К чему все разговоры!»

Я посмотрел на нее и решил, судя по ее прическе и манере разговора, что она дочь парикмахера:

– Ты, верно, слышала эту идею в парикмахерской своего отца? Не стоит считать чем-то самим собой разумеющимся и известным то, о чем люди болтают, ожидая в парикмахерской своей очереди…

В другом классе я рассказывал ученицам о происхождении слова «фараон» и вдруг заметил, что одна ученица разговаривает с подругой и не слушает. Я спросил ее:

– Почему египтяне назвали своего царя фараон *(пара)?*

– Потому что он ошпарился паром…

Я участвовал в собраниях педсовета. И уже на первом собрании огромное впечатление на меня произвела преподавательница, отвечающая за профессиональное обучение, по имени Белла Файнгольд, родом из Херсона. Профессиональное и педагогическое образование она получила в Петербурге и Берлине. Ее непререкаемый авторитет в школе составлял удивительный контраст с ее простотой и скромностью. Она умела найти сердечный подход к каждой ученице, и они все ее очень любили. Мы подружились, и в начале месяца ияра она вышла за меня замуж – в Одессе – и с той поры стала моей верной подругой. Ей я и посвящаю эту книгу.

Одним из поводов для «подведения итогов» во время болезни было «установление времени для Торы». Я почувствовал, что это требует усилий: книги, которые мне привез брат из дома, я забросил в дальний угол. В прямом смысле слова. В Полтаве была еврейско-русская библиотека, в которой имелось более восьми тысяч книг. Я был одним из постоянных читателей библиотеки и регулярно штудировал старые издания периода Гаскалы (очень

мало кто брал эти книги), собирая материал для моей книги по истории еврейской интеллигенции; но все это чтение и сбор материала (который я показывал только Элиэзеру Шейну), как мне казалось, не приближают меня к себе в нужной мере; я чувствовал, что мне нужно обновить свои привычки, «установить время для Торы», в том числе и для собственно Торы – Танаха, Мишны и Талмуда, независимо от моей научной работы, и только во время учебы и чтения писать заметки для своих научных планов. Я решил, что от этого будет гораздо больше пользы, чем от активного чтения книг по истории России и истории русской литературы, которым я посвящал все свое время, и взял за правило записывать свои мысли – «аналогии» и «суждения» в отношении истории евреев в России – и изучать еврейскую литературу и историю наших «просветителей». Но реализовать это решение было не так у**ж** просто. Эти два года – с того момента, как я начал читать в узком кругу Андриевича{598} и «толковать» его, – я не переставал настойчиво и усердно заниматься историей России и русской литературы, так же, как много лет назад изучением Талмуда. Увлечен я был не меньше, а удовольствия было даже больше. Я проглатывал уйму исследований по истории русской литературы и находился под ее сильнейшим влиянием, особенно мощным было влияние кружка Овсянико-Куликовского{599}, бывшего в ту пору профессором в Харькове (недалеко от Полтавы). У него было много учеников, а книги издавались большими тиражами. В своих многочисленных книгах Овсяника-Куликовский анализировал персонажей из произведений русских классиков – Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Грибоедова, Тургенева и Толстого, Короленко и Чехова, выводя на их основе так называемые «общественно-психологические типы». Краткое изложение результатов своего анализа он опубликовал в книге «История русской интеллигенции». Он раскрывал характерные черты литературных персонажей, анализировал их мнения по «вечным вопросам» человека и общества и их отношение к этим вопросам. Он полагал, что и наше мировосприятие – не что иное, как продукт нашей индивидуальной «душевной деятельности», «субъективное сознание». Получалось, что история литературных героев – это история литературы и ее крупнейших творцов. Я решил проверить истинность этих предположений тремя способами: углубился в изучение мировоззрения этой литературной школы и внимательно читал тома по психологии литературного творчества, изданные кружком Овсянико-Куликовского; читал письма и другие образцы наследия великих писателей; копался в старых журналах, в кипах писем и воспоминаний. И книги

Гершензона{600} «Чаадаев. Жизнь и мышление» и «История молодой России», тогда как раз недавно изданные, мне очень помогли. Я постарался также проверить истинность психологических гипотез Овсянико-Куликовского путем систематических «психологических наблюдений»: прежде всего с помощью анализа собственных реакций, особенно спонтанных, анализировал ход мыслей и ассоциаций и пытался выявить «психологически-социальные типы» своих знакомых и друзей, выясняя их мнения по «вечным вопросам» взаимоотношений человека и общества, и, таким образом, описать типажи «моего современника» и «человека моего круга»…

В этой связи мне вспоминаются два интересных эпизода, произошедших со мной в те годы.

Летом 1908 года мы с Барухом Фишко жили по соседству – снимали две крохотные комнатки в тихом русском доме. Как-то раз мне нужно было съездить в Киев на несколько дней. И вот я стою и разговариваю с Фишко о… Ганнибале. Фишко (у него тогда сильно болела нога) в то время готовился к экзаменам на аттестат и читал XXI книгу Тита Ливия, описывающую начало Второй Пунической войны. Однако судьба Ганнибала интересовала Фишко в те дни не столько из-за экзаменов, сколько по причине болей в ноге… Я нашел для него книги о Карфагене и о судьбе Ганнибала после поражения от римлян. Но книг ему было мало. И вот мы разговариваем, Фишко сидит на подоконнике, а я – рядом с ним. И вдруг мне в голову приходит неожиданная мысль: вот я уеду, и конечно же в квартиру заберутся воры – разумеется, через это окно, – и, когда я вернусь, Фишко останется в чем мать родила… И вот я говорю ему: «Слушай, когда я уеду, сюда, конечно, залезут воры, ты забудешь закрыть окно и не заметишь вора, хотя будешь находиться дома. Скажи мне, пожалуйста, какими моими книгами и вещами ты хочешь пользоваться в мое отсутствие, и я дам их тебе. В мое отсутствие не заходи в мою комнату: я не хочу, чтобы украли мои книги или какие-нибудь вещи».

Фишка посмеялся, сказал, какие ему нужны вещи и книги, я дал их ему и закрыл дверь своей комнаты (не на замок: замка у меня не было).

В среду я вернулся и увидел, что Фишка сидит на кровати в чем мать родила; из его комнаты все украли, не оставили даже рубашки (потом оказалось, что вором был дворник, и спустя неделю вещи нашлись у него в подвале). Я пытался восстановить ход ассоциаций, натолкнувших меня на эту мысль. Но у меня ничего не вышло.

И вот мы сидим на ступенях крыльца в доме Белмана – моего

знакомого, старого еврейского учителя. Это был мужчина высокого роста и с бородой, которую он подкрашивал, дабы не потерять своего «величия». У него было пять дочерей, из них две замужем. В его гостеприимном доме всегда было много молодежи… Я развиваю свою психологическую теорию: о том, что через связи между мыслями и ассоциациями душа приходит к определенному мнению и в ней рождаются идеи – у них есть объективная основа в реальности, они не являются простым результатом «индивидуальной душевной деятельности». Друзья оспаривают и критикуют мою идею. Светит полная луна, и мне очень нравятся замечания одной девушки: она невероятно красива, с пушистой косой, сплетенной из тонких шелково-золотистых прядей, стройная, высокая; точеное личико, глубокий взгляд голубых глаз и длинные черные ресницы. Цаира (это было ее еврейское имя, по-русски ее звали Анюта) была студенткой-медиком в Москве, очень способной, и отнеслась ко мне с большим дружелюбием (во время моей болезни она была в Москве). Мне она тоже очень нравилась, хотя ее заливистый смех несколько остужал мое к ней отношение и мешал возникновению той степени близости, которую многие нам приписывали. И вот мимо нас прошел человек, а с ним девушка. Он поздоровался с нами, и я успел увидеть лишь его затылок.

– Давай попрактикуемся, – говорит Цаира. – Если твоя теория об «объективной основе ассоциаций» верна, то каковы твои ассоциации с человеком, который сейчас прошел? Какое у тебя впечатление от его внешности?

– Я не видел его. Успел увидеть только его затылок.

– Неважно. Для ассоциаций это не имеет значения, даже если ты успел получить только «затылочное» впечатление. Может быть, это даже к лучшему.

Все друзья поддержали ее и решительно, но тихо – поскольку этот человек был в доме – потребовали от меня, чтобы я открыто высказал свое впечатление. Я спросил, знакомы ли они с ним и не обидит ли кого-нибудь моя откровенность.

– Нет!

Сын домохозяина – владелец переплетной мастерской – успокаивает меня:

– Не переживай, ты можешь говорить открыто.

– Итак, – говорю я, – по моему затылочному впечатлению, этот человек занимается… – тут я делаю паузу и заканчиваю шепотом, – работорговлей!

Сын домохозяина, Реувен, говорит:

– Верно, но не совсем точно. Не раба-, а рыботорговлей: он торгует селедкой… Это известный в городе торговец. Его

фамилия Б…ский.

Все смеются. Я продолжаю и спрашиваю Реувена:

– Он ездит за границу?

– Да.

– Часто?

– Не знаю.

– В какие страны?

– Не помню. Кажется, в Константинополь.

– По делам, связанным с рыботорговлей, он ездит в Константинополь? Это кажется мне подозрительным!

Друзья подняли меня на смех. Мне пришлось объяснять ход моих мыслей всем сидевшим вокруг. И прежде всего самому себе.

В газетах в те дни много писали о «торговле живым товаром», о целой сети торговцев; в тот же день я читал трагедию Гёте «Эгмонт», и меня очень впечатлило во втором действии то место, когда Эгмонт встретил людей на улице и все они оказались его сторонниками. Один из этих людей, портной (Эгмонт вспомнил, как его зовут, и узнал его, несмотря на то, что ни разу его не видел), говорит про Эгмонта: «Его шея – лакомый кусок для палача!»

И вот я пытаюсь объяснить друзьям, каким образом мне пришла в голову такая странная идея.

– Затылок господина, прошедшего мимо нас, был жирным, красноватым, слегка лоснился… и вызывал тошноту. Такое вот сочетание отрывка из «Эгмонта», газетных сплетен и вида шеи привело меня к этому «проблеску» мысли.

Мои объяснения никого не удовлетворили, но теперь уже никто не смеялся. Насколько же велико было общее удивление, когда спустя примерно пару месяцев в газетах написали (сначала в киевских, а затем, в тот же день, эту новость перепечатали полтавские газеты), что «торговец Б. из Полтавы арестован за торговлю живым товаром…»

И вот мы сидим – той же компанией, и с нами еще Цибирко, активист «Поалей Цион», недавно вернувшийся из «мест не столь отдаленных», и пытаемся давать друг другу социально-психологические определения, при этом «определяемый» может говорить только «да», «более-менее» или «нет», и больше ничего. Друзья придумывают «определения» моему характеру – отчасти из желания спровоцировать, отчасти от чистого сердца:

– «Способности средние». – «По математике чуть выше среднего». – «Склонность к борьбе, к войне и вообще к деятельности». – «Некоторый талант в этой области», «склонен к душевным терзаниям», «расчетлив во всем», «узколобый националист», «интересуется как будто бы мировыми

проблемами, а занят на самом деле евреями и только евреями». – «Острая бритва со сломанным лезвием». – «Ртуть». – «Улыбка, которая больше прячет в себе, нежели раскрывает», «погружен в книги и живет в своих фантазиях», «питаем стремлениями, весь состоит из желаний и жаждет жизни», «скромный снаружи и гордый внутри», «живет в тесной комнате и думает, что в ней находится весь мир», «человек планов; велик в начинаниях и скромен в их завершениях…»

Я слушал и соглашался. Друзья засмеялись и спросили:

– Как ты сможешь применить свою систему к этим определениям?

– Запишу их к себе в блокнот.

– А после?

– Когда придут дни моей старости, опубликую воспоминания о своей жизни и расскажу об этом.

– Точно?

– Обещаю!

И вот я выполняю свое обещание…

Для меня тогда очень важны были описания характеров и образов людей в жизни и в литературе – в наши дни и в былые времена, – и я много читал, штудировал, копался в материалах и делал записи. И вот, как-то раз, поздно вечером, когда я сидел у себя за рабочим столом, передо мной вдруг – не помню, в связи с чем – предстал Вильно восьми-девятилетней давности и весь тогдашний дом Израилев! Передо мной встали образы, живые и яркие впечатления от этого города, тамошних друзей, библиотеки Страшуна и подшивок журналов «ха-Шахар» и «Бокер ор»{601}. Я не мог заснуть. «Эх, дурак, дурак! Вот он – материал, который тебе надо было изучать и работать над ним. Зачем ты тратишь свое время на изучение истории, в которой ты в лучшем случае будешь знать только внешнюю сторону». Я ощутил прилив стыда. И на следующее же утро я сидел в русско-еврейской библиотеке, занявшись поиском материала.

Я организовал для себя целую систему вопросов, которые, на мой взгляд, должны были подробно освещаться в литературе Гаскалы. Таким образом, по ответам, которые она дает в своих произведениях, я смогу воссоздать образ «еврейского просветителя». Однако через пару месяцев я убедился в том, что большая часть этих вопросов вообще не волновала писателей Гаскалы, в частности, в литературных произведениях ими практически не затрагивались «мировые проблемы». Мне пришлось пойти иным путем: проверить без малейшей предвзятости, какие вопросы их интересовали, и принять факты такими, как они есть; понять, что на самом деле интересует

маскилим и какие проблемы они обсуждают… Разумеется, этот подход требует систематической и всесторонней работы. Но она необходима и важна с исторической точки зрения. Я решил спланировать эту работу. Однако когда я приступил к планированию и окунулся в тему, я почувствовал, что она не сможет стать моей «центральной темой», к которой я мог бы прикипеть всей душой, и что мне действительно нужно «установить время для Торы»…

Что касается подготовленной мною системы вопросов и собранного материала (точнее, материала, который я начал собирать), то я обнаружил, что, по-видимому, следует классифицировать образы и характеры «просветителей» по их отношению к двум проблемам: к языку иврит и к религиозной традиции. На основе своих штудий я сделал вывод, что лучше всего, если я буду систематически собирать материал и попытаюсь изложить свои выводы в двух трудах: а) «Влияние языка иврит на литературу Гаскалы» и б) «Религия и религиозная традиция (вера, Тора и заповеди) в жизни поколения Гаскалы».

Моя сравнительная осведомленность в сфере русской истории и литературы придала мне авторитет в глазах учителей ремесленного училища. Учительницей истории и, кажется, русского языка была молодая еврейка, Надя Гофман, родом из Новгорода, дочь николаевского солдата; она училась на Высших женских курсах в Петербурге и «пошла в народ» – работала учительницей в еврейской ремесленной средней школе в Двинске, а оттуда переехала в Полтаву. Она была социал-демократкой и какое-то время бундисткой. По рекомендации Беллы Файнгольд ее пригласили работать учительницей в Полтаву. Она побывала на моем уроке по еврейской истории и пригласила меня на свой урок по русской истории. Урок был посвящен Богдану Хмельницкому. Подчеркивались украинские социальные и национальные моменты и отрицательная роль евреев – как следствие участия евреев в классовой борьбе. Но не было сказано ни слова о погромах 1648 года и о роли евреев в заселении территории страны. Дети слушали очень внимательно, и урок – с методической и педагогической точек зрения – был успешен. Когда мы вышли, я сказал учительнице:

– Вашему уроку недоставало надлежащего завершения.

– Какого?

– Вы должны были закончить известной статьей историка Костомарова. В журнале «Киевская старина» за 1883 год была статья «Жидотрепание в н. XVIII в.», и вывод, напрашивающийся после чтения статьи, был такой: «бейте евреев»…

Я дал ей почитать хронику Н. Ганновера{602} «Пучина

бездонная» («Богдан Хмельницкий» в русском переводе Шлама Мандельберна) и посоветовал прочесть отклик Дубнова в «Недельной хронике» журнала «Восход» за тот же год, посвященный этой статье Костомарова. Долгое время я находился под тяжелым впечатлением от этого ужасного и «успешного» урока в еврейской школе, урока о погромах 1648–1649 годов для еврейских подростков 15–16 лет.

Обо всех своих впечатлениях от школы и о своих занятиях еврейской историей я написал Элиэзеру Шейну. Но к своему большому удивлению, ответного письма я не получил. Я решил послать письмо хозяину квартиры, в которой Шейн жил в Шавли, фотографу по фамилии Закс, и выяснить у него, в чем дело. Спустя неделю я получил открытку с таким текстом: «Жил в Шавли учитель, и имя его Элиэзер Шейн, выдающийся человек, поразивший всех в школе талмуд-тора; и вот ему не понравилось несколько человек, он строго оценил некоторые поступки, и в один из дней, «на рассвете утра», он встал и покинул город, ни с кем не попрощавшись, не сказав никому «до свидания»; и если вы хотите найти его, то он в Вильно, а может быть, и в Одессе».

Тем временем друзья начали торопить меня с отъездом из Полтавы. Директор школы узнала о моем отъезде и его причинах. Пошли слухи, что я собираюсь уехать за границу… И вот, в начале марта 1910 года, я втихую (никто из знакомых не провожал меня) уехал в Одессу.

Глава 25. «Время для Торы» – период сомнений и раздумий. Отъезд в Берлин (Одесса, Херсон, апрель 1910 – октябрь 1911 года)

Я приехал в Одессу без какой-либо ясной цели, покинув Полтаву в последний момент. Друзья написали, что на суде действительно упоминали о моей партии и что на меня повесили столько статей, что я мог бы гордиться, если бы эти обвинения соответствовали истине. Суд проходил за закрытыми дверями. В качестве статьи обвинения фигурировали «действия по организации вооруженного восстания»; при этом были намеренно искажены даты и факты и добавлены различные домыслы. Обвиняемым был мой земляк и ученик, ставший затем сионистом-социалистом. Мы с ним не прекращали переписываться. За то время, что мы не виделись, он стал активистом партии большевиков, и эта деятельность послужила причиной его ареста. Его приговорили к четырем годам каторжных работ. Глядя на ход судебного расследования (мой знакомый адвокат подробно рассказал мне об этом «интересном заседании»), можно было предположить, что тайная полиция надеется вскоре привести на скамью подсудимых остальных сообщников и «руководителей» обвиняемого. В суде была зачитана моя программа 1905–1906 годов о создании местных внепартийных «комиссий по безопасности», о способах оснащения их оружием и о том, какой системой должны руководствоваться революционные партии в своей деятельности. К этой программе обвиняемый добавил несколько «собственных» идей. По этой последней дате и установили время написания программы и на основе этой и других подобных улик отправили парня на каторгу… Там он, очевидно, «перевоспитался», и в 1917–1919 годах я встречался с ним – он был одним из влиятельнейших активистов в Екатеринославе и в Киеве (был сподвижником Раковского{603}).

В Одессу я приехал без какого-либо конкретного намерения: у меня имелось только общее решение посвятить как можно больше времени систематическому изучению еврейской истории. Каждый исторический период я планировал изучать в контексте его общей истории. Свою работу я намеревался вести по первичным источникам. И лишь изучив их как следует, буду описывать эти исторические периоды и рассказывать о событиях в

исчерпывающем и точном изложении. Я записал у себя в тетради: «Мне следует учить еврейскую историю по методу рабби Акивы бен Йосефа{604} и его ученика рабби Йосе бен Халафта{605}. Про рабби Акиву сказано: Кому был подобен рабби Акива? – Нищему, который взял свою корзину и вышел в поле; нашел ячмень – сжал и положил в нее, нашел пшеницу – положил в нее, то же самое – с бобами, то же самое с чечевицей, и когда вернулся домой, рассортировал все, отделил пшеницу от ячменя. Так поступал и Акива: он впитывал все, о чем говорили в академии, и, оставшись один, старался разложить по местам добытое им… И пойду также по стопам рабби Йосе: все, что он говорил, было обосновано и аргументировано так, что находились мудрецы, которые говорили, что надо прислушиваться к его мнению, даже если оно противоречит мнению большинства мудрецов…» Огромный путь, долгий и тяжкий. Я был рад, что у меня есть верная подруга, с которой можно идти рука об руку по этому тяжелому пути. Мы договорились, что она приедет в Одессу на пасхальные каникулы и мы будем планировать наше совместное будущее. Вместе с тем меня не оставляла мысль об экзаменах на аттестат. Как знать, может, стоит совершить еще одну попытку сдать экзамены, еще раз испытать судьбу. Я спросил совета у моего знакомого адвоката, который работал в конторе Сияльского, и тот посоветовал мне уехать из Полтавы. Лишь в апреле пришел ответ: подробный совет, как можно избежать запроса в полтавскую полицию и как надо указывать свое место жительства… Тем временем я пропустил срок подачи, и мое заявление не приняли.

Сразу после приезда в Одессу я решил найти Элиэзера Шейна: вдруг он в Одессе? В России в больших городах были «адресные столы» под эгидой полиции и городской управы. В них были собраны адреса всех жителей. За умеренную плату можно было получить адрес любого гражданина. Итак, я выяснил, что Элиэзер Шейн действительно живет в Одессе, и спустя всего полчаса я уже был у него.

Он очень сильно удивился. Батья Лившиц тоже была в Одессе. С их помощью и с помощью их друзей мне удалось найти неплохую комнату недалеко от них. Я рассказал Шейну о своих учебных планах. Он одобрил их, несмотря на то, что у него были большие сомнения в целесообразности такой интенсивной подготовки. По его мнению, наше положение было несравненно хуже, нежели описанное Йехудой-Лейбом Гордоном в стихотворении «Для кого я тружусь?». Не «сыновья, идущие нам вослед», движутся вперед и удаляются от нас – наши братья, люди нашего поколения, и даже мы сами удаляемся от себя. Главная опасность в том, что национальная отчужденность растет и

ширится среди народных масс. Шейн полагал, что мы должны сделать некий шаг, чтобы приблизить народные массы к нашему духовному наследию – к Танаху. Он решил издать Танах на идише, в современном переводе, с историческим экскурсом. Танах должен выйти в красивых томах, которые привлекут читателя. Он даже заручился принципиальным согласием одного виленского издателя… По его мнению, имело смысл начать с книги Амоса, первого из «письменных пророков»… Он предложил мне поучаствовать в переводе и написать предисловие: «Эта работа во многом в русле твоих учебных планов». И он категорически рекомендует принять участие в этом предприятии. Я согласился участвовать вместе с Шейном в переводе Танаха, но не отказался от своих планов, ни от большого, ни от малых, а решил сочетать их. Участие в переводе Танаха будет сочетаться с изучением древней еврейской истории, штудирование литературы Гаскалы – с освоением новой истории, а «время для Торы» (изучение Мишны и Талмуда, мидрашей и сочинений галахистов) будет сопровождаться изучением классической истории и истории Средневековья. Кроме того, мне нужно было заботиться о хлебе насущном. Мои сбережения были весьма немногочисленны, и их с трудом могло хватить лишь на пару месяцев. У меня имелись определенные литературные планы, которые (я был в этом убежден) должны были принести мне доход. Я собирался опубликовать некоторые свои записи – по истории, по истории литературы и некоторым актуальным вопросам, а также психологические записи с иллюстрациями, развивающие «психологическое учение» о «мысленных взаимодействиях», «запоминании впечатлений» и субъективных и объективных основаниях этих процессов… Поскольку вопрос об экзаменах был окончательно снят с повестки дня, я посвятил две недели посещению библиотек и штудированию библиотечных каталогов: публичной библиотеки, где пять-шесть лет назад я проводил почти все свободное время, библиотеки одесского филиала Общества просвещения евреев{606} и библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев.

В последней из указанных библиотек было, как говорили, около 25 000 томов, и пятую часть из них (примерно пять тысяч) составляли еврейские книги. Это была очень серьезная библиотека, и ее начальство старалось учитывать мнение читателей и по мере сил шло навстречу их пожеланиям. В библиотеке имелся изданный каталог еврейских книг под редакцией Ахад ха-Ама, Дубнова и Равницкого{607}.

Это общество было основано в 1863 году, и по его библиотеке можно было судить об изменениях в одесской сфере образования.

В этой библиотеке я обнаружил целые залежи книг, относящихся к литературе Гаскалы, изданных в Одессе. Примерно 75 еврейских книг, вышедших в 60-70-е годы прошлого столетия: Йосеф-Йехуда Лернер{608} и Ури Ковнер{609}, Александр Цедербаум{610} и Цви-Кохен Шершевский{611}, Элиэзер Шульман{612} и Ицхак Варшавский{613}, Элияху Варбл{614} и Исраэль Ралль{615}, Маше-Лейб Лилиенблюм и Перец Смоленскин, Яаков-Цви Соболь{616} и Яаков-Шмуэль Трахтман{617}… Кроме того, я нашел там книги и брошюры на идише, по-русски и по-немецки, написанные одесскими «просветителями»; я был очень рад этим книгам: в них имелось огромное количество материала по восьми темам, касающимся истории еврейской интеллигенции, которые я выбрал в качестве центрального пункта в своих штудиях.

Вот темы, над которыми я работал: понятие «маскил» («просветитель») и его определение в литературе Гаскалы; религиозное сознание и религиозное чувство у маскилим; отношение к практическим заповедям, к практическому закону (Галахе) и к практическим действиям, пристрастие к «древнему языку»{618}; развитие наук о еврействе и их ценность с общественной точки зрения; «общественный долг» с точки зрения маскилим и еврейское общественное чувство; отношение маскилим к правительству, к христианскому обществу и политические взгляды маскилим; отношение маскилим к простым людям, к «языку народных масс»{619}, социальные воззрения маскилим. Каждой из этих тем я решил посвятить отдельную главу с вводной частью и перечислением источников.

Собранные мною тогда материалы по этим темам (частично они сохранились у меня до сих пор) приносили мне пользу в течение последующих 25 лет – в качестве основы моих университетских лекций по истории евреев в России.

Однако библиотека Общества просвещения евреев произвела на меня не меньшее впечатление. В общем и целом она насчитывала порядка 6000 томов; и хотя значительную их часть составляли книги по иудаизму, но в большинстве своем это были очень старые книги. Помню, когда я зашел и попросил в этой библиотеке книгу Шрадера{620} «Клинопись и Ветхий Завет» (Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament), мне выдали первое издание книги, вышедшее в… 1872 году. Я сообщил библиотекарю, что меня и в самом деле интересует история Древнего Востока, но по новым книгам, а не по старым, и к тому же меня интересует третье издание, которое значительно отличается от первого: книгу, которую он мне выдал, саму по себе можно отнести к разряду древностей… Ответил он мне на это

довольно-таки нелюбезно. Тем не менее я нашел в этой библиотеке несколько весьма полезных книг, обеспечивших меня научной работой почти на все лето: последние издания книг Вельхаузена «Введение в историю Израиля» (Prolegomena) и «История Израиля и Иудеи» (Israelitische und judische Geschichte), книгу Ройса{621} «История священных книг Ветхого Завета» (Reuss, Geschichte der heiligen Schriften des Alten Testaments), вышедшую в 1881 году, и комментарии Новака{622} к малым пророкам. Мы приобрели также многотомник – еврейское научное толкование Танаха, изданный Кахане{623}. Все эти книги дали нам богатый материал для споров и обсуждений. Во время работы над переводом и предисловием, которое должно было стать преамбулой для повествования о профетической литературе, мы много и плодотворно беседовали.

Примерно в конце месяца сиван мы закончили перевод Амоса и я закончил предисловие. Элиэзер сказал, что он собирается показать перевод одному специалисту, чтобы тот высказал о нем свое мнение. Он хотел, чтобы перевод посмотрел Рав Цаир (р. Хаим Черновиц{624}), который был главой одесской йешивы. Элиэзеру казалось, что это один из тех мудрецов, чье «сердце открыто для нужд народа».

В один прекрасный день мы зашли в библиотеку йешивы, попросившись взглянуть на книги, и обнаружили рабби Черновица, который стоял у полки и читал книгу, а неподалеку, возле одного из столов, стоял молодой человек лет двадцати и штудировал Талмуд. Вдруг Элиэзер сказал мне: «Давай обратимся с вопросом не к ребе, а к его ученику. Этот юноша кажется мне более симпатичным; похоже, что он поймет нас лучше, чем учитель…» Звали юношу Йехошуа Гутман{625}. Элиэзер договорился с ним, что он придет к нам и посмотрит перевод. На следующий день он пришел к нам в указанное время. Мы прочитали ему перевод и даже, кажется, предисловие. Ему очень понравилось, хотя он выразил – в очень осторожной форме – сомнение в успехе предприятия. Потом Элиэзер прочитал перевод еще нескольким учителям – и обратился к тому самому виленскому издателю, который в свое время согласился финансировать эту затею. Мы решили, что будем продолжать работу над переводом, только подписав соглашение с издателем о гарантированном выходе книги в свет. Никаких гарантий мы не получили, и рукопись осталась лежать в ящике моего стола, где и пребывает до сей поры.

Остальные мои планы также не увенчались успехом. У Гутмана я свел знакомство с несколькими молодыми писателями, среди которых были Натан Гринблат (Горен){626} и М.-Э.

Зернинский (Зак)[627], работавшие в то время над вторым выпуском альманаха «Таль» («Роса»)[628]. Натан Гринблат обратился ко мне как-то раз с вопросом-предложением: «У меня такое впечатление – судя по стилю твоей речи, – что ты грешил изящной словесностью, а возможно, и до сих пор продолжаешь грешить. Не дашь ли нам вкусить плоды твоих грехов?» Я согласился и вскоре передал ему рассказ под названием «Зимней ночью» (из жизни Шимона Гринберга). Через какое-то время Натан Гринблат попросил разрешения «подредактировать рассказ или даже переработать его для последующей публикации». Однако я был против того, чтобы в текст вносились какие бы то ни было изменения. Я сказал ему: «Ни за что не соглашусь на переработку текста; боюсь, что это для него смерти подобно», – и попросил его вернуть мне рукопись.

В том же году в Одессе появилась ежедневная газета на идише «Гут морген»[629] («Доброе утро») под редакцией Э.-Л. Левинского[630]. Я решил написать для нее злободневную статью про Государственную Думу – в том стиле, в каком я время от времени писал статьи в русские газеты Киева и Харькова. Секретаря редакции звали Шалом Шварц (Бен-Барух). Я принес ему две статьи. Он быстро пролистал их, усмехнулся и сказал: «Мы бы с радостью вас опубликовали. Похоже, у вас уже есть опыт в написании подобных статей. Но эта тема не интересует наших читателей. Мы сокращаем рубрику о русской политике. Нас не интересуют нюансы. С национально-воспитательной точки зрения это не интересно и не полезно». Его слова показались мне вполне разумными. Шварц предложил мне написать о внутренних еврейских проблемах, но убогое зеркало и жалкая мебель редакционной комнатенки пробудили во мне обоснованные подозрения, что я вряд ли сумею поправить свое материальное положение, сотрудничая с такой газетой.

Тем временем моя работа по сбору материалов для «Истории еврейской интеллигенции» активно двигалась; особенно меня интересовала оценка еврейского языка поколениями Гаскалы. Я решил подобрать соответствующие материалы и сделать специальный тематический обзор. По совету друзей я посетил д-ра Й. Клаузнера, редактора журнала «ха-Шилоах», предложил ему эту тему и спросил, напечатает ли «ха-Шилоах» такую статью, разумеется, если сочтет ее пригодной к публикации. Д-р Клаузнер принял меня очень радушно, однако сказал открытым текстом: «По-моему, не стоит терять время на рассмотрение подобной темы». На его взгляд, в этом вопросе вряд ли можно обнаружить нечто, о чем еще не писали, или что-то, имеющее ценность с исторической или идейной точки зрения. Я осторожно заметил,

что различия в оценке еврейского языка между берлинским поколением журнала «ха-Меасеф» и галицийскими «мудрецами Израиля» и маскилим или же между виленскими и одесскими «просветителями» настолько глубоки и интересны с исторической и литературной точек зрения, что они могут пролить свет на возникновение нашего национального самосознания в последующих поколениях. В ходе беседы между нами завязался спор о том, когда была опубликована статья А. Вайса «Национальная идея в Израиле» в журнале «ха-Асиф» – в 1889 или в 1894 году; то, что я настаивал на своем, похоже, не понравилось моему собеседнику. Я почувствовал, что тема статьи не устроила д-ра Клаузнера… И я очень сожалел об этом.

В Песах на праздничные каникулы в Одессу из Полтавы приехала Белла Файнгольд. Наша «коммуна» возобновилась: Батья и Элиэзер, Белла и я проводили вместе досуг, и даже свадьба Элиэзера и Батьи и моя свадьба с Беллой состоялись в один день. Круг наших друзей был узок: члены сионистской социалистической партии, а также активисты и активистки из сочувствующих – мы общались с ними в свободное время по субботам. Вот одна из дневниковых записей того лета: «Я обратил внимание на то, что темы наших разговоров не имеют отношения к реальности; мы не говорим о практических вещах. Как будто меж нами есть негласный договор – не касаться реальности, смотреть на нее с изрядного расстояния, не замечать «прозу жизни», не мечтать об активной деятельности и даже не задумываться о собственном будущем. Это было чем-то похоже на мой период жизни в Вильно, связанный с «Домом Израилевым», – те же «мировые проблемы», то же душевное беспокойство, та же наивность и те же ответы, меткие и краткие, отпечатывающиеся глубоко в душе, «каждое слово – осмысленно, каждая мысль – свежая». Иногда мне кажется, что некоторые юноши и девушки, приезжающие из белорусских и литовских городков, оказываются как бы выброшенными из своего круга в царство хаоса и суеты и не желают принимать ни этот мир, ни его законы и традиции; они как будто говорят: «У нас есть свое мерило вещей и явлений, и мы от него не откажемся. Наши глаза видят вещи такими, как они есть, а наши сердца свободны и сами чувствуют, что принимать, а что отвергать…» Я читаю Белле эти слова, и она смеется: «Ты фантазер, ты творишь миры в своих фантазиях».

Тем же летом жена познакомила меня со своей семьей: брат жены жил в Одессе, ее родители жили в еврейской колонии, Новополтавке, сестра – в Николаеве, а родители матери – в Херсоне. Во время школьных каникул я взял двухмесячный «отпуск», мы проехали по всем этим местам и везде погостили. Я

близко познакомился со всеми членами этой семьи, которая была тесно связана с общинами Херсона, Николаева и Одессы. В числе их предков были: семья резников, приехавшая из Умани в Херсон еще в первые годы существования общины; виноторговцы, бежавшие из Измаила после его захвата русскими и сохранившие турецкое подданство; каменщики, ремесленники и поставщики флота, принимавшие участие в строительстве Николаева, в создании порта и верфи, а также известные канторы (Шестопал) и музыканты. Про одного из них, прадеда жены Аарона Гольдефтера, рассказывали, что он ставил николаевскую верфь, его уважало все командование флота, и он даже удостоился особой милости Николая I, который обнял его и воскликнул: «Такие евреи мне особенно дороги…»

Первым местом, в котором мы провели почти целый месяц, была Новополтавка, еврейская колония в Херсонской губернии. Это была первая еврейская колония, в которой я побывал, и я постарался побольше узнать о ней. В ней жили примерно 2200 евреев и двести нееврев. Среди последних – семьи немцев-агрономов, которые должны были создавать образцовые крестьянские хозяйства. И действительно, их хозяйства сильно отличались от прочих… Новополтавка была одной из наиболее примерных колоний; там была неплохая сельскохозяйственная школа (основанная Еврейским колонизационным обществом), для которой правительство выделило целых три сотни десятин земли, что положительным образом отразилось на качестве ведения сельского хозяйства.

Я побывал в нескольких крестьянских домах и поразился тому идишу, на котором они говорили. Эти семьи были родом из Курляндии, но при этом в их речи не ощущалось никакого избытка «немецкости». Более всего меня поразил дух «еврейской общинности», царящий в колонии. Как-то раз, во время прогулки, я расспрашивал двоих подростков, уроженцев колонии, про учебу и про школу – они изучали Ирмеяху{631}, и мне очень любопытно было узнать, что они думают о разрушении Храма. И вот в середине разговора один из них восторженно закричал:

«Шнеур, Шнеур, посмотри! Хвост у жеребенка, гляди, какой длинный!» – после чего с ними уже нельзя было говорить ни о чем другом.

В конце лета мы гостили в Николаеве; какое-то время жили на даче у зятя моей жены (господина Гилеля Бронфенбренера). Он работал в Международном торговом банке и был одним из самых видных сионистов в городе. Зять был человеком обходительным и наделенным выдающимися человеческими качествами. Его дача представляла собой просторную «виллу» на

берегу Буга: сад с высокими деревьями, удобные беседки с качелями и даже пристань на берегу реки с привязанной к ней лодкой.

В сущности это был первый настоящий отпуск в моей жизни. Я много гулял, купался, плавал, с удовольствием бегал и даже лазил по деревьям.

В то время, когда мы гостили в Николаеве, как раз была бар-мицва единственного сына зятя. Я подарил ему три книги: еврейский словарь, новое издание Агады и сборник поэзии Бялика. И вот, прямо во время праздника, разгорелся жаркий спор по поводу подарков. Спорили о том, какие книги принято дарить на бар-мицву. Из спора я узнал, что полгода назад один из глав сионистского движения подарил младшему брату своей жены в день бар-мицвы… сборник сочинений Гоголя с иллюстрациями, и среди них – повесть «Тарас Бульба», глумливо описывающую еврейские погромы, причем описание сопровождалось соответствующими иллюстрациями в том же духе. Эти споры подтвердили мысль Элиэзера о степени нашей ассимиляции, понемногу отдаляющей нас от самих себя.

На зиму мы обосновались в Херсоне. Мою жену пригласили работать главным преподавателем в ремесленную школу. Школа располагалась в большом и красивом здании, построенном общиной. В том же дворе была небольшая двухкомнатная квартира – чуть в стороне, с отдельным входом. Ее предоставили моей жене. Квартира была маленькая, но удобная для работы и уединения.

Директором школы была госпожа Надежда Израилевна Кулишер-Бунцельман. Она была младшей сестрой известного историка и этнографа, юриста и общественного деятеля Михаила Кулишера, невесткой одного из авторитетнейших членов херсонской общины и женой юриста, решившего стать художником. В ее характере смешались энтузиазм русских просветителей, филантропическая чувствительность еврейской общественницы и девушки из хорошей семьи и решительность человека, всегда стоящего на своем и не привыкшего, чтобы ему прекословили. Это была очень приятная женщина, хорошо умевшая производить впечатление. Рядом с ремесленным училищем находилась народная школа для девочек и «субботняя школа», представлявшая собой, по сути, вечернюю школу для молодежи – учителя работали там безвозмездно. Среди учителей было немало опытных преподавателей. Между учителями как представителями двух враждующих лагерей – сионистов и социалистов (социал-демократов по сути) – велись частые споры. Директор пригласила меня на собрание учителей «субботней

школы», на котором обсуждалось, как привлечь в школу рабочую молодежь.

Я предложил поставить в центр всего учебного процесса одну тему – «человек, его жизнь, работа и окружение». Литература и арифметика, естествознание и гигиена, география и история – все должно быть подчинено этой теме. Учителя (женщины в большинстве своем) восприняли эту идею на «ура»; была создана комиссия для согласования, и когда программа была готова, меня попросили преподавать… анатомию человека! Гуманитарные дисциплины уже были заняты другими педагогами…

Секретарша «субботней школы» – молоденькая девушка, закончившая или почти закончившая гимназию, – должна была принести мне схемы и рисунки тела человека, и я прочел несколько лекций на тему «путешествие булочки в теле человека». Секретарша Доба Бобров (а ныне, в Израиле, госпожа Мирьям Грушкин) как-то раз, в учительской, спросила меня, не собираюсь ли я устроить «университет» в этой вечерней школе? Я ответил ей:

– Когда-то я мечтал быть профессором. И вот я начал читать лекции, боюсь только, что не по своей специальности…

В целом программа имела успех. На учительских собраниях я говорил, что нужно ввести преподавание истории на основе осознания настоящего и, обсуждая проблемы сегодняшнего дня, «двигаться в прошлое». Эти взгляды вызывали большое сопротивление. По предложению госпожи Кулишер, я согласился дать серию уроков в качестве демонстрации моего метода. В ремесленном училище тогда изучали историю евреев после разрушения Второго Храма. Преподавательница была предельно негативно настроена по отношению к моим «идеям», однако согласилась предоставить помещение класса для этого эксперимента. Послушать урок пришли несколько учителей и просветителей, интересующихся этой тематикой. Среди слушателей был также господин Шломо Невельштейн – муж преподавательницы истории, один из активных сионистов города, человек очень приятный и образованный. Я разговаривал с ученицами о херсонских евреях, о еврейской общине и еврейских организациях. Из разговора следовало, что самые важные заведения в жизни современной общины – синагоги, бейт-мидраши, школы и благотворительные организации, а в прошлом поколении важную роль играл раввинат и раввинские суды. От этого разговора в форме вопросов и ответов, используя все имеющиеся у них знания, почерпнутые из «жизненного опыта и наблюдений», мы перешли к разговору о проблемах еврейского образования, связанных с тем, что у евреев нет собственной

страны, но есть собственные обычаи и культура. Так мы подошли к важности синагоги, бейт-мидраша и раввинского суда, а отсюда – к важности Галахи и Агады, а также Талмуда, обеспечившего единство еврейских традиций многим поколениям евреев всех стран рассеяния.

После моих уроков разгорались жаркие споры между учителями. В частности, господин Невельштейн говорил, что наряду с положительными моментами, имеющимися в моей методике, тем не менее следует признать, что в моей системе преподавания истории непропорционально большую часть занимает рациональный подход и совершенно отсутствует подход эмоциональный. Особенно моему педагогическому методу не хватает той самой «актуальности», о которой я говорил.

Я вспомнил об этом благодаря одному интересному случаю, могущему служить иллюстрацией для «теории ассоциаций». В конце 20-х годов на одном моем уроке в учительской семинарии, когда я объяснял методику преподавания истории, я вдруг вспомнил – абсолютно не думая об этом заранее – про мои уроки истории в Херсоне и про господина Невельштейна. Я рассказал ученикам о споре с Невельштейном и сказал: «Семнадцать лет назад я не принял эту критику. Теперь же я во многом согласен с мнением моего тогдашнего оппонента». И вот, после урока, когда я вышел из класса, мне говорят, что один человек ждет меня в учительской. Я вошел в учительскую – и вижу перед собой господина Невельштейна собственной персоной… Он репатриировался из России и пришел меня повидать.

На одном из собраний учителей вечерней школы я повстречал своего знакомого, Александра, который во время окружного съезда сионистов-социалистов в Житомире был прислан вместе с Аароном Соколовским, чтобы проверить, «вправду ли я – это я» и можно ли разрешить мне участвовать в съезде. Выяснилось, что он живет в Херсоне, его фамилия Бондарчук и он собирается ехать в Париж. Между тем Александр оказал мне неоценимую помощь, найдя учеников. Первым местом, где я начал вести частные уроки, был дом сестры Доры Бриллиант{632}. В свое время Дора Бриллиант была членом боевой ячейки социалистов-революционеров, участвовала в покушении на великого князя Сергея Александровича{633}, была арестована и умерла за решеткой. Как мне рассказывали, Александр очень тепло к ней относился, и об этом знали в ее семье. Племянник Доры тоже был бунтовщиком, но бунтовщиком иного рода: бунтовщиком в учебе… Он был отстающим учеником, и не было никакой возможности заставить его заниматься. Родители, особенно мать, не могли поверить своим глазам, когда

увидели, что их «бунтовщик» вдруг начал учиться. Думаю, что мне удалось заинтересовать его очень простым способом. Я относился к нему с уважением, как к своему товарищу; точно так же, как я вел себя в Вильно с учеником Гамарским. Мать думала, что у меня какая-то особая методика преподавания, пряталась за дверью комнаты, где шли занятия (дверь была открыта, лишь занавеска висела в дверном проеме), и подслушивала урок. Благодаря своим успехам в обучении племянника Доры Бриллиант я прославился как преподаватель, имеющий подход к отстающим и нерадивым ученикам. Таких учеников в Херсоне было много… Через частные уроки я познакомился с огромным количеством херсонских учителей и просветителей.

Меня заинтересовала херсонская библиотека – мне хотелось узнать, что в ней есть из исторической литературы. Я обнаружил две интересных вещи: во-первых, в библиотеке имелся каталог, где были перечислены не только книги, но и статьи в серьезной периодике (в ежемесячниках и альманахах), причем в библиотеке было немало и самой этой «серьезной периодики». Кроме того, оказалось, что в разделе общей истории, в частности древней истории, имеется богатый выбор книг. И мне удалось найти там немало интересного.

Мои систематические поиски различной литературы привлекли внимание библиотекарши. Библиотекарша была караимкой, и благодаря беседам с ней мне удалось немного заглянуть в этот мир, который был для нас столь чужд и далек. Я решил посвятить значительное время изучению древней истории, в особенности римской. Кроме того, я начал изучать греческий, а также продолжал «отводить время для Торы», уделяя особенное внимание изучению арамейских переводов Торы и пророков, дабы использовать их в качестве источника по истории религий и верований в Израиле. Я знал, что я не первый, кто занялся этим вопросом, но у меня не было никакой литературы кроме самих этих переводов… Между прочим, написанные мною тогда конспекты впоследствии многократно меня выручали. Изучение истории Израиля времен Второго Храма и Талмуда пробудило во мне большой интерес к личности Йосефа Сальвадора{634} и его книге «История римского владычества в Иудее». Отчего-то я решил, что у общественного раввина, д-ра Леопольда Гинцбурга, должна быть эта книга. Я помнил, что в книге «История семейства Гинцбург» упоминается д-р Л. Гинцбург в качестве сына автора, Меира-Яакова Гинцбурга, у которого я читал какие-то примечания и нововведения к Талмуду, опубликованные его сыновьями. Я решил отчего-то, что д-р Гинцбург учился в Бреслау во времена Греца и конечно же писал диссертацию, имеющую

отношение к Талмуду и Агаде, и Грец, разумеется, рекомендовал ему книгу Сальвадора, и Гинцбург, естественно, купил книгу Сальвадора в немецком переводе… И кто знает, может, у него есть и какие-нибудь новые книги, например, книга Ширера{635}, которую мне довелось видеть только один раз, в Одессе.

Итак, я решил нанести визит к раввину и попросить, чтобы он дал мне эту книгу на время. В один прекрасный день я пришел к нему, представился и сказал, что я предполагаю, что у него есть книга Сальвадора, и прошу дать ее почитать. Раввин привстал в изумлении: откуда я знаю, что у него есть эта книга? Я сказал ему, что догадался об этом. Он стал расспрашивать меня, для чего мне эта книга нужна. Когда я объяснил ему, что интересуюсь еврейской историей и к тому же читал много книг по еврейской истории по-русски и по-немецки, он спросил меня, знаю ли я еще и иврит. Я сказал: «Да, я умею читать текст на иврите». Раввин сказал: «Нет, я спросил, умеете ли вы читать без огласовок. Тот, кто хочет заниматься еврейской историей, должен хорошо уметь читать книги на иврите, я рекомендую ему учить иврит как следует…» Раввин дал мне еще и свою диссертацию, посвященную «объяснению с исторической точки зрения» первой части трактата «Авот». Он попросил меня прочитать ее и поделиться своим мнением. Через несколько дней я выразил (в очень осторожной форме) свое мнение о его книге: большинство содержащихся там идей имеются в книге на иврите, вышедшей за три года до написания этой диссертации, которая называется «Хекер Авот», и мне странно, что он на нее вообще не ссылается… Восхищение раввина не знало границ, и он рассказал мне, что после того, как он написал диссертацию, его оклеветали перед Францем Деличем{636}, у которого он писал докторскую диссертацию, и у него были большие неприятности. У него хотели даже отобрать степень доктора философии… Но он заверил меня в том, что это всего лишь случай, когда мнения двух независимых исследователей совпадают. Два автора написали об одном и том же…

Д-р Гинцбург был родом из Вильно (он был братом скульптора Элияху Гинцбурга{637}), и у него имелось несколько замечательных черт, присущих уроженцам Вильно: он был человеком скромным, «благодетелем бедных» и довольствовался малым; но мне казалось, что он чрезмерно следовал принципу: «блажен человек, который всегда пребывает в трепете». Он рассказывал о своей учебе в Бреслау, о визитах к Грецу, о стипендии, которую он получал от известного филантропа Самуила Полякова{638}. Его рассказы не пробудили во мне желания отправиться на Запад, хотя он и говорил со мной безо

всякого умысла.

Д-р Гинцбург… На табличке у его двери было написано «Леопольд», его еврейское имя было Лапидот, а звали его… Хлавна. Сопоставив факты, я сделал вывод, что он родственник известного раввина р. Александра-Моше Лапидота{639} из Россиен. Впрочем, он попросил меня не рассказывать ему историю его семьи – он и сам ее знал неплохо, а «ребе из РоссиеН>>, который действительно был его дядей, его никогда не интересовал…

Дирекция школы, учителя, а также д-р Гинцбург сделали мне определенную рекламу и косвенным образом ввели меня в еврейские литературные круги города. В Херсоне было два еврейских литературных общества. Одно представляло собой отделение Общества любителей еврейского языка{640}, а другое было филиалом Еврейского литературного общества{641}. Активистами первой организации были в основном учителя иврита. Вторую организацию возглавлял господин Ш. Файскер, маскил времен 60-х, который в течение 30 лет был главой общины. Он с большим успехом «стриг овец» в годы своего раввинства, и ему даже удалось соорудить себе великолепный каменный дом. Оба общества приглашали меня стать их активистом. Я был секретарем «Литературного общества», а также активистом «Общества любителей языка». В этой организации я прочел на иврите серию лекций по истории новой еврейской литературы. Члены общества собирались в доме торгового агента, жившего близ вокзала, «книжного еврея» – его звали Давид Сегал. Это был приятнейший человек, и у него была отлично подобранная библиотека по истории караимов. Она мне очень нравилась, и я ею активно пользовался. Мои лекции по истории литературы стали итогом моей работы над этой темой в течение нескольких лет. Как-то раз, когда в Иерусалиме на вводном семинарском занятии я рассказывал о своих взглядах, присутствовавший на лекции профессор Ш.-Х. Бергман{642} заметил, что его удивило то, что я не публикую эти материалы: ведь они очень важны как с общеисторической точки зрения, так и с точки зрения содержащихся в них нововведений.

Свою деятельность я начал в Еврейском литературном обществе. В конце месяца хешвана праздновалось семидесятипятилетие Авраама-Элияху Гаркави. Решили провести публичную лекцию на русском языке про Гаркави и послать юбиляру поздравление на иврите в изящной рамке, написанное красивым почерком. У секретаря организации имелось две обязанности: прочесть лекцию и написать поздравление. Для лекции нужно было разрешение из полиции, и разрешение было

получено лишь спустя месяц, во время Хануки. Я решил воспользоваться лекцией о Гаркави, чтобы рассказать широкой общественности о расселении евреев на территории России и показать членам «Литературного общества» пример исторического исследования и анализа источников. Центральной точкой рассказа о Гаркави я сделал три научные дискуссии юбиляра по трем вопросам: история расселения евреев на территории России, переписка рабби Хисдая Ибн-Шапрута{643} с хазарским каганом Иосифом и возникновение караимства. Объединяла эти три темы история про Авраама Фирковича{644}, который раскопал множество древних рукописей и некоторые из них слегка «подправил». И я снова убедился в том, насколько слабо еврейское просвещение: вся эта информация была воспринята как новая, лекцию слушали с необычайным интересом, офицер полиции простоял всю лекцию с открытым ртом, а после лекции аплодировал с таким энтузиазмом, что все оборачивались. Потом подошел ко мне и сказал:

– Никогда не слышал о таких удивительных вещах, а ведь я много занимался историей…

На меня произвели большое впечатление слова госпожи Кулишер, которая порадовалась моему успеху и сказала мне:

– Вы себя страшно наказываете тем, что сидите здесь, в Херсоне, и не пытаетесь выехать за границу. Вы и нас этим тоже наказываете, всех нас…

Но у меня было ощущение, что на нее большее впечатление произвел мой «отличный русский стиль», нежели содержание лекции.

Поздравление для Гаркави я написал рифмованным слогом; в нем были перечислены, сплетены и сотканы по соответствию все опубликованные сочинения Гаркави. Глава организации так торопился отправить поздравление, что я забыл подписать его. Я не обратил на это внимания, и мои друзья сочли это странным. Председатель сказал, что он «торопился» отправить поздравление, чтобы я не тратил на него слишком много времени. Но в 1917 году, когда Общество по распространению просвещения между евреями приобрело библиотеку Гаркави и весь его архив, Гаркави рассказал секретарю организации Каменецкому, что это поздравление дорого ему и взволновало его, потому что оно сочинено его другом детства, Файскером, который вместе с ним в раввинской семинарии в Вильно овладевал еврейской мудростью. Я догадался, что Файскер решил на всякий случай не упоминать мое имя на открытке… И действительно, господин Файскер впитал «еврейскую мудрость» с молоком матери. Об этом свидетельствовала его библиотека,

большая и умело подобранная. А поскольку «Литературное общество» собиралось создать в городе еврейскую библиотеку, то поговаривали о щедрости господина Файскера, который пожертвует свою библиотеку обществу, дабы она стала ядром публичной еврейской городской библиотеки. Господин Файскер дал на это свое принципиальное согласие, но нужно было сделать полный список книг, для чего требовался сведущий человек. Он предложил мне потратить часть своего времени на составление каталога библиотеки. Я согласился. И не пожалел об этом. Там было около 1200 книг, из них примерно 800 книг на русском и на немецком и около 400 книг на иврите. И почти все книги – литература о еврействе. Отборная библиотека. Цунц и Грец, Гейгер{645} и Михаэль Закс{646}, Йост{647} и Захария Франкель{648}, Кайзерлинг{649} и Гюдеман, Бахер{650} и Кауфман{651}, а кроме того – многие десятки современных книг с толкованиями и все речи казенных раввинов, изданные на русском языке в течение последних 40 лет XIX века. Собрание уникальное в своем роде. Среди книг я нашел также и брошюры, принадлежащие перу владельца библиотеки. Среди них – воспоминания о визите Моше Монтефиоре в Вильно… в 5606 (1846) году, т. е. 65 лет назад. В результате всех этих переговоров господин Файскер обзавелся составленным мною каталогом своего собрания книг и пообещал перенести его в здание городской библиотеки, дабы создать там отделение еврейской литературы. Если я ничего не путаю, он даже выполнил свое обещание. Мне он подарил две книги в подарок – «Мелицат Йешурун» Шломо Левизона{652} и «Охев гер» Шадаля{653}. Субботними вечерами в его небольшой квартире мы собирались молодежной компанией (большей частью учителя и прочие интересующиеся еврейской литературой и историей) и обсуждали литературные и научные события, а иногда и разные злободневные вопросы. Круг наш был узок. Моя жена говорила, что руководствуется правилом «остерегаться широко открывать дверь, дабы не нужно было потом закрывать ее…» На этих субботних посиделках друзья убеждали меня поехать за границу.

Как я уже говорил, еще в Полтаве я решил начать готовиться к поездке за границу. Летом 1911 года я написал письмо в Высшую школу еврейских знаний в Берлине, в котором перечислял свои заслуги – талмудическое образование, диплом раввина, полностью изученный мною Вавилонский Талмуд, все те причины, из-за которых мне не удалось получить аттестат в России, желание изучать еврейскую историю – и задавал вопрос, велики ли мои шансы осуществить в Берлине эти намерения. По поводу своих знаний я добавил, что «в тех вещах, которые

несомненно обнаружатся, не имеет смысла врать». Через два месяца я получил краткий ответ, где сообщалось, что они с готовностью примут меня и даже постараются мне помочь по мере возможности, но мне надо заранее быть готовым к тому, что их помощь будет небольшой и эпизодической. Поэтому я должен сам позаботиться о заработке… Друзья стали торопить меня, уговаривали не упускать такой шанс и скорее ехать в Берлин, а все проблемы можно будет решить на месте… На субботних посиделках приятели обсуждали мою поездку, и каждый считал своим долгом поторопить меня.

По совету подруги моей жены, учительницы рисования Иды Синявер (вышедшей замуж за Авраама Мережина{654}, который стал впоследствии одним из лидеров ев секции и был «вычищен» при Сталине), я обратился с письмом в одесское отделение Общества по распространению просвещения между евреями и попросил «стипендию» на покрытие дорожных расходов и частичную поддержку во время учебы. Ответа на письмо я не получил. Я решил поехать в Одессу, чтобы уладить дело лично. Кроме того, я хотел сделать несколько ценных «литературных» замечаний и предложений Х.-Н. Бялику и издательству «Мория»{655}, которое он возглавлял. Момент для поездки был очень удачный: в ремесленном училище готовилась экскурсионная поездка в Одессу, где как раз проходила выставка работ школы «Бецалель»{656}, организованная профессором Б. Шацем{657}, куда моя жена, увлекавшаяся живописью, очень хотела попасть. Поскольку по состоянию здоровья моей жене тяжело было ехать одной, я присоединился к группе «в качестве консультанта по истории Одессы и для проведения экскурсий по еврейским организациям города». Как я уже говорил, я воспользовался поездкой, чтобы нанести визит Бялику.

Незадолго до того Бялик (вместе с Равницким и Друяновым{658}) обратился с призывом к еврейской общественности собирать фольклорный материал. Кроме того, я прочел их сборник «Книга Агады», и у меня было несколько практических предложений и замечаний по доработке книги. Я намеревался предложить Бялику свои услуги по работе в зарубежных библиотеках – собирать материал периода Средневековья для продолжения «Книги Агады»; однако я считал, что материал нужно упорядочивать по форме, а не по тематике… Надо различать народное творчество и произведения писателей и мудрецов, причисленные к литературе Агады только из-за того, что они не дошли до нас в своей оригинальной форме, но при этом на них лежит отчетливый отпечаток индивидуальности. Лишь учитывая этот нюанс, можно будет собрать образцы

народного творчества в той мере, в какой они сохранились в литературе, и ввести в нашу культуру ценности, уцелевшие в оторванной от жизни литературной традиции.

Квартира Бялика находилась на Малой Арнаутской, дом 9, вход со двора. Я пришел к нему в тот час, «когда уже не день, но еще и не ночь». В это время, как сказали мне, можно застать Бялика дома и при этом не оторвать его от занятий. Когда я пришел, он был один. Я представился. Он не помнил нашей встречи шестилетней давности. Главной темой нашего разговора был сборник «Книга Агады». Я в предельно осторожной форме покритиковал принцип, согласно которому литературные произведения в сборнике расположены по содержанию, а не по тематике. Я дал Бялику несколько советов относительно продолжения сборника. Впоследствии я записал наш разговор и опубликовал его в «Кнессете»{659}. На меня произвела глубокое впечатление та логичность, с которой он опроверг мое предложение об изменении структуры «Книги Агады», хотя ему не удалось убедить меня окончательно. Моя идея о написании продолжения сборника, посвященного периоду Средневековья, понравилась Бялику не только сама по себе, но и в связи с предложенной мной системой разделения и структурирования материала по принципу единства формы и жанра. «Здесь, – сказал он, – можно и даже желательно идти таким путем».

Я рассказал ему о планируемой мною поездке в Берлин и о стоящей передо мной проблеме под названием: «не имеющий средств – будет ли учиться?». Бялик засмеялся:

– Тут нужен не вопросительный знак, а восклицательный! Именно когда нет средств – учатся, и это действительно помогает научиться! Так учились во все века и во все времена.

Мы договорились, что по приезде в Херсон я отправлю ему собранный мною библиографический материал по еврейскому фольклору, а в Берлине буду собирать материал для продолжения «Сефер ха-Агада»{660} и «не останусь в убытке»; Бялик сам предложил мне написать в одесское отделение Общества по распространению просвещения между евреями и поторопить их со стипендией:

– Ты ведь из тех людей, в которых они очень нуждаются: «из праха возник и в прах вернешься», учителем был, и к преподаванию вернешься, и учителем останешься до конца дней своих.

Потом мы проговорили еще около часа.

Бялик произвел на меня грандиозное впечатление. Увы, еврейские писатели, с которыми я был знаком, обычно не поражали своей ученостью. А тут поэт, и пожалуйста:

феерическая эрудиция, свежесть взгляда и молниеносные формулировки. Каждая фраза – почти пословица, каждое изречение – «кладезь мудрости». Бялик проводил меня до двери, дружески попрощался со мной, попросил писать ему и зайти к нему еще раз перед отъездом за границу: он хочет дать мне рекомендательное письмо. И напоследок произнес:

– Жаль, очень жаль, что мне так и не удалось заняться тем делом, которое я ощущаю своим истинным призванием. Быть исследователем… изучать еврейскую литературу всех поколений…

Впрочем, хлопоты Бялика пропали втуне. Одесский комитет Общества просвещения евреев соизволил лишь выразить свое «глубокое сожаление» в связи с тем, что ничем не в силах мне помочь. «Спасение» пришло совсем с другой стороны. Одна из подруг жены сказала ей, что некий человек, не желающий называть своего имени, готов дать мне взаймы 75 рублей. У меня были «сбережения» – порядка 25 рублей; я взял еще 50 рублей и подал прошение на паспорт. Жена решительно настояла на том, что мне надо ехать, и как можно скорее. И это несмотря на то, что она должна была вот-вот родить. Она решила уволиться из школы и вместе с моей сестрой Бейлой, приехавшей к нам в Херсон, открыть мастерскую, чтобы иметь возможность быть все время возле ребенка и не отлучаться от него.

В этих условиях особенно остро вставала проблема дорожных расходов и денег на жизнь. Две трудные задачи стояли перед моей женой: во-первых, ей нужно было позаботиться о своем заработке и обеспечении ребенка, а во-вторых, ей приходилось беспокоиться обо мне, собирающемся ехать в чужую страну без копейки денег. Но несмотря ни на что, она не переставая подбадривала и торопила меня.

Баруха Фишко пригласили работать учителем иврита в школу для девочек по моей рекомендации. Он приехал в Херсон примерно за неделю-другую до рождения моего сына (8 хешвана 5671 (1910) года). Через две недели после того, как родился сын, я уехал в Берлин… В последние дни перед поездкой на меня произвели впечатление два случая, на первый взгляд непримечательные, но долгие годы потом я не мог отделаться от «кошмаров», вызванных этими воспоминаниями. В начале сентября был ранен выстрелом Столыпин, российский премьер-министр, – в киевском театре, во время антракта, на спектакле, где присутствовал и царь. Стрелял христианин еврейского происхождения – адвокат Богров{661}, внук русско-еврейского писателя Богрова{662}. Богров был членом партии эсеров и при этом сотрудничал с охранным отделением. Примерно через

неделю Столыпин умер.

В стране ждали начала погромов. Их удалось избежать только благодаря немедленному вмешательству Коковцова[663], преемника Столыпина. И вот, в один из этих дней я зашел в Херсоне на почту, расположенную недалеко от моего дома, и у входа наткнулся на офицера армии, который, по-видимому, рассердился на то, что я не уступил ему дорогу (я не заметил его). Я вошел, купил открытку, встал у письменного стола и начал писать… И вот врывается этот офицер, вынимает саблю из ножен, машет ею в воздухе и орет: «Евреи, Богровы! Всех вас надо уничтожить!» Подошел ко мне и стал махать саблей перед моим носом… Я поднял голову, посмотрел ему в глаза и ничего не отвечал – пока он не ушел с почты. Люди, в том числе и русские, подходили потом ко мне, спрашивали, что случилось, и жали мне руку…

Долгое время спустя в моей памяти всплывал образ этого офицера, кажется, полковника, лет сорока, с суровым лицом и поднятой саблей, которой он размахивает перед моим носом.

Примерно через две недели в Николаев приехал Харитонов[664], государственный контролер и член правительства. Он приехал по семейным делам и остановился у своего родственника, богатого помещика и председателя николаевского окружного суда. От золовки, которая ухаживала за больной хозяйкой и была с ней в близких дружеских отношениях, мне стало известно (по секрету), какие ведутся разговоры в этом доме о евреях. Харитонов говорил: «Евреи и либеральная общественность остро критикуют правительство за его еврейскую политику, но даже не представляют себе, насколько сильно и глубоко царь ненавидит евреев и каковы его планы… Если бы они знали, какие бедствия нам удалось отвратить от евреев, они бы стали к нам совершенно иначе относиться. Но кто знает, сколько времени мы еще сумеем их сдерживать…»

Золовка, приехавшая из Николаева попрощаться со мной, подробно пересказала мне разговор. Ее слова я записал в тетрадь и от себя добавил: «Сведения про царя кажутся мне верными, сведения о «сопротивлении» членов правительства – преувеличенными. Фраза «Кто знает, сколько времени мы еще сумеем их сдерживать» вызывает тревогу».

На следующий день я отправился в Берлин. И перед моим внутренним взором вставала картина: я стою у колыбели моего новорожденного сына, его глаза открыты, они голубые-голубые, смотрят и не смотрят.

Рядом со мной стоят жена и сестра. И здесь же – Барух Фишка, приехавший попрощаться со мной, стоит и ворчит:

– Бен-Циан сошел с ума: бросает красавицу-жену, прекрасного младенца… и отправляется в дальние страны. И все ради чего? Ради… книг?

Моя жена делает ему замечание, но он все равно продолжает ворчать…

Глава 26. В Берлине. Под покровительством Ойгена Тойблера

В понедельник, 22 хешвана 1912 года, через две недели после рождения моего сына, я выехал в Берлин. Сначала надо было плыть на корабле из Херсона в Одессу. Меня пришли проводить родственники и друзья. Жена еще не совсем оправилась после родов, и дорога до порта, большею частью песчаная, была бы ей тяжела.

Я был очень тронут участием и поддержкой, которые выказали мне родные жены (ее тетя и дядя). Они обещали, что будут навещать мою жену каждый день, что они сами и их дети будут помогать ей, говорили, что я могу ни о чем не беспокоиться и целиком посвятить себя учебе. Наверное, при виде моего волнения эти добрые люди почувствовали необходимость меня ободрить.

Ранним утром корабль достиг Одесского порта, а в тот же день вечером я садился в экспресс до Берлина. Перед отъездом я зашел к Бялику, и мы немного поговорили о присланном ему мною библиографическом материале, касавшемся еврейского фольклора, а также методов его изучения. Из разговора я понял, что в данный момент эта тема не занимает Бялика: его замечания носили самый общий и поверхностный характер. Зато он дал мне теплое рекомендательное письмо к Шмарьяху Левину, который летом того года на десятом сионистском конгрессе{665} в Базеле был избран в сокращенный состав центрального комитета, переехавшего в Берлин. Бялик напомнил мне о нашем «договоре» – правда, устном, но заключенном всерьез и по всем правилам, – который предписывал мне заняться сбором материала для продолжения «Книги Агады» времен Средневековья. Бялик не соглашался с моим мнением, что надо ограничиться временным отрезком от периода гаонов до пострамбамовской эпохи. Он предлагал включить в книгу все вплоть до изгнания из Испании. Впрочем, он отложил обсуждение этого вопроса до тех пор, пока я не включусь в работу, – тогда собранные материалы сами подскажут правильное решение.

В тот же день я случайно встретил в Одессе одного из своих друзей, с которым я познакомился в свой первый приезд в Одессу на почве сионистской деятельности. Друг посоветовал мне по прибытии в Берлин обратиться к его приятелю Меиру Гроссману{666}, журналисту с широким кругом знакомств, который, наверное, сможет мне помочь. Более того, он

немедленно дал мне письмо для Гроссмана.

Итак, я сел в экспресс и уже в четверг утром был в Берлине. Я сошел с поезда на улице Фридрих. Час был еще очень ранний. Я оставил вещи на станции и пошел в Высшую школу еврейских знаний. Адрес ее у меня был: улица Артиллерие, 14. Еще в Одессе я вооружился картой Берлина, по которой нашел, на какой станции мне надо сойти с поезда и как добраться до Артиллерие, 14. Поэтому, никого ни о чем не спрашивая, я пошел прямо по улице Фридрих. Зато потом мне пришлось несколько раз спрашивать указаний у прохожих, потому что я не понимал фразы «gerade aus» (прямо), которой они мне отвечали. При всем том я добрался до цели минут за десять-пятнадцать. Было совсем раннее утро, и я сходил туда, только чтобы сориентироваться.

Я вернулся на станцию и сел завтракать в кафе. Настроение у меня было хуже некуда. Когда через час я снова отправился в школу, она была все еще закрыта. Привратник сказал мне через окошечко, что доктор Эльбоген{667}, чье имя стояло в письме, полученном мной из школы, придет только через час-полтора. Я решил воспользоваться свободным временем и навестить Гроссмана: он берлинец и конечно поможет мне советом, объяснив, как снять здесь комнату и как вообще устроиться в этом городе. Через полчаса я был уже у него, в комнате, заваленной кипами газет и книг, как мое полтавское жилище. Он дал мне много практических советов и, кстати, сообщил, что этим вечером должна состояться лекция Соколова – на иврите – об истории новой ивритской литературы. Он посоветовал мне прийти на эту лекцию, чтобы встретить старых знакомых и обзавестись новыми. Что же касается журналистской работы, тут он вряд ли мог мне помочь. Впрочем, он посоветовал мне связаться с редакциями тех газет, в которых я иногда сотрудничал в России.

Через час я вернулся в школу. Как я уже сказал, у меня было на руках письмо от доктора Эльбогена, профессора этого учебного заведения, и я ждал его появления. Но когда я обратился к нему, он даже не стал меня слушать: «Сейчас председатель учительского совета – профессор Баннет{668}, обращайтесь к нему!»

Баннет, в свою очередь, назначил мне встречу у себя дома, но – после субботы.

Я стоял, глядя на доску объявлений, и размышлял, к кому бы мне обратиться. Ни одного знакомого, чужой город. Нужно найти друга – но как? Гляжу на доску объявлений и ничего не вижу. Выражение моего лица было, должно быть, чрезвычайно пасмурно. И вдруг вижу, передо мной какой-то парень,

невысокий, тоже стоит и читает расписание и как будто погружен в это чтение, но я почему-то чувствую, что он хочет со мной заговорить. И тут он обращается ко мне по-русски: «Ты, приятель, конечно, из России, значит, с тобой можно по-русски говорить?» – «Да, конечно». И минуту спустя мы уже обсуждали предметы: уроки Танаха, Талмуда, языка (грамматики), литературы, религиозной философии, истории и герменевтики. «Что тебя интересует?» – спрашивает меня новый знакомый. Тем временем он представился: Натан Гурвиц, студент юридического факультета университета, сын елисаветградского раввина, уже второй год учится в Берлине. Я рассказал, что хочу прослушать курс «Сравнительное изучение параллельных мест в Книге Самуила и в "Книгах хроник" доктора Йехуды, «История диспута Рейхлина – Пепперкорна»{669} Эльбогена и, естественно, «Сравнительное изучение Первой и Второй книги Хасмонеев{670} …»

– Но с какой стати Тойблер{671} занимается Хасмонеями?

– А откуда ты знаешь Тойблера?

– Его не знаю, но читал в Русско-еврейской энциклопедии его статью про еврейские архивы, поэтому я думал, что он занимается только историей немецких евреев.

– Правильно, он и служит директором архива по истории евреев Германии. Я тоже хотел пойти на этот семинар, но я не знаю греческого, так что мне нечего там делать.

– Я тоже не силен в греческом, но ведь можно понимать текст с помощью немецкого подстрочника, да и вообще, греческий нужно учить в любом случае.

В общем я убедил Гурвица, и мы решили вместе ходить на все курсы Тойблера. И так я приобрел себе друга на все время моей жизни в Берлине. В тот же день мы пошли искать квартиру (главное условие – дешевизна) и нашли ее на улице Гипс, дом 19, на самом верхнем этаже. Мы перенесли туда мои вещи, пообедали вместе, а вечером он повел меня на лекцию Соколова.

Эта лекция вызвала много споров. В них участвовал в числе прочих и Шолом Аш, он говорил на иврите, пересказывая свои впечатления от каких-то давних статей Соколова. Я тоже попросил слова и попытался за пятнадцать минут опровергнуть построения Соколова насчет эволюции новой ивритской литературы. Моей основной мыслью была та, что есть существенное различие между ивритоязычной литературой Запада (в том числе Германии) и той, которая развивается сейчас в России, и особенно в Вильно, органичной народной литературой, растущей с народом и с его языком. Весь мой подход настолько отличался от подхода Соколова, что удостоился

некоторого внимания: многие подходили пожать мне руку, среди них и сам Соколов, и Шмарьяху Левин. Знакомство с ним произошло забавно. Он подошел ко мне с Пинхасом Каганом из Хайфы, и я спросил у него, не из Эрец-Исраэль ли и он. Нет, меня зовут Шмарьяху Левин… А у меня к вам письмо от Бялика! Левин назначил мне встречу в администрации сионистской организации.

– Вы говорили осмысленные вещи, – сказал мне Соколов, – и я слушал вас с большим удовольствием, но вам надо научиться терпимости…

После этого я сидел на собрании в куда более лучезарном настроении, чем то, в каком я туда пришел.

На следующее утро я пошел с Натаном Гурвицем на семинар по истории, который проводил Тойблер. Этот семинар и определил не только ход моей учебы в Берлине, но и методы работы, которыми я пользовался впоследствии, изучая историю Израиля.

Эти два часа я и по сей день помню в таких подробностях, как будто это было вчера. Разбирали Первую книгу Хасмонеев, главу 4, стих 15. Мы обсуждали тот отрывок, в котором рассказывается о поражении сирийского войска в битве при Эммаусе: «И все их полчище пало от меча, и преследовали их до Гезера и до полей Идумейских, до Ащдода и до Явне, и умерло их тысячи три». Вопрос стоял так: как возможно преследовать врага от Эммауса до… полей Идумейских!

И кому могло прийти в голову вставить Идумейские поля между Гезером и Ашдодом с Явне! Тойблер подчеркнул, что хотя в Танахе и упоминаются поля Эдома (Бытие 22:4, Судей 5:4) и даже пустыня Эдома (Вторая Книга Царей 1, 3), но их появление здесь вызывает недоумение.

На столе передо мной лежала Септуагинта{672} в издании Тишендорфа, вторая часть. Я посмотрел в примечания и заметил, что Тишендорф приводит там версию tes Ioudaias. Я обратил на это внимание лектора. Он пристально посмотрел на меня и спросил: «Ну и что нам это дает? Разве Иудейская пустыня намного ближе к месту боя?» Я отвечаю: «Здесь имеются в виду не просто поля, а равнина, низменность. Вторая версия правильна, и местность, которая тут подразумевается, это Йехуд (Иисус Навин 19, 45), расположенный недалеко от равнины Лода. Он пишет, что гнал врагов в северо-западном (Гезер), северном (Йехуд), южном (Ашдод) и юго-западном (Явне) направлении. Вообще это описание охватывает города равнины (Гезер – Йехуд) и города филистимлян (Ашдод – Явне), а смысл его в том, что сирийцев рассеяли по всем четырем частям света: на запад, на север и на юг

(Йехуда Маккавей и его люди находились на востоке).

Моя неуклюжая немецкая речь продвигается с большим трудом, и я шепчу соседу: «Все евреи должны знать немецкий?» – а тот, улыбаясь, шепчет в ответ: «Все хорошо, все хорошо…» Тойблер задумывается о чем-то, а потом смотрит на меня и говорит: «Интересно, очень интересно. Ведь именно это я и написал у себя в тетради и хотел постепенно подвести вас к этому, но молодой человек спешит прямо к цели».

После лекции Тойблер, выйдя из аудитории, подозвал меня к себе и, когда мы вместе спускались по лестнице, сказал: «Для меня очень важно, чтобы вы продолжали учить историю». Он собирался также поговорить об этом с доктором Баннетом, тогдашним главой учительского совета.

В воскресенье я пошел на встречу с профессором Баннетом. Тойблер еще не успел с ним переговорить, но тем не менее он встретил меня гостеприимно и дружелюбно.

Он спросил, не собираюсь ли я стать раввином. «Боже упаси!» – «Но почему?» – «Я во всех смыслах очень далек от этого». – «Ах, вот как! Молодой человек у нас, конечно, сионист?» – «Нет, у меня на этот счет есть своя точка зрения, не очень-то принятая в этом движении». – «Так. А в таком случае, почему, собственно, вы решили учиться тут, у нас?» – «Но ведь это Высшая школа мудрости Израиля, то бишь Торы, а ей я привык руководствоваться». – «А как вы собираетесь зарабатывать на пропитание? Мы же не сможем вам помогать!» Тогда я рассказал ему о том, что мне обещал Бялик и какой между нами был договор. Но это не произвело на него никакого впечатления. Он лишь улыбнулся…

Кажется, в понедельник у нас был семинар по истории, который вел профессор Эльбоген. Мы разбирали опубликованные Грецем в «Ежемесячнике еврейской истории и науки»{673} (в 1875 г.) материалы по Пепперкорну и запрету на еврейские книги во Франкфурте. В процессе обсуждения Эльбоген остановился на сюжете «Осквернения гостии» в Берлине (1517 г.) и заметил, что хоть Цунц и назвал имена мучеников, но, как обычно, забыл привести источник… Тогда я возразил, что источник известен: мне представляется, что в берлинской общине, в Старой синагоге, действует обычай герцогства Бранденбургского, по которому при поминовении душ умерших полагается называть имена этих мучеников: отсюда наверняка они известны и Цунцу. Эльбоген не без иронии осведомился у меня, в самом ли деле в Херсоне так широко известны обычаи берлинской Старой синагоги. «Разумеется, нет, – ответил я, – но в биографии рава Йосефа из Россхейма, которую опубликовал Шефер, эти имена названы в

одном из примечаний, и, кажется, все это напечатано в томе первом „Бюллетеня по истории евреев Германии“ Людвига Гейгера{674}». Эльбоген попросил принести ему книгу. Книги были доставлены, и Эльбоген убедился в моей правоте. Он сказал даже, что заметно, что у меня хорошая память и что я обращаю большое внимание на источники.

Это происшествие еще усилило общее хорошее мнение обо мне, возникшее благодаря стараниям Тойблера. Но от всех «хороших мнений» не было мне никакой прибыли. Правда, на Хануку я получил 30 марок, но, кажется, эти деньги получали из специально для этого предназначенного фонда все студенты. В этом и заключалась вся помощь. Впрочем, мне помнится, что небольшой «заработок» у меня все-таки был: я переписывал кое-какие статьи своим красивым, по мнению Натана Гурвица, почерком. Мой приятель Давид Вайсман (сейчас он адвокат в Тель-Авиве) дал мне переписать статью, которую собирался послать в иерусалимскую газету «Ахдут»{675}, и заплатил мне три марки – сумму значительную как для меня, так и для него.

Однажды Тойблер пригласил меня к себе на субботнюю трапезу, сказав, что хочет представить меня своим родителям, сестре и нескольким знакомым, причем, чтобы иметь возможность побеседовать подольше, я должен был прийти в четыре часа дня, за два часа до начала празднования субботы. Тойблер жил на улице Гёте, 70, недалеко от станции. Квартира у него была скромная и уютная. Меня, «по русскому обычаю», напоили чаем и стали забрасывать вопросами о России, в которой я родился, о том, какое я получил образование, и так далее. Все очень удивились, узнав, что я женат и что у меня даже есть новорожденный сын. *Я* пообещал в следующий раз принести фотографии жены и сына.

Я заметил, что тот факт, что «эти русские готовы бросить свою семью ради того, чтобы отправиться Бог весть куда изучать Тору», произвел сильное впечатление на моих хозяев… Тойблер сказал, что все это очень напоминает ему то, что рассказывала о своих дедах и прадедах-раввинах его мать. Впрочем, чувствовалось, что главная его цель в разговоре со мной – прощупать, насколько основательны мои знания в общей истории. Он спросил меня, какое сочинение по истории эпохи Второго Храма кажется мне наиболее интересным. Я ответил, что больше всего мне нравится историческое описание, составленное человеком, который не принадлежит к еврейскому народу, не совсем понимает его дух и, может быть, даже относится к евреям с антипатией, но при всем том обладает острым и проницательным взглядом на вещи и потрясающим даром

рассказчика…

«Кто же это?» – «Моммзен{676}, его «Иудея и иудеи» в пятой части «Истории Рима», глава 11». – «Так. И когда же вы его читали?» – «Я перечитывал Моммзена три раза: летом 1905-го, летом 1908-го и этим летом. С каждым разом я все сильнее чувствовал „прохладцу“ – чтобы не сказать больше – в его изложении, но в то же время для меня было несомненно, что я читаю произведение великого историка».

Тойблер был взволнован. Он встал, положил руку мне на плечо и сказал:

– Великолепно! Вы буквально читаете мои мысли! И не только на семинарах. Никак не предполагал, что услышу такое суждение из уст русского еврея! Хоть вы и ошибаетесь, утверждая, будто он настроен против нас. Мне думается, что он вполне объективен. Но объясните, как получилось, что вы взялись штудировать Моммзена?

И мне пришлось рассказать ему все, с начала и до конца, о моем историческом «образовании». Мне показалось, что в моем рассказе две вещи произвели на него особенное впечатление: мой интерес к истории России и моя тяга к источникам. Между нами произошел небольшой спор по поводу французской исторической школы. Я упомянул о том, что некоторое время прилежно изучал книги Фюстеля де Куланжа{677}, и сказал, какое у меня о нем сложилось мнение.

– В вашем образовании есть один крупный изъян, а именно слабое знакомство с иностранными языками, – заметил он наконец. – Вам нужно это исправить, и как можно скорее.

Он добавил, что мой уровень владения немецким и французским может быть достаточен для России, но неудовлетворителен в Германии, и поэтому его сестра будет обучать меня этим языкам, тогда как доктор Бирм, по его просьбе, займется со мной греческим. Я сказал, что мой друг Натан Гурвиц тоже хочет изучать греческий. Что ж, он славный юноша и производит очень хорошее впечатление. Итак, мы – Тойблер, его сестра, фройляйн Лукана Тойблер, и я – договорились, в какие дни и часы она будет заниматься со мной немецким и французским.

Так я вошел в эту семью. Мать профессора была тяжело больна, и с ней уже невозможно было разговаривать. Но с отцом – он был человеком разговорчивым – я побеседовал, а он, зная от Ойгена, что я «большой ученый» и что мне предстоит «великое будущее», счел нужным в мельчайших подробностях сообщить мне сведения о своей жизни, в том числе что Ойген – его единственный сын. Младшую из своих шести дочерей он называл

«Даейну».

Огромным сюрпризом явилось для меня приглашение Тойблера навещать его каждую неделю с тем, чтобы давать ему отчет о ходе моей учебы. Это очень напомнило мне ребе Шимона Шкопа из Тельши, моего горячо любимого учителя. И когда я вышел от Тойблеров, я чувствовал, что меня обволакивает атмосфера тепла и дружелюбия, подобная той, которой я был окружен в первое посещение ребе Шимона. С того самого дня и до того момента, когда я расстался с профессором Тойблером (в самом начале Первой мировой войны), я всегда ощущал, что вращаюсь в его орбите. Все эти годы, где бы я ни был – в Берне, Париже, в Вильно, Херсоне, Одессе, – я испытывал на себе его влияние. Хоть в те годы я и не посылал ему, как он того требовал, регулярных письменных отчетов о моих занятиях, но он постоянно присутствовал в моем сознании, я представлял себе, что он думает о моей учебе, как обсуждает со мной тот или иной вопрос, направляет мою мысль и проверяет, правилен или нет мой путь.

Фройляйн Тойблер отнеслась к моим познаниям в немецком и французском более снисходительно, чем ее брат. Сама она получила прекрасное образование, а кроме того, обладала тонким чувством языка и развитым стилистическим чутьем. Она читала и правила рукопись написанной Тойблером в те дни книги «Римская империя». Я тоже был удостоен чести читать большую часть глав этой книги еще в рукописи. Более того, Тойблер предоставил в мое распоряжение все сочинения своего гимназического периода и все семинарские работы, которые он написал в университете. «Таким образом, – сказал он, – вы будете как бы участвовать в моей учебе и пройдете почти тот же самый путь, это будет вам очень полезно». Он добавил, что с удовольствием прочел бы мои сочинения на иврите, но у него совсем нет свободного времени и он не умеет бегло читать на иврите. Но с этого момента я должен показывать ему каждое свое сочинение, особенно по истории. Форма этого предложения, однако, говорила скорее о душевной щедрости, нежели о наличии серьезных намерений.

Тойблер исполнил свое обещание организовать для меня уроки греческого. Доктор Бирм согласился преподавать греческий мне и Натану Гурвицу. Одновременно мы стали посещать лекции по грамматике иврита, которые он читал на подготовительных курсах в школе (я заручился также рекомендательным письмом от доктора Бирма к председателю организации «Бней Брит»{678} Тимендорфу; тот встретил меня очень дружелюбно, но никаких практических результатов это свидание не дало). Впрочем, уроки

греческого вскоре закончились. Нагрузка у доктора Бирма и без того была слишком велика, а в том, чтобы преподавать греческий двум студентам, не содержалось для него ничего заманчивого. Тойблер попытался найти мне другого учителя и помог мне связаться с Хансом Блохом, студентом медицинского факультета и большим знатоком греческого (впоследствии он переехал в Тель-Авив; он умер несколько лет назад). Один из наших с Блохом разговоров произвел на меня некоторое впечатление. Он задал мне вопрос, не женат ли я случаем на какой-нибудь богатой наследнице, раз могу себе позволить изучать историю. «Меня ведь тоже очень тянуло к древней истории и классической филологии, – сказал он, – но мне пришлось от этого отказаться». Когда он увидел, что его предположение вызвало у меня смех, он сказал, что потрясен отсутствием у меня здравой оценки реальных житейских нужд, столь характерной для русских евреев. Эти уроки греческого тоже продолжались недолго. В конце концов мы сами кое-как выучили греческий, прилежно читая тексты, и в одно из моих посещений Тойблера он сказал мне: «Вы, конечно, сделали большой прогресс в греческом. Но классического филолога из вас не получится, в этом я уверен».

Так прошло примерно три месяца. Мои бытовые условия ухудшались со дня на день. Все сэкономленное было истрачено, а переводы, приходившие из далекой России, как мне казалось, тоже сокращались на глазах. На меня стремительно накатывался кризис, начало которому положили проблемы с выплатой денег за квартиру. Я не платил своему хозяину уже больше месяца. Это был простой рабочий, милый человек, который был очень вежлив со своим квартиросъемщиком, вставшим на заре, проводившим круглые сутки за книгами и питавшимся весьма скудно. Два раза в месяц по воскресеньям, когда он путешествовал по окрестностям, он присылал мне открытку с видами тех мест, куда он заезжал, с обязательными «приветом и наилучшими пожеланиями моему ученому другу». Но вот однажды он не только не прислал открытку, но и намекнул мне, что удивлен тем, что я не плачу за квартиру, что «у нас в Германии так не принято»… Я принялся объяснять, что со дня на день жду денежного перевода из России. На это хозяйка ответила, что хоть они и питают ко мне большое доверие, но проблему хорошо бы уладить поскорей, во избежание неприятностей.

Эта проблема волновала меня еще и с другой стороны: в те времена существовал порядок, по которому каждый студент, приезжавший учиться в Берлин, должен был явиться в полицию и доказать, что располагает необходимыми для этого средствами, чтобы расходы по его содержанию не легли на население. Лишь

тогда он получал разрешение проживать в городе. Меня предупреждали, что берлинская полиция с особенной, даже чрезмерной педантичностью отслеживает материальное положение студентов из России. Как правило, русских подозревали в пропаганде социализма и нигилизма, что подтверждалось отсутствием у них средств к существованию. Я тоже был приглашен в полицию. Когда от меня потребовалось доказать, что у меня есть материальное обеспечение, я ответил, что я не студент, а учитель и приехал для повышения квалификации и что я не обязан доказывать им, что у меня есть источники дохода, так как я работаю и получаю зарплату. Мне сказали: «Все в порядке!» – и отпустили, не потребовав доказательств или объяснений. Их интересовало только, в какой школе я преподаю, каков возраст моих учеников и т. д. Мои ответы их удовлетворили. У меня были с собой документы, удостоверяющие факт моей работы в школе, но полиции хватило моего устного свидетельства. Они только известили налоговое управление, что я являюсь учителем средней школы и, по их оценке, обязан уплатить «разумный» налог (около ста марок). В самом деле, спустя некоторое время я получил приглашение зайти в министерство финансов, где меня известили, что я должен уплатить налог в таком-то размере. Я объяснил им, что произошла ошибка: я действительно работаю учителем и получаю зарплату, но мне платят ее только, когда я преподаю, а не тогда, когда я сижу за границей и доучиваюсь. Здесь же я живу за счет того, что я заработал и сэкономил в прошлом. Они были удовлетворены и отпустили меня. Таким образом я избавился от значительных расходов и в то же время избежал конфликтов с полицией, которая была уверена, что я выплачиваю высокий налог.

И вот теперь, из-за того, что мне нечем было платить за квартиру, мне грозили крупные неприятности с полицией, а кроме того, сгорала «договоренность», достигнутая случайно, но в высшей степени меня устраивавшая. Друзья также предупредили меня, что хозяева квартир, не получающие платы от жильцов – подданных другой страны, как правило, склонны прибегать к помощи полиции.

И вот, в один из этих тревожных дней, бродя в печальных раздумьях неподалеку от Высшей школы еврейских знаний, я повстречался с Тойблером: он вырос передо мной внезапно – я не замечал его, хоть он и шел по улице мне навстречу. Он поздоровался со мной и спросил: «Что случилось? Что с вами? У вас на лице написано такое горе, такая тоска, понятно, что с вами что-то произошло!» Я рассказал ему о своих проблемах. Он был

поражен, услышав, что я не получаю никакого вспомоществования от школы, несмотря на то, что он много раз горячо рекомендовал меня, да и Эльбоген, насколько ему известно, отзывался обо мне очень благоприятно. Он принял близко к сердцу мои опасения по поводу не погашенного мной долга за квартиру. Его даже удивило, что хозяин квартиры проявляет такую лояльность в этом вопросе, что вовсе не в «немецком стиле». Он успокоил меня, обещав уладить мои дела.

И в самом деле, на следующий день Тойблер добился для меня единовременной стипендии в 80 марок и ежемесячной стипендии в 12 марок. Эта стипендия выплачивалась из денег, пожертвованных госпожой Генриеттой фон Беккер{679}, вдовой еврейского миллионера. Стипендия выдавалась мне с той целью, чтобы впоследствии я исследовал архивы на предмет «участия и преуспеяния евреев в культурной и социальной жизни Центральной Европы в начале XIX века». Когда я написал об этом домой, моя теща сформулировала мою задачу так: «Бен-Цион получил премию за поиск потерянных подков от лошадей, которые сдохли сто лет назад». Тем временем я продолжал работать и над продолжением книги еврейских средневековых сказаний, о которой договорился с Бяликом. Я собрал изрядное количество материалов из респонсов гаонов и дидактической литературы *(сифрут мусар)* и послал Бялику отчет об этой работе. Бялик просил меня прислать ему материалы и обещал, что мое вознаграждение не заставит себя долго ждать. Он видит, писал он, что я работаю с большой отдачей и с любовью к делу.

Я послал ему одну, затем другую тетрадь и не получил никакого ответа. Впоследствии Бялик объяснил мне, что это были дни кризиса *«Мо*рии», и поэтому он был не в состоянии выполнить свое обещание. Благодаря этой работе я приобрел друга, чье общество было мне в высшей степени приятно и чьим хорошим и дружеским к себе отношением я очень дорожил. Это был доктор Шимон Оффенштейн{680}, профессор еврейской литературы и истории в раввинском училище Гильдехеймера. Не помню точно, как мы познакомились. Мне кажется, что и он присутствовал на лекции Соколова по новой еврейской литературе и слышал мое мнение об этой лекции. Покойный Арье Таубер{681}, который тоже учился в Высшей школе еврейских знаний, представил меня ему. Он пригласил меня зайти в его комнату, это была скромная комната ученого, сидящего в шатре Торы. Его семья еще не переехала в Берлин. Я рассказал ему о своей мечте организовать конгресс, посвященный еврейскому народному творчеству Средневековья, запечатленному в литературе Галахи, *мусара* и проповедей. Он выслушал меня

очень внимательно и загорелся моими планами. Кстати, и то, что в осуществление этого проекта вовлечен Бялик, произвело на него большое впечатление. «Я – один из множества восторженных поклонников этого великого поэта», – сказал Оффенштейн (наша беседа велась на иврите).

Я посещал Оффенштейна несколько раз, а один раз он заходил ко мне, в мою жалкую каморку на улице Гипс. Все наши разговоры сосредоточивались вокруг Торы: мы обсуждали проблемы специфических литературных и художественных форм галахической, аггадической, дидактической и экзегетической литературы, а также критерии, по которым можно отличить народное творчество от индивидуального, форму, продиктованную стилем, от формы, созданной Творцом.

Иногда мы спорили об исторических основах того или иного литературного произведения. Когда я поделился с Тойблером своими наблюдениями в этой области, тот чуть ли не разгневался. «Вы должны наконец определиться, хотите ли вы заниматься историей или литературой! – сказал он. – Если вы и дальше будете продолжать в том же духе, то могу обещать, что вы не будете знать ни того, ни другого!» Тем не менее Тойблер ошибался. В тот год я прилежно изучал как историю, так и литературу. В школе доктор А.-Ш. Йехуда{682} читал курс «Книга Самуила в сравнении с „Книгой хроник“», к которому я всегда тщательно готовился и досконально учил материал. Я читал Книгу Самуила и новые комментарии к ней, сравнивал текст с Септуагинтой и «Книгой хроник» и активно и плодотворно участвовал в семинаре. При этом я убедился, что Йехуда не силен в истории… Я также посещал лекции Отто Хиршфельда{683} по истории Рима и римской власти, которые он читал в университете. Я представился Хиршфельду в качестве учителя, который приехал в Берлин для повышения квалификации и который интересуется в основном историей евреев. Я сказал, что собираюсь изучить историю римской системы управления, чтобы сквозь призму этих данных взглянуть на талмудические источники.

Как было сказано выше, я имел обыкновение давать Тойблеру отчет о моей работе, а также время от времени рассказывать ему о своих посещениях университета, о своих впечатлениях от лекций разных профессоров. И вот однажды вечером моя квартирная хозяйка зашла ко мне в комнату с чуть испуганным видом и объявила: «Вас желает видеть какой-то очень важный господин, видать, прохвесор!» Я открываю дверь – передо мной Тойблер! «Ну, вы сняли комнату поближе к небесам!» – и он окинул взглядом мою тесную комнатенку, груду книг на столе и

кипы исписанных бумаг. Он пригласил меня поехать с ним в один из пригородов Берлина, чтобы подробно побеседовать о некоторых вещах. Он сказал мне тогда: «Я пришел к выводу, что вы не многому научитесь в нашем учебном заведении. В том, что вы, не записавшись постоянным учеником в университет, слушаете там случайные лекции, тоже мало проку. Каковы ваши дальнейшие учебные планы?» Я ответил, что летом собираюсь поехать в Швейцарию и поступить в Бернский университет. Я буду держать вступительные экзамены, так как у меня нет аттестата зрелости, и поступлю на всеобщую историю, классическую и восточносемитскую филологию; впоследствии же хочу специализироваться в области израильской истории, а конкретно в изучении библейского периода и периода Второго Храма.

– Отлично, великолепно! Это то, что я хотел вам предложить. Но откуда у вас для этого средства?

– В этом-то и проблема. Но я ищу разные пути… – ответил я.

– Я тоже ищу пути, – сказал Тойблер, – но, в отличие от вас, нашел.

И он продолжал:

– Я поговорил об этом с госпожой фон Беккер, и она, в принципе, согласилась. Она может удвоить вам стипендию, когда вы переедете в Швейцарию. Но она хочет познакомиться с вами лично и представить вас своим сыновьям: один из них – депутат прусского ландтага, а другой – известный художник. Она приглашает вас на завтра, поэтому я пришел предупредить вас и объяснить, как вам следует себя вести. Вы должны будете надеть черное пальто, захватить перчатки, на голове у вас должен быть цилиндр, одним словом, вы должны выглядеть важной персоной, даже внешне. Ваш друг, господин Гурвиц, – я с ним уже договорился – должен позаботиться о том, чтобы обеспечить вам соответствующий вид.

И в самом деле, мой друг Натан Гурвиц очень потрудился над моим внешним видом, придав мне необходимый лоск. И вот, на следующий день в четыре часа я был в отеле «Ридинг палас» на шарлоттенбургской Курфюрстендам. Я подал свою визитную карточку и спустя несколько минут был приглашен к госпоже Генриетте фон Беккер: вошла секретарша и проводила меня в ее комнату. Комната была большая и просторная. Справа от дверей (которые были посредине комнаты) сидела, утонув в кресле, пожилая дама, а рядом с ней на стульях – двое мужчин. Я был представлен хозяйке, а она назвала мне имена своих сыновей. Одного (кажется, художника) звали Бенно, имя второго я забыл. Она представила им меня, и мне задали несколько формальных

вопросов: о месте моего рождения, о моем житье в Берлине, об учебе и о заинтересовавшей меня области исторической науки. Через некоторое время оба ушли, попрощавшись, как мне показалось, с холодной вежливостью, а я остался разговаривать с их матерью. Мне сразу же стало очевидно, что с уходом сыновей она почувствовала себя более свободно. Она немедленно начала говорить о проблемах российского еврейства. Она полагала, что положение евреев в России будет только ухудшаться, «в этом нет никакого сомнения!» Ее сын, депутат прусского ландтага, только что рассказывал ей об этом. Он приехал к ней от императора Вильгельма. Император, добавила она, является другом их дома, так как имение ее покойного мужа располагалось по соседству с владениями императорской семьи, и император Вильгельм обычно ездил охотиться в леса, находившиеся в их поместье, в Восточной Пруссии. Так вот, император Вильгельм сказал, что евреи, да и весь остальной мир, вовсе не представляют себе, сколь велика ненависть к ним царя, какие коварные замыслы он против них вынашивает. В этот момент что-то заставило меня предположить, что сама госпожа фон Беккер – уроженка России, а в присутствии своих сыновей-«немцев» она не решалась говорить о судьбах российского еврейства, тогда как после их ухода выказала свою большую заинтересованность в этом предмете.

Она вообще очень охотно говорила и много рассказывала и вдруг, вне всякой связи с тем, что говорила прежде, заметила: «Вы видели членов моей семьи, моих невесток, моих внуков? Ведь они все – выкресты! После меня не останется ни одного еврея!» Мне стало ясно, что эта дама не просто из России, но и что она родилась в литовском местечке: об этом свидетельствовал тон, которым она произнесла слово «выкресты». Набравшись храбрости, я заметил: «Я вижу, что мадам особенно интересуется судьбой русских евреев. Можно ли заключить, что у мадам была возможность более близко познакомиться с русским еврейством, чем у других евреев Германии?» «Нет, – сказала она, – к сожалению, у меня не было такой возможности, так как мы уехали из России, еще когда я была девочкой».

«Так, значит, – сказал я, – мадам родом из России?» – «Да, я родилась в России, мой отец был саратовским хазаном, а он был родом из Литвы, так что из России мы переехали в Пруссию». – «В Мемель или в Кенигсберг?» – «Мы жили и в Мемеле, и в Кенигсберге. Но на каком основании вы это предположили?» – «Ведь я изучаю историю, это моя профессия, а общеизвестно, что в середине прошлого века евреи из Литвы переселялись в Германию через Мемель и Кенигсберг. К тому же исторический метод обязывает нас делать выводы и строить целые здания на

базе немногих фактов. А мадам изволила рассказать многое…»

И действительно, она рассказала очень многое. Из разговора я узнал, что наследство ее мужа составило 20 миллионов марок, но все деньги он оставил сыновьям, ей же, настаивавшей на своем еврействе, он завещал миллион марок, и то с правом использования только процентов от этой суммы, а не самого основного фонда. «И я, – сказала она мне, – стараюсь из года в год тратить все эти деньги на дело еврейства. Ни гроша из своих денег не хочу оставлять моим "выкрестам"». Я почувствовал, что столь откровенные слова не оставляют мне места для ответа и что если я стал бы что-нибудь отвечать, мои слова могли бы ее только ранить. И в самом деле, о себе она больше не говорила, зато немедленно начала расспрашивать меня об эмиграции йеменских евреев в Эрец-Исраэль и о Дейвисе Тритче{684}, по совету которого она пожертвовала деньги на сооружение домов для йеменских эмигрантов в Бен-Шемене. Когда я поднялся, чтобы уйти – и она не возражала (до этого она удерживала меня), госпожа фон Беккер сказала мне: «Доктор Тойблер расхваливает вас на все лады, да и сама я получила от нашей беседы большое удовольствие и не премину выполнить просьбу доктора Тойблера». Я вышел из гостиницы, очень взволнованный трагедией этой еврейки, старой и, по всей видимости, простой, но обладающей горячим еврейским сердцем.

С доктором Йехудой у меня тоже были хорошие отношения. В те дни увидела свет книга Э. Сапира «Земля Израиля»{685}, и издательство «Юдишер ферлаг»{686}, во главе которого стоял доктор Александр Элиасберг{687}, подготовило к печати первую ивритскую настенную карту Эрец-Исраэль (согласно Киперту). Йехуда корректировал эту карту, то есть собственно делал эту работу я, а ответственным был доктора Йехуда. Часть суммы, заработанной таким образом, я послал домой своей жене. Ее пригласили преподавать в ремесленном училище «Помощь работой» в Вильно и на курсах повышения квалификации для учительниц, организованных этой школой, и переезд потребовал значительных расходов. Благодаря этой работе я внимательно прочитал книгу Сапира и сделал кое-какие замечания. Йехуда хотел, чтобы я опубликовал свои комментарии к книге Сапира, но я воздержался от этого, так как уже обещал Тойблеру, что не буду спешить с публикациями…

Издательство «Юдишер ферлаг» располагалось в помещениях центрального комитета Сионистской организации (Заксише штрассе, 8), и я часто встречал там людей, знакомых мне по тому или иному периоду моей жизни в России. Иногда мне приходило в голову, до чего узок наш круг. Раз я встретил одного из

конторских служащих, чье лицо показалось мне очень знакомым. Я вспомнил: да это же тот самый юноша, который часто навещал меня, когда я лежал больной в Слободке в 1899-м, он еще хотел познакомиться с красивой девушкой (Аснат), которая жила по соседству со мной. Я спросил его: «Господин Ш., а как поживает фройляйн Аснат?» Он в ужасе отпрянул – так его поразила моя памятливость. В другой раз я увидел в университетской библиотеке одного из членов группы самообороны, вместе с которым мы однажды пытались распространять оружие в отделениях этой группы. Он изучал медицину и лично знал одного молодого врача, родственника Тойблера, который работал ассистентом у Вассермана{688}, – и, кстати, рассказал мне, что во всем признался Тойблеру и рассказал ему про «Иври», даже передал ему листовку отделения ССРП в Лохвице 1905 года – про «перманентную революцию» и про «будущность еврейского народа», в которой в сжатом виде содержались мои слова, вызвавшие такой резкий отпор среди многих наших товарищей, что листовку решили изъять из употребления. Этот рассказ объяснил мне, почему Тойблер говорил, что он слышал об «Иври ха-циони».

Как я уже говорил, часть своей случайной «писательской зарплаты» я послал жене. Не помню, почему Тойблеру стало об этом известно, но как-то раз он сказал мне, что я поступаю неправильно. «Вы не получаете никакой помощи из дома, но это еще можно понять. Но когда вы, при ваших обстоятельствах, посылаете отсюда деньги жене, которая живет в своей семье, в своем доме, и к тому же что-то зарабатывает, – это уже не совсем понятно». В ответ я достал из кармана фотографию моей жены и сына и показал ему. Фотография была маленькая и красивая. Он долго смотрел на нее – и улыбнулся: «Теперь я понял. Видно, что вы учитель и любите все объяснять наглядно».

На семинаре Эльбогена я приготовил доклад «О текстах *кинот*{689}» и прочитал его Девятого ава. Мне кажется, этот доклад все еще хранится у меня. Эльбоген был им очень доволен и даже предложил мне подготовить его к печати. Я доказывал, что наши траурные песнопения-кинот, посвященные Девятому ава, являются очень древними. Вначале они были привязаны к чтению свитка «Эйха» («Плач Иеремии»): к стихам свитка добавлялись рассказы о разрушении Храма. Этот обычай был принят еще во времена Второго Храма, во всяком случае в конце этого периода. В более поздний период – с конца византийской эры – эти *кинот* состояли из разных слоев, построенных по принципу «от рассказа о бедствиях – к утешению», в каждом слое – свое бедствие и свое утешение. Но в основном Эльбогена заинтересовали затронутые

мной в лекции вопросы о «легенде о разрушении Храма» и «возникновении ритуалов Девятого ава» (кое-что на эту тему я опубликовал несколько лет назад).

В ходе подготовки к этой лекции я пару раз имел возможность побеседовать с Эльбогеном. Однажды он даже пригласил меня к себе домой, с тем, чтобы сделать мне какое-то предложение. По поручению Общества содействия науке о еврействе{690} Эльбоген предложил мне выпустить книгу об «истории современной ивритской литературы». Он видит, что у меня есть все необходимые для этого знания и научная подготовка. Если я приму это предложение, то с меня, конечно, будут в большой мере сняты заботы о пропитании и заработке, необходимом для продолжения избранной мной научной карьеры. Само это предложение заключало в себе огромный комплимент для меня, так как общество издавало книги знаменитых ученых и других выдающихся авторов, как то: самого Эльбогена, Крауса{691}, Мартина Филиппсона{692} и других. Я рассказал Эльбогену о своих планах, о том, что я хочу посвятить себя изучению еврейской истории, а не литературы. Я обещал дать ему ответ в течение недели, чтобы обдумать этот вопрос как следует. В этом разговоре я также неодобрительно отозвался о программе курса еврейской истории, принятой в нашем учебном заведении, сказав, что крайне удивлен тем, что в ней отсутствует курс новой истории евреев, начиная с восьмидесятых годов. «Ну какая же это история», – заметил Эльбоген. Я рассердился: «Рассказывать об изгнании трех семей из Эльзаса в шестнадцатом веке – это история, а говорить об изгнании миллионов в нашем поколении – ведь еврейская эмиграция это, в сущности, изгнание – это не есть история?! Как странно!» Эльбоген сказал: «Вы, может быть, правы, но почему же вы так рассердились? „Да не приидешь во гнев…“».

Назавтра я рассказал Тойблеру о сделанном мне предложении и спросил его совета. «Послушайте, вы приехали учить или учиться?! – сказал он. – Эльбоген полагает, что у вас огромные знания, но, с моей точки зрения, они минимальные. Вы хотите заниматься настоящей историей или писать историю еврейского «кугеля»? Выбросьте из головы эту дребедень!»

Я прислушался к его совету, и хотя Эльбогена явно изумил мой отказ, нашим дружеским отношениям это ни капли не повредило. Впоследствии он обещал по мере своих сил помогать мне, когда я буду в Берне, и правда, он не только поддерживал со мной переписку и интересовался моими успехами, но и время от времени посылал ко мне студентов, которым, как он считал, я могу помочь советом.

В конце лета я выехал из Берлина в Берн, имея при себе теплое рекомендательное письмо от Йехуды к профессору Марти{693} и заручившись обещанием Эльбогена раздобыть мне дополнительную стипендию, чтобы я мог спокойно учиться. Когда мы расставались, он вновь напомнил мне о своем предложении насчет «Истории новой ивритской литературы», которое оставалось в силе. Он полагает, что мое еврейское образование и весь мой научный метод позволяют мне необыкновенно продуктивно изучать литературу в ее связи с историей и историю, отраженную в литературе.

Вечером накануне отъезда я обедал с Тойблером и резюмировал для него всю проделанную мною в течение десяти месяцев работу. Ему было очень приятно, когда я расхвалил его руководство в чтении немецкой литературы и его мнение о Густаве Френсене{694} и о немецких писателях и конкретных произведениях, которые он посоветовал мне прочесть, чтобы составить себе представление о настоящей, не «прилизанной» Германии.

Глава 27. В Бернском университете (1912–1914 годы)

В конце лета я уехал в Берн. У меня с собой было письмо д-ра А.-Ш. Йехуды к Карлу Марти, профессору библеистики и семитской филологии Бернского университета. Марти был к тому же редактором «Журнала библейских исследований»{695}. Д-р Йехуда не слишком лестно отзывался о его интеллекте (о «достоинствах» которого красноречиво свидетельствовали труды д-ра Марти), но зато высоко ставил его душевные качества.

В своем рекомендательном письме д-р Йехуда подчеркнул, что я занимаюсь историей Второго Храма и эллинизма, заметив, что этот факт поможет мне в общении с Марти и поэтому он считает необходимым о нем упомянуть.

Атмосфера Берна, свобода, отсутствие страха перед полицией, ее притеснениями и допросами, а также улучшение финансового положения вселили в меня уверенность и чувство безопасности. У меня было ощущение, что я на верном пути и смогу теперь продолжить учиться без лишних хлопот; я знал, что у меня есть постоянный доход – 25 марок в месяц, к тому же мои друзья, в частности Эльбоген, постараются вытребовать мне вторую «стипендию».

Я посетил Марти; он жил в скромном доме, вдали от городского шума, на тихой и красивой улице; он принял меня очень приветливо, рассказал мне о своих учениках и об уроках, которые он ведет, и, между прочим, показал мне письмо от Теодора Нельдеке (Noldecke){696}, которое он получил в тот же день или днем-двумя раньше.

Нельдеке писал, что ему уже давно не приходилось читать в «Журнале библейских исследований» такой толковой филологической статьи, с таким количеством научных нововведений, как статья Я.-Н. Эпштейна{697} «Комментарии к элефантийским надписям». «Эпштейн, – сказал мне Марти, – это мой ученик, он ходит ко мне на лекции, и я рекомендую вам познакомиться с ним поближе, если вы еще не знакомы. Он большой ученый, у него блестящее будущее». Марти заинтересовали дисциплины, которые я собирался учить. Я сказал ему, что собираюсь изучать семитскую и классическую филологию; третьей дисциплиной, вероятно, будет общая история, либо философия, либо психология. После беседы со мной Марти сказал, что готов взять меня в свои семинары уже в этом году, несмотря на то, что официально мне надо было

сначала еще целый год ходить в подготовительный семинар.

Мне предстояло сдать вступительный экзамен, так как у меня не было аттестата. В экзаменационную программу входило шесть дисциплин: немецкий, французский, латынь, математика, история и география. Я сдал экзамен по всем этим предметам и по каждому из них получил самую высокую оценку. Экзаменаторами были университетские преподаватели, некоторые из них отнеслись ко мне с большим дружелюбием.

В бернских газетах довольно часто публиковались объявления о сдаче комнат с пометкой «кроме русских». Я ничего не знал про этот обычай. Мне попалось в руки объявление, где было написано, что сдается комната в одном из пригородов. Этот вариант показался мне наиболее подходящим: во-первых, за городом, а во-вторых – цена невысокая. Когда я пришел туда, я увидел на лицах хозяев сомнение и неуверенность; в конечном счете они все-таки сдали мне комнату. Через полгода, когда меня приехала навестить племянница Рахель, изучавшая медицину в Женеве, хозяева квартиры приняли ее очень дружелюбно и уважительно; они рассказали ей, что вначале не хотели сдавать мне комнату, потому что я русский, а русские пользуются дурной славой: много спорят и страшно шумят. Но такого жильца, как я, у них еще не было: за полгода – первый гость. «Мы не слышали от него ни звука: он бесшумно ложится спать и тихо-претихо встает утром; самый настоящий «книжный червь»; никогда не сердится и всегда встречает тебя с улыбкой…» Я порадовался этим «комплиментам» и снял себе другую квартиру.

В течение первого месяца учебы я много ходил на лекции и семинары различных университетских преподавателей, на разные курсы: по общей истории, географии и римскому праву, немецкой литературе Средних веков и т. д. и т. п.… За месяц я выбрал дисциплины, которые я намеревался изучать, и курсы, которые я собирался посещать: семитская филология и Танах (Марти), классическая филология (Шультхесс{698}), философия и психология (Дюрр) и «отчасти» римское право (Лотмар{699}) и география (Вальзер). В целом я остался верен этой программе в течение всего времени моей учебы в Берне.

Первое время мне очень нравились лекции, а еще больше – семинары профессора Шультхесса. Он был строгим и опытным преподавателем, умел структурированно и полно передавать студентам знания по классической филологии. Несмотря на то что он очень хорошо ко мне отнесся, после вступительного экзамена сам предложил мне изучать классическую филологию и сказал, что, по его мнению, я могу достичь в ней больших успехов, наши отношения довольно скоро испортились.

Мы читали на семинаре письма Цицерона. Цицерон пишет своей жене Теренции – «Vita mea» («Теренция, моя жизнь»), а я перевел на немецкий дословно – Mein Leben. На это Шультхесс заметил:

– Так говорят евреи: «Сара, моя жизнь» («Sara Leben»). Мы же говорим: «Любовь моя» («Meine liebste»).

В этом его замечании почувствовался душок антисемитизма. Я ответил ему:

– «Vita» означает «жизнь», и этим словом свою сердечную привязанность выражал римлянин, а не еврей.

Шультхесс рассердился:

– Мое замечание касается немецкого языка, а не понимания материала.

Шультхесс вел семинары по латинской стилистике; на этих семинарах мы переводили Моммзена на латынь. Семинары по стилистике были для меня очень интересны в качестве «дополнительного образования». Шультхесс в каждой фразе искал слово, которое было основным и на которое падало главное смысловое и логическое ударение всей фразы. На мой взгляд, такой подход особенно полезен для изучения древнееврейской литературы, значительная часть которой представляет собой литературу изустную. Не только слова пророков передавались из уст в уста и лишь потом были записаны, некоторые другие виды библейских текстов – история праотцев и эпосы, священные песни С «ширей кодеш») и афоризмы – также имеют изустную основу. И не стоит забывать, что в изустных текстах главный смысл фразы зачастую скрывается именно в ее интонации. Поэтому если внимательно изучать логическую и смысловую структуру фраз, то становится возможным для многих фрагментов библейских текстов отыскать новое объяснение, отличающееся от классического. Как-то раз я заявил об этом Шультхессу, и ему эта идея очень понравилась. И, кстати говоря, я пользовался этой системой на семинарах Марти. Мы читали тексты Бен-Сиры{700}, а он рассказывал нам про Исайю. Я взял себе за правило подробно прорабатывать учебный материал, внимательно прочитывал тексты Бен-Сиры и Исайи, стараясь в каждой фразе отыскать ключевое слово и на его основе найти актуальный «исторический» смысл. За этот метод, который я затем использовал при преподавании Танаха, я очень благодарен профессору Шультхессу.

Чувствовалось, что Шультхесс недолюбливает евреев, а ко мне, похоже, у него была особая «антипатия». Я был для него Евреем с большой буквы. Однако спустя некоторое время я узнал, что свое отношение к студентам, которые выглядели с его точки

зрения слишком «по-еврейски», Шультхесс проявляет самыми разными способами и что я такой не один. Среди слушателей его лекций был Гриншпон, юноша из Полтавы, который приехал в Эрец-Исраэль через Галицию, работал учителем в поселении, а ныне учился в Бернском университете. Гриншпон был деликатен и скромен, мягкого нрава, с чистой душой, хорошим образованием и приятными манерами. Он втайне писал стихи (впрочем, несколько его стихотворений были опубликованы в журнале «ха-Шилоах» под ред. И. Бен-Давида) и много мечтал… И вот, когда Гриншпон хотел выступить на семинаре и тянул руку, Шультхесс почти всегда делал вид, что не замечает его. Гриншпон иногда довольно долго тянул руку, назло, а Шультхесс продолжал не замечать его. Однако надо признать, что «антипатия» Шультхесса к евреям была не единственной причиной трений между нами. Была еще одна причина, более личная. У меня с детства имелась «привычка» высказывать свое мнение по разным вопросам, в том числе и тогда, когда мое мнение не совпадало с мнением преподавателя. И тут уже не важен был предмет разногласий: шла ли речь о стиле писем-соболезнований римского консула, которые он посылал Цицерону, когда умерла его дочь Туллия (по мнению Шультхесса, эти письма для нас служили не более чем рутинным «упражнением», без какого-либо дополнительного смысла, а я осмелился рассматривать их как интересный литературный документ), шел ли спор о том, в котором часу Юлий Цезарь обедал у Цицерона, или высказывались общие мнения о текстах Цицерона. Строго говоря, я не всегда задавал вопросы и спорил с профессором именно на семинарах. По совету друзей я приходил к нему с вопросами после занятия. Поначалу мне нравилось к нему приходить, но затем возникло ощущение, что он воспринимает меня как надоеду, и я перестал его «донимать». Но и это ему не пришлось по душе.

В следующем учебном году наши отношения испортились окончательно. Мы занимались на семинарах Тацитом, читали «Анналы», главы о жизни Тиберия. В центре обсуждений, которые были немногочисленны и велись только по ходу чтения текста, стояла личность Тацита как писателя и как историка, и мы анализировали степень искренности его свидетельств и описаний. Меня несколько уязвили намеки Шультхесса, когда в своем вступлении про «великого историка» он упомянул слова Тацита о евреях, несмотря на то, что он старался облечь эти аллюзии в «научную» и «объективную» форму. Я, со своей стороны, старался доказать почти на каждом занятии, что заявление Тацита о том, что он пишет «без гнева и пристрастия»,

не что иное, как риторический прием, который должен был скрыть обратное: крайнюю степень пристрастности, пристрастности человека, знающего истину и собирающегося восстать против нее; этот факт я старался доказать на основе сверки дат в жизнеописании императора Тиберия и в обвинении Тиберия в отравлении Германика и в смерти двух других членов семьи Августа. Я усердно и внимательно изучил этот вопрос по источникам, и Шультхессу несколько раз приходилось признать мою правоту, особенно тогда, когда я опирался на мнение известных ученых. Но когда я пытался доказывать нечто подобное своими силами, на основе источников, не опираясь на соответствующую литературу, Шультхесс страшно злился. Мое «упрямство» и настойчивость в этом вопросе казались ему «надоедливыми» и очень сердили его.

Шультхесс заметил, что я недостаточно силен в метрике – в определении ритма латинских стихов, и это давало ему повод поучать меня. С тех пор он завел манеру почти каждый стих, который мы читали, давать мне, чтобы я определял его размер, ритм, метр стиха… Он задавал множество вопросов, требовал доказательств и примеров, а когда я не справлялся, что случалось достаточно часто, говорил каждый раз: «Господин Динабург, вы, по-видимому, не в достаточной мере музыкальны». Друзья говорили: «Шультхесс бьет Динабурга метрикой, а Динабург Шультхесса – историей».

Среди слушателей Шультхесса было несколько швейцарских студентов, с которыми я подружился. Один из них раньше был пастором в цюрихской кирхе. Он работал учителем в средней школе, был блестящим филологом и очень хорошо знал иврит. Одним из его любимых авторов был Смоленскин, которого он читал на иврите и считал выдающимся писателем. Он любил повторять: «Если бы у меня была возможность, я бы переводил его на немецкий. Я уверен, что европейский читатель был бы в восторге от романа «Блуждающий по путям жизни» – это блестящее произведение, и если перевести его на один из европейских языков, оно имело бы выдающийся успех».

Я спросил его однажды, почему он бросил занятия теологией, уважаемую должность с хорошим заработком и пошел изучать классическую филологию? Он ответил мне: «Знаешь, чтобы быть пастором, нужно как минимум верить в Бога…»

Итак, я посвящал довольно много времени изучению римской истории. Особенно интересовали меня два периода: во-первых, Рим после Второй Пунической войны и проникновение Рима на восток и, во-вторых, переход от республики к империи и гражданская война. Эти темы я изучил достаточно капитально.

Даже тему для своей диссертации я выбрал по римской истории: «Иностранные делегации в Риме после Второй Пунической войны». Работе над этой темой я посвятил все летние каникулы 1913 года: сидел в берлинской библиотеке, просматривал, читал, анализировал литературные источники – и в конце того же лета Тойблер, с которым я все это время состоял в переписке, сообщил мне, что в «Юбилейном сборнике» Жерара, известного французского ученого, занимающегося историей римского права, вот-вот появится интересное исследование «о римской дипломатии после Второй Пунической войны»… Я нашел эту книгу и увидел, что никакого простора для исследований по этой теме для меня уже не осталось.

В связи с изучением римской истории я решил изучать и римское право. Я особенно заинтересовался этой дисциплиной, так как считал, что без знания римского права невозможно изучать Талмуд с исторической точки зрения. Профессором римского права был Филипп Лотмар, написавший интересную и важную книгу «Трудовой договор в соответствии с римским правом». Я пришел к Лотмару и рассказал ему, что хочу у него учиться, но при этом интересуюсь римским правом с исторической точки зрения, а не с правовой. Когда я подробно и терпеливо – по его просьбе – рассказал ему об интересующих меня исторических проблемах и почему я считаю, что изучение римского права может мне существенно помочь, я увидел, как в нем зажглась «еврейская искра». Выяснилось, что он франкфуртский еврей, который приехал в Берн из Эльзаса и уже более 20 лет является профессором университета. В целом он был далек от еврейства – все его научные интересы были далеки от иудаизма; к тому же он был очень закрытым человеком: говорил он не торопясь, больше слушал; но по вопросам, которые он задавал, было понятно, что его это очень заинтересовало. И действительно, в течение последующих полутора лет мне очень помогли его советы и беседы с ним об исторических и правовых проблемах, и когда с началом Первой мировой войны мне пришлось уехать из Берна, я получил от него в последний момент открытку (оказавшуюся для меня очень полезной), в которой он сообщал мне о том, что появилась книга Жюстера «Евреи в Римской империи»{701}, «повествующая о тех материях, которые так интересуют моего юного друга».

Зимой 1913–1914 года сфера моих интересов сместилась в сторону изучения Римской империи III века н. э., что также было связано с изучением еврейской истории. Я хотел изучить по еврейским (в основном талмудическим) и по внешним источникам вопрос о политическом строе в Палестине во времена

римской власти, начиная с момента восстания Бар-Кохбы и до конца византийского периода. Однако затем, постепенно, в ходе работы над источниками, я сократил изучаемый период до ста лет, и тема диссертации, согласованная с Беккером и Лотмаром, выглядела так: «Управление и самоуправление в Палестине в период от Септимия Севера до Диоклетиана».

Летом 1914 года Шультхесс вел семинар по римскому муниципальному праву, на котором мы изучали Lex Coloniae Juliae Genitivae (муниципальный закон испанского города Урсо 44 года до н. э.). Среди участников семинара был и профессор Лотмар. Он сидел вместе со всеми студентами, но время от времени – всегда по просьбе Шультхесса – вставлял интересные юридические замечания. Участие студентов – и мое тоже – в работе семинара было умеренным и осторожным, «в духе» самого Шультхесса. Шультхесс ни разу не делал мне замечаний, а некоторые мои комментарии ему даже нравились, и он хвалил их. Однажды, летом 1914 года, Шультхесс подозвал меня и сказал: «Я слышал, что вы не стали брать классическую филологию даже в качестве дополнительной дисциплины, а ваша диссертация – Лотмар рассказывал о ней – касается тех вещей, которые вы учили у меня. Вы пишете у Беккера – и ни разу не посоветовались со мной. Как же так? Разве вы не у меня учились?»

– Что вы, что вы! Я очень многое почерпнул из ваших уст! Просто у меня есть некоторые опасения. Вы же помните: я «недостаточно музыкален» и метрика для меня сложна… Господин учитель конечно в курсе, что я изучал у него классическую филологию только как вспомогательную дисциплину при изучении истории. Боюсь, что у меня не хватит знаний в области классической филологии для того, чтобы сдать экзамен профессору Шультхессу…

На его лице отразилась целая гамма эмоций, от радости до злости. Он кисло усмехнулся и сказал:

– Я догадывался, что причина в этом, и поэтому счел нужным подбодрить вас. Мне будет приятно, если вы решите сдавать мне экзамен. Это будет также и вам полезно. Вы только сейчас как следует занялись учебой. Вам не стоит торопиться. Следует получше сосредоточиться на какой-то одной области. Так или иначе, но я хотел сказать, что согласен с вами: вы еще будете ценить, что были моим студентом.

Я смутился – таких слов от него я не ожидал. Я пожал ему руку и стал благодарить его: «Все те знания, которые я почерпнул от вас, очень важны для меня, и я напишу об этом – раз господин учитель дает свое согласие – не только в своей автобиографии, но и в диссертации. Я никогда не забуду, сколь многое я почерпнул у

господина учителя не только в области классической филологии, но также и в области методики преподавания – а я ведь собираюсь стать учителем, – и если когда-нибудь мне доведется написать о своей учебе, я во всех подробностях опишу тот бесценный опыт, который я приобрел под мудрым и благословенным руководством господина учителя!» Тут я снова смутился, так как почувствовал, что мой ответ и тон моей речи показались ему «нахальными»: взгляд его стал холодным и пронизывающим, а на губах застыла усмешка… И вот сейчас я выполняю данное ему обещание.

Мы перекинулись еще парой слов на тему моей поездки в Париж, и он предупредил меня, чтобы я не пропускал семинарские занятия, а если я поеду до окончания семинара, то чтобы я предварительно сообщил ему об этом в письменной форме.

Работу над диссертацией я завершил в Петрограде в 1916 году. Я передал ее Ростовцеву{702}, он вернул мне ее с многочисленными пометками и сказал о ней немало теплых слов на заседании совета Петроградского университета. Когда я уезжал из Петрограда (в 1918 году), я отдал ее на хранение в Общество для распространения просвещения между евреями в России, и там она потерялась. Моя невестка, которой я послал сертификат через два года после моего приезда в Эрец-Исраэль, поехала по моей просьбе в Петроград, привезла часть моих книг, но рукописи не привезла: ее не удалось найти. Мой покойный друг, д-р Ландр, перед своим приездом в Эрец-Исраэль тоже нанес туда визит по моей просьбе, но найти ничего не удалось… В 30-е годы д-р М. Айзенштадт{703} (который был главой петроградской общины, а затем занимал аналогичную должность в общине выходцев из России в Париже) сообщил мне, что у него есть основания подозревать одного выходца из Петрограда в том, что рукопись находится у него. Поскольку тот не ответил на мое письмо, я решил опубликовать хотя бы одну часть из своего сочинения, восстановленную по памяти и по оставшимся у меня кратким наброскам. Моя работа «Рескрипт Диоклетиана об Иудее в 293 году и борьба между патриархатом и Синедрионом в Эрец-Исраэль» была опубликована в 5702 (1942) году в «Юбилейном сборнике памяти Ашера Гулака и Шмуэля Клейна» и представляла собой часть моей диссертации, которую я несколько переработал, так как не хотел, чтобы тот, кто стащил мое сочинение, на написание которого было затрачено столько усилий, опубликовал его под своим именем или использовал его для своей диссертации… Когда я был членом комитета Общества по исследованию Эрец-Исраэль и ее древностей{704}, там

планировался выпуск серии книг при поддержке Института Бялика{705}, и я предложил д-ру А. Шалиту написать «Историю римского правления в Эрец-Исраэль», рассказав ему о судьбе своего первого научного труда, поскольку мне хотелось, чтобы этой темой серьезно занялись.

С огромным интересом я слушал лекции Эрнста Дюрра по психологии и философии. Особенное впечатление произвела на меня одна характерная черта лекций Дюрра. Слушая его, почти в каждой фразе ощущаешь ход его мысли, чувствуешь, как энергична его мысль и точны формулировки, и становишься как бы невольным соучастником его мыслительного процесса. И это очаровывает. Он был очень приятным собеседником. Пару раз мне довелось беседовать с ним, и я отчетливо ощущал, как общение с ним будит и тренирует мысль.

Я регулярно слушал лекции по педагогике. Лектором был один из высших чиновников государственного управления образованием. Он читал университетские лекции по дидактическим и организационным проблемам образования. Его имя не было отмечено в расписании, было написано просто, что лекции читает чиновник Н. из министерства образования.

Участие высших государственных чиновников в университетском преподавании в Швейцарии не ограничивалось областью педагогики. В течение одного семестра я принимал участие в семинаре, темой которого были наполеоновские войны с военной точки зрения. Вел семинар начальник Генерального штаба Швейцарии полковник Хофман. Я не записался на семинар, но после разговора с полковником получил разрешение участвовать в семинаре в качестве «вольнослушателя», без записи в зачетную книжку, – формальной причиной было то, что я пропустил время записи на семинар.

Подобное сплетение университетской и государственной жизнью кажется мне одним из самых ярких признаков демократического строя. Одно время я регулярно посещал лекции Вальзера по географии и участвовал также в его выездных семинарах. Помню, какое впечатление произвели на меня его рассказы о Рейне и изгибах его течения, представлявшие собой краткое изложение истории возникновения ландшафта Германии. Лучше чем когда-либо я усвоил здесь органическую связь между «наукой» и «землей». Во время этих лекций и прогулок у меня иногда возникало ощущение, похожее на испытанное мною десять лет назад, когда я впервые изучал историю Украины и ее заселение: ощущение, что те исследования, которые не опираются на конкретную почву, оторваны от реальности. Я записал в свою тетрадь: «На семинарах Вальзера, посвященных Швейцарии, я

понял, в чем заключается просвещенческая идеология ассимиляции – в ее основе лежит тоска по земле…» Этот семинар посещали многие швейцарцы. Среди них я нашел себе знакомых и даже друзей, помимо цюрихского пастора и хозяина моей бернской квартиры, изучавшего юриспруденцию, чтобы баллотироваться в депутаты парламента. Особенно запомнились мне два молодых человека: сын главы Управления лесного хозяйства Швейцарии (француз) и сын директора школы. Они оба хотели познакомить меня со своими семьями и утверждали, что я веду образ жизни отшельника и совсем не общаюсь с людьми… Они обещали, что я буду пользоваться успехом в их компании, особенно среди девушек. Но я не дал себя уговорить. Только один или два раза я был у них в гостях… Как я уже говорил, я ходил на семинары Марти. Первое время я думал, что его предмет – семитская филология – будет моей основной специальностью. На его занятиях я учил иврит, арабский, арамейский и сирийский языки, а также тексты Бен-Сиры. Время от времени я приходил послушать его лекции по Танаху. Лекции про Бен-Сиру были интересны с точки зрения споров и обсуждений материала студентами, которые в большинстве своем хорошо знали иврит, некоторые даже очень хорошо (среди них был Я.-Н. Эпштейн), их замечания были меткими и полезными, хотя и высказывались обычно в очень скромной форме. С Я.-Н. Эпштейном я подружился; мы вместе возвращались с семинаров Марти; он рассказывал мне о своей учебе в Вене и жаловался, что за время учебы в Берне забыл многое из того, чему учился в остальных местах.

В арамейском и сирийском языках мы продвигались довольно быстро, а вот арабский шел медленно. Наш любимый учитель не спеша разбирал с нами Коран и очень корректно высказывал свои замечания ученикам. Марти был гораздо более силен в толковании Танаха, но его толкования мне не очень нравились: я даже позволил себе заявить ему, что не согласен принципиально с методом толкования, в основе которого не лежит восприятие главы текста как литературной единицы. Он согласился и сказал: «Таков мой метод…»

Мне нравился семинар Марти по структуре имен в семитских языках, в частности в иврите. Мой доклад о частях слова перед корнем в ивритских именах удостоился похвалы преподавателя: теперь он уверился в том, что рекомендация д-ра Йехуды была обоснованной… Прежде я полагал, что моей основной специальностью будет семитская филология, а в центре внимания будет Танах. Но система преподавания Марти не была мне близка, а из разговоров с Марти я понял, что он не из тех

профессоров, кто склонен легко изменять «принципам», особенно в своей области, – поэтому в первую же зиму я решил выбрать себе в качестве основной специальности общую историю. Преподаватель истории был близок мне по духу; но был весьма настырен и принципиально требовал, чтобы работа имела научную ценность. Для него были важны «знание, метод и независимый подход»… Итак, моей основной специальностью была общая история. Преподавателем истории в бернском университете был, как я уже упоминал, профессор Беккер. В молодости он активно участвовал в политической жизни Швейцарии, имел радикальные взгляды, и его политический темперамент чувствовался на каждой лекции. Он читал лекции в самой большой аудитории университета, и она всегда бывала переполнена. Его слушателями были в основном молодые юноши и девушки из деревень и маленьких городков Швейцарии, которые готовились стать преподавателями; лекции Беккера были для них обязательным курсом. Его лекции шли с 4 до 6 часов пополудни. Из огромных окон аудитории виднелись горы – швейцарские горы; лучи краснеющего закатного солнца окрашивали заснеженные вершины, и отсветы этих лучей падали на лица слушателей.

Беккер был блестящим лектором. Вслед за темпом своего голоса он и сам весь «вспыхивал и гас», и лучи заката над снежными вершинами светились на его лице и исчезали. Живописное освещение аудитории в этот час удивительным образом сочеталось с образностью и мастерством его лекций. Он внимательно следил за точностью и целостностью своих описаний. Создаваемые им образы были остроумны и отражали его радикальные политические воззрения: «Робеспьер, лишенный оливкового фрака, в сердце которого скопилась горечь…»; «испанская королева Изабелла, которую Луи Филипп выдал замуж за беспомощного недотепу, и она, несмотря на это, сумела родить восьмерых детей…»; «Екатерина Великая, которая, несмотря на свой маленький рост, умела выглядеть величественно, действительно была великой – в своих страстях – и имела мелочный характер» – и так на каждой лекции, про каждое историческое лицо. Неудивительно, что эти лекции были столь притягательны для молодых слушателей и слушательниц.

Однако с научной точки зрения было заметно, что материалы, по которым профессор Беккер читал свои лекции, заметно устарели, и это касалось лекций по всем периодам: от Древнего Востока, Греции и Рима до Марии Стюарт и Наполеона, Французской революции и 70-х годов. Было заметно, что лекционный курс выстроен раз и навсегда, и лектор ничего не

планирует в нем менять. Его семинар был, по его собственному определению, посвящен «познанию источников». Он рассказывал об источниках и о литературе, посвященной этим источникам, а студенты записывали.

Я написал Тойблеру подробный отчет о Берне. И про лекции Беккера тоже. Отметил, что основная идея университетского курса по общей истории за два года – подчеркнуть основные моменты в ходе истории. Я допускал, что лекции Беккера имеют ценность для студентов, но при этом остро критиковал форму лекций и их содержание. Тойблер посоветовал мне не быть столь резким в своей критике; он на своем опыте пришел к выводу, что в любом случае имеется необходимость в таком общем курсе, – в этом, писал он, ты и сам убедился, – но при этом он склонялся к тому, что метод Беккера верен, насколько он мог судить по моему письму: только с помощью таких «образных» описаний можно пробудить у молодежи интерес к истории. Он посоветовал мне продолжать слушать лекции и попросил время от времени рассказывать в своих письмах об этих лекциях.

Первый семестр моей учебы в Берне был загружен работой и напряженной учебой. На Песах я решил поехать в Вильно навестить жену и сына. Я поехал через Берлин и удостоился исключительного проявления дружеского отношения со стороны Тойблера. Он пришел в гостиницу, где я остановился, велел мне взять вещи и переехать к нему на то время, что я собирался быть в Берлине. И я переехал к нему. Эти три дня оставили о себе очень приятные воспоминания. Почти все время мы провели вместе. Вместе обедали дома, вместе сидели в кафе и обсуждали различные периоды истории Израиля.

В те дни Эдуард Мейер{706} опубликовал свой труд «Начало Второй Пунической войны», и я очень увлекся его методом анализа источников. Я говорил Тойблеру, что, на мой взгляд, с методической точки зрения эта работа по истории Рима может быть для меня исключительно полезной. Я рассказывал ему, что уже беседовал – очень осторожно – с Беккером и даже с Шультхессом на интересующие меня темы, исследованием которых я собираюсь заниматься, несмотря на то, что учусь только первый семестр.

Я собирался писать дипломную работу на тему: «Политика Рима на Востоке после Второй Пунической войны». Тойблер сузил тему и настоял на другой формулировке: «Иностранные делегации в Риме после Второй Пунической войны».

Я рассказал Тойблеру, как зимой с большим интересом читал книгу Друмана «История фамильных связей Рима»{707}. Прочел все четыре тома первого издания – и мне очень понравилось.

Помимо огромного количества фактов, сообщаемых с большой точностью и с указанием источников, я обнаружил, что он как историк весьма силен в анализе и что влияние Друмана на Моммзена удивительно велико, особенно в оценках тех или иных исторических деятелей, например, в оценке Цицерона, Юлия Цезаря, Помпея и его спутников. Тойблер сказал, что моих знаний по истории Рима и особенно в области немецкой историографии XIX века «недостаточно, чтобы делать такие выводы», и посоветовал мне быть осторожней в своих выводах и скромнее высказывать их… Я согласился с его оценкой, но совета не послушал.

В Вильно я пробыл не месяц, как собирался, а два с половиной месяца. Моя жена тяжело заболела и легла в больницу; лечение там было скверное, и я перевез ее и сына в Николаев.

В эти два с половиной месяца я достаточно часто посещал библ и отеку Страшуна и Центральный виленский архив, но в основном работал дома. Я успел подобрать себе небольшую, но хорошую библиотеку по истории Рима – в ней были почти все источники по римской истории на латыни и по-гречески – и продолжал свою работу даже в самых тяжелых условиях. Я часто посещал те места в Вильно, где жил десять лет назад. Не нашел никого из своих знакомых: все уехали, кто по своему желанию, кто вопреки. Кто-то эмигрировал в Америку, кого-то сослали в Сибирь, кто-то переехал в другой город – и не осталось даже никого, кто помнил о том, что они жили здесь. Только в бейт-мидраше в конце Малых Шнипишек я встретил юношу, сына раввина, он сразу узнал меня и так изумился, что поспешил домой, чтобы рассказать о моем появлении, дав мне время и возможность спокойно удалиться…

Я очень опасался пропустить начало весеннего семестра, и после переезда в Николаев жена считала, что мне следует немедленно возвращаться, несмотря на то, что врач ей сказал, что ей предстоит вторая серьезная операция. Она скрыла это от меня, написав мне об этом лишь впоследствии; она волновалась за мой семестр и не хотела, чтобы я пропустил полгода учебы.

Я вернулся в Берн, но пробыл там недолго и затем вернулся в Берлин, слушал университетские лекции и лекции Тойблера в Институте иудаизма. Тойблер вел семинар по книге Флавия «Против Апиона»{708}. Семинарские обсуждения были крайне интересными. Я участвовал в деятельности семинара, и Тойблер сказал, что ему понравилось мое участие, и особенно отметил мое мнение в споре о цитируемых Флавием словах Гекатея{709}. Я сумел доказать, что приведенная цитата действительно

принадлежит Гекатею Абдерскому и взята из несохранившейся книги «История Египта», а вовсе не Псевдо-Гекатею, как полагает большинство исследователей (позднейшему автору, подписывавшему свои сочинения именем Гекатея). Мое доказательство опиралось на знание границ Иудеи и Иерусалима, численности жителей и уклада жизни тех мест. Все эти сведения соответствуют только более раннему периоду, и не может такого быть, чтобы автор, желающий рассказать о величии Иерусалима, сузил в своем рассказе его границы и уменьшил количество жителей… Мой метод доказательства и выводы были совершенно аналогичны доказательству и выводам Тойблера, и он увидел в этом знак нашей «особой духовной близости». Вместе с тем я следил за научной литературой, особенно за исследованиями Ниссена{710} в отношении источников, используемых Ливием. Мне доставляло большое удовольствие читать, как он доказывает использование Ливием текстов Полибия и как он приводит рядом источники, не ощущая противоречия между ними.

Я был убежден в том, что систематическое сравнение свидетельств о Риме после Второй Пунической войны, сохранившихся в текстах Полибия, Ливия и других авторов, еще таит в себе возможность новых открытий, и очень увлекся этой работой. Мне нравилось изучать эти книги, я составлял списки и особенно усердно собирал сведения об Эрец-Исраэль и о евреях и добавлял их в свои списки. Кстати говоря, в ту же пору я вспомнил про свою «юношескую любовь» к Фюстелю де Куланжу и прочитал его книгу «Полибий и покорение Греции». Но когда я рассказал об этом Тойблеру, он снова посоветовал мне не отклоняться в сторону, а вникать получше в суть вещей.

Целыми днями я сидел в библиотеке, лишь ненадолго выходя в ресторан «Ашингер», ел там дешевую еду (за тридцать пфеннигов) и возвращался в библиотеку.

И вот как-то раз со мной случилась странная история: я вышел из библиотеки, чтобы перекусить в ресторане «Ашингер», и когда вернулся через полчаса к своему рабочему столу, то не обнаружил книг: они все пропали! Все книги, которыми я пользовался – исследования по римской истории периода после Второй Пунической войны: тексты, комментарии и исследования, оттиски, научные издания, альманахи – все исчезло! Я поспешил к служащим библиотеки, у которых заказывал книги, и рассказал им об этом происшествии. Я был настолько напуган и потрясен, что вызвал сочувствие привратника. Привратник обычно стоял у дверей в библиотеку, и все, кто входил и выходил, должны были показывать ему свои сумки. Он успокоил меня: не переживай, найдем и книги, и вора! Три дня искали книги. И в среду утром,

когда я пришел, меня подозвал привратник: «Наконец-то я нашел вора!» И он рассказал мне: в часы, когда библиотека была закрыта, обыскали все столы и не нашли книги; работники библиотеки были уверены, что никто не мог унести их из здания библиотеки. Поэтому решили, что книги находятся в библиотеке, человек читает их, когда библиотека открыта, а потом кладет их на одну из полок; значит, следует поискать по всем столам в рабочие часы. Служащий библиотеки, которому я каждый день возвращал книги, очень хорошо знал, как выглядят их обложки, и он прошел вдоль всех столов и во вторник обнаружил за одним из столов человека, который сидел и читал мои книги. Он попросил его выйти с ним в коридор – «не хотел нарушать тишину в читальном зале» – и спросил его: что это за книги, с которыми вы работаете, вы заказывали их? Человек смутился, стал запинаться, и привратник отвесил ему две звонкие пощечины и побежал звать полицию: «Я знал, что он убежит, и не хотел, чтобы он остался без наказания; но человек убежал, я допустил это…»

Я рассказываю про этот случай, поскольку ему сопутствовал дополнительный мотив. Когда я рассказал об этом инциденте Тойблеру, он спросил меня: «Был ли вор евреем?» Поскольку я не видел его, да и к тому же его не нашли, то я не мог ответить ничего вразумительного и заметил лишь, что привратник об этом ничего не сказал и даже не намекал на что-либо подобное. Тойблер порадовался тому, что в этом деле не присутствовал еврейский след. Я ощутил, что намек на еврейский след в какой-то степени относился и ко мне тоже.

Я догадывался, что в Германии у евреев гораздо сильнее было развито «еврейское чутье», чем у российских евреев. Я это понял еще в первые дни после приезда в Берлин. Мы пошли гулять с Гурвицем и с одним «шаромыжником» (так я называл тех, кто заканчивал Школу еврейских знаний и собирался получать разрешение на преподавание); я рассказал какую-то шутку, и Гурвиц стал громко смеяться. Наш товарищ по прогулке рассердился и строго сказал Гурвицу: «Эй, почему господин Гурвиц смеется так громко? Ведь этим он умножает зло». В этот самый момент мне вдруг открылось более интимное толкование романа Якубовского{711} «Страдания еврейского Вертера». Я почувствовал, что берлинская диаспора находится в гораздо более тяжелой ситуации, чем мы могли судить издалека, даже опираясь на ее описания в литературе.

Пасхальный месяц (апрель) 1914 года я провел в Париже. Я остановился у шурина, который был политическим эмигрантом и жил в Париже уже 9 лет. Моей формальной целью было изучение французской научной литературы (я был поистине очарован

исследованиями французских историков: меня совершенно покорило сочетание ясного изложения материала, основательности исследования и отсутствия громадного количества примечаний) для моей работы «Управление и самоуправление в Палестине в III веке». Лотмар дал мне ряд полезных советов по теме; кроме того, я несколько раз побывал в Национальной библиотеке. Но надо признать, что, будучи в Париже, я почти не сидел в библиотеке, а вместо этого гулял по городу, по пригородам и окрестностям, ходил в музеи, осматривал королевские дворцы, посещал политические собрания и театры. Домашние шурина посмеивались над моим «парижским аппетитом» и над тем, сколько я успеваю за день. Ранним утром я три часа работал и делал записи (я привез с собой книги для работы), затем вел восьмилетнего сына шурина в школу и разговаривал с ним об интересующих его вещах (о русских реках и о швейцарских горах) и рассказывал ему по-французски всякие истории «обо всем, что я видел и слышал». Днем я ходил в музеи, в библиотеки и архивы (времен Французской революции), а по вечерам посещал собрания и театры или встречался с новыми и старыми знакомыми и со своими родственниками. От всего этого у меня было множество впечатлений. Расскажу о некоторых, запомнившихся наиболее ярко. В один из первых дней моего пребывания в Париже шурин, который был рабочим на заводе «Рено», рассказал мне о «неодобрительном» отношении к евреям. Он был убежденным социал-демократом со стажем, и я чувствовал, что подобное отношение его задевает. Я решил «пробудить» в нем «еврейское самосознание». Я сказал ему:

– Ты понимаешь, что не можешь быть уверен даже в том, что твой сын не станет антисемитом? Он ведь не подозревает о том, что он еврей.

– Что ты говоришь? Жорж, – зовет он сына, – ты что, действительно не знаешь, что ты еврей?

– Что? Я – еврей?! – завопил мальчик. – Зачем ты меня обижаешь, папа?! – и кинулся на отца со сжатыми кулачками. Он был уверен, что отец потешается над ним.

Я пошел с шурином на большое сионистское собрание; среди ораторов были Вейцман и Шмарьяху Левин. Они вели переговоры с бароном Ротшильдом по поводу Еврейского университета и практической работы в Эрец-Исраэль. Барон должен был вскоре вернуться из своей четвертой поездки в Эрец-Исраэль. На шурина произвела впечатление речь Вейцмана, который говорил, что первым политическим сионистом после Герцля был тот еврей из маленького городка под Киевом, который отправил в Эрец-Исраэль своего второго сына после того, как там погиб его первый

сын. Но само собрание ему не понравилось: «Люди аплодируют слишком громко и таким образом демонстрируют, что эти идеи не так важны, как кажется Вейцману и тому еврею, который отправил туда своего сына; им слишком нравится болтовня».

На меня произвели большое впечатление парижские театры. Там я встретил многих своих знакомых. «Люди нашего круга, – сказал я, – везде под рукой!» Прогуливаюсь я вечером с шурином – и вдруг вижу своего друга и земляка, Яакова Чернобыльского, писателя и художника, который был активистом нашей сионистской организации, с женой, очень симпатичной девушкой, которая всегда берегла его от «дурного влияния», – она считала, что я увлекаю его в «мир фантазий». Я заметил их, когда они стояли возле витрины большого магазина. Я хотел подойти к ним. Они не видели меня, но как только его жена меня заметила – сразу потянула мужа за рукав и быстро увела его в ближайший переулок, по-видимому заботясь о том, чтобы мы с ним не встретились. В другой раз я встретил знакомого из Херсона, Александра Б., который был когда-то активистом нашей партии, мы поговорили с ним о политике, и он интересовался всеми текущими политическими вопросами – он работал корреспондентом одной из российских газет и был довольно далек от нас по своим взглядам; теперь наши убеждения разошлись окончательно.

Он увлеченно рассказывал о политической жизни Франции и привел меня на политическое собрание, чтобы послушать главу правительства – Вивиани{712}, а также Бриана{713} и ораторов других партий, в особенности правых. Франция бурлила после принятия закона о продлении срока службы в армии до трех лет. И мой знакомый, который раньше был радикальным сторонником «отрицания галута», стал пламенным французским патриотом. И вот – знакомые, затем знакомые знакомых… от всего этого можно было прийти в замешательство. Вот я сижу в гостях – разговор идет о России. Кто-то рассказывает про Киев 1906 года со слов своих знакомых, Сони и Миши. Помимо прочего, он рассказывает несколько эпизодов про… Давида и его приключения, про его революционную деятельность, про его преданность и верность. Выяснилось, что рассказчиками были знакомые Сони Розенгартен и Миши Лукашевича. Но меня изумила смесь правды и вымысла в их рассказе. Сижу и слушаю: боже мой! Люди живут в мире воспоминаний и питаются крохами прошлого, которое, говоря по правде, не что иное, как история сплошных потерь и разочарований, а они приукрашивают его для своего утешения. И когда мы возвращались, я попросил их, чтобы они рассказали мне про Соню и Мишу, чем они занимаются, как у них сложилась

жизнь; из моих вопросов им стало понятно, что я, видимо, тот самый Давид – у них заблестели глаза, и они сказали: если так, то у тебя здесь есть множество знакомых! Но я уклонился от дальнейших встреч.

Из всех парижских впечатлений два запомнились мне особенно хорошо: постановка французской пьесы в одном из театров и собрание социалистов, на котором выступали Марсель Самба{714} и Жан Жорес{715}.

Пьеса была из жизни парижского простонародья, молодых работяг, отвоевывающих себе право на жизнь и любовь в большом городе, и в ней были очень точные народные образы: рабочие, лоточники, женщины, спешащие на рынок, привратники и сторожа, дворники и водители омнибусов, служащие контор и школьники. И все это пропитано сильной любовью к Парижу и к его быту, в корне отличному от того, что можно представить себе, находясь за пределами Франции. И все это в сочетании с народными песнями и «бродячими куплетами», мелодиями и напевами, и публика с трудом сдерживалась, чтобы не начать подпевать артистам на сцене. Это был апофеоз Парижа. Многие годы спустя я мечтал о такой же драме из нашей жизни, так же пропитанной любовью к Иерусалиму, еврейскому быту и еврейским напевам.

В собрании социалистов – оно проходило в большом зале в подвальном этаже, и, чтобы попасть туда, нужно было спускаться по ступенькам – участвовало много народу, и было так тесно, что нам пришлось уйти оттуда, не дожидаясь окончания. Меня особенно впечатлила речь Марселя Самба (Sembat, он был членом правительства во время Первой мировой войны); низкого роста, с быстрыми жестами, со светлым лицом и черными волосами, короткой стриженой бородкой, одетый просто, но со вкусом. В его словах чувствовались ум и энергичность, говорил он резко и доступно: «Мы стоим перед угрозой войны. Не надо строить иллюзий!» Мне казалось, что в его речи все время повторялась одна мысль: «Faites la paix, sinon le roi!» («Стремитесь к миру, иначе вам навяжут короля!»)

Оратор утверждал, что если Франция не докажет на деле, что она стремится к миру, а не готовится к войне, то она не сможет влиять на других, и война начнется, причем гораздо быстрей, чем может показаться, и Франция потерпит в ней поражение. Французский государственный строй по своей природе не сможет одержать победу. Условие, чтобы победить, чтобы выстоять в войне, – это монархия и все, что связано с монархией, плюс отказ от всех достижений демократии. А если мы этого не хотим – нужно добиваться мира. В целом его речь мне не понравилась, но

я почувствовал, что «война уже очень близко, а раз так – надо собирать чемоданы».

Ощущение близящейся войны, внушенное мне речью Марселя Самба, было настолько сильным, что когда я слушал речь Жореса – пламенного оратора, с образной речью, которая будоражила и волновала умы, – и в его внешности, и в его словах я ощущал решительное противопоставление предыдущему оратору и искал в них прежде всего подтверждения этой «реальности». И я немедленно в этом убедился – подтверждение было полным и недвусмысленным; в его словах проскальзывала столь сильная тревога, а тон, которым он говорил о сопротивлении войне, был таким серьезным и революционным, что напомнил мне тон речей ноября-декабря 1905 года… Ощущение «кануна войны» стало еще сильнее, когда я вышел с собрания и купил у одного разносчика газет карту, громкое название которой привлекло мое внимание: «Европа будущего». На этой карте Германия и Австрия были разделены, а Ганновер относился… к Англии!

В письме домой я написал: «Тучи над Европой сгущаются. Война приближается. В Париже уже чувствуется запах пороха…»

Однако когда я вернулся в Берн, ощущение приближающейся войны, привезенное мною из Парижа, развеялось. Я занялся своей работой и успокоился. Рассказывая друзьям о пребывании в Париже, я упомянул о своем ощущении только в качестве примера коллективного «внушения», влияния оратора. Я целиком погрузился в работу, и работа стала продвигаться очень быстро. Помимо прочего, я много занимался подготовкой к литературной работе. И вот в этот-то момент произошло убийство австрийского престолонаследника. Все мои парижские ощущения возродились с новой силой. Мне стало ясно, что вот-вот начнется большая война и Россия тоже примет в ней участие. Я решил, что нужно торопиться домой, если я не хочу на время войны остаться за границей, вдали от жены и сына. У меня не было никакого сомнения в том, что грядут тяжелые дни для евреев в России, и поэтому мне следовало быть дома.

Я сообщил друзьям, что отправляюсь в поездку: хочу побывать в нескольких местах в Швейцарии, где я еще не бывал. Кто знает, будет ли у меня еще возможность вернуться сюда, – я предполагал, что дней через 15–20 начнется война, а за это время я успею завершить свою «поездку», вернуться в Берн и даже вернуться домой. Поездка была очень приятной. Я побывал в деревнях в кантоне Берн, проехал через Тун, Интерлакен, Люцерн – и вернулся с юга через Фрайбург. Шел пешком, ехал на телегах, на попутках, ел «фирменные блюда» каждого места и ночевал в народных гостиницах. Я решил постараться забыть мирскую

суету: не читать газет и быть одному на всем белом свете. И у меня даже получилось.

Неожиданно я решил поторопиться с возвращением. И когда я вернулся из поездки, уже почти объявили о начале войны: Сербия отклонила австрийский ультиматум. Но несмотря на это, я в тот же день сумел найти деньги на дорогу, быстро упаковался – благодаря квартирной хозяйке и моим друзьям, – взял с собой лишь небольшую часть книг и на следующий день, 28 июля, отправился через Германию в Россию. Я чувствовал: надвигается буря…

Глава 28. В студенческом кругу: друзья и товарищи

И в Берлине, и в Берне я жил почти как йешиботник: учился, не отрываясь от книг, вставал с рассветом и ложился затемно, вел жизнь отшельника и не общался с людьми. Последнее давалось мне с трудом. Я по природе своей склонен к общению, и у меня есть привычка беседовать на темы, которые меня занимают, – это моя вторая натура. Мне тяжело записывать в окончательной формулировке мысли, которые я не озвучивал раньше, о которых я ни с кем не разговаривал и не спорил. Беседа и спор пробуждают и направляют мою мысль. Поэтому я всегда любил спорить – не чтобы победить, а чтобы все понять; у меня были друзья, которым не нравилась эта моя привычка; они говорили, что я применяю в споре «нечестные приемы»: делаю вид, что у меня уже есть мнение по какому-либо поводу, а на самом деле лишь пытаюсь посредством беседы и спора уяснить для себя суть предмета и к тому же проверить, какова будет реакция окружающих на определенную точку зрения. Одним из моих постоянных собеседников был Я.-Н. Симхони{716}, который учился тогда в Берлинском университете и постоянно принимал участие в «еврейских» собраниях в Берлине. Помню, как-то раз Симхони сказал мне: «Ты меня поражаешь: ты так много общаешься в компаниях, разбрасываешь направо и налево свои интереснейшие идеи и мысли. Но это же совершенно непростительное разбазаривание! Это так странно. Мысли и идеи – самая интимная и личная собственность человека, их держат в секрете, ибо «благословенно лишь то, что скрыто от глаз», а ты как будто кричишь всем: «Вот чем я занимаюсь…» Думаю, лучше всего – потребовать «счет» от друзей за все идеи, которые ты им даришь…» Я засмеялся. Но, по сути, мне нечего было ему возразить. Похоже, что в этом отношении он был полной моей противоположностью. И эта непохожесть была одной из причин, мешавших нам сблизиться, несмотря на его очень теплое ко мне отношение.

Среди студентов Высшей школы еврейских знаний у меня не было близких друзей (кроме Гурвица). Время от времени я прогуливался с приятелями и разговаривал с ними или слушал их разговоры; или гулял с Шовой – и разговаривал на исторические и литературные темы, или пару раз – после лекций Тойблера – с Давидом-Цви Баннетом, или с Артуром Шпаньером{717}, мечтавшим изучать Талмуд с помощью неких мистических «новых

методов», на которые он возлагал большие надежды; или с Арье Таубером, с ним мы вели споры на библиографические и талмудические темы; или даже с Готшлаком, блестящим знатоком истории Израиля, «либералом» и крайним противником идеи сионизма, одним из немногих в школе, кто знал иврит. Но они все были моими «товарищами» лишь в сфере научных интересов, связанных с Высшей школой еврейских знаний. Я со своей стороны тоже строго соблюдал это «разделение сфер», по одной простой причине: я чувствовал, что их отношение ко мне – даже самых лучших из них, общество которых было мне приятно, – сродни отношению «важных и влиятельных людей» к «бедному родственнику», «недотепе», к которому надо относиться с уважением, даже, может быть, хвалить, но вообще-то он – «бедняжка»…

Не исключено, что их ко мне отношение отчасти способствовало возникновению распространившихся среди учащихся «слухов» о том, что у меня крайне «левые» взгляды. Большинство учеников были, по-моему, далеки от этого. Помню, как одного из студентов (Ойгена Гартнера) возмутили результаты выборов в рейхстаг (1912 года), которые привели к значительному укреплению позиции «социалистов» (фракция социал-демократов), ставших наиболее влиятельной партией в рейхстаге. Те немногие, с кем я близко общался, также имели «левые» убеждения. Помню, что как-то раз я пришел к д-ру Баннету (он был в трауре, и я пришел осуществить заповедь об «утешении скорбящих»). Д-р Баннет много расспрашивал меня о социалистическом революционном движении в России. А под конец рассказал мне, что он никогда ранее не голосовал за буржуазную партию, но немецкая социал-демократия его вконец разочаровала. Он уверен, что в Германии никогда не будет настоящей революции. Здесь нет людей, способных возглавить оппозицию и начать осуществлять изменения, единственный способ что-то изменить – это «смена государственного строя», которая навсегда лишит всех привычного «комфорта». И даже если это назовут «революцией», суть вещей от этого не изменится. Меня удивили слова о «медлительности» молодого поколения, а также революционный настрой и острая социальная критика д-ра Баннета, ортодоксального консервативного раввина, оставившего общину и перебравшегося в Берлин из-за того, что в его синагоге решили установить орган… Эта беседа положила начало разговорам о России и еврейском вопросе в России, мы говорили об этом с д-ром Баннетом два или три раза. Тойблер тоже был невысокого мнения о немецкой социал-демократии. Он описывал социал-демократов как людей, лишенных фантазии,

слабохарактерных, близоруких и недалеких. Их руководители – маленькие буржуа, похожие на профсоюзных лидеров; они погрязли в мелочах, у них отсутствует размах государственного масштаба. «Даже когда они придут к власти, у них не хватит силы справиться с этой властью – они будут опасаться хоть на шаг отступить от общепринятых норм и правил». Я не стал спорить; лишь сказал Тойблеру, что есть еще более глубокий изъян в немецком воспитании – оно задерживает развитие самостоятельности у учеников; это еще более заметно и ярко выражено в других слоях общества, не обязательно только среди рабочих. Я привел в качестве примера несколько своих берлинских наблюдений: два-три раза в месяц я ходил гулять по окрестностям Берлина, знакомился с «народом». Когда в субботние дни и в праздники встречаешься с большим количеством людей, – сказал я, – можно неплохо изучить их характер и привычки. Известно ведь, «человека узнаешь по его карману, по его стакану и по его гневу». В те дни можно было наблюдать все это одновременно. Мои же заметки – это впечатления постороннего человека, приехавшего издалека и, как говорит молва, «глядящего в корень». Я рассказал ему также про своего соседа по квартире, молодого немца, закончившего коммерческое училище, а ныне работающего в одном из берлинских банков и живущего со мной в одной квартире, в соседней комнате. В то время я жил в Галлензее (Hallensee). Юноша был членом правой политической организации и рассказал мне однажды, что «большинство жителей России – евреи, но царь – не еврей», доказав свои слова тем, что «в газетах всегда пишут о евреях в России»… О политике у меня была возможность побеседовать и с Эльбогеном, и с Йехудой. С ними было нетрудно спорить, так как единственным из преподавателей, у кого имелись стабильные политические взгляды и убеждения, был д-р Баннет. С Эльбогеном и с Йехудой я много беседовал, в основном на еврейские темы; точнее, слушал их рассказы и вставлял свои краткие замечания для поддержания беседы. От них я о многом узнал, в том числе о таких вещах, о которых раньше не имел ни малейшего понятия. Помню, как Эльбоген рассказывал мне про Элияху Шейда{718}, возглавлявшего чиновничий аппарат барона Ротшильда в Палестине и про его приезд в Бреслау и вечеринку, устроенную учениками раввинской семинарии{719} в его честь, и как Шейд учил их петь «ха-Тикву»{720} (в начале 90-х годов). Эльбоген очень удивился, услыхав от меня о деятельности Шейда в Палестине, и про все его попечительские дела в Эрец-Исраэль, и про полемику относительно них, и про жалкий конец его карьеры, а я со своей

стороны удивился тому, как мало Эльбоген, человек наблюдательный и умный, знает про современную еврейскую действительность… Эльбоген время от времени приглашал меня побеседовать с ним. Иногда ему нужно было объективное мнение «человека со стороны», и тогда он вставлял в разговор несколько замечаний, побуждающих меня поделиться своим мнением о тех или иных выдающихся людях из России…

Мне нередко выпадала возможность побеседовать и с д-ром Йехудой. Он тогда вел кампанию против руководства Альянса{721}, в частности против Альберта Антеби{722}, который, будучи главой Альянса в Эрец-Исраэль, оскорбил отца д-ра Йехуды. Кроме того, д-р Йехуда был в «оппозиции» к руководству Высшей школы еврейских знаний в связи с назначением нового преподавателя религиозной философии (д-ра Келермана). Он зачем-то счел нужным подробно ввести меня в курс этого дела: зачитывал мне свои письма и даже попросил меня произвести тематическую сортировку его корреспонденции по общественным вопросам, обещая мне, что я «не буду обделен вознаграждением». Он много рассказывал о своей жизни, о преподавательской работе, о своем участии в первом сионистском конгрессе{723} и объяснял мне причины, по которым он не участвовал в сионистском движении. Но все эти разговоры происходили в форме «монолога» одинокого человека, который находится в общественной изоляции и «душевном истощении», он беседует сам с собой, и ему нужен слушатель… Личное доверие, которое испытывал ко мне Йехуда, порой меня несколько смущало: я опасался – и небезосновательно, – что потом он будет сожалеть о той откровенности, с какой он рассказывал мне о некоторых вещах, и встреча со мной будет для него неприятна. Йехуда рассказывал мне о своем брате Йехезкеле, о каналах передачи арабских книг и журналов для европейских библиотек, о переговорах, которые он вел с Берлинским университетом про спецкурс по багдадскому диалекту арабского, и о том, как из-за вмешательства профессора Митваха{724} курс не состоялся. Он раскрыл мне свои научные планы, с помощью которых он хотел обосновать свои «нововведения», связанные с «египетскими» мотивами в Книге Бытие… Эти беседы часто велись во время прогулок: после лекций, которые заканчивались в 6–7 часов вечера, он звал меня проводить его пешком до Шарлоттенбурга – для беседы, в которой, как я уже говорил, я был только слушателем. Он много рассказывал мне о немецких востоковедах и об их антисемитизме, который обнаруживается в полной мере только во время их разговоров между собой, когда они уверены, что их не слышит никто из «людей Востока»…

Я не был особо в курсе и даже старался вообще ничего не знать о сложных отношениях между учителями Высшей школы еврейских знаний, но догадывался, что лучше всего не рассказывать никому о том, что я тесно общаюсь с Йехудой; всем было известно только о моей дружбе с Тойблером.

Самым близким моим другом был, как уже говорилось, Натан Гурвиц. Он учился в Берлинском университете на юридическом факультете; его работа на тему «Хранение и ответственность за хранение по талмудическому закону» получила приз Высшей школы еврейских знаний. Он написал эту работу на иврите, и один из членов жюри (банкир Оскар Вассерман) похвалил «элегантный иврит», не забыв отметить, что «автор выучил его, по всей видимости, не в Берлине…»

Работа была опубликована Йозефом Колером{725} в научном журнале «Сравнительное правоведение». Колер пригласил Гурвица и расспросил его об образовании, о методах изучения Талмуда и во вступительном слове к статье написал: «Господин Гурвиц – блестящий талмудист, он учился у Виленского Гаона»…

Когда Гурвиц увидел эту фразу, у него потемнело в глазах. Колер отказался убрать ее и перенабрать статью заново и предложил написать примечание с указанием об ошибке. Я посоветовал Гурвицу решительно потребовать, чтобы эти две страницы перепечатали заново (даже пусть это будет за его счет), и действительно ему пришлось потратить на это значительную часть полученного гонорара.

Гурвиц привел меня в небольшую берлинскую «колонию поселенцев из Эрец-Исраэль»; там были воспитательницы, учителя, служащие и даже те, кто раньше были сельскохозяйственными рабочими в Эрец-Исраэль, а ныне стали студентами университета; среди них мне особенно запомнился один юноша, на визитной карточке которого было написано: «сельскохозяйственный рабочий такой-то». К этой группе принадлежал и Давид Шимонович{726}, который уже бывал в Палестине, публиковал свои впечатления о тамошней жизни и поступил в этом году в Берлинский университет, намереваясь учить восточные языки. В то время в «ха-Шилоахе» были напечатаны сочинения Шимоновича – «Язычники» и «Заблудившийся во времени», и я вел с ним беседы и споры об отношении между «идеалом и реальностью» в описаниях настоящего и прошлого.

Наша с ним дружба стала еще крепче после того, как Давид Шимонович как-то раз прочитал мне нравоучение по поводу моей «убийственной критики» в адрес мудрецов и ученых, в которой он видел пренебрежение к труду ближнего и серьезный удар по

восхваляемой мною хасидской заповеди «ищите добра, а не зла». Он имел в виду мою критику «Талмудической археологии» Крауса{727}. В то время в Берлине находился Шмуэль Краус; он читал лекции на иврите в Обществе языка иврит; после лекций были дебаты и обсуждения. В дружеской беседе я подверг критике его трехтомную «Талмудическую археологию», незадолго до того опубликованную Обществом по развитию еврейских исследований. Кроме того, в начале 5672 (1911) года Краус опубликовал в «ха-Шилоахе» статью под названием «О талмудических древностях». Я сказал, что книгу стоило бы назвать не «Талмудическая археология», а «Собирание археологических сведений и обсуждение археологических проблем в Талмуде» и что вообще-то понятие «археология» относится к определенному народу, к определенному времени и к определенной стране, а не к литературе. «Археология» – это жизнеописание целого общества на основе осязаемых рудиментов «прошлого», а не реконструкция на основе литературы и не интерпретация источников, даже если это археологическая интерпретация. Археология – это реалия!

В разговоре принимал участие д-р Ф., ученик Крауса, который заявил:

– Моя критика «Талмудической археологии» основывается на совершенно иной точке зрения: д-р Краус опирается по сути только на Письменную Тору, а исследование Талмуда по своей природе предполагает более глубокий анализ Устной Торы; «Краус исследует Талмуд по «записям» (Письменная Тора), а «письмо» властвует над ним – отсюда все недостатки…

Шимонович сказал мне по дружбе, что д-р Ф. не осмелился бы так высмеять своего учителя, если бы не увидел в моих словах «разрешение» на «осквернение чести учителя»… Я пообещал ему, что поостерегусь в другой раз впадать в заблуждение и вводить в заблуждение ближнего – и поблагодарил его за «нравоучение».

Через Давида Шимоновича я познакомился с несколькими еврейскими писателями, жившими – или гостившими – в Берлине: с Шмуэлем Гурвицем{728}, с д-ром Ш. Меламедом{729}, с А.-А. Кабаком{730}, с Авраамом Бен-Ицхаком{731}, с Шмуэлем-Йосефом Агноном{732} и некоторыми другими. Особенно запомнилось мне знакомство с Шмуэлем-Йосефом Агноном, состоявшееся в красивой комнате Давида Шимоновича. Я не запомнил самого начала нашей беседы, как мы заговорили о «толковании названий» еврейских сочинений. Но осталась в памяти картина – напротив меня сидит Шимонович и смотрит на меня, полушутливо-полусерьезно, а я «разглагольствую»:

– Названия книг олицетворяют «облик литературы», из

названий состоит «литературный пейзаж», но с точки зрения названий у нашей литературы нет привлекательного облика и нет живописного пейзажа. И неслучайно в еврейской литературе (мне не известны примеры в других литературных традициях) названия книг связаны с личными интересами писателей, с их именами, именами их отцов и тому подобное, лишь иногда название в самых общих чертах имеет отношение к содержанию книги – но менее всего автор думает привлечь внимание читателя и заинтересовать его… Вот, например: «Сад Давида» (Давида Холуба[733]) – книга о еврейских врачах, «Совершенство красоты» (Х.-Н. Дембицера)[734] повествует о краковских раввинах[735], в «Трактате о проказе» (Шмуэля Александрова[736]) собраны критические статьи, книга «Путь древа жизни» (М.-М. Гурвица[737]) – не что иное, как описание воложинской йешивы, «Многодейственный» (рабби Авраам, сын Виленского Гаона[738]) – это библиографический лексикон всех мидрашей, «Развитие вселенной, происхождение религии и науки» (Левина[739]) – поэма, а «Радость привычки: половина Богу, половина вам» (Моше-Ицхака Ашкенази[740]) – автобиографическое повествование…

Все развеселились и стали наперебой вспоминать «странные» названия книг и произведений на иврите и идише. Отличился в этом Шмуэль-Йосеф Агнон, ведший со мной продолжительный «поединок» эрудиций в сфере странных названий книг новой еврейской литературы как на иврите, так и на идише. Удовольствие получили все.

Однако для меня это не было простым развлечением. Меня интересовал литературный «пейзаж»: я записал для себя сотни книжных названий и пришел к нескольким выводам, которые сформулировал затем в виде тезисов к сочинению «Социальный образ еврейской литературы в названиях произведений». До настоящего времени «пейзаж» еврейской поэзии был очень «поэтичен»: «скрипки» и «органы», «мысли» и «видения», «стихи» и «напевы», «голоса» и «мудрецы», «цветы», «увеселительные сады» и «букеты лилий», «бутоны» и «ветви»… Однако «пейзаж» еврейской прозы был достаточно однообразен: в названии каждого рассказа непременно встречается слово «жизнь» – «Драмы жизни» и «Школа жизни», «Зеркало жизни» и «Легенды жизни», «Разнообразие жизни» и «За пределами жизни», «Долина жизни» и «Горечь жизни»… В этом отношении следует отметить первые шаги к «смене системы ценностей» в литературе: движение к простоте поэтического «пейзажа» и многообразию «пейзажа» прозаического. Но вот чего до сих пор не хватает нашему «пейзажу» – это поразительного остроумия,

проявляющегося в названиях книг на идише, остроумия, обращенного к сердцу читателя и пробуждающего в нем интерес к книге. И это не случайно. Ивритский писатель обращается к индивидууму, а не к массе. У меня сохранились только тезисы к этой работе да список «названий».

Несмотря на то что я отверг предложение Эльбогена написать «Историю новой еврейской литературы», я не прекратил усердно изучать эту самую историю. Летом 1913 года я проделал большую работу по изучению сочинений Рамхаля{741}. Я сравнивал его «Башню силы» и «Хвалу праведникам» с «Верным пастухом» Гуарини{742} и главы с обсуждением этого вопроса передал Шмуэлю Гурвицу для второй книги «Путей»: он обратился ко мне по совету Я.-Н. Симхони, чтобы я написал для него статью на эту тему, и даже выдал мне задаток в счет гонорара, который был для меня тогда весьма кстати. Тем временем началась мировая война, вторая книга «Путей» не вышла, и у меня остался только краткий конспект этой статьи, над которой я столько времени работал, а что сталось с переданной ему рукописью, мне неизвестно.

Но несмотря на то что у меня были друзья и знакомые в Берлине, я чувствовал себя там слегка не в своей тарелке: я начал понимать, что в самом деле есть большая разница между уединением и одиночеством… Когда я встречал (и это повторялось не раз) своих друзей или знакомых из России: из Полтавы или из Киева, из Одессы или из Херсона, из Ковны или из Тельши, – я ощущал, что атмосфера теплеет, и даже казался самому себе немного выше ростом…

«Социальный климат» в Берне был для меня гораздо более комфортным, чем в Берлине. Тому было несколько причин: я был свободен, мне не надо было ни перед кем отчитываться, учебная программа была более насыщенной и интересной, круг друзей был шире, и среди них были мои близкие друзья, с которыми я познакомился еще в России. У меня было три круга общения: научно-литературный, общественно-культурный и личный.

Уже в первые месяцы после приезда в Берн я убедился в том, что тех 25 марок в месяц, которым я так радовался в первые дни, совершенно недостаточно в качестве минимального бюджета для расходов на жизнь и на учебу. Мне пришлось заняться поиском дополнительных источников дохода. Я предпринял несколько попыток в разных направлениях. По совету Я.-Н. Эпштейна Рав Цаир (р. Хаим Черновиц), занимавшийся подготовкой к выходу в свет Талмудического словаря Гавронского{743}, пригласил меня принять участие в написании исторических и географических комментариев к именам собственным, упоминаемым в Талмуде и мидрашах. Я делал эту работу несколько месяцев. Работа была

интересной, меня в ней воодушевляло большое количество возможностей для исторического исследования. Помню, сколько времени и сил я потратил на выяснение значения слова «Ахайя» из Иерусалимского Талмуда: то оно означает римскую провинцию, то географическую территорию, а то греческую народность… Но тем временем вся работа перенеслась в Берлин, и Рав Цаир (или издатели, наследники Гавронского, зятя К.-З. Высоцкого) решил, что не стоит «умножать сущности там, где автор не ставил такой задачи». Вся работа над «Словарем имен собственных» прекратилась, моя рукопись и все собранные мной материалы остались у «редакции».

Ш. Нигер, который в то время был в Берне, считался студентом университета, но фактически являлся главным редактором ежемесячника «Ди Идише велт»{744}, начавшего выходить в Вильно. Он попросил меня писать время от времени заметки о новых книгах по истории Израиля. Незадолго до того И.-Э. Лейзерович (Изидор Лазар){745} опубликовал свой краткий перевод на идиш исторического труда Греца. Я передал Нигеру острую критическую заметку о первом томе, написав, что Лейзерович трактует историю Израиля по Мальбиму (одним из его «источников» были комментарии Мальбима к ранним пророкам). Заметку не приняли; последний раз мы виделись с Нигером в Нью-Йорке в 1954 году, он еще помнил ту заметку, но не мог вспомнить, почему ее не опубликовали; он помнил, что она была острой, но причина была не в этом. Он пообещал мне поискать рукопись, у него было ощущение, что она находится в его архиве…

Третья (и, как впоследствии выяснилось, наиболее успешная) попытка – мое периодическое участие в работе группы «анонимных» журналистов, писавших статьи, заметки, фельетоны и новости в русскую (а иногда даже в швейцарскую и французскую) прессу на темы, остро волнующие «общественность». Познакомила меня с этой группой российская студентка из Москвы, изучавшая классическую филологию; она приехала на семинар Шультхесса, но когда прочла в бернской газете объявление о том, что сдается комната, в котором были буквы K. R. (Keine Russen, «не русским»), решила покинуть Берн, а свой отъезд и его причину сделала достоянием гласности. Она к тому времени успела принять деятельное участие в семинаре Шультхесса и обратить на себя его внимание своим знанием древних языков. После занятий она зашла в кабинет профессора и сообщила ему о том, что покидает Швейцарию. Она заявила Шультхессу, что не хочет оставаться ни часа в стране, где публикуются подобные объявления, доказывающие слова Тацита

о том, что «германское гостеприимство не что иное, как шутка»… Из кабинета Шультхесса она вышла взволнованная, с поднятой головой и сверкающими глазами, подошла прямо ко мне и попросила меня пойти с ней в кафе, чтобы обсудить один «срочный вопрос»; по пути она рассказала мне о своем отъезде и сообщила, что хочет мне кое-что предложить. Когда мы уселись, я спросил, читала ли она когда-нибудь Танах (ведь она занимается древней историей!)… Выяснилось, что она «специалист» в этой области, хотя эта «специализация», конечно, весьма относительна в ситуации, когда человек беседует с евреем, изучающим семитские языки. Я сказал, что ее сегодняшние слова доказали мне глубокую истинность фразы из притч Соломона (18:23): «С мольбою говорит нищий, а богатый отвечает грубо»… Она не поняла моего намека. Я объяснил ей. «Ты понимаешь, – сказал я ей, – я еврей, а ведь в России существует черта оседлости и еще некоторое количество ограничений по отношению к нам…» Она покраснела, прервала меня и воскликнула с жаром:

– Не надо продолжать. Я скажу тебе, друг, открыто: если бы я была еврейкой, я бы дня не осталась в России и не стала бы ждать «решения еврейского вопроса»! Я бы первым делом уехала из страны, где меня обижают… Кстати, – добавила она со смехом, – ведь я участвовала три раза в семинаре Шультхесса и слышала, как ты споришь с профессором. Ты ведь не станешь отрицать, что твоей манере спорить с профессором гораздо больше соответствовала бы степень по библеистике? Как ты сказал – «отвечает грубо»? А ведь и слова Тацита я узнала от тебя, из твоего спора со студентами о Таците; и именно поэтому позвала тебя.

Затем она рассказала мне о «коллективе журналистов», о том, что она ведет посредничество между российской прессой и этой группой журналистов и хочет, чтобы я время от времени проводил консультации, писал новости и заметки по интересующим меня темам…

– Мы заинтересованы в этом, и тебе это тоже будет полезно. Но есть важное условие: абсолютная секретность, никакого «авторского права» и обнародования имен участников. Какой у тебя адрес?..

Я рассказал ей, что переехал сейчас на новую квартиру в Бюмплиц-Бетлехем, это одна остановка от бернского вокзала, место уединенное и удобное для встреч вдали от «дурного глаза».

С тех пор примерно раз в месяц ко мне приходили «журналисты», с которыми я раньше не был знаком. Я знал, что они поддерживают связь с другими членами русской «колонии», но это был «секрет». Иногда они передавали мне привет от

Карины (я до сих пор не знаю, было ли это ее настоящее имя, партийная кличка или журналистский псевдоним). Из всех моих бесед с ними мне особенно запомнилась беседа о деле Бейлиса{746} и русской науке. Суд над Бейлисом должен был состояться в ближайшие дни. Общественность была встревожена. Всех волновало, что сообщат эксперты – русские ученые. Кто знает, что они могут наплести? Среди них полно невежд, мало осведомленных в еврейском вопросе. В беседе с приятелями-журналистами я рассказал им несколько фактов, демонстрирующих вопиющее невежество в этом вопросе. В словаре Павленкова{747} (изд. Larousse) было приведено слово «зузя» (имелась в виду мезуза) и давалось объяснение: «иудейская божница, стоящая возле двери»… В энциклопедическом справочнике о России, изданном царским Географическим обществом, в 13-м томе, посвященном Белоруссии, была опубликована статья о евреях. Авторы статьи – проф. Довнар-Запольский{748}, известный русский историк, основатель киевского коммерческого института, и Беляев, лектор Дерптского университета. В этой статье имелось множество курьезов, домыслов и глупостей, которые были расценены мною как «грубое невежество, прикрытое псевдонаучной фразеологией». Помимо рассказа о «ребе, живущем в городке Сталин и имеющем большое влияние», в котором упоминались два класса евреев, «асидимы» (хасиды) и «миснахадимы» (миснагеды), там говорилось о еврейских праздниках: «Самый важный их праздник – это праздник Суккот, десятый день этого праздника называется Судный день…» Я объяснил приятелям источники ошибок профессоров, как в отношении странной транскрипции «хасидов» и «миснагедов», так и в отношении истории о еврейских праздниках. Все это излагалось по «строго научным» источникам; с одной стороны – упоминание слова «хасиды» («праведные») в Первой книге Маккавеев (2:41) в греческом написании, затем – предположение, что ***им*** – это неотъемлемая часть слова, а не окончание множественного числа; и наконец – мнение школы «библейской критики» Вельхаузена{749} о том, что Судный день восходит к упомянутому в книге Нехемии (9:1) посту… Так вот и скакали уважаемые ученые мужи с помощью новейшей «научной литературы» – от времен Нехемии к временам «ребе из Сталина». Эти мои комментарии, как мне потом рассказали, были напечатаны в чьем-то фельетоне «Путевые заметки по Швейцарии» (или что-то в этом роде), в котором фигурировала беседа с «евреем-ученым» в Швейцарии. Я ни разу не видел этот фельетон, но когда я рассказывал об этом в 1918 году одному известному российскому историку, преподавателю

Петроградского университета, он сказал мне, что читал этот фельетон в какой-то газете, и добавил: «Он не произвел на меня никакого впечатления. Невежество царит зачастую даже в более знакомых нам областях науки. Вспомнить хотя бы про Рюрика и его братьев – Синеуса и Трувора. Даже в новейших учебниках (например, в учебнике издания 1915 года) эта история рассказывается так же, как в летописи. И вот приходит ученый, немецкий ученый, профессор из Грайфсвальда, и доказывает, что «Синеус» и «Трувор» – это не что иное, как искаженные древненорманские слова Sine Aus = Sein Haus, Tru Wer = Treue Wehr, означающие: «его семья» и «верная дружина»… Автор летописи не знал значения этих слов и решил, что это братья Рюрика, а поскольку не нашел никаких других упоминаний о них, сделал вывод, что они сразу умерли…

Дело Бейлиса взбудоражило общественность, все находились в напряжении, наблюдали за допросом свидетелей и внимательно следили за всем этим фарсом, лживость которого разоблачалась на глазах у всего мира. Оправдательный приговор Бейлису был встречен всеобщим ликованием. В Берне на следующий день, 27 октября 1913 года, в понедельник вечером, состоялось собрание всех еврейских студентов. С речью выступили два еврейских профессора – Лотмар и Рейхесберг{750}. Второй из них, профессор политэкономии, – российский еврей, социал-демократ, принявший швейцарское гражданство. Из числа студентов выступали сионисты, бундовцы (Рохкин) и представители других партий, а также «независимые ораторы», в том числе Эмануэль Ольсвангер{751} и я. Ольсвангер говорил о символичности «тернового венца», возложенного процессом Бейлиса на голову российского еврейства, и его речь произвела впечатление своим мистическим духом. Я решил немного охладить пыл «победных истин» и умерить пафос гражданского героизма присяжных, преувеличенного кое-кем из выступавших, и попробовал задаться вопросом о том, каков политический смысл этого процесса. Согласно российскому закону, сказал я, у евреев до настоящего времени имелась лишь одна сфера жизни, где они чувствовали себя в безопасности, – религиозная сфера. Еврейская религия признана законом и находится под его защитой. Власти всегда признавали еврейскую религию и считались с ней. Политическая подоплека дела Бейлиса состоит в том, чтобы создать еще один повод для гонений на евреев, вывести еврейскую религию из-под защиты закона. На это недвусмысленно намекал в Думе Замысловский{752}, один из «гражданских истцов» на процессе против Бейлиса. Суд присяжных пришел к компромиссному решению, признав, что Ющинский был замучен, но Бейлис

невиновен. Цель подобного решения, на мой взгляд, была следующей: найти повод для гонений на всех евреев и при этом не запятнать своей репутации в глазах мирового «общественного мнения»! Я посоветовал не строить иллюзий в отношении будущего: «Нам следует ожидать, что преследования евреев усилятся». Начавшаяся вскоре волна гонений против российских евреев полностью подтвердила мой «прогноз».

Лотмар пригласил меня к себе после этого собрания и попросил поподробней объяснить сказанное; и хотя он признал, что «сказанное мной выглядит очень убедительно и логично», тем не менее, ему «не хотелось бы верить, что все так и будет…»

Помимо дела Бейлиса, имелись и другие проблемы, привлекавшие внимание еврейской студенческой общественности. Обособление еврейских студентов из России, языковой конфликт в диаспоре (иврит – идиш)[753], дебаты о языке преподавания в Технионе[754] и языковая война в Эрец-Исраэль[755], разговоры про еврейский университет, который еврейские общественные деятели из России планировали создать за границей (в Швейцарии) и который должен был решить проблему высшего образования российской еврейской молодежи[756]. Они рассматривали этот план как «реальное» предложение, в отличие от «утопической идеи» создания еврейского университета в Иерусалиме. Я активно участвовал в обсуждениях этих вопросов. Аарон Сингаловский[757], с которым я был немного знаком еще со времен нашего участия в движении сионистов-социалистов, активно выступал за объединение студентов из России. По его просьбе я составил обращение, которое в итоге ему не понравилось – чересчур академичное…

В Берне проходил День еврейских студентов, основными ораторами были Цви Аберсон и Александр Гольдштейн[758]. Меня впечатлила речь Аберсона, который остроумно и иронично говорил об организациях, которые по сути – еврейские, но при этом не допускают, чтобы их называли еврейскими; льстят Аману[759] – но закрывают двери, прежде чем к ним присоединится хоть один нееврей, хоть один представитель тех народов, которые притесняют евреев и закрывают перед ними двери университетов. Было в этом Дне еврейских студентов что-то от национальной демонстрации.

Примерно в то же время состоялось собрание бундовцев, на котором выступал проф. Герш[760] (известный бундовец из Женевы) и рассказывал о создании университета… в Швейцарии. Я первым начал дискуссию и в «академической» манере (имитируя стиль докладчика) показал, что единственно возможный путь развития университета – это наличие научных

задач, тесно связанных с его расположением и местонахождением. «Университет для российских евреев в Швейцарии» неизбежно станет символом еврейской «оторванности»: отсталым в научном аспекте, убогим с социальной точки зрения и не имеющим никакой национальной ценности. Напротив, университет в Иерусалиме может занять почетное место в науке – окружающая реальность станет источником актуальных научных задач, благодаря чему появится почва для новых научных открытий и роста молодых талантов. Университет в Иерусалиме станет еврейским центром, поскольку реальность будет еврейской и социально-общественные проблемы тоже будут еврейскими. Герш (его партийное имя было Песах Либман) был впечатлен моими словами, покивал мне головой и ответил всего лишь одной фразой: он согласен со всем, что я говорю, и не может принять лишь основное допущение – что «Иерусалим – это еврейская реальность»… Я получил большое удовольствие, когда в 5707 (1947) году мне довелось пригласить проф. Герша на Всемирную конференцию по иудаике в Иерусалим. Придя ко мне в гости, он стал вспоминать о споре, имевшем место 34 года назад с «одним студентом-сионистом в Берне», пересказал мне мои собственные слова… и был потрясен, когда я ему напомнил, что тот «спорщик-сионист» – это тот самый человек, который пригласил его на Всемирную научную конференцию по иудаике в Иерусалиме.

Моим самым лучшим другом в Берне был Гриншпон. И он же привел меня в федерацию «Иврия»{761}. Помнится, меня выбрали ее председателем. Кроме Гриншпона, который был ее активистом, в работе этой организации принимали участие Ольсвангер, Брудный (Бар-Эли){762}, Арье Брамсон{763}, Крупник{764}, Гершон Штерн{765} и еще несколько молодых людей. Со многими из них у меня были очень хорошие дружеские отношения.

Мне нравился Арье Брамсон, двоюродный брат Л. М. Брамсона{766}, из Белостока, красивый юноша тонкой душевной организации (кажется, он даже писал стихи), независимо мыслящий, страстный и убежденный, благородный духом, хотя была в нем какая-то отчужденность (он умер в Берне во время Первой мировой войны). В федерации я читал лекции про Моммзена и его отношение к евреям и еврейству. Несмотря на языковую войну, мои лекции посещали представители обоих лагерей, и даже Нигер иногда участвовал в дискуссиях.

После лекций, по инициативе Брамсона, собирался небольшой кружок по «истории Израиля», и я рассказывал участникам кружка про «библейский период». Среди моих постоянных слушателей было несколько замечательных молодых

студентов, особенно подружился я с Рафаэлем Маргулиным из Петербурга – студент-медик, скромный и деликатный юноша, всей душой преданный еврейству и сионизму; каждый раз, когда меня видел, он задавал мне «еврейские» вопросы, не дававшие ему покоя.

Когда встал вопрос о преподавании иврита в Технионе и началась забастовка учителей «Эзры» в Эрец-Исраэль, а языковая война получила публичную огласку, федерация «Иврия» устроила большое собрание, пригласив туда Шлимовича (это было партийное имя А. Ревуцкого{767}). Мы проинтерпретировали языковую войну как проявление культурного, национального и политического усиления ишува; к нашей трактовке отнеслись с уважением не только друзья, но даже и газеты, в том числе российские (вероятно, по инициативе штаба «Поалей Цион»). Но и в нашем «журналистском коллективе» я тоже прочитал целую лекцию на эту тему. Впрочем, в печать ничего не проникло. Я получил только одно письмо от моего юного друга Шломо (он был затем видным деятелем коммунистической партии и умер – или погиб – в конце 1921 года), в котором он восхищался той ясностью, с которой мне удалось разъяснить этот вопрос и донести его до общественности.

В один из тех дней мне сообщили заказным письмом из Берлина (а Тойблер и Эльбоген еще и в частных письмах), что Высшая школа еврейских знаний выдвинула меня в Сионистскую организацию и в организацию «Эзра»{768} – обе организации обратились к ним – в качестве кандидата на должность преподавателя истории, общей и еврейской, и мне следует обратиться в ту организацию, в которой я готов работать. *Я* обратился в центральный комитет Сионистской организации в Берлине и предложил свои услуги в качестве учителя истории. Ответа я не получил. В то же время я получил официальное предложение от организации «Эзра» и в ответном письме послал им вырезку из бернской газеты, где были напечатаны отрывки из моей речи на митинге протеста против организации «Эзра»…

Одним из моих друзей в Берне был студент-медик Ришон. Вместе с ним и с его коллегой, студентом Гершковичем{769} (ныне – член кнессета д-р Харель), мы решили создать студенческую сионистскую социалистическую – не по своему названию, а по своей направленности – организацию в Берне. Толчком к тому явилось предложение убрать из читального зала газету «Момент»{770}, выходившую в Варшаве, за то, что редакция газеты обратилась в полицию, и полиция арестовала рабочих, пришедших в газетную типографию с призывами к забастовке. Это предложение было отклонено большинством сионистов. Но

многие из нас были этим недовольны.

И вот была создана организация. Мнения по поводу названия разошлись: я предлагал назвать ее «Исраэль», но друзья решительно этому воспротивились, и их мнение победило: организацию назвали… «Форвертс». Я сказал им: организация с названием «Исраэль» еще, может, и выживет, а вот с названием «Форвертс» – не протянет и года…

Нас с Ришоном связывала очень крепкая дружба. Когда начиналась Первая мировая война и я уезжал из Берна, он помог мне собрать вещи, проводил меня на поезд, и с тех пор от него не было никаких вестей. Когда в 1954 году я был в Соединенных Штатах и участвовал в конференции историков по случаю 300-летия еврейской общины США, я обратил внимание на одного молодого докладчика из Университета Брандея, который напоминал внешне моего друга Ришона. Во время перерыва я спросил его, не родственник ли он д-ра Ришона, с которым я когда-то общался в Берне.

– Это был мой отец.

– Был?

– Он умер два года назад. Папа часто вспоминал ваше имя и много рассказывал нам о вашей дружбе!

Среди моих друзей было несколько человек, с которыми я был знаком прежде и близко сошелся лишь в Берне. Одним из тех, кого я знал раньше, был д-р Михаэль Виленский{771} (он умер год назад в Цинциннати, подобно мудрецу и знатоку Торы, которого не оплакали должным образом). Михаэль Виленский был родом из Кременчуга; его отец, Хаим-Бер Виленский, был одним из великих хасидов Махараша (раббейну Шмуэля Любавичского) и считался одним из крупнейших знатоков и блестящих «толкователей» среди мудрецов Хабада. У него был винный магазин, и он не «делал свое знание Торы источником заработка». У Михаэля были блестящие способности. Когда пришло время идти в хедер, его привели к ребе, и оказалось, что ребенок не только отлично умеет читать, но и уже успел прочитать большую часть книг Танаха и хорошо в них разбирался. Он много изучал Тору и был одним из первых «йошвим» (учащихся) в Любавичах у ребе Шолома-Бера. Отец Виленского был близким другом моего дяди р. Элиэзера-Моше Мадиевского и даже собирался стать его зятем. Я немного знал Михаэля по Кременчугу. В Берне он изучал математику и химию. Он публиковал в специализированных изданиях свои труды по математике, но его отношения с преподавателями были далеки от идеальных. Он отличался склонностью к резкой критике, замечал людские слабости и недостатки и старался говорить правду в

глаза. Его суждения были меткими и правдивыми, и его частенько недолюбливали «власть имущие». Впоследствии он издал научным изданием «Книгу формообразования» Ибн-Джанаха, а также несколько серьезных научных работ. Когда я был в Цинциннати, я навестил его в больнице – мне было жаль этого человека с незаурядными способностями, который так много мог дать своему поколению!

Мы очень дружили, его суждения и мнения о людях и книгах, о явлениях и событиях всегда заставляли задуматься, хоть я и никогда не бывал даже в малейшей степени согласен с ними.

У меня было еще двое друзей, с которыми я много общался в часы досуга. Один был студентом-химиком – Бобтельский{772} (ныне профессор университета), мы с ним часто прогуливались и обсуждали «мировые проблемы». Бобтельский считал, что я как будто «сижу в шатре», «нахожусь взаперти», не вижу людей, не дышу воздухом и не ощущаю вкуса к жизни. Когда у меня появилась квартира в пригороде – в Бюмплиц-Бетлехеме, я каждый день ходил пешком оттуда в университет – 45-минутная прогулка через парк. Так что воздухом я очень даже дышал… да и людей видел немало. Но все же мой друг был прав в том, что я веду уединенную жизнь. Даже когда нахожусь среди людей.

Второго моего друга, с которым я часто беседовал и спорил, звали Давид Эйнхорн{773}. Началась наша дружба на литературном вечере, где Эйнхорн читал свои стихи. Стихи были проникнуты еврейской романтикой и произвели на меня большое впечатление. Хаим Черновиц (Рав Цаир), который тоже присутствовал на вечере, был в восторге от еврейского народного колорита этих стихов. В одном из стихов Эйнхорн использовал образ «высокой городской башни». В разговоре с ним я спросил, читал ли он в детстве рассказ Фридберга «Сильный, чтобы спасать» (в переводе с немецкого) и не произвело ли на него особое впечатление описание городского совета в Нюрнберге и городской башни. Он тотчас же вспомнил, как его в свое время поразил этот образ.

Я с огромным интересом слушал Эйнхорна – о том, как он начал писать стихи, опубликовал свои первые стихи на иврите в журнале «ха-Олам»{774}, а затем стал писать на идише. Одной из причин этого стала самодеятельность «редакционных» поэтов, которые перекраивали его стихи и вставляли туда свою отсебятину…

Эйнхорн в то время был крайним «ненавистником Сиона», и мы без устали вели резкие споры. Вместе с тем он испытывал ко мне огромное доверие и рассказывал мне (хотя и не во всех подробностях) о врачебной карьере своего отца, который

дослужился до чина генерала (в качестве военного врача), а затем вернулся в бейт-мидраш учить Тору…

Эйнхорн был не единственным «левым» из тех, с кем я спорил: были также бундовцы и социал-демократы всех сортов, многих из них я встречал потом в России во время революции, в которой они принимали участие. Несколько моих друзей, узнав, что я собираюсь ехать в Россию, поспешили в тот же день прийти попрощаться со мной и убеждали меня не ехать… И даже профессор Беккер, которого я случайно встретил на улице, приветствовал меня и уговаривал не ехать:

– Война закончится через три месяца!..

notes

Примечания

1

Уже может поцеловать (идиш).

2

Численное значение корня *tmg* – усердие.

3

Схоластический термин, принятый при обсуждении талмудических дискуссий. – *Прим. ред.*

4

Риторический вопрос, указывающий, как правило, на противоречие или неясные места в тексте Талмуда. – *Прим. ред.*

5

Молодой человек, который окончил обучение в йешиве и обзавелся семьей. – *Прим. ред.*

6

В оригинале по-русски. – *Прим. ред.*

7

Марор – горькая зелень, атрибут Пасхального седера. Здесь – горечь. См. также прим. 6 к гл. 22. – *Прим. ред.*

Комментарии

1

Хедер – начальная еврейская школа для мальчиков младшего возраста, в которой изучаются древнееврейский язык и Пятикнижие с комментариями.

2

Арон кодеш («Священный ковчег») – место (шкаф) в синагоге, где хранятся свитки Торы.

3

Казенный раввин – избранный общиной и утвержденный губернскими властями раввин. В его обязанности входили регистрация рождений, браков и смертей, контроль за правильностью совершения религиозных обрядов. Казенный раввин должен был владеть русским языком и иметь признанное государством высшее или среднее образование. Зачастую, должность казенного раввина была номинальной, а главные религиозные функции в общине выполнял так называемый духовный раввин, получавший свои полномочия только от общины.

4

Духовный раввин – формально заместитель или помощник казенного раввина. В реальности, особенно в черте оседлости, духовные раввины часто были истинными лидерами общин.

5

Монтефиоре, сэр Мозес (Моше, 1784–1885) – крупнейший британский банкир и предприниматель, с 1846 г. – баронет. Монтефиоре – выдающийся еврейский филантроп и общественный деятель, внесший огромный вклад в развитие еврейских поселений в Палестине. В 1846 г. посетил Россию.

6

Шнеур-Залман из Ляд (Старый ребе, Алтер ребе, 1747–1812) – хасидский лидер (цадик), основатель особого направления в хасидизме – Хабад и родоначальник династии цадиков, позже принявших фамилию Шнеерсон.

7

Любавичи – в настоящее время село Рудянского р-на Смоленской обл. С 1813 г. по 1915 г. – центр хасидского движения Хабад.

8

Шнеерсон, Менахем-Мендл из Любавичей (Цемах Цедек, 1790–1866) – третий лидер движения Хабад, законовед, мистик, автор многочисленных галахических и эгзегетических сочинений.

9

Борух-Шолом из Лужан (1804–1869) – старший сын третьего лидера Хабада Менахема-Мендла Шнеерсона (Цемах Цедека). После смерти отца не унаследовал титул цадика (ребе), тем не менее пользовался большой популярностью среди хасидов. Его потомки были раввинами в различных населенных пунктах Российской империи, а правнук по мужской линии, Менахем-Мендл Шнеерсон, стал седьмым по счету любавичским цадиком.

10

Цвейфель, Элиэзер-Цви (1815–1888) – писатель, преподаватель раввинского училища в Житомире. Пытался совместить идеи Гаскалы с хасидизмом и раввинской ученостью. Писал на иврите и на идише. Литературное творчество Цвейфеля отличается разнообразием жанров – он писал как художественные произведения, так и публицистику, труды по истории, литературно-критические статьи. Отличался положительным и серьезным отношением к хасидизму и еврейской традиции, более характерным для последующих поколений исследователей (Бубер, Дубнов и т. д.)

11

Еврейское историко-этнографическое общество – было основано первоначально в виде Комиссии при Обществе для распространения просвещения между евреями в России, самостоятельно существовало с 1908 г. и прекратило свою деятельность в конце 1920-х гг.

12

Хорол – город в Полтавской губ., ныне Полтавская обл., Украина.

13

Шнеерсон, Дов-Бер (Средний ребе, Митл ребе, 1773–1827) – второй лидер движения Хабад. Перенес центр движения из Ляд в Любавичи.

14

Адмор – аббревиатура слов *адонейну, морейну ве-рабейну,* «господин, учитель и наставник наш». Принятое в хасидском движении обозначение духовного лидера, которого называют также рабби (ребе в восточноевропейском произношении), цадик («праведник»), «добрый еврей» или «красивый еврей».

15

Шнеерсон, Шмуэль (Махараш, 1834–1882) – младший сын Менахема-Мендла Шнеерсона (Цемах Цедека). После смерти отца и раскола движения Хабад на 4 ветви с центрами в Копыси, Лядах, Нежине и Любавичах возглавил любавичских хасидов.

16

«ха-Магид» («Проповедник», ивр.) – еженедельная газета на иврите. Была основана в 1856 г. в г. Лык, в Пруссии (ныне г. Элк, Польша), где издавалась до 1890 г. В 1890–1892 гг. издавалась в Берлине, в 1892–1903 гг. – в Кракове. С 1880-х гг. находилась на палестинофильских позициях.

«ха-Мелиц» («Заступник», ивр.) – газета на иврите, с 1886 г. печаталась ежедневно. Выходила в 1860–1871 гг. в Одессе, с 1871 по 1874 гг., затем с 1877 по 1904 гг. – в Петербурге. С 1880-х гг. придерживалась палестинофильской ориентации.

«ха-Цфира» («Гудок», ивр.) – еженедельник, выходивший на иврите в Варшаве в 1862 г. под редакцией Х.-З. Слонимского. В 1874 г. был возобновлен в Берлине, а с 1876 по 1906 гг. вновь выходил в Варшаве, с 1885 г. – под редакцией Н. Соколова.

19

Ученый еврей – должность, введенная в 1844 г. в некоторых государственных институтах. Ученые евреи служили консультантами по религиозно-этическим и прочим вопросам еврейской национальной жизни, а также инспектировали еврейские училища.

20

Кокошкин, Сергей Александрович (1796–1861) – петербургский обер-полицмейстер, с 1847 по 1856 г. – генерал-губернатор Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний.

21

19 кислева – праздник, отмечаемый в движении Хабад. Посвящен освобождению основателя движения р. Шнеура-Залмана из Ляд из-под ареста в Петербурге в 1798 г.

22

Ланде (Ландау), Исраэль-Исер (1839–1906) – родился в семье хасидов Хабада, в 1889 г. принял лютеранство. В 1889–1906 гг. работал цензором еврейской литературы в Петербурге. По свидетельству знавших его людей, крещение Ланде носило достаточно поверхностный характер, он продолжал втайне соблюдать еврейскую традицию, в частности, в его доме подавалась только кошерная пища. Был связан с еврейскими религиозными кругами, способствовал беспрепятственному выходу религиозной литературы. Боролся с проявлениями открытого атеизма в светской литературе. Отправил свою жену и дочь в Швецию, где они могли придерживаться еврейского религиозного образа жизни. В апреле 1906 г. подал в отставку, умер в октябре того же года в Швеции.

23

Даян (судья, ивр.) – судья, разбирающий религиозные вопросы и конфликты между частными лицами. Здесь – специалист по Галахе.

24

Галахические решения, Галаха – совокупность еврейских религиозных правил и предписаний. Термином Галаха называют также законоведческие тексты Талмуда и вообще всю еврейскую законоведческую литературу.

25

Поместье знаменитого князя Мещерского – возможно, имеется в виду Мещерский, Владимир Петрович (1839–1914) – журналист и беллетрист. Автор ряда романов о жизни петербургской элиты, а также художественных произведений, направленых против революционеров и «нигилистов». Редактор ультраправого журнала «Гражданин».

26

Резник (шойхет) – специалист, совершающий убой скота и птицы в соответствии с предписаниями иудаизма.

27

Кружки (копилки) Меира-чудотворца – р. Меир-чудотворец (Меир Баал ха-Нес, прибл. 110–165 гг. н. э.) – выдающийся законоучитель талмудической эпохи. Согласно талмудическому преданию, р. Меир творил чудеса краткой молитвой: «Боже Меира, услышь меня» (Талмуд, Авода Зара, 18а). Гробница р. Меира в Тверии является местом паломничества. Копилки р. Меира-Чудотворца, в которые собирались пожертвования на содержание могилы р. Меира, других мест паломничества и йешив Земли Израиля, были во многих еврейских домах, в них было принято бросать монеты перед зажжением свечей в субботу и праздники и т. д.

28

Колель – объединение евреев – выходцев из того или иного региона, проживавших в Земле Израиля.

29

Хабад – одно из наиболее влиятельных направлений хасидизма. Название – аббревиатура ивритских слов *хохма, бина, даат* – «мудрость, понимание, знание», названия трех высших эманаций – *сфирот* в учении Каббалы. Основано в конце XVIII в. р. Шнеуром-Залманом из Ляд. После смерти основателя центр этого движения переместился в местечко Любавичи Могилевской губернии (ныне – Смоленская область). Во главе движения Хабад стоят потомки р. Шнеура-Залмана – Шнеерсоны.

30

Сбор денег на содержание раввина – в Российской империи раввины находились на содержании общин. В этой связи были распространены сборы пожертвований на содержание раввина, также проводился сбор средств на нужды цадиков (среди хасидов) и на поддержку йешив (главным образом среди миснагедов, см. прим. 34).

31

10 кислева – праздник, отмечаемый в движении Хабад. Посвящен освобождению в 1826 г. второго лидера Хабада р. Дов-Бера из Любавичей из-под ареста в Витебске.

32

Пурим – праздник, установленный в связи с избавлением евреев Вавилонии от гибели во времена царя Ахашвероша. Пурим – самый веселый из еврейских праздников. В этот день принято посылать яства друзьям и раздавать подарки беднякам, устраивать театрализованные представления и веселые застолья.

33

Симхат Тора («Радость Торы») – в диаспоре – последний, девятый день праздника Суккот (в Земле Израиля совпадает с восьмым днем, Шмини Ацерет), в который заканчивается и начинается заново годовой цикл чтения Торы; один из самых веселых еврейских праздников.

34

Меламед – учитель начальной школы (хедера), преподававший обычно Пятикнижие и Мишну.

35

Миснагдим (букв. «противники», ивр.), миснагеды – противники хасидизма, представители традиционного раввинистического иудаизма. Идейная борьба между миснагедами и хасидами продолжалась в еврейских общинах Восточной Европы со второй половины XVIII в. до конца XIX в.

36

«Восход» – журнал, издававшийся в Петербурге А. Ландау. Первое еврейское периодическое издание на русском языке, сумевшее просуществовать долгие годы (с 1881 по 1903 гг.). См. о нем: «Восход» – «Книжки Восхода»: Роспись содержания / Сост. А. Р. Румянцев. Вступ. ст. В. Кельнер. СПб., 2002.

37

«Мидраш Раба» – сборник мидрашей (вольных комментариев, легенд и т. п., посвященных библейским сюжетам) к Пятикнижию и пяти книгам Писаний – Руфь, Эсфирь, Плач Иеремии, Экклесиаст, Песнь Песней. Впервые опубликованы вместе в 1545 г. в Венеции. В наше время известен, прежде всего, по двум образцовым виленским изданиям XIX в.

38

«Ялкут Шимони» («Антология Шимона») – антология мидрашей, составленная в XIII в. р. Шимоном из Франкфурта. Включает более десяти тысяч аггадических и мидрашистских изречений и комментариев по всем книгам Библии на большинство ее глав и значительную часть ее СТИХОВ.

39

«Толдот Яаков-Йосеф» («Потомство Яакова – Йосеф», ивр.) – главный труд Яакова-Йосефа из Полонного, написан в форме комментария на Тору. Излагает основы хасидского учения Баал-Шем-Това, впервые был опубликован в 1780 г. в Кореце.

40

«Тания» – основной труд Шнеура-Залмана из Ляд, систематизированное изложение концепции хасидизма Хабада. Первоначальное название книги – «Ликутей амарим» (ивр. «Собрание изречений»), но чаще ее называют по первому слову-Тания (арам. «Учение»). Две первые части «Тании» были опубликованы в 1796 г. в Славуте (ч. 3–4 – только в 1814 г.), сразу же вызвав значительные нападки как со стороны миснагедов, противников хасидизма, так и со стороны ряда хасидских авторитетов, которые усматривали в концепции Шнеура-Залмана, подчеркивающей примат разума над чувствами и переживаниями, отступление от учения Бешта. Впрочем, полемика не помешала «Тании» стать одним из наиболее авторитетных хасидских сочинений.

41

«Ликутей Тора» – сочинение основателя движения Хабад р. Шнеура-Залмана из Ляд (1745–1813). Содержит комментарий к Пятикнижию. Впервые опубликовано в Житомире в 1848 г.

42

«Биурей Зохар» – каббалистическое произведение второго лидера Хабада, любавичского ребе Дов-Бера Шнеерсона. В «Биурей Зохар» автор анализирует книгу «Зохар» с точки зрения идеологии Хабада.

43

«Кунтрес ха-хитпаалут» («Трактат об экстазе») – произведение любавичского ребе Дова-Бера Шнеерсона. Книга является систематическим изложением учения Хабада. Впервые издана в 1876 г.

44

Гилель из Парича (1795–1864) – раввин в Париче, позже в Бобруйске. Один из лидеров движения Хабад. Способствовал росту и укреплению хабадских общин в Восточной Белоруссии и на Южной Украине.

45

Паричи – поселок в Светлогорском р-не Гомельской обл., Белоруссия.

46

«Тиферет Исраэль» («Слава Израиля») – произведение р. Исраэля Лифшица (1782–1860). Содержит комментарий к Мишне. Впервые опубликован в Ганновере в 1830 г.

47

Талмуд (букв. «Учение», ивр.) – основополагающий свод правовых и морально-этических положений иудаизма. Талмуд представляет собой расширенный комментарий к более древнему законодательному своду – Мишне (III в. н. э.). Он включает дискуссии, которые велись законоучителями Земли Израиля и Вавилонии на протяжении восьми столетий, и является основным источником Устной Торы. Различаются более авторитетный Вавилонский и Иерусалимский Талмуды.

48

Раши (акроним рабби Шлама Ицхаки, 1040–1105) – раввин, талмудист, глава талмудической школы в г. Труа (Франция), автор наиболее авторитетных комментариев к Библии и Талмуду.

49

«Захар» («Книга сияния») – самое значительное произведение еврейской мистики, чья роль в развитии иудаизма сравнима разве что с ролью Талмуда. «Захар», авторство которой традиция приписывает Шимону бар Йохаю (II в. н. э.), написана на арамейском языке, по-видимому, испанским каббалистом Маше де Леоном (XIII в.). Носит форму комментариев к Пятикнижию, дополненных вставными трактатами и многочисленными приложениями.

50

Бейт-мидраш (букв. «дом учения», ивр.) – помещение, предназначенное для изучения Торы, иногда выполняющее также функции синагоги.

51

Гемара (в ашкеназском произн. Гемора) – часть Талмуда, собрание дискуссий и рассуждений мудрецов II–V вв. н. э. (амораев) по поводу текста Мишны. Тексты Гемары включают как галаху (закон), так и агаду (предания). Этим термином называют также весь Талмуд или талмудические трактаты.

52

Членов, Йехиэль Вульфович (Ефим Владимирович, 1863–1918) – врач, один из руководителей сионистского движения в России, публицист.

53

Выселение евреев из Москвы в 1891 г. – выселение из Москвы евреев-ремесленников и членов их семей. Всего было выселено около 20 000 евреев.

54

Шавуот – праздник дарования Торы на Синае и одновременно праздник первых плодов. Шавуот празднуется в начале лета, шестого и седьмого сивана. В первую ночь Шавуот принято бодрствовать, изучая Писание.

55

Хавдала – «Отделение субботы» – ритуал, совершаемый на исходе субботы, после наступления темноты, включающий благословение вина, благовоний и огня (обычно свечи со многими фитилями).

56

Недельная глава Торы – еврейский текст Пятикнижия делится на 54 главы, по числу недель лунно-солнечного года. Название главы соответствует первому значимому слову в ее тексте. Главы, разделенные на семь частей, читают по пергаментным свиткам Торы по субботам, в ходе утреннего богослужения; первые части глав грядущей субботы читаются также в утреннем богослужении понедельника и четверга.

Пятикнижие, также Тора, Письменная Тора, Хумаш – первые пять книг Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

58

«Школа» (ивр. «Бейт ха-сефер») – учебник, составленный Мордехаем-Бецалелем Шнейдером. Впервые был опубликован в Вильно в 1889 г. и в дальнейшем многократно переиздавался. До конца 1920-х гг. в разных странах вышло по крайней мере 17 изданий этой книги. Учебник был предназначен для еврейских школ и хедеров, им могли пользоваться дети при изучении Торы, Пророков, истории еврейского народа и иврита.

59

Лаг ба-Омер – тридцать третий (день) омера, периода между Песахом и Шавуот, предназначенного для духовного самосовершенствования и отмеченного элементами траура. В этот день прекратилась эпидемия среди учеников рабби Акивы (II в. н. э.). В память об этом событии, связанном с восстанием Бар-Кохбы, на Лаг ба-Омер принято жечь костры и стрелять из луков.

«Сад цветов» («Ган прахим», ивр.) – периодическое издание. Выходило в 1880–1882 гг. в Вильно, в 1882–1893 гг. – в Варшаве, под редакцией Йехошуа Мейзаха (Сегала, 1834–1917). Содержало литературные и публицистические материалы на иврите.

61

Ранние пророки – имеются в виду библейские книги Иисуса Навина, Судей и 1–4 книги Царств.

Танах – собственно Библия, аббревиатура названий разделов еврейского канона Библии: Тора, Невиим, Ктувим – Тора, Пророки, Писания.

63

Эфрон – житель Хеврона, у которого Авраам приобрел поле и пещеру Махпела. См. Бытие, 23:8-20.

«Хаей Сара» – недельная глава Торы (Бытие, 23:1 – 25:18).

65

«Брейшит» – первая книга Торы, соответствующая книге Бытие синодального перевода Библии.

«За грехи» («Аль хет») – молитва, содержащая текст покаяния в грехах. Читается во время дневной молитвы Судного дня.

«Ваеце» – недельная глава Торы (Бытие, 28:10 – 32:3).

«Псахим» – трактат Вавилонского Талмуда, обсуждает законы праздника Песах, содержит галахические дискуссии на различные темы: маца, пасхальная жертва, Пасхальный седер, второй Песах, празднуемый лицами, которым было запрещено из-за ритуальной нечистоты праздновать Песах в срок, установленный для всей общины.

69

Ханина Сган ха-коханим – еврейский мудрец I в н. э. Был служителем в Храме и стал свидетелем его разрушения римлянами в 70 г. Его высказывания неоднократно цитируются в Мишне.

«Иосиппон» – популярное историческое сочинение на иврите, составленное анонимным автором X в., повествующее о еврейской истории и истории древнего мира, начиная с Адама и Яфета и легендарной истории Рима и вплоть до падения Масады в 73 г. н. э. В основу «Иосиппона» положены латинские переводы трудов Иосифа Флавия (отсюда название) и различных апокрифов, а также средневековые хроники. Вплоть до Нового времени «Иосиппон» считался ценным историческим источником и многократно переводился на восточные и европейские языки, в том числе на русский.

71

«Иудейская война» Иосифа Флавия. Один из наиболее важных источников по истории Иудейской войны против римлян (66–73 гг. н. э.). Автор – Иосиф Флавий (Йосеф бен Матитьяху, 37-100) – один из предводителей восставших, впоследствии перешел на сторону римлян.

Шульман, Кальман (1819–1899) – ивритский писатель и переводчик, учился в воложинской йешиве, примкнул к движению Гаскалы, преподавал в Виленском раввинском училище. Перевел на иврит «Иудейскую войну» Иосифа Флавия.

73

«Хулин» – трактат Вавилонского Талмуда о ритуальном убое скота и диетарных законах.

74

Йешива – высшее еврейское религиозное учебное заведение для мужчин. Обучение в йешиве не преследует конкретных практических целей и может продолжаться с тринадцатилетнего возраста до женитьбы.

Левертов, Пауль (Файвел, 1878–1954) – в 1895 г. крестился, учился в различных немецких университетах. После Первой мировой войны переехал в Лондон, занимался миссионерской деятельностью. Основал церковь для евреев-христиан. После прихода нацистов к власти организовал Центр помощи христианам-неарийцам, помогал им эмигрировать из Германии в Англию и США. Автор ряда книг миссионерского содержания на английском, немецком и иврите. Перевел «Исповедь» Блаженного Августина на иврит.

«Исповедь» Блаженного Августина (354–430) – автобиографическое произведение, в котором автор описывает свое внутреннее развитие от младенчества до окончательного утверждения в ортодоксальном христианстве. Определила форму литературной автобиографии в западноевропейской средневековой литературе. Повлияла также на развитие этого жанра в литературе нового времени.

77

«Шаббат» – трактат Талмуда. Содержит детальное обсуждение законов, касающихся субботы и видов работ, запрещенных в этот день. Здесь же приведены содержание и анализ законов о празднике Ханука.

Иерусалимский, Моше-Нахум (1865–1916), – раввин в ряде городов Польши. Автор книг «Минхат Моше» («Приношение Моше») и «Лшад ха-шемен» («Елей»).

79

Хен (Хейн), Давид-Цви-Гирш (1846–1926) – хабадский раввин Чернигова в 1870-х – 1920-х гг. Глава раввинского суда в этом городе. Был одним из наиболее популярных и влиятельных деятелей Хабада своего времени. С 1924 г. – в Эрец-Исраэль.

80

Песах – праздник в память Исхода из Египта. Один из важнейших еврейских праздников, справляется на протяжении семи дней весеннего месяца нисан. На протяжении всех пасхальных дней запрещено не только употреблять какие-либо продукты из основных видов злаков, кроме опресноков – мацы, но даже владеть ими. В первые два вечера Песаха устраивается особая ритуальная трапеза – Пасхальный седер. Отмечается в марте-апреле.

81

Рамбам – Маймонид, рабби Моше бен Маймон (1135–1204) – крупнейший кодификатор Галахи и один из величайших еврейских философов Средневековья, врач. Жил в Испании и Египте. Наиболее известные его труды – всеобъемлющий галахический кодекс «Мишне Тора», философский трактат «Море невухим», «Книга заповедей» и комментарий к Мишне.

82

Ренан, Эрнест-Жозеф (1823–1892) – французский историк, теолог, автор трудов по истории христианства и древней еврейской истории.

83

Лифшиц, Исраэль (1782–1860) – раввин, представитель разветвленной семьи немецких и польских раввинов. Был раввином в Дессау и в Данциге. Автор ряда комментариев к Мишне, в том числе «Тиферет Исраэль» («Слава Израиля», 1830). Кроме того, составил комментарии к «Шулхан аруху» Й. Каро и «Мишне Тора» Рамбама.

84

Мишна – древнейший (I–III вв. н. э.) свод иудейских религиозных законов, лежащий в основе Талмуда. Мишну, в ее нынешнем виде включающую 63 трактата, разбитых на шесть разделов, составил и отредактировал Рабби (р. Йехуда ха-Наси) в конце II в. н. э.

85

«Скипетр Йехуды» (ивр. «Шевет Йехуда») – историческое произведение Шломо Ибн-Верга (конец XV– начало XVI вв.). Автор, уроженец Испании, современник изгнания евреев из Испании и Португалии. В 1497 г. в Лиссабоне подвергся насильственному крещению. В 1506 г. переехал в Италию, где вернулся к иудаизму. В 1520-е гг. написал книгу «Шевет Йехуда» – летопись преследований евреев со времен разрушения Второго Храма до начала XVI в. «Шевет Йехуда» считается одним из выдающихся произведений еврейской литературы периода Ренессанса. Выдержала множество изданий.

86

«Хроника поколений» (ивр. «Седер ха-дорот») – историческое произведение раввина Йехиэля Гальперина (1660–1746). Содержит самую разнообразную информацию о еврейской и всемирной истории, начиная с библейских времен, биографии раввинов и т. п.

87

«Росток Давида» («Цемах Давид», ивр.) – произведение пражского математика, астронома и географа Давида Ганза (1541–1613). Первая систематическая хроника, посвященная истории ашкеназских евреев. Впервые была опубликована в Праге в 1592 г.

88

«Шеерис Исроэл» («Остаток Израиля») – историческое произведение, представляет собой продолжение на идише еврейской средневековой хроники «Иосиппон» (см. прим. 14 к гл. 3). Обычно издавалось вместе с переводом на идиш «Сефер Йосифон». Впервые вышло в свет в Амстердаме в 1743 г.

89

«ха-Кармель» – литературный журнал, выходил в Вильно на иврите в 1860–1879 г. под редакцией Ш. Фина. В 1860–1863 гг. и 1865–1868 гг. выходило приложение к журналу на русском языке. В 1860–1871 гг. «ха-Кармель» выходил еженедельно, в 1872–1879 гг. – ежемесячно.

90

Погромы 1880-х гг. – погромы, произошедшие в апреле – июле 1881 г., прежде всего на Украине, под влиянием сообщений об убийстве Александра II. В продолжение волны погромов в декабре 1881 г. вспыхнул погром в Варшаве, весной 1882 г. вновь произошли погромы на Украине, в 1883 г. – в Екатеринославе, Кривом Роге и Ростове-на-Дону, в 1884 г. – в Нижнем Новгороде. Количество жертв погромов 1880-х гг. было сравнительно небольшим, множество евреев было ранено, тысячи домов и лавок разграблены. Следствием погромов стало, в частности, начало эмиграции евреев из России. Главным направлением эмиграции были США, евреи уезжали также в Англию, Германию, Канаду, Южную Африку, Аргентину, Эрец-Исраэль и т. д.

91

Книга Рут – имеется в виду Библейская книга «Руфь».

92

Боаз – персонаж библейской книги Рут («Руфь»). В синодальном переводе Библии – Вооз.

93

Ахазия – израильский царь, в синодальном переводе Библии – Охозия.

Йехояхин – в синодальном переводе Библии – Иехония.

95

«Первая Книга хроник» – имеется в виду первая из библейских книг Паралипоменон.

Зерубавель в книге Ездры (3:2 и далее) называется сыном Шеалтиэля (Салафиила), в первой книге Паралипоменон (3:19) – сыном Педайи (Федаии).

Педайя – в синодальном переводе Библии – Федаия.

98

Радак (акроним рабби Давид Кимхи, 1160? -1235?) – всю жизнь прожил в Нарбонне С совр. Франция). Комментатор Танаха. Автор ряда книг по филологии иврита. Рационалист, находился под влиянием Рамбама.

Авторы «Мецудот» – имеются в виду р. Давид Альтшулер из Праги и его сын р. Йехиэль-Гилель (XVII в.) – авторы комментария к Танаху, состоящего из двух частей: «Мецудат Цион» («Крепость Сион») – объяснение отдельных слов со ссылкой на их употребление в других местах Танаха и «Мецудат Давид» («Крепость Давида») – толкования общего характера.

100

«Сефер юхасин» («Книга генеалогии», ивр.) – произведение Авраама бен Шмуэля Закута (1452–1515). Книга представляет собой историческое сочинение, излагающее историю развития Устной Торы и дающее хронологию деятельности законоучителей. Книга завершена автором в 1504 г.

101

Акув – 16-й экзиларх (глава вавилонских евреев).

102

Йехудай (VIII в.) – гаон, глава крупнейших вавилонских йешив в Пумбедите, а в 757–761 гг. – в Суре. Автор многочисленных галахических респонсов, много сделал для популяризации Вавилонского Талмуда в странах диаспоры.

103

Хай (939-1038) – гаон, глава крупнейшей вавилонской йешивы Пумбедита, один из наиболее видных религиозных лидеров своего времени.

104

Иосеф Кара (1488–1575) – великий мистик и законодатель, один из лидеров общины Цфата, автор кодекса «Шулхан арух», лежащего в основе всех последующих галахических трудов.

105

Ари (акроним Ашкенази Рабби Исаак, р. Ицхак бен Шлама Ашкенази Лурия, 1536–1572) – один из величайших еврейских мистиков, основатель особого, т. н. «лурианского» направления в Каббале. Его проповеди, записанные учениками, в первую очередь Хаимом Виталем, составили ряд сводов – «Сокровищница жизни», «Древо жизни» и «Восемь врат», вплоть до Нового времени распространявшихся в еврейском мире в основном в рукописном виде.

106

Нисан – седьмой месяц еврейского года, выпадает на март-апрель григорианского календаря.

107

«Дер штумер бетлер» («Немой попрошайка», идиш) – популярная переработка на идиш романа Александра Дюма-отца. Состоит из 7 частей. Выполнена писателем Авнером Таненбаумом (1848-913), специализировшимся на вольных переводах произведений французских писателей (А. Дюма, Ж. Верна) на идиш.

108

Ту би-Шват («пятнадцатое [число месяца] Шват», ивр.) – зимний праздник, называемый также Новый год для деревьев. Связан с началом сельскохозяйственного цикла в Земле Израиля.

109

Суббота благословения (Шаббат мевархин, ивр.) – суббота перед наступлением нового месяца. В этот день объявляется, когда наступает новомесячье, и читается специальная молитва о том, чтобы новый месяц принес здоровье и мир.

110

Розенфельд, Аарон – писатель, педагог, автор учебного пособия для изучения Библии и иврита «Ган шаашуим» («Сад развлечений», ивр.), вышедшего в Варшаве в 1904 г.

111

Розенберг, Йехуда – писатель. Сторонник Гаскалы. Автор книги на иврите «Сборник писем и рассказов» (ивр. «Оцар михтавим ве-сипурим»), вышедшей в Петербурге в 1882 г. Кроме произведений самого автора в книге содержатся также работы других ивритских писателей его времени.

«Эйн Яаков» («Исток Яакова», ивр.) – пользовавшийся огромной популярностью сборник аггадических (не законодательных) фрагментов Талмуда, составленный р. Яаковом Ибн-Хабибом; впервые опубликован в Константинополе в 1516 г.

113

17 тамуза – день поста. Талмуд (Таанит, 26) перечисляет пять несчастий, случившихся в этот день: были разбиты первые скрижали; при разрушении Первого Храма прекратились ежедневные жертвоприношения; в дни разрушения Второго Храма были пробиты стены Иерусалима; злодей Апустамус сжег Тору; в Святилище был помещен идол.

114

9 ава – самый траурный день еврейского календаря – дата разрушения Первого и Второго Храмов, изгнания евреев из Испании и иных трагических событий. Девятое ава – строжайший пост, продолжающийся целые сутки и требующий отказа не только от еды и питья, но и от ношения кожаной обуви и всех земных удовольствий. В этот день в синагогах читают, сидя на земле, Эйха (Плач Иеремии) и покаянные молитвы – *кинnот.* Девять предшествующих дней проходят в трауре и воздержании от мяса, вина и всяческих увеселений.

115

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – социал-демократическая партийная организация, созданная в 1897 г. Существовал на территории России до 1920 г. Затем последовал раскол, в результате которого правое крыло было ликвидировано большевиками, а левое вошло в состав РКП (б). В Польше Бунд существовал до 1948 г.

116

Сионистская социалистическая рабочая партия (ССРП, известная также под аббревиатурой С.С.) – еврейская политическая партия, действовавшая в России в 1905–1917 гг. Учреждена сторонниками «плана Уганды» на конференции в Одессе в январе-феврале 1905 г. Первоначально стояла на позициях территориализма. В 1905–1907 гг. партия пользовалась значительной популярностью среди еврейского населения, в нее входило до 27 000 человек. После поражения первой русской революции партия вступила в период длительного кризиса, ее покинуло как значительное число рядовых членов, так и некоторые из руководителей. В 1915–1917 гг. партия перешла на позиции автономизма. В мае 1917 г. объединилась с автономистской Социалистической еврейской рабочей партией (СЕРП) в единую Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию (ОСЕРП или на идише «Фарейникте» («Объединенная»)). В 1919 г. эта партия фактически распалась, часть ее членов перешла в Компартию, в Польше некоторые ее представители вошли в Бунд.

117

Поздние пророки – имеются в виду библейские книги Исаия, Иеремия, Иезекииль, Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия.

Писания (ивр. Ктувим) – имеются в виду библейские книги Псалтирь, Притчи, Иов, Руфь, Экклесиаст, Песнь Песней, Есфирь, Плач Иеремии, Даниил, Ездра, Неемия, Первая и Вторая книги Паралипоменон.

119

Гордон, Давид (1826–1886) – журналист, переводчик. Учился в йешиве, позже стал сторонником Гаскалы. С 1850 по 1858 гг. жил в Ливерпуле, занимался преподаванием немецкого языка и иврита. С 1858 по 1880 гг. – помощник редактора ивритского журнала «ха-Магид», выходившего в г. Лык (Пруссия). С 1880 г. – главный редактор этого журнала. Перевел на иврит «Пятилетнее путешествие по Востоку, 1846–1851» («Путешествие Биньямина Второго») И.-И. Биньямина (впервые книга вышла в 1859 г. в г. Лык). Выступал в поддержку палестинофильского движения «Хибат Цион».

120

«Путешествие Биньямина Второго» – имеется в виду книга еврейского путешественника Исраэля-Йосефа Биньямина (1818–1864) «Пятилетнее путешествие по Востоку, 1846–1851», впервые вышедшая на французском языке в 1856 г. (перевод на иврит Д. Гордона впервые вышел в 1859 г.). В книге Биньямин описывает свое путешествие по странам Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, где он собирал сведения, главным образом, о местных евреях. Биньямином Вторым автор назвал себя по аналогии со средневековым путешественником Биньямином из Туделы, книга путешествий которого «Книга странствий раби Биньямина» была переведена на многие языки и стала известна далеко за пределами еврейского мира.

121

Абрамович, Шломо-Яаков (Соломон Моисеевич, 1836–1917) – более известен по своему литературному псевдониму Менделе Мойхер-Сфорим; писатель, признанный классик литературы на идише. Автор ряда произведений на иврите, проникнутых духом Гаскалы (к этой группе относится и упомянутое Динуром сочинение). С 1880-х гг. XIX в. жил в Одессе.

122

Альхаризи, Йехуда (1165–1225) – еврейский поэт. Родился в Испании, большую часть жизни провел в южной Франции и в путешествиях по странам Средиземноморья. Писал на иврите. Автор книги «Тахкемони», где он, в частности, рассказывает о своих поездках. Считается, что творчество Альхаризи знаменует собой начало упадка еврейской поэзии в Испании.

123

Шрифт Раши (сефардский раввинский шрифт) – разновидность ивритского шрифта, которая с самого начала еврейского книгопечатания использовалась для набора комментариев к Библии и Талмуду р. Шлама Ицхаки (Раши). В настоящее время шрифт Раши используется главным образом при издании книг религиозного содержания.

124

«История столпов Хабада» (ивр. «Толдот амудей Хабад») – произведение Михаэля Родкинзона (1845–1904), совмещающее историко-критический и агиографический подходы к истории хасидизма. Впервые опубликовано в Кенигсберге в 1874 г.

125

«Мишне Тора» («Повторение Закона», ивр.) Рамбама (акроним р. Маше бен Маймон, известный также как Маймонид, 1135–1204); известно также под названием «Яд ха-хазака» («Сильная рука», ивр.) – важнейший кодекс еврейского права, вобравший в себя всю талмудическую и постталмудическую галахическую литературу. Произведение завершено автором в 1180 г., состоит из 14 книг, каждая из которых относится к особой категории системы еврейского права.

126

Государственная Дума – законосовещательное представительное учреждение (1906-17). Учреждена Манифестом 17 октября 1905 г. Рассматривала законопроекты, которые затем обсуждались в Государственном совете и утверждались императором. Выборы в Думу были многоступенчатыми по 4 неравноправным куриям (землевладельческой, городской, крестьянской, рабочей). Женщины, студенты, военнослужащие были лишены избирательных прав. Имела 4 созыва: первый (27 апреля – 8 июля 1906 г.; председатель – С. А. Муромцев); второй (20 февраля – 2 июня 1907 г.; председатель – Ф. А. Головин); третий (1 ноября 1907 – 9 июня 1912 г.; председатель – Н. А. Хомяков, с 1910 г. – А. И. Гучков, с 1911 г. – М. В. Родзянко); четвертый (с 15 ноября 1912 г.; председатель – М. В. Родзянко). 27 февраля 1917 г. сформировала временный комитет членов Государственной Думы. Формально продолжала существовать до 6 октября 1917 г., когда была распущена временным правительством.

127

«По соседству с нами стоял дом одного из членов семьи Родзянко (их родственник был председателем третьей и четвертой Государственной Думы)» – имеется в виду Родзянко, Михаил Владимирович (1859–1924) – политический деятель, с 1911 г. – председатель III, с 1912 г. – IV Государственной Думы, один из лидеров партии «Союз 17 октября». С 1920 г. – в эмиграции в Югославии. Автор мемуаров «Крушение империи» (М., 1992).

Рафаилович, Ицхак-Йоэль (1858? -1938) – раввин и общественный деятель. С 1880 по 1932 г. – раввин в г. Кременчуг. С 1932 г. – в Эрец-Исраэль. Умер в Иерусалиме.

129

«Бава Кама» («Первые врата», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий общие принципы, касающиеся материального ущерба. Описаны виды материального ущерба (в том числе нанесенного непосредственно и косвенно), наказания, штрафы, обязанность возмещения нанесенного ущерба.

130

«Макот» («Удары») – трактат Вавилонского Талмуда, рассматривающий вопросы вынесения приговоров и их исполнения, проблему лжесвидетельства. Содержит описание наказаний.

131

«Таанит» («Пост») – трактат Вавилонского Талмуда. Рассматривает законы всеобщего поста, необязательных постов, постов в случае продолжительной засухи; дает перечень дат, связанных с печальными событиями, и полупраздничных дней, потерявших ныне свое значение.

132

«Мегила» («Свиток») – трактат Вавилонского Талмуда. Содержит законы праздника Пурим, галахические правила, касающиеся свитка Эсфири и его публичного чтения в день праздника.

133

«Торат хесед» – произведение р. Шнеура-Залмана Фрадкина (1830–1902). Представляет собой книгу вопросов и ответов, посвященных кодексу «Шулхан арух». Впервые книга издана в Варшаве в 1893 г.

134

«Моэд» («Праздник») – раздел Мишны, посвященный законам субботы и праздников. В нем формулируются законы, общие для всех праздников, и специфические законы для некоторых из них. Также называются разделы Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, где содержится комментарий на данный раздел Мишны.

135

Бар-мицва – религиозное совершеннолетие, которого мальчики достигают в 13 лет. По достижении этого возраста человек становится дееспособным, он обязан исполнять все заповеди (мицвот) и сам отвечает за себя перед Всевышним. На неделе достижения бар-мицвы проводится торжественная церемония: мальчик впервые надевает тфилин и произносит самостоятельно подготовленную проповедь; в ближайшую субботу в синагоге его впервые вызывают к чтению Торы.

136

Мезуза – прикрепляемый к косяку двери футляр, содержащий пергаментный свиток с написанным особым образом отрывком из Торы: словами «Шма Исраэль», которые помещаются также и в тфилин. Принято целовать мезузу, входя и выходя из помещения.

137

Аса – царь Иудеи в период Первого Храма. См. Третья книга Царств 15:8-25.

138

«Мелахим» – имеется в виду книга Танаха (раздел «Пророки»), соответствующая Третьей или Четвертой книге Царств синодального перевода Библии.

139

«Книга хроник» – имеется в виду одна из библейских книг Паралипоменон.

140

Левиафан – в Библии морское животное (в современном иврите – кит). В классических еврейских текстах в одних случаях представляется как пример непостижимости величия и тайны Божественного творения, в других – как воплощающие злое начало и враждебные Богу существа, с которыми Он воюет и которых побеждает в конце времен.

141

«Бава Мециа» («Средние врата», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, классифицирующий имущественные споры, спорные ситуации, связанные с находками, залогом имущества, хранением имущества или денег, займом.

«Нашим» («Женщины») – раздел Мишны, посвященный законам заключения и расторжения брака, родительским обязанностям и воспитанию детей.

143

«Брахот» («Благословения», ивр.) – первый трактат Талмуда, содержащий правила молитв и благословений.

Ханука – восьмидневный праздник, отмечается с 25 кислева по 2 тевета (т. е. зимой) в честь победы еврейского народа под предводительством рода Хасмонеев над эллинистической империей Селевкидов в 164 г. до н. э. и в память о чуде со светильником в Храме: освободив Храм от язычников, предводители восстания нашли в нем единственный сохранившийся сосуд со священным маслом, которого должно было хватить лишь на один день, но оно горело восемь дней, пока не было приготовлено новое масло. Главный обычай праздника – ежевечернее зажигание свечей.

145

«Йевамот» – трактат Вавилонского Талмуда. Содержит законы, регламентирующие институт левиратного брака, перечисление факторов, препятствующих заключению законного брака, а также законы обращения в иудейство *(гиюр)*.

146

Шимон бен Гамлиэль – (II в н. э.) – законоучитель. Руководитель Синедриона в 140-х – 160-х гг. Ему приписывается несколько сот галахических постановлений, он автор многих высказываний этико-философского порядка.

147

Шамай (вторая половина I в. до н. э. – начало I в н. э.) – законоучитель. Основал собственную школу толкования Торы «Бейт Шамай», которая постоянно полемизировала с аналогичной школой Гилеля. Считается, что Шамай отличался большей строгостью в толковании Закона, чем Гилель. Шамай и его дискуссии с Гилелем оказали значительное влияние на последующее развитие еврейской религиозной мысли.

Бима – особое возвышение для чтения Торы, обязательный элемент интерьера синагоги.

149

«Ктубот» («Брачные договоры», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда. Посвящен законам о брачных обязательствах, регламентации финансовых обязательств мужа в случае развода. Содержит также законы о наказаниях за изнасилование и совращение.

150

«Отовсюду понемногу» (ивр. «Меат ми-коль») – произведение Аарона-Иссахара Шифрина. Вышло в Варшаве в 1893 г.

«Великий» – здесь – руководитель, главный раввин йешивы.

152

Шапиро, Рафаэль (1837–1921) – раввин в Бобруйске, с 1899 г. стоял во главе йешивы в Воложине. Во время Первой мировой войны вместе с йешивой переехал в Минск, где проживал до своей смерти.

153

Йешива в Воложине – основана в 1803 г. р. Хаимом Воложинером. В XIX в. была ведущей литовской йешивой, во многом повлияла на развитие других подобных учебных заведений. В 1891 г. русские власти потребовали, чтобы в йешиве изучались также русский язык и арифметика в объеме курса еврейских народных училищ. Глава йешивы Нафтали-Цви-Йехуда Берлин не согласился с этим, и в 1892 г. власти объявили о закрытии йешивы; Н.-Ц.-Й. Берлин и учащиеся йешивы были высланы из Воложина. Однако в 1895 г. йешива была вновь открыта и просуществовала до Первой мировой войны, когда занятия временно прекратились. В 1921 г. работа йешивы возобновилась, окончательно закрыта йешива была во второй половине 1920-х гг.

«Я учил все тексты вслух», – одной из самых популярных методик при самостоятельном изучении классических религиозных текстов было прочтение вслух всех исследуемых фрагментов. Подобная методика была распространена не только среди учащихся в йешивах или в бейт-мидрашах, но и при домашнем обучении. Считалось, что использование этой методики способствует лучшему запоминанию текста, помогает сосредоточиться на процессе учебы. Массовое чтение вслух различных текстов создавало совершенно особую атмосферу в зале йешивы и бейт-мидраша.

155

«Эйрувин» – Трактат Талмуда, обсуждающий запрет на вынос предметов за пределы огороженного места в субботний день. В трактате содержатся раввинистические постановления по объединению дворов (эрув хацерот) и объединению пределов (эрув тхумин) – действиям условного характера, которые должны разрешить проблемы, возникающие из-за этого запрета.

Лгада (ивр.) – букв. «повествование»; тексты эпохи Талмуда, не предполагающие религиозно-юридической регламентации. Лгада включает притчи, легенды, проповеди, поэтические гимны, материалы исторического и философского содержания.

157

Магид – здесь Межеричский магид (проповедник) – Дов-Бер (Великий Магид из Межерича, 1704–1773); ученик и преемник Бешта, основателя хасидизма. Воспитал целую плеяду хасидских лидеров и способствовал распространению хасидизма в общинах Восточной Европы. Главный труд, излагающий учение Магида, – «Научение Яакова словам его» («Магид дворав ле-Яаков»).

Масорет ха-Шас – параллельные места в Талмуде. Указание параллельных мест (Масорет ха-Шас) содержится в каждом издании Вавилонского Талмуда, начиная по крайней мере со второй половины XVII в.

159

Барайта – «внешняя Мишна», не вошедшие в основной корпус Мишны законоположения. Тексты Барайты были введены в различные разделы Талмуда последующими поколениями мудрецов.

160

«Йома» («День», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, обсуждающий законы поста в Йом Кипур (Судный день).

161

Рав (Лба бен Лйбу; ум. в 246 г.) – выдающийся еврейский мудрец. Жил в Вавилонии, основатель академии в Суре, один из глав первого поколения создателей Вавилонского Талмуда. Был известен также как Лба Лриха («Высокий Лба»); прозвище Рав получил за то, что был «учителем (рав) всей диаспоры» (Бейца, 9а).

162

«Ваякхель» – недельная глава Торы (Исход, 35:1 – 38:20).

163

Минха – вторая по порядку ежедневная молитва – послеполуденная, которую произносят в светлое время дня, от часа пополудни и до заката.

164

Маарив – вечерняя молитва, последняя из трех обязательных ежедневных молитв. Произносится после наступления темноты. В синагогах принято читать маарив вскоре после минхи, а в перерыве между ними изучать Тору. При необходимости маарив может произноситься вплоть до рассвета.

165

Спектор, Ицхак-Эльханан (1817–1897) – раввин в Ковно. Один из наиболее известных еврейских религиозных деятелей своего времени.

Магид – «проповедник» (ивр.), задачей которого является призыв общины к раскаянию и возвращению к Торе. В Восточной Европе магиды чаще всего странствовали по городам и местечкам, получая вознаграждение за свою деятельность, хотя в богатых общинах существовали и «постоянные» магиды, находившиеся на содержании общины. Некоторые магиды пользовались огромной популярностью, их проповеди издавали отдельными книгами. Титул магида носили некоторые хасидские лидеры (Великий магид из Межерича, Магид из Коженицы, Магид из Злочева и др.).

167

«Виноградник Биньямина» (ивр. «Керем Биньямин») – произведение в 3-х частях р. Биньямина-Меира Магида из Суража. Вышло в свет на иврите в 1885 г. в Вильно.

168

Раба бар Бар-Хана (вторая пол. III в. н. э.) – родился в Вавилонии, учился в йешиве в Тверии. Позже опять вернулся в Вавилонию. Много путешествовал. Многократно упоминается в Вавилонском Талмуде (трактаты «Бава Батра», Шаббат» и др.).

169

«Пкудей» – недельная глава Торы (Исход, 38:21–40: 13).

170

Шлез, Цви-Гирш (1833–1914?) – религиозный деятель. Основал не менее пяти йешив в Киевской губернии, способствовал организации сети религиозных библиотек.

171

Бен-Циан бен Халафта – букв. «изменчивый Бен-Циан» (арам.), прозвище дано по аналогии с именем ученика р. Акивы – р. Йосе бен Халафта (II в н. э.).

Маскиль ле-Эйтан, Нафтали (1829–1897) – писатель, книготорговец. Родился в семье раввина. Получил традиционное образование. Автор комментариев к «Седер ха-дорот» Йехиэля Гальперина. Написал ряд работ, посвященных еврейской религиозной литературе.

173

«Хроника поколений учеников Бешта» («Седер ха-дорот миталмидей ха-Бешт») – сочинение раввина Менахема-Мендла Бодека, посвящено хасидской агиографии. Впервые издано в 1865 г. во Львове, выдержало множество изданий.

174

Мальбим – р. Меир-Лейбуш Мальбим (1809–1879) – мыслитель, поэт, драматург и, в первую очередь, комментатор Писания. Жил в России, Польше, Румынии, Германии.

175

«Ха-Шита ха-мекубецет» («Сборная система», ивр.) – своего рода хрестоматия толкований Талмуда, собранная из различных источников и построенная по порядку следования трактатов. Написана Бецалелем Ашкенази (1520–1591/94), выдающимся талмудистом и главным раввином Египта и Иерусалима.

176

«Бава Батра» («Последние врата», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий законы, регламентирующие отношения компаньонов, проблему охраны имущественных прав, наследование, правила оформления ценных бумаг.

177

«Мло ха-роим» («Множество пастырей», ивр.) – произведение р. Яакова-Цви Йолеса (1778–1825). Посвящено различиям во взглядах между мудрецами Талмуда. Впервые опубликовано в 1830-х гг.

178

«Сефер ха-манхиг» («Книга обычаев», ивр.) – произведение французского талмудиста Авраама бен Натана ха-Ярхи (1155–1215). Содержит в себе описание обычаев, характерных для различных еврейских общин в эпоху жизни автора.

179

«Бейца» («Яйцо») – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий законы о соблюдении религиозных праздников.

180

«Йоре деа» («Указующий мнение», ивр.) – раздел «Шулхан аруха» Й. Каро. Содержит законы кашрута и семейной жизни. Раздел под таким названием есть также в «Арба турим».

181

«Сукка» – трактат Вавилонского Талмуда. Посвящен законам праздника Суккот (см. прим. 1 к гл. 8), содержит дискуссии относительно постройки сукки, ее формы, размеров, строительных материалов. Разбирается тематика *арбаа миним* – четырех видов растений, имеющих ритуальное значение в дни Суккот.

«Эйн мишпат» («Источник правосудия», ивр.) – индекс галахических постановлений, составлен р. Йехошуа Боазом (XVI в.).

Тур – см. «Арба турим», прим. 3 к гл. 13.

Рош – см. ха-Рош, прим. 21 к гл. 9.

185

Махарша (акроним морейну ха-рав Шмуэль Эдельс, 1555–1631) – раввин, один из крупнейших комментаторов Талмуда. Руководитель йешивы в Познани (в 1585–1605 гг.). Позже раввин в Хелме, в Люблине, с 1624 г. – в Остроге. Автор комментариев к Вавилонскому Талмуду, получивших широкое распространение и известность в Восточной Европе. Они неоднократно переиздавались и печатаются практически во всех изданиях комментариев Талмуда.

186

Йешива Тельши (ныне Тельшяй, Литва) – основана в 1875–1880 гг. В 1890-х гг. число учеников йешивы достигало 350 человек. В начале X в. в подчинении йешивы находилась сеть воспитательных и учебных заведений: детский сад, школа для мальчиков и отдельно для девочек, женская гимназия. Вскоре после присоединения Литвы к Советскому Союзу (1940) здание йешивы было конфисковано властями; ряд учащихся и учителей перешли в другие йешивы Литвы; некоторые эмигрировали в США, где основали в городе Кливленд (штат Огайо) йешиву под названием «Йешиват-Телз» (1941).

187

Йосеф Теумим (1727–1793) – галицийский раввин. Был проповедником и раввином во Львове, с 1782 г. – раввин г. Франкфурт на Одере. Один из самых авторитетных раввинов своего времени.

188

«Шулхан арух» («Накрытый стол», ивр.) – авторитетнейший кодекс Галахи, лежащий в основе большинства последующих галахических сочинений. Написан р. Йосефом Каро (1488–1575) и дополнен р. Моше Исерлисом (1520–1572), включившим в него обычаи ашкеназских евреев. Впервые опубликован в Венеции в 1550 г.

189

«При мегадим» («Превосходные плоды») – произведение р. Йосефа бен Меира Теумим из Франкфурта-на-Одере. Содержит комментарий к большей части «Шулхан аруха». Впервые напечатано в конце XVIII в. В Восточной Европе (прежде всего на Украине) использовалось в процессе подготовки к получению раввинского звания.

190

Давид бен Шмуэль ха-Леви (1586–1667) – раввин и галахист. Известен под акронимом Таз – по начальным буквам его главного труда «Турей захав» («Золотые столбцы»), представляющего собой комментарий к «Йоре деа» – второй части «Шулхан аруха» Й. Каро. В 1640-е гг. – раввин и глава йешивы в Остроге, в 1650-е гг. – глава общины во Львове.

191

Шабтай Кохен (известен также как ха-Шах, по акрониму названия его книги «Сифтей ха-кохен» («Уста священника»), 1621–1662) – раввин. Член раввинского суда в Вильно, затем раввин в Голешове (Чехия). Автор ряда галахических сочинений, среди которых выделяется «Сифтей ха-кохен» – комментарий к разделу «Йоре деа» «Шулхан аруха» Й. Кара. После восстания Б. Хмельницкого написал хронику «Мегилат эйфа» («Свиток тьмы», 1651) – важный источник о положении евреев Польши во время восстания.

192

«Орех хаим» – раздел кодекса «Шулхан арух» р. Иосефа Кара. Содержит законы, связанные с повседневными обязанностями еврея в его служении Всевышнему: законы молитвы и благословений, законы, связанные с соблюдением субботы и религиозных праздников.

193

Румш, Ицхак (1822–1894) – писатель и переводчик. Автор ряда популярных книг на иврите, а также вольного перевода на иврит «Робинзона Крузо» Д. Дефо – «Горнило страдания» (ивр. «Кур Они»). Перевод сделан по немецкому изданию книги, впервые вышел в Вильно в 1861 г.

194

Тверский, Йоханчи (Йоханан) из Ротмистровки (1816–1895) – хасидский цадик. Представитель Чернобыльской династии. Сын р. Мардехая из Чернобыля, основатель ротмистровской ветви чернобыльской династии.

195

Тверский, Велвеле (Зеев) из Ротмистровки (1850–1937) – хасидский цадик. Сын р. Йоханчи (Йоханана) из Ротмистровки. Принадлежал к ротмистровской ветви чернобыльской династии. Автор ряда работ по философии хасидизма и по Галахе. С 1934 г. – в Иерусалиме.

Мапу, Авраам (1808–1867) – писатель, деятель Гаскалы; преподавал в еврейских школах Вильно и Ковно. Автор романов на иврите, некоторые из которых (например «Ахават Циан» («Любовь к Сиону»)) переводились на многие языки мира. Считается одним из самых талантливых представителей ивритской литературы XIX в.

197

Суккот (Кущи) – осенний праздник, длящийся семь дней, с 15 по 21 тишрей, и имеющий двойной смысл: это празднование окончания сбора урожая и одновременно напоминание о годах скитаний по пустыне после Исхода из Египта. Основные обычаи праздника – еда и сон не в доме, а в особого рода шалаше – сукке, и благословение четырех видов растений. В седьмой день Суккот, называемый Хошана Раба, обходя синагогу по кругу, произносят специальные молитвы о спасении; хлещут по камням ветвями ивы. Восьмой день Суккот – самостоятельный праздник Шмини Ацерет, а девятый (в диаспоре) – Симхат Тора.

Судный день – см. Йом Кипур, прим. 43 к гл. 9.

199

Цифрони, Авраам (1882–1933) – ученый, автор ряда работ, посвященных истории евреев в средние века. Принимал участие в издании трудов Рамбама, Ибн-Габироля, Йехуды Галеви и др.

200

Арлозоров, Элиэзер (?-1902), – раввин в г. Ромны. Отец известного сионистского деятеля Хаима Арлозорова (1899–1933).

201

Рутенберг, Пинхас (Петр, 1879–1942) – инженер, общественный деятель. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1919 г. в Эрец-Исраэль. По его проекту на реке Иордан была построена первая в стране электростанция.

202

Гордон, Элиэзер (1847–1910) – раввин, один из основателей йешивы в Тельши (Тельшай) и ее бессменный руководитель.

203

Блох, Йосеф-Лейб (1860–1930) – раввин, глава йешивы в Тельши (Тельшай). Один из видных деятелей движения «Мусар».

204

«Гитин» («Развод», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, посвященный еврейскому бракоразводному праву. Аггадические части трактата включают рассказы о борьбе Иудеи против Рима.

205

«Кцот ха-хошен» («Концы наперсника») – произведение р. Арье-Лейба Геллера (1745–1813). Впервые напечатано в конце XVIII в. Содержит комментарий к разделу «Хошен мишпат» кодекса «Шулхан арух». «Кецот ха-хошен» активно использовался при изучении еврейского религиозного законодательства в литовских йешивах.

206

«Нетивот ха-мишпат» («Пути правосудия») – произведение р. Яакова из Лиссы (1760–1832). Содержит комментарий на раздел «Хошен мишпат» кодекса «Шулхан арух». Впервые опубликовано в начале XIX *в.* Было очень популярно в среде учащихся литовских йешив.

207

Эйгер, Акива (1761–1837) – раввин, глава йешивы в г. Познань (совр. Польша). Известен своими комментариями к Вавилонскому Талмуду. Один из выдающихся еврейских религиозных авторитетов своего времени.

208

«Хевель Яаков» – произведение р. Абы-Яакова ха-Кохена Борухова, посвященное анализу с точки зрения еврейского религиозного права различных вопросов имущественного характера.

Барухов, Аба-Яаков ха-Кохен-раввин в м. Векшня, Ковенской губ., отец Аарона-Михаэля и Мардехая Беркияху (см. прим. 14, 15 к гл. 8).

210

Беркияху, Аарон-Михаэль (1869–1946) – писатель, публицист, педагог. Учился в йешивах в Воложине и в Слободке. С 1912 г. – в Эрец-Исраэль, работал в Академии художеств и прикладного искусства «Бецалель», в других учебных заведениях. Автор ряда работ публицистического характера.

211

Беркияху, Мардехай (1882–1959) – врач, писатель. Учился в йешиве в Тельши, позже изучал медицину в университетах Базеля, Берна и Цюриха. С 1912 г. – в Эрец-Исраэль. Работал врачом, специализировался на вопросах гигиены в средних учебных заведениях. Автор ряда работ по медицине и психологии, а также художественных рассказов, публиковавшихся в различных изданиях на иврите.

212

«Шев шматата» – произведение р. Арье-Лейба Геллера. Комментарий к трудным местам в Вавилонском Талмуде. Использовалось в йешивах в качестве вспомогательного материала при изучении Талмуда молодыми учащимися.

213

Рашба (акроним рабби Шломо бен Авраам) – Шломо бен Авраам Адрет (1235–1310) – комментатор Талмуда, авторитет в области Галахи. Руководитель йешивы в Барселоне. Его труды оказали большое влияние на Йосефа Каро, который пользовался ими при составлении «Шулхан аруха».

214

Ритба (акроним Рабейну Йом-Тов бен Авраам) – Йом-Тов бен Авраам Ишбили (1250?-1330) – выдающийся испанский талмудист, считавшийся в свое время духовным руководителем всего испанского еврейства, философ. Знаменит своими ответами на галахические запросы, которые он получал со всех концов еврейского мира, а также своими комментариями к Талмуду, известными как «Хидушей ха-Ритба».

215

«Месилат йешарим» («Путь праведных», ивр.) – этическое произведение р. Маше-Хаима Луццатто (1707–1747). Было очень популярно среди евреев России, где в XIX – начале XX вв. вышло несколько изданий этой книги.

216

«Хешбон ха-нефеш» («Счет души», ивр.) – одно из самых известных произведений писателя, педагога, сторонника Гаскалы Мендла Лефина (1749–1826). Представляет собой краткое изложение на иврите этического учения Бенджамина Франклина.

217

Мусар (букв. «этика», ивр.) – жанр нравоучительной литературы, нередко с мистическим оттенком, а также духовно-этическое течение, основанное р. Исраэлем Салантером (1810–1883), сторонники которого стремились к аскетизму и полному контролю над собственными душевными побуждениями.

«Ховот ха-левавот» («Обязанности сердец», ивр.) – этический трактат еврейского философа XI в. Бахьи Ибн-Пакуды, изначально написанный по-арабски, но уже в XII в. переведенный на иврит. Трактат «Обязанности сердец» оказал значительное влияние на всю последующую еврейскую религиозно-мистическую литературу и поэзию и веками служил практическим руководством в вопросах этики и морали.

219

Исраэль из Салант (ныне Салантай, Литва) – Салантер, Исраэль (1810–1883) – раввин в Вильно, в Ковно, в городах Германии. Создатель этико-аскетического движения «Мусар», бывшего в известном смысле миснагедской реакцией на хасидизм, и в еще большей мере на еврейское просвещение (Гаскалу).

220

Франклин, Бенджамин (1706–1790) – американский просветитель, государственный деятель, ученый. Участвовал в разработке Декларации независимости и конституции США. Автор ряда трудов по этике, философии и физике.

221

Эфройкин, Израиль Рафаилович (псевд. Эфрен, 1884–1954) – публицист, входил в руководство Еврейской народной партии и в сионистскую социалистическую группу «Возрождение». С 1920 г. – активный деятель еврейского национального движения в странах Европы. С 1941 г. – в Уругвае.

Вольфсон, Давид (1856–1914) – предприниматель, политический деятель, один из руководителей сионистского движения. С 1899 по 1914 г. – директор Еврейского колониального банка. В 1904–1911 г. вместе с Максом Нордау и Отто Варбургом осуществлял руководство Всемирной сионистской организацией.

223

Елин, Давид (1864–1942) – педагог, исследователь, общественный деятель. Родился в Иерусалиме. В 1920–1925 гг. был заместителем мэра этого города. Преподавал литературу в Еврейском университете в Иерусалиме, в 1914 г. основал иерусалимский колледж по подготовке учителей, впоследствии названный в его честь.

Йешива «Слободка» в Хевроне – йешива «Кнессет Исраэль» в пригороде Ковно Слободка была основана в 1882 г. одним из лидеров движения «Мусар» р. Натаном-Цви Финкелем. В конце XIX – начале XX вв. йешива «Кнессет Исраэль» была одной из известнейших в Европе, в ней обучалось до 500 чел. В 1925 г., после того, как правительство Литвы распространило воинскую повинность и на обучавшихся в йешиве, часть из них переехала в г. Хеврон в Эрец-Исраэль. Йешива «Слободка» просуществовала в Хевроне до 1929 г., когда во время антиеврейских беспорядков, устроенных арабским населением города, было убито 25 ее учащихся (всего было убито 67 евреев). Оставшиеся учащиеся, как и все еврейское население Хеврона, были эвакуированы английскими властями в Иерусалим. В Иерусалиме йешива была открыта вновь под названием «Хеврон».

225

Гаскала («Просвещение», отсюда «маскил», «маскилим» – «просветитель/и») – еврейское идейное, просветительское, культурное и литературное течение, основанное в Германии Моше Мендельсоном в середине XVIII в. и широко распространившееся в Восточной и Западной Европе. Сторонники Гаскалы стремились к модернизации традиционной еврейской культуры и быта, сближению ее с европейской гуманистической культурой. Гаскала оказала огромное влияние на судьбы всех слоев европейского еврейства, как эмансипированных, так и ортодоксальных.

226

Грец, Генрих (Гирш, 1817–1891) – историк, автор фундаментальных трудов по истории евреев. Преподавал в Еврейской теологической семинарии в Бреслау (Вроцлав). В России в конце XIX – нач. XX вв. был издан перевод его «Истории евреев с древних веков до настоящего времени» в 12 томах.

227

Вайс, Айзек-Гирш (1815–1905) – историк, выдающийся исследователь древнееврейской литературы и Талмуда, деятель Гаскалы, преподавал в еврейских учебных заведениях Австро-Венгрии.

Вайзель (Вессели), Нафтали-Герц (1725–1805) – поэт, лингвист, один из основоположников берлинской Гаскалы. Перевел на иврит апокрифическую книгу «Премудрость Соломона», что дало толчок дальнейшим переводам апокрифов на иврит. Автор работы «Диврей шалом ве-эмет» («Слова мира и правды», 1782), утверждающей необходимость получения евреями общего образования.

229

«Хижина дяди Тома» – художественное произведение американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896). Впервые издано в 1851–1852 гг. Книга дает широкую картину жизни и быта в южных штатах США в середине XIX в., резко протестует против рабства. Роман был переведен на двадцать языков и разошелся в миллионах экземпляров. Пользовался большой популярностью в России.

230

Дрейфуса дело – в 1894 г. во Франции по обвинению в шпионаже был арестован офицер французской армии, еврей Альфред Дрейфус (1859–1935). Этот арест послужил поводом для начала широкой антисемитской кампании. В защиту Дрейфуса выступил писатель Эмиль Золя – и был отдан под суд за «оскорбление армии и суда». Процесс Дрейфуса длился с перерывами до 1906 г., когда обвиняемый был оправдан, и вызвал широкий общественный резонанс во всем мире.

231

Мидраш («рассуждение», «толкование», ивр.) – метод изучения Писания, основанный на восприятии библейского текста как единого целого, имеющего множество смысловых уровней, а также литературный жанр, основанный на этом методе. Развивался на протяжении более чем тысячелетнего периода, вплоть до позднего Средневековья.

Рабинович, Шауль-Пинхас (1845–1910) – историк, общественный деятель, публицист. Один из руководителей «Ховевей Цион». Жил в Вильно, Варшаве, Одессе. После 1905 г. переехал в Германию. Перевел на иврит «Историю евреев» Г. Греца.

«ха-Асиф» («Жатва», ивр.) – историко-литературный ежегодник. Издавался в Варшаве в 1884–1889 гг. и в 1893–1894 гг. под редакцией Н. Соколова.

234

«Пардес» – литературный журнал на иврите. Выходил в Одессе с 1892 по 1896 гг. под редакцией Й.-Х. Равницкого.

235

«Календарь Ахиасафа» (ивр. «Луах Ахиасаф») – художественный ежегодник. Выходил на иврите в Варшаве в 1893–1905 гг., еще один номер вышел в 1923 г. Редакторами издания были Маше-Лейб Лилиенблюм, Реувен Брайнин, Йосеф-Гедалия Клаузнер, Йехошуа Тон.

236

Бен-Авигдор (Авраам-Лейб Шалкович, 1867–1921) – еврейский писатель, издатель. Писал на иврите. Основатель варшавских издательств «Ахиасаф», «Тушия» и «Ахисефер», издававших литературу на иврите.

237

«Долина кедров» (ивр. «Эмек ха-аразим») – вольный перевод на иврит произведения английской писательницы еврейского происхождения Грейс Агиляр (1816–1847), посвященного судьбе испанских марранов. Перевод сделан Авраамом-Шаломом Фридбергом (1838–1902).

«ха-Рав лехошиа» («Сильный, чтобы спасать», ивр.) – произведение немецкого раввина Ашера Замтера (1807–1887), переведено на иврит Авраамом-Шаломом Фридбергом (1838–1902). Перевод впервые издан в Варшаве в 1886 г. Книга посвящена истории евреев в Средние века.

Фридберг, Авраам-Шалом (1838–1902) – деятель Гаскалы в России, писатель, общественный деятель.

240

Гамзу, Йехуда-Лейб (1870–1940) – писатель. Писал на иврите и на идише.

241

Ахад ха-Ам (букв. «Один из народа», ивр.) – псевдоним Ашера Гинцберга (1856–1927), выдающегося философа, публициста и общественного деятеля, основоположника «духовного сионизма».

242

«Назир» – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий регламентацию обета, даваемого назореем, галахические дискуссии о различных аспектах этого обета и связанных с ними запретов, законы различных обетов-посвящений и храмовых ритуалов.

243

«Сота» («Падшая», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда. Посвящен галахическим дискуссиям, вытекающим из изложенного в Торе закона об испытании и наказании жены, заподозренной в измене мужу.

«Незикин» («Ущербы») – раздел Мишны, посвященный, в частности, обсуждению законов о нанесенном материальном ущербе, системе наказаний и штрафов.

«Хорайот» («Рескрипты», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда, разбирающий правовые и религиозно-этические аспекты неправильного решения суда.

246

Жемайтия (Замуть, Жмудь) – западная часть современной Литвы, до 1917 г. входила в Ковенскую губ. Российской империи.

247

Могилевер, Шмуэль (1824–1898) – раввин, общественный деятель. Основоположник религиозного течения в движении «Ховевей Циан», предшествовавшего религиозному сионизму. В 1893 г. по его инициативе был основан «Духовный центр» (ивр. анаграмма «Мизрахи») для пропаганды идей еврейского заселения Эрец-Исраэль среди религиозных евреев Восточной Европы. Впоследствии «Мизрахи» стала ведущей религиозно-сионистской организацией.

Штерн, Йосеф-Захария (1831–1904) – раввин в Шавли (Шяуляй). Крупный знаток талмудической литературы. Автор книги «Зехер Йехусаф», вышедшей впервые в Варшаве в 1860 г.

249

«Недарин» («Обеты», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, в котором изложены законы принятия обетов и их аннулирования, говорится об отмене обетов судом, обетах замужней женщины, отменяемых мужем, обетах несовершеннолетней, отменяемых отцом.

250

Харан – Нисим бен Реувен Геронди (13107-1375) – раввин, глава йешивы в г. Барселона (Испания). Известен своими комментариями к Талмуду, а также ответами на вопросы, касающиеся Галахи.

251

Гордон, Йехуда-Лейб (1830–1892) – выдающийся ивритский поэт, публицист, общественный деятель, один из руководителей Общества распространения просвещения среди евреев, секретарь еврейской общины Петербурга. Автор мемуаров «Тюрьма и ссылка» (Пережитое. Т. 4. СПб., 1913).

252

«Книга хасидов» (ивр. «Сефер хасидим») – этическое произведение, приписывается Йехуде бен Шмуэлю ха-Хасиду из Регенсбурга (11507-1217). Излагает основы общественно-идеологического движения «Хасидей ашкеназ», действовавшего в Германии и во Франции во второй половине XII – первой половине XIII вв. Впервые напечатано в 1538 г.

253

«Авода Зара» («Чуждое служение», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда, регламентирующий отношение еврея ко всему, что связано с идолопоклонством: предметы поклонения, приношения и жертвы, ритуальные празднества, культовые места и строения и т. д. Предостерегает от обычаев, подобных идолопоклонству.

«Яд ха-хазака» Рамбама – см. прим. 17 к гл. 5.

255

«Мишпатим» – трактат, входящий в «Мишне Тора» Рамбама. Посвящен главным образом гражданскому праву.

«Шофтим» («Судьи») – трактат, входящий в «Мишне Тора» Рамбама. Посвящен различным аспектам еврейского права.

«Хилхот Санхедрин» – законы о Синедрионе, содержащиеся в трактате «Шофтим» в книге «Мишне Тора» Рамбама.

«Хилхот мамрим» – законы об отступниках, содержащиеся в трактате «Шофтим» книги «Мишне Тора» Рамбама.

259

«Еврейская библиотека» – книжная серия варшавского издательства «Тушия». Включала в себя десятки художественных и научно-популярных произведений на иврите.

260

«Тушия» – варшавское издательство, основано в 1895 г. А. Бен-Авигдором. Выпускало литературу преимущественно на иврите. В 1911 г. «Тушия» вошла в объединенный издательский консорциум «Централ».

261

Зангвиль, Израэл (Исраэль, 1864–1926) – английский еврейский писатель, публицист, политический деятель, один из руководителей еврейского общественного движения в Англии, с конца 90-х гг. – участник сионистского движения, делегат сионистских конгрессов; сторонник угандийского проекта. Основные его художественные произведения изданы на русском языке в «Собрании сочинений». Т. 1–4 (М., 1910–1911).

Тавьев (Аристо), Исраэль-Хаим (1858–1920) – писатель и педагог. Писал на иврите. Начал публиковаться уже в 11 лет, когда вышли его статьи в журнале «ха-Леванон». Автор ряда статей о еврейском фольклоре, а также ряда учебных изданий для детей. Среди них можно выделить, вышедшую в 1896 г. хрестоматию «Эден ха-йеладим» («Детский рай»), затем выдержавшую более 15 изданий, и учебник иврита «Море ха-йеладим» («Учитель детей»), также неоднократно переиздававшуюся.

263

Бернфельд, Симон (Шимон, 1860–1940) – историк, публицист. С 1886 г. – раввин сефардской общины Сербии. С 1894 г. жил в Германии. Публиковался в различных изданиях на иврите, автор ряда книг по еврейской истории, философии и литературе. Погиб во время Холокоста.

264

«История вер и религий» Мензиса – произведение шотландского исследователя Алана Мензиса (1845–1916). В русском переводе впервые вышло в 1897 г. (История религии: Очерк первобытных верований и характер великих религиозных систем. СПб, 1897), на иврите – в 1899 г. в переводе Яакова Френкеля (Толдот ха-эмунот ве-ха-датот. Варшава, «Тушия», 1899).

265

«Бней Моше» («Сыны Моисея», ивр.) – организация, созданная Ахад ха-Амом в 1889 г. по образцу масонских лож с целью духовного возрождения еврейского народа и возвращения в Эрец-Исраэль. Существовала до 1897 г. и была ликвидирована с началом деятельности сионистского движения.

266

Еврейский колониальный банк – банк сионистского движения. Основан в 1899 г. в Лондоне, в соответствии с решениями 1-го и 2-го Сионистских конгрессов, как английское акционерное общество. По замыслу инициаторов создания банка, он должен был создать прочную финансовую основу сионистского движения. В 1903 г. банк начал действовать в Палестине. В 1934 г. он передал все свои вложения в Палестине дочернему Англо-Палестинскому банку. В 1955 г. Еврейский колониальный банк был преобразован в израильскую компанию под названием Еврейский поселенческий фонд.

267

Герцль, Теодор (Биньямин-Зеев, 1860–1904) – юрист по образованию, публицист и общественный деятель, основатель движения политического сионизма, глава Всемирной сионистской организации. В начале XX в. его труд «Еврейское государство» (1896 г.) многократно издавался в России. В 1903 г. он сам посетил Россию, где встречался с общественными и государственными деятелями.

268

Микве Исраэль – сельскохозяйственная школа, расположенная к востоку от Тель-Авива. Основана в 1870 г., может считаться первым современным еврейским сельскохозяйственным поселением в Эрец-Исраэль. В Микве Исраэль осуществлялись опыты по внедрению новых и улучшению имеющихся сельскохозяйственных культур в Эрец-Исраэль, разрабатывались новые методы возделывания цитрусовых и других культур, велись опыты культивирования авокадо, были акклиматизированы некоторые породы скота. Во время пребывания в Эрец-Исраэль (1898) Т. Герцль приветствовал кайзера Вильгельма II, прибывшего в страну с визитом, у входа в Микве Исраэль. В настоящее время школа имеет культурный центр, библиотеку, ботанический сад и коллекцию из 130 видов цитрусовых. На территории Микве Исраэль живут и учатся около тысячи человек.

269

Дворецкий, Арье (род. 1916) – математик. Родился в г. Хорол Полтавской губернии. С 1922 г. – в Эрец-Исраэль. Окончил Еврейский университет в Иерусалиме. С 1951 г. – профессор математики в этом же университете. В 1955–1956 гг. – декан факультета естественных наук, в 1959–1961 гг. – вице-президент Еврейского университета. В 1968–1974 гг. – вице-президент, в 1974–1980 гг. – президент Израильской Академии естественных и гуманитарных наук.

Атлас, Меир – раввин в Шавли (Шяуляй), один из основателей йешивы в Тельши (Тельшай) Ковенской губ.

271

Гаркави, Авраам Яковлевич (1835–1919) – историк, филолог, автор многочисленных работ по истории и истории литературы евреев. Многолетний сотрудник Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. Один из руководителей петербургской еврейской общины.

«Ахиасаф» – варшавское еврейское издательство. Существовало в 1893–1923 гг. Основано А. Бен-Авигдором. В основном печатало книги на иврите.

Ха-Рош или Рош – акроним Рабейну Ашер (ок. 1250–1327) – выдающийся раввин и талмудист. Родился в Германии, был членом раввинского суда г. Вормс. С 1305 г. – раввин г. Толедо (Испания). Автор ряда трудов галахического содержания, а также нравоучительного сочинения «Орхот хаим» («Образ жизни»), известного также под названиями «Ханхагот ха-Рош («Руководства Роша») и «Цавааt ха-Рош» («Завещание Роша»).

Рабинович, Цви-Гирш (1832–1919) – в начале XX в. духовный раввин в Ковно, общественный деятель, литератор, издатель. Сын р. Ицхака-Эльханана Спектора.

Йешивы Слободки – наиболее известная йешива из находившихся в пригороде Ковно Слободка – «Кнессет Исраэль» – была основана в 1882 г. одним из лидеров движения «Мусар» р. Натаном-Цви Финкелем. В конце XIX – начале XX вв. йешива «Кнессет Исраэль» была одной из известнейших в Европе, в ней обучалось до 500 чел. В 1897 г. в йешиве «Кнессет Исраэль» произошел раскол, инспирированный учащимися и раввинами, недовольными крайностями движения «Мусар». Отколовшиеся создали новую йешиву «Кнессет Бейт Ицхак». Старая йешива сохранила свое название – «Кнессет Исраэль», и некоторое время после этого Слободской йешивой нередко называли обе йешивы (до того как новая переехала в город Каменец в Польше). В 1925 г. часть учащихся «Кнессет Исраэль» переехали в Хеврон, где была основана йешива «Слободка». В Литве йешива «Кнессет Исраэль» действовала до 23 июня 1941 г., в годы Катастрофы европейского еврейства погибла значительная часть ее учащихся и преподавателей. В 1945 г. йешива «Кнессет Исраэль» была возобновлена в Бней-Браке под тем же названием.

«Швуот» («Клятвы», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда, регулирующий отношения, связанные с клятвами: клятвы в имущественных спорах, законы, регламентирующие клятву, нарушения клятвы и связанная с этим очистительная жертва. Касается также проблем ритуальной чистоты.

277

Шнеерсон, Шолом-Дов-Бер (1860–1920) – глава Любавичского направления Хабада. В 1897 г. основал в Любавичах йешиву «Томхей тмимим». В 1915 г. был вынужден покинуть Любавичи, умер в г. Ростов-на-Дону. Благодаря деятельности Шолома-Дов-Бера, любавичское течение стало наиболее значительным в движении Хабад и впоследствии (при Йосефе-Ицхаке Шнеерсоне) поглотило все другие его ответвления.

Маскил («просветитель», ивр.; мн. «маскилим») – сторонник Гаскалы, еврейского Просвещения (см. прим. 29 к гл. 8).

279

Монесзон, Монос (Моне) Шлемович – купец 1-й гильдии, торговец драгоценными камнями. Родился в Витебске, с 1870-х гг. проживал в Петербурге. Любавичский хасид, поддерживал тесный контакт с р. Шоломом-Дов-Бером Шнеерсоном и жертвовал большие суммы денег на нужды любавичского двора.

Фридман, Давид (1828–1915) – раввин Карлина (с 1868 г.). В 1860-е -1880-е гг. был сторонником палестинофильства, принимал участие в съезде организации «Ховевей Циан» в Катовицах. Позже отошел от палестинофильского движения. Автор работы «Пискей галахот», охватывающей все стороны еврейского религиозного права. Считается одним из наиболее выдающихся еврейских религиозных авторитетов своего времени.

281

Конференция в Катовицах – имеется в виду первый съезд организации «Ховевей Циан», прошедший в г. Катовице (Австро-Венгрия, в настоящее время – Польша) в ноябре 1884 г. Председатель съезда – Л. Пинскер. В съезде принимали участие главным образом делегаты из России. Съезд принял решение о содействии развитию сельскохозяйственных поселений в Эрец-Исраэль и, в частности, о поддержке поселений Петах-Тиква и Йесод ха-Маала. Съезд также определил местонахождение руководящих центров движения – в Одессе и в Варшаве.

«Ховевей Циан» («Друзья Сиона», ивр.) – представители палестинофильского движения «Хибат Циан».

283

Майзель, Элияху-Хаим (1821–1912) – раввин еврейской общины г. Лодзь. Один из ведущих еврейских религиозных деятелей своего времени.

Соловейчик, Хаим (1853–1920) – раввин, глава йешивы в Воложине, позже общинный раввин в Брест-Литовске. Один из ведущих еврейских религиозных деятелей своего времени.

285

Мардехай-Давид из Горностайполя (1840–1904) – религиозный деятель. Происходил на Чернобыльской династии цадиков (внук р. Яакова-Исраэля из Черкасс (1794–1876), правнук р. Мардехая из Чернобыля (1770–1837)). Зять основателя цанзской (название происходит от г. Цанз (ныне г. Новы Сонч, Польша)) династии цадиков Хаима Гальберштама (1893–1876). Автор нескольких работ по Галахе, в том числе «Эмек шеела» («Долина вопросов», 1906).

«ха-Шилоах» – литературный, научный и общественно-политический ежемесячник на иврите, выходивший с 1896 г. по 1926 г. Инициатором и первым редактором журнала был Ахад ха-Ам. Редакция «Ха-Шилоах» находилась в Одессе, но из-за цензурных притеснений первоначально журнал выходил в Берлине. С 1903 по 1907 гг. он выходил в Кракове, с 1907 г. – в Одессе (редактор Й. Клаузнер). С 1920 по 1926 гг. журнал выходил в Иерусалиме.

287

Розенфельд, Шмуэль (1869–1943) – писатель, публицист. Писал на иврите и на идише.

Мандельштам, Макс-Эммануил (1839–1912) – известный врач-окулист, активный деятель сионистского движения в России, участник сионистских конгрессов.

289

«Бней Цион» («Сыны Сиона», ивр.) – палестинофильская организация, собиравшая средства на подготовку и переселение российских евреев в Эрец-Исраэль. Многие члены этой организации примкнули к сионистскому движению.

Рабинович, Шмуэль-Яаков (1857–1921) – раввин, общественный деятель. Сторонник сионистского движения. Был раввином в м. Ивье Виленской губ. (ныне – Гродненская обл., Белоруссия), в пригороде Ковно Алексоте, с 1904 г. – в Англии (в Лидсе и в Ливерпуле). С 1918 г. – президент движения «Мизрахи».

291

Второй сионистский конгресс – состоялся в Базеле 28–31 августа 1898 г. Среди резолюций конгресса – призыв к завоеванию еврейских общин сионистским движением, решение о создании Еврейского колониального банка и осуждение практики стихийного поселения в Эрец-Исраэль до получения международного признания права евреев на их историческую родину.

292

Гольдберг, Ицхак-Лейб (1860–1935) – сионистский деятель, один из лидеров сионистского движения в Вильно. С 1918 г. – в Эрец-Исраэль.

293

Шалит, Авраам-Хаим (1898–1979) – израильский историк. Специализировался на исследованиях по истории евреев в греко-римский период. Лауреат Государственной премии Израиля за 1960 г.

Лилиенблюм, Моше-Лейб (1843–1910) – писатель, публицист, деятель Гаскалы и сторонник палестинофильства. Учился в йешивах в Кейданах и в Вилькомире. В 1865 г. основал собственную йешиву в Вилькомире. С 1869 г. – в Одессе, печатался в изданиях на идише и на иврите. В 1870-е гг. – один из самых популярных еврейских публицистов России. В 1880-е гг. – активист палестинофильского движения «Ховевей Циан».

295

Йом Кипур (ивр. «День искупления») – празднуется осенью, десятого числа месяца тишрей С сентябрь-октябрь). Один из важнейших еврейских праздников, день, когда можно изменить приговор, вынесенный человеку Всевышним в Новолетие, извиниться перед людьми и вымолить прощение грехов против Бога. Особенностью Йом Кипура являются «шесть аскез» – воздержание от еды и питья, мытья, супружеских отношений, использования косметики и ношения кожаной обуви, а также строгий запрет заниматься какой-либо работой. Молитва в Йом Кипур продолжается весь вечер и весь последующий день до наступления темноты; к четырем праздничным молитвам добавляется пятая – неила. На исходе Йом Кипура трубят в шофар.

Ланде, Йекутиэль-Залман (1821–1894) – раввин. Родился в Вильно, затем был главой йешивы и раввином в г. Витебск. Там сблизился с движением Хабад. С 1878 по 1894 гг. был раввином Хабада в Петербурге.

297

Третий сионистский конгресс – заседал в Базеле в августе 1899 г. Президент конгресса – Теодор Герцль. На конгрессе обсуждались вопросы развития еврейских колоний и культурной работы в Эрец-Исраэль, деятельность только что открывшегося Еврейского колониального банка. Т. Герцль сообщил депутатам о своей встрече с немецким императором Вильгельмом II в Эрец-Исраэль в 1898 г.

Файерберг, Зеев-Мордехай (1874–1899) – писатель. Писал на иврите. Родоначальник жанра исповедальной лирической повести в ивритской литературе. Печатался в журнале «ха-Шилоах». Наиболее известное произведение Файерберга– повесть «Куда?» («Леан?», ивр.), впервые напечатанная в 1900 г., уже после его смерти.

299

Гольдин, Эзра (1868–1915) – писатель, автор ряда художественных произведений на иврите. В 1900-е гг. занимался главным образом коммерцией.

300

Бялик, Хаим-Нахман (1873–1934) – поэт, писатель, публицист, классик новой ивритской поэзии. В конце XIX – нач. XX *вв.* преподавал в еврейских школах Одессы, редактировал журнал «ха-Шилоах». Руководил издательством «Мория». В 1921 г. эмигрировал в Германию, а затем в Эрец-Исраэль.

301

«Арфа дщери Сиона» – стихотворение на иврите еврейского поэта Михи-ЙосефаЛебензона (Михаль, 1828–1852).

302

Мане, Мордехай-Цви (1859–1886) – писатель, публицист, художник. В 1880 г. был принят в Петербургскую Академию художеств, где проучился до 1884 г. С 1884 г. – в Варшаве. Публиковал стихи на иврите в альманахах «ха-Асиф» и «Кнессет Исраэль». Сторонник палестинофильства. Умер от туберкулеза, посмертное собрание сочинений Мане в двух томах вышло в варшавском издательстве «Тушия» (1897).

303

«Вопросы дня» – серия статей Ахад ха-Ама в журнале «ха-Шилоах».

304

Гершеле Остропoлер (вторая половина XVIII в.) – полулегендарный шут, герой еврейского фольклора. По преданию, был шойхетом в местечке Остропoль, откуда был изгнан, после чего стал шутом при дворе цадика Баруха бен Йехиэля из Меджибожа, внука Бешта. Балагур и острослов, Остропoлер не только развлекал цадика своими веселыми анекдотами, стараясь избавить его от меланхолии, но порой и порицал за несдержанность характера и приступы гнева. По преданию, за одну из своих острот в адрес цадика Остропoлер был сброшен с лестницы и вскоре умер, по-видимому, от ушибов. Остропoлеру посвящены многочисленные произведения еврейской литературы.

305

«Путеводитель растерянных» (ивр. «Море невухим») Рамбама (акроним р. Моше бен Маймон, иначе Маймонид, 1135–1204) – главное философское сочинение крупнейшего еврейского мыслителя, завершено в 1190 г. Опираясь, прежде всего, на произведения Аристотеля, Рамбам рассматривает целый ряд вопросов, важных для просвещенного религиозного еврея, главным из которых является проблема взаимоотношений между философией и религией. Труд Рамбама оказал огромное влияние на последующее развитие средневековой еврейской философии и на формирование еврейской мысли нового времени. Подробнее см. Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных. М. – Иерусалим, 2003.

306

Явец, Зеев-Вольф (1847–1924) – писатель, публицист, историк, общественный деятель. С 1888–1898 гг. – в Эрец-Исраэль, раввин Зихрон-Яакова. В 1898–1905 гг. – в Вильно, один из основателей партии «Мизрахи». В 1912–1915 гг. – в Бельгии, с 1915 г. постоянно проживал в Великобритании. Автор обширной книги по истории еврейского народа (в 13 тт., опубликована в Тель-Авиве в 1935–1937 гг.), хрестоматий и учебников иврита для школ, очерков по лингвистике и т. д.

«Кодашим» – раздел Мишны, рассматривающий законы жертвоприношений и храмовой службы, законы о пище.

«Зевахим» («Жертвоприношения», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда, посвященный законам о различных видах жертвоприношений и законам о пище.

309

«Сефер Незикин» Рамбама – книга комментариев к разделу «Незикин» Вавилонского Талмуда.

310

«Киньян» – трактат, входящий в «Мишне Тора» Рамбама. Посвящен главным образом законам купли и продажи.

311

«Хошен мишпат» («Наперсник суда») – раздел книги «Шулхан арух» Й. Каро. Содержит законы, регламентирующие еврейское судопроизводство, а также имущественные законы.

312

Эпштейн, Йосеф (1874–1916) – врач, сионистский деятель. Один из основателей ивритской гимназии в Вильно.

313

Бердичевский, Миха-Йосеф (1865–1921) – писатель, философ. Писал на иврите, идише и на немецком языке. Родился на Украине, в 1890 г. эмигрировал в Германию, жил в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) и в Берлине. Один из самых известных представителей ивритской литературы конца XIX – начала XX вв.

314

Клаузнер, Йосеф-Гдалия (1874–1958) – историк, публицист, литературовед, политический деятель, один из активных участников сионистского движения в России и Польше, редактор журнала «ха-Шилоах» (1903–1926). С 1919 г. – в Эрец-Исраэль, профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

315

Фришман, Давид (18597-1922) – переводчик, писатель. Писал на иврите и на идише. Работал в редакциях ряда газет и журналов, выходивших на этих языках. Автор рассказов, описывающих современную ему жизнь евреев, а также критических эссе, посвященных различным аспектам еврейской литературы.

316

«ха-Матмид» («Подвижник», ивр.) – стихотворение Хаима-Нахмана Бялика (1873–1934). Написано в 1895 г. под впечатлением от воложинской йешивы. В стихотворении автор создает образ учащегося йешивы, целиком погруженного в служение Богу.

317

«Бо» – недельная глава Торы (Исход, 10:1 – 13:17).

318

«Хагига» («Празднество», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда. Посвящен законам праздников Песах, Суккот и Шавуот.

319

Йешива р. Мейле в Вильно – основана в 1827 г. До Первой мировой войны была одной из самых престижных и хорошо организованных йешив в г. Вильно. В первые годы существования не имела постоянного помещения, в 1831 г. получила здание на территории, принадлежащей р. Мейле, откуда и произошло название йешивы.

320

Раздел Торы: «и рассказал… обо всех трудностях, которые вам встретились» – имеется в виду недельная глава «Итро» (Исход 18:1 – 20:26). Б.-Ц. Динур в качестве названия процитировал часть стиха (Исход 18:8), который полностью звучит так: «И рассказал Моисей тестю своему обо всем, что сделал Господь с фараоном и с Египтянами за Израиля, обо всех трудностях, какие встретили их на пути, и как избавил их Господь».

321

Страшун, Матитьяху (Матес, 1817–1885) – еврейский ученый, меценат и библиофил. Собрал большую личную библиотеку по иудаистике, которую завещал виленской еврейской общине. Книжное собрание включало свыше 5700 томов; большинство книг было аннотировано самим М. Страшуном. Библиотека постоянно пополнялась книгами, полученными в дар от авторов, от владельцев частных библиотек и от виленских раввинов. С 1928 г. Виленский университет передавал библиотеке Страшуна по одному экземпляру всех книг, выходивших в Польше на иврите и идише. В 1930-х гг. фонд библиотеки составлял 35 тыс. книг, среди них было пять инкунабул и свыше 150 ценных рукописей.

«ха-Шахар» («Утро», ивр.) – журнал на иврите, издававшийся в Вене с 1868 по 1886 гг. под редакцией П. Смоленскина. Следовал идеологии Гаскалы.

323

Рабинович, Иосеф (Осип, 1817–1869) – писатель, публицист, главный редактор первого еврейского журнала на русском языке «Рассвет».

Левинзон, Ицхак-Бер (1788–1860) – публицист, поэт, один из основателей движения Гаскала в России. Автор ряда публицистических работ, в том числе «Теуда бе-Исраэль» («Миссия в Израиле», 1828), критикующей систему обучения в хедерах, «Бейт Йехуда» («Дом Йехуды», 1829), содержащей программу преобразования еврейской жизни в духе Гаскалы.

325

Гинцбург, Мордехай-Аарон (1795–1846) – еврейский писатель, переводчик. Один из ведущих деятелей Гаскалы в Вильно. Одним из первых начал переводить на иврит сочинения европейских историков.

Эйхенбаум, Яаков (1796–1861) – писатель, математик, педагог. В 1819 г. перевел на иврит с немецкого «Элементы» Эвклида, позже (с французского языка) – «Курс чистой математики» Л. Б. Франкера. Автор ряда стихотворных произведений на иврите. С 1850 г. – инспектор и преподаватель еврейских предметов в Житомирском раввинском училище.

Смоленскин (Смоленский), Перец (1842–1885) – писатель, окончил йешиву в Шклове, жил в Витебске, служил кантором в синагоге в Могилеве, работал в журнале «ха-Мелиц» в Одессе. В 1867 г. уехал из России и с 1868 г. издавал в Вене журнал «ха-Шахар». Противник ассимиляции, позднее палестинофил.

328

Рудерман, Песах – писатель, историк, переводчик. Автор книги «Дибук: общие представления о развитии веры в переселение душ», посвященной представлениям иудаизма о переселении душ. Книга вышла в Варшаве в 1878 г.

329

Виталь, Хаим (1542–1620) – каббалист, оказал значительное влияние на развитие поздней Каббалы. Основное сочинение Виталя «Эц хахаим» («Древо жизни») служило важнейшим источником для изучения Каббалы для последующих поколений еврейских мистиков. Писал также по вопросам Галахи, астрономии и алхимии.

330

Бешт (аббрев. Баал-Шем-Тов – «Добрый чудотворец», р. Исраэль бен Элиэзер, 1700–1760) – основатель хасидизма. Согласно преданию, в молодости он днями прислуживал в хедере, а по ночам возносился в Высшее Училище, где постигал тайны Торы. Вел вместе с женой уединенную жизнь в карпатских горах, пока в тридцатишестилетнем возрасте повелением свыше не принужден был открыться миру. Бешт выступил с проповедью своего учения, совершая множество чудес и дивных знамений. Последние годы жизни провел в г. Меджибоже, где и был похоронен. Могила Бешта до сегодняшнего дня является важным центром паломничества хасидов. Учение Бешта изложено в трудах его учеников, прежде всего в комментарии к Пятикнижию «Толдот Яаков Йосеф» («Потомство Яакова – Йосеф») Яакова-Йосефа из Полонного. Наиболее популярный сборник легенд о Беште – «Шивхей ха-Бешт» («Прославление Бешта») – вышел в свет в 1815 г.

331

Виленский Гаон – рабби Элияху бен Шлама-Залман из Вильно (1720–1797), один из авторитетнейших духовных лидеров восточноевропейского еврейства, создатель нового подхода к изучению Талмуда, автор множества трудов; противник хасидизма.

332

Шабтай Цви (1626–1676) – лжемессия, провозглашенный в 1665 г. «пророком» Натаном из Газы истинным Избавителем. Так называемое «саббатианское движение», признававшее мессианскую роль Шабтая Цви и противопоставлявшее Каббалу Галахе, в кратчайшие сроки охватило большую часть еврейских общин мира – на территории Оттоманской империи, Северной Африки, Западной и Восточной Европы. При попытке убедить турецкого султана восстановить еврейское царство в Палестине Шабтай Цви был заключен в крепость Абидос на Галлипольском полуострове (Турция), а по прошествии некоторого времени поставлен перед выбором между смертной казнью и обращением в ислам. Вследствие принятия им ислама движение распалось, а немногочисленные оставшиеся последователи саббатианства основали разрозненные секты в различных странах.

333

Каббала («Полученное по традиции», ивр.) – еврейское мистическое учение, исходящее из представления о единой природе космогонии, истории и человеческой души и рассматривающее все эти феномены в качестве единого метатекста, ключ к которому содержится в Торе, понимаемой как система универсальных символов.

334

Получение раввинского диплома (смиха – «возложение рук», ивр.) – акт, при котором авторитетный учитель (раввин, обладающий смихой) объявляет ученику, что отныне у того тоже есть право самостоятельно выносить галахические решения любого уровня сложности и ответственности. Получив смиху, ученик сам становился раввином и в свою очередь мог передать смиху своим будущим ученикам.

335

«Тана де-вей Элияху» («Учение дома Элияху») – аггадический мидраш, созданный после мусульманского завоевания Земли Израиля в 640 г., крайне популярный в хасидских кругах.

Атлас, Элиэзер (1851–1904) – писатель, критик. С 1875 г. сотрудничал в газете «ха-Кармель». Редактор сборника «ха-Керем» (1888). Писал на иврите. Сторонник Гаскалы, в 1880-е гг. был близок к палестинофильству. С 1890-х гг. – противник сионизма и палестинофильства.

337

Пинес, И ехиэль-Михл (1843–1913) – публицист, педагог и общественный деятель, один из провозвестников религиозного сионизма. Писал на иврите. С 1878 г. – в Эрец-Исраэль. Был сторонником возрождения иврита и развития еврейских сельскохозяйственных поселений в Эрец-Исраэль. В 1882 г. способствовал повторному заселению, оставленной незадолго до того Петах-Тиквы, в 1884 г. приобрел землю, где был основан поселок Гадера. Пинес принимал участие в основании еврейских школ в Эрец-Исраэль, был попечителем благотворительных учреждений ашкеназской общины Иерусалима. Его сестра была замужем за З.-В. Явецом.

338

Маймон, Моше (Моисей Львович, 1860–1924) – художник, окончил Академию художеств в Петербурге, преподавал историю искусства в Еврейском университете в Петрограде. В своем творчестве обращался к сценам еврейского быта и к библейским сюжетам. Автор альбомов: «Женщины Библии» (СПб., 1899); «Мужи Библии» (СПб., 1898); «Художественный литературный альбом» (СПб., 1900). См. также его воспоминания «Из истории одной картины» (Еврейская летопись: Сб. 1. Пг.; м., 1923).

339

Маймон, Шломо (1753–1800) – философ, просветитель, автор большого количества работ по европейской и еврейской философии и естественным наукам, написанных по-немецки и на иврите. Широкую известность получила его автобиография, впервые опубликованная в 1793 г. в Берлине под названием «История жизни Соломона Маймона, написанная им самим».

Тфилин – «филактерии»; написанные на пергаменте отрывки из Торы, помещенные в коробочки, выделанные из кожи. Тфилин прикрепляются к голове и левой руке, напротив сердца, при помощи кожаных ремешков, продетых через основания коробочек. Обычно тфилин накладывают во время утренней молитвы, хотя при необходимости это можно проделывать до заката. Наложение тфилин, наряду с обрезанием и соблюдением субботы, считается одной из важнейших заповедей.

341

Кишке – восточноевропейское еврейское блюдо, представляет собой фаршированные говяжьи внутренности (главным образом, кишки). Обычно приготавливалось на субботу.

«Бехорот» («Первенцы», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда, определяющий ситуации, в которых животное по тем или иным причинам не могло быть принесено в жертву в Храме.

343

«Арахин» («Оценки», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий законы имущественных и денежных пожертвований в Храм, правила оценки жертвуемого имущества, законы юбилейного года.

Цадиков, Бецалель (1860–1918) – деятель сионистского движения, оратор, проповедник.

345

«Критот» («Отсечения») – трактат Вавилонского Талмуда, в котором приводятся законы жертвы повинности, а также разбираются ситуации, в которых суд по тем или иным причинам не может вынести смертный приговор.

346

Лунский, Хайкл (1881–1942?) – библиотекарь в Еврейской библиотеке в Вильно (Библиотека Страшуна). Погиб в Виленском гетто.

347

Шмидель, Авраам (Адольф, 1821–1913) – раввин и ученый. Родился в г. Просниц (Моравия), с 1869 г. был раввином в различных районах Вены. Автор книг по истории евреев в период Библии и Талмуда.

348

Фин, Шмуэль-Йосеф (1818–1890) – писатель, лексикограф, ученый. Сторонник Гаскалы, принадлежал к сравнительно консервативному ее крылу. Преподаватель Библии и иврита в Виленском раввинском училище. В 1880-е гг. – сторонник палестинофильства. Автор ряда книг по истории, редактор журнала «ха-Кармель» (в 1860-е – 1870-е гг.).

349

«Грехи молодости» (ивр. «Хатаот неурим») – автобиография М.-Л. Лилиенблюма, впервые опубликованная в 1876 г. в Вене.

350

Мандельштам, Арье-Лейб (Леон, 1819–1889) – общественный деятель. В 1844 г. окончил Петербургский университет. Работал «ученым евреем» при министерстве народного просвещения России, участвовал в разработке проекта еврейской школьной реформы. С 1857 г. – в отставке. Издал перевод Танаха на немецкий (еврейскими буквами) и русский языки, выдержки из произведений Рамбама. Автор ряда книг, посвященных изучению Библии и Талмуда.

351

«Тора и жизнь в странах Запада» – название перевода на иврит сочинения Морица Гюдемана (1835–1918) «Geschichte des Erziehungswesens und der Cultur der abendlandischen Juden wahrend des Mittelalters» С «История образования и культуры евреев в западноевропейских странах в Средние века»). Произведение написано Гюдеманом в 1880–1888 гг., содержит описание внутреннего уклада еврейских общин в Средние века, их духовной жизни, деятельности общинных институций, школ и йешив, семейной жизни евреев, искусства и т. д. Перевод на иврит впервые вышел в Варшаве в 1896 г.

352

Гюдеман, Мориц (1835–1918) – раввин и историк. С 1891 г. – главный раввин Вены. Важнейший исторический труд Гюдемана «История образования и культуры евреев в западноевропейских странах» (в 3-х тт., 1880-88) не утратил своего значения до настоящего времени.

353

«История развития человека» – произведение немецкого исследователя Юлиуса Липерта (1839–1909). Перевод на иврит Давида Фришмана вышел в Варшаве в 1894 г.

354

Перец, Ицхак-Лейбуш (1851–1915) – писатель, один из основоположников литературы на идише. Редактор альманахов «Ди Идише библиотек» («Еврейская библиотека», 1891–1904), «Литератур ун лебн» (Литература и жизнь», 1894), «Йонтев блетлех» («Праздничные листки», 1894–1896).

355

Лунц, Авраам-Маше (1854–1918) – публицист и ученый, автор, издатель и редактор трудов по географии Эрец-Исраэль. С 1869 г. – в Эрец-Исраэль. В 1895–1915 гг. издавал литературный альманах «Луах Эрец-Исраэль» («Календарь Эрец-Исраэль»). Инициатор ряда публикаций, в том числе издания Иерусалимского Талмуда по рукописи, обнаруженной им в Ватиканской библиотеке.

356

Яцкан, Шмуэль-Яаков (1874–1936) – журналист, писатель. Писал на иврите и на идише. Автор биографии Виленского Гаона («Рабейну Элияху ми-Вилна», 1900 г.), сотрудник еженедельника «ха-Цфира», один из основателей варшавской газеты «Дер Хайнт».

357

«Брейшит Раба» – сборник мидрашей на книгу «Брейшит» (Бытие). Составлен в III *в.* н. э. в Палестине. Считается одним из самых древних сборников мидрашей.

358

Дело Блондеса – дело по обвинению виленского аптекаря Давида Блондеса в нанесении режущих ран своей домашней служанке, крестьяне Грудзинской. Дело переросло в очередной кровавый навет, так как Грудзинская обвинила Блондеса в том, что ее кровь понадобилась ему для приготовления мацы. В 1900 г. Блондес был признан виновным в нанесении ран, без намерения лишить жизни Грудзинскую, и приговорен к 16 месяцам тюрьмы. В 1902 г., после подачи апелляции, он был оправдан.

359

Седер – ритуализированная трапеза в первые два (в Земле Израиля – только в первый) вечера Песах. Участники Седера, возлежащие на подушках в знак освобождения от рабства, должны выпить не менее четырех бокалов вина, отведать символических яств и прочитать Агаду – сборник библейских и талмудических рассказов об Исходе из Египта.

Рабинович, Меир-Михл – раввин в Вильно.

361

Маца – опресноки из муки и воды, заменяющие хлеб, запрещенный к употреблению на протяжении всей пасхальной недели. Маца должна быть испечена специально для праздника этого года, и муку для нее принято подготавливать заранее. Если на эту муку попадает влага, она становится «хомец» – квасным – и для выпечки мацы не годится.

362

Гродзинский, Хаим-Озер (1863–1940) – раввин в Вильно, духовный лидер литовского еврейства. Один из основателей религиозной партии «Агудат Исраэль». Автор книги «Ахиэзер» (в 3-х тт.), посвященной различным аспектам талмудического права и ритуала.

363

«Менахот» («Приношения») – трактат Вавилонского Талмуда. Содержит законы приношения от урожая злаковых и других видов урожая, описание ритуалов храмовых приношений. Здесь же – законы о тфилин и цицит.

«Бейт Йосеф» – трактат Йосефа Каро (XVI в.), содержащий комментарий на «Арба Турим» р. Яакова бен Ашера.

365

«Арба турим» («Четыре столбца») – один из наиболее ранних и авторитетных галахических кодексов, составленный р. Яаковом бен Ашером (конец XIII – нач. XIV вв., жил в Германии и Испании) и ставший основой кодекса «Шулхан арух» Йосефа Каро.

«ха-Диним ха-мехудашим» («Обновленные постановления») – галахические постановления Й. Каро, содержащиеся в виде комментариев к некоторым изданиям «Шулхан аруха».

367

«Турей захав» («Золотые столбцы») – сочинение Давида ха-Леви (1586–1667). Представляет собой развернутый комментарий к «Шулхан аруху» й. Каро.

«Эвен ха-эзер» – раздел «Шулхан аруха», посвященный вопросам семейного права. Так же называется посвященный аналогичным вопросам раздел «Арба турим» Яакова бен Ашера.

369

Меир Иш-Шалом (Меир Фридман, 1831–1909) – венгерский исследователь. Учился в йешиве в Унгваре (ныне Ужгород, Украина), позже в Венском университете. Автор многочисленных научных исследований по Талмуду и мидрашам на иврите и на немецком языке. С 1881 по 1886 гг. – редактор ежемесячного журнала, посвященного талмудическим исследованиям «Бейт Талмуд».

Еврейское колонизационное общество (ЕКО) – филантропическая организация. Основана в сентябре 1891 г. в Лондоне бароном М. де Гиршем для содействия колонизации Аргентины евреями-эмигрантами из России и других стран Восточной Европы. Целью ЕКО было основание в Аргентине большого числа еврейских земледельческих колоний. Тогда же земледельческие колонии начали создаваться ЕКО и в других частях американского континента (Канада, США), а после смерти де Гирша в 1896 г. было принято решение оказывать помощь таковым и в Эрец-Исраэль. Кроме того, еще до Первой мировой войны ЕКО открыло десятки еврейских технических и сельскохозяйственных школ в России, Румынии и Австро-Венгрии, организовало сеть ссудно-сберегательных касс для ремесленников, мелких торговцев и т. п.

Райнес, Ицхак-Яаков (1839–1915) – раввин, один из основателей религиозно-сионистского движения «Мизрахи». Учился в литовских йешивах, в 1885–1915 гг. был главным раввином г. Лида (совр. Гродненская обл., Белоруссия). В 1905 г. основал в Лиде реформированную йешиву, где наряду с классическими еврейскими религиозными текстами изучались иврит, основные светские предметы (математика, русский язык и т. п.), а также основы коммерции.

Розенблат, Мардехай (1837–1906) – раввин. Глава общин в Кореличах, Минской губ. (с 1887 г.), в Ошмянах (с 1891 г.) и в Слониме (с 1904 г.). Автор книги «Хадрат Мардехай» (впервые издана в Вильно в 1899 г.), содержащей ответы на галахические запросы и комментарии к священным текстам.

373

«Сефер зманим» – трактат, входящий в «Мишне Тора» Рамбама. Посвящен обсуждению законов, касающихся субботы и еврейских праздников.

«Кесеф Мишне» – труд р. Й. Кара. Содержит комментарий на «Мишне Тора» Рамбама. Цель книги – обнаружить в Талмуде источник постановлений Рамбама и объяснить его принципы интерпретации. Это произведение Кара считается наиболее важным пособием в изучении «Мишне Тора» и стало неотъемлемой частью его стандартных изданий.

375

«Смотри» (ивр. «Ръэ») – недельная глава Торы (Второзаконие, 11:26–16:17).

Мафтир (читающий хафтару, ивр.) – тот, кто читает последний отрывок недельной главы Торы и вслед за ним – хафтару (отрывки из Книг пророков), а также другое название этих отрывков.

377

«Ми ше-берах» («Тот, кто благословил», ивр.) – молитва о благополучии и выздоровлении, произносится в синагоге во время чтения Торы.

378

Кидуш (ивр. «освящение») – благословение субботы или праздника, произносится дважды в день, вечером и утром, над бокалом вина или двумя хлебами. Кидуш открывает субботнюю или праздничную трапезу, в том числе и Пасхальный седер.

379

Иерусалимский Талмуд – свод правовых и морально-этических положений иудаизма, составлен в Эрец-Исраэль в период между началом III и концом IV вв.

380

Гец, Файвл (Меир-Файвл) Бенционович (1850–1931) – публицист, в начале XX в. «ученый еврей» при попечителе Виленского учебного округа, автор серии публицистических очерков по еврейскому вопросу в России, корреспондент Л. Н. Толстого.

381

Брайнин, Реувен (1862–1939) – писатель и литературовед. Писал на иврите и на идише. Автор ряда работ по еврейской литературе XIX–XX вв. С 1909 г. – в Северной Америке. Был одним из немногих американских еврейских писателей, кто поддержал создание Еврейской автономной области в Биробиджане.

382

Соколов, Нахман (Нахум, 1859–1936) – деятель сионистского движения, публицист, делегат сионистских конгрессов, член исполкома этого движения. Издавал литературный альманах «Книга года» («Сефер ха-шана», ивр.).

383

Шнеерсон, Залман-Аарон (1859–1908) – старший брат любавичского ребе Шолома-Дов-Бера Шнеерсона. Занимался лесоторговлей, постоянно проживал в Витебске.

Хен (Хейн), Авраам (1877–1957) – раввин. Сын Д.-Ц. Хена. С 1910 по 1919 гг. – раввин в г. Новозыбков, Черниговской губернии. С начала 1920-х гг. до 1934 г. – раввин в г. Сопот. Позже раввин в Париже, со второй половины 1930-х гг. – в Эрец-Исраэль, раввин в иерусалимском районе Бейт ха-Керем. В 1948–1954 гг. – заведующий отделом религиозного воспитания в министерстве образования Израиля.

385

Хен (Хейн), Менахем-Мендл (1880–1919) – раввин. Сын Д.-Ц. Хена. С 1907 г. – хабадский раввин Нежина, Черниговской губернии. В 1919 г. был убит во время погрома, устроенного солдатами армии Деникина.

Шнеерсон, Менахем-Мендл (1867-?) – младший брат любавичского ребе Шолома-Дов-Бера Шнеерсона. Постоянно проживал в Любавичах.

387

Йехуда Галеви (1080–1145) – один из величайших еврейских поэтов Испании, философ, автор классического труда по философии иудаизма «Кузари» («Хазар»).

388

Шнеерсон, Йосеф-Ицхак (1880–1950) – шестой представитель династии Шнеерсонов, возглавивший Хабад в 1920 г.; общепризнанный руководитель ортодоксального еврейства Советской России, создатель разветвленной подпольной организации, призванной сохранить еврейскую религиозную жизнь в условиях преследований и гонений. В 1924 г. поселился в Ленинграде, в 1927 г. был арестован, а затем выслан из Советского Союза в Латвию. В 1927–1934 гг. жил в Риге, с 1934 по 1940 гг. – в Польше; с 1940 г. – в США.

389

«Томхей тмимим» – йешива, основанная пятым главой Хабада, любавичским ребе Шоломом-Дов-Бером Шнеерсоном в 1897 г. Первым главой йешивы был сын Шолома-Дов-Бера, будущий шестой глава Хабада Йосеф-Ицхак Шнеерсон. С 1897 по 1918 гг. йешива находилась в Любавичах. В 1920-е гг. отделения йешивы были открыты в ряде городов СССР. Некоторые из этих отделений продолжали работать в подполье в 1930-е -1960-е гг. В настоящее время отделения йешивы существуют в десятках городов в разных странах мира, в том числе и на территории бывшего СССР.

Копысские хасиды – хасиды, принадлежащие к одному из ответвлений движения Хабад. Копысский хасидизм был основан сыном любавичского ребе Менахема-Мендла Шнеерсона (Цемах Цедека) р. Йехудой-Лейбом Шнеерсоном (1811–1866), который после смерти отца в 1866 г. стал цадиком в г. Копыс Могилевской губ. Спустя короткое время р. Йехуда-Лейб умер, и копысских хасидов возглавил его сын Шломо-Залман (1830–1900). При Шломо-Залмане копысское течение стало наиболее активным и значительным в Хабаде. Копысский хасидизм просуществовал до 1926 г., когда, после смерти последнего копысского ребе Шмарьяху-Ноаха (1845–1926), его сторонники присоединились к любавичским хасидам.

391

Бренер, Хаим-Йосеф (1881–1921) – писатель и публицист, писал главным образом на иврите. Родился в Полтавской губернии, с 1909 г. – в Эрец-Исраэль. Крупнейшей представитель психологического направления в ивритской литературе начала XX в. Убит во время антиеврейских беспорядков в Яффо в мае 1921 г.

392

Берлин, Израиль Захарович (1868-1920-е гг.) – историк, сотрудник «Еврейской энциклопедии», после 1917 г. активно участвовал в деятельности большевистских органов власти в Петрограде, созданных специально для работы среди евреев.

393

«Русско-еврейская энциклопедия» – имеется в виду «Еврейская энциклопедия» в 16 тт., выпущенная издательством «Брокгауз и Эфрон» в 1908–1913 гг.; переиздана факсимильно в 1991-92 гг.

394

«Мир» – русское издательство, основанное в Москве в 1907 г. Среди его продукции были и книги по еврейской тематике, в том числе начатое, но не завершенное многотомное издание «История еврейского народа».

395

Берлин, Исайя (Хаим-Йешаяху,?-1908) – крупный предприниматель, торговец лесом. Родился в Витебске, позже переехал в Ригу. Состоял в родстве с семейством Шнеерсон, был женат на внучке Цемах Цедека Хае-Эстер.

Учительский институт в Вильно (до 1873 г. – Виленское раввинское училище) – учебное заведение, созданное российским правительством в 1847 г. с целью подготовки раввинов. Преподавание велось под строгим государственным контролем. Наряду с традиционными предметами в программу училища входили также общеобразовательные дисциплины. Училище было одним из главных оплотов Гаскалы в России. Выпускники училища становились казенными раввинами, преподавателями казенных еврейских училищ либо продолжали образование в университетах в России или за рубежом. После преобразования в Учительский институт главной задачей этого учебного заведения стала подготовка преподавательских кадров для еврейских казенных училищ. Институт просуществовал до 1922 г.

397

«Хроника Восхода» («Еженедельная хроника «Восхода») – еженедельное приложение к еврейскому журналу «Восход», выходившему в Петербурге на русском языке в 1881–1906 гг.

Бегам, Арье (1877–1941) – врач. Изучал медицину в Харьковском университете, где участвовал в организации сионистских обществ. Во время русско-японской войны служил в российской армии как военный врач. С начала 1910-х гг. – в Эрец-Исраэль. В 1913 г. участвовал в основании Института Пастера в Иерусалиме.

399

«Шулхан арух» («Шулхан арух ха-Рав») – произведение основателя хасидского движения Хабад Шнеура-Залмана из Ляд (1745–1812). Представляет собой попытку создать свод религиозного законодательства, подобный «Шулхан аруху» Й. Кара. Работа была впервые опубликована в 1814 г., однако в свет вышло только около трети рукописи. Другая ее часть погибла во время пожара. Книга стала авторитетнейшим источником Галахи для хасидов Хабада.

400

Кантонисты – здесь: еврейские дети (до 18 лет), призываемые на военную службу в соответствии с законом 1827 г. Закон предусматривал набор рекрутов из евреев с 12 лет, но на деле в армию попадали дети и более младшего возраста. Они отправлялись в школы кантонистов до достижения ими 18-летнего возраста, а затем начинали прохождение 25-летнего срока службы. За эти годы кантонисты не только отрывались от семьи, но и нередко подвергались насильственной ассимиляции и даже крещению. Система кантонистов, оставившая травматический след в исторической памяти российских евреев, была ликвидирована в ходе реформ Александра II.

401

«История цивилизации в Англии» – произведение английского исследователя Генри Томаса Бокля (1821–1862). Перевод на русский язык впервые опубликован в журнале «Отечественные записки» за 1861 г., отдельным изданием в двух томах книга вышла в 1863–1864 гг. и потом неоднократно переиздавалась. Перевод на идиш впервые вышел в Варшаве в 1900 г. Книга посвящена не только истории Англии, но уделяет внимание также истории Франции, Испании и Шотландии. Подробнее см. Бокль Г. Т. История цивилизаций. М., 2000.

402

«История умственного развития Европы» – книга американского историка Джона Уильяма Дреппера (1811–1882). Впервые в русском переводе опубликована в Петербурге в 1866 г.

403

Падение Испании – здесь: выселение евреев и мусульман из Испании в конце XV в.

404

«Ди Арбайтер штиме» («Рабочий голос») – центральный печатный орган Бунда в России. Выходил на идише с 1901 г. с нерегулярной периодичностью. В 1917 г. – еженедельник.

405

Польская социалистическая партия (ППС) – основана в 1893 г. Боролась за национальную независимость Польши, создание там демократической республики, где бы соблюдались права народных масс. Выступала, в принципе, против антисемитизма, но при этом не осуждала антисемитские тенденции в польском обществе. Боролась с «засильем» евреев на рынке труда. Вступила в конфликт с Бундом, вызванный спорами о месте евреев в польском освободительном движении.

406

Ламздорф, Владимир Николаевич (1844/45-1907) – граф, государственный деятель и дипломат, в 1900–1906 гг. – министр иностранных дел России.

Шмуэль II – в синодальном переводе – 2-я книга Царств.

Йехояким – в синодальном переводе Библии – Иехиния.

409

Слихот – покаянные молитвы, произносимые с исхода субботы, предшествующей Рош ха-Шана, вплоть до кануна Йом Кипура. Читаются после наступления полуночи или перед рассветом.

410

«Пиркей Авот» («Поучения отцов») или «Авот» – самый популярный трактат Мишны, последний трактат четвертого раздела – Незикин». Многие комментаторы объясняют его название тем, что в нем содержатся «отцы основ», то есть основоположения всей существующей мудрости. Трактат «Пиркей Авот», посвященный непрерывной преемственности Устной Торы со времени Моисея, перечисляет в хронологическом порядке законоучителей древности, их основополагающие этические принципы или идеи, с которыми они обращались к своему поколению. Этот трактат принято читать в течение шести суббот между праздниками Песах и Шавуот, после молитвы минха; во многих общинах его читают и изучают и в другие субботы. Он является неотъемлемой частью еврейского ритуала и включен во все молитвенники.

411

Засодимский, Павел Владимирович (1842–1912) – русский писатель, народник.

Костомаров, Николай Иванович (1817–1885) – украинский историк, автор серии работ по истории Украины периода казацких войн и погромов XVII–XVIII вв., в том числе очерка «Жидотрепание в начале XVIII в.» («Киевская старина», 1883), который вызвал широкую полемику.

413

«История XIX века» – имеется в виду «Политическая история современной Европы» французского историка Шарля Сеньобоса (1854–1942). В русском переводе книга впервые издана в Петербурге в 1898 г.

Урицкин Х.-З. -ивритский писатель, переводчик.

415

Реформированный хедер – в конце XIX – начале XX вв. в Восточной Европе проводились попытки реформ традиционного хедера. В программу занятий обновленного (реформированного) хедера включались светские предметы (русский и немецкий языки, арифметика, история, география и т. д.), для изучения иврита и Танаха использовались учебники и т. д. Тем не менее, обновленные хедеры получили достаточно ограниченное распространение.

Погром в Кишиневе, 1903 г. – погром 6–7 апреля 1903 г. Начался под влиянием подстрекательских антисемитских статей в газете «Бессарабец», редактировавшейся П. Крушеваном, а также слухов о ритуальном убийстве мальчика-христианина в Дубоссарах. В ходе погрома было убито 49 человек, ранено 586, разгромлено более полутора тысяч еврейских домов и лавок.

417

Виленский, Петр Абрамович (Петр Шубин, 1878–1937) – участник революционного движения, член РСДРП, позже ВКП (6). В 1920-е -1930-е гг. работал пропагандистом в аппарате Коминтерна. В 1937 г. – расстрелян.

418

«Поалей Цион» («Трудящиеся Сиона», ивр.) – политическое движение, сочетавшее сионизм с социалистической идеологией. Возникло в России в конце XIX в., пользовалось влиянием среди евреев-социалистов в России, Польше, Румынии и США. Сыграло видную роль в создании Государства Израиль.

419

«Альт Нойланд» («Старая новая земля», нем.) – роман-утопия Т. Герцля, вышел в свет в 1902 г. Описывает идеальное «новое еврейское общество» в Палестине будущего.

420

Шестой сионистский конгресс – заседал в Базеле в августе 1903 г. На конгрессе лидер сионистского движения Т. Герцль сообщил о предложении английского правительства предоставить евреям территорию для поселения в Восточной Африке (в Уганде). Конгресс незначительным большинством голосов принял решение согласиться с этим предложением (295 – за, 178 – против, 100 – воздержались). После оглашения результатов голосования противники принятия «плана Уганды» во главе с Й. Членовым покинули зал. В этот же день Членов и его сторонники основали движение «Ционей Циан» («Сионисты Сиона»), основной целью которого было продолжение борьбы за возвращение в Эрец-Исраэль.

421

Плеве, Вячеслав Константинович (1850–1904) – русский государственный деятель, в 1902–1904 гг. – министр внутренних дел. Один из организаторов антиеврейских кампаний в России в 80-х гг. XIX *в.* Убит 15 июня 1904 г. эсером Егором Сазоновым. См. о нем: Рахманова Н. Плеве и еврейский вопрос // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1995. № 8.

Сыркин, Нахман (1868–1924) – политический деятель. Окончил гимназию в Минске и Берлинский университет. С 1907 г. проживал в США. В 1905 г. был одним из основателей Сионистской социалистической рабочей партии, стоявшей на позициях территориализма. В 1909 г. Сыркин покинул партию и вернулся во Всемирную сионистскую организацию. В 1910-е – 1920-е гг. Сыркин разработал идейную концепцию социалистического сионизма, в 1930-е – 1960-е гг. бывшую ведущей в сионистском движении в Эрец-Исраэль.

423

«Дер Хамойн» («Народные массы», идиш) – публицистический альманах на идише. Был издан под редакцией Н. Сыркина в Берлине в 1903 г.

Цирельсон, Йехуда-Лейб (1859–1941) – раввин. С 1879 г. – духовный раввин в Прилуках Полтавской губернии, с 1907 г. занимал там должность казенного раввина. С 1909 г. – раввин в Кишиневе. С 1918 г. – главный раввин Бессарабии. Член партии «Агудат Исраэль», в 1923 и в 1929 гг. был председателем проходивших в Вене всемирных конгрессов этой партии. В 1922–1926 гг. – депутат парламента Румынии, в 1926 г. – сенатор. Погиб в годы Холокоста.

Рабинович, Элияху-Акива (1862–1917) – раввин в Полтаве. Активный противник сионизма. Первый редактор религиозной газеты «ха-Модиа» («Известия»), издавал религиозный журнал «ха-Пелес».

Херем – проклятие, отлучение от еврейской общины.

Поским (ед. ч. – посек) – раввинистические авторитеты, обладающие правом выносить галахические постановления по вопросам общественной значимости, а также сборники такого рода постановлений различных эпох.

Уганда – имеется в виду план, выдвинутый правительством Англии в 1903 г. и предполагавший создание еврейской колонии в восточной Африке, на границе Кении и Уганды. План был окончательно отвергнут на седьмом сионистском конгрессе в 1905 г.

429

Берман, Шлама (1857–1927) – писатель, педагог, автор ряда книг и учебных пособий по истории евреев. Автор книги для чтения на иврите для детей от шести до восьми лет «Ган хайеладим» («Детский сад»), впервые опубликованной в 1901 г.

430

Народный еврейский университет – учебное заведение, преследовавшее главным образом просветительские цели. Язык преподавания – идиш. Работал в Киеве с 1918 по 1920 гг. Ректор университета – Маше Зильберфарб.

431

Петрушевский, Александр Фомич (1826–1904) – профессиональный военный, историк. Автор ряда учебных книг по русской истории, а также пособий для обучения солдат грамоте.

Павлович, Борис Антонович (1848–1878) – выпускник Киевского университета и преподаватель русской истории и педагогики в Санкт-петербургских учебных заведениях. Автор ряда учебных книг по русской истории для детей, а также учебников по русской и мировой истории для средних учебных заведений.

433

Крахмаль, Нахман (1785–1840) – раввин, философ, историк, вдохновитель движения Гаскалы в Восточной Европе и один из создателей галицийского варианта науки о еврействе. Жил в различных городах Восточной Галиции (Жолква, Броды, Тернополь). Автор множества философских трудов, наиболее известным из которых является «Море невухей ха-зман» («Путеводитель растерянных нашего времени»), изданный в 1851 г. Это своего рода ответ на «Путеводитель растерянных» Рамбама, основанный на европейской, в первую очередь, немецкой философии Нового времени.

Дубнов, Семен Маркович (Шимон Мейерович; 1860–1941) – еврейский историк, публицист и общественный деятель. Основоположник идеи «автономизма» в еврейской политической мысли. Подробнее см. Дубнов С. Книга жизни. М. – Иерусалим, 2003.

Бек, Самуил (1834-?) – историк, раввин, преподавал религиозные предметы и историю в гимназиях, автор учебника по истории евреев.

Бранн, Маркус (1849–1920) – историк, раввин. Окончил раввинскую семинарию в Бреслау и университет в том же городе. С 1891 г. возглавлял кафедру еврейской истории и библейской экзегетики в раввинской семинарии в Бреслау. Автор ряда работ по истории евреев в Германии. С 1892 г. – соредактор, с 1899 г. – главный редактор журнала «Monatsschrift fur Geschichte und Wissenschaft des Judentums».

Каценельсон, Лев Израилевич (Йехуда-Лейб, псевд. Буки бен Иогли, 1846–1917) – врач, историк еврейской литературы, публицист, редактор «Еврейской энциклопедии», ректор Петербургских курсов востоковедения.

Марек (Марик), Песах (Петр) Семенович (1862–1920) – историк и фольклорист, окончил Московский университет, сторонник сионистского движения, сотрудник «Восхода», «Еврейской старины», «Еврейской энциклопедии».

439

Гессен, Юлий Исидорович (1871–1939) – историк, общественный деятель, автор серии фундаментальных трудов по истории евреев в России. В 30-е гг. – автор работ по истории рабочего движения в России.

Кулишер, Михаил Игнатьевич (1847–1919) – юрист, историк, общественный деятель, издатель, сотрудник основных русско-еврейских периодических изданий, автор ряда работ по истории евреев, противник сионизма

441

Гинзбург, Шауль (Саул) Моисеевич (1866–1940) – историк российского еврейства. В 1930 г. эмигрировал во Францию, где участвовал в деятельности Объединения русско-еврейской интеллигенции. С 1933 г. жил в США. Автор мемуаров «Былой Петербург» (на идише).

Бруцкус, Юлий Давидович (1870–1951) – социолог, историк, деятель сионистского движения, сотрудник «Восхода», «Еврейской жизни», «Рассвета». С 1921 г. – министр по еврейским делам правительства Литвы. Позднее жил в Германии, Франции, США. Умер в Израиле.

443

Никитин – возможно, имеется в виду Никитин, Виктор Никитич (1839–1908) – государственный служащий, писатель. Родился в еврейской семье, в детстве был отдан в кантонисты. Сумел сделать государственную карьеру, был одним из директоров Санкт-Петербургского тюремного комитета и чиновником особых поручений при министре государственных имуществ. Автор ряда книг, посвященных быту заключенных и состоянию российских тюрем. Ему принадлежит также труд «Евреи-земледельцы» (1887) и очерки из быта кантонистов.

Хисин, Хаим (1865–1932) – сионистский и общественный деятель. Член группы «Билу». В 1882–1887 гг. жил в Эрец-Исраэль, затем вернулся в Россию, с 1905 г. – вновь в Эрец-Исраэль, один из основателей Тель-Авива. Участник сионистских конгрессов, автор ряда работ, посвященных жизни в Эрец-Исраэль, в том числе «Дневник билуйца».

Зингер, Исидор (Исраэль, 1893–1944) – писатель, публицист, жил в Австрии, Польше, на Украине. С 1933 г. – в США.

Нордау, Макс (Зюдфельд, Симха-Меир, 1849–1923) – философ, писатель, деятель сионистского движения. Его политические работы многократно издавались в России, напр.: «Избранные речи и статьи» (Вильна, 1909); «Речи» (Киев, 1903) и др. Художественные произведения вошли в дважды выпускавшиеся (в 1902–1903 гг. в Киеве и в 1913 г. в Москве) собрания сочинений.

Рубинов, Леон Моисеевич (1873-?) – писатель, деятель сионистского движения. В 1890-х гг. постоянно публиковался в еврейских журналах на русском языке («Восход», «Будущность», «Еврейская жизнь»). Автор романа «Без почвы» (1904 г.), автобиографической повести «История одной жизни», первая часть которой – «Детские годы» – вышла в «Восходе» в 1899 г. Участник сионистских конгрессов.

Рейнах, Теодор (1860–1928) – французский археолог, гебраист. Автор трудов по археологии Ближнего Востока, редактировал перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия на французский язык.

Руппин, Артур (1876–1943) – экономист, социолог, деятель сионистского движения. Родился в г. Равич, в районе Познани, являвшейся частью Германской империи. Окончил юридический факультет университета в Галле. В 1904–1908 гг. возглавлял Бюро еврейской статистики и демографии в Берлине. В 1908 г. был назначен руководителем Палестинского бюро Всемирной сионистской организации в Яффо. Участвовал в основании Тель-Авива, а также первого, по времени возникновения, киббуца Дгания. Способствовал приобретению земель в разных концах Эрец-Исраэль. В 1920-е – 1930-е гг. Руппин входил в руководство Сионистской организации и Еврейского агентства (Сохнут). В 1920-е гг. был одним из основателей общества «Брит Шалом» («Союз мира»), выступавшего за создание в Палестине двунационального еврейско-арабского государства, позже принимал участие в организации партии евреев – выходцев из Германии «Алия хадаша» («Новая алия»). В 1920-е – 1930-е гг. Руппин преподавал в Еврейском университете в Иерусалиме.

450

Шерер, Иоганн Эгед (1844-?) – немецкий историк и юрист. Автор капитального труда о правовом положении евреев в Средние века в немецких областях Австрии («Die Rechtsverhaltnisse der Juden in den Deutsch-Osterreichischen Landern» – «Основы западноевропейского законодательства о евреях в Средние века»), вышедшего в Лейпциге в 1901 г. Наряду с данными о положении евреев в Австрии труд Шерера содержит данные о правовом положении евреев в Германии, Англии, Франции и т. д. Книге предшествует обширное введение, где автор анализирует основные принципы средневекового законодательства о евреях. Это «Введение» было переведено на русский язык и опубликовано в 1902 г. в журнале «Восход».

451

Леви-Ицхак из Бердичева (ребе из Бердичева, 1740–1810) – один из самых известных хасидских лидеров, ученик Магида из Межерича и Шмельке из Никольсбурга. Известен своей благочестивостью и любовью к народу Израиля. Существуют предания о том, как р. Леви-Ицхак вызывал на суд самого Всевышнего, требуя от Него заботы о Своих детях, и Бог подчинялся решению суда.

452

«Введение в изучение истории» – книга французских историков Шарля Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса. Предназначена для студентов-историков. Впервые опубликована в 1897 г., в России – в 1899 г. Подробнее см. Ланглуа Ш. В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. м., 2004.

453

«Киевская старина» – ежемесячный журнал по истории, археологии, этнографии и литературе Украины. Выходил в Киеве в 1882–1906 гг. Ориентировался на украинскую интеллигенцию национально-демократического направления.

Вишневецкие – князья, угасший древний литовско-русский род; известны также как князья Корибут-Вишневецкие. Родоначальник рода – Корибут-Дмитрий, сын великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича (1341–1377). Правнук Корибута-Дмитрия, Солтан, основавший по преданию замок Вишневец, первый начал именовать себя князем Корибут-Вишневецким. Имели владения главным образом на Украине. В XVI–XVII вв. представители рода перешли в католичество. Род окончательно пресекся в XVIII в.

Шмуклер, Сара – деятельница сионистского движения. Родилась в Бобруйске. Переехала в Эрец-Исраэль, где работала медсестрой в поселении Йесод ха-Маала в Галилее. Умерла в 1919 г. от малярии. Похоронена на кладбище в районе озера Кинерет.

«Автоэмансипация» Пинскера – Пинскер, Леон (Лев Семенович, Йехуда-Лейб, 1821–1891) – теоретик и лидер палестинофильства, общественный деятель, публицист, основатель движения «Ховевей Цион». Автор работы «Автоэмансипация» (1882), в которой он обосновывал необходимость создания еврейского государства.

457

«Еврейское государство» – книга Т. Герцля, впервые опубликована в 1896 г. Заложила основы политического сионизма. В «Еврейском государстве» Т. Герцль подчеркивал, что главной целью еврейского национального движения должно стать получение международных гарантий права евреев на создание собственного государства. По мнению Герцля, организованное и планомерное переселение еврейского народа на отведенную ему территорию могло бы начаться только после принятия таких гарантий всем мировым сообществом (или, как минимум, великими державами). Таким образом, колонизации должна была предшествовать политическая деятельность, проводимая лидерами сионистского движения.

Шкоп, Шимон-Йехуда (1860–1940) – раввин, глава йешивы в Телзе (Тельшай), позже раввин и глава йешивы в г. Брянск (в 1907–1920 гг.), глава йешивы «Шаар Тора» в Гродно (в 1920–1939 гг.). Ввел новую систему изучения религиозных текстов. Автор ряда комментариев к Талмуду и работ, посвященных религиозному праву. Один из лидеров партии Агудат Исраэль.

Берман, Василий (1862–1896) – юрист, публицист. Сторонник палестинофильства. Окончил Петербургский университет. В 1880-х гг. издал на русском языке сборники «Сион» и «Палестина», где изложил основы идеологии движения «Ховевей Циан». Работал секретарем Еврейского колонизационного общества (ЕКО), возглавлял отделение эмиграции ЕКО. Основатель историко-этнографического комитета при Обществе для распространения просвещения между евреями в России.

460

«Сионизм» – произведение Иосефа Сапира (1869–1935). Книга впервые вышла в Вильне в 1903 г., посвящена изложению идей сионизма. Автор – врач, участник движения «Ционей Циан» в Одессе, с 1925 г. – в Эрец-Исраэль, заведующий отделением больницы «Бикур Холим» в Иерусалиме.

461

«Современная Палестина» – произведение Исраэля Белкинда (1861–1929), посвященное географии Эрец-Исраэль. Впервые вышло в свет в 1928 г.

Черниховский, Шауль (Саул) Гутманович (1875–1943) – поэт. Уехал из России в 1923 г. С 1931 г. – в Эрец-Исраэль. См. о нем: Клаузнер И. А. Саул Черниховский – поэт возрождения. Одесса, 1917; Шаул Черниховский. Стихи и идиллии / Вступ. статья Льюиса Бернхардта. Библиотека Алия. № 12. 1974.

463

Темкин, Владимир (Зеев, 1861–1927) – политический деятель, один из руководителей сионистского движения в России, делегат сионистских конгрессов, ревизионист. Окончил Технологический институт в Петербурге. После 1917 г. – в эмиграции в Германии, сотрудник изданий В. Е. Жаботинского.

Решения, принятые в Харькове – имеются в виду решения, принятые на конференции российских сионистов в Харькове в ноябре 1903 г. Конференция приняла решение выступить против предложенного Т. Герцлем «Плана Уганды» и предложить ему отказаться от создания каких-либо еврейских колоний за пределами Эрец-Исраэль. На конференции была образована организация «Ционей Цион» («Сионисты Сиона»).

465

«Дневник билуйца» Х. Хисина – книга воспоминаний участника палестинофильского движения «Билу» Хаима Хисина (1865–1932). Книга впервые напечатана в № 1-12 журнала «Восход» за 1889 г. под названием «Из дневника палестинского эмигранта». В 1925 г. переведена на иврит под названием «Дневник билуйца». В 1973 г. переиздана под этим же названием в Иерусалиме на русском языке. См.: Хисин Е. Дневник билуйца. Иерусалим, 1987.

Территориалисты – сторонники течения в сионистском движении, требовавшие создания еврейского государства на любой территории, не обязательно в Эрец-Исраэль.

467

«Керен каемет ле-Исраэль» (Еврейский национальный фонд, ивр.) – фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль. Основан 29 декабря 1901 г. на пятом сионистском конгрессе в Базеле. К моменту создания Государства Израиль ему принадлежало до половины всех еврейских земель в Эрец-Исраэль. В последние десятилетия основные направления деятельности «Керен каемет ле-Исраэль»: озеленение и насаждение лесных массивов, ирригационные работы, в частности, в Изреельской долине, экономия водных ресурсов, участие в абсорбции новых репатриатов из стран СНГ и Эфиопии, развитие Галилеи, Негева и др.

Урусов, Николай Петрович (1863–1918) – государственный деятель. Член Государственного совета, сенатор. В 1901–1902 гг. – губернатор Гродненской, в 1902–1906 гг. – Полтавской губернии. В 1908–1917 гг. – предводитель дворянства Екатеринославской губернии.

469

Грузенберг, Самуил Осипович (1854–1909) – врач по образованию, публицист, работал в «Восходе». С 1900 по 1904 гг. – редактор газеты «Будущность». Его переписка с С. М. Дубновым опубликована в «Еврейской старине» (1914. Т. 3; 1915. Т. 4).

«Будущность» (сборник) – еврейское периодическое издание, выходившее на русском языке в 1900–1904 гг. под редакцией С. О. Грузенберга.

«Мизрахи» («Восточный», также анаграмма словосочетания «мерказ рухани» – «духовный центр») – сионистское религиозное движение. Учредительное собрание, состоявшееся 4–5 марта 1902 г. в Вильне, объявило движение религиозной фракцией во Всемирной сионистской организации. Девизом «Мизрахи» стал лозунг «Земля Израиля для народа Израиля, согласно Торе Израиля».

472

Рош ха-Шана – «Начало года», еврейский новый год, который празднуется осенью, первого и второго числа месяца тишрей. Согласно традиции, в Рош ха-Шана записывается в Книгу Жизни судьба всего мира и каждого отдельного человека в наступающем году. Одна из заповедей праздника – слушать трубные звуки шофара.

Смилянский, Зеев (1873–1944) – писатель, публицист, сионистский деятель. Писал на иврите. Автор сборника стихов «Ор Митаа» (1904 г.), публицистической работы «Еврейские или арабские рабочие? Письма из Эрец-Исраэль» (1908 г.).

«Еврейская жизнь» – ежемесячный журнал, орган сионистского движения. Выходил в Санкт-Петербурге в 1904–1907 гг. под ред. И. В. Соркина и А. Д. Идельсона.

475

«Колонизация у современных народов» Поля Леруа-Болье (1843–1916) – впервые издана в Париже в 1874 г. В книге автор, видный французский экономист, анализирует феномен колонизации в различных его формах и проявлениях на протяжении XIX в. Книга стала одним из манифестов французской колониальной идеи и повлияла на определение политики Франции в 1880-е – 1890-е гг.

Мижуев, Павел Григорьевич (1861–1932?) – писатель, публицист. Историк педагогики. Автор ряда работ по истории Англии, США, Австралии, Новой Зеландии, а также по истории образования в различных странах Европы и Америки. Составитель учебника по французскому языку и англо-русского словаря.

Святополк-Мирский, Петр Данилович (1857–1914) – государственный деятель. Генерал-адъютант. В 1895–1897 гг. – генерал-губернатор Пензенской, в 1897–1900 гг. – Екатеринославской, в 1902–1904 гг. – Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. В 1904–1905 гг. – министр внутренних дел.

Алейников, Михаэль (1880–1938) – адвокат, сионистский деятель. С 1920-х гг. – в Эрец-Исраэль.

479

Усышкин, Михаил Моисеевич (1863–1941) – один из руководителей сионистского движения в России в конце XIX – нач. XX вв., с 1903 по 1919 гг. жил в Одессе. С 1919 г. – в Эрец-Исраэль.

480

«Хибат Цион» («Любовь к Сиону», ивр.) – палестинофильское движение, возникшее в России после погромов 1881–1882 гг. и выступавшее за массовое переселение евреев в Эрец-Исраэль с целью создания там национального государства. Многие члены этого движения позднее примкнули к сионистскому движению.

481

Левин, Шмарьяху (1867–1935) – философ, публицист, политический деятель, лидер сионистского движения в России, депутат первой Государственной Думы. В конце XIX-нач. XX вв. был казенным раввином в Гродно, затем в Екатеринославе. В 1908 г. эмигрировал в Германию. С 1924 г. – в Эрец-Исраэль.

Авиновицкий, Файвуш (Фаддей) – заместитель казенного раввина Одессы, один из лидеров сионистского движения в городе. Подозревался в сотрудничестве с охранкой.

483

Бурцев, Владимир Львович (1862–1942) – участник революционного движения, публицист, издатель. В 1880-х гг. принимал участие в народовольческих кружках, позже был близок к партии эсеров. Издатель сборника по истории русского революционного движения «Былое», автор ряда работ по истории России XIX в. Во время Первой русской революции участвовал в разоблачении провокатора Азефа и ряда других революционных деятелей, работавших на охранку. В 1917 г. выступил против большевиков, был арестован, в марте 1918 г. – освобожден. Летом 1918 г. эмигрировал во Францию, в 1930-е гг. боролся с антисемитизмом.

Ционей Цион» («Сионисты Сиона», ивр.) – группа созданная в Харькове в ноябре 1903 г. после принятия шестым Сионистским конгрессом «плана Уганды». Лидеры – Й. Членов и М. Усышкин. Выступала за продолжение борьбы за создание еврейского государства в Эрец-Исраэль. Седьмой сионистский конгресс (1905 г.) принял программу «Ционей Цион», после чего она слилась со Всемирной сионистской организацией.

Бограчев (Богер), Хаим (1876–1963) – общественный и политический деятель. Родился на Украине, учился в Базельском университете. Состоял в партии «Поалей Цион». С 1906 г. – в Эрец-Исраэль, один из основателей Тель-Авива. Во время Первой мировой войны выслан турецкими властями, жил в Испании. В 1919 г. вернулся в Эрец-Исраэль. В 1940-х – 1950-х гг. – один из лидеров партии общих сионистов, депутат Кнессета с 1951 по 1955 гг.

486

Рабинович, Яаков (1875–1948) – писатель, сионистский деятель. В 1904 г. окончил университет в Берне. Печатался в газетах, выходящих на иврите и идише. С 1910 г. – в Эрец-Исраэль. Много писал для изданий, выходивших на иврите, выступал в самых разных жанрах (публицистика, поэзия, драматургия, беллетристика, перевод). Умер в Тель-Авиве.

487

Борохов, Бер (1881–1917) – политический деятель, основатель еврейской сионистской социал-демократической партии «Поалей Цион». В 1901 г. организовал первую группу «Поалей Цион», с 1905 г. – во главе этого движения, руководил им до последних дней своей жизни. Его статья «Наша платформа» стала программой «Поалей Цион» и оказала большое влияние на все дальнейшее сионистско-социалистическое движение.

Лещинский, Яаков (1876–1966) – экономист, социолог, демограф, публицист, автор фундаментальных научных исследований, член руководства Сионистской социалистической рабочей партии, делегат ряда сионистских конгрессов. В 1917 г. был одним из создателей Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. В 1921 г. эмигрировал в Германию. В 1933 г. был выслан из Германии. Жил в Польше, а с 1938 по 1959 гг. – в США. С 1959 г. – в Израиле.

«хе-Халуц» (ивр. «Первопроходец») – сионистская организация, созданная в 1918 г. в России. Объединила еврейскую молодежь, стремившуюся к созданию в Палестине сельскохозяйственных поселений. Одним из руководителей организации был Й. Трумпельдор – герой русско-японской войны, командир еврейских вооруженных отрядов в Эрец-Исраэль, автор работы «Халуц, его сущность и ближайшие задачи» (СПб., 1918).

490

«Ди Идише цукунфт» («Еврейское будущее», идиш) – литературный и научный журнал на идише, выходил в 1904 г. под редакцией публициста Йехезкеля Вартсмана (1878–1938).

491

Люксембург, Роза (1871–1919) – деятель международного рабочего движения. Родилась в еврейской семье в г. Замостье, Люблинской губ. В 1889–1898 гг. жила в Швейцарии, с 1898 г. – в Германии. Член Социал-демократической партии Германии. Во время Первой мировой войны придерживалась антивоенных позиций, за что подвергалась преследованиям и репрессиям. В 1918 г. была одним из основателей «Союза Спартака» и Коммунистической партии Германии. Убита в январе 1919 г.

492

Нигер, Шмуэль (Шмуэль Чарни, 1883–1955) – критик, публицист, член Партии сионистов-социалистов. В 1919 г. эмигрировал в США, работал в газете «Тог» и в ИВО.

493

Лацкий (Бертольди), Яаков-Вольф (Зеев, 1881–1940) – историк, политический деятель. Сторонник территориализма. Один из идеологов Сионистской социалистической рабочей партии. В 1917 г. участвовал в основании автономистской Еврейской народной партии («Фолькпартей»). В 1918 г. – министр по еврейским делам правительства украинской Центральной Рады. С 1920 г. – в Берлине, входил в комиссию по истории еврейских погромов на Украине в период Гражданской войны; в 1925 г. переехал в Ригу (Латвия), где редактировал газеты «Дос Фолю, и «Фриморген». С 1935 г. – в Эрец-Исраэль.

Идельсон, Авраам Давидович (псевд. А. Давидсон, 1865–1921) – выпускник Московского университета, публицист, деятель сионистского движения, делегат сионистских конгрессов. С 1905 по 1919 гг. жил в Петербурге, редактировал газеты и журналы «Рассвет», «Еврейская жизнь». В 1919 г. эмигрировал, жил в Англии и Германии, активно участвовал в мировом сионистском движении. Основные работы на русском языке воIи в его «Собрание сочинений» (Пг., 1919). См. о нем: Сборник памяти А. Д. Идельсона. Берлин, 1925.

Идея «взятки» (бакшиша) и алия в Эрец-Исраэль – предполагала «покупку» Эрец-Исраэль у Турции, рассматривались также варианты «взятки» султану или его приближенным в обмен на согласие на создание «еврейского национального очага» в Эрец-Исраэль. Эта идея никогда не была реализована: на неоднократные предложения такого рода, сделанные Т. Герцлем, турецкие власти отвечали отказом, в 1907 г. на встрече с президентом Всемирной сионистской организации Д. Вольфсоном султан согласился «продать» Эрец-Исраэль, однако названная им сумма намного превысила возможности сионистских финансовых учреждений.

Вебер-Фехнер – имеются в виду анатом, психофизиолог Эрнст Генрих Вебер (1795–1878) и физик Густав Теодор Фихнер (1801–1887), открывшие закон Вебера-Фихнера, – основной психофизический закон, который определяет связь между интенсивностью ощущения и силой раздражения, действующего на какой-либо орган чувств.

497

«Шаагат Арье» («Львиный рык», ивр.) – сочинение Арье-Лейба Гинцбурга (1695–1785), раввина Минска и с 1765 г. – Меца (Франция). Представляет собой книгу вопросов и ответов по различным религиозным проблемам. Впервые издана в 1756 г.

498

Седьмой сионистский конгресс – заседал в Базеле с 27 июля по 2 августа 1905 г. Председатель конгресса – Макс Нордау. Одним из главных решений конгресса был отказ от «плана Уганды».

499

Базельская программа – программа, принятая первым сионистским конгрессом в Базеле в 1897 г. В программе главной целью сионистского движения провозглашалось создание для еврейского народа «обеспеченного публичным правом убежища в Палестине». «Содействие поселению в Палестине евреев-земледельцев, ремесленников и рабочих» и «укрепление и развитие еврейского национального чувства и национального самосознания» характеризовались как средства достижения этой цели.

500

Ишув в Палестине – собирательное название еврейского населения в этой стране. Бытовало главным образом до создания Государства Израиль.

501

«Давар» («Слово», ивр.) – газета еврейских профсоюзов (Гистадрут) в Эрец-Исраэль и сионистско-социалистической партии Мапай. Основана в 1925 г. Выходила до середины 1990-х гг.

502

Шенкин, Менахем (1871–1921) – общественный деятель, активный участник сионистского движения. Окончил Новороссийский университет в 1898 г., один из создателей «Бней Цион», руководил сионистской организацией Одессы, делегат ряда сионистских конгрессов, публицист. Позднее жил в Эрец-Исраэль и США.

503

Эль-Ариш – имеется в виду программа создания еврейской автономии в районе Эль-Ариша (Синайский п-ов), выдвинутая британским министром по делам колоний Д. Чемберленом в 1902 г. Программа была признана неосуществимой после того, как стало ясно, что власти Египта не позволят отвести воду из Нила для орошения земель, которые предполагалось передать евреям.

«Возрождение» – орган российской еврейской социалистической группы «Возрождение» (существовала в 1903–1906 гг.). Выходил на русском языке в 1904–1905 гг. В 1914 г. в Вильно было предпринята попытка выпустить периодическое издание той же направленности и под тем же названием, однако оно было закрыто после выхода первого же номера.

505

Еллинек, Георг (1851–1911) – немецкий социолог, юрист. Специализировался на разработке теории государства. Определял государство как целевое единство индивидов. Выдвинул концепцию самоограничения государства изданными им нормами. Еллинек оказал влияние на русскую юридическую науку X в. Автор книги «Allgemeine Staatslehre» (Берлин, 1900). В русском переводе – «Общее учение о государстве» (СПБ. 1903).

Гумпелович, Людвиг (1838–1909) – социолог, историк, автор серии работ по истории еврейского законодательства и истории евреев Польши.

507

Барт, Пауль (1858–1922) – немецкий философ и социолог. Профессор Лейпцигского университета. Автор книги «Философия истории как социология» (в русском переводе вышла в 1902 г.).

Градовский, Александр Дмитриевич (1841–1889) – профессор государственного права в Петербургском университете, публицист.

509

Новаковский, Йехуда (Йеремия, 1879–1933) – в 1905–1907 гг. – социалист-революционер и член Социалистической еврейской рабочей партии; увлекался еврейским фольклором; позднее большевик. В 1920-е гг. – на дипломатической работе в Праге, Берлине, Лондоне. В конце 1920-х гг. – деятель Евсекции, редактор выходившего в Москве на идиш антирелигиозного журнала «Безбожник».

Каценельсон, Берл (1887–1944) – руководитель и идеолог рабочего движения в сионизме. С 1909 г. – в Эрец-Исраэль. Один из основателей и лидеров партии Мапай, ведущей еврейской партии в Эрец-Исраэль в 1930-х– 1940-х гг., правящей партии в Государстве Израиль в 1948–1977 гг. Участвовал в организации профсоюза еврейских трудящихся в Эрец-Исраэль Гистадрут, потребительского кооператива «ха-Машбир». Главный редактор газеты рабочего движения «Давар». Инициатор создания издательства «Ам овед» и радиостанции «Коль Исраэль».

511

Сеймисты – сторонники Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП), приверженцы идеи еврейской национальной автономии в странах диаспоры и созыва общенационального еврейского сейма.

512

9 января 1905 г. – Кровавое воскресенье, когда в Санкт-Петербурге было расстреляно мирное шествие рабочих к Зимнему дворцу, целью которого было вручение царю петиции. Этот день считается отправной точкой революционных событий 1905–1907 гг.

513

Бен-Ами, Мардехай (Марк Яковлевич Рабинович, 1854–1932) – писатель, учился в Новороссийском университете, приверженец идей Гаскалы, во время погромов 1881–1882 гг. – организатор самообороны в Одессе, сторонник сионистского движения. С 1923 г. – в Эрец-Исраэль. См. о нем: Бухбиндер Н. А. Литературные этюды. Л., 1927; Салман Л. Глас из пустыни. Бен-Ами: История забытого писателя. Иерусалим – СПб., 2003.

Дизенгоф, Меир (1861–1936) – предприниматель, инженер-химик, активный деятель сионистского движения в Одессе. В 1880-х гг. участвовал в работе организации «Народная воля», был арестован и 8 месяцев провел в тюрьме. Позже получил образование по специальности химик в Париже, в 1892–1894 гг. был директором фабрики стекла около Зихрон-Яакова в Эрец-Исраэль. В 1894 г. вернулся в Россию, занимался коммерцией. С 1905 г. – в Эрец-Исраэль, один из основателей Тель-Авива, в 1921–1925 гг. и в 1928–1936 гг. – мэр этого города.

515

Гиммельфарб, Григорий Ильич – врач, в начале X в. входил в руководство одесского отделения Общества распространения просвещения среди евреев и Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине.

516

Перельман, Аарон Фишелевич (Филиппович, 1876–1954) – общественный деятель, химик по образованию; входил в Социалистическую еврейскую рабочую партию (СЕРП), позже – в руководство «Еврейской народной группы», издатель, секретарь редакции журнала «Еврейский мир», сотрудник и затем владелец издательства «Брокгауз и Эфрон». После 1917 г. – издатель, редактор, неоднократно арестовывался ВЧК, позднее сотрудник Ленрадиокомитета. Автор мемуаров, см.: Еврейский мир: Глава из воспоминаний // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1998. № 2–3 (18–19).

517

«Брокгауз и Эфрон» – петербургское издательство, основано в 1889 г. петербургским типографом И. А. Эфроном и Лейпцигской издательской фирмой Ф. А. Брокгауза. Выпустило, в частности, «Энциклопедический словарь» в 86 полутомах (1890–1907), в создании которого участвовали многие крупные ученые и деятели культуры (в 1990-93 гг. переиздан факсимильно), «Еврейскую энциклопедию» (т. 1-16, 1908-13 гг.; переиздана факсимильно в 1991-92 гг.). В 1917 г. издательство было временно закрыто, в 1918 г. возобновило работу под названием акционерное общество «Издательское дело», в 1919–1931 гг. – под прежним названием.

518

Шолом-Алейхем (Рабинович, Шолом Нохумович, 1859–1916) – писатель, публицист, классик еврейской литературы на языке идиш. См. о нем: Ременик Г. Шолом-Алейхем. М., 1963; Шолом-Алейхем – писатель и человек: Статьи и воспоминания. М., 1984.

519

Закс, Шнеур (1815–1892) – писатель, педагог. В молодости переезжал с места на место, изучая Тору и работая меламедом. Сблизился со сторонниками Гаскалы в Бродах. С 1844 г. – в Берлине, с 1855 г. – учитель в семье барона Евзеля Гинцбурга. Автор работ, посвященных еврейской философии и литературе в средневековой Испании.

520

Кантор, Лев Осипович (Йехуда-Лейб, 1849–1915) – заведующий редакцией еженедельника «Русский еврей» в Петербурге, получил медицинское образование в Берлине, после закрытия газеты – общественный раввин в Либаве (Латвия), Вильно, Риге.

521

Левин, Йехуда-Лейб (1844–1925) – поэт, публицист. Писал преимущественно на иврите. Сторонник Гаскалы, позже палестинофильства. Был сторонником литературного развития идиша и выступал против его онемечивания. В конце жизни был почти полностью забыт, умер в нищете в Киеве.

Гордон, Михл (1823–1890) – еврейский поэт, автор стихов и песен на идише, носивших популярный характер. Сторонник Гаскалы.

523

Талмуд-тора – традиционное учебное заведение для детей. В отличие от частного хедера, где за обучение детей платили их родители, талмуд-тора существовала на общественные деньги. Обучение там было бесплатным. В конце XIX – начале X *вв. в* разных местах производились попытки реформирования талмуд-торы. В программу включались светские учебные предметы, упорядочивалось расписание, дети делились на классы в соответствии с возрастом и т. д.

Шейн, Элиэзер (1880–1931) – педагог и общественный деятель. Родился в г. Бобруйске, с юных лет занимался преподаванием. Сторонник сионистского движения. С 1920 г. – в Эрец-Исраэль, преподавал в Петах-Тикве, в Иерусалиме, в киббуце Мерхавия. Автор ряда работ по педагогике (после его смерти собраны в сборник «Натив» (1932)).

525

«Пней Йехошуа» («Лик Йехошуа») – произведение р. Йехошуа бен Йосефа из Кракова (1578?-1648). Содержит галахические вопросы и ответы по различным актуальным вопросам еврейской жизни. Используется также как источник по истории евреев в Восточной Европе в первой половине XVII в. Впервые издано в 1660 г., в дальнейшем выдержало множество изданий.

«Дрор» («Свобода», ивр.) – сионистское молодежное движение, возникло на Украине до Первой мировой войны. Придерживалось социалистической ориентации.

527

Полибий (201–120 гг. до н. э.) – древнегреческий историк. Автор «Истории» в 40 книгах, охватывающих события 220–146 гг. до н. э., с экскурсами до 272 г. до н. э. «История» представляет собой первую попытку изложения всеобщей истории Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египта, Карфагена и Рима в их взаимной связи.

528

Ливий Тит (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – древнеримский историк. Автор «Римской истории от основания города», в которой год за годом изложена вся история Рима от легендарного основания города до 9 г. до н. э.

529

«Он пришел ко мне в сопровождении двух своих учеников, симпатичных юношей, один из которых потом прославился в Советском Союзе как композитор» – имеется в виду Дунаевский, Исаак Осипович (1900–1955). Родился в г. Лохвица Полтавской губ. Композитор, народный артист РСФСР. Один из основоположников жанров оперетты и массовой песни в советской музыке.

530

«Путеводитель растерянных нашего времени» – см. прим. 5 к гл. 16.

531

Октябрьские погромы 1905 г. – погромы, произошедшие после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. и продолжавшиеся до 29 октября. Погромы охватили 660 населенных пунктов, главным образом на Украине и в Молдавии. Всего было убито свыше 800 евреев. Только в Одессе было убито около 400 человек. За пределами черты оседлости произошло 24 погрома, в них пострадали не только евреи, но и сторонники левых партий.

Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865–1919) – историк, экономист, «легальный марксист», позднее член Конституционно-демократической партии. С 1895 г. – приват-доцент Петербургского университета, участник кооперативного движения. В 1917–1918 гг. – министр финансов Центральной Рады Украины.

533

Крестьянский союз (Всероссийский крестьянский союз) – массовая организация, существовавшая во время первой русской революции 1905–1907 гг. С 4 70 местных организаций, около 200 тыс. членов). Действовала под руководством партии эсеров. Программа включала требования национализации земли, созыва Учредительного собрания. Была связана с Петербургским советом рабочих депутатов и «Трудовой группой» в Государственной Думе. Возродилась после Февральской революции 1917 г., ее руководство поддерживало временное правительство. Распалась после октября 1917 г.

Шаббат нахаму – «суббота утешения», суббота после 9-го ава (день разрушения Иерусалимского Храма), в которую читается отрывок из книги Исайи (Ис. 40:1-26), начинающийся словами: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш».

535

«Мене, мене, текел, уфарсин» – имеется в виду сюжет из книги Даниила (5:25–28): в последнюю ночь перед взятием Вавилона персами царь Валтасар устроил пир, в разгар которого на стене появились таинственные слова: «мене, мене, текел, уфарсин». Призванный в залу пророк Даниил объяснил эти слова следующим образом: «А вот смысл этих слов: «мене» – отсчитал Господь (дни) царства твоего и завершил его. «Текел» – взвешен ты был на весах и оказался обличенным. «Перес» – рассечено царство твое и отдано Мидянам и Персам». Килаим (запрет на соединение несоединимого) – запрет сеять, сажать рядом и скрещивать растения различных видов (см. Левит, 19:19; Второзаконие, 22:9).

Килаим (запрет на соединение несоединимого) – запрет сеять, сажать рядом и скрещивать растения различных видов (см. Левит, 19:19; Второзаконие, 22:9).

Гамлиэль II, раббан – прозванный раббан Гамлиэль из Явне, внук раббана Гамлиэля I, занял пост наси после Йоханана бен Заккая (около 80 г. н. э.). Целью своей жизни он считал сплочение народа вокруг Торы и укрепление нового центра еврейской учености в Явне, авторитет которого после разрушения Храма помог бы сохранить духовное единство евреев, а также восстановить значение Синедриона как высшего законодательного органа и верховного суда. Приложил много сил для унификации Галахи. Совместно с другими раввинами и мудрецами в Явне Гамлиэль заложил основы Мишны. Гамлиэль II был признан одним из величайших еврейских законоучителей.

538

Шатнез – запрет на смешение льна и шерсти при изготовлении ткани (в соответствии со сказанным в Левит 19:19, Второзаконие 22:11).

«Мидраш Танхума» – мидраш периода раннего Средневековья, приписываемый рабби Танхума. Мидраш отличает характерное построение рассуждений: после галахического вопроса, на который ответ не дается немедленно, цитируется библейский стих, затем этот стих связывают по смыслу с недельной главой, и лишь к концу дискуссия вновь возвращается к поднятому галахическому вопросу. В центре многочисленных рассуждений рабби Танхума – первостепенная важность изучения Торы, а также грядущее избавление народа Израиля, подпавшего под власть нееврев. «Русская мысль» – ежемесячный научный, литературный, политический журнал. Выходил в Москве в 1880–1918 гг. В 1880–1885 гг. – на славянофильских позициях. Позднее придерживался либеральной ориентации. С 1905 г. – орган Партии конституционных демократов (кадетов).

540

«Русская мысль» – ежемесячный научный, литературный, политический журнал. Выходил в Москве в 1880–1918 гг. В 1880–1885 гг. – на славянофильских позициях. Позднее придерживался либеральной ориентации. С 1905 г. – орган Партии конституционных демократов (кадетов).

541

Короленко, Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель. Последовательно выступал против антисемитизма. Поддерживал требования о предоставлении евреям равноправия.

542

Булыгинская Дума – в российской историографии так обычно называется не первая Государственная Дума, а проект создания представительного законосовещательного органа в России (лето 1905 г.), названный по имени автора – министра внутренних дел А. Г. Булыгина (1851–1919). Большинство населения, согласно проекту, не имело избирательных прав (рабочие, женщины, военнослужащие, учащиеся и т. д.). Остальная часть общества должна была избрать своих представителей через систему многоступенчатых выборов. Проект не был осуществлен. Согласно Манифесту от 17 октября 1905 г., он был заменен новым, в котором право голоса предоставлялось более широким слоям населения. На его основании и была избрана первая Государственная Дума.

543

Ключевский, Василий Осипович (1841–1911) – русский историк, академик Петербургской Академии наук. Профессор Московского университета. Автор трудов по истории крепостного права, сословий, финансов, историографии, обобщающего «Курса русской истории» (ч. 1–5, 1904–1922) и т. д.

Трепов, Дмитрий Федорович (1855–1906) – генерал-майор, московский обер-полицмейстер в 1896–1905 гг., с 1905 г. – генерал-губернатор Петербурга, товарищ министра внутренних дел, активный участник политических событий 1905 г. В декабре 1905 г., при отправке солдат Семеновского полка в Москву на подавление вооруженного восстания, отдал приказ: «Патронов не жалеть».

545

Союз для достижения полноправия еврейского народа в России (с марта 1906 г. – Общество полноправия еврейского народа в России) – организация, основанная в марте 1905 г. с целью борьбы за юридическое полноправие евреев в России. В организацию входили, прежде всего, представители либеральных кругов евреев, ориентированных на партию кадетов, а также сионисты. В начале 1907 г. сионисты покинули организацию, и в мае 1907 г. она прекратила свое существование. Представители «кадетской» части Общества приняли решение о создании политической партии «Еврейская народная группа», задачи которой во многом совпадали с целями общества.

546

Погром в Белостоке в 1905 г. – имеются в виду события 30 июня 1905 г., когда в ответ на бомбу, брошенную анархистом в военный патруль, начался еврейский погром. Около 50 человек было убито. В погроме принимали участие войска.

547

Манифест 17 октября 1905 г. – манифест Николая II. Гарантировал основы гражданских свобод для населения России, предполагал созыв законодательной Государственной Думы, в выборах в которую могли принять участие все слои населения. Принятие Манифеста считается кульминационным моментом первой русской революции (1905–1907 гг.).

Кириенко, Иван Петрович – депутат второй Государственной Думы от социал-демократов, участник Гражданской войны.

549

Спилка (Украинский социал-демократический союз) – украинская революционно-демократическая организация. Основана в 1905 г., тогда же вошла в РСДРП на началах автономии. Примыкала к фракции меньшевиков. На выборах во II Государственную Думу получила 14 мест. Аресты и разрозненность организаций Спилки привели к ее глубокому кризису (конец 1907 г.). Тем не менее, Спилка просуществовала за границей и на Украине по крайней мере до 1913 г.

Ливицкий, Андрей Николаевич (1879–1954) – политический деятель. Окончил юридический факультет Киевского университета. С 1901 г. – член Революционной украинской партии, руководитель отдела партии в Лубнах. С 1917 г. – член украинской Центральной Рады. С 1920 г. – в эмиграции, в Варшаве. В 1920–1948 гг. – глава правительства Украинской Народной Республики в изгнании, с 1926 по 1954 гг. – глава Директории (президент) Украинской Народной Республики в изгнании.

551

Петлюра, Симон Васильевич (1879–1926) – украинский политический деятель, с начала X *в.* участвовал в национальном и социалистическом движении. В 1918 г. – глава Центральной Рады и Украинской Народной Республики. С ноября 1918 г. – глава украинской Директории. В 1920 г. эмигрировал. Убит в Париже С. Шварцбартом, пытавшимся таким образом отомстить за еврейские погромы, произведенные войсками Петлюры на Украине в 1918–1920 гг.

552

«Народная воля» – наиболее крупная и значительная народническая организация. Возникла в Петербурге в августе 1879 г. Печатный орган – газета «Народная воля». Подготовила и организовала убийство императора Александра II. После удавшегося покушения многие ее члены были арестованы, организация претерпела идейный и организационный кризис. В 1883 г. фактически прекратила свое существование. Все попытки ее возродить в дальнейшем не имели успеха.

553

«Начало» – социал-демократическая (меньшевистская) газета, выходившая в 1905 г. в Петербурге. После выхода 16 номеров (первый номер вышел 13 ноября) газета была закрыта (2 декабря).

Герценштейн, Давид Маркович (?-1916) – общественный деятель. В 1905 г. – главный редактор петербургской меньшевистской газеты «Начало», вскоре после закрытия газеты был арестован и приговорен петербургским судом к году тюрьмы.

555

Вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г. – один из кульминационных моментов первой русской революции. Началом восстания стало объявление 7 декабря всеобщей стачки, которой руководили представители партий большевиков, меньшевиков и эсеров. В Москве было объявлено чрезвычайное положение. 9 декабря началось вооруженное восстание, центром которого стал район Пресни. Восстание удалось подавить к 19 декабря после прибытия войск из Петербурга и Варшавы. Во время восстания погибло более 1000 человек.

556

Моцкин, Лео (1867–1933) – деятель сионистского движения. Родился на Украине, изучал математику и философию в Берлине. В 1887 г. участвовал в создании Русско-еврейского научного общества, объединявшего еврейских студентов из России и Галиции в Берлине. Общество стояло на палестинофильских позициях. В 1897 г. примкнул к сионистскому движению. В начале X *в.* занимался журналистикой в Берлине, много писал о положении евреев в России. Автор книги на немецком языке «Еврейские погромы в России» (1909–1910). В 1925–1933 г. – председатель исполнительного комитета Всемирной сионистской организации.

557

«Дер Идишер пролетарьер» («Еврейский пролетарий», идиш) – газета Сионистской социалистической рабочей партии. Выходила на идише на Украине в 1905–1906 гг.

Аш, Шолом (1880–1957) – идишский писатель, драматург. В 1914 г. эмигрировал в США. В 1929–1930 гг. в СССР издавалось собрание его сочинений. Умер в Израиле.

559

Цунц, Йом-Тов-Липман (1794–1866) – ученый-энциклопедист, историк, философ, общественный деятель, один из лидеров Гаскалы в Германии и один из создателей критической школы в иудаике, т. н. «науки о еврействе».

Гофштейн, Давид Наумович (1889–1952) – поэт. Писал главным образом на идише. Учился в Киевском коммерческом институте. Состоял в партии «Поалей Цион». Приветствовал октябрьскую революцию, однако в 1923 г. уехал из России, жил в Берлине, потом в Палестине. В СССР вернулся в 1926 г. Жил в Киеве. Один из самых известных поэтов, писавших на идише. Во время Великой отечественной войны был членом Еврейского антифашистского комитета. В 1948 г. – арестован, в 1952 г. – расстрелян.

561

Поляков, Соломон Львович (псевд. Литовцев, 1875–1945) – журналист, писатель. После 1917 г. в эмиграции во Франции и США. В 1920-1930-е гг. активно сотрудничал в газете «Последние новости», издаваемой П. Н. Милюковым во Франции.

Каценельсон (Шазар), Рахель (1888–1975) – член партии «Поалей Цион» в России. Позднее – лидер женского рабочего движения в Эрец-Исраэль, публицист, писатель. Жена Залмана Шазара (Рубашова), президента Израиля с 1963 по 1973 гг., сестра Б. Каценельсона.

563

«Киевские отклики» – газета, выходила на русском языке в Киеве в 1898–1906 гг. В 1906 г. выходила под названием «Киевские отголоски», затем «Киевские вести» (до 1910 г.). Газета освещала главным образом местную украинскую тематику.

Шимшилевич (Бен-Цви), Ицхак (1884–1963) – политический деятель, ученый. С 1952 г. – президент Израиля. В 1906 г. участвовал в создании партии «Поалей Циан». В 1906 г. полиция обнаружила в доме Шимшилевича в Полтаве склад оружия, предназначенного для еврейской самообороны; вся семья была арестована, отец Шимшилевича был сослан в Сибирь. Сам он бежал в Вильно, а оттуда в Эрец-Исраэль. Один из основателей партии «Ахдут ха-авода», член руководства профсоюза Гистадрут и «Ваад леуми» – руководящего органа евреев Эрец-Исраэль в 1920-е – 1940-е гг. Автор ряда работ, посвященных еврейским общинам Востока, а также самаритянам, караимам, нееврейским жителям Израиля.

565

Парижская коммуна – революционный орган государственной власти в Париже. Парижская коммуна была установлена в результате революционного восстания в Париже 18 марта 1871 г. 26 марта и 16 апреля состоялись выборы в коммуну, в результате которых почти 50 % мест там заняли социалисты. С самого начала коммуна вступила в конфликт с республиканским правительством А. Тьера, находившимся в Версале и контролировавшим большую часть территории Франции. В результате боевых действий 21 мая войска версальцев вступили в Париж. 27 мая коммуна пала.

Литваков, Маше (Михаил Ильич, 1875–1939) – публицист, критик, политический деятель, в начале X в. – член Сионистской социалистической партии. В 1919 г. вошел в левое крыло Бунда – Комбунд. С 1921 г. – член РКП(б). Редактор газеты «Эмес» и один из руководителей Евсекции. В 1937 г. репрессирован.

Лещинский, Йосеф (1884–1935) – еврейский общественный и политический деятель. Член Сионистской социалистической рабочей партии, один из теоретиков территориализма. В 1917 г. был членом Киевского совета и Центральной Рады Украины. С 1920 г. – в Варшаве, член Бунда. Автор ряда публицистических работ на идише. Брат Яакова Лещинского (см. прим. 18 к гл. 17).

Хургин, Исай Яковлевич (1887–1925) – деятель революционного движения. Родился в г. Прилуки Полтавской губернии. С 1905 г. – член Сионистской социалистической рабочей партии. В 1911 г. окончил Киевский университет. В 1917–1918 гг. – член украинской Центральной Рады, помощник министра по еврейским делам. В 1918–1920 гг. – член Бунда, работал в исполкоме Киевского совета в подполье. В 1920 г. вступил в РКП(б), сотрудник полпредства Украинской ССР в Польше, затем полномочный представитель Украинской ССР в Польше. В 1924–1925 гг. – председатель правления советско-американской торговой организации «Амторг», занимавшейся развитием торговли между США и СССР. 25 августа 1925 г. утонул, катаясь на лодке по озеру близ Нью-Йорка.

569

«Дер Найер вег» («Новый путь», идиш) – газета Сионистской социалистической рабочей партии. Другое название «Унзер вег» («Наш путь», идиш). Выходила в 1906–1907 гг.

Венгеров – имеется в виду Венгеров, Семен Афанасьевич (1855–1920) – врач, юрист, литературовед, начинал литературную деятельность в русско-еврейской печати. Позднее принял православие и полностью посвятил себя русской литературе.

571

Пат, Яаков (1890–1966) – политический деятель, член Сионистской социалистической рабочей партии, позже в Бунде.

Зильберфарб, Моше (1876–1934) – политический деятель, писатель. В 1906 г. был одним из основателей Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП). После революции 1917 г. стал лидером Объединенной еврейской социалистической рабочей партии («Фарейникте»). В январе-феврале 1918 г. был министром по еврейским делам украинской Центральной Рады и одним из авторов ее законопроекта о национально-персональной автономии. С 1921 г. – в Варшаве.

Теплицкий, Яаков (1878–1934) – юрист. Автор ряда работ по еврейскому праву, опубликованных в журнале «ха-Шилоах». В 1901 г. перевел на иврит «Основы социологии» Ф. Гиддингса. Публиковался в различных изданиях на иврите и на идише.

Сибиряков (Спивак), Лев Михайлович (1870–1938) – оперный певец. В молодости пел в синагогах и на свадьбах. Позже учился пению в Милане, выступал в театре «Ла Скала». В 1902–1904 гг. и в 1909–1921 гг. – солист Мариинского театра. В начале 1920-х гг. уехал из России. Концертировал в разных странах, в 1930-е гг. поселился в Варшаве, профессор Варшавского музыкального института.

575

Хамец (ивр. «квасное») – обычный, то есть квасной, хлеб и любые продукты, в состав которых входят злаки, запрещенные к употреблению в пищу и даже к хранению в течение Песаха. Существует обычай перед Песахом сжигать оставшийся в доме хамец. Здесь – нелегальный и компрометирующий материал.

Литвакова, Злата – сестра М. Литвакова (см. прим. 10 к гл. 20), член Сионистской социалистической партии, в 1920-е гг. – работник Евсекции.

577

«Агудот ле-батей сефер» («Союзы школ», ивр.) – объединения еврейских школ, преимущественно сионистской и территориалистской направленности. Попытка создания таких объединений была сделана в 1906 г.

Вейцман, Шмуэль (Самуил) Евзерович – брат Х. Вейцмана (см. ниже). Получил техническое образование в Швейцарии. Член Сионистской социалистической рабочей партии. В 1920-е – 1930-е гг. был заместителем председателя центрального правления ОЗЕТ (Общества земельного устройства еврейских трудящихся) СССР. Проживал в Москве. В 1938 г. был арестован, в 1939 г. – расстрелян.

Вейцман, Хаим (1874–1952) – политический деятель, химик. Первый президент Государства Израиль. Родился в Гродненской губернии, учился в хедере, в реальном училище, в университетах Германии. Получил высшее химическое образование, работал в университетах Женевы и Манчестера. Член Всемирной сионистской организации с момента ее основания, в 1920–1931 гг. и 1935–1946 гг. был ее президентом. В 1917 г. Вейцман был одним из тех, кто способствовал появлению Декларации Бальфура о доброжелательном отношении английского правительства к созданию еврейского национального очага в Палестине. Вейцман был одним из основателей Еврейского университета в Иерусалиме и Института имени Даниэля Зифа в Реховоте, в дальнейшем ставшего частью Научно-исследовательского института имени Вейцмана. В 1949 г. Вейцман был избран президентом Государства Израиль, этот пост он занимал до конца жизни.

Агада (пасхальная) – сборник молитв, гимнов и отрывков из Библии и Талмуда, посвященных Исходу из Египта; читается в первую ночь Песаха, во время праздничной трапезы (Пасхальный седер).

581

«Кадеш у-рхац» – первая строка восьмистишия, содержащего традиционные названия составных частей ритуала Пасхального седера. Далее в тексте перечисляются все эти части: *кадеш* – благословение *(кидуш), урхац* – омовение рук, *карпас* – обмакивание зелени в соленую воду, *яхац* – преломление ведущим Седер средней из трех мацот, *магид* («поучающий») – чтение повествования об исходе из Египта, *рахца* – омовение рук перед пасхальной трапезой, *моци* («извлекающий») – произнесение благословения на хлеб, *маца* – вкушение небольшого куска мацы, *марор* – вкушение горькой зелени, *корех* («покрывающий») – вкушение небольшого куска мацы вместе с мароpом, *шулхан орех* («накрытый стол») – праздничная трапеза, *цафун* («сокрытое») – поиск и съедение афикомана, *барех* («благослови») – благословения, завершающие трапезу, *халель* – дополнительные благословения, *нирца* («да будет желанным») – заключающая ритуал Седера молитва.

Карпас – зелень или овощи. На пасхальном седере карпас обмакивают в соленую воду и съедают.

583

Цафун – съедение афикомана, куска мацы, который откладывают в начале пасхальной трапезы до ее завершения. Для того чтобы дети не уснули во время Седера, для них устраивается игра – они должны найти афикоман, который взрослые сначала прячут, а потом выкупают за ценные подарки. Съедение афикомана символизирует завершение пасхальной трапезы.

«Халель» (ивр.) – «Восславление», благодарственная молитва, представляющая собой набор определенных псалмов; «Халель» произносят во время утренней молитвы в праздники и новомесячья. Чтением «Халеля» завершается также основная часть Пасхального седера.

585

«Барух ха-Маком» – «Благословен Всевышний» (ивр.) «Маком» – один их эпитетов для обозначения Бога. В иврите также – «место». Здесь игра слов – «благословенно место». Имеется в виду место нынешнего проживания.

586

«Новая Иудея» – сионистский ежемесячник на русском языке, выходил в 1908 г. в Одессе под редакцией Лео Паперина.

587

Соловьев, Евгений Андреевич (псевдонимы – Андреевич, Скриба, В. Смирнов, Мирский, 1866–1905) – критик и историк литературы. Автор книг «Очерки по истории русской литературы», «Опыт философии русской литературы». В конце 1890-х гг. в журнале «Жизнь» печатались статьи и литературные обзоры Соловьева под общим названием «Вопросы текущей литературы».

Пишко, Барух – учитель иврита в Одесской школе для девочек, друг Б.-Ц. Динура.

589

«Падение крепостного права в России» – произведение русского историка и экономиста Ивана Ивановича Иванюкова (1844–1912). Впервые вышло в Петербурге в 1882 г., 2-е издание – там же, в 1903 г.

590

Корнилов, Александр Александрович (1862–1905) – русский историк, писатель. Член партии кадетов. Автор ряда работ по истории России в XIX в. В их числе – «Крестьянская реформа» (СПб, 1905).

591

Кацович, Исраэль-Исер (1859–1934) – общественный деятель, писатель. Писал на идише и на иврите. Автор книги воспоминаний «Шестьдесят лет моей жизни», охватывающей период с 1859 по 1919 гг. Впервые была издана в Иерусалиме на иврите в 1923 г., издание на идише вышло в Нью-Йорке в 1924 г.

592

«Русские ведомости» – газета, выходила в Москве с 1863 по 1918 гг. С 1868 г. выходила ежедневно. С 1870-х гг. выражала интересы русской либеральной интеллигенции, с 1905 г. – орган партии кадетов. Одна из наиболее влиятельных русских газет.

593

Рабинович, Александр-Зискинд (1854–1945) – писатель и публицист. Участник первого сионистского конгресса в Базеле. С 1906 г. – в Эрец-Исраэль. Известен ряд монографий Рабиновича, в том числе о Ж.-Ж. Руссо, Л. Толстом, Й. Бреннере и др. Он перевел на иврит труды Б.-З. Бахера (1850–1913) об Агаде и истории грамматики языка иврит, сочинения Ф. Шиллера («Орлеанская дева»), В. Короленко и др.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911) – политический и государственный деятель, с 1906 г. министр внутренних дел, затем – председатель Совета министров. Убит в Киеве Дмитрием Богровым. Подробнее об этом, в том числе о «еврейском» аспекте убийства, см.: Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Сост. А. Серебренников. Рига, 1990.

595

«Союз русского народа» – радикальная националистическая организация, созданная в 1905 г. при поддержке государственной власти. В своей деятельности активно использовала антисемитскую пропаганду и террор. Существовал до весны 1917 г. В 1908 г. от него отделился «Союз Михаила Архангела».

596

Чериковер, Авигдор (Виктор, 1894–1958) – историк, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Окончил Берлинский университет. Автор многочисленных работ по истории евреев в античности. Племянник И. Чериковера (см. ниже).

597

Чериковер, Илья (Элияху, Элиас, 1881–1943) – историк, общественный деятель, в 1920-е гг. – руководитель еврейского отдела в русском издательстве «Грани» в Берлине. С 1933 г. – в Париже. В 1940 г. эмигрировал в США. Один из создателей Института еврейских исследований в Нью-Йорке.

Андриевич, Владимир Калистратович (1838-?) – генерал-майор, комендант крепости Очаков, начальник штаба войск Забайкальской области. Автор ряда работ по истории Сибири.

599

Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич (1853–1920) – профессор, известный исследователь русской литературы. Почетный член Петербургской Академии наук. Получил образование как санскритолог, автор ряда работ по индуизму и истории Индии. С 1890-х гг. занимался исследованиями русской литературы (творчества Пушкина, Л. Толстого, Грибоедова, Лермонтова и др.).

600

Гершензон, Михаил Осипович (1863–1925) – литературовед, литературный критик. Специалист по русской литературе.

601

«Бокер ор» (ивр. «Утренняя заря») – ежемесячный научно-литературный журнал на иврите, выходивший под редакцией А. Готлобера в 1876–1878 гг. во Львове, а затем до 1886 г. в Варшаве.

602

Ганновер, Натан (Нета, нач. XVII в. – 1663) – свидетель и хронист погромов времен Богдана Хмельницкого. После 1648 г. жил в Италии, Польше, Валахии. Погиб во время погрома в Моравии. Автор хроники «Йевен мецула» («Пучина бездонная»). В русском переводе: «Богдан Хмельницкий. Летопись еврея-современника о событиях 1648–1653 гг. в Малороссии вообще и о судьбе единоверцев в особенности» (с примеч. С. Манделькерна. Одесса, 1878). Первое издание этой книги на иврите было осуществлено в Венеции в 1653 г. Современное издание на русском языке см. в книге: Еврейские хроники XVII столетия: Эпоха «хмельничины» / Исслед., пер. и коммент. С. Борового. М.-Иерусалим, 2003.

603

Раковский, Христиан Георгиевич (1873–1941) – политический деятель, дипломат. В 1918 – председатель временного революционного правительства Украины. В 1919–1923 гг. председатель Совнаркома Украинской ССР. В 1923 г. – полпред СССР в Великобритании, в 1925–1927 гг. – во Франции. Репрессирован.

604

Акива бен Иосеф (около 50-135 г. н. э.) – выдающийся законоучитель эпохи Мишны, один из наиболее авторитетных учителей Талмуда. Участвовал в восстании Бар-Кохбы и был казнен римлянами.

605

Йосе бен Халафта (II в. н. э.) – ученик р. Акивы. Преподавал в йешиве в Сепфорисе (Циппори) в Эрец-Исраэль. Талмуд называет его автором труда «Седер олам» («Порядок мира»), содержащего хронологию основных событий до сотворения мира до восстания Бар-Кохбы.

Общество просвещения евреев – имеется в виду Общество для распространения просвещения между евреями в России – культурно-просветительская организация российских евреев. Создано в 1863 г. Формально существовало до конца 1920-х гг. Материально и организационно поддерживало распространение всех форм просвещения и образования на русском языке среди еврейского населения страны. Фактически первая легальная общественная организация российского еврейства. См.: Чериковер И. М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России (Культурно-общественное течение в русском еврействе). 1863–1913. СПб., 1913.

607

Равницкий, Йехошуа-Хона (1859–1944) – педагог, публицист, общественный деятель, издатель. В 1901 г. вместе с Х.-Н. Бяликом и С. Бен-Цианом участвовал в основании издательства «Мория» в Одессе. С 1920 г. – в Эрец-Исраэль.

Лернер, Йосеф-Йехуда (Осип, 1847–1907) – писатель, драматург, журналист. Писал на идише, иврите и на русском языке. Перевел на идиш ряд классических европейских пьес. В 1880 г. организовал свой собственный театр в Одессе, осуществлявший постановки на идише. Театр с успехом проработал до 1883 г., когда был закрыт в связи с правительственным запретом спектаклей на идише. В 1883–1884 гг. Лернер был корреспондентом русских изданий в Германии и во Франции, после возвращения в Россию много писал по-русски, в том числе и статьи по еврейскому вопросу. В 1902 г. опубликовал работу по истории евреев на юге Украины «Евреи Новороссийского края».

609

Ковнер, Авраам-Ури (1842–1909) – писатель, публицист, один из основоположников литературной критики в ивритской литературе. Писал на иврите и по-русски. Сторонник ассимиляции евреев. В 1870-е гг. принял христианство. Его воспоминания «Из записок еврея» опубликованы в сборнике «Евреи в России. XIX в.» (Паперна А. Из николаевской эпохи. Ковнер А. Из записок еврея. Слиозберг Г. Дела давно минувших дней. / Сост. В. Кельнер. М., 2000).

Цедербаум, Александр Осипович (1816–1893) – писатель, публицист, редактор журналов «ха-Мелиц», «Кол мевасер», «Вестник русских евреев».

611

Шершевский, Цви ха-Кохен (1840–1909) – писатель, литературный критик. Автор ряда работ, посвященных современной ему литературе на иврите.

Шульман, Элиэзер (Лазарь, 1837–1903) – писатель, историк литературы и культуры, жил в Киеве.

613

Варшавский, Ицхак (1832–1901) – писатель, филолог. Родился в семье раввина. В детстве жил в различных местечках Украины и Бессарабии. С 1852 г. – в Одессе. Преподаватель иврита в одесском еврейском казенном училище. С 1894 г. – цензор еврейской литературы. Автор ряда произведений, посвященных языку иврит.

Варбл, Элияху-Мордехай (1806–1880) – писатель. Родился в г. Тернополь (Австро-Венгрия, ныне Украина). Переехал в Одессу. Преподаватель иврита и еврейской литературы в одесском еврейском казенном училище. Автор ряда стихотворных и прозаических произведений на иврите.

615

Ралль, Исраэль (1830–1893) – писатель, переводчик. Зарабатывал на жизнь торговлей. Автор ряда стихотворных сборников, переводил на латыни. Автор исследований по Танаху и мидрашам.

616

Соболь, Яаков-Цви (1831–1913) – писатель, религиозный деятель. Был главой йешивы в Ковно, раввином в Слободке. Позже учился в раввинском училище в Вильно и в Житомире, в Одесском университете. С 1876 г. – в США. Автор художественных произведений на идише и иврите.

Трахтман, Яаков-Шмуэль (1831–1925) – писатель. Автор художественных произведений и рассказов на иврите. Печатался в изданиях «ха-Мелиц», «ха-Магид», «ха-Кармель», «ха-Цфира» и др.

618

«Древний язык» – здесь – иврит.

619

«Язык народных масс» – здесь – идиш.

Шрадер, Отто (1863–1919) – немецкий историк, профессор Бреславского университета. Автор книги «Клинопись и Ветхий Завет».

621

Ройс (немецкий историк) – возможно, имеется в виду Эдуард Вильгельм Ройс (Реус, 1804–1891) – протестантский теолог, историк и филолог, автор исследований, посвященных Библии, редактор 16-томного перевода Библии на французский язык (немецкое издание этого перевода вышло после его смерти).

Новак, Вильгельм (1850-?) – немецкий библеист, богослов, археолог. Автор комментариев к Библии.

623

Кахане (Коган), Давид Исаакович (1838–1915) – историк, философ, автор серии работ по истории Каббалы, хасидизма и франкизма. Жил в Одессе.

Черновиц, Хаим (псевд. Рав Цаир, 1870–1949) – исследователь Талмуда, публицист, в начале XX в. – духовный раввин в Одессе, позднее жил в Швейцарии и Германии. С 1923 г. – в США.

625

Гутман, Иехошуа (1890–1963) – литератор, историк, учился в Петербурге на курсах востоковедения.

Гринблат (Гарен), Натан (1887–1956) – писатель и журналист. Писал на идише, иврите и на русском языке. В 1904 г. примкнул к партии «Поалей Циан», затем к Сионистской социалистической рабочей партии, был арестован и в 1906–1908 гг. находился в заключении. С 1910 г. жил в Одессе, печатался в изданиях на идише и на иврите. С 1917 г. – в Москве, с 1921 г. – в Каунасе (Литва). Преподавал в ивритской гимназии, окончил Каунасский университет. С 1935 г. – в Эрец-Исраэль, работал учителем, журналистом.

Зернинский (Зак), Моше-Элияху (1883–1949) – писатель, переводчик. Автор переводов с русского и немецкого языков на иврит. В числе прочего перевел роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского.

«Таль» («Роса», ивр.) – литературный альманах на иврите, издавался в Одессе в 1911 г. под редакцией Н. Гальперина.

629

«Гут морген» («Доброе утро», идиш) – первая одесская ежедневная газета, выходившая на идише. Основана в 1910 г. Эльхананом-Лейбом Левинским (1858–1910). Просуществовала до 1912 г.

Левинскии, Эльханан-Лейб (1858–1910) – писатель, журналист, общественный деятель. Писал преимущественно на иврите. Автор утопического романа «Путешествие в Эрец-Исраэль в 2040 г.» (1892 г.). В 1910 г. открыл первую в Одессе газету на идише «Гут морген».

631

Ирмеяху – имеется в виду библейская книга пророка Иеремии, жившего в период разрушения Первого Храма.

Бриллиант, Дора (1879/80-1907) – деятель революционного движения. Член партии эсеров, участвовала в подготовке убийства великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел В. Плеве. Умерла в Петропавловской крепости.

633

Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, брат императора Александра III. С 1891 г. – губернатор Москвы. В феврале 1905 г. убит эсером Иваном Каляевым.

634

Сальвадор, Йосеф (Жозеф, 1796–1873) – французский историк. Родился в семье еврея-сефарда и католички. Автор работ по истории иудаизма и христианства. В 1830-х– 1870-х гг. Сальвадор считался интеллектуальным символом французского еврейства, хотя формально он никогда не был связан с какой-либо еврейской общинной организацией.

635

Ширер, Эмиль (1844–1910) – немецкий протестантский теолог. Профессор в университете Лейпцига (с 1873 г.), Геттингена (с 1895 г.). Автор работ по истории евреев в Римской империи. Одна из наиболее известных его работ – «История еврейского народа во времена Иисуса Христа» («Geschichte des judischen Volks im Zeitalter Jesu Christi», 1886–1890). Эта книга выдержала множество изданий и была переведена на ряд языков, в том числе на идиш (под названием «История еврейского народа в период Второго Храма», впервые вышла в Вильно в 1914 г., переводчик – Зелик-Гирш Калманович (1885–1944)).

Делич, Франц (1813–1890) – немецкий протестантский библеист, востоковед и богослов. Автор многочисленных комментариев к Библии, а также перевода Нового Завета на иврит. Сторонник иудео-христианского религиозного диалога.

Гинцбург, Илья (Элияху) Яковлевич (1859–1939) – скульптор, ученик и последователь М. М. Антокольского. В 1878–1886 гг. учился в Петербургской Академии художеств. Автор мемуаров «Из моей жизни» (СПб., 1908) и «Из прошлого» (Л., 1924).

Поляков, Самуил (1837–1888) – банкир, филантроп, построил ряд железных дорог в России и в Румынии. Был возведен в потомственное дворянство, имел чин тайного советника. Инициатор создания Общества ремесленного труда (ОРТ), жертвовал значительные суммы на устройство еврейских частных школ, на преподавание в гимназиях еврейским детям «Закона Божия Моисеевой веры», на строительство Хоральной синагоги и богадельни в Петербурге и т. п.

639

Лапидот, Александр-Маше (1819–1906) – раввин г. Россиены Ковенской губернии (ныне г. Расейняй, Литва).

640

Общество любителей еврейского языка – первоначально часть Общества для распространения просвещения между евреями в России. С 1907 г. – самостоятельная организация. Ставило своей целью распространение иврита и ивритской литературы, поддержку школьного образования на иврите. Правление организации находилось в Петербурге.

641

Еврейское литературное общество – основано в Петербурге в 1908 г. по инициативе видных представителей русско-еврейской интеллигенции. Закрыто в 1911 г. по распоряжению Столыпина.

642

Бергман, Шмуэль-Хуго (1883–1975) – философ. Учился в Праге и в Берлине. С 1920 г. – в Эрец-Исраэль. Первый директор Еврейской национальной и университетской библиотеки в Иерусалиме. С 1935 г. – профессор Еврейского университета в Иерусалиме, в 1935–1938 гг. – ректор этого университета.

643

Хисдай Ибн-Шапрут (915?-970?) – государственный деятель. Родился и всю жизнь прожил в Кордове. Придворный врач халифа Абд ар-Рахмана III (929–961), с 940-х гг. – глава еврейской общины Испании. Поддерживал переписку с хазарским каганом Иосифом.

Фиркович, Авраам бен Шмуэль (1785–1874) – историк, коллекционер, караимский общественный деятель. Подозревался в фальсификации ряда древних рукописей и исторических памятников. См. о нем: Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997.

Гейгер, Абрахам (1810–1874) – философ, раввин, автор работ по философии иудаизма, один из лидеров реформистского направления в иудаизме, возглавлял Высшую школу еврейских знаний в Берлине.

Закс, Михаэль (1808–1864) – писатель, религиозный деятель. Родился в Селезии, с 1821 г. – в Берлине. Изучал в Берлинском университете классические языки. С 1836 г. – в Праге, ортодоксальный проповедник. В 1844 г. вернулся в Берлин, также работал проповедником. Противник реформизма. Автор ряда работ по еврейской религиозной поэзии в Средневековье.

Йост, Изак-Маркус (Ицхак-Мордехай, 1793–1860) – историк и педагог. Основоположник новой еврейской историографии. Главные труды Иоста: «История евреев от времен Маккавеев до наших дней» (в 9 тт., 1820-29); «Всеобщая история еврейского народа» (в 2 тт., 1832); «Новейшая история евреев в период с 1815 г. по 1845 г.» (в 2 тт., 1846-47); «История культуры в период новейшей истории евреев» (1847) и «История иудаизма и его сект» (в 3 тт., 1857-59).

Франкель, Захария (1801–1875) – раввин, ученый. Раввин Теплице, затем Дрездена. С 1854 г. – директор Еврейской теологической семинарии в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). Заложил основы консервативного направления в иудаизме, стал родоначальником историко-позитивной школы в науке о еврействе. Автор ряда работ, посвященных вопросам талмудического права и исторического развития Галахи.

Кайзерлинг, Меир (1829–1905) – немецко-венгерский еврейский историк, раввин. Внес важный вклад в научное изучение истории марранов, автор сочинений о выдающихся еврейских женщинах в истории. В 1870-е гг., будучи раввином Эндингена, возглавлял борьбу за равноправие евреев Швейцарии.

Бахер, Биньямин-Зеев (Вильгельм, 1850–1913) – венгерский семитолог, автор фундаментальных исследований Агады. Бахер впервые произвел классификацию текстов в соответствии с вкладом каждого из мудрецов, систематизировал сочинения о еврейской религиозной философии до Маймонида и средневековые работы о грамматике языка иврит.

651

Кауфман, Давид (1852–1899) – исследователь еврейской философии и истории, писатель, публицист. Преподаватель Будапештской раввинской семинарии. Опубликовал около 30 книг и свыше 500 статей, внесших существенный вклад в исследование еврейской средневековой философии, древней и средневековой еврейской литературы, истории еврейской культуры и религии, этнографии, лингвистики.

Левизон, Шлама (1789–1822) – историк, сторонник Гаскалы. Один из основоположников науки о еврействе в Германии. Писал на иврите и по-немецки. Автор книги «Мелицат Йешурун», посвященной истории евреев в Эрец-Исраэль.

653

Шадаль (акроним Шмуэль-Давид Луццатто, 1800–1865) – филолог, комментатор Библии, поэт и переводчик, один из основателей современной науки о еврействе. С 1829 г. – профессор раввинской семинарии в Падуе. Автор исследований в области языка иврит и еврейской литературы.

Мережин, Авраам (1880–1937) – социал-демократ, активный деятель Бунда, после раскола партии в 1918 г. – большевик, член руководства Еврейской секции РКП(б). Репрессирован.

655

«Мария» – одесское издательство, основано в 1901 г. Х.-Н. Бяликом, С. Бен-Цианом и Й.-Х. Равницким. Выпускало главным образом художественную литературу на иврите. Работало до 1915 г., в 1917 г. было открыто вновь и просуществовало до 1921 г.

«Бецалель» – Академия художеств и прикладного искусства в Иерусалиме. До 1969 г. называлась Школа искусств и ремесел «Бецалель». Школа, названная в честь библейского мастера Бецалеля, была создана в 1906 г. скульптором Борисом (Бецалелем) Шацем. В 1929 г. из-за финансовых трудностей она была закрыта, в 1935 г. открылась вновь. В настоящее время «Бецалель» является ведущим учебным заведением Израиля, где готовят работников творческих специальностей (художников, скульпторов, декораторов, оформителей и т. п.).

Шац, Борис (Бецалель, 1866–1932) – еврейский скульптор, живописец, деятель культуры. Учился в йешиве в Вильне, затем изучал изобразительное искусство в Париже. В 1895 г. был назначен придворным художником болгарского царя Фердинанда, создал и возглавил Академию искусств в Софии. В 1906 г. он открыл Школу искусств и ремесел «Бецалель» в Иерусалиме (с 1969 г. – Академия художеств и прикладного искусства «Бецалель») с музеем при ней. Б. Шац умер в 1932 г. в Денвере (США). Школа была вновь открыта только после его смерти.

Друянов, Алтер (1870–1930) – журналист, деятель сионистского движения. В 1909–1914 гг. – редактор журнала «ха-Олам» («Мир»). С 1921 г. – в Эрец-Исраэль.

659

«Кнессет» («Собрание», ивр.) – литературный журнал на иврите. Впервые журнал начал выходить в Одессе в 1917 г. Главным редактором издания был Х.-Н. Бялик. В 1928 г. издание журнала было возобновлено в Тель-Авиве под редакцией Фишеля Лаховера (1883–1947). По финансовым причинам оно было прекращено и вновь возобновилось там же в 1936 г. На этот раз журнал выходил до 1947 г. (редакторы – Яаков Коэн (1881–1960) и Ф. Лаховер). Последняя попытка возобновить это издание была сделана в 1960 г., однако тогда вышел только один номер журнала.

660

«Сефер ха-Агада» – антология легенд, рассказов, притч и изречений, извлеченных из Талмуда и мидрашей, заново отредактированных, частично переведенных на иврит с арамейского подлинника, снабженных комментариями и пояснениями. Составлена Х.-Н. Бяликом и Й.-Х. Равницким, впервые опубликована в 1908–1909 гг.

661

Богров, Дмитрий Григорьевич (1888–1911) – внук писателя Г. Богрова, входил в различные революционные кружки. В 1911 г. совершил покушение на П. Столыпина и был казнен.

Богров, Григорий Исаакович (1825–1893) – писатель, автор романа «Записки еврея», один из первых еврейских писателей, писавших на русском языке. В конце жизни принял христианство. См. также: Маркиш Ш. Третий отец-основатель, или К «чужим кострам» (Григорий Богров) // Иерусалимский журнал. 2001. № 6.

663

Коковцов, Владимир Николаевич (1853–1943) – государственный деятель, финансист. В 1904–1905 гг. и в 1906–1914 гг. – министр финансов, в 1911–1914 гг. – председатель Совета министров Российской империи. С 1918 г. – в эмиграции.

Харитонов, Петр Алексеевич (1852–1916) – государственный деятель. Государственный секретарь, член Государственного совета, сенатор. С 1907 по 1916 гг. – генеральный контролер.

665

Десятый сионистский конгресс – состоялся в Базеле в августе 1911 г. Председатель конгресса – Макс Нордау. Конгресс знаменовал собой отказ от «политического сионизма» в чистом виде и переход к практической работе по заселению Палестины.

Гроссман, Меир (1888–1964) – журналист, деятель сионистского движения. Писал на русском, идише и иврите. Учился в Петербургском университете, с 1913 г. – в Берлинском университете. Редактор журнала на русском языке «Еврейский студент». В 1918 г. – в Киеве, депутат украинской Центральной Рады. В 1919 г. Гроссман был отправлен в Англию и США для информирования общественности о положении евреев на Украине. В 1925 г. в Иерусалиме он основал газету «Palestine bulletin» (с 1932 г. – «Palestine Post», с 1950 г. – «Jerusalem Post»). В это же время он примкнул к сионистам-ревизионистам, в 1933 г. отошел от них, создав Партию еврейского государства. С 1934 г. Гроссман постоянно проживает в Эрец-Исраэль, был директором банка, главой экономического отдела Еврейского агентства.

667

Эльбоген, Шмуэль (Шилдберг-Розен, 1874–1943) – профессор, в 1920-е гг. – ректор Высшей школы еврейских знаний в Берлине, в 1930-е гг. эмигрировал в США.

Баннет, Эдуард (1855–1930) – раввин, ученый, доцент кафедры Талмуда и Галахи в Высшей школе еврейских знаний в Берлине.

669

Диспут Рейхлина – Пепперкорна – имеется в виду дискуссия между немецким христианским гуманистом Иоганном Рейхлином (1455–1522) и выкрестом Иоганном Пфефферкорном (1469 – не ранее 1521). Перешедший в христианство (в 1504 г.) Пфефферкорн в 1507–1509 гг. написал ряд антиеврейских сочинений, в которых требовал запретить Талмуд, пресечь ростовщичество, обязать евреев посещать христианские проповеди и т. д. В 1509 г. Пфефферкорн получил право конфисковывать «оскорбительные для христианства» еврейские книги, однако против него выступил архиепископ Майнца, после чего его деятельность была приостановлена. Комиссия во главе с архиепископом Майнца обратилась за консультацией к ведущим ученым, в частности, к И. Рейхлину. Рейхлин благосклонно высказался о Талмуде, что стало началом его полемики с Пфефферкорном. Большинство немецких гуманистов стало на сторону Рейхлина, в марте 1514 г. комиссия, назначенная папой Львом X, приняла решение по делу в его пользу, однако дискуссия между ним и Пфефферкорном продолжалась в той или иной форме до 1520-х гг.

Первая и Вторая книги Хасмонеев – в русской традиции Первая и Вторая книги Маккавейские.

671

Тойблер, Ойген (1879–1953) – историк, профессор Высшей школы еврейских знаний в Берлине. Глава Центрального архива истории евреев в Германии. Преподавал в университетах Цюриха и Гейдельберга. С 1930-х гг. – в эмиграции в США.

672

Септуагинта («перевод семидесяти») – перевод библейских книг еврейского канона на греческий язык. Получила свое название благодаря рассказу Аристея, согласно которому 72 еврейских мудреца, приглашенных из Иерусалима в Александрию Птолемеем II Филадельфом (285–246 гг. до н. э.), создали образцовый перевод Пятикнижия на греческий язык. Позже в состав Септуагинты вошли переведенные в 3–2 вв. во н. э. в Александрии книги Пророков и Писаний, а также ряд апокрифов, не являющихся частью еврейской Библии (I кн. Эзры, I, II, III и IV книги Маккавеев, Оды, Псалмы Соломона, Юдифь, Товит, книга Премудрости Соломона, Бен-Сира, книга Баруха).

«Ежемесячник еврейской истории и науки» (нем., Monatsschrift fir Geschichte und Wissenschaft des Judentums) – первое специализированное периодическое издание, посвященное науке о еврействе. Выходило в Дрездене с 1851 по 1939 гг. Основатель и первый редактор (до 1868 г.) З. Франкель. С 1868 по 1887 гг. редактором издания был Г. Грец. В «Ежемесячнике» публиковались работы большинства немецких исследователей – представителей науки о еврействе.

Гейгер, Людвиг (1848–1919) – немецкий историк, литературовед, профессор Берлинского университета.

675

«Ахдут» («Единство», ивр.) – газета еврейского рабочего движения. Выходила в Иерусалиме на иврите. Основана в 1910 г.

Моммзен, Теодор (1817–1903) – немецкий историк, автор популярной «Истории Рима». Первое русское издание: Моммзен Т. Римская история. Т. 1–3. М., 1877–1880. Как публицист активно участвовал в борьбе за гражданские права евреев.

677

Фюстель де Куланж, Нюма Дени (1839–1889) – французский историк, основоположник научного историзма во французской историографии. Автор книги «Античное государство» (1864 г.). Придерживался правых взглядов.

«Бней Брит» («Сыны Завета», ивр.) – еврейская общественная организация, созданная по образцу масонских лож. Основана в Нью-Йорке в 1843 г. Организация занимается благотворительной деятельностью, поддерживает еврейские культурные и просветительские организации. В настоящее время в «Бней-Брит» состоит несколько сот тысяч членов.

Беккер, Генриетта фон – жена коммерческого советника Морица фон Беккера (1830–1901), совладельца фирмы «Штантин и Беккер», производившей промышленную добычу янтаря в Восточной Пруссии. После смерти мужа занялась благотворительностью, создав, в частности, Общество просвещения женщин.

Оффенштейн, Шимон (1864–1920) – еврейский религиозный деятель. Учился в раввинских семинариях в Бреслау и в Берлине (основанной А. Гильдесхаймером), в Берлинском университете. Был раввином в различных немецких городах. С 1912 г. – преподаватель Талмуда и еврейской литературы в раввинской семинарии А. Гильдесхаймера в Берлине. Участник движения «Мизрахи». Автор работ по еврейской библейской экзегезе в Средние века. Писал на иврите, немецком и французском языках.

681

Таубер, Арье (1871–1932) – исследователь-библиограф. В 1920-е гг. – библиотекарь в Еврейской национальной библиотеке в Иерусалиме.

682

Йехуда, Авраам-Шалом (1877–1951) – преподаватель Высшей школы еврейских знаний в Берлине. С 1930-х гг. – в эмиграции в США.

683

Хиршфельд, Отто (1843–1922) – немецкий историк, ученик Т. Момзена. Профессор Берлинского университета. Еврей по происхождению, принял христианство.

Тритч, Дейвис (1870–1935) – общественный деятель, писатель. Родился в г. Дрезден. В разное время был сторонником сионизма и территориализма. Выступил инициатором проекта приобретения острова Кипр для создания там еврейских колоний (1899 г.), а также был активным сторонником строительства еврейских поселений в районе Эль-Ариш (1902 г.). Впоследствии стал последователем идеологии практического сионизма, много сделал для развития еврейских поселений в Эрец-Исраэль. Автор ряда работ, посвященных сионизму, положению евреев в Палестине, Турции, взаимоотношениям между евреями и немцами и т. д. Писал главным образом на немецком языке.

Земля Израиля» (ивр. «ха-Арец») – энциклопедический словарь Элияху Сапира. Впервые опубликован в 1911 г. На протяжении многих лет был единственным популярным пособием по истории и географии Эрец-Исраэль.

«Юдишер ферлаг» («Еврейское издательство») – первое сионистское издательство в Западной Европе. Основано в Берлине в 1902 г. группой еврейских интеллектуалов. Издавало художественную литературу, а также литературу, посвященную еврейской религии, культуре и искусству на немецком языке и на иврите. Издательство было закрыто нацистами в 1938 г. После Второй мировой войны была сделана попытка возобновить работу издательства. В настоящее время издательство под тем же названием работает во Франкфурте-на-Майне.

687

Элиасберг, Александр (1878–1924) – переводчик, литературовед. Переводил с идиша на немецкий язык произведения И.-Л. Переца, Менделе Мойхер-Сфорима и Д.-Р. Бергельсона. Перевел на немецкий язык произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

688

Вассерман, Герман – врач, в 1920-е гг. входил в руководство сионистского движения в Латвии. В 1921 г. – один из создателей и руководителей Еврейской гимназии в Риге.

689

Кинот – «скорбные песнопения», жанр элегической поэзии на древнееврейском языке. Так называют траурные молитвы, читаемые в пост Девятого ава в память о падении Иерусалима и разрушении Храма.

690

Общество содействия науке о еврействе. Создано в Берлине в 1903 г. с целью поддержки еврейских научных институций и программ по иудаике. Первый председатель – профессор Мартин Филиппсон (1846–1916).

691

Краус, Шмуэль (1866–1948) – филолог, историк, исследователь Талмуда. Профессор, с 1932 г. – директор, в 1937–1938 гг. – ректор Венской раввинской семинарии. С 1938 г. – в Англии. Важнейший труд Крауса – «Талмудическая археология» (на немецком; в 3 тт., 1910–1912), исчерпывающее классическое описание различных аспектов быта, отраженных в Талмуде и мидрашах.

Филиппсон, Мартин (1846–1916) – еврейский немецкий общественный деятель и историк. Закончил Берлинский университет. С 1878 г. – профессор, затем ректор Брюссельского университета. В 1891 г. вернулся в Германию, председатель Общества содействия науке о еврействе. Автор работ по истории Франции и Испании.

693

Марти, Карл (1855–1928) – протестантский теолог, исследователь Библии. Преподаватель Бернского университета.

694

Френсен, Густав (1863–1945) – немецкий писатель, пастор. Автор ряда романов из деревенской жизни («Йерн-Уль», «Хилигенли»). Придерживался филосемитских взглядов.

695

«Журнал библейских исследований Ветхого Завета» (нем. «Zeitschrift fur die alttestamentliche Wissenschaft», Z.A.W.) – один из ведущих немецких журналов, посвященных исследованиям Библии. Выходит с 1881 г.

Нельдеке, Теодор (1836–1930) – немецкий востоковед, историк, филолог. Профессор восточных языков Кильского (с 1868) и Страсбургского (1872–1906) университетов. С 1885 г. – член-корреспондент Петербургской АН, с 1927 г. – почетный член АН СССР. Автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии.

697

Эпштейн, Яаков-Нахум (1878–1952) – профессор, специалист в области языка Мишны и Талмуда. Родился в Брест-Литовске, учился в йешиве в м. Мир, в Венском университете, в университете Берна. С 1923 г. – лектор в Высшей школе еврейских знаний в Берлине, с 1925 г. – профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

Шультхесс, Отто (1862–1939) – профессор классической филологии в Бернском университете.

699

Лотмар, Филипп (1850–1922) – юрист. Специалист по римскому праву. Преподаватель Бернского университета.

700

Бен-Сира – Шимон бен Йехошуа бен Эльазар бен Сира (в славянской версии – Иисус сын Сирахов) – автор апокрифического произведения «Премудрость Бен-Сиры», написанного на иврите около 170 г. до н. э. Большая часть «Премудрости Бен-Сиры» состоит из изречений, сходных по форме с сентенциями библейской Книги Притчей Соломоновых. Книга содержит также псалмы, являющиеся по содержанию просьбами, обращенными к Богу, и благодарственными гимнами ему, дидактические стихи, трактующие исторические события и вопросы повседневной жизни, стихи, славящие Бога, и алфавитный акростих о значении мудрости.

701

«Евреи в Римской империи» (фр. «Les Juif dans l'Empire Romain») – книга французского историка Жана Жюстера (1881–1915), впервые издана в Париже в 1914 г. Посвящена юридическим, экономическим и социальным аспектам истории евреев в древнем Риме.

Ростовцев, Михаил Иванович (1870–1952) – русский историк, филолог-классик, искусствовед. Специалист по классической древности. С 1901 г. – профессор Петербургского университета, с 1908 г. – член-корреспондент, с 1917 г. – действительный член Петербургской Академии наук. Член партии кадетов. С 1918 г. – в эмиграции, с 1920 г. – в США, профессор Йельского университета (с 1925 г.).

703

Айзенштадт, Моисей Григорьевич (1869–1943) – раввин, публицист, общественный деятель. Учился в йешиве в Воложине и в Высшей школе еврейских знаний в Берлине. В 1899–1910 гг. – раввин в Ростове, в 1911–1923 гг. – в Хоральной синагоге в Петербурге. В 1923–1940 гг. – раввин общины русских евреев в Париже. Умер в США.

Общество по исследованию Эрец-Исраэль и ее древностей – добровольческая научная организация. Основана в 1913 г. с целью проведения археологических исследований в Стране Израиля.

705

Институт Бялика (ивр. «Мосад Бялик») – иерусалимское книжное издательство, основано в 1935 г. Специализируется на издании художественной и научной литературы на иврите.

Мейер, Эдуард (1855–1930) – немецкий историк. Автор ряда работ по истории древнего мира, наиболее значительной из них считается пятитомная «История древности» (1884–1902), где он изложил всемирную историю, начиная с возникновения древневосточных цивилизаций и кончая 355 г. до н. э.

«История фамильных связей Рима» – имеется в виду книга немецкого историка Вильгельма Друмана (1786–1861) «Geschichte Roms in seinem Ubergang von der repuЬlikanischen zur monarchischen Verfassung, oder: Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen», впервые изданная в Кенегсберге в 1834–1844 гг. Книга посвящена описанию истории Рима как истории его наиболее влиятельных семей.

708

«О древности еврейского народа, или Против Апиона» – произведение Иосифа Флавия (I в. н. э.). Является ответом на антиеврейские настроения, которые получили распространение в эллинистическом мире. Первая часть книги имеет полемический характер, а вторая раскрывает высокие ценности иудаизма и показывает его этическое превосходство над эллинистическим язычеством. Подробнее см.: Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона./ /Пер. с древнегреч. М. – Иерусалим, 1994.

709

Гекатей Абдерский С 4–3 вв. до н. э.) – греческий историк, философ, грамматик. Участник походов Александра Македонского. Автор несохранившейся книги «История Египта», на которую ссылается Иосиф Флавий.

Ниссен, Генрих (1839–1912) – немецкий историк, автор ряда исследований по истории древнего Рима.

Якубовски, Людвиг (1868–1900) – еврейско-немецкий писатель. Автор романа «Страдания еврейского Вертера» (1892).

Вивиани, Рене Рафаэль (1863–1925) – политик. Премьер-министр Франции с июня 1914 по октябрь 1915 гг. Был сторонником умеренных социалистов.

713

Бриан, Аристид (1862–1932) – политик. Премьер-министр Франции в 1909–1911 гг., в январе-марте 1913 г., в 1915–1917 гг., в 1921–1922 гг., в 1925–1926 гг., с июля по ноябрь 1929 г. Один из основателей французской социалистической партии. Будучи премьер-министром, сблизился с политическими течениями правого толка.

714

Самба, Марсель (1862–1922) – французский общественный деятель. Входил во французскую объединенную социалистическую партию (СФИО). В 1893–1922 гг. – депутат парламента Франции. В 1914–1916 гг. – министр общественных работ.

715

Жорес, Жан (1859–1914) – французский общественный деятель. Один из лидеров французских социалистов. Депутат парламента Франции. Поддерживал хорошие связи с немецкими социал-демократами, был одним из немногих, кто выступал против Первой мировой войны. 31 июля 1914 г. был убит французским националистом.

Симхони, Яаков-Нафтали-Герц (1884–1926) – историк. Перевел на иврит «Иудейскую войну» Иосифа Флавия.

Шпаньер, Артур (1889–1944) – немецкий еврейский ученый, библиотекарь. Автор работ по еврейской литературе периода Библии и Талмуда.

718

Шейд, Элияху – секретарь барона Эдмона Джеймса де Ротшильда в Палестине.

Раввинский бейт-мидраш в Бреслау– бреславская теологическая семинария, первая раввинская семинария в Западной Европе, основанная в г. Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) в Пруссии в 1854 г. В семинарии были заложены основы консервативного направления в иудаизме.

«ха-Тиква» («Надежда» ивр.) – стихотворение Н.-Г. Имбера (1856–1909), ставшее гимном сионистского движения, ныне – гимн Государства Израиль.

Альянс – Альянс исраэлит универсаль (Всемирный еврейский союз, фр., название на иврите – «Коль Исраэль хаверим») – первая международная еврейская организация современного типа. Создана в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям во всем мире, действует и поныне.

Антеби, Альберт – глава Альянса в Эрец-Исраэль.

723

Первый сионистский конгресс – заседал в Базеле 29–31 августа 1897 г. На конгрессе была создана Всемирная сионистская организация, президентом которой стал Теодор Герцль. Конгресс принял программу (известную как «Базельская программа»), в которой главной целью сионистского движения провозглашалось создание для еврейского народа «обеспеченного публичным правом убежища в Палестине». Решения конгресса заложили основы сионизма как общественного движения.

Митвах, Евгений (Ойген, 1876–1942) – филолог, востоковед. С 1909 г. – профессор Берлинского университета, специалист по семитским языкам. Автор книг, посвященных проблемам исследования различных языков этой группы.

Колер (Kohler), Йозеф (1849–1919) – .рист, профессор Берлинского университета. Главный редактор журнала «Сравнительное правоведение».

Шимонович (Шимони), Давид (1886–1956) – поэт. Родился в Бобруйске, учился в Германии. С 1920 г. – в Эрец-Исраэль, преподавал литературу и Танах в гимназии «Герцлия» в Тель-Авиве. Автор целого ряда стихотворений, поэм и басен на иврите

7 27

«Талмудическая археология» – главное произведение филолога, историка, исследователя Талмуда раввина Шмуэля Крауса (1866–1948). «Талмудическая археология» вышла в 3-х томах на немецком языке в 1910–1912 гг. Книга содержит исчерпывающее описание различных аспектов быта, отраженных в Талмуде и в мидрашах.

Гурвиц, Шмуэль (псевдоним А. Литвин, 1862–1943) – журналист и фольклорист, писал на идише. Собиратель еврейского народного творчества. С 1914 г. – в США, редактор издательства «Фолксбилдунг».

729

Меламед, Шмуэль-Моше (1885–1938) – писатель, публицист. Родился в Литве, в детстве был отправлен во Франкфурт-на-Майне, учился в еврейских религиозных учебных заведениях, в гимназии, позже – в университетах Франкфурта, Марбурга, Парижа и Берна. В Берне защитил докторскую диссертацию. С 1914 г. – в США. Писал в газетах на английском языке и на идише. Автор книги о философии еврейского духа (на немецком языке).

Кабак, Аарон-Авраам (1883–1944) – еврейский писатель. Участник сионистского движения. В 1906 г. принимал участие в еврейской самообороне г. Гродно. В 1914–1921 гг. учился в Берлине, Женеве и Лозанне, получил степень доктора философии. С 1921 г. – в Эрец-Исраэль, преподаватель ивритской литературы в гимназии «Рехавия» в Иерусалиме. Автор ряда исторических произведений на иврите. Переводил на иврит произведения М. Лермонтова, Д. Мережковского, Стендаля и др.

731

Авраам Бен-Ицхак (Авраам Зонне, 1883–1950) – поэт. Родился в г. Перемышль (Галиция). Учился в университетах Вены и Берлина. Убежденный сионист, участвовал в сионистском движении в Галиции. В 1913–1914 гг. проживал в Эрец-Исраэль, затем вернулся в Европу, где занимался главным образом пропагандой идей сионизма. В 1938 г. вернулся в Эрец-Исраэль, где прожил до своей смерти. Авраам Бен-Ицхак опубликовал только 12 стихотворений на иврите и при жизни не пользовался большой известностью. В настоящее время, однако, многие литературоведы считают, что по своему потенциалу он мог стать в один ряд с лучшими ивритскими поэтами его времени.

Агнон (Чачкес), Шмуэль-Йосеф (1888–1970) – писатель, один из наиболее выдающихся еврейских прозаиков современности. Родился в г. Бучач (Восточная Галиция, Австро-Венгрия; ныне Тернопольская обл., Украина). В 1907 г. Агнон переехал в Эрец-Исраэль, проживал в Яффо, в Иерусалиме. В 1913–1924 г. жил в Германии. В 1924 г. вернулся в Иерусалим. Автор многочисленных произведений на иврите и идише. В 1966 г. Агнон первым среди литераторов, писавших на еврейских языках, был удостоен Нобелевской премии по литературе.

733

Холуб, Давид (1818–1890) – еврейский писатель, автор книги о еврейских врачах «Сад Давида» (ивр. «Пардес Давид»), впервые полностью вышедшей в Вене в 1878 г. (Первая часть книги была опубликована там же, в 1870 г.)

Дембицер, Хаим-Натан (1820–1892) – раввин и историк. Глава раввинского суда в Кракове. Автор ряда трудов галахического характера, а также работ по истории евреев Польши. Одна из наиболее известных его книг – «Совершенство красоты» (ивр. – «Ливият хен», 1882 г.) – представляет собой критический комментарий на труд средневекового мыслителя Элиэзера ха-Леви из Бонна (1140–1225) «Равия».

735

Краковский съезд раввинов – международной съезд раввинов, проходил летом 1903 г. Председатель – краковский раввин Х.-Л. Горовиц. Одним из решений съезда было осуждение евреев, участвующих в революционном движении

Александров, Шмуэль (1865–1941) – раввин в Бобруйске. Получил религиозное образование, самостоятельно изучал светские науки С философию, историю). С 1900-х гг. – сторонник религиозного сионизма, активно пропагандировал идеи этого движения в прессе. Погиб в Бобруйске во время Холокоста. Автор ряда книг, в том числе «Трактата о проказе» (ивр. «Масехет нигаим»), вышедшего в Варшаве в 1886 г.

Гурвиц (Горовиц), Менахем-Мендл – выпускник йешивы в Воложине, автор книги воспоминаний о йешиве «Путь древа жизни» (ивр. «Дерех эц ха-хаим»). «Эц хаим» («Древо жизни») – официальное название Воложинской йешивы. Книга впервые вышла в Кракове в 1885 г.

Авраам, сын Виленского Гаона (ок. 1750–1808) – религиозный деятель, автор ряда работ галахического характера. Также занимался историей еврейской литературы и изучением языка иврит.

Левин, Яаков (1844-?) – литератор, сторонник Гаскалы. Родился и жил в г. Броды (Австро-Венгрия, ныне Украина). Автор стихотворных произведений на иврите, в том числе дидактической поэмы «Развитие вселенной, происхождение религии и науки» (ивр. «Хитпатхут ха-тевель ве-толдот ха-эмуна ве ха-хакира»), вышедшей в Бродах в 1880 г. Автор ряда статей, в том числе посвященных положению евреев в России.

Ашкенази (Тедесский), Моше-Ицхак (1821–1898) – раввин, автор автобиографической книги «Радость привычки» («Симхат хергель», ивр.), вышедшей в Перемышле в 1886 г.

Рамхаль (акроним р. Маше-Хаим Луццатто, 1707-174 7) – философ, каббалист и поэт, выдающийся представитель еврейской культуры Италии, автор множества трудов по Каббале и этике.

Гуарини, Батиста (1538–1612) – итальянский поэт и дипломат. Служил при дворе различных итальянских правителей. Автор пасторали «Верный пастух» (впервые издана в 1589 г.). Это сочинение пользовалось большим успехом и было переведено на ряд европейских языков еще при жизни автора.

Талмудический словарь Гавронского – имеется в виду конкорданция «Оцар лашон ха-Микра ве-ха-Талмуд» («Лексикон Библии и Талмуда») Ашера-Баруха Гавронского. Данное исследование вышло в Москве в 1924 г. благодаря усилиям вдовы Гавронского Любови Гавронской. Редактором издания был р. Хаим Черновиц.

«Ди Идише велт» («Еврейский мир», идиш) – журнал на идише, издававшийся в 1911–1914 гг. Фактически – орган «Фолкспартей» («Народной партии») С. Дубнова.

Лейзерович, Ицхак-Элиэзер (Изидор Лазар, 1883–1927) – писатель, журналист. Учился в йешиве в Слободке, позже изучал медицину в университетах Германии. Работал в газетах на иврите и на идише. С начала 1920-х гг. жил в Каунасе, позже – в Берлине и в Париже. Автор ряда книг на иврите и на идише (в том числе книг для детей).

Дело Бейлиса – следствие и судебный процесс по обвинению киевского служащего Менахема Мендла Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего А. Ющинского. Бейлис был арестован летом 1911 г.; суд состоялся осенью 1913 г. и признал подсудимого невиновным. Дело Бейлиса имело большой общественный резонанс, как в России, так и на Западе.

747

Словарь Павленкова – русский однотомный иллюстрированный энциклопедический словарь, выпущенный Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Первое издание словаря вышло в Петербурге в 1899 г. Словарь содержит около 34 тыс. терминов.

Довнар-Запольский, Митрофан Викторович (186 7-1934) – российский историк, профессор. Автор работ по социально-экономической истории Великого княжества Литовского, Белоруссии, России XIV – нач. XIX вв., движению декабристов, историографии.

Вельхаузен, Юлий (1844–1918) – немецкий востоковед и гебраист, один из основоположников современного критического подхода к изучению Библии, автор книг «История Израиля и Иудеи», «Введение в историю Израиля» и др.

750

Рейхесберг, Наум (1867-?) – экономист, статистик. Родился в России, получил среднее образование в Киеве. Закончил Бернский университет, позже стал профессором этого университета. Автор ряда работ по экономике и статистике, а также вопросам рабочего законодательства и социалистического движения.

751

Ольсвангер (Ольшвангер), Эмануэль (1888–1961) – лингвист, этнограф. Изучал семитские языки в Берне. Печатался в сионистских изданиях, выходивших в Швейцарии и в Эрец-Исраэль. С 1952 г. – в Израиле, переводил на иврит классиков европейской литературы, в том числе «Божественную комедию» Данте.

Замысловский, Георгий Георгиевич (1872–1920) – политический деятель. Член партии «Союз русского народа», с 1908 г. – «Союза Михаила Архангела». Депутат третьей и четвертой Государственной Думы. Во время дела Бейлиса был представителем матери погибшего А. Ющинского и добивался обвинительного приговора в отношении М. Бейлиса. Во время процесса Замысловский доказывал существование у евреев ритуальных убийств. Его брошюра «Саратовское дело 1853 г. («Умученные от жидов»)» вышла в Харькове в 1911 г. Участник белого движения. Умер во Владикавказе в 1920 г.

Языковой конфликт в диаспоре (иврит – идиш) – конфликт между сторонниками идиша и иврита в Восточной Европе. Сторонники иврита (прежде всего, сионисты) считали идиш языком диаспоры, от которого надо избавляться, а иврит – единственным национальным языком. Приверженцы идиша (бундисты, автономисты и др.) видели в этом языке живой язык народных масс, а иврит воспринимали как мертвый язык, реально использующийся только в религиозных целях. Одним из кульминационных моментов конфликта стала Черновицкая конференция (1908 г.), после долгих споров принявшая решение считать идиш одним из национальных языков еврейского народа.

Технион (Хайфский политехнический институт) – крупнейший центр подготовки инженеров, архитекторов и ученых, а также исследований в области технических, точных и естественных наук в Израиле. Работает с 1924 г.

Языковая война в Эрец-Исраэль – конфликт вокруг языка преподавания в Технионе (см. прим. 39 к гл. 28). После начала строительства Техниона в 1912 г. вспыхнул спор между представителями Союза помощи немецких евреев («Хильфсферейн»), координировавшим строительство, и Сионистской организацией. Представители Союза помощи считали, что преподавание точных и естественных наук в Технионе должно вестись на немецком языке, в то время как сторонники Сионистской организации выступали за то, чтобы обучение всем предметам производилось только на иврите. Конфликт привел к забастовке, которую объявили преподаватели – члены связанного с сионистами Объединения учителей Эрец-Исраэль, работавшие в школах, принадлежавших Союзу помощи и последующему бойкоту этих школ со стороны части учащихся и учителей. «Языковая война» закончилась в 1914 г., когда было принято решение о введении иврита в качестве языка преподавания в Технионе в течение 4 лет после его открытия. В 1918 г. учебные заведения Союза помощи перешли в ведение Сионистской организации.

Проблема высшего образования российской еврейской молодежи – в 1887 г. министерство просвещения России распорядилось, чтобы численность евреев во всех подведомственных ему средних и высших учебных заведениях не превышала десяти процентов от общего контингента учащихся в черте оседлости, пяти процентов – вне ее и трех процентов – в Петербурге и Москве. Некоторые учебные заведения (в частности, лицеи и военные школы) были вообще закрыты для евреев. Таким образом, значительная часть российской еврейской молодежи была лишена возможности получить среднее и высшее образование у себя в стране, что вызвало растущий отток студентов-евреев в Европу, где подобных ограничений не существовало. В России ограничения на прием студентов-евреев в учебные заведения сохранялись до 1917 г.

Сингаловский, Аарон (1889–1956) – еврейский общественный деятель. В 1905 г. – сторонник движения сионистов-социалистов. С 1912 г. – сотрудник ОРТа, в 1920-е гг. много сделал для превращения ОРТа из местной российской в международную организацию, с 1941 г. – сопредседатель исполнительного комитета ОРТ, исполнительный директор Всемирного союза ОРТ.

Гольдштейн, Александр (1884–1949) – общественный деятель, публицист. Изучал право в Петербургском университете, принимал участие в деятельности сионистских кружков. С 1903 г. – публицист, публиковался в журналах «Рассвет», «Еврейская жизнь». В 1919 г. покинул Россию, с 1933 г. – в Эрец-Исраэль.

759

Аман – персонаж Книги Эстер, советник персидского царя Ахашвероша, пытавшийся истребить евреев Персии, но побежденный царицей Эстер и ее дядей Мардехаем.

Герш, Песах Либман (1882–1955) – статистик и демограф, один из руководителей Бунда. Приобрел международную известность исследованиями в области демографии и статистики еврейской эмиграции. После Первой мировой войны стал профессором Женевского университета.

«Иврия» – федерация, основана в 1907 г. с целью распространения языка иврит.

Бар-Эли (Ицхак Брудный, 1888–1956) – политический и общественный деятель. Участник сионистского движения. В 1920-х гг. – один из руководителей нелегально действовавшей в СССР Сионистской социалистической партии.

763

Брамсон, Арье (?-1920) – писатель, деятель сионистского движения. Учился в гимназии в Белостоке, позже изучал медицину в Берне. Автор ряда стихотворений на иврите, опубликованных в различных изданиях. Умер в молодом возрасте.

764

Крупник – видимо, имеется в виду историк Борух (Борис) Крупник (1889–1972). В конце первого десятилетия: в. жил в Петербурге, учился на Курсах востоковедения, позже учился в Швейцарии. В 1920-е гг. жил в Германии. С 1932 г. – в Эрец-Исраэль.

765

Штерн, Гершон (1874–1956) – историк, писатель. Учился в университете в Берне. Автор работ по истории евреев в Средние века.

Брамсон, Леонтий Моисеевич (1860–1941) – юрист, общественный деятель, публицист, входил в ряд еврейских организаций. Депутат первой Государственной Думы. После 1917 г. – в эмиграции.

Ревуцкий, Авраам (партийная кличка – Шлимович, 1889–1946) – деятель движения «Поалей Цион». Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. В январе-марте 1919 г. возглавлял министерство по делам евреев украинской Директории. С 1919 г. – в Эрец-Исраэль. В 1922 г. выслан оттуда британскими властями за публикацию памфлета «От Бальфура к Сэмюэлу». С 1924 г. – в США, публицист, писал на английском и на идише.

«Эзра» (союз учителей в Эрец-Исраэль) – сеть образовательных учреждений в Эрец-Исраэль, принадлежавшая Союзу помощи немецких евреев («Хильфсферейн»). В систему входило более 30 учебных заведений (детские сады, начальные школы, средняя школа, учительская семинария, приют для девочек и т. д.). Преподавание в учебных заведениях «Эзра» шло на иврите, точные и естественные науки преподавались на немецком языке. Система существовала с 1903 г. по 1918 г., когда все учебные заведения «Эзра» перешли к Сионистской организации.

Гершкович (Харель), Бен-Цион (1892–1972) – врач, политический деятель. Окончил медицинский факультет Бернского университета. Активист сионистского движения в Швейцарии. С 1921 г. – в Эрец-Исраэль. В 1923–1934 гг. – врач в киббуце Эйн-Харод. С 1935 г. – председатель профсоюза врачей. В 1936 г. основал и возглавил больницу «Асута» в Тель-Авиве, в 1949 г. – основал больницу «Элиша» в Хайфе. Депутат кнессета от партии общих сионистов в 1951–1959 гг.

770

«Момент» (идиш, «Дер Момент») – ежедневная газета на идише, выходила в Варшаве в 1910–1939 гг. Была наиболее злободневной и популярной еврейской газетой. Накануне Второй мировой войны ее тираж составлял 60 000 экземпляров.

Виленский, Михаэль (1877–1955) – математик, философ. Родился в Кременчуге в семье хасидов Хабада. Изучал математику в университете в Берне. В 1914 г. вернулся в Россию, работал в Казанском университете, позже переехал в Одессу. В 1921 г. эмигрировал из Советской России. Жил в Берлине, работал в Высшей школе еврейских знаний. С 1936 г. – в США. Автор ряда работ по математике и еврейской философии. Писал на иврите, немецком и английском языках.

Бобтельский, Мардехай (Марк, 1890–1965) – химик. Родился в Литве, получил образование в университетах Берлина и Берна. С середины 1920-х гг. – в Эрец-Исраэль, с 1937 г. – профессор Еврейского университета в Иерусалиме, один из ведущих исследователей солей Мертвого моря.

Эйнхорн, Давид (1886–1973) – писатель, драматург и публицист. Писал на идише. Член Бунда. Публиковался в различных изданиях на идише в России, Германии, Франции и США. С 1927 по 1940 гг. – редактор парижской ежедневной газеты Бунда «Унзер штиме». С 1940 г. – в США, сотрудник газеты «Форвертс».

«ха-Олам» (ивр. «Мир») – еженедельник на иврите, Центральный орган Всемирной сионистской организации. Выходил с 1907 г. в Берлине, Вильно, Лондоне, Париже, с 1936 г. – в Иерусалиме под редакцией Х. Гринберга, С. С. Перельмана, М. Клеймана и др.